ЧОКАН ВАЛИХАНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ



ҚАЗАҚ ССР ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫ
Ш. Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖӘНЕ
ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫ



Бес томдық шығармалар жинағы

1 том

ҚАЗАҚ СОВЕТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯСЫНЫҢ
БАС РЕДАКЦИЯСЫ
Алматы 1984

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА



Собрание сочинений в пяти томах

том 1

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
КАЗАХСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
Алма-Ата 1984

63.3(2К)
В15

СОСТАВИТЕЛИ

В. Я. БАСИН
И. В. ЕРОФЕЕВА
Б. Е. КУМЕКОВ
В. Н. НАСТИЧ

Валиханов Ч. Ч.

В15 Собрание сочинений в пяти томах. Том 1— Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984, 432 с., 21,5 см.

В пер.: 1 р. 80 к. 15 000 экз.

Настоящая книга является первой из 5-томного Собрания сочинений выдающегося казахского ученого, просветителя-демократа Чокана Чингисовича Валиханова. В ней публикуются очерк о жизни и творческой деятельности ученого, его труды по истории, географии и этнографии, восточной фольклористике и языкознанию, написанные в 1851—1856 гг. В издание включены ранее неопубликованные работы из творческого наследия Ч. Ч. Валиханова, оно снабжено обширными комментариями, иллюстрациями. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

63.3(2К)+63,5

В $\frac{0505040000-002}{406(07)-84}$ 014.84

2-е изд. Доп. и переработанное.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Настоящее издание подготовлено к 150-летию со дня рождения выдающегося казахского ученого, просветителя и демократа Чокана Чингисовича Валиханова. Выходец из среды кочевого народа, он сумел подняться до вершин научного и общественного прогресса и занять почетное место среди востоковедов России XIX в. Его путешествия на Тянь-Шань, в Джунгарию, Восточный Туркестан, научные труды и исследования явились важным вкладом не только в русское, но и в мировое востоковедение. Он первый ознакомил мировую общественность с социально-экономической и политической обстановкой в Кашгарии, дал изумительный по глубине и оригинальности очерк этой страны, сообщил ценные сведения по истории, этнографии, политическому положению Киргизии, оставил значительные труды по истории Казахстана.

Тесно общаясь с передовыми людьми своего времени — Ф. М. Достоевским, С. Ф. Дуровым, В. Крестовским Ч. Валиханов стал убежденным сторонником прогресса, поборником просвещения и демократических преобразований. В своих печатных трудах, в записках по поводу реформ в Казахстане он обличает «бюрократический хаос» в управлении краем, выступает против насаждения ислама, засилия мусульманского духовенства, добивается приобщения казахского народа к передовой русской и европейской культуре, ищет пути преодоления отсталости народов Востока. Общественно-политическая деятельность Чокана Валиханова способствовала пробуждению самосознания казахского народа, его сближению с угнетенным русским народом и, в конечном счете, к объединению усилий в борьбе против самодержавия, феодальной и капиталистической эксплуатации, укреплению дружбы русского и казахского народов.

Научное наследие Чокана Валиханова велико и разнообразно. Разработка его ведется уже свыше 100 лет. Огромный вклад в изучение рукописного наследия Валиханова и издание его трудов внесли казахстанские ученые и прежде всего академик АН Казах. ССР А. Х. Маргулан, под руководством которого было издано пятитомное собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова. Со времени издания этого собрания сочинений прошло двадцать лет. Совет-

ская историческая наука, в том числе ее казахстанская ветвь, шагнули далеко вперед. Решены многие научные проблемы, введен в оборот новый фактический материал, подтверждающий правильность тех или иных выводов и оценок деятельности Ч. Валиханова, уточняющих их или же отрицающих. Усилиями казахстанских ученых, писателей, краеведов — С. Бегалина, К. Бейсембиева, С. Муканова, С. Зиманова, А. Атишева, О. Сегизбаева, Н. Ивлева и других, по-новому прочитаны многие страницы жизни Ч. Валиханова, найдены новые документы, глубоко проанализированы и изучены различные аспекты его научной и просветительской деятельности, мировоззрения. Учитывая это, а также то, что Собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова стало библиографической редкостью, Академия наук Казахской ССР подготовила к изданию пятитомное собрание сочинений казахского ученого. В основу настоящего издания положен хронологический принцип. В первый том вошли дневники и статьи Ч. Ч. Валиханова, написанные им в начальный период научной деятельности в 1853—1855 гг.; второй том составлен из работ периода 1856—1857 гг; третий том охватывает наиболее плодотворный отрезок научной и просветительской деятельности Чокана Валиханова с 1858 по 1861 гг.; четвертый том составлен из статей и записок, датированных с 1862 г. до конца его творчества, недатированных публикаций и архива ученого; пятый том включает эпистолярное собрание и материалы биографии. Художественное наследие ученого — его рисунки, зарисовки и т. п. войдут, согласно хронологии, в соответствующие тома в качестве иллюстраций.

Издание пятитомного собрания сочинений Чокана Чингисовича Валиханова базируется на выпуске сочинений казахского ученого и просветителя, осуществленном в 1961—1972 гг. В настоящее издание включены ранее неизвестные статьи и письма Ч. Ч. Валиханова, уточнены комментарии, внесены некоторые поправки и уточнения в текст статей с учетом достижений современной исторической науки.

Тексты переданы с полным сохранением всех особенностей языка автора. Принятая для этого издания орфография и пунктуация приближена к современным нормам русского языка.

Географические названия, а также личные имена на казахском, киргизском и других тюркских языках даны в транскрипции Ч. Валиханова с сохранением всех встречающихся вариантов. Унификация и приближение к современной орфографии сделаны лишь в отношении слитного написания составных географических названий типа Аксу — Алатау, т. е. образованных сочетанием определения и определяемого нарицательного имени, воспринимаемых в качестве географического названия как одно слово-понятие.

Раздельное написание оставлено за составными названиями, в которых первая часть — определение, а вторая — собственное имя. Раздельное написание сохранено также за составными наз-

ваниями, по-русски оформленными Валихановым в частично сокращенной форме.

Встречающиеся у Ч. Валиханова изречения, поговорки и отдельные слова на различных языках сохранены в тексте на языке оригинала, а перевод их дан в сносках. Все собственные имена, термины, географические названия оставлены в транскрипции подлинника («киргиз-кайсаки», «казаки», «киргизы» — вместо «казахи»; «буруты», «дикокаменные киргизы» — вместо «киргизы» и т. д.); эта терминология при жизни Ч. Валиханова бытовала и была широко распространена.

В первом томе произведения Ч. Ч. Валиханова публикуются по пятитомному изданию 1961—1972 гг. В этом издании тексты статей «Козы-Көрпеш и Баян-Сулу», «Географический очерк Заилийского края», «О киргиз-кайсацкой Большой Орде», «Составные части киргиз-кайсацкого пороха», «О хлебопашестве», «Юрта», «О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще», «Замечания на третью часть описания киргиз-казачьих орд (А. И. Левшина)», «Об управлении казахами Большого жуза», «Образец причитаний», «Поговорки Большой Орды», «О формах казахской народной поэзии» подготовлены акад. А. Х. Маргуланом; «Тенкри (бог)», «Исторические предания о батырах XVIII в.», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды» — Л. М. Ауэзовой; «Заметки при чтении книги проф. И. Н. Березина «Ханские ярлыки», «Письмо профессору И. Н. Березину», «Песни Урака», «Песня об Аблае», «Отрывок из дневника»—Дж. Х. Кармышевой; «Извлечения из جامع التواريخ» — М. С. Турсуновой. В проведении текстологической работы принимали участие П. Г. Галузо, А. Б. Никольская, Г. Валиханов и др.

Дополнительную работу над текстами сочинений Ч. Ч. Валиханова, вошедшими в том, выполнили В. Я. Басин, Б. Е. Кумеков, И. В. Ерофеева, Н. Н. Мингулов, В. А. Моисеев, В. Н. Настич, В. К. Шуховцов. Именной, географический и этнический указатели составлены И. В. Ерофеевой, Т. П. Волковой, Л. И. Копыловой. Иллюстративный материал готовили С. К. Утениязов и К. А. Власов.

ОЧЕРК ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

В 30-х годах XVIII в. начался процесс присоединения казахских земель к Русскому государству, длившийся более ста лет*[1]. Добровольное присоединение Казахстана к России, вопреки реакционной колонизаторской политике царизма, имело большое прогрессивное значение. Передовая русская культура и наука стали оказывать плодотворное влияние на развитие казахской демократической культуры. Проникновение русской прогрессивной мысли в Казахстан положило начало глубоким изменениям в сознании казахского народа, вызвало его тяготение к русской культуре, к образованию. Появление на исторической арене Чокана Валиханова могло произойти только в результате экономического и культурного общения двух народов — русского и казахского.

Предки Ч. Ч. Валиханова принадлежали старинному султанскому роду. Его прадед, хан Среднего жуза Аблай, одним из первых принял русское подданство и на протяжении всей жизни поддерживал торговые и политические связи с Россией. Старший сын Аблая — Вали, последний хан Среднего жуза, развивал эти связи*[2]. Вали, от которого Чокан Валиханов получил свою фамилию, приходился ему родным дедом.

Семейные предания Валихановых, записанные Г. Н. Потаниным во второй половине XIX в., сообщают: «У хана Вали были две зимовки — одна на ханском озере, на востоке от Кокчетава, другая на Сырымбете. Потомки от первой жены Аблая Сайман живут и теперь там (т. е. на Боровом). Дети Айганым (младшей жены хана Вали) на Сырымбете»*[3].

Главная ставка, перешедшая по наследству к Вали-хану и его потомкам, находилась на озере Боровом и была известна под

---

*[1] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. 3, Алма-Ата, 1979.

*[2] См.: *Басин В. Я.* Россия и Казахские ханства в XVI—XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата, 1971.

*[3] *Потанин Г. Н.* Этнографические записки НБТГУ, архив Г. Н. Потанина, л. 3144.

разными наименованиями (Урда, Хан-кон, Ханнын Кзыл-Агаши и т. д.)

После ликвидации ханской власти и принятия «Устава о сибирских киргизах» бывшие наследственные земли (имения) Вали-хана были разделены между его сыновьями. Его коренная юрт-ставка Кзыл-Агаш перешла к старшему сыну Губайдулле и



Усадьба Айганым в Сырымбете. *Рис. Ч. Ч. Валиханова. 1853.*

потомкам последнего,*4, а Сырымбет достался детям его от младшей жены Айганым.

Отец Чокана — Чингис Валиев, внук хана Аблая, родился в Кзыл-Агаше (по другим данным в Сырымбете) в 1811 г. Когда умер Вали, Чингису было десять лет. С юных лет Чингис тесно общался с русскими, окончил Омское войсковое училище, был одним из тех казахских феодалов, которые пошли на сближение с царской администрацией. Отцовское наследство должно было перейти к старшему сыну Вали — Губайдулле. Однако по политическим причинам Губайдулла не мог воспользоваться этой привилегией. Главой семьи стала вдова хана Вали — Айганым (1783—1853 гг.), бабка Чокана Валиханова.

*4 О разрешении султану Валиханову строительства домов на урочище Коп-Куль и Кызыл-Агач. ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 1918, л. 340.

Это была умная, дальновидная и для того времени образованная женщина. Она знала несколько восточных языков, интересовалась русской культурой, переписывалась с Азиатским департаментом Министерства иностранных дел и Сибирским комитетом в Петербурге. Айганым пользовалась большим авторитетом у местного населения. Судя по архивным источникам, круг общественно-политических интересов Айганым был довольно широк. После принятия «Устава о сибирских киргизах» без ее участия не проходило ни одно сколько-нибудь важное событие в Центральном и Северном Казахстане.

Айганым стремилась к укреплению дружественных отношений между казахами и русскими. Она помогала русским ученым и инженерам, занимавшимся геодезическими исследованиями в Казахской степи. «Айганым, родная его бабка по отцу,— писал П. П. Семенов-Тян-Шанский,— вдова хана Валия со своими детьми осталась верной России, в то время, когда остальные ее родичи, дети хана Валия от первого брака и его братья, не хотели признавать того, что хан Валий принял русское подданство. Александр I с большим вниманием отнесся к вдове хана Валия и велел выстроить ей в Киргизской степи дом, в котором родился Чокан Валиханов».*5

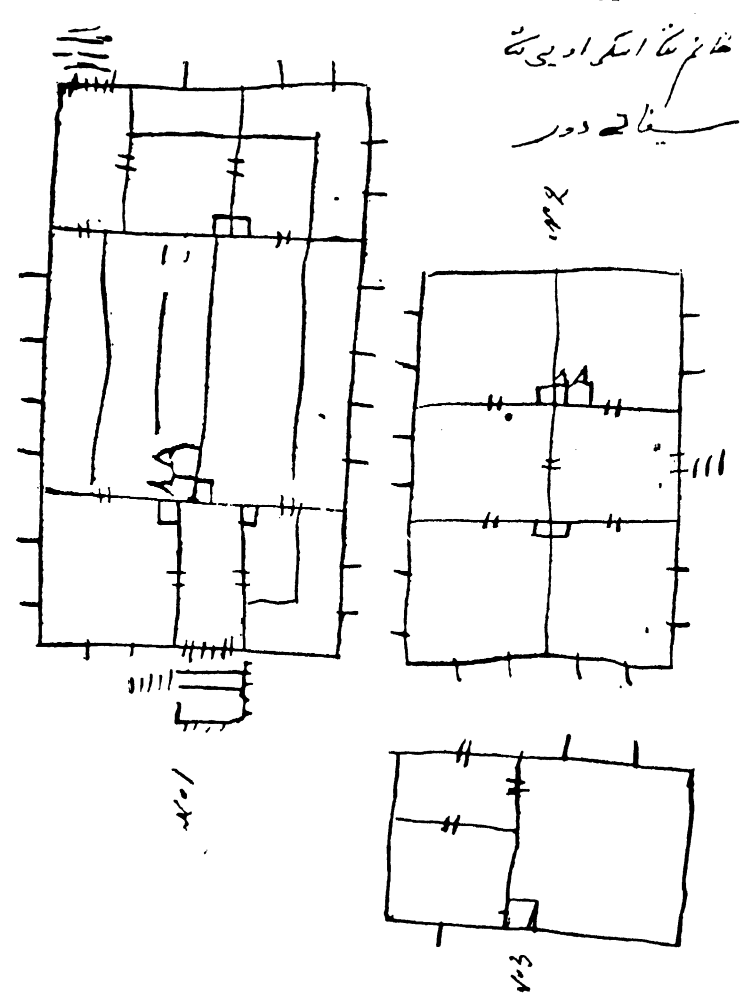
Айганым хорошо понимала значение русского образования. В 1827 г. она отдала своего сына Чингиса, отца Чокана, в училище Сибирского линейного казачьего войска. Училище имело общеобразовательный уклон и давало среднее образование; при нем был специальный класс восточных языков для подготовки квалифицированных переводчиков и топографов. После семилетнего обучения Чингис вышел из училища достаточно образованным человеком, осведомленным в вопросах науки, литературы и искусства, а также истории, географии и статистики своей страны. Чингис был одним из первых казахов, хорошо знавших русский язык, и благодаря этому ему были доступны богатства русской культуры.

По окончании войскового училища Чингис, в возрасте 23 лет, назначается старшим султаном только что образованного Аман-Карагайского округа, с присвоением чина майора, а затем — полковника. В год окончания войскового училища (1834 г.) после переезда в Аман-Карагай Чингис женился на Зейнеп Чормановой, сосватанной, согласно обычаю, ему еще в детстве.

В ведении старшего султана находились многочисленные казахские аулы племен атыгай, караул, керей, кипчак и уак (онгит), живших по рекам Убагану, Кундузды, Терсбутаку и у оз. Кушмурун. Земля, занимаемая этими племенами, их зимние и летние стоянки впоследствии были запечатлены в зарисовках и чертежах юного Чокана, сделанных им во время летних каникул (1850—1852 гг.).

*5 *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань, Мемуары, т. II. М., 1946, с. 54.

В 1835 г. центр Аман-Карагайского округа был переведен в Кушмурун и в связи с этим округ стал называться Кушмурунским. К этому времени заканчивается постройка Кушмурунской крепости со всеми жилыми и хозяйственными сооружениями и казармой для гарнизона. Семья Валиханова поселилась в ней. Неподалеку, в северо-западной дубраве, у Кушмурунского озера,



План усадьбы Айганым. *Рис. Ч. Ч. Валиханова. 1853 г.*

в широкой лесной тени была построена оригинальная летняя ставка, которую Валихановы назвали «Кун-тимес»—«Солнце не падает». На карте Чокана она названа «біздің үй»—«наш дом». Там Чингис собирал всех своих русских друзей, там с ним беседовали ученые, журналисты и многочисленные инженеры.

В Кушмуруне Чингис прожил двадцать лет. Здесь он обзавелся большой семьей. У него было семь сыновей и пятеро дочерей, из которых только Сахиб-Керей (Козыке), Апия и самый младший Нурмухаммед (Кокыш) родились в Сырымбете, все старшие — в Аман-Карагае и Кушмуруне. Кушмурун стал второй родиной Чингиса.

В 1853 г. по предложению генерал-губернатора Западной Сибири царское правительство издало распоряжение об упразднении Кушмурунского окружного приказа и «состоявших в оном пять волостей причислить к Кокчетавскому округу»*[6]. В приказе говорилось: «Взамен упраздненного Кушмурунского приказа открыть новый окружной приказ при месте расположения Атбасарской станицы, под названием Атбасарского окружного приказа»*[7].

Таким образом, вместо Кушмуруна новым административным центром стал населенный пункт Атбасар, расположенный на р. Ишим, к северо-западу от Акмолинского приказа. В июне 1853 года Чингис с семьей покинул давно обжитый берег Убагана и возвратился в Сырымбет, в усадьбу своей матери, где и провел большую часть своего детства Чокан Валиханов.

Описание фамильной усадьбы и обстановки в доме Валихановых наиболее полно представлено в записках офицера Генерального штаба А. К. Гейнса, принимавшего участие в исследовании Казахстана в качестве члена Степной комиссии в 1856—1867 гг. Он писал: «Зимовка Чингиса лежит от настоящего места кочевки в 10 верстах. Две живописные горы, покрытые бором, закрывают его усадьбу; пронесшись по каменистому подъему и спуску, мы увидели несколько домиков во вкусе наших помещичьих средней руки, а посредине мечеть. В середине дома, занимаемого Чингисом с женою, убранство подходит к помещичьему. В зале орган, играющий до двенадцати пьес; зеркала в простенках, бронзовые канделябры с хрустальными подвесками, такие же бра; маленькие шелковые портьеры, обшитые тонким, но широким аграмантом. В гостиной вместо гарднеровских или корниловских ваз стоят китайские; лампа на столе, диван и прочее. Все полы выложены ташкентскими и персидскими коврами; на мебель накинуты тигровые, барсовые и медвежьи шкуры. Общее впечатление приятно»[8].

В Сырымбете Чингис жил только зимой, летом кочевал. Иногда вместе с Чингисом кочевали Чокан и Г. Н. Потанин, приезжавшие к нему отдыхать на лето. В 50—60-х годах XIX в. джайляу (летние стоянки) Чингиса находились далеко от Сырымбета, в верховьях Ишима, в нынешней Атбасарской степи. Его наиболее известные джайляу, по описанию Г. Н. Потанина, были Кулаайгыр, Калмакколь, Салкынколь и Токты. Позднее

---

*[6] ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4257, л. 13—30.

*[7] *Там же.*

*[8] *Гейнс А. К.* Собрание литературных трудов, т. 1, Спб., 1895, с. 265.

маршруты кочевания сократились, и Чингис проводил лето недалеко от Сырымбета, на урочищах Саумалколь (Аиртау), Куйгенколь, Акжар, расположенных в Казанском районе. К концу XIX в. семья Валихановых перестала кочевать и жила в пределах Сырымбета.

О Чингисе сохранились данные в многочисленных архивных и литературных источниках, которые характеризуют его как

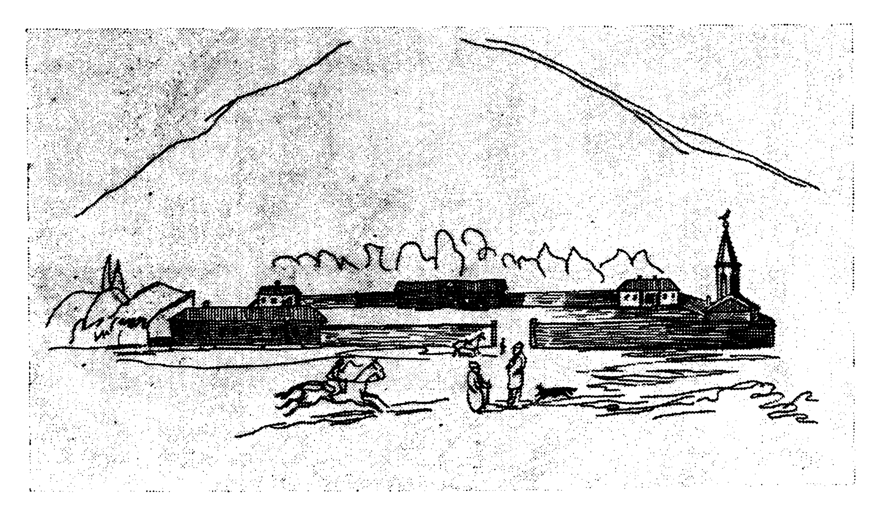


Встреча чиновника в ауле Сырымбет.
Рис. Ч. Ч. Валиханова. Перо. 1854 г.

знатока быта, обычаев, экономической и политической жизни казахского общества той эпохи. Для своего времени Чингис был культурным и образованным человеком, ценителем науки, литературы и искусства. Своей деятельностью он немало способствовал приобщению казахов к передовой русской культуре. Чингис оказывал энергичное содействие ученым, приезжавшим в Северный Казахстан для проведения научно-исследовательских работ. К нему нередко обращались научные учреждения и отдельные ученые в надежде получить новые сведения о Казахстане. В таких случаях он всегда с большой охотой делился своими знаниями и тем обширным материалом, который имелся в его распоряжении.

Он часто помогал своими юридическими и статистическими сведениями С. Сотникову, И. И. Ибрагимову, А. К. Гейнсу, А. К. Крохалеву и другим исследователям, писавшим об обычном праве казахов. По просьбе научных учреждений и отдельных ученых он неустанно собирал материалы казахского фольклора и этнографии, которые передавал М. В. Ладыженскому, Н. Ф. Костылецкому, Г. Н. Потанину, Обществу антропологии и

этнографии при Казанском университете. Н. Ф. Костылецкий — учитель Чокана — в одном из своих писем к профессору И. Н. Березину в 1852 г. писал: «Хочу познакомить Вас с содержанием народной поэмы «Козу-Курпеч и Баян-Сулу», список которой доставлен был одному из покойных моих приятелей старшим султаном Кушмурунского приказа Чингисом, сыном последнего хана Средней орды Валия»*[9].



Вид на усадьбу с восточной стороны.
Рис. Ч. Ч. Валиханова. Карандаш. 1853 г.

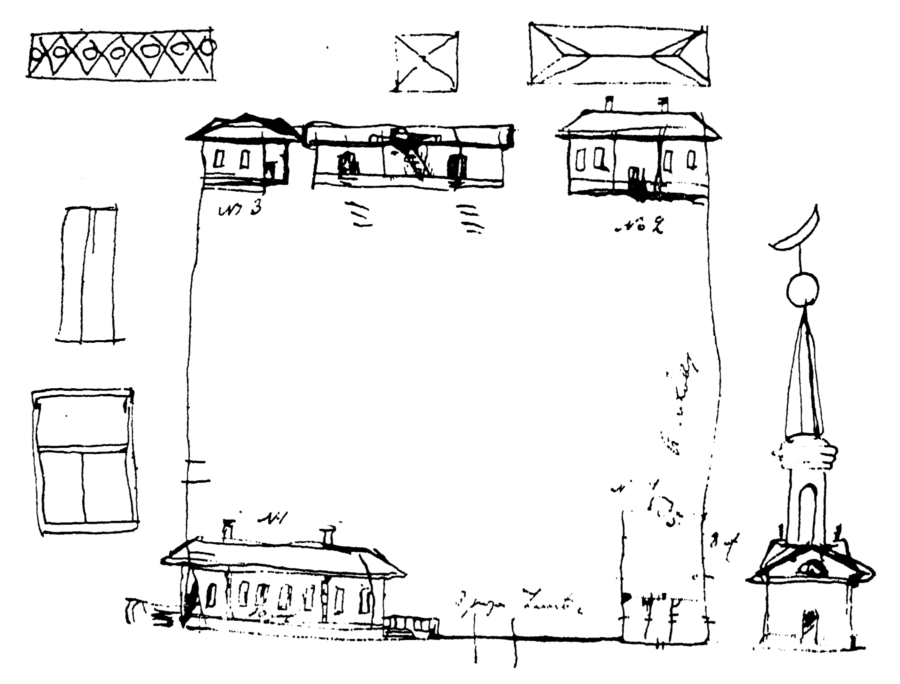
Чингиса, как отца Чокана и поборника русской науки и просвещения в Казахской степи, хорошо знали в Москве и Петербурге, особенно в Географическом и Антропологическом обществах, для которых он собрал редкие этнографические экспонаты из жизни казахов. Большой материал он передал Московской промышленной выставке, организованной после завершения присоединения Средней Азии к России. Отдельные предметы, собранные им по просьбе проф. В. В. Григорьева для этнографической коллекции, ныне хранятся в музеях гг. Ленинграда, Москвы и Гамбурга.

Прогрессивные устремления отца Чокана наиболее четко оформились после его ухода в отставку. Это обстоятельство нашло определенное отражение в событиях, последующих за политическим процессом над «сибирскими сепаратистами». В 1865 г. Чингису было предъявлено политическое обвинение, находившееся в прямой связи с распространением в Омском кадетском корпусе прокламации «К патриотам Сибири» и арестом друзей Валихановых — Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, Ф. Н. Усова

*[9] НБТГУ, архив Г. Н. Потанина, № 129б, л. 5349.

и других. В Омском архиве сохранилось дело под названием «О преступных мыслях против правительства, выраженных султаном полковником Чингисом Валихановым»*[10].

Кроме Чокана, у Чингиса Валиханова было еще несколько талантливых сыновей, получивших русское образование. Наиболее даровитым из братьев Чокана был Сахиб-Керей (Козыке),



Часть усадьбы Айганым. *Рис. Ч. Ч. Валиханова. Перо. 1853 г.*

умерший в молодые годы. Это был незаурядный поэт и композитор, доставлявший своими песнями немало радости ценителю искусства Чокану Валиханову во время пребывания последнего в родном ауле. Козыке находился в дружественных отношениях с народным композитором Ахан-Серэ*[11] и вместе с ним сочинил ряд напевов и мелодий романтического склада. Из песен, созданных ими, наиболее популярны «Ай-кокек», «Топай-кок», «Сырымбет», и «Кокеннын аманаты». Последняя песня была посвящена памяти Чокана Валиханова, любимого брата Козыке.

Другой брат Чокана Макы (Макажан) Валиханов (1844—1923 гг.) был художником. Получил образование в Петербурге в школе глухонемых, затем в качестве художника сотрудничал в

---

*[10] ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 9.

*[11] См.: *Затаевич А. В.* Тысяча песен киргизского народа. Оренбург, 1925, с. 326.

разных научных учреждениях и библиотеках. Чокан, обративший внимание на одаренность брата, помог ему устроиться в мастерскую Академии художеств, где он как вольноприходящий занимался живописью. Макы прожил в Петербурге 11 лет*[12]. Возвратившись в Казахскую степь занимался общественными делами и лишь изредка работал кистью. Через Чокана Валиханова Макы познакомился со многими учеными и общественными деятелями в Петербурге и Омске. Г. Н. Потанин, хорошо знавший Макы, писал: «Когда я ехал из Кокчетава разыскивать аул Валихановых, я думал, что если с кем из четырех живых братьев заведу наиболее откровенные связи, то именно с Маке». По отзыву Г. Н. Потанина, Макы сохранил глубокую привязанность к русскому народу и русской культуре, воспринятую им от Чокана*[13].

Из других сыновей Чингиса следует отметить Махмуда Валиханова (1848—1918 гг.). Он находился под сильным влиянием Чокана, с детства любил читать русских и западноевропейских классиков.

Подобно другим братьям, Махмуд с юных лет общался с русскими учеными, писателями и инженерами. Дружеские связи с ними он сохранил до конца жизни. К нему часто приезжали ученые из Западно-Сибирского отделения Географического общества, иногда и из Петербурга. В 1908 г. он через Н. Павлову передал в Петербургскую публичную библиотеку (ныне Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) письмо Ф. М. Достоевского к Чокану Валиханову, написанное писателем в Семипалатинске в 1856 г.

Такова была семейная среда, в которой родился и вырос будущий ученый-просветитель Чокан Валиханов.

* * *

Чокан Валиханов (полное его имя — Мухаммед-Ханафия, а Чокан — прозвище, данное матерью) родился в ноябре 1835 г. в крепости Кушмурун. Об этом свидетельствует формулярный список о службе Ч. Валиханова, хранящийся в архиве Министерства иностранных дел СССР*[14].

Чокан провел свои детские годы сначала в Кушмуруне, а потом в Сырымбете — усадьбе своих предков. Это — красивейшие

---

*[12] См.: *Потанин Г. Н.* В юрте последнего киргизского царевича, «Русское богатство», 1896, № 8, с. 76.

*[13] От Макы сохранились альбомы рисунков, которые теперь хранятся у его внука архитектора Шота Валиханова. Часть этих рисунков, касающихся этнографии казахов, приложена к диссертации Г. Н. Валиханова и хранится в рукописном фонде Института этнографии Академии наук СССР (Москва).

*[14] Архив МИД, ф. Личные дела, оп. 464/3; д. 318, л. 78—79; *там же,* ф. IV—2, оп. 4457, д. 8, лл. 7—12; *там же,* формулярный список о службе штаб-ротмистра Валиханова, ф. IV—2, оп. 4493, д. 8, л. 13 об.



Чингис Валиханов.

места в Северном Казахстане, овеянные историческими легендами, с которыми связаны детские воспоминания Валиханова и которые запечатлены в его детских и юношеских рисунках. Еще совсем молодым Чокан производил первые записи казахского народного эпоса в Кушмуруне.

По воспоминаниям Валихановых, Чокан был очень живым и умным мальчиком. Его детство протекало в степи, среди народа, хранящего многочисленные легенды о своем героическом прошлом, и чуткий мальчик с ранних лет прислушивался к историческим преданиям, любил общаться с людьми из народа, слушать песни и рассказы простых людей. Уже в детстве определились основные черты духовного склада Чокана, он рано развился и порою рассуждал, как взрослый.

Значительное влияние на духовный рост маленького Чокана оказала его бабушка Айганым. Для впечатлительного, одаренного от природы мальчика бабушка была неисчерпаемым источником знаний, народной мудрости. В увлекательной форме она рассказывала Чокану старинные казахские легенды, предания, вспоминала исторические события недавнего прошлого, в которых сама принимала участие. Светлые воспоминания о бабушке — носительнице лучших народных традиций, обычаев — Чокан сохранил на всю жизнь.

Сначала Чокан учился в Кушмуруне в частной казахской школе. Здесь он овладел основами арабского письма и научился рисовать карандашом. В этой школе обычно занимались чтением на кыпчакском и чагатайском языках памятников средневековой литературы, упражнениями в разговорной арабской и персидской речи и декламацией стихов восточных поэтов.

Султанские дети, по традиции, должны были изучать несколько восточных языков или, как говорилось, «жеты журттын тілін білу» — знать языки семи народов. Этот обычай тогда еще соблюдался, и Чокан, как видно из архивных материалов, занимался восточными языками, хорошо усвоил арабскую, а позже и уйгурскую грамоту.

Одним из детских увлечений Чокана было рисование. Этому искусству он научился у русских художников-топографов и геодезистов, подолгу проживавших в Кушмурунской крепости, в семье Валихановых. Кроме того, в ауле Валихановых часто гостили русские ученые, инженеры и образованные офицеры, которые возбудили в восприимчивом мальчике интерес к искусству и литературе.

Большое удовольствие доставляла юному Чокану соколиная охота. Чокан обычно делал большие экскурсии по степи. Его привлекали бескрайние просторы степей, зеленые рощи, тугаи речных долин, высокие утесы, он наслаждался близостью родной природы. Такие поездки знакомили Чокана с родным краем. Еще в детстве он бывал в Акмолинских и Баян-Аульских степях, часто гостил у родных своей матери, живших около Баян-Ауль-

ских гор. Эти поездки надолго запечатлелись в памяти у Ч. Валиханова. Уже будучи воспитанником кадетского корпуса, он часто делился воспоминаниями о них со своим другом Г. Н. Потаниным*[15].

С ранних лет Чокан проявлял огромную любовь к казахской народной поэзии, записывал ее классические образцы и читал их вслух своим родителям. Уже в детстве им было записано несколько вариантов народных поэм «Козы-Корпеш и Баян-Слу» и «Еркокше», которые позже он передал своему учителю Н. Ф. Костылецкому.

Немалую роль в пробуждении у Чокана интереса к народной поэзии сыграли частые посещения его семьи казахскими певцами и сказителями.

Чокан увлекался поэзией и других народов Востока. Еще в ауле он запоем читал стихи классиков восточной литературы. Как писал сам Чокан, любовь к восточной поэзии он сохранил на всю жизнь. «Чокан был человек с поэтической душой и восточным воображением,— писал один из его друзей, известный публицист Н. М. Ядринцев.— Он любил арабские стихи и вместе с учителем своим Костылецким приходил в восторг от них»*[16].

Большое значение в формировании научных интересов Чокана имели связи его отца с представителями передовой русской интеллигенции, о чем уже говорилось выше. В ауле Чингиса бывали многие высокообразованные люди, как например, академик А. И. Шренк, декабристы С. М. Семенов, В. И. Штейнгель, Н. В. Басаргин, работавшие в областном правлении Сибирских казахов, студенты Казанского университета С. Сотников, Н. Ф. Костылецкий и Т. Сейфуллин*[17].

К сбору и подготовке различных материалов для русских ученых, исследовавших Казахстан, Чингис иногда привлекал и сына.

До нас дошло письмо декабриста В. И. Штейнгеля, написанное им от имени полковника М. В. Ладыженского, работавшего в то время начальником Пограничной комиссии, в котором он просил Чингиса собирать образцы казахской народной поэзии, сказок, легенд и преданий.

Выполняя просьбу М. В. Ладыженского, Чингис неоднократно приглашал к себе лучших акынов и сказителей и при помощи Чокана записывал казахские песни и легенды, которые затем отсылал в Омск*[18].

---

*[15] См.: *Потанин Г. Н.* Биографические сведения о Чокане Валиханове. В кн.: «Сочинения Ч. Ч. Валиханова», изд. под ред. Н. И. Весселовского ЗРГООЭ, 1904, т. XXIX, Спб., с. XVI.

*[16] *Ядринцев Н. М.* Воспоминание о Чокане Валиханове. Там же, с. XXXVII.

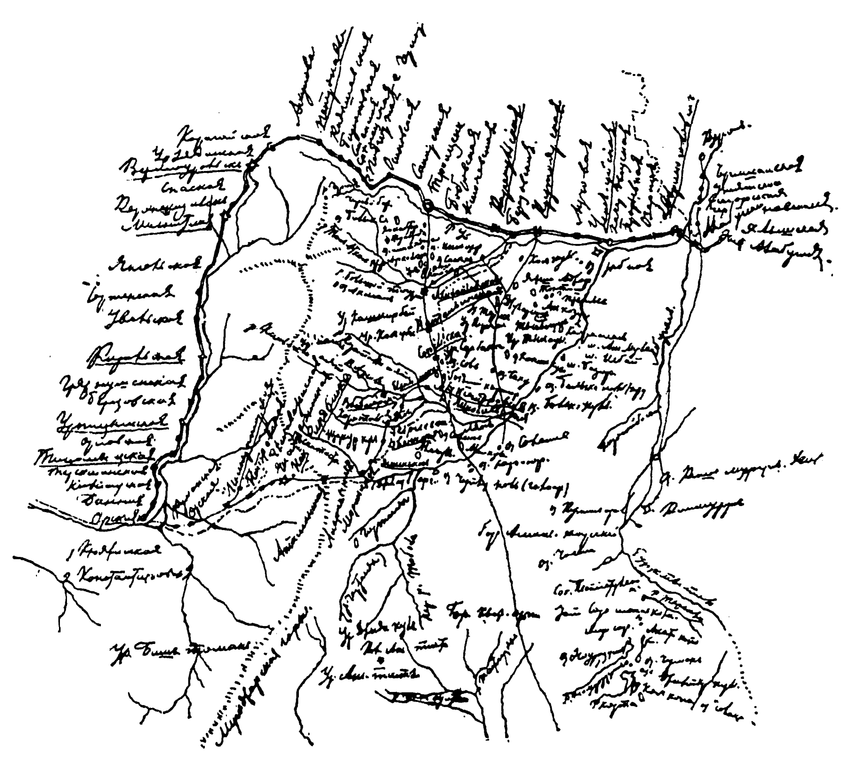
*[17] См.: «Аул султана Чингиса Валиханова». «Одесский вестник», 1842, № 74; *Потанин Г. Н.* В юрте последнего киргизского царевича, с. 60—88.

*[18] Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 17, л. 1—2.

* * *

Жажда познания все сильнее охватывала Чокана. Он мечтает об учебе в большом городе. Чингис хотел отдать сына в такое учебное заведение, где бы он мог получить хорошее образование.

Осенью 1847 г. отец привез 12-летнего Чокана в Омск на учебу. Русские друзья Чингиса помогли ему устроить сына в



Схематическая карта Тургайской степи и Кушмурунского округа.
Перо, 1852 г. Рис. Ч. Ч. Валиханова.

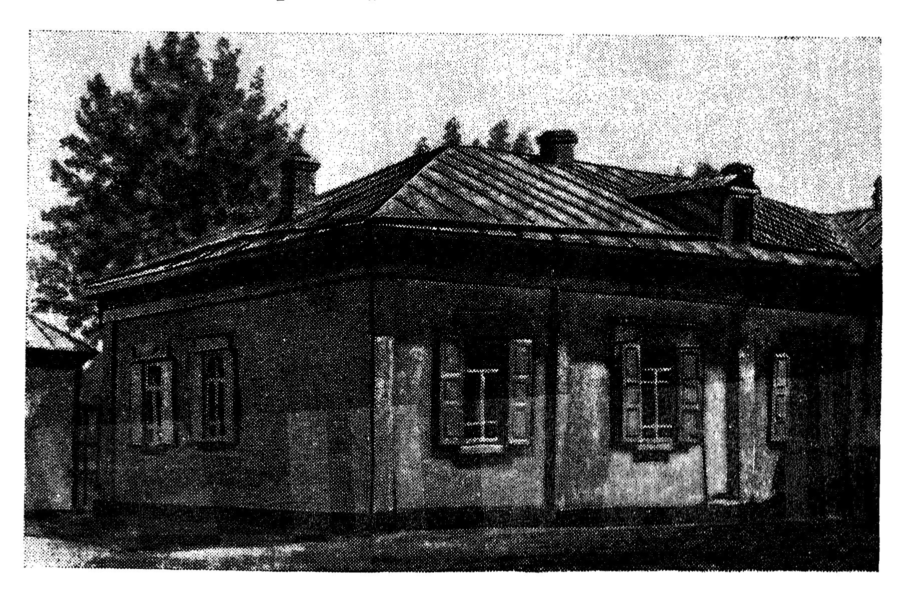
Сибирский кадетский корпус, считавшийся тогда лучшим учебным заведением в Сибири.

Большой город, центр обширного края, произвел глубокое впечатление на восприимчивого мальчика, только что приехавшего из аула. С большим увлечением Чокан стал зарисовывать карандашом виды Омска. «Русский город поразил мальчика и он изображал карандашом один из городских видов»,— вспоминает Г. Н. Потанин*[19].

---

*[19] *Потанин Г. Н.* Биографические сведения о Чокане Валиханове, с. VI.

Годы учебы Чокана в кадетском корпусе — это годы николаевской реакции и в то же время — годы усиления общественно-политической борьбы против феодально-крепостнического строя. Россия в это время стояла накануне больших исторических событий. До самых отдаленных окраин страны доносились отзвуки освободительной борьбы против царизма, доходили вести о пе-



Дом Чингиса Валиханова в Сырымбете, в котором жил Чокан.

трашевцах, письме В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю, в котором со всей силой прозвучал призыв к борьбе с самодержавием.

Передовые революционно-демократические идеи В. Г. Белинского и А. И. Герцена стали известны по всей России, произвели переворот в умах лучших представителей русского общества, оказали глубокое влияние на развитие освободительного движения в стране, проникли в Сибирь и в далекий Казахстан, в Сибирский кадетский корпус, где в это время учился Чокан Валиханов.

Сибирский кадетский корпус был создан в 1845 г. на базе бывшего училища Сибирского линейного казачьего войска и считался одним из лучших учебных заведений того времени. По определению декабриста И. Завалишина, это «был рассадник просвещения и патриотизма». В. П. Лободовский, друг Н. Г. Чернышевского, читавший лекции в корпусе, говорил, что Сибирский кадетский корпус был одним «из первых рассадников военного и общего знания». Поистине культурное значение этого учебного заведения трудно переоценить. Из него вышли многие выдающиеся общественные и военные деятели, ученые и публи-

цисты. Некоторые из них прославились своими географическими открытиями и научными исследованиями. Здесь учился большой знаток Сибири В. И. Вагин, впоследствии ученый-просветитель, издатель и редактор первого в Сибири частного печатного органа газеты «Амур». Он оставил интересные воспоминания о своей учебе в корпусе.

Питомцем Омского кадетского корпуса был близкий друг Чокана Г. Н. Потанин, впоследствии выдающийся путешественник и исследователь Сибири, Казахстана, Монголии и Центральной Азии. С Сибирским кадетским корпусом была связана деятельность публициста Н. М. Ядринцева, одного из ярких представителей передовой русской общественной мысли прошлого века, исследователя истории народов Сибири и Казахстана. К выдающимся воспитанникам Сибирского кадетского корпуса относится и Н. Ф. Анненский, друг Ч. Валиханова и Г. Н. Потанина, впоследствии известный ученый — статистик и публицист. Учеба в корпусе оказала большое благотворное воздействие на многих его питомцев в том числе и на Чокана Валиханова.

Кадетский корпус имел широкий общеобразовательный профиль. Учебная программа включала, помимо военных дисциплин, всеобщую географию, географию России, всеобщую историю, историю России, русскую и западноевропейскую литературу, основы философии, ботанику, зоологию, физику, математику, геодезию, строительное искусство с главными началами архитектуры и общие понятия о естественной истории; преподавались также черчение, рисование, каллиграфия, языки: русский, французский и немецкий. Кроме того, в корпусе был особый класс восточных языков*[20]. Здесь преподавали тюркский, монгольский, арабский и персидский языки.

Обучение было восьмилетнее. Оно состояло из двух приготовительных классов, пяти основных и шестого — специального класса. В последнем преподавались военные науки (тактика, артиллерия, полевая фортификация) и основы сельскохозяйственной науки*[21]. В приготовительных классах воспитанники штудировали русский язык, арифметику и рисование. В основных классах изучались иностранные, в том числе восточные языки, и среди них казахский, татарский и чагатайский. Преподавание языков состояло в чтении текстов, заучивании слов и декламации стихов и басен. По прохождении учебной программы воспитанники хорошо усваивали эти языки и могли сносно на них объясняться.

Весьма обширной была программа по истории, географии и литературе. Уже в первых классах кадеты проходили историю древних веков, географию Европы. В четвертом и пятом классах

---

*[20] См.: *Усов Ф. Н.* Очерки по истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1884, с. 44—45.

*[21] ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 34, лл. 6—11.

преподавали теорию словесности, историю русской и западноевропейской литературы, историю и географию Российской империи. В географию как предмет входили также этнография и антропология, изучение различных человеческих рас, классификация языков, разделение языков на главные семейства, различия народов по понятиям религиозным и по образу жизни.

Большое место отводилось изучению стран Азии (Китай, Индия, Афганистан и Персия). Здесь рассматривались: народонаселение Азии, происхождение народов, вероисповедание, образ их жизни; Китайская империя, пространство, устройство и управление; земли, подвластные Китаю; земли, состоящие под покровительством Китая; географическое и политическое разделение Турана; ханства: Бухара, Коканд, Хива и Кундуз; государства Ост-Индии и Аравии*[22].

Не менее обширной была учебная программа по географии Российской империи. Она изучалась в плане экономической географии, статистики и включала вопросы о промышленности и сельском хозяйстве России.

Большое внимание уделялось географии Казахстана, но не с точки зрения изучения и освоения его природных богатств, а в военно-стратегическом аспекте. Здесь изучались: «Границы киргизских степей; пространство; характер местности, реки и озера; свойство вод, пути сообщения, горные проходы для караванов, замечательные урочища, климат и естественные произведения. Число киргиз; происхождение, язык и религия; начало подданства; время уничтожения ханской власти и происхождение Букеевской орды; число орд в настоящее время и географическое положение их; управление букеевскими, оренбургскими и сибирскими киргизами и внутреннее устройство последних; покровительство России Большой орде; укрепленные места в Киргизской степи и замечательные станицы»*[23].

Из области прикладных наук весьма широко были представлены начертательная геометрия, топографическое черчение и архитектура. Последняя преподавалась по программе гражданской архитектуры Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Учебная программа включала вступительные лекции о значении архитектуры и составляющих ее элементах.

Кроме прослушивания лекций, воспитанники должны были проводить практику на стройках, заниматься разбивкой планов строящихся сооружений, нивелировкой фундаментов*[24].

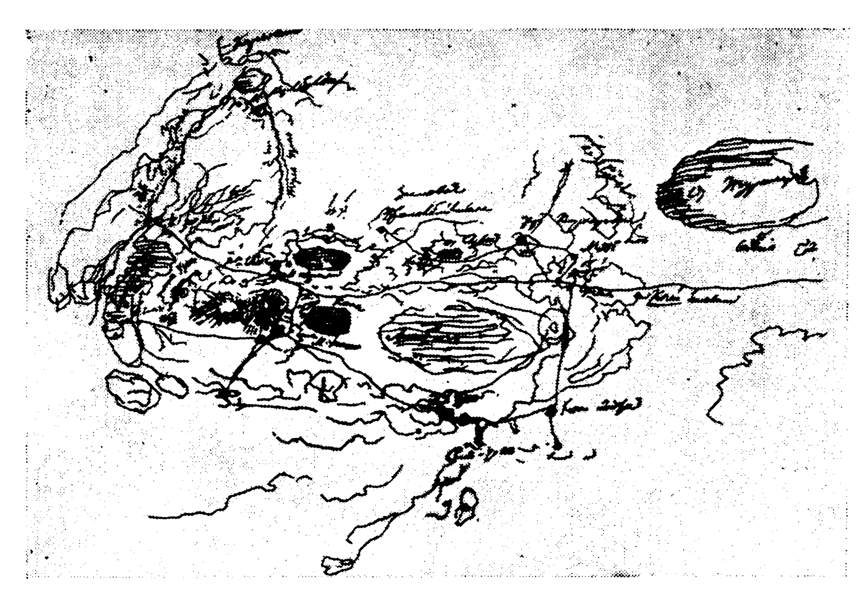
Из этих обширных курсов, которые читались в Омском кадетском корпусе, видно, что он далеко превосходил среднее учебное заведение обычного типа. Это был действительно рассадник знания. В его учебную программу были включены некото-

---

*[22] *Там же,* л. 30—43.
*[23] ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 34, л. 43—44.
*[24] *Там же,* л. 74—75.

рые дисциплины, преподаваемые только в специальных высших учебных заведениях (архитектура, начертательная геометрия, топографическое черчение и пр.). Корпус осуществлял подготовку высококвалифицированных и разносторонне образованных людей, в которых нуждались окраины России.

Кроме учебных предметов, в программу входили пение, гимнастика, плавание, танцы, фехтование и верховая езда. Во вне-



Схематическая карта осенних стоянок и зимовок казахов в районе горы Сырымбет. *Перо, 1853 г. Рис. Ч. Ч. Валиханова.*

классное время кадеты должны были заниматься военной тактикой. В лагерное время они обучались рассыпному строю, топографической съемке, саперным и военно-лабораторным работам, стрельбе.

По внутреннему быту воспитанники кадетского корпуса были разделены на две части: роту и эскадрон. В роту были выделены дети крупных чиновников и высших офицеров, они размещались отдельно, в особых дортуарах. Эскадрон состоял из детей казаков и по рангу стоял ниже роты. Чокан был определен в эскадрон. Воспитанники роты и эскадрона хотя и жили в отдельных дортуарах, но во время классных занятий собирались вместе.

Согласно предписанию генерал-адъютанта Я. И. Ростовцева (1803—1860), управлявшего тогда военно-учебными заведениями, начиная с 1851 г. преподавание некоторых предметов (политическая и новая история) в корпусе было ограничено для воспитанников-казахов, их стали выпускать годом раньше, не

переводя в специальный класс, где преподавали военные науки. Я. И. Ростовцев предложил приравнять казахских детей к положению горцев, которые «из столичных корпусов выпускаются офицерами по окончании ими курса четвертого общего класса»*[25].

После этого был составлен новый проект учебной программы корпуса.



Вид города Омска (1850). *Рис. Померанцева.*

Омский кадетский корпус отличался высококвалифицированным составом преподавателей, подобранных опытным педагогом, всесторонне образованным человеком И. В. Ждан-Пушкиным, инспектором классов, впоследствии начальником Московского кадетского корпуса. В числе преподавателей было много способных педагогов, получивших университетское образование.

Чокан пришел в кадетский корпус, не зная хорошо русского языка*[26], но благодаря незаурядным способностям сумел быстро преодолеть эту трудность. «Развивался Чокан быстро,— вспоминает его школьный товарищ и друг Г. Н. Потанин,— опережая своих русских товарищей... Им интересовались многие, он такой способный, уже рисует прежде, чем вступил в заведение»*[27].

---

*[25] *Там же,* л. 14.

*[26] См.: *Обручев В. А.* Григорий Николаевич Потанин, М.—Л., 1947, с. 23.

*[27] *Потанин Г. Н.* Биографические сведения о Чокане Валиханове, с. XII.

Уже через два-три года Чокан «не только обогнал идеями весь свой класс, но и тот класс, который был старше двумя годами» *28.

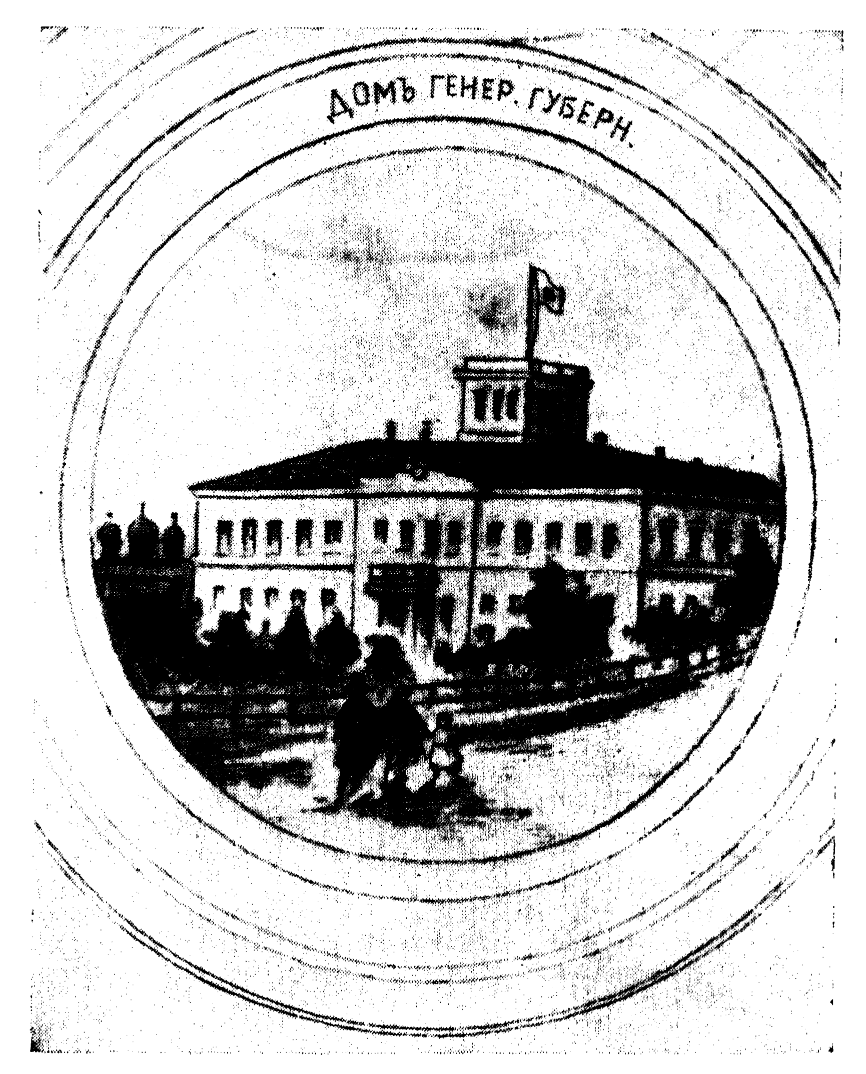
Начиная со второго курса между Чоканом и его наставниками возникают самые близкие и дружеские отношения.



После бала. Карикатурное изображение супругов и дежурных офицеров. *Перо и тушь. 1855 г. Рис. Ч. Ч. Валиханова.*

*28 *Потанин Г. Н.* Чокан Валиханов. ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, д. 322, лл. 12—17.

Сильное влияние на развитие Чокана оказали Н. Ф. Костылецкий (1818—1867 гг.) — литератор и ориенталист, окончивший восточный факультет Казанского университета и преподававший в корпусе русскую литературу; ссыльный ученый П. В. Гонсевский, читавший курс истории цивилизации; литератор В. П. Лободовский, друг молодости Н. Г. Чернышевского и последователь его идей*[29]. Они принадлежали к плеяде русской демократической



Дом генерал-губернатора в Омске. *Акварель, 1847 г. Рис. Ч. Ч. Валиханова.*

*[29] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. I, М., 1939, с. 26, 64, 70.

интеллигенции и были воспитаны на революционно-демократических идеях В. Г. Белинского и А. И. Герцена.

В архивах сохранились обширные эпистолярные и рукописные материалы, свидетельствующие о ранних научных и литературных связях Н. Ф. Костылецкого и Чокана Валиханова с одним из выдающихся востоковедов того времени И. Н. Березиным. Эти литературные связи приняли активный характер особенно в тот период, когда в Омске у Н. Ф. Костылецкого накопилось большое количество рукописей по казахской народной поэзии, в том числе и несколько вариантов известной поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Слу», записанные Ч. Валихановым в Убаганской степи и впоследствии переданные ему Чоканом*[30]. Стремясь как можно скорее сделать достоянием научной общественности сокровище казахской народной литературы, Н. Ф. Костылецкий отправил весь этот обширный материал в Петербург, проф. И. Н. Березину, и с тех пор он хранится в архиве этого ученого*[31].

Н. Ф. Костылецкий был лучшим наставником для юного Чокана. В течение ряда лет они с большой любовью занимались изучением казахского народного эпоса, и их совместная работа в этой области очень плодотворна. Они переложили на русский язык древний наиболее подробный вариант поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Слу».

В 1852 г. с помощью Н. Ф. Костылецкого установились прямые дружеские связи между Чоканом и И. Н. Березиным. Последнему потребовалась помощь в толковании некоторых терминов, встречающихся в ханских ярлыках. Но Н. Ф. Костылецкий ответил И. Н. Березину: «Что касается некоторых слов в «Ярлыке Токтамыша», не поддающихся никакому словопроизводству, то при всем желании моем помочь вашему горю я не могу»*[32] и рекомендовал по этому вопросу связаться с Ч. Валихановым.

Так началась переписка между И. Н. Березиным и Чоканом Валихановым. До нас дошло ответное письмо Ч. Валиханова к И. Н. Березину. В этом письме Чокан дал обстоятельные ответы на все вопросы, сформулированные И. Н. Березиным*[33]. Чокан писал: «Узнав от бывшего моего наставника Н. Ф. Костылецкого о предложении вашем — поискать в языке киргизском значение нескольких слов в ярлыке Токтамыша, не употребляющихся в нынешнем татарском языке,— я отыскал в языке нашем через расспросы старых киргиз и нашел ряд слов, которые спешу послать к Вам»*[34].

---

*[30] См.: Письмо Н. Ф. Костылецкого к И. Н. Березину, НБТГУ, архив Г. Н. Потанина № 129б, л. 5349.

*[31] ЛОИВ АН СССР, ф. 5.

*[32] Архив Потанина Г. Н. НБТГУ, № 129б, л. 5348; № 149, лл. 2—4.

*[33] Письмо Ч. Валиханова к проф. И. Н. Березину публикуется впервые в настоящем издании.

*[34] ЦГИА СССР, ф. 118, оп. 1, д. 469, лл. 10—14.

Быстрому развитию Чокана, как отмечал Г. Н. Потанин, способствовали его собственные большие дарования и исключительное внимание к нему, как единственному тогда в кадетском корпусе представителю казахского народа. Чоканом интересовались не только преподаватели корпуса, но и некоторые видные представители интеллигенции Омска. Обычно в праздники его всегда приглашал к себе кто-нибудь из этих людей, связанных дружескими узами с семьей Валихановых. В первые годы учебы Чокан посещал семью востоковеда Сотникова, потом преподавателя рисования Померанцева. В последние годы пребывания в корпусе он был частым гостем в семье образованного офицера К. К. Гутковского. Благодаря этим связям развитие Чокана шло быстрее, чем его сверстников, круг знакомств которых не выходил обычно за пределы кадетского корпуса. «Особенно важное значение в его развитии,— писал Г. Н. Потанин,— и вообще в его судьбе имело семейство Гутковского и родственное ему Капустиных...»*35.

Вторым после Н. Ф. Костылецкого педагогом, во многом способствовавшим расширению кругозора Чокана, был преподаватель истории Гонсевский, человек весьма образованный, готовившийся к научной деятельности. В корпусе он читал историю общественных движений и «лекции его,— замечает Г. Н. Потанин,— имели для нас большое значение»*36.

Эти лучшие преподаватели кадетского корпуса, передовые люди своего времени пробудили в юном Чокане интерес к знаниям, к науке, помогали формированию его демократических взглядов, воспитывали ненависть к произволу и насилию.

Молодой Чокан углубленно изучает философские трактаты и социальные романы, в которых правдиво изображалось буржуазное общество. Обличительные статьи В. Г. Белинского и А. И. Герцена, едкий юмор Н. В. Гоголя вызывают у Чокана живейший отклик, и он обращается к ним всегда, когда сталкивается с общественными пороками, с пошлостью в жизни. Главным образом из произведений великих русских мыслителей В. Г. Белинского, А. И. Герцена, а позднее Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова черпал Чокан свои философские познания.

С интересом знакомился Валиханов с социально-философскими трактатами Т. Карлейля. На них Чокан иногда делает ссылки в своих статьях и записках.

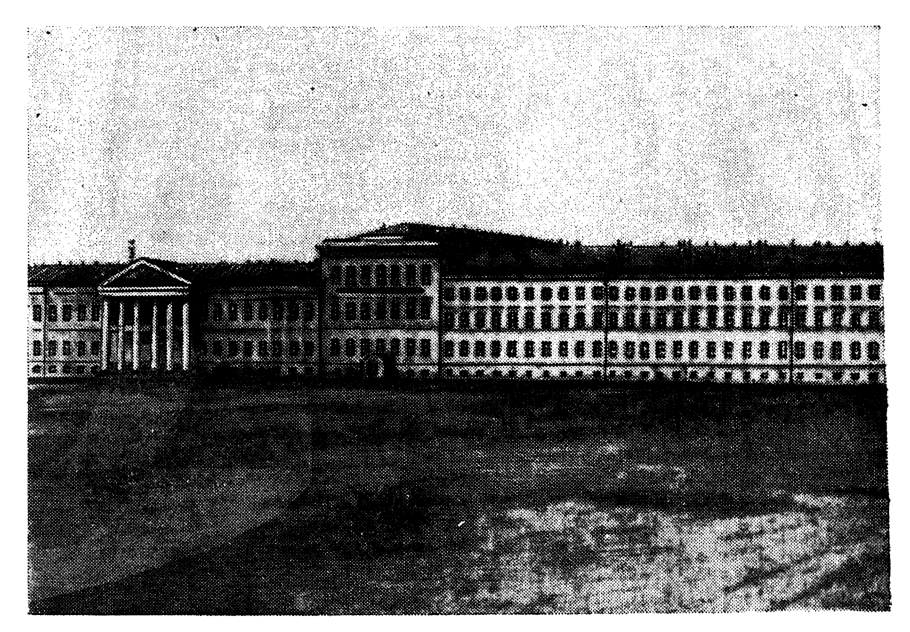
Огромное влияние на Чокана оказала поэзия А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, многие их стихотворения он знал наизусть. Из западноевропейских писателей Чокан с большим интересом читал Ж.-Ж. Руссо, Ч. Диккенса, У. Теккерея.

---

*35 *Потанин Г. Н.* Чокан Валиханов ЦГАЛИ, ф. 395, п. 1, д. 322, лл. 12—17.

*36 *Потанин Г. Н.* Биографические сведения о Чокане Валиханове, с. VIII.

Правда, не всегда удавалось Чокану достать интересующие его книги. Начальство корпуса запрещало кадетам читать литературу прогрессивного направления, особенно сочинения В. Г. Белинского, А. И. Герцена и философские труды западноевропейских материалистов. Но тем не менее Чокан за время учебы в корпусе успел прочитать многое из запрещенной литературы.



Здание Омского кадетского корпуса, в котором учился Ч. Валиханов.

В летние каникулы Чокан Валиханов уезжал в степь в свой аул Сырымбет. Эти поездки доставляли ему огромное удовольствие, давали возможность еще ближе присмотреться к жизни родного народа, производить записи народных песен, легенд и сказок и зарисовывать бытовые картины.

Для наблюдательного Чокана зарисовки с натуры уже в то время являлись одним из лучших средств воспроизведения жизни народа. Находясь в ауле в окружении своих родных и друзей, он увлекался зарисовками Кушмуруна и Сырымбета, кочевок и мест стоянок аула. Этим зарисовкам периода 1847—1852 гг. Чокан дал общее название «Корпустен ельге, отпускеге барганда язмыш суреттер», т. е. «Зарисовки, сделанные во время каникул в ауле».

По-прежнему привлекала Чокана во время каникул охота с ловчими птицами. Однако на соколиную охоту Чокан смотрел теперь несколько другими глазами. Она стала для него не только увлекательным видом спорта, но и объектом изучения.

Интерес к изучению родного края и стран Востока у Чокана возник еще в стенах кадетского корпуса. Он уже мечтал о больших научных исследованиях на полях «неизведанной Азии». «Чокану было только 14—15 лет,— говорит Г. Н. Потанин,— когда преподаватели корпуса на него смотрели, как на будущего исследователя и может быть ученого»*[37]. Он зачитывался историко-географической литературой, редкие издания которой в Омске достать было трудно. «Для меня было большим счастьем,— вспоминает Г. Н. Потанин,— когда начальство разрешило Чокану брать книги из фундаментальной библиотеки. Это в нашем развитии была эпоха, когда Чокан принес из недоступного книгохранилища путешествие Палласа и дневные записки Рычкова. Толщина книг, их формат, старинная печать, старинные речи и затхлость бумаги — как это было удивительно, необыкновенно, полно поэзией старины... С увлечением мы читали книгу Палласа, особенно те ее страницы, в которых описывались родные для нас места»*[38].

С. Ф. Дуров, П. П. Семенов-Тян-Шанский, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев высоко ценили эрудицию молодого Ч. Валиханова, особенно в области восточной литературы. Живя в провинциальном Омске, он уже тогда собрал богатую специальную библиотеку, состоявшую из книг по вопросам востоковедения, географии, истории и философии. П. П. Семенов-Тян-Шанский, посетивший в 1856 г. квартиру Чокана в Омске, с восхищением отмечал, что подбор книг библиотеки делает честь молодому Валиханову.

Уже в кадетском корпусе у Ч. Валиханова зарождаются идеи просветительства и созревают демократические взгляды. Он вышел из корпуса широко образованным человеком, на голову выше многих своих современников. Он сумел увидеть пороки существующего строя и стал на путь борьбы за прогресс родного народа, на путь научного творчества. «Чокан попал в совершенно плебейскую среду...— пишет Г. Н. Потанин,— жизнь в плебейской среде, вероятно, не оставалась без влияния на образование демократических идей Чокана»*[39].

В 1853 г. в возрасте 18 лет Чокан окончил кадетский корпус и был выпущен корнетом «по армейской кавалерии»*[40].

* * *

Общественная и литературная деятельность Чокана Валиханова началась сразу после окончания учебы. Формально он был определен офицером 6-го кавалерийского полка Сибирского каза-

---

*[37] *Там же*, с. XVII.

*[38] *Там же*, с. XVI.

*[39] *Там же*, с. X.

*[40] Об определении в корнеты Ч. Валиханова. см.: ЦГВИА, ф. 395, оп. 46/529, д. 525, л. 1. 1 об.: *там же*, ф. 395, оп. 162/550, д. 18, л. 2, 2 об. ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 2812, лл. 1—5.

чьего войска*[41], но фактически оставлен при генерал-губернаторе Западной Сибири, а через год назначен адъютантом генерала Г. Х. Гасфорта, управлявшего тогда Западной Сибирью и северо-восточными районами Казахстана. Одновременно по линии Главного управления края на Ч. Валиханова была возложена должность офицера особых поручений*[42].



Групповой портрет братьев Чокана. *Карандаш и тушь, 1855 г. Рис. Ч. Ч. Валиханова.*

Вступив на службу, молодой Ч. Валиханов сразу столкнулся с офицерской и чиновничьей средой, резко отличавшейся от той среды образованных и передовых людей, которую он знал в корпусе. В своем большинстве это были реакционные офицеры и чиновники, составлявшие колониальный аппарат царизма. Во гла-

*41 ГАОО, ф. 67, оп. 1, д. 19, л. 26.

*42 Формулярный список о службе штаб-ротмистра султана Чокана Валиханова. Архив МИД, ф. Личные дела, оп. 464/3, д. 318, л. 64.

ве их стоял генерал Г. Х. Гасфорт*[43] и его помощник фон Фридрихс, управлявший областью Сибирских киргизов.

Положение Чокана, который должен был работать под непосредственным руководством Д. Фридрихса, было очень тяжелым. Из писем Чокана к его петербургским друзьям видно, что Дюгамель Фридрихс и его подручные Кройерус и Кури постоянно преследовали и унижали его за то, что он упорно разоблачал их преступные дела, боролся с беззаконием, мародерством, лихоимством и всем тем злом, которое порождал царский колониальный аппарат. Царские чиновники всячески мешали научным начинаниям Чокана Валиханова, пытались принизить результаты Кашгарской экспедиции, строили против него козни, чтобы помешать его избранию старшим султаном Атбасарского окружного приказа. Служба в этой обстановке стоила Чокану много здоровья. А. К. Гейнс в 1865 г. прямо писал, что бесконечные «оскорбления и придирки уложили Чокана в настоящем году в гроб»*[44].

Чокан с первых дней службы чувствовал себя одиноким в этой среде и искал выхода из окружавшей его пустоты и невежества царских чиновников, стремился заняться общественно-полезным трудом. В своем письме (1856 г.) к Ф. М. Достоевскому он жалуется на ту затхлую атмосферу, в которой ему приходится жить и работать: «Омск так противен со своими сплетнями и интригами, что я не на шутку думаю его оставить. Как вы думаете об этом? Посоветуйте, Федор Михайлович. Как это устроить лучше?»

Чокан, жаждавший служить родине, стремился к деятельности плодотворной и творческой.

Такая возможность ему представилась очень скоро. Этому способствовала историческая обстановка, сложившаяся к тому времени в Казахстане в связи с добровольным присоединением казахов Старшего жуза и иссыкульских киргизов к России. В начале 40-х г. казахи Старшего жуза добровольно присягнули на вечное подданство России и в связи с этим в 1845 г. была заложена новая крепость Капал. Укрепления Верного тогда еще не было, и в Заилийском крае, и в горах Тянь-Шаня, а также в Чуйской долине предстояла большая и сложная работа. Здесь еще сильно было влияние Кокандского ханства, о чем можно судить по выступлениям семиреченского феодала Тоучубека*[45].

Чтобы пресечь влияние Кокандского ханства, в Семиречье необходимо было проводить осторожную и дальновидную политику, направленную на мирное присоединение этой территории. Решением поставленной задачи должна была заняться группа офи-

---

*[43] См.: Воспоминания Г. И. Филипсона. «Русский архив», 1883, кн. III, № 5—6, с. 33.

*[44] *Гейнс А. К.* Собрание литературных трудов, Т. 1, Спб., 1895, с. 237.

*[45] ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 240, л. 1—18; ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, л. 153; *Сулейменов Б. С., Басин В. Я.* Казахстан в составе России в XVIII—начале XX в. Алма-Ата, 1981. с. 126—130.

церов, в которой руководящую роль играли К. К. Гутковский, М. М. Хоментовский, М. Д. Перемышельский и Чокан Валиханов.

Царская администрация остро нуждалась в образованных людях из коренного населения, хорошо знавших условия жизни, быта и обычаи народов Средней Азии. В этом отношении Чокан Валиханов был незаменимым для нее человеком. Несмотря на молодость (18 лет), он лучше других офицеров знал быт, обычаи, особенности духовной и материальной культуры казахского народа; он знал ряд восточных языков. В силу указанных причин Чокан был привлечен к выполнению этой важной миссии.

К. К. Гутковский, М. М. Хоментовский и М. Д. Перемышельский — друзья Валиханова — были образованными офицерами, людьми с передовыми взглядами. М. Д. Перемышельский, товарищ М. Ю. Лермонтова по Московскому университету, выписывал из Петербурга журнал «Современник» и вместе со своими единомышленниками читал номера этого демократического органа русской печати. Г. Н. Потанин, работавший в это время (1854 г.) в Семиреченском крае, писал: «В отряде Перемышельского я впервые знакомился с русской журналистикой»*46.

В 1854—1857 гг. Чокан принимает энергичное участие в решении вопроса о мирном присоединении казахов Старшего жуза и киргизских племен бугу, сарыбагыш и солту к России. Служебные поручения он успешно сочетает с научными занятиями: собирает разнообразные сведения по географии, генеалогии, истории, записывает обычаи, народную поэию казахов и киргиз.

В 1855 г. Чокан принял участие в поездке генерала Г. Х. Гасфорта и совершил большое путешествие по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. Маршрут его пролегал от Омска на Семипалатинск, оттуда через Аягуз и Капал в Заилийский Алатау, где в это время происходила закладка укрепления Верного*47. Это путешествие положило начало глубокому научному изучению Ч. Валихановым истории казахского народа и его быта. Чокан собирал материалы по статистике, обычному праву и древней религии казахов.

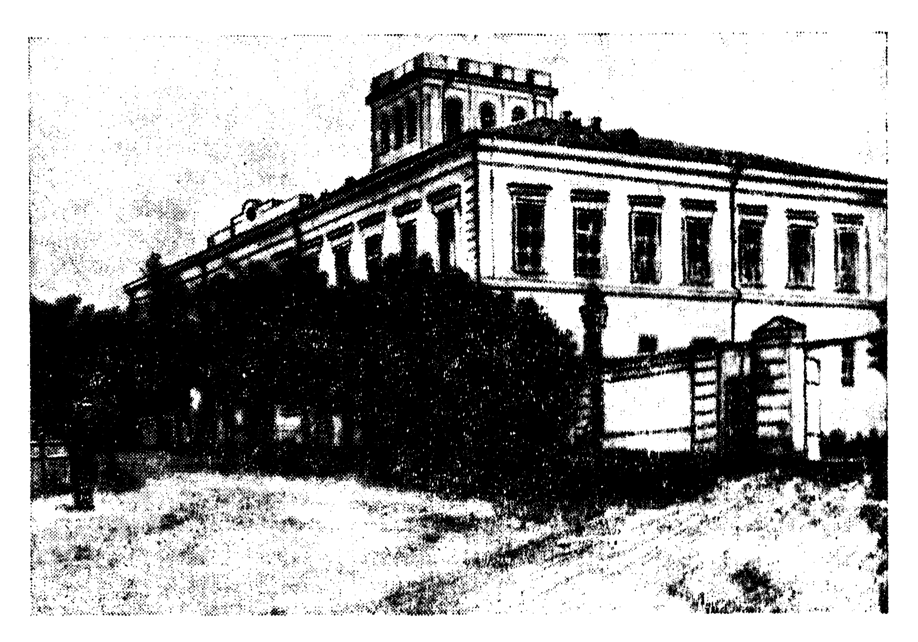
На обратном пути Чокан сопровождал Г. Х. Гасфорта только до Алтын-Эмельского хребта; оттуда он совершил поездку к Джунгарским Воротам, путешествовал в районе озера Алакуль и по Тарбагатаю, затем направился в Центральный Казахстан и, следуя через Каркаралы, Баян-Аул и Кокчетав, осенью вернулся в Омск. Эта поездка оставила неизгладимое впечатление у молодого Валиханова.

Даже Г. Х. Гасфорт после этой поездки не мог не воздать должного эрудиции и способностям молодого офицера-ученого. По возвращении из поездки он представил Чокана к награде, дав

*46 *Потанин Г. Н.* Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1916, № 18.

*47 ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 240, лл. 1—18; См.: *Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири, Спб., 1912, с. 70—72.

ему самую лестную характеристику: «В числе представляемых,— писал генерал,— заключается, между прочим, состоящий при мне корнет султан Валиханов, который, хотя и состоит на службе не более 2-х лет, но при совершенном знании оной, киргизского языка, а также и местных киргизских обычаев, он, сопровождая меня в степь, принес большую пользу... Он получил основатель-



Бывший генерал-губернаторский дворец в Омске, где служил Ч. Валиханов в 1853—1859 гг.

ное образование в Сибирском кадетском корпусе и поступил в военную службу, а потому и в видах поощрения такого полезного начала и развития в киргизах желания к отдаче детей своих в нашу службу и через то большого сближения их с нами, я нахожу необходимым поощрение Валиханова всемилостивейшей наградой, тем более он пользуется особым между киргизами уважением»*[48].

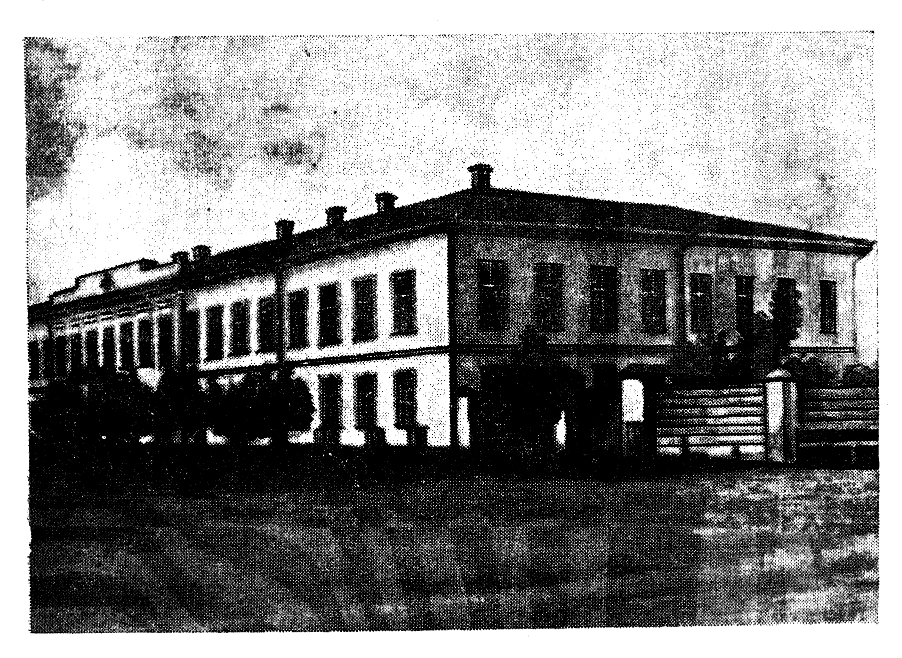
В начале 1856 г. Ч. Валиханову присуждается следующий чин поручика*[49].

*[48] О награждении корнета Валиханова. ЦГАВМФ (Ленинград), ф. 4, оп. 23, д. 24, лл. 2—3; ЦГВИА, ф. 395, оп. 162/550, д. 18, л. 2, 2 об.

*[49] ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 23, д. 24, лл. 10—15; См. также: Именной список генералам, штаб- и обер-офицерам, состоящим на службе в Отдельном Сибирском корпусе (ЦГВИА, ф. 395 оп. 49/554, лл. 43—48. Впоследствии в связи с успешным завершением экспедиционных работ в Киргизии и Восточном Туркестане ему присуждается чин штаб-ротмистра, а затем ротмистра. (ЦГВИА, ф. 395, оп. 48/548, д. 70; ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 23, д. 24, лл. 10—15).

По возвращении в Омск Чокан приступает к обобщению собранных материалов, на основании которых составляет официальные записки по вопросам землепользования, родовых и семейных отношений и древней религии казахов.

Широкое поле для развертывания научной деятельности открылось перед Ч. Валихановым в 1856 г. Он принимает участие в



Здание бывшего Главного управления Западной Сибири, где служил Ч. Валиханов в 1862—1864 гг.

крупной военно-научной экспедиции, организованной под руководством полковника М. М. Хоментовского. Целью экспедиции было ознакомление с киргизским народом и топографическая съемка бассейна Иссык-Куля. «Мы имели честь участвовать в этой экспедиции,— пишет Ч. Валиханов,— и, находясь два месяца среди дикокаменных киргизов, успели собрать разные положительные сведения, преимущественно изучая их предания и язык»[*50].

Об Иссыкульской экспедиции сохранилось дело, состоящее из официальных отчетов и донесений М. М. Хоментовского. Судя по стилю и манере изложения, значительная часть их, вероятно, была составлена Чоканом Валихановым и по содержанию в основных чертах совпадает с данными его иссыкульского дневника.

[*50] См.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в пяти томах. Т. 1, Алма-Ата, 1961, с. 304.

Во второй половине мая 1856 г. Ч. Валиханов в составе экспедиции М. М. Хоментовского начал свое путешествие. Его маршрут лежал от Ала-Куля к Центральному Тянь-Шаню и на озеро Иссык-Куль. Вначале он посетил Заилийский Алатау и через его перевалы прошел на Кунгей, а затем на Терскей Алатау, побывал на северном и восточном побережьях Иссык-Куля, затем по долине р. Джиргалан поднялся к вершинам Центрального Тянь-Шаня, откуда смог обозреть величественную панораму Хан-Тенгри. «Путешествие мое,— пишет Ч. Валиханов,— по свойству пройденной местности, можно разделить на два периода. Первый период заключает путь мой по Джунгарии, т. е. в Семиреченском, Заилийском крае и на озеро Иссык-Куль... Я посетил Джунгарию в первый раз в 1856 г. и участвовал в первой экспедиции, предпринятой полковником Хоментовским на озеро Иссык-Куль. Потом три месяца жил в Кульдже. Всего в Джунгарии я находился пять месяцев и успел осмотреть этот край вдоль и поперек от Ала-Куля до Тянь-Шаня, на который я поднялся в том году по реке Джиргалан»*[51]. Во время этой поездки Чокан собрал орнитологическую и энтомологическую коллекцию*[52], составил гербарий, изучил флору и фауну Семиречья и Иссык-Куля, принял участие в съемке Иссык-Куля, в результате которой на новой карте были изменены форма и контуры его берегов.

Сильное впечатление на Ч. Валиханова произвели уникальные памятники древней культуры, встреченные им в Семиречье и на Тянь-Шане. Его особенно интересовали остатки древней городской культуры на озере Иссык-Куль, остатки древних оросительных систем, памятники архитектуры, эпиграфики и каменные изваяния. Изучение этих памятников позволило Ч. Валиханову как можно полнее восстановить картину жизни народов, населявших бассейн Иссык-Куля и всю территорию Семиречья в прошлом. «Русская Джунгария*[53],— пишет он,— при сильном господстве кочевого быта, однако, имела небольшую оседлость; первые исторические известия об этом мы находим в китайской истории — именно известие о городе Чигу, который, надо полагать, был на восточном берегу озера Иссык-Куля и построен китайскими рабочими для усуньского куньми. В средние века оседлость здесь сильно распространилась, особенно в Заилийской долине. Города Алмалык (ныне Туркестанское селение), Ханакай и Кайпак (существующий и теперь) и Алмату (где ныне укрепление Верное) были известны по всей торговле и служили станциями на большой дороге, по которой ходили генуэзские купцы в Китай и кипчакские послы к великому хану. Замечательно еще, что в этой части Азии было особенно много несторианских и монофизитских конгрегаций, а на озере Иссык-Куле сирийские якобиты,

*[51] *Там же,* с. 395—396.
*[52] *Там же,* с. 396.
*[53] Имеется в виду Семиречье и Северный Тянь-Шань.

по свидетельству каталонской карты, имели монастырь... Христианство здесь так сильно распространилось, что возбудило против себя несколько гонений, в XVI веке на Иссык-Куле было уже несколько мусульманских селений. Эти данные сильно меня заинтересовали...» В эту поездку Ч. Валиханов нашел следы оседлости почти по всей русской Джунгарии и собрал народные предания, распространенные о них. Он пишет: «...мне удалось приобрести также несколько золотых вещей и монет, найденных на развалинах древнего Алмалыка. Я намерен изложить этот предмет в особой статье»*[54].

Путешествуя по Иссык-Кулю и Центральному Тянь-Шаню, Чокан посещал киргизские аулы, интересовался жизнью и бытом племен бугу, сарыбагышей и солту. Подолгу живя среди них, он часто беседовал со знатоками киргизской старины, слушал песни и рассказы киргизских ырчи (сказителей), без устали записывал народные легенды, исторические и генеалогические предания, сказки и эпические поэмы киргиз.

В то время, когда Чокан проводил научные изыскания среди киргизов Тянь-Шаня и бассейна Иссык-Куля, в Петербурге решался вопрос об отправке в Кульджу «особого лица», для переговоров с китайскими властями относительно налаживания торговых отношений с Китаем, прерванных после того, как была сожжена русская фактория в городе Чугучаке. Для обоюдовыгодного решения этого вопроса китайскому правительству было предложено «назначить с обеих сторон доверенных лиц, которые в Кульдже обсудили бы предметы, требующие взаимных соображений*[55]. Предложение это было принято китайским правительством. В качестве представителя от России первоначально был назначен подполковник М. Д. Перемышельский, пристав казахов Старшего жуза, но впоследствии эта миссия была поручена Чокану Валиханову. В связи с этим генерал Г. Х. Гасфорт дал экстренное распоряжение М. М. Хоментовскому немедленно завершить работы Иссыккульской экспедиции и вернуться обратно. В ответ на это Хоментовский писал: «Получив 27-го июня с нарочным повеление вашего высокопревосходительства касательно возвращения отряда с оз. Иссык-Куля, я сего числа выступил со всем отрядом с р. Аксу и отправился в укрепление Верное». 13 июля Чокан записал в своем дневнике: «Я решил оставить Иссык-Куль. Все, что нужно было мне видеть и знать уже было кончено»*[56].

Чокан вернулся в укрепление Верное в середине июля и оттуда направился в Капал, где ожидали его приезда остальные

---

*[54] См.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., Т. 1, с. 400.

*[55] Отношение МИД генерал-губернатору Западной Сибири. ЦГА УЗССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, лл. 140—146.

*[56] *Там же*, лл. 168—169, 177; Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения; Алма-Ата, 1958, с. 275.

Работа Ч. Валиханова над расшифровкой древних надписей на различных восточных языках. *(Автограф)*.

участники миссии в Кульджу. Вместе с Чоканом отправился в Капал его друг М. М. Хоментовский.

В начале августа 1856 г. Чокан Валиханов направляется в Кульджу. По пути он посетил ряд пограничных пунктов Западного Китая. Чокан был снабжен инструкцией Министерства иностранных дел, в которой говорилось: «...Действовать, во всем совещаясь с консулом в Кульдже»..., «Главная цель наша добиться решения дела с Китаем дружелюбным путем и скорее восстановить прерванные торговые отношения...», «В случае требования китайцев — войти в переговоры и насчет границ наших с Китаем»*[57]. Таким образом, Ч. Валиханову предстояло выполнить сложную дипломатическую миссию, связанную с решением спорных вопросов и установлением нормальных торговых отношений с Китаем. Это важное поручение было выполнено им превосходно. После ряда совещаний с китайскими сановниками в Кульдже правительству удалось упорядочить торговые отношения с Китаем и восстановить дружеские связи между обоими государствами. По авторитетному свидетельству А. К. Гейнса, поездка Ч. Валиханова в Кульджу заложила основу «Тарбагатайского договора и открытия консульства в Кульдже и Чугучаке»*[58].

Ч. Валиханов пробыл в Кульджинском крае около трех месяцев, затем, с наступлением глубокой осени, вернулся в Омск.

В 1857 г. он вновь совершил поездку к алатауским киргизам, об этой поездке Валиханова генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорт представил Министерству иностранных дел следующее донесение: «Состоящий при мне поручик — султан Валиханов отправлен уже в кочевья дикокаменных киргизов для ближайшего наблюдения за ходом дел в частях Западного Китая, прилежащих к южной нашей границе — о движении кашгарского восстания — о мерах китайского правительства к подавлению оного и о духе народонаселения возле городов Кульджи и Аксу, а именно: китайского племени киргизов и сартов, которые, как известно, все более или менее недовольны маньчжурской династией»*[59].

Во время пребывания в горах Тянь-Шаня Чокан Валиханов продолжал сбор сведений о жизни и быте киргизского народа, глубже изучил его историю, этнографию и народную поэзию. В результате неутомимой работы он накопил обширный историко-этнографический материал о киргизском народе. «Этнографические очерки, статистические сведения, исторические известия, памятники народной литературы уйсунов и Дикокаменной орды составляют несколько тетрадей в моих записках»,— писал Чокан Валиханов*[60].

---

*[57] ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1. д. 17, л. 184.
*[58] *Гейнс А. К.* Указ. соч., с. 353.
*[59] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—695, л. 114.
*[60] См.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 1, с.

Особенно важно, что молодой исследователь впервые обратил внимание на знаменитый памятник эпического творчества киргизского народа «Манас», сделал его первую научную запись и осуществил частичный перевод на русский язык. Он впервые подвергает эпос «Манас» историко-литературному анализу, разбирает образ его легендарного героя Манаса и других персонажей киргизского фольклора. «У дикокаменных киргиз,— пишет Ч. Валиханов,— к ногайской эпохе принадлежит единственный эпос —«Манас». «Манас» есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее...«Манас» состоит из многих отдельных эпизодов, имеющих вид целого. Другой эпос «Самятей» служит продолжением «Манаса», и это — бурутская «Одиссея»*[61].

Из «Манаса» Чокан перевел интересный отрывок «Смерть Кукотай-хана и его поминки», понравившийся ему своей реалистичностью и большим количеством историко-этнографических, хозяйственно-бытовых и юридических сведений о киргизах, а также данных об отношениях между древними племенами, населявшими территорию Казахстана. Кроме того, в этом отрывке ярко описан древний кочевой путь киргизов из Южной Сибири в Тянь-Шань.

Научные результаты первых путешествий молодого Ч. Валиханова в 1856—1857 гг. отражены в его замечательных путевых очерках «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Западная провинция Китайской империи и г. Кульджа», «Записки о киргизах». Эти ранние работы Ч. Валиханова написаны им в двадцатилетнем возрасте. Уже в них Чокан Валиханов проявил себя как наблюдательный и эрудированный ученый, имеющий глубокие познания в географии Тянь-Шаня и Семиречья, истории народов, населявших эти районы в древние времена. Представляют большой интерес его описания природы Тянь-Шаня и Семиречья, орографии местности, растительного покрова и животного мира.

Особенно интересен его кульджинский дневник 1856 г., в котором увлекательно и красочно описаны подробности путешествия в Кульджу, жизнь и быт народов, населявших пограничную Джунгарию (китайцы, сибо, солоны, калмыки и др.).

Чокан Валиханов интересуется древней историей киргизского народа. Особенно его занимает факт одновременного проживания киргизов на Енисее и в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Решение этого важного вопроса, выяснение истории кочевания киргизского народа между Саянским хребтом и Тянь-Шанем становит-

---

*[61] *Там же*, с. 420.

ся для молодого исследователя актуальной научной проблемой. Он прекрасно понимал, что эту проблему можно разобрать только на основе письменных источников, генеалогических преданий и легенд. Ч. Валиханов обращается к архивным источникам в надежде найти в них сведения, проливающие свет на историю киргизов XVII—XVIII вв.

Легенды караханидских монет. Расшифровка Ч. Валиханова *(Автограф)*.

На основании собранных источников Ч. Валиханов впервые доказал, что тянь-шанские киргизы являются автохтонами данной территории и жили здесь с незапамятных времен. Но в древности они имели связь с районом Енисея, как областью, составлявшей в то время единое географическое целое с Алтаем, Джунгарской степью и Тянь-Шанем, по которым проходили кочевые пути киргизских племен с юга на север, «...киргизы считают своей первой родиной Анджанские горы,— пишет Ч. Валиханов,— предания о переселении из Южной Сибири между ними не сохранились, но есть предание о том, что они кочевками своими с юга на север

распространялись до Черного Иртыша, Алтая и Хангая, а на восток до Урумчи»[*62].

Чокан Валиханов подвергает критике ошибки, допущенные в некоторых работах географов К. Риттера, А. Гумбольдта, востоковедов В. Шотта и Г. Ю. Клапрота в освещении истории древних киргизов.

Географические и исторические исследования молодого казахского ученого через посредство П. П. Семенова-Тян-Шанского стали известны в научных кругах Петербурга. 27 февраля 1857 г. Чокана Валиханова избрали в состав действительных членов Русского географического общества. Устные рекомендации и отзывы о молодом ученом дали П. П. Семенов-Тян-Шанский и В. И. Ламанский. Они рекомендовали Ч. Валиханова как талантливого исследователя, могущего быть полезным особенно в изучении неизведанных доселе стран Средней Азии и Казахстана. В отзыве П. П. Семенова-Тян-Шанского, сохранившемся в скупой протокольной записи, сказано, что «Чокан Валиханов совершил путешествие на восточные берега Иссык-Куля, где собрал богатый запас географических, этнографических и исторических материалов о Киргизской степи, которые готов сообщить»[*63]. Избрание Чокана Валиханова в действительные члены Русского географического общества означало признание его выдающихся заслуг перед русской наукой.

* * *

Расцвет научной и просветительской деятельности Ч. Валиханова относится к концу пятидесятых — началу шестидесятых годов XIX столетия.

В 1858—1859 гг. он совершает свою знаменитую поездку в Кашгарию, создавшую ему славу отважного путешественника. Изучив географию, историю, политическое устройство, особенности культуры и быта этой почти неизвестной тогда в Европе страны, Ч. Валиханов внес существенный вклад в научное исследование Восточного Туркестана. По сложившимся издавна в Кашгарии порядкам эта страна была закрыта для европейцев. Известный географ Адольф Шлагинтвейт, проникший в Кашгарию годом раньше Чокана, был обезглавлен ходжой Валиханом-тюре. Чокан привез первые достоверные сведения о трагической гибели ученого, судьба которого взволновала весь ученый мир. «Чокан Валиханов успел собрать драгоценные материалы о состоянии всего Алтышара,— писал П. П. Семенов-Тян-Шанский,— и между прочим разведал впервые о причинах и обстоятельствах гибели Ад. Шлагинтвейта»[*64].

---

*62 *Там же,* с. 416.

*63 Архив Всесоюзного географического общества, ф. 1, д. 7 (1857 г.)

*64 *Семенов-Тян-Шанский П. П.* История полувековой деятельности Русского географического общества, ч. 1, Спб., 1896, с. 276.

Поездка в Кашгарию была очень опасна. Весь Восточный Туркестан в то время охватили восстания местных народов (уйгуров, дунган, киргизов и др.).

Главными инициаторами поездки Ч. Валиханова в Кашгарию были замечательные русские ученые Е. П. Ковалевский и П. П. Семенов-Тян-Шанский. К этому присоединилось горячее желание самого Ч. Валиханова изучить Восточный Туркестан.

Возвращаясь из экспедиции в Тянь-Шань, П. П. Семенов-Тян-Шанский подал Г. Х. Гасфорту мысль о необходимости снаряжения экспедиции в Кашгар и выполнение этой задачи советовал поручить Ч. Валиханову. «Само собой разумеется,— вспоминал позже ученый,— что я почел долгом обратить на этого молодого талантливого человека особенное внимание генерала Гасфорта и по возвращении моем из путешествия в Тянь-Шань подал мысль о командировании Валиханова в киргизской одежде с торговым караваном в Кашгар, что и было впоследствии осуществлено Валихановым с полным успехом»*[65]. Он указал Г. Х. Гасфорту на то, что «Ч. Ч. Валиханов был единственным, из состоявших в то время при генерал-губернаторе, офицером, который, будучи послан в национальном киргизском костюме в Кашгар, мог бы по своему развитию и талантливости собрать драгоценные для России сведения о современном состоянии не только Кашгара, но и всего Алтышара и разъяснить причины происходивших в то время смут в Китайском Туркестане»*[66]. При этом П. П. Семенов-Тян-Шанский и К. К. Гутковский составили программу сбора материалов по изучению Восточного Туркестана. Г. Х. Гасфорт, стремившийся создать себе репутацию покровителя науки, охотно откликнулся на это предложение, но просил у П. П. Семенова-Тян-Шанского посодействовать организации такой экспедиции в правительственных кругах, без разрешения которых она не могла быть осуществлена.

П. П. Семенов-Тян-Шанский поставил этот вопрос по приезде в Петербург. Его поддержали ученые-ориенталисты, а также путешественник Е. П. Ковалевский, незадолго перед этим ставший директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел.

Получив одобрение в Географическом обществе, Е. П. Ковалевский уже весной 1857 г. составил докладную записку*[67] на имя министра иностранных дел А. М. Горчакова, в которой обосновал научное и политическое значение экспедиции.

В архивных фондах хранится обширное дело, содержащее не только документальные материалы Кашгарской экспедиции

---

*[65] *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань..., с. 54.

*[66] *Семенов-Тян-Шанский П. П.* История полувековой деятельности Русского географического общества, с. 275—276, 267.

*[67] Авторство этой записки неправильно приписывалось Г. Х. Гасфорту (см. ЗРГО ОЭ т. XXIX, Спб., 1904, с. 330—332; *Стрелкова И. И.* Валиханов («Жизнь замечательных людей»), М., 1983, с. 129.

Ч. Валиханова, но и яркие страницы его биографии. Оно известно под названием «Об отправлении в Кашгар поручика султана Чокана Валиханова»*[68].

Чокан Валиханов, давно мечтавший о путешествиях в далекие и малоизвестные страны, какими были тогда Восточный Туркестан и прилегающие к нему области Тянь-Шаня и Памира, с большой радостью принял предложение возглавить экспедицию в Кашгар.

Когда в Омске и Петербурге началась деятельная подготовка к экспедиции (конец 1857— начало 1858 гг.), Ч. Валиханов находился в горах Тянь-Шаня по делам киргизов и не выезжал из Семиречья до лета 1858 г., ожидая прибытия экспедиционного каравана.

Исходным пунктом экспедиции был назначен аул Сарыбаса у подножья хребта Карамула, в 30 верстах от Капала. Чокан прибыл в Карамулу 28 июня 1858 г. и присоединился к торговому каравану, пришедшему из Семипалатинска и состоявшему из 43 человек, 101 верблюда, 65 верховых и вьючных лошадей и 6 походных юрт (кошей). Чокан обрил голову, переоделся в казахский национальный костюм и назвался Алимбаем, родственником караван-баши Мусабая, купца из Капала. Караван имел официальное разрешение правительства и был освобожден от всяких налогов и пошлин*[69].

Первого июля караван перешел через Алтын-Эмельский хребет и направился в долину р. Или. Переход через Или в то время был очень сложен: моста через реку не было, и переправа каравана производилась при помощи старых плоскодонных каюков, обслуживаемых казахами рода албан.

Отдохнув несколько дней в долине р. Или, караван двинулся дальше и 25 июля достиг живописного горного джайляу Каркары. Здесь Чокан Валиханов бывал не раз. Видя, что животные, пройдя длинный путь от Семипалатинска до Каркары, уже сильно истощены, он решил задержаться в Каркаре на две недели.

В начале августа караван двинулся к киргизским улусам племени бугу, незадолго перед тем добровольно принявшим российское подданство. В долинах Текеса, Каркары и Кокжара, где собралось много поколений рода бугу, Ч. Валиханов прожил весь август и наблюдал годовые поминки по верховному манапу Буранбаю. В это же время здесь торговали приезжие кашгарцы. Чокан Валиханов и его спутники установили деловой контакт с кашгарскими купцами и договорились ехать вместе до Кашгара.

---

*[68] ЦГВИА, ф. ВУА. д. 35—695; Архив МИД. ф. IV—3, д. 1; ЦГА УзССР. ф. 715, оп. 1, д. 18, 19, 20; ГАОО, ф. 336, оп. 1, д. 257.

*[69] ЦГВИА, ф. ВУА. д. 35—695; ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 257, лл. 15—37; ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 18, лл. 463—466; Архив МИД, ф. IV—3, д. 1, лл. 8, 44, 60—64, ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 19, л. 40.

С верховьев Текеса и Каркары в два перехода они миновали проход Санташ, перевал Кзыл-Кия и вышли на дорогу у р. Джиргалан. Далее путь лежал по ровной, плодородной долине Иссык-Куля. Ч. Валиханов обратил внимание на то, что вся эта обширная долина обработана киргизами под посевы.

Девятого сентября караван подошел к р. Зауке (Жууку). Здесь Чокану нужно было наметить наиболее удобный путь в Кашгар. Из долины Иссык-Куля в Кашгар вели три основные дороги: а) восточная, идущая через город Уч-Турфан, б) Большая Аксайская и в) через Атбаш-Арпу.

Чокан Валиханов и его спутники двинулись в Кашгар по Аксайской дороге, проходившей по Сырту Центрального Тянь-Шаня. Это был большой караванный тракт, с давних времен служивший важным путем сообщения между этими древними культурными областями. В Заукинской долине подъем по ущелью был очень труден. В день восхождения на перевал шел мокрый снег. Вьючные лошади и верблюды скользили по мокрым камням. Караван потерял пять верблюдов и две лошади.

«Сегодня мы перешли Зауку,— пишет Чокан,— и выступаем в страны неведомые и незнаемые. Неизвестность эта заставляет меня вести более подробный и правильный дневник. Караван наш только что успел разбить коши и шатры... Кругом видны белые вершины гор, внизу чернеет ущелье, в глубине которого виднеется небольшое озеро. Идет снег и холодно. Я пишу эти строки в коше при свете походного костра»*[70].

Чокан впервые дает географическое описание и характеристику общего Сырта, характеризует его природные и климатические особенности, орографию, флору и фауну. По его мнению, Тянь-Шанский Сырт расположен на высоте около 4000 м и этим определяется суровость его климата. По определению Ч. Валиханова, общий Сырт — это необитаемая высокогорная пустыня. Там господствует «постоянный холод, земля всегда мерзлая, воздух редкий. Это явление киргизы называют «т у т е к». Под словом «тутек» собственно понимается удушье, возникающее от разряженности воздуха и недостатка кислорода. От этого люди и караванные животные часто страдали и нередко погибали.

По существу Чокан с караваном путешествовал почти по гребням Центрального Тян-Шаня, пересекая его по меридиану с севера на юг. Это путешествие длилось 12 дней и закончилось на южном склоне, на перевале Теректы-Даван, которого экспедиция достигла 26 сентября.

Двадцать седьмого сентября караван перешел границу Китайской империи и подошел к небольшой пограничной крепости, обнесенной глинобитной стеной с башнями. После осмотра и опроса пограничными властями он был пропущен в город. Чокан

---

*[70] *Валиханов Ч. Ч.* Дневник во время поездки в Кашгар. Архив ВГО, разр. 64, оп. 1, д. 72.

и караван-баши были торжественно приняты кокандским аксакалом, устроившим их в своем караван-сарае и взявшим под свое покровительство.

Чокан провел в Кашгаре около полугода (с 1 октября 1858 г. до середины марта 1859 г.). За это время он успел близко ознакомиться с городом и хорошо изучить страну Алтышара. Под названием Алтышара тогда были известны города Кашгар, Аксу, Уч-Турфан, Янысар, Яркенд и Хотан, окаймленные горами: на севере Тянь-Шанем и на юге Куэнь-Лунем.

С первых же дней Чокан заметил, что кокандцы здесь пользуются особыми привилегиями. Китайское правительство, например, предоставило им право собирать в свою пользу пошлину с товаров, прибывающих из других стран. Кокандский хан имел в Кашгаре особого чиновника, или так называемого аксакала, являвшегося одновременно торговым консулом и политическим резидентом.

В бытность Валиханова в Кашгаре аксакалом был Насреддин, а затем Нурмагамет-датха. Оба они приняли Ч. Валиханова и его спутников очень радушно, взяли их под свое покровительство. Это было очень важно. Если бы не защита аксакалов, с Ч. Валихановым могла произойти та же трагедия, что и с Ад. Шлагинтвейтом.

Благодаря аксакалу и его сыну Валиханов познакомился с купцами из разных стран, с политическими деятелями, учеными и поэтами Кашгара, от которых услышал самые достоверные сведения о прошлом и настоящем Алтышара. «Знакомства с купцами разных племен,— пишет Чокан,— и из различных стран доставили мне много маршрутов, этнографических, статистических, торговых сведений о соседних странах»*[71].

Исторические сведения он черпал также из письменных источников, местных официальных документов и книг, дополненных рассказами чиновников и купцов*[72].

Во время пребывания в Кашгаре Ч. Валиханов продолжал осваивать уйгурский язык. В его архиве сохранились записи, сделанные им в Кашгаре на уйгурском языке.

С помощью своих ученых друзей Ч. Валиханов приобрел ряд уникальных восточных рукописей, составил нумизматическую коллекцию, гербарий, коллекцию горных пород, в которой были и куски нефрита, добываемого в горах Мирджай и в долине р. Кара-Каш*[73]. Он собрал также разные реликвии: древние грамоты, образцы прикладного и народного декоративного искусства, художественной керамики и т. д.

В конце февраля 1859 г. весна в Кашгаре была уже в разгаре, пора было подумать о возвращении, тем более, что в связи с

---

*71 *Валиханов Ч.* Сочинения. Спб, 1904, с. 53.

*72 *Там же,* с. 54.

*73 *Там же, с. 56.*

бегством Валихан-тюре кашгарцы вновь забеспокоились и в городе было объявлено тревожное положение. Ночью по городу разъезжали конные патрули, были усилены караулы у городских ворот, подступы к городу охраняли сторожевые отряды. Дальнейшее пребывание Чокана здесь становилось опасным. Необходимо было как можно скорее покинуть город. «В конце января,— пишет Ч. Валиханов,— приехало в Кашгар несколько кашгарских купцов из Кульджи и ташкентцев, выехавших из Семипалатинска после нас. Через них распространились слухи, что при караване есть русский агент... В Хокане между купечеством также поговаривали об этом предмете с добавлениями, что русский агент находится вне города на хуторе, где мы держали верблюдов, так что кокандский михтар поручил своему чиновнику, посланному в Кашгар, осмотреть хутор и наших рабочих»*[74]. Об опасности предупреждала его и чаукен. Поэтому Чокан вскоре распрощался с вновь приобретенными друзьями и 11 марта отправился в обратный путь. Его провожала толпа кашгарцев во главе с аксакалом.

Путь Чокана лежал через перевал Тургарт, южнее Теректы. В середине марта теректинский перевал был еще непроходим, там лежал глубокий снег. Чокан и его спутники решили двигаться через Южную Киргизию и по пути осмотреть новые места, прилегающие к Ферганскому хребту.

От Тургарта они направились на замечательное по своей красоте высокогорное озеро Чатыр-Куль, о котором существовало много исторических преданий. До Чокана здесь не ступала нога ни одного исследователя. Оттуда через долины рек Атбаша и Узгена Ч. Валиханов и его спутники вышли на кокандское укрепление Куртка, расположенное на правом берегу Нарына.

Чокана Валиханова очень интересовали обширные долины Атбаша, Арпы и Нарына, представляющие собой оазисы со значительно большими хозяйственными возможностями, чем высокогорный Сырт. Путешественник не преминул определить, что эти долины имеют решающее значение в экономической жизни южных киргизов и являются центром этой горной страны. Наблюдательный ученый нашел здесь следы кипучей жизни прошлых времен, сохранившиеся в виде монументальных памятников архитектуры и богатой городской культуры.

«В нагорной Сырт,— отмечал Ч. Валиханов,— только на низменных и теплых долинах Атбаша, Арпы и Нарына произрастают пшеница и ячмень. Надо полагать, что в древние времена места эти были населены оседлым и полуоседлым народом, ибо, как говорят киргизы, вниз по Атбашу есть развалины большого города, а на Нарыне мы сами видели следы древнего хлебопашества»*[75]

---

*[74] *Валиханов Ч.* Дневник во время поездки в Кашгар. Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 20, лл. 139, об.—140.

*[75] *Валиханов Ч. Ч.* Сочинения, Спб. 1904, с. 383.

Далее караван следовал в северо-восточном направлении, вверх по Нарыну, и шестого апреля в районе Джетым-Чоку пересек большую караванную дорогу, ведущую через Заукинский проход в Иссыккульскую долину.

Успешно окончив свое путешествие за десять месяцев и четырнадцать дней, 12 апреля 1859 г. Чокан прибыл в укрепление Верное (Алма-Ата), имея с собой «богатый запас интересных сведений о Кашгаре»*[76]. Отдохнув здесь около полутора месяцев, он посетил город Семипалатинск, встретился с Ф. М. Достоевским и вернулся в Омск, где занялся обработкой собранных материалов.

В Петербурге с нетерпением ожидали как приезда Чокана Валиханова, так и отчета о результатах его экспедиции. Между Петербургом и Омском шла оживленная переписка, в которой требовали ускорить составление отчета и командировку Валиханова в Петербург. Генерал И. Ф. Бабков писал: «В Министерстве иностранных дел с нетерпением и живым любопытством ожидали сообщения подробностей о поездке Валиханова в неведомый дотоле Кашгар... Более всех интересовался этим Е. П. Ковалевский, как инициатор этого дела и ориенталист по призванию. Слух о пребывании нашего агента в Кашгаре и о собранных им любопытных сведениях о Восточном Туркестане, или Малой Бухарии, по близкому знакомству Е. П. Ковалевского с графом Блудовым, проник и в высшие петербургские сферы. Произведенное впечатление усиливалось еще и тем обстоятельством, что в Министерстве иностранных дел было известно об отправлении также в Кашгар из Индии английского агента, известного Адольфа Шлагинтвейта, который впоследствии был убит в Кашгаре»*[77].

До глубокой осени 1859 г. Чокан находился в Омске, где напряженно работал над отчетом. Он стремился быстрее его закончить, чтобы с наступлением санной дороги поехать в Петербург, где собирался обработать накопленный за время путешествий богатейший материал. В конце августа его посетил Ф. М. Достоевский, возвращавшийся в Тверь. Чокан сообщил ему, что его требуют в Петербург и что через месяц он туда едет*[78].

Результаты кашгарской экспедиции Ч. Валиханова были чрезвычайно важны. Они вызвали огромный интерес ученых.

Чокан привез из Кашгара ряд уникальных восточных рукописей. «Тазкирян Султан Сутук Бугра-хан» («История Сутак-Бугра-хана»), «Тазкирян Туглук-Тимур-хан» («История Туглук-Тимур-хана»), «Тазкирян Ходжагян» («История ходжей»), «Абумуслим Маурузи» и др., а также коллекции горных пород,

---

*[76] *Семенов-Тян-Шанский П. П.* История полувековой деятельности Русского географического общества, с. 276.

*[77] *Бабков И. Ф.* Воспоминание о моей службе в Западной Сибири. Спб., 1912, с. 125.

*[78] Письмо Ф. М. Достоевского к А. И. Гейбовичу от 23 октября 1859 г. «Исторический вестник», 1885, январь.

образцы нефрита, гербарий, памятники нумизматики и многое другое.

Среди обширных материалов, собранных Ч. Валихановым, значительное место занимают его карандашные зарисовки, воспроизводящие типы жителей Восточного Туркестана и их занятия.

Главнейшим результатом поездки Ч. Валиханова в Кашгар явился его капитальный труд «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)». Это был первый научный труд, посвященный истории, географии и социальному строю народов Восточного Туркестана, написанный с учетом достижений современной Ч. Валиханову науки. По охвату новых материалов, а также по широте и глубине их анализа работа его явилась крупным вкладом в отечественную науку. Она не потеряла своего значения и поныне.

В этом замечательном труде проявилась огромная эрудиция молодого ученого, его талант исследователя, острый, пытливый ум; самое отрадное впечатление производят чисто литературные качества этого произведения: образный слог, занимательность, тонкий юмор.

Этот труд Ч. Валиханова имел и большое практическое значение.

Современники Ч. Валиханова — ученые, писатели и военные специалисты — высоко оценили исследования Ч. Валиханова о Кашгаре, считая его подлинным географическим открытием, трудом «в высшей степени полезным для правительства и для наук», восполняющим «пробелы европейских ученых-географов и востоковедов,—сведениями которых мы доселе руководствовались»*[79].

Отчет Ч. Валиханова был использован в дальнейшем при устройстве торговых факторий в Кашгаре, а также при установлении торговых и культурных связей России с Западным Китаем*[80].

Заслуги ученого-путешественника были отмечены переводом его в чин штабс-ротмистра, пожалованием ордена и денежной наградой. По представлению Ч. Валиханова были награждены его верные спутники по путешествию в Кашгар, всего 23 человека*[81]. Награды получили также караван-баши Мусабай, семипалатинский купец Букаш, полковник К. К. Гутковский и другие*[82].

Ч. Валиханов приехал в Петербург в конце 1859 г. Русские ученые встретили его как отважного путешественника, замечательного исследователя, глубокого знатока жизни народов Средней Азии и Казахстана.

Будучи признанным авторитетом по вопросам Средней Азии, Ч. Валиханов пользовался особым расположением как со сторо-

---

*[79] Доклад по Департаменту Генерального штаба. ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 257, лл. 14—15.

*[80] ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 9, лл. 22—23.

*[81] ЦГА ВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 170, лл. 3—4.

*[82] *Там же,* л. 1—2; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—695, л. 300.

ны Министерства иностранных дел, так и Генерального штаба. Оба эти учреждения поддерживали мысль П. П. Семенова-Тян-Шанского об оставлении Ч. Валиханова в Петербурге для научных занятий и поставили перед правительством этот вопрос. Е. П. Ковалевский в письме от 3 апреля 1860 г. на имя военного министра просил причислить «штабс-ротмистра Валиханова к Азиатскому департаменту с тем, однако, чтобы независимо от жалованья, которое он будет получать от Министерства иностранных дел, ему было сохранено жалованье и содержание по чину из сумм военного ведомства»*83. Е. П. Ковалевский писал, что в случае надобности можно «возложить на штабс-ротмистра Валиханова какое-либо поручение со стороны Военного Министерства по предстоящей экспедиции против кокандцев и Министерство иностранных дел не встретит никаких препятствий к командировке его*84.

Министр иностранных дел А. М. Горчаков, ходатайствуя перед Александром II о переводе Ч. Валиханова из Военного Министерства в Азиатский департамент, дает ему следующую характеристику: «Штабс-ротмистр Валиханов, совершивший в минувшем году поездку в Кашгар, изучивший на месте Восточную часть Средней Азии и знающий совершенно несколько наречий тюркского языка, может быть полезным Азиатскому департаменту своими специальными сведениями. А потому по предварительному соглашению с Военным министром я полагал бы причислить Валиханова к сему департаменту*85.

Приказ о переводе Ч. Валиханова в Азиатский департамент был утвержден Александром II 15 июня 1860 г.*86. В нем говорилось: «Состоящего по армейской кавалерии штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова назначить состоять при Азиатском департаменте, с оставлением по армейской кавалерии*87.

Пребывание Ч. Валиханова в Азиатском департаменте является одним из ярких периодов его биографии. Об этом сохранилось особое дело*88, документы которого свидетельствуют о той важной роли, которую сыграл Ч. Валиханов в период присоединения Южного Казахстана и Средней Азии к России.

Ч. Валиханов прибыл в Петербург с огромным запасом знаний, обогащенный интересными наблюдениями, сделанными во время путешествий по горам Тянь-Шаня и Восточному Туркестану.

---

*83 Архив МИД, ф. П—344, л. 2; ЦГВИА, ф. 447, д. 4, лл. 269—269 об.

*84 *Там же.*

*85 О штабс-ротмистре Валиханове. ЦГА ВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, л. 3; Архив МИД, ф. 11—344, л. 4 об; ЦГВИА, ф. 447, д. 4, лл. 276—276 об.

*86 ЦГА ВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, лл. 12—13.

*87 Архив МИД, ф. 11—344, л. 9.

*88 Это дело теперь хранится в архивах Москвы (Архив МИД, ф. II—344, лл. 1—30; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—695; ф. 447, д. 4), Ленинграда (ЦГА ВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, лл. 1—35), Ташкента (ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1 д. 18, 19) и Омска (ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 257).

Эти наблюдения явились предметом увлекательных научных бесед Ч. Валиханова с выдающимися русскими учеными и писателями.

О Петербурге Чокан много слышал еще в Омске от ссыльного поэта С. Ф. Дурова.

С. Ф. Дуров был революционером-демократом, борцом против царского самодержавия. 23 апреля 1849 г. его арестовали вместе с основной группой петрашевцев в числе 35 человек. После восьмимесячного заточения в Петропавловской крепости военный суд приговорил С. Ф. Дурова к расстрелу, который затем был заменен ссылкой на каторжные работы*[89].

Закованный в кандалы, С. Ф. Дуров вместе с Ф. М. Достоевским был отправлен этапом в Тобольск, а затем 23 января 1850 г. помещен в Омскую каторжную тюрьму*[90]. Условия жизни здесь были невыносимы, С. Ф. Дуров вышел из тюрьмы с совершенно подорванным здоровьем. По окончании срока каторжных работ 11 января 1854 г. его определили рядовым на дисциплинарную военную службу и перевели в третий Сибирский линейный батальон в г. Петропавловске. Однако состояние здоровья не позволяло С. Ф. Дурову нести военную службу. Ему разрешили поступить на службу по гражданскому ведомству, определив в должности «канцелярского служителя четвертого разряда в Областное правление Сибирских киргизов»*[91]. Одновременно по указанию Николая I за С. Ф. Дуровым был учрежден «строжайший секретный надзор и сверх того непосредственное наблюдение ближайшего начальства»*[92], в частности военного губернатора области Сибирских киргизов фон Фридрихса. Служа в областном правлении Сибирских киргизов, С. Ф. Дуров вскоре обратил на себя внимание гуманным отношением к людям, честностью, трудолюбием и деловитостью, и по настоянию К. К. Гутковского и Ч. Валиханова вскоре был переведен в третий разряд канцелярских служителей*[93].

Работа в областном правлении позволяла С. Ф. Дурову бывать в степи, знакомиться с жизнью трудящихся казахов. В 1855 и 1856 гг. ему разрешили жить в Кокчетавском округе «для поправления здоровья»*[94]. Но и здесь он находился «под тайным полицейским надзором»*[95]. По предписанию генерала Фридрихса Кокчетавский окружной приказ должен был ежемесячно доносить ему о поведении С. Ф. Дурова.

*[89] Дело о доставлении сведений о политических преступниках титулярном советнике Ивашкевиче и канцелярском служителе С. Дурове. ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 109, лл. 27, 71—72, 87; ГАОО, ф. 14, д. 231, лл. 12—13.

*[90] *Там же.*

*[91] Дело о приеме на службу в Областное правление С. Дурова. ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 541, лл. 1—2.

*[92] *Там же.*

*[93] *Там же,* л. 24.

*[94] *Там же,* лл. 8, 27, 28, 29—30.

*[95] *Там же,* л. 8.

26 августа 1856 г. С. Ф. Дурову было разрешено «возвратиться из Сибири и жить где пожелает в пределах империи, за исключением С.-Петербурга и Москвы»*[96]. Но его задержали в Западной Сибири еще на один год. Только в конце августа 1857 г. он покинул Омск и поселился в Одессе*[97].

Дружеские связи Ч. Валиханова с С. Ф. Дуровым установились сразу по освобождении последнего из Омской крепостной тюрьмы*[98]. Раньше Ч. Валиханов слышал о нем через К. К. Гутковского*[99], интересовался его судьбой, горячо сочувствовал ему и искал случая, чтобы лично встретиться с ним.

С весны 1855 г. местом постоянных встреч друзей был дом Капустиных, а также квартира самого Ч. Валиханова. Во время встреч велись задушевные беседы, обсуждались самые животрепещущие вопросы социально-политической жизни страны, волновавшие всех передовых людей того времени. Во взглядах С. Ф. Дурова и Ч. Валиханова обнаружилось много общего.

Чокан был близко знаком с русским писателем Ф. М. Достоевским, отбывавшим каторгу вместе с С. Ф. Дуровым в Омской крепости. О Ф. М. Достоевском Чокан много слышал в семье Капустиных и Гутковских. По свидетельству А. Е. Врангеля, первое знакомство Чокана с Ф. М. Достоевским произошло в 1854 г. в Омске, в доме Ивановых*[100], у которых часто бывал писатель*[101]. Эта встреча выявила некоторую общность их взглядов и стремлений, и они стали близкими друзьями. Находясь в Омской каторжной тюрьме, названной им «мертвым домом», и по выходе из нее Ф. М. Достоевский еще не отказался от своих передовых взглядов, сложившихся у него в кружке петрашевцев. В беседах с Чоканом и в переписке с ним он проявил себя как большой прогрессивный мыслитель и обличитель пороков прогнившего помещичьего строя в России. Чокану было 19 лет, когда он стал одним из близких друзей великого писателя.

Дружеское общение Чокана с Ф. М. Достоевским, начавшееся со знакомства в доме Ивановых, было продолжено встречами в Семипалатинске и Петербурге и поддерживалось шестилетней перепиской (1856—1862 гг.).

Весной 1854 г. царские власти сочли необходимым удалить Ф. М. Достоевского из областного центра и отправить в глушь. Он был переведен в Семипалатинск на бессрочную солдатскую службу, в 7-ой батальон Сибирского линейного казачьего войска.

---

*[96] Дело о доставлении сведений о политических преступниках титулярном советнике Ивашкевиче и канцелярском служителе С. Дурове. ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 109, лл. 87—88.

*[97] *Там же*, лл. 93—95.

*[98] *Потанин Г. Н.* Биографические сведения о Чокане Валиханове, с. XXV.

*[99] ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 541.

*[100] *Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири, с. 13.

*[101] *Иванов А.* Встреча с Ф. М. Достоевским. «Туркестанские ведомости» 1894, № 12.

В 1856—1858 гг., отправляясь в путешествия по степи, Ч. Валиханов неизменно заезжал к Ф. М. Достоевскому, подолгу беседовал с ним на политические и философские темы.

Встреча Чокана с Ф. М. Достоевским в Семипалатинске — одна из ярких страниц его биографии. Эта встреча запечатлена на фотографии, сохранившейся до наших дней. «Из немногих, посещавших нас последнее время лиц,— пишет А. Е. Врангель,— помню, между прочим, заехал проездом чтобы повидать Достоевского, молодой, премилый офицер-киргиз, воспитанник Омского кадетского корпуса Мухамед-Ханафия Валиханов... Он познакомился с Ф. М. Достоевским в Омске у Ивановых и очень полюбил его»*[102].

Ф. М. Достоевский прекрасно знал жизнь казахского аула. Пользуясь близостью к таким людям, как Попов, А. Е. Врангель и М. М. Хоментовский, занимавшими тогда видное положение, Ф. М. Достоевский мог вместе с Ч. Валихановым и А. Е. Врангелем посещать казахские аулы, бывать в Аркате, в Чингизских и Тарбагатайских горах для археологических исследований. Жизнь казахского народа явилась новой интересной темой бесед между Ч. Валихановым и Ф. М. Достоевским.

После встреч в Семипалатинске друзья расстались надолго, между ними завязалась переписка, представляющая большой общественно-исторический интерес и являющаяся примером близкого идейного общения замечательных представителей двух братских народов. В письмах Ч. Валиханова получили отражение его общественные взгляды, любовь к русскому народу и русской культуре.

Уезжая из Семипалатинска после временной отлучки знаменитого русского писателя в Барнаул, Ч. Валиханов писал Ф. М. Достоевскому: «После Вашего отъезда я только ночевал в Вашем граде и утром на другой день отправился в путь. Вечер этот был для меня ужасно тосклив. Расстаться с людьми, которых я так полюбил, и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело. Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему: Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю».

В ответ на это письмо Ф. М. Достоевский открывает Ч. Валиханову свою душу:

«Письмо Ваше, добрый друг мой, передал мне Александр Николаевич*[103]. Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам... Тут бы можно многое сказать в объясне-

---

*[102] *Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири, с. 95.
*[103] Имеется в виду А. Н. Цуриков.

ние, но чего Вас хвалить! А Вы верно и без доказательства верите моей искренности, дорогой Вали-хан, да если на эту тему написать 10 книг, то ничего не напишешь. Чувство и влечение дело необъяснимое... Когда мы простились с Вами из возка, нам всем было грустно на душе целый день. Мы всю дорогу вспоминали о Вас*[104].

В своем письме Ф. М. Достоевский дает Чокану полезные советы, призывает его к служению родному народу, рекомендует попробовать свои силы на ниве публицистики. Он пишет: «Не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о степи... Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело растолковать в России, что такое степь, ее значение и ваш народ относительно России... Вспомните, что Вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дала Вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать». Этими горячими призывами Ф. М. Достоевский побуждал Чокана действовать активно на поприще просвещения народа. Далее Ф. М. Достоевский пишет: «Я Вас так люблю, что мечтаю о Вас и о судьбе вашей по целым дням. Конечно в мечтах я устраивал и лелеял судьбу. Но среди мечтаний была одна действительность — это то, что вы первый из вашего племени, достигший европейского образования. Уже один этот случай поразителен и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности... Прощайте, дорогой мой, и позвольте Вас обнять и поцеловать 10 раз».

Ф. М. Достоевский и позднее следил за научными успехами Ч. Валиханова, живо интересовался его дальнейшей судьбой. В письме к А. Е. Врангелю из Твери Ф. М. Достоевский пишет: «Валиханов премилый и презамечательный человек. Он, кажется, в Петербурге? Писал я Вам об нем? Он член Географического общества. Справьтесь там о Валиханове, если будет время. Я его очень люблю и очень им интересуюсь»*[105].

Дружеская связь Ч. Валиханова с Ф. М. Достоевским продолжалась в течение многих лет. Она поддерживалась и в Петербурге (1860 г.). После реформы 1861 г. и знакомства с революционной литературой Ч. Валиханов стал критически относиться к деятельности и взглядам писателя, перешедшего на позиции мистицизма и отошедшего от борьбы с самодержавием. В своем письме к А. Н. Майкову Чокан пишет: «Будем говорить теперь о Вас, о Петербурге, о друзьях моих петербургских! Что делают Достоевские? Они редко пишут, в чем, впрочем, я сам виноват, потому что редко отвечаю. Как их журнал идет? Кажется хорошо, судя по объявлениям на продолжение издания. Говоря меж-

*104 *Достоевский Ф. М.* Письма, т. 1, М., 1928. с. 200.

*105 *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 4, с. 88—90; *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 134.

ду нами, я что-то плохо понимаю их почву, народность, то славянофильством пахнет, то западничеством крайним, примирения что-то не видать или не удается им это примирение. По-моему что-нибудь да одно, или преобразования коренные по западному образцу, или держись старого, даже старую веру надо использовать. Китайская середина не идет теперь к делу»*[106].

Ф. М. Достоевский на всю жизнь запомнил своего друга из Казахстана. Все предметы, полученные им от Чокана Валиханова, впоследствии стали для него самыми дорогими сувенирами. В 1866 г. после смерти Чокана он как-то сказал своей жене А. Г. Достоевской: «Видите этот большой палисандровый ящик? Это подарок моего сибирского друга Чокана Валиханова, и я им очень дорожу. В нем я храню мои рукописи, письма и вещи, дорогие мне по воспоминаниям»*[107].

Годы пребывания Ч. Валиханова в Петербурге представляют одну из ярких страниц его биографии. Находясь в окружении передовой русской интеллигенции, внимательно следившей за успехами молодого ученого-путешественника, Ч. Валиханов в эти годы с особой силой мог проявить свой незаурядный талант и знания. В периодической печати того времени встречались отклики о его пребывании в столице. Один из крупных ученых середины XIX в. П. И. Небольсин писал о Чокане: «В Петербурге у нас киргизы редкость; едва ли и пять человек их здесь наберется. Они ходят в общеевропейской форменной военной одежде и, за исключением лишь одного, человека, ничем особенным не заявляют о своем существовании. Этот один еще очень молодой кавалерийский офицер, ...султан Чокан Чингисович Валиханов». «С Валихановым... я лично познакомился в Петербурге и провел несколько самых приятных вечеров,— говорил Л. Н. Плотников,— под мерку его способностей и знаний не только не придутся они (Мухамед-Гали Тяукин и Бабажанов), но, пожалуй, и мы с г. Небольсиным».

Деятельность Ч. Валиханова в Петербурге была весьма кипучей и разносторонней. Он работал в нескольких учреждениях: в Военно-ученом комитете Генерального штаба, Азиатском департаменте, Географическом обществе и одновременно слушал лекции в университете. По поручению Военно-ученого комитета он составлял карты Средней Азии и Восточного Туркестана*[108]. Под его редакцией были подготовлены: «Карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау», «Рекогносцировка западной части Заилийского края» (1856 г.) «План города Кульджи», «Карта к отчету о результатах экспедиции к оз. Иссык-Куль» (1856 г.), «Карта Западного края Китайской империи» и т. д.

*[106] *Валиханов Ч.* Избранные произведения, с. 568.

*[107] Имеется в виду резной ящик работы брата Чокана Махажана. См.: «Описание рукописей Ф. М. Достоевского. М., 1957, с. 4.

*[108] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 4, с. 535—536; *его же* Соч., СПб, 1904, с. 54.

Им кропотливо изучались старинные карты на разных языках*[109].

«В Петербурге я встретил Чокана Валиханова офицером,— вспоминает Н. М. Ядринцев,— как раз в пору его славы... Я его заставал за разными восточными манускриптами и картами»*[110].

В Географическом обществе он принимал участие в подготовке к изданию трудов К. Риттера, составлял материалы по географии и этнографии Казахстана и Средней Азии, читал лекции для членов общества о Восточном Туркестане, Тянь-Шане и Киргизии. Его лекции были очень интересны и увлекательны, некоторые из них иногда публиковались в газетах в кратком изложении*[111].

В Петербурге Чокан постоянно общался с многими выдающимися русскими учеными и литераторами, устанавливал с ними дружеские связи. Тесные дружеские и деловые связи он поддерживал постоянно с вице-президентом Географического общества П. П. Семеновым-Тян-Шанским. Неоднократные беседы с ним способствовали расширению научного горизонта Чокана и в значительной мере направляли его работу в области изучения Казахстана и Средней Азии.

Ч. Валиханов, еще учась в кадетском корпусе, мечтал об университетском образовании. «Чокан, беседуя с Потаниным,— пишет акад. В. А. Обручев,— часто говорил, что они должны поехать в Петербург и поступить в университет, чтобы подготовиться к путешествию»*[112]. Эти мечты, когда Ч. Валиханов жил в Петербурге, были близки к осуществлению. В то время он часто посещал университет и всегда делился своими мыслями о лекциях с П. П. Семеновым-Тян-Шанским: «Самые юные, талантливые и чистые душой вновь развивающиеся местные деятели, как Г. Н. Потанин и Ч. Ч. Валиханов,— пишет П. П. Семенов-Тян-Шанский,— глубоко проникнутые своим стремлением и жаждой знания, стремились закончить высшее образование в Петербургском университете»*[113].

До приезда в Петербург Чокан предполагал слушать лекции на восточном факультете. Но там не читались курсы истории, философии и истории общественного развития, которые в то время больше всего интересовали Ч. Валиханова. Поэтому он посещал лекции на историко-филологическом факультете университета*[114] и продолжал изучать иностранные языки.

Одновременно Ч. Валиханов готовил свои труды для публикации в изданиях Географического общества. Большую помощь и в этом оказывал ему П. П. Семенов-Тян-Шанский. «Я просил

---

*[109] ЦГВИА, ф. ВУА (492), оп. 1, д. 36, л. 75; д. 48, лл. 14, 48, 63.
*[110] *Ядринцев Н. М.* Воспоминания о Чокане Валиханове, с. XXXV.
*[111] См.: «Русский инвалид», 1860, 4 мая.
*[112] *Обручев В. А.* Григорий Николаевич Потанин, с. 39.
*[113] *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань, с. 248.
*[114] *Ядринцев Н. М.* Воспоминание о Чокане Валиханове, с. XXXVII.

Гасфорта,— пишет о Ч. Валиханове в своих мемуарах русский ученый,— дать ему возможность, оставаясь на службе при генерал-губернаторе, приехать в Петербург на продолжительное время для разработки превосходных, уже собранных им, этнографических и исторических материалов о киргизской степи. При этом я обещал Валиханову широкое покровительство и содействие Географического общества»*[115].

Ч. Валиханов установил тесные связи и с русскими учеными-востоковедами и, прежде всего, с профессором А. Н. Бекетовым, редактором «Записок Русского географического общества», в Азиатском департаменте он общался с Е. П. Ковалевским, Ф. Р. Остен-Сакеном, И. И. Захаровым, профессором Петербургского университета, бывшим консулом в Кульдже. Вместе с И. И. Захаровым он работал в высшей школе для ученых занятий при Азиатском департаменте, где преподавал тюркские языки для лиц, едущих в Среднюю Азию. У Ч. Валиханова на квартире часто бывали востоковеды В. В. Григорьев, В. П. Васильев, В. В. Вельяминов-Зернов и др.

Замечательную страницу петербургского периода жизни Ч. Валиханова составляет его дружеское общение с русскими писателями. В бытность в Петербурге он часто бывал у Ф. М. Достоевского, познакомился с его семьей, братом М. М. Достоевским, а также с поэтами А. Н. Майковым, Я. П. Полонским, критиком Страховым и др. Особое значение имела его дружба с единомышленниками Н. Г. Чернышевского братьями Курочкиными. По исследованию В. Г. Баскакова, «Н. С. Курочкин завязал серьезные связи с Чернышевским осенью 1861 г. и с тех пор посещал его квартиру. Оба они присутствовали на похоронах Добролюбова, встречались в шахматном клубе»*[116].

В. С. Курочкин «посещал квартиру Н. Г. Чернышевского, неоднократно встречался с ним в шахматном клубе, принимал участие в работе тайного общества «Земля и воля». В ряде своих подцензурных статей В. Курочкин призывал бороться, не жалея сил, за то великое дело, которое начал Н. Г. Чернышевский*[117].

Василий Степанович Курочкин (псевдонимы — Знаменский, Темный) был одним из известных поэтов-разночинцев 60-х годов. Брат В. С. Курочкина Николай Степанович — один из друзей Чокана Валиханова, поддерживал с ним связь до самой смерти. Он тоже был поэтом и журналистом (писал под псевдонимами Скорпионов и Преображенский). С 1861 г. братья Курочкины состояли членами общества «Земля и воля». С 1862 г. находились под надзором царской охранки в связи с делом «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», т. е. в связи

---

*[115] *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань, с. 249—250.
*[116] *Баскаков В. Г.* Мировоззрение Н. Г. Чернышевского. М., 1956, с. 216.
*[117] *Там же.*

с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. После того, как произошло покушение на жизнь Александра II, братья Курочкины были арестованы и некоторое время находились в заключении в Петропавловской крепости.

В 1861—1862 гг. Н. С. Курочкин редактировал журнал «Иллюстрация», где поместил ряд рисунков из быта казахов, переданных ему Ч. Валихановым.

Повседневно общаясь с выдающимися русскими писателями и учеными, Чокан пробуждал у многих из них интерес к Средней Азии и Казахстану, способствовал укреплению дружеского расположения к народам этих окраин. Он давал некоторым поэтам темы из восточной жизни. Под влиянием бесед с Ч. Валихановым поэт А. Н. Майков написал стихи «В степях», «Альпийские ледники», «Емшан».

Его материалами и консультациями пользовались многие авторы, в частности, А. Ф. Голубев и Д. И. Романовский, офицеры Генерального штаба, писавшие об Иссык-Куле, Средней Азии и Казахстане. Материалы Ч. Валиханова использовали П. П. Семенов-Тян-Шанский, М. И. Венюков, Ф. Р. Остен-Сакен, Е. П. Ковалевский, А. А. Татаринов, А. И. Лерх и многие другие.

Чокан любил острить, зло высмеивать пороки, которые он находил в окружающей его среде. Остроумие, блестящий полемический дар Ч. Валиханова приводили в восторг его друзей — ученых и литераторов, близко знавших его.

* * *

Весной 1861 г. тяжелая болезнь заставила Чокана Валиханова оставить Петербург. По совету врачей он отправился в родную степь с надеждой поправить свое ослабленное здоровье.

В Петербурге Чокан пробыл полтора года. Жизнь в столице, проведенная среди друзей, оставила в его сознании неизгладимый след. Он уезжал из Петербурга идейно обогащенным.

Возвращение Ч. Валиханова в степь было радостным событием для его родных. Вместе с ним приехали его друзья — студент Московского университета (фамилия его не известна), татарский ученый-просветитель Хусаин Фаизхан, близкий друг Чокана И. И. Ибрагимов и другие.

К их прибытию аул Валихановых перекочевал на джайляу и находился на новом пастбище Бурулука. Здесь были все условия для отдыха, для улучшения подорванного здоровья Чокана — воздух, кумыс, баранина, которые Ч. Валиханов считал лучшими средствами от чахотки.*[118]

По воспоминаниям местных жителей-казахов Кокчетавской области около юрты Чокана всегда было шумно, многолюдно.

---

*[118] *Ибрагимов И. И.* Биографические сведения о Чокане Валиханове. ЗРГО ОЭ, т. XXXIX, СПб., 1904, с. XIII.

Сюда стекались жители соседних аулов, желая увидеть молодого ученого, пожать ему руку. Многие из них приходили к нему за советами по различным вопросам.

В ауле Чокан находился в постоянном окружении народных поэтов, сказителей, музыкантов (кобызистов, сыбызгистов и домбристов), певцов, остряков, комиков, которые своими песнями, игрой, представлениями не только развлекали его, но и давали ему богатый научный материал. Такие представления (ойын-саук) иногда продолжались до поздней ночи. И. И. Ибрагимов вспоминает, что «Чокан вечера просиживал долго, слушая пение и рассказы киргиз»*[119].

Чокан особенно любил кобызиста Курумбая Кангожина, певцов Коке Альджанова, Шакена, сказителя Карьке, акробата Абе Тогжанова. Большое удовольствие Чокану доставляла игра его дяди — знаменитого кобызиста Кангожи, прекрасного исполнителя народных кюйев и лирических мелодий на сыбызге и домбре. До сих пор сохранился афоризм, сочиненный отцом Чокана: «Счастье—мое, искусство—Кангожи (Бахыт менікі, өнер Кангожанікі). Чокан часто просил Кангожу сыграть кюи «Балбраун» («Нега») и «Таргыл бука».

Чокану Валиханову по душе был и другой музыкант — Толепберген, сын знаменитого кобызиста Тулака, жившего в районе оз. Турангуль, недалеко от Сырымбета. Это был одаренный юноша, замечательный исполнитель народных мелодий на кобызе и сыбызге. В народе существует легенда о том, что, когда отец и сын играли кюи на оз. Турангуль, мелодии их кобыза и сыбызги доносились до гор Сырымбета.

Из поэтов и сказителей у Чокана часто бывали Шоже, Тогжан, Орумбай, Арыстамбай, поэтесса Ажар (кыз), Сокыр Жырау — потомок известного певца Шала. В бытность Чокана в ауле его отец Чингис всегда приглашал к себе лучших певцов, чтобы предоставить возможность сыну записать их песни.

Живя в ауле, ученый-просветитель вновь столкнулся с тяжелой картиной отсталости, средневековья, страданий бесправных народных масс, томившихся под двойным гнетом. Он видел произвол и насилие чиновников-колонизаторов, деспотизм казахских феодалов. Он не мог мириться с этой тиранией. Отстаивая интересы народных масс, он выступал в защиту их прав, против угнетения и произвола. Но, увлекшись утопическими идеями, он пошел по неправильному пути, допуская возможность сверху, «от власти» создать «счастье народа». Об этом говорит атбасарский эпизод (1862 г.) — выставление Ч. Валихановым своей кандидатуры на должность выборного старшего султана. «Я думал,— писал Чокан в письме к Ф. М. Достоевскому,—как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защитить их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз. При

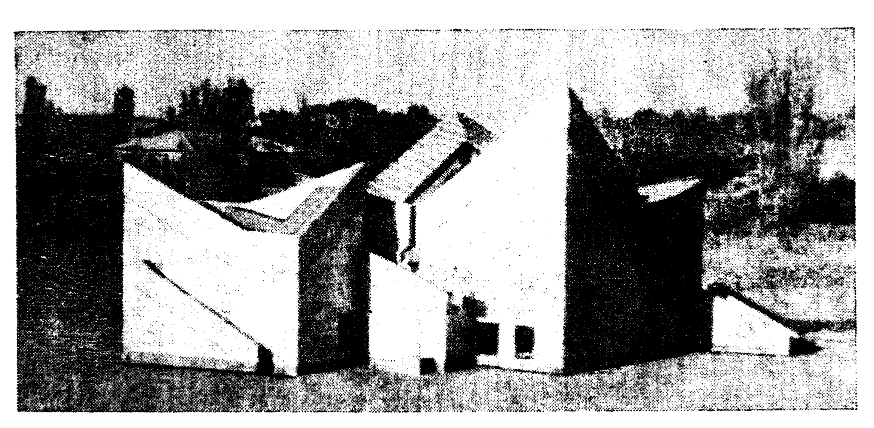
*[119] *Там же*, с. XIII.



Мавзолей Чокана Валиханова. *Рис. Г. Н. Потанина.*

этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель»*[120].

Чокан, конечно, напрасно лелеял надежду на то, что он сможет облегчить участь трудящихся, оградить их от беззаконий и произвола, став султаном. Тем не менее в своей борьбе против угне-



Музей Ч. Ч. Валиханова. Колхоз им. Чокана Кербулакского района Талды-Курганской области.

тателей Ч. Валиханов выражал коренные нужды и чаяния бесправного тогда казахского народа. Ч. Валиханов энергично боролся с отсталыми взглядами, выступал против предрассудков и привычек, порожденных и поддерживаемых феодально-патриархальным укладом.

В письме к А. Н. Майкову Чокан писал: «Мои родные... имеют множество как национальных, так и сословных предрассудков и качеств. Особенно выдается непомерное упорство и тщеславие. Понятно после этого, они имеют слишком высокое мнение о себе, о своем уме и проч. Понятно и то, что всякие советы или споры только раздражают их тщеславие и укрепляют упорство.

Я вижу теперь, что трудно одному бороться со всеми, вижу, что истина, как бы она ни была светла, не может изгнать самых неверных заблуждений, когда они освящены временем»*[121].

Разногласия с родственниками привели к тому, что Чокан вскоре уехал в Омск. Здесь он принимал участие в работе юридической комиссии областного правления и занимался вопросами казахской судебной реформы.

Весной 1864 г. Ч. Валиханов был приглашен в военную экспедицию генерала М. Г. Черняева, в задачу которой входило

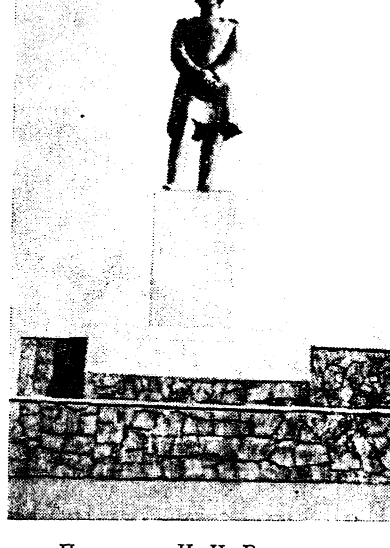
---

*120 *Валиханов Ч.* Избранные произведения, Алма-Ата, 1958, с. 562.
*121 *Там же,* 566—567.

присоединение Южного Казахстана к России. Он принимал участие в военных действиях при взятии крепости Аулие-Ата. Ч. Валиханов считал, что присоединение Южного Казахстана и Средней Азии должно произойти мирным путем, без кровопролития. Он надеялся, что так и будет. Генералу Черняеву перед выступлением было предложено «не отвергать мирные пред-



Обелиск на могиле Ч. Ч. Валиханова (1958 г.).



Памятник Ч. Ч. Валиханову (1979 г.).

ложения, вступить с местными народами в предварительные переговоры». Для участия в такого рода переговорах специально и командировался «штабс-ротмистр Валиханов, весьма развитый азиатец, хорошо знающий русский и татарский языки»*[122]. Однако генерал Черняев, будучи ярым проводником колонизаторской политики царизма, допустил ряд жестоких и бесчеловечных действий, приведших в негодование не только Ч. Валиханова, но и всех передовых людей России того времени.

Ч. Валиханов, естественно, не мог продолжать службу под начальством этого жестокого человека. В июле 1864 г. с группой офицеров, недовольных действиями М. Г. Черняева, он возвратился в г. Верный.

Архивные документы свидетельствуют, что в это время вообще усиливается политическое брожение среди офицеров Сибирского казачьего войска, недовольство мерами царизма. Для рас-

*[122] Письмо А. О. Дюгамеля к Д. А. Милютину. ГПБ им. В. И. Ленина, ф. 169, д. 63/34.

следования политической благонадежности офицеров Сибирского казачьего войска из Петербурга была направлена в Омск особая комиссия, которой поручили, кроме применения жестоких мер и ареста, приводить офицеров к присяге.

В силу создавшейся тяжелой обстановки Чокан решил не возвращаться в Омск. Он выехал из Верного в аул Тезека — старшего султана казахов рода албан, где женился на его сестре.

Живя в ауле, он занимался изучением исторических преданий казахов Старшего жуза, интересовался ходом восстания дунган в Западном Китае, все время поддерживал связи с Петербургом и администрацией Западной Сибири.

До самой смерти он числился на службе по Генеральному штабу и по Азиатскому департаменту*[123].

Восстановить свое подорванное здоровье Чокан Валиханов не смог. Он скончался в апреле 1865 г. в ауле Тезека, в урочище Кочен-Тоган, недалеко от подножия Алтын-Эмельского хребта*[124].

Перед своей кончиной Ч. Валиханов написал отцу последнее письмо. В нем выражалась тоска по родным и знакомым, сожаление о неосуществленных мечтах. «Устал, нет никакой силы,— писал он,— весь высох, остались одни кости, скоро не увижу света. Мне больше не суждено повидаться с моими дорогими родными и друзьями, нет для этого никаких средств. Это будет мое последнее письмо. Прощайте, обнимаю всех». Через некоторое время в Сырымбете было получено письмо от Тезека о смерти Чокана.

В своем последнем письме Чокан просил отца: «Приезжайте в Джетысу, увезите к себе мою бедную Айсары (жену), не оставьте ее без внимания и заботы». Для выполнения этого предсмертного пожелания Чокана летом 1865 г. из Кокчетава в Алтын-Эмель был отправлен караван.

В ауле Тезека участники поездки построили в честь Ч. Валиханова сводчатую гробницу из жженного кирпича, с которой сохранились фотографии*[125] и карандашный рисунок, сделанный Г. Н. Потаниным*[128]. Обратно караван вернулся с женой Чокана.

Память о Чокане Валиханове верно хранили его друзья и товарищи: Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Г. А. Колпаковский, И. И. Ибрагимов, Н. Ф. Усов и многие другие. В ознаменование научных заслуг Чокана Валиханова они по поручению генерала К. П. Кауфмана и при содействии архитектора П. Зенкова установили в 70-х годах XIX в. на мавзолее Ч. Валиханова мраморную плиту с надписью на казахском и русском языках. Текст

---

*[123] ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, л. 33; Архив МИД, ф. 11—344, лл. 76—79.

*[124] Архив МИД, ф. 11—344, лл. 80—81.

*[125] По словам проф. М. Е. Массона, эта фотография хранилась в архиве быв. Туркестанского отдела Географического общества.

*[126] НБТГУ, архив Г. Н. Потанина, д. 21, № 2317.

надписи был составлен самим К. П. Кауфманом*[127], казахский перевод ее — И. И. Ибрагимовым (умер в 1891 г. в г. Хиджазе в должности российского консула). В задании К. П. Кауфмана было сказано: «...Поискать мастера дельного, который бы мог аккуратно и без ошибок вырезать надпись»*[128]. Плиту заказали в Екатеринбурге и везли ее через Омск и Семипалатинск на Алтын-Эмель, где водрузили на могиле Чокана Валиханова. Надпись на плите гласила: «Здесь покоится прах штабс-ротмистра Чокана Чингисовича Валиханова, скончавшегося в 1865 г. По желанию туркестанского генерал-губернатора Кауфмана 1-го, во внимание ученых заслуг Валиханова, положен сей памятник генерал-лейтенантом Колпаковским в 1881 г.»*[129].

В первой редакции надписи за этим текстом следовало: «Этот камень положен... в память уважаемого и любимого всеми покойного Чокана Валиханова*[130]. Потом эти слова были изъяты.

С тех пор прошло более ста лет и тот памятник Ч. Валиханову давно разрушен временем. Но благодарное потомство не забыло замечательного сына казахского народа. В 1958 г. советские люди поставили на могиле Чокана Валиханова высокий обелиск. В канун 150-летия со дня его рождения здесь, вблизи колхоза им. Чокана, построен мемориальный комплекс (музей, памятник, обелиск). Сюда приезжают деятели науки, литературы и искусства, туристы, чтобы почтить память великого казахского ученого и просветителя. Здесь побывал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана тов. Д. А. Кунаев.

* * *

Выдающийся казахский ученый и просветитель Ч. Валиханов оставил после себя обширное литературное наследство. За свою короткую жизнь он успел написать ряд работ, посвященных истории, географии и этнографии народов Средней Азии и Казахстана; а также довольно значительное количество произведений на общественно-политические темы. Это был вполне сформировавшийся крупный ученый с энциклопедическим складом ума, сумевший поставить по-новому ряд вопросов в современной ему науке. «Большой охват фактического материала, широта раскрываемых вопросов, обоснованность многих решений побуждают современного исследователя обращаться к его работам как к разновидности первоисточников. В произведениях Ч. Ч. Валиханова мы находим и точные заключения, и непосредственные наблюдения, и сохранившиеся в народной памяти сведения о событиях прошлого. Знание народных традиций и преданий, а

---

*[127] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 20, д. 4119, лл. 1—5.
*[128] *Там же*, лл. 3, 7—8.
*[129] ЗРГО ОЭ. т. XXIX, СПб., 1904, с. XVII.
*[130] *Там же*, с. XV; ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 20, д. 4119, л. 1.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
ТОМЪ XXIX.

СОЧИНЕНІЯ
ЧОКАНА ЧИНГИСОВИЧА ВАЛИХАНОВА.

изданы подъ редакціею

д. ч. Н. И. Веселовскаго.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ. Моховая, 40
1904.

Титульный лист первого издания Сочинений Ч. Ч. Валиханова.

ОЧЕРКИ ДЖУНГАРІИ.

(Съ двумя портретами дикокаменныхъ Киргизъ).

Надъ Средней Азіей висѣла до сихъ поръ какая-то таинственная завѣса. Не смотря на близкое сосѣдство двухъ могущественныхъ европейскихъ державъ, Россіи и Англіи, большая часть ея все-таки остается для европейской науки во многихъ отношеніяхъ недоступною. Нашъ ученый товарищъ по обществу П. П. Семеновъ, издавая II томъ своего перевода Риттеровой „Erdkunde von Asien" пришелъ къ тому заключенію, что центральная Азія изслѣдована никакъ не болѣе внутренней Африки. Дѣйствительно, сбивчивыя и противорѣчивыя данныя, существующія въ нашей географической литературѣ о Средней Азіи, дѣлаютъ эту страну, если не совершенной terra incognita, какъ говорилось въ старину, то по крайней мѣрѣ труднымъ, научнымъ ребусомъ, а о среднеазіатскомъ человѣкѣ мы почти ничего не знаемъ.

Средняя Азія въ настоящемъ своемъ общественномъ устройствѣ представляетъ явленіе крайне печальное, какой-то патологическій кризисъ развитія. Вся страна, нисколько не преувеличивая, есть не болѣе не менѣе, какъ одна громадная пустыня съ заброшенными водопроводами, каналами и колодцами, усѣянная развалинами; пустыня занесенная пескомъ, заросшая урод-

Очерки Джунгарии (текст первого прижизненного издания). Записки Имп. Русского географического общества под редакцией А. Н. Бекетова. Кн. I, СПб., 1861.

также многочисленных документальных материалов дало ему возможность масштабно и глубоко осветить наиболее трагические моменты истории Казахстана»*[131].

Свою научную деятельность Ч. Валиханов начал еще будучи воспитанником кадетского корпуса. Заинтересовавшись работами востоковеда И. Н. Березина, Ч. Валиханов вступает в переписку с ним и по его поручению выполняет ряд разысканий в области казахского языка. Ч. Валиханов написал также рецензию на работу И. Н. Березина «Ханские ярлыки», которая явилась его первым научным трудом. Ч. Валиханов сделал обширные извлечения из «Джами'ат-таварих» Жалаири, впервые перевел на русский язык ее основные главы, комментировал и приобщил к переводу словарь восточных терминов. Он сделал обширные выписки из «Шейбани-намэ», «Шеджере-и тюрк» Абулгази (по изданию И. Н. Березина), на основе которых позднее составил важный в теоретическом отношении труд «Киргизское родословие».

«Джами'ат-таварих» Валиханов определяет как редкое историческое сочинение, как свод казахских народных исторических преданий XV—XVI вв. «Предания киргиз о своем происхождении,— пишет он,— оправдываются сказаниями «Шейбани-намэ» и «Джами'ат-таварих», которая написана киргизом Большой орды джалаирского рода».

Как уже отмечалось, Ч. Валиханов прекрасно знал несколько восточных и европейских языков. Это дало ему возможность изучить древние источники в подлиннике. Кроме русских, ему были доступны почти все европейские и восточные источники, касающиеся географии и истории народов Средней Азии и Казахстана. Ему были хорошо известны многие нарративные источники, написанные на персидском, арабском и тюркском языках, над текстами которых он долго и кропотливо работал. Впоследствии Ч. Валиханов изучал известные сочинения «Бабур-намэ», «Тарихи-Рашиди», «Тазкиряи ходжаган», данные из которых он использовал в своих трудах.

В 1854 г., будучи участником экспедиции полковника К. К. Гутковского, Ч. Валиханов посетил Капальское укрепление, где произвел запись легенд и преданий казахов Старшего жуза. Еще раньше он изучал архитектурные памятники Бутагай (на р. Нура), Джубан-Ана и Аитбулат (на р. Сарысу) в Центральном Казахстане.

Особенно плодотворными в научном отношении были для Ч. Валиханова 1856—1858 гг. В Семиреченском крае он изучал древние городища Алматы, Койлык, Алмалык, собирал коллекции древних монет, делал зарисовки с натуры Тамгалытас (на р. Или), наскальных рисунков в горах Чулактау и возле Джун-

*[131] *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики Российской империи. Алма-Ата, 1971 с. 30.

гарских Ворот, каменных изваяний на северном берегу Иссык-Куля и на р. Аягуз.

К этому периоду относятся его замечательные дневники о поездке на Иссык-Куль, в Кульджу, в Кашгар, «Смерть Кукотай-хана», «Заметки по истории южносибирских племен» («Записка № 1»).

Среди научных трудов Чокана Валиханова огромный интерес представляют его исследования, посвященные историко-географическому обзору Семиречья, Иссык-Куля, Тянь-Шаня и Восточного Туркестана —«Очерки Джунгарии», «Записки о киргизах», «О состоянии Алтышара или Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)».

Значительную научную ценность представляют исследования Ч. Валиханова по истории и этнографии казахского народа, а также статьи, касающиеся социально-политических отношений в казахской степи. Это —«Аблай», «Киргизское родословие», «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи», «Шуна-батыр», «Записка о судебной реформе», «О мусульманстве в степи», «Следы шаманства у киргизов», «О кочевках киргиз» и другие.

В ряде работ Ч. Валиханов выступает не только как историк и этнограф, но и как литератор, публицист, замечательный художник слова. Весьма любопытны его незаконченные исследования по теории казахской народной поэзии и киргизскому эпосу «Манас».

Большое значение для истории казахской литературы имеет эпистолярное наследие Ч. Валиханова, его переписка с выдающимися русскими писателями и учеными. В этой переписке, как и в его дневниках, с большой силой выступает публицистическое дарование Валиханова. «Если бы Чокан имел в киргизском народе читающую среду,— пишет Г. Н. Потанин,— он мог бы стать гением своего народа и положить начало литературному возрождению своих единомышленников».

Дневники Ч. Валиханова написаны в стиле художественного очерка порою с большими лирическими отступлениями («Дневник поездки в Кульджу», «Дневник поездки в Кашгар»). Для этих дневников характерно сочетание живого и увлекательного описания природы с глубоким знанием народной жизни. В кульджинском дневнике отмечены вехи истории, культуры и быта народов Синьцзяна, их культурные взаимосвязи с древних времен до XIX в. В нем запечатлены интересные наблюдения и живые восприятия картин народного быта Тянь-Шаня и пограничной Джунгарии.

Ч. Валиханов известен также как неутомимый собиратель изустных сказаний, редких рукописей, памятников нумизматики, сфрагистики, образцов прикладного народного искусства народов, населявших Казахстан и Среднюю Азию. П. П. Семенов-Тян-Шанский и Ф. Р. Остен-Сакен пишут, что «для собирания этих

материалов Валиханов не щадил ни трудов, ни пожертвований, тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа, изучая среднеазиатские наречия, дорогою ценою скупал древности, с опасностью для жизни проникал в буддийские монастыри и доставал там редкие рукописи»*[132].

Научные заслуги Ч. Валиханова как исследователя Средней Азии и Восточного Туркестана были признаны мировой наукой. Труды его печатались на русском, английском, немецком и французском языках. Они были достойно отмечены учеными и, прежде всего, П. П. Семеновым-Тян-Шанским, И. В. Мушкетовым, М. И. Венюковым и Н. А. Аристовым. По замечанию И. В. Мушкетова, труды Валиханова по географии Тянь-Шаня и Семиречья «имеют важный научный интерес и обличают широкое образование и редкую наблюдательность в авторе». По оценке М. И. Венюкова, действительно научные исследования Тяньшанской горной страны принадлежат Валиханову и Голубеву. «Как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения Чокан Чингисович Валиханов,— писал известный ученый Н. И. Веселовский.— Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов»*[133]. Эти волнующие слова, высказанные одним из крупных ученых-востоковедов России, стали общепризнанной оценкой деятельности Ч. Валиханова.

* * *

Общественно-политические и философские воззрения Ч. Валиханова формировались в сложной исторической обстановке. В 40—60-е годы XIX в. завершился длившийся более ста лет процесс добровольного присоединения Казахстана к России. Но этот процесс не был плавным, спокойным. Феодальная казахская аристократия, опасаясь за свои права и привилегии, оказывала упорное сопротивление присоединению к России. Одной из форм такого сопротивления было феодально-монархическое движение Кенесары Касымова, носившее ярко выраженный реакционный характер. В то же время широкие народные массы активно выступали за упрочение связей русского и казахского народов, понимая, что только при помощи русского народа, его передовой культуры можно преодолеть отсталость и невежество, освободиться от патриархально-феодальных отношений и добиться для себя лучшей жизни. Ч. Валиханов отмечал, что в «настоящее время, можно сказать, происходит незаметная, но сильная борьба старины с новизной: мусульманской, подражающей Востоку, и русской»*[134].

---

*[132] Отчет РГО за 1865 г., Спб., 1866, с. 10.

*[133] *Веселовский Н.* Предисловие (к Сочинениям Ч. Ч. Валиханова). ЗРГО ОЭ, т. XXIX, с. 1.

*[134] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 389.

Вместе с тем и в самой России происходили важные события, оказавшие серьезное влияние на экономическое и политическое развитие национальных окраин. В середине прошлого столетия в стране обострилась политическая и идеологическая борьба в связи с кризисом крепостничества. Под воздействием растущей борьбы народных масс в повестку дня был поставлен вопрос об уничтожении в России крепостной системы и проведении демократических преобразований.

Острота и сложность политического положения как в Казахстане, так и в России в целом не могли не отразиться на мировоззрении Ч. Валиханова. В его сочинениях затрагиваются самые животрепещущие проблемы жизни казахского народа, он упорно ищет путей облегчения тяжелой участи народа. Его волнуют судьбы казахов, а также других народов России.

Социологический анализ опубликованных трудов, а также архивных материалов показывает, что Ч. Валиханов по своим социально-политическим взглядам примыкал к прогрессивному, демократическому лагерю России, выступавшему против самодержавно-крепостнического строя, против колонизаторской политики царского правительства. Ч. Валиханов был убежденным сторонником прогресса, демократических преобразований, горячо стремился содействовать устранению пороков современного ему общества. Деятельность Ч. Валиханова носила просветительский характер, но и в ней были сильны элементы критики существующего строя, заметно стремление добиваться существенных изменений в социально-политическом устройстве казахского общества. Все это дает право назвать Ч. Валиханова просветителем-демократом, большим патриотом своего народа и России, гуманистом в самом лучшем понимании этого слова.

Мировоззрение Ч. Валиханова как просветителя-демократа сформировалось под воздействием лучшей, демократической части русского общества в лице декабристов и петрашевцев, сосланных царским правительством в казахские степи, а также в результате влияния на Ч. Валиханова великих русских революционеров-демократов — Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Другим источником формирования мировоззрения Ч. Валиханова была многовековая культура казахского народа, его политическая история, борьба народных масс за свободу и независимость.

Красной нитью через многие произведения Ч. Валиханова проходит мысль о пути, по которому должно пойти дальнейшее историческое развитие казахского общества. Ч. Валиханов уже в юношеские годы пришел к твердому выводу, что только с помощью русского народа путем приобщения к передовой русской культуре казахский народ сможет вступить на путь экономического, политического и культурного прогресса.

Во многих своих произведениях он с болью говорит об отсталости своего народа, который еще пребывает в «безыскусственном

периоде» форм общественного развития*[135]. Именно исходя из интересов народа Ч. Валиханов полагал, что дальнейшее упрочение связей с Россией откроет для казахов перспективы всестороннего экономического и культурного подъема. Он выступил как самый решительный противник национальной замкнутости и ограниченности и горячо защищал идеи дружбы народов, идеи заимствования отсталыми народами всего передового у более развитых наций.

Но признание решающей роли России для преодоления отсталости и бескультурья Казахстана отнюдь не означало, что Ч. Валиханов в этих целях допускал возможность потери национальной самостоятельности своих соплеменников. Как отмечает Н. М. Ядринцев, «Чокан оставался любящим свой народ, свое племя. В его мечтах было совместить европейское просвещение и сохранить свою народность»*[136].

Вместе с тем Ч. Валиханов выступил решительным критиком царских колониальных властей, чинивших произвол и беззаконие в казахской степи. Во многих произведениях, особенно в письмах к своим русским друзьям, он с крайним возмущением пишет о царских чиновниках, которые, пользуясь отсталостью и темнотой казахских трудящихся, подвергают их форменному грабежу. «Берут страшно и явно...»,*[137]— с гневом пишет он о действиях степной администрации.

Однако Ч. Валиханов не смог подняться до понимания необходимости радикальных мер для коренного переустройства общества. Он ошибочно полагал, что зло заключается не в колониальной системе в целом, а в отдельных представителях царской администрации. Отсюда и его неоднократные попытки добиваться замены наиболее реакционных чиновников людьми, придерживающимися либеральных взглядов.

Хотя Ч. Валиханов в толковании общественных процессов оставался в целом на идеалистических позициях, в его произведениях содержатся глубокие и оригинальные мысли, которые можно рассматривать как материалистическую тенденцию в его мировоззрении. В этом отношении представляет большой интерес «Записка о судебной реформе», в которой он защищает интересы народных масс и ставит вопрос о сущности и природе реформ, проводившихся правящими классами.

Высказывая свое мнение о подготавливавшейся реформе судебного дела в казахской степи, Ч. Валиханов писал, что к реформам вообще нужно подходить с учетом особенностей общественно-исторического процесса, анализировать роль различных факторов в общественной жизни. Подчеркивая важность проведения общественных реформ, Ч. Валиханов указывает на необходимость

---

*[135] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 499.
*[136] *Ядринцев Н.* Воспоминания о Чокане Валиханове, с. XXXIX.
*[137] *Валиханов Ч.* Избранные произведения, с. 581.

критически относиться к различным теориям, лежащим в основе проводимых социальных мероприятий. Он пишет: «...нет вопроса общественного, который был бы так всемогуще важен, как вопрос о народных реформах. Нет сомнения, что все законодатели и реформаторы имели и имеют в виду общественную пользу, но понятия о том, что полезно и что вредно для общественного развития в разные века были различные и теперь между нами ходит много диких гипотез, которые по рутине и по привычке к прошлым преданиям принимаются многими на веру, как непреложные аксиомы, хотя науки ясно доказали их ошибочность и несостоятельность»*138.

Говоря о природе реформ, Ч. Валиханов особое внимание обращает на «экономические и социальные» стороны этого вопроса, указывая, что они прямо касаются «насущных нужд народа, а реформы политические допускаются как средства для проведения нужных экономических реформ, ибо каждый человек отдельно и все человечество коллективно стремится в развитии своем к одной конечной цели — к улучшению своего материального благосостояния, и в этом заключается так называемый прогресс. С этой точки зрения, полезны только те реформы, которые способствуют улучшению быта человека, и вредны те, которые почему-либо мешают достижению этой цели»*139.

Указание Ч. Валиханова на первостепенную роль экономических, социальных факторов, как побудительных мотивов общественно-политических преобразований, свидетельствует о его догадках о том, что общественный прогресс в конечном счете обуславливается потребностями развития материальной жизни общества. Однако эти мысли не воплотились у него в стройную социологическую схему.

Определяя содержание понятия «прогресс» как улучшение материального благосостояния людей, Ч. Валиханова считал, что лишь распространение просвещения, «истинного знания», подъем культуры являются средствами, при помощи которых возможно достигнуть прогресса. «Для нормального роста и развития народа,— писал он,— необходимы прежде всего свобода и знание... Выходит, что прежде всего нужно учить»*140.

Ч. Валиханов подходит к объяснению общественных явлений с просветительской точки зрения. В ту историческую эпоху такой взгляд объективно имел прогрессивное значение, ибо просветительство поднимало на борьбу с невежеством, содействовало распространению светского образования, проникновению на национальные окраины передовой русской культуры.

Вскрывая антинародный характер судебной реформы, Ч. Валиханов высказывает мысль о противоположности интересов бо-

*138 *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 495.
*139 *Там же.*
*140 ЦГИА, ф. 159, оп. 1, д. 179, л. 73.

гатых и бедных. Не поднявшись до понимания классовой борьбы как движущей силы общества, Ч. Валиханов все же ясно видел в казахском патриархально-феодальном обществе деление на классы: на привилегированные слои общества — султанов, биев, баев, ходжей,— с одной стороны, и бедняков, «степной пролетариат», по выражению Ч. Валиханова,— с другой. Интересы этих слоев совершенно не совпадают —«...интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают большей частью враждебны интересам массы, большинства»*[141]. Ч. Валиханов имел в виду такую форму организации власти, которая отвечала бы интересам народных масс, а не кучки казахских феодалов, «...мнения же султанов и биев еще менее заслуживают уважения,— указывал он,— ибо интересы целой нации по строгой справедливости должны предпочитаться выгодам отдельного сословия»*[142].

Хотя в объяснении общественных явлений Ч. Валиханов стоял на идеалистических позициях, он тем не менее в ряде вопросов, как отмечалось выше, сумел подняться до материалистического понимания некоторых сторон современной ему действительности.

Большой интерес представляют философские взгляды Ч. Валиханова, в частности, его рассуждения о происхождении религиозных представлений у людей. Справедливо полагая, что религия является одним из серьезнейших препятствий, стоящих на пути распространения знаний, прогресса, Ч. Валиханов уделил много внимания разоблачению реакционной роли религии и мусульманского духовенства.

Объяснение Ч. Валихановым сущности религиозных представлений, в частности шаманства у казахов, показывает, что он основной вопрос философии — об отношении материи и сознания — решал с материалистических позиций. Просветитель приходит к выводу, что природа, окружающая действительность существует независимо от сознания человека. Он не признает ни начала мира, ни его конца, считая мир вечным и бесконечным. Вместе с тем, возникновение религиозных представлений у людей Ч. Валиханов считает результатом воздействия сил природы, объективный реальности на человека, пытающегося понять мир, объяснить его явления, а также бессилие человека перед силами природы. В статье «Следы шаманства у киргизов» он пишет: «Природа и человек, жизнь и смерть были предметами высочайшего удивления и были всегда преисполнены неисследимой тайны. Природа и человек! Скажите, что может быть чудеснее и таинственнее природы и человека? Необходимая потребность познать Вселенную с ее чудесами, вопрос о жизни и смерти и отношениях человека к природе породили шаманство — обожание Вселенной

*[141] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1, с. 495.
*[142] *Там же,* с. 497.

или природы и духа умерших людей. Так младенчествующий человек был приведен к почитанию солнца, луны, звезд и того бесконечного, вечного и разнообразного, что мы называем природой или Вселенной»*[143].

Попытки Ч. Валиханова дать научное объяснение причин, породивших религию, несомненно, являлись шагом вперед в условиях его времени. Вместе с тем следует отметить, что объяснение Ч. Валихановым гносеологических корней религии с просветительских позиций исключает анализ социальных корней религии. Как и другие просветители, Ч. Валиханов не понял того, что происхождение религиозных представлений явилось следствием не только темноты и невежества людей, их неумения объяснить тайны природы, но и общественных условий их жизни. Ч. Валиханов понимал и объяснял религию в духе домарксовского материализма. Материализм Ч. Валиханова в понимании религии состоял в том, что он отрицал наличие сверхъестественной силы, бога, демиурга.

Особенно острой критике Ч. Валиханов подвергал ислам. В записке «О мусульманстве в степи» он с большой убедительностью разоблачает реакционную сущность ислама, смело выступает против мусульманского фанатизма и реакционного духовенства, в которых он видит одно из главных зол, тормозящих развитие казахского общества.

Ч. Валиханов рассматривал ислам как средство обмана масс, источник предрассудков и суеверий. Он видел, что мусульманская религия открыто отстаивает средневековье, защищает феодальные привилегии. Просветитель доказывал, что царское самодержавие нашло в мусульманском духовенстве опору для проведения своей колониальной политики, с негодованием осуждал идею использования ислама в целях разъединения народов, имея в виду, что народные массы под влиянием ислама могут отойти от передовой русской культуры. Он писал: «Мусульманство пока не въелось в нашу плоть и кровь. Оно грозит нам разъединением народа в будущем»*[144].

Передовые просветительские идеи Ч. Валиханова ярко отражены в его высказываниях о положении в среднеазиатских ханствах. Хорошо зная жизнь среднеазиатских народов, страдавших под гнетом феодальных ханов и беков, он в своих работах обличает феодальный застой и деспотизм, с сожалением говорит об отсталости народов Средней Азии: «В Маврельнагре...,— писал Ч. Валиханов,— в самой просвещенной и богатой стране древнего Востока.., теперь господствует невежество и бедность более чем где-нибудь. Библиотеки Самарканда, Ташкента, Ферганы.., Хивы, Бухары и проч., обсерватория в Самарканде безвозвратно погибали под беспощадной рукою татарского вандализма

*[143] *Там же*, с. 471.
*[144] *Там же*, с. 524.

и бухарской инквизиции, которая предала проклятию всякое знание, кроме религиозного»*[145]. Ч. Валиханов энергично выступал против консервативных форм жизни народов Средней Азии и Казахстана, обличал пороки общественного строя, порождавшие эту осталость и застой. «...Передовые сыны России,— отмечал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана тов. Д. А. Кунаев,— единомышленники Чокана Валиханова, Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина — всегда выступали в защиту угнетенных народов»*[146].

Мечты великого казахского ученого, просветителя Ч. Валиханова о просвещении и подъеме культуры родного народа, об избавлении от ига деспотизма и насилия, о счастливой и свободной жизни осуществились лишь много лет спустя после его кончины. В результате Великой Октябрьской социалистической революции казахский народ под руководством Коммунистической партии сбросил с себя цепи классового и национального угнетения, создал свою национальную социалистическую государственность, плечом к плечу, рука об руку со всем советским народом стал творцом развитого социалистического общества. Благодарные потомки чтят память о Ч. Ч. Валиханове, деятельность которого сыграла выдающуюся роль в становлении дружбы казахского и русского народов. В честь Валиханова названы: район в Кокчетавской области, колхозы и совхозы в Кокчетавской и Талды-Курганской областях, педагогический институт в Кокчетаве; в Алма-Ате — Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, средняя школа № 68 и одна из улиц столицы. Памятники Валиханову установлены в Алма-Ате и Кокчетаве. На могиле (урочище Алтынэмель Талды-Курганской обл.) воздвигнут обелиск, сооружен мемориальный комплекс. В честь Валиханова учреждена премия АН КазССР, присуждаемая за выдающиеся достижения в области общественных и географических наук, а также Государственная премия в области изобразительного искусства и архитектуры. В честь Валиханова названа вершина, которая находится на северном склоне Заилийского Алатау в верховье Среднего Талгара. В Омске на здании бывшего кадетского корпуса (ныне Общевойсковое училище им. М. В. Фрунзе), в котором учился Валиханов, установлена мемориальная доска. За последнюю четверть века дважды всенародно отмечается юбилей выдающегося просветителя (1959, 1985), издаются его избранные произведения (1961—1972, 1984—1985 гг.). Писатели Г. Марков, С. Муканов написали романы, И. Стрелкова — книгу «Ч. Валиханов» из серии «Жизнь замечательных людей».

Так имя и научное наследие Ч. Ч. Валиханова стало достоянием советского народа, строящего коммунизм.

А. Маргулан.

---

*[145] *Там же,* с. 393.

*[146] *Кунаев Д. А.* Избранные речи и статьи, М., 1978, с. 434.

ВОСПОМИНАНИЯ О Ч. Ч. ВАЛИХАНОВЕ

Н. И. ВЕСЕЛОВСКИЙ.

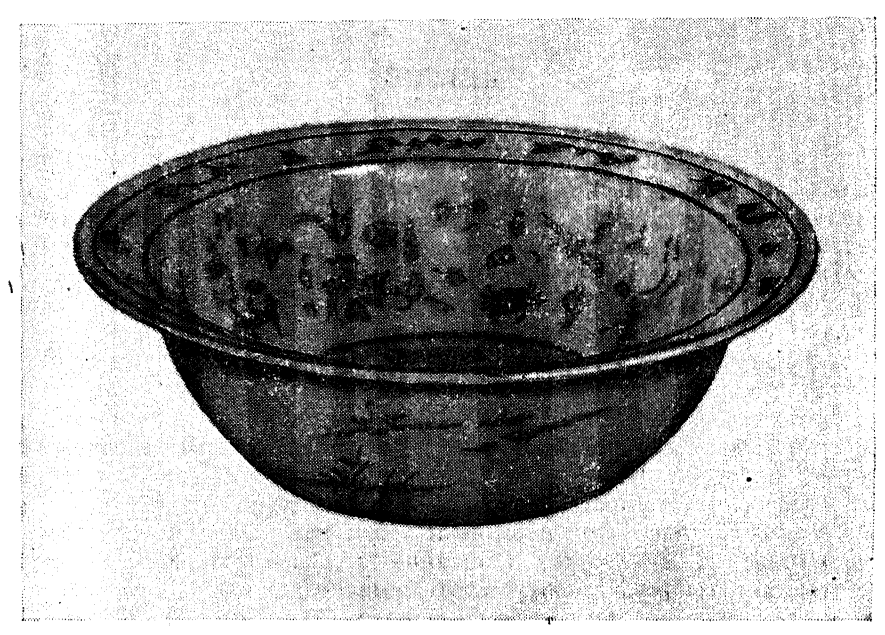
МЕТЕОР

Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских ханов и в то же время офицер русской армии Чока́н Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд. Он умер от чахотки, не достигнув и 30-летнего возраста. Генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт, обративший внимание на выдающиеся способности Валиханова, стал, насколько возможно, покровительствовать ему в ученых занятиях и выхлопотал для него поездку в Кашгар, ознаменовавшуюся важными результатами в научном отношении. Когда Валиханов вернулся из Кашгара, Гасфорт сам принимал участие в редактировании отчета об этой поездке и затем дал Валиханову командировку в С.-Петербург. Описание путешествия в Кашгар и составляет главную работу этого замечательного человека; другие его статьи, за ничтожным исключением, остались или необработанными, или в виде черновых набросков, но и эти статьи большею частью сохранились не в автографах, а переписанными другою рукою[1*1], причем переписчик не всегда справлялся со своей задачей; при чрезвычайно неразборчивом почерке Валиханова, он то оставлял пробелы в своем списке, то искажал слова, а сам автор почему-то не сделал исправлений. Тем не менее все изыскания Валиханова настолько важны, что совет И. Р. географического общества на заседании 24 апреля 1867 г. постановил издать в «Записках» общества все рукописи, оставшиеся после Ч. Ч. Валиханова. Это предприятие тогда не осуществилось, а некоторые статьи Валиханова, требовавшие обработки, разошлись по рукам. Так, в бумагах В. В. Григорьева я нашел две тетрадки Чокана, одна заключала киргизский текст сказания об Идиге, другая — сокращенный русский перевод его[*2].

[1*1] Некоторые бумаги переписаны К. К. Гутковским, помощником военного губернатора в Омске, очень дружившим с Чоканом Валихановым. *(Все примечания Н. И. Веселовского).*

[*2] Труд приготовить для печати киргизский текст сказания об Идиге взял на себя профессор Санкт-Петербургского университета П. М. Мелиоранский.

В 1887 г. Г. Н. Потанин вновь возбудил вопрос об издании сочинений Валиханова, причем степной генерал-губернатор Г. А. Колпаковский выразил согласие изыскать средства на это издание из местных источников*[3]. Но Колпаковский вскоре был переведен на службу в Петербург, и дело издания опять остановилось. Тогда Г. Н. Потанин обратился ко мне с просьбой при-



Миска, привезенная Чоканом из Кашгара (Кокчетавский областной музей).

нять на себя редактирование предполагаемого сборника сочинений Валиханова и подыскать этому сборнику издателя. Несмотря на свои сложные занятия, я не решился уклониться от этого дела, находя его безусловно полезным и необходимым как в память Чокана Валиханова, так и в интересах востоковедения, и принял на себя нелегкую обузу разобраться в его бумагах. Этот труд оказался гораздо значительнее, чем я думал. Г. Н. Потанин передал мне копии, к сожалению, не сверенные с оригиналами, а некоторые из них мне достать не удалось[2].

Впоследствии при посредстве г. Потанина я получил еще связку черновых бумаг Валиханова от К. К. Гутковской, дочери К. К. Гутковского.

---

*[3] Тогда же Г. А. Колпаковский препроводил Г. Н. Потанину копию с докладной записки штабс-ротмистра Валиханова по вопросу об устройстве судебной части в Акмолинской области, составленной на основании собственных наблюдений и фактов, заимствованных из дел Областного правления и окружных приказов.

По просьбе моей Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев написали свои воспоминания о Чокане Валиханове; а кроме того, я получил заметку о нем, написанную его соотечественником И. И. Ибрагимовым, служившим в Туркестанском крае и скончавшемся в 1891 г. от холеры в г. Джедде[3] в должности российского консула. С. Я. Капустин, хорошо знавший Валиханова, независимо от задуманного издания задумал написать подробную биографию Валиханова, но все ограничилось лишь одним вступлением, в котором о самом Валиханове не имеется никаких сведений*[4].

Совет И. Р. географического общества по моему представлению признал возможным принять на средства общества расходы по изданию сочинений Валиханова, и я мог приступить к печатанию. Больше всего меня смущало то обстоятельство, что я не мог получить того оригинала, с которого печаталось основное произведение Валиханова: «О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858/59 году»; дело в том, что статья эта редактирована в «Записках» общества так небрежно, что она полна опечаток. Только по напечатании ее мне представилась возможность ознакомиться с тем отчетом Валиханова, который хранится в Архиве Министерства иностранных дел. Отчет переписан писарскою рукою и местами, но не везде, исправлен самим Валихановым.

Все разногласия этого текста с напечатанным в этом томе я поместил особо (стр. 398—403), а все прочие добавления представил целиком.

Относительно Восточного Туркестана наши сведения в нынешнем столетии собирались большею частью со стороны Сибири, от торговцев, которые проникали в Восточный Туркестан. Самым замечательным описанием этой области является труд киргизского султана Валиханова, состоявшего на службе в нашем казачьем корпусе. В канун пятидесятых годов ему удалось проникнуть в Восточный Туркестан под видом торговца и собрать некоторые рукописи. Он составил описание Джунгарии и Алтышара (т. е. Шестиградия), под именем которого был известен Восточный Туркестан. Этот труд помещен в «Записках Географического общества» за 1861 год.

*[4] Бумаги С. Я. Капустина поступили к Я. И. Смирнову, который с полною готовностью сообщил мне записку Капустина, но ничего оттуда я извлечь для дела не мог.

А. Н. ПЫПИН

О ЧОКАНЕ ЧИНГИСОВИЧЕ ВАЛИХАНОВЕ

Любопытное явление составляет биография киргиза Чокана Валиханова — оригинальное соединение азиатского и европейского. По рождению Валиханов принадлежал к киргизской аристократии, «белой кости», считающей себя потомками Чингисхана (род. во второй половине 1830-х годов)*[1], он был внук последнего киргизского хана Вали и правнук хана Аблая, при котором Средняя орда киргизов вступила в подданство России, и родился в киргизской степи, в урочище Кушмурун (к юго-западу от Петропавловска, Тобольской губ.). Мусульманское имя его было Мухаммед-Ханафия; Чокан — уличное имя. Он учился в Омском кадетском корпусе, переименованном в сороковых годах из войскового казачьего училища, где некогда учился и его отец. Чокан поступил в корпус, не зная ни слова по-русски, и выпущен офицером в 1853 г. (годом раньше сверстников, так как, будучи инородцем, не имел права слушать специальные военные науки). Он назначен был в адъютанты к тогдашнему генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорту. Развитию Чокана способствовали прежде всего собственные его дарования, а также особенное внимание к нему, как инородцу, со стороны нескольких образованнейших людей тогдашнего омского общества (Гутковские, Капустины, покойный С. Я. Капустин был ближайшим его другом), где он был принят как свой. Когда Гутковский сделан был товарищем губернатора, управляющим Областью сибирских киргизов, он еще более сблизился с Чоканом и поручал ему составление записок по управлению киргизами[1].

П. П. Семенов, посетивший в те годы Западную Сибирь, был заинтересован Чоканом, как редким явлением, был удивлен его образованности и начитанности в литературе о Туркестане. В некрологе Валиханова (составленном на основании сообщений П. П. Семенова) говорится, что в 1858 г. (западносибирским начальством по случаю беспрерывных смут и восстаний в Восточном Туркестане) «признано было необходимым отправить доверенное лицо в Кашгар как для получения на месте достоверных

*[1] Точнее: в 1835 г.

сведений о положении края, так и для исследования, насколько это было возможно, торговых путей в этих частях Средней Азии. Поручение было опасное, и для исполнения его нужен был человек с большою решительностью, наблюдательным умом и при этом такой, который бы знал татарский язык и восточные приемы, так как приходилось ехать переодетым в азиатское платье. Нельзя было найти человека, который более соответствовал бы всем этим условиям, как Валиханов». В июне 1858 г. он отправился в путь в караване богатого сартского купца из Семипалатинска, приняв имя Алима, будто бы молодого сарта из семьи, некогда жившей в Кашгаре и давно переселившейся в Россию. Валиханов обрил волосы, оделся по-азиатски и выступил с караваном из Семипалатинска. Караван благополучно достиг Кашгара, а весной 1859 г. возвратился в нынешний город Верный. В некрологе читаем: «Поездка эта была географический подвиг. Со времен Марко Поло Кашгар не был посещен ни одним европейцем, кроме несчастного Адольфа Шлагинтвейта, убитого в этом городе». Чокан был принят родными Алима *2 (именем которого он назывался) за родного, ему обрадовались, устраивались пиры в честь возвратившегося; родственники подыскали красавицу невесту и женили Чокана (по местному обычаю на время пребывания в городе).

Кашгарский край в это время только что вынес революцию, которую произвел повстанец Якуб-бек[2], и следы погрома еще были видны. Валиханов видел пирамиду из человеческих голов на площади Кашгара, и жители говорили, что в числе их лежит и голова Шлагинтвейта. Кашгарские власти получили, наконец, известие, что под видом Алима скрывается русский офицер, но известие пришло слишком поздно: караван уже возвращался в Россию. Из Кашгара была послана погоня, но она не успела догнать каравана,— он перешел русскую границу.

Вероятно, еще жизнь в каменных стенах кадетского корпуса дурно повлияла на здоровье Чокана. Хотя каждое лето его отправляли на родину, в степь, но за эти поездки он не наверстывал того, что его организм терял за зиму. По окончании Кашгарской экспедиции он вызван был в Петербург, но климат и жизнь столицы еще больше расстроили его здоровье: у него обнаружились признаки чахотки, и доктора на другой же год выслали его в степь. Он после и жил в степи (в Кокчетавском округе), на зиму выезжая в Омск. Когда генерал Черняев предпринял первый поход на Ташкент, Валиханов был приглашен к участию в походе, но не вынес военных сцен и, кажется еще, расходился с генералом Черняевым во взглядах на ведение дела, и вернулся из похода в Верный. Болезнь его усилилась, и он умер в киргизском ауле (на границе с Кульджинским краем) в 1864 г., на 31-м году от роду[3].

*2 То же и Алимбай.

Печатные работы Валиханова были немногочисленны, они нашли место в изданиях Географического общества: «Очерки Джунгарии» (в «Записках», 1861, кн. I—II), «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нань-Лу в Малой Бухарии в 1858—1859 гг.» (там же, книга III); в «Известиях Географического общества» за 1868 год (т. IV, отд. 2) помещено было известие о поездке Валиханова в Кашгар*[3].

Но напечатано было далеко не все, что было собрано Валихановым. Рукописи его бесследно пропали[4]. «Для собрания материалов по истории, этнографии и географии Средней Азии,— говорится в некрологе,— Валиханов не щадил ни трудов, ни пожертвований: тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа, скупал древности и с опасностью для жизни добывал рукописи... Валиханов сохранил глубокую преданность своей стране, он любил киргизскую жизнь, но вместе с тем умел высоко ценить западную цивилизацию и предвидел для своего народа отрадную будущность только под покровительством России». Люди, близко знавшие Валиханова, прибавляют, что по своим умственным симпатиям и направлению Валиханов был русским западником: он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми ее желал горячо ее обновления. Он увлекался движением шестидесятых годов. В религиозном отношении он был свободный мыслитель, но оставался мусульманином, чтобы не порывать связи со своим народом.

---

*[3] Биографические сведения даны в некрологе Валиханова («Отчет Географического общества за 1865 г.»), в биографии Чокана Н. М. Ядринцева («Сибирский вестник», издававшийся Б. А. Милютиным в Иркутске, 1866, № 3); мы пользовались также сообщениями Г. Н. Потанина. *(Прим. А. Н. Пыпина).*

П. И. НЕБОЛЬСИН.

[Ч. ВАЛИХАНОВ В ПЕТЕРБУРГЕ]

В многоплеменном Петербурге, в котором Невский проспект старались выдавать нам, по [имеющимся на нем] нескольким иноверческим церквам, за осуществление провозглашенной у нас свободы вероисповедания, в Петербурге у нас киргизы редкость; едва ли пять человек их здесь наберется. Они ходят в общеевропейской форменной военной одежде и, за исключением лишь одного человека, ничем особенным не заявляют о своем существовании. Этот один еще очень молодой кавалерийский офицер, кажется, штабс-капитан по чину, кавалер Св. Владимира по пожалованию, султан по происхождению, Чокан по имени, Чингисович по отчеству, Валиханов по фамилии (от деда, хана Валия, по происхождению султана). Г. Валиханов из сибирских киргизов, он совершил путешествие в Кашгар и нынешней зимой прочел на одном из заседаний Географического общества извлечение[1], полное эрудиции самостоятельной и взглядов истинно гуманных.

[ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И ЕГО ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ]*[1]

В 1858 и 1859 гг. Валиханов под видом купца с торговым караваном впервые прошел поперек всей системы Тянь-Шаня, от г. Верного и оз. Иссык-Куля через перевал Зауку, мимо оз. Чатыр-Куля в г. Кашгар[1].

Г. Валиханов не успел издать всех результатов своего путешествия; он напечатал только несколько статей, которые, впрочем, имеют важный научный интерес и обличают широкое образование и редкую наблюдательность в авторе; киргиз по происхождению, он прекрасно знал туземные языки и, разумеется, лучше, чем кто-либо, мог собрать от туземцев самые разнообразные и полные сведения, поэтому несомненно, что результаты его были бы весьма плодотворны, если бы он не умер вскоре после возвращения из Кашгара. Ему принадлежит несколько статей[2] из которых последняя напечатана была почти через 10 лет после его смерти П. П. Семеновым. Первые из них имеют больше интерес исторический, нежели географический, а потому при всем их значении мы не будем останавливаться на них; заметим только, что, проходя поперек Тянь-Шаня от перевала Зауку, или Джуку, следовательно, продолжая путь Семенова, он собрал «коллекцию горных пород, встречавшихся на пути; также куски нефрита, добываемого в горах Мирджай около Яркенда и в реке Каракаш, болорские яшмы, мрамор, хрусталь, песочное золото из реки Керия». К сожалению, эта редкая коллекция где-то затерялась[3], не будучи обработана, по крайней мере, все мои поиски ее оказались тщетными.

При описании Алтышара г. Валиханов, между прочим, кратко сообщает о нахождении различных минеральных продуктов, которые, хотя еще очень мало исследованы, тем не менее известно, что золото вымывается в селенье Керия в таком количестве, что жители подать свою оплачивают (Китаю) этим металлом и имеют возможность продавать его в частные руки. Ежегодно ко двору отправляется из Хотана до 80 ланов золота. Но особенно много золота вместе с лазуритом, бирюзою и рубинами привозится с Памира, Каратегина и Болора.

---

*[1] См.: «Очерки Джунгарии». «Записки РГО», 1861, кн. II. с. 49, 50, 54.

П. П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ.
А. А. ДОСТОЕВСКИЙ.

[О ЗНАЧЕНИИ ПУТЕШЕСТВИЯ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА В КАШГАР]

Путь к исследованию ближайших к нам частей Тянь-Шаня проложен.

Уже в 1858 г. русский офицер Чокан Чингисович Валиханов пробрался в своем национальном киргизском костюме с торговым караваном через Заукинский перевал в Ташкент*[1] и собрал там весьма много интересных научных как этнографических, так и статистических данных, которые по приезде в Петербург разрабатывал с большим тщанием под руководством П. П. Семенова, пока болезнь, а затем и преждевременная кончина не прервали его интересные научные работы.

Чокан Чингисович Валиханов, сын одного из султанов Средней орды, был внук хана Валия, сына знаменитого Аблай-хана из рода Чингисханидов. Воспитывался он в Омском кадетском корпусе и по производстве своем в офицеры обратил на себя своею замечательною талантливостью особое внимание П. П. Семенова, познакомившегося с ним в 1856—1857 годах в Сибири; П. П. Семенов указал генерал-губернатору Г. Х. Гасфорту на то, что Ч. Ч. Валиханов был единственным из состоявших в то время при генерал-губернаторе офицеров, который, будучи послан в национальном киргизском костюме в Кашгар, мог бы по своему развитию и талантливости собрать драгоценные для России сведения о современном состоянии не только Кашгара, но и всего Алтышара и разъяснить причины происходивших в то время смут в Восточном Туркестане, находивших себе отголоски и в русских пределах. Программа таких сведений была составлена в Омске совместно с П. П. Семеновым, опытным знатоком Киргизских степей полковником К. К. Гутковским. Командующий войсками Сибирского военного округа Г. Х. Гасфорт воспользовался первым удобным случаем для командировки в Кашгар Чокана Валиханова, благополучно добравшегося туда с купеческим караваном (в котором он находился под именем родственника караванного старшины) через Заукинский перевал в 1858 г. Здесь Чокан Валиханов успел собрать драгоценные материалы о состоянии всего Алтышара и, между прочим, разведал впервые

*[1] Описка, нужно читать: *Кашгар*.

о причинах и обстоятельствах гибели Ад. Шлагинтвейта. Шлагинтвейт попал в Кашгар, к несчастию, в то время, когда случайным и притом кратковременным властителем его сделался ставший во главе народного восстания в Восточном Туркестане кровожадный ходжа Валихан-тюре. Кашгарцы, осажденные в это время китайскими войсками, обрадовались прибытию ференга



Ваза, привезенная Чоканом из Кашгара (Кокчетавский областой музей).

(чужеземца), полагая, что он (т. е. Шлагинтвейт) может помочь им советами при их обороне и привели его к ходже Валихану, который всегда свирепый и кровожадный, был, к несчастию, в то время в припадке умоисступления от хашиша. Когда ходжа потребовал у Шлагинтвейта его документы, а тот ответил ему, что он может вручить их только коканскому хану, которому они адресованы из Бомбея, то ходжа пришел в такую ярость, что приказал немедленно казнить чужеземца. Казнь была совершена за городом, куда Шлагинтвейта палачи повлекли через новую площадь с мечетью. Очевидцы, и в том числе кашгарка, которую Чокан Валиханов, как мусульманин, по местному обычаю, взял себе в жены, рассказывала, что чужеземец, которого вели мимо

нее на место казни, был значительного роста, одет был в туземную одежду, но голова его была не покрыта и длинные волосы развевались по ветру. Отрубленная голова Ад. Шлагинтвейта была поставлена на верху пирамиды, которую Валихан-тюре приказал соорудить из голов им казненных людей. Все это случилось в августе 1857 г. Но скоро после того кашгарский народ и войско убедились в невозможности выносить кровожадные наклонности ходжи Валиха... Валихан-тюре бежал в Кокан, а китайцы снова вступили во владение возмутившеюся страною, ознаменовав свое владычество целым рядом казней и ужасных жестокостей. Пробыв около 5 месяцев в Кашгаре, Чокан Валиханов вернулся в Верное в апреле 1859 г. с богатым запасом интересных сведений, а в 1860 г. прибыл в Петербург, где, избранный членом Географического общества[1], начал под руководством П. П. Семенова разработку обширных собранных им материалов по географии, этнографии и истории Киргизских степей, причем старался пополнить свои сведения слушанием лекций в С.-Петербургском университете. Изучив французский и немецкий языки, Валиханов приобрел замечательную эрудицию по всему, что касалось Центральной Азии. Прекрасные статьи Валиханова «Очерки Джунгарии» и «О состоянии Алтышара» были помещены в «Записках Имп. Русского геогр. общества» за 1861 г., но, к сожалению, слабое здоровье Валиханова не выдержало петербургского климата; в 1863 году*[2] он вынужден был вернуться на родину, где и умер от чахотки в 1865 г. Окончание его поездки в Кашгар было напечатано бароном Ф. Р. Остен-Сакеном в «Известиях» Общества в 1868 году.

*[2] Описка. Чокан возвратился из Петербурга в свой аул в июне 1861 г.

ЧОКАН ЧИНГИСОВИЧ ВАЛИХАНОВ

*(Род. 1835 г., ум. 1866 г.)**[1]

Число инородцев, вышедших из среды некультурных рас и получивших образование в русской школе, к стыду русского просвещения, очень невелико; к числу этих редких исключений принадлежит Чокан Валиханов, первый по времени киргиз, вставивший свое имя в список русских писателей. Он был внук последнего хана Средней киргизской орды Вали; после смерти Вали-хана ханское достоинство в Средней орде русскою властью было уничтожено, семья старшей жены Вали-хана очутилась в опале, напротив, младшая жена, Айганым, была обласкана русским правительством в ее ставке; в урочище Сырымбет были построены для нее дом и мечеть, все урочище отдано было ей в бесспорное пользование*[2], а старший сын Чингис был взят в Омск, помещен в русскую школу и занесен в список учащихся под именем Чингиса Валиевича Валиева, а не Валиханова, вероятно, чтобы не напоминать киргизам о ханской власти. Впоследствии Чингис Валиевич возвратился в степь и стал служить, занимая важные должности.

У Чингиса Валиевича было пять сыновей*[3], Чокан был второй по порядку рождения. Он родился в урочище Кушмурун (Птичий нос), где была ставка Чингиса Валиевича в то время, когда он был управителем одного из степных округов[1]. Так как Чингис всю свою жизнь вел кочевой образ жизни, то Чокан свои детские годы провел в юрте. Все потомки киргизских ханов носят титул «султан» и считаются белой, т. е. дворянской, костью в отличие от черной, простонародной; поэтому и Чокан принадлежал по происхождению к киргизской аристократии. До десятилетнего возраста он рос киргизским барчонком, т. е. сломя голову полкал верхом на лошадях по степи, принимал участие в соколиной охоте взрослых и требовал от прислуги исполнения разных прихотей. Затем он был отвезен в Омск и отдан в ту же самую школу, в которой учился и его отец и которая тогда была

---

*[1] Неточно, ум. 10 апреля 1865 г. в ауле своего родственника Тезека Аблайханова.

*[2] См. раздел «Усадьба Сырымбет».

*[3] См. формулярный список Чингиса в этом издании.

преобразована в кадетский корпус. При зачислении в кадеты его назвали не Валиевым, а Валихановым. Здесь сразу обнаружились его способности; образованное общество в Омске заинтересовалось появлением способного киргизского мальчика; самые образованные лица считали своим долгом оказать ему покровительство. Будни мальчик проводил в дортуарах корпуса, а по праздникам всегда находился кто-нибудь в городе, который брал его в свой дом. Так, сначала он проводил праздники у Сотникова, чиновника, кончившего курс в Казанском университете на восточном факультете, потом у учителя истории поляка Гонсевского, у офицера Генерального штаба Померанцева[2] и, наконец, у полковника Гутковского. Все они были самые образованные люди в городе; вращаясь в их среде, Чокан быстро развивался и шел далеко впереди своих товарищей, в особенности в области политических идей и литературных новостей. Школьное начальство смотрело на него как на будущего путешественника по Средней Азии; Китай еще не был открыт для европейцев и представлялся таинственным миром, сдернуть завесу с которого был большой соблазн для европейца.

Омский кадетский корпус стоял, можно сказать, на границе киргизской степи; из окон его верхнего этажа открывался вид на заречную сторону Иртыша, за которым начинается степь, и не одного, может быть, Валиханова мечта уносила в загадочную даль, в закиргизские страны, к подошве Тянь-Шаня и Нань-Шаня, в Тибет, в страну ревеня, на плоскогорье озера Кукунор, обставленного патриархами — белками.

Уже на школьной скамье Валиханов стал готовиться к роли путешественника в Китай, тогда же он перечитал Палласа, Рычкова, Левшина, Вельяминова-Зернова и массу других книг. Когда нынешний вице-президент Географического общества П. П. Семенов во время своего путешествия в Тянь-Шань встретился с Чоканом Валихановым, который был тогда уже офицером и состоял в штабе западносибирского генерал-губернатора, он удивился, какой большой запас сведений по востоковедению мог накопить в своей голове этот юноша, никуда не выезжая из такого провинциального города на окраине, как Омск.

Местная высшая власть вскоре воспользовалась силами молодого человека. Валиханову было поручено инкогнито проникнуть в китайский город Кашгар и собрать там сведения о торговле, необходимые, чтобы судить, стоит ли хлопотать перед Пекинским правительством об учреждении в Кашгаре русского консульства. Помочь этому делу взялся богатый кашгарский сарт Букаш, несколько десятков лет проживший в Семипалатинске. Букаш вспомнил, что лет пятнадцать назад из Кашгара выехал в Семипалатинск один сарт с женой и малолетним сыном Алимом, но вскоре уехал в Саратов и потерялся из виду; Букаш наверно знал, что в Кашгар он не возвращался. Алиму теперь должно быть 17 лет, возраст, в котором как раз находился Вали-

ханов. Вот Букаш и придумал отправиться с караваном в Кашгар, взять с собой Валиханова и выдать за Алима. Валиханов обрил волосы на голове, надел тюбетейку, переоделся из офицерского платья в бешмет и выехал из Омска в Семипалатинск. Поездка в Кашгар для Валиханова кончилась благополучно. Родственники Алима обрадовались мнимому Алиму; вся зима, которую Валиханов провел в Кашгаре, прошла в пирах по случаю его приезда, его водили в гости по родственникам и их знакомым, угощали и дарили его и, наконец, по тамошнему обычаю, соблюдаемому с гостями мусульманами, женили его. В Кашгаре в это время была только что восстановлена китайская власть после мусульманского восстания, во главе которого стоял Якуббек*[4], и Валиханов еще видел на площадях Кашгара пирамиды из голов людей, казненных Якуб-беком; может быть, рассказывал потом Валиханов, между этими головами была голова и немецкого путешественника Шлагинтвейта, казненного тоже Якуббеком. В конце зимы Валиханов выехал в Верный без жены; он возвратил ее родителям, таков обычай, в Кашгаре, временных гостей женят, но жен с ними вон из города не отпускают. Китайцы узнали, что под видом Алима приезжал русский офицер, послали за ним погоню, но Валиханов успел уйти от нее за русскую границу. Он вывез из Кашгара много интересных статических и исторических сведений, которые потом обнародовал в «Записках Географического общества» в виде двух статей: «Очерки Джунгарии» и «Алтышар»; последним именем сарты зовут Восточный Туркестан. Обе статьи были напечатаны на немецком языке в Archiv'е Эрмана в Берлине[3].

По выезде из Кашгара он был вызван в Петербург, но вследствие начавшей развиваться чахотки должен был вскоре уехать в степь, на родину. Завоеватель Ташкента Черняев пригласил его участвовать в походе; Валиханов принял предложение, но картины грабежа по взятии городка Пишпека*[5], который был разрешен солдатам, произвели такое удручающее на него впечатление, что он оставил отряд Черняева, вернулся в Верный и умер вскоре затем в ауле султана Тезека на китайской границе.

Чокан Валиханов принадлежал к числу тех исключительных натур, которые, как метеор, являются в наш мир только на короткий срок, чтобы своей оригинальностью скрасить жизнь более или менее тесного круга людей, приходивших с ним в общение. Круг людей, для которых Валиханов имел значение, невелик, но при других условиях он был бы значительнее. Он имел нежное сердце и острый ум. Натура не шаблонная, избранная, он сразу производил впечатление на нового человека. По политическим взглядам

*[4] Ошибка. Вместо Якуб-бек нужно читать: *Валихан-тюре*.

*[5] Точнее: *Аулие-Ата*. Пишпек был взят не Черняевым, а полковником Циммерманом (1860). Во время взятия Пишпека Валиханов находился в Петербурге.

он принадлежал к крайним либералам. Критическое отношение к русской действительности он усвоил еще в Омске. Здесь было два дома, Гутковского и Капустиных, состоявших в родне между собою; в обоих Валиханов был свой человек, в обоих относились к нему с родственной заботливостью.

Дом Капустиных был литературным омским салоном, где собирались самые образованные люди в городе; здесь Валиханов встречался с петрашевцем поэтом Дуровым, с С. Я. Капустиным, который впоследствии приобрел известность в литературе, как поборник крестьянской общины, с художником Померанцевым. Из литературных имен наибольшее обаяние на него производили Байрон, Гейне и Лермонтов, с которым у него было кое-что родственное. У Валиханова была изощренная наблюдательность к мелочному, педантическому, и он любил преследовать пошлость в людях своими насмешками. Был в Омске генерал Волков, неравнодушный к титулам и орденам, и Валиханов сочинил про него, будто он, получив «Владимира», прицепил владимирский бантик к калошам, чтобы всякий входящий в прихожую знал, что здесь находится кавалер этого ордена. Некоторые свои жертвы он мучил сарказмами с турецкой жестокостью, и потому в Омске у него было немало врагов. Страдание человека вызывало в нем глубокую жалость, и он способен был на великодушные, самоотверженные поступки, но к идейным врагам своим относился с непримиримой враждой. Что касается до постороннего мнения, он показывал, что он не дорожит им и иногда даже дразнил своих друзей — филистеров, рассказывая о себе небылицы и приписывая себе гнусные поступки, которых не совершал. «Перед вечностью все это ничтожно!» — эту фразу он часто любил произносить в шутку, но, кажется, она была для него самой властительной думой. О памяти в потомстве он не заботился. Его более удовлетворяла другая награда в жизни — сознание, что пошлое боится его сарказмов и прячется от них.

О выходцах из некультурных рас рассказывают, что они, получив европейское образование, впоследствии, попав в родные условия, часто возвращаются к первобытному образу жизни. От такого возврата к степному обычаю Валиханов был застрахован тем, что, вращаясь в русском обществе, он играл в нем далеко не заурядную роль, а в провинциальном обществе являлся даже первой скрипкой. Попадая в степь, он окиргизивался вновь только с внешней стороны; он валялся на бухарских коврах и пестрых подушках, в бешмете и казахских дамбалах*[6], но тут же вокруг него на ковре валялись и французские книжки Абель-Ремюза, Клапрота и Станислава Жюльена[4]. Он был слишком европеец, более европеец, чем многие русские, и потому никогда уже не мог

*[6] Т. е. казахские широкие штаны. См.: «Сибирская жизнь», 1903, 22 июня.

сбросить с себя наложенную на него печать европейской духовной культуры и превратиться в номада.

Эта привязанность к Европе не отрывала его от его народа, напротив, европейский дух, в котором он воспитался, обязывал его смотреть на себя как на слугу своего киргизского народа. Он говорил про себя, что он любит свой народ и чувствует, что он любит также и Россию. Когда,— говорил он,— я слушаю рассказ, как киргизы дерутся с русскими казаками, я желаю победы киргизам, когда присутствую при споре сибиряков с расейцами, я желаю, чтоб сибиряки переспорили расейцев, а когда читаю о походках Суворова или об Отечественной войне, то желаю победы русскому солдату над французами. Он говорил, что у него одна любовь вставлена в другую, другая в третью, вроде того, как ирбитские сундуки, маленький вложен в большой, а тот в еще бóльший.

Задачей своей жизни Валиханов считал служение киргизскому народу, защиту его интересов перед русской властью и содействие его умственному возрождению. Последнее было для него возможно только косвенным образом; он мог изучать свой народ и печатать свои труды на русском языке, но темперамент Валиханова не благоприятствовал усидчивым занятиям наукой. К науке он относился с азиатско-аристократической небрежностью. Прямое же воздействие посредством писания и печатания на киргизском языке было бы праздным делом, потому что киргизский народ безграмотен. Но если бы у Валиханова была киргизская читающая публика, может быть, в лице его киргизский народ имел бы писателя на родном языке в духе Лермонтова и Гейне.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧОКАНЕ ВАЛИХАНОВЕ

С Чоканом Валихановым я познакомился в Петербурге в 1860 г. через Григория Николаевича Потанина. Сначала я просто встречался с ним, а потом представился мне случай сделать ему небольшие одолжения[1]. Знакомство мое продолжалось с ним и в Сибири[2], в г. Омске, откуда он около 1865 г.*[1] отправился в Туркестан с Черняевым, но затем возвратился в степь, к родным, и умер. От Г. Н. Потанина я узнал, что Чокан Валиханов был его товарищем по Омскому корпусу; в 1860 г. обоим им было около 25 лет. В корпусе Чокан Валиханов обнаруживал любознательность и недюжинные способности, он много читал и в корпусе еще его любимыми авторами были Диккенс и Теккерей. Эти авторы в особенности были по вкусу Валиханову, так как он сам обладал замечательным юмором, о чем скажу ниже.

В Петербурге я встретил Чокана Валиханова офицером как раз в пору его славы, он только что совершил путешествие в Кашгар, ориенталисты с ним заводили знакомство и я его заставал с разными восточными манускриптами и картами. Тем не менее я скоро заметил, что он не был усидчивым ученым и тружеником, все ему давалось по части тюркской литературы легко потому, что он владел киргизским языком в совершенстве. Китайского он не знал, хотя и интересовался китайскими авторами в переводах. Он часто посмеивался над своими познаниями и говорил, что он ставит один китайский знак для счастья, когда играет в карты. Любил он представлять из себя делового человека, но скорее рисовался. На Невский в известный час он выходил гулять непременно с портфелем. На самом деле он вел весьма рассеянную жизнь, как я заметил, и рядом с интеллигентностью в нем был лоск и шик гвардейского офицера.

С киргизским лицом и тонкими чертами, небольшими усиками он не представлял монголообразного безобразия, лицо его напоминало миловидного, образованного китайца. Зато стройная фигура его и манеры были необыкновенно изящны, в них было что-то женственное, ленивые движения его придавали ему вид

*[1] Точнее, 1864 г., ибо поход генерала Черняева (в Ташкенню) был организован весной этого года. *(Прим. Ядринцева).*

европейского сибарита и денди. Все это производило впечатление, узенькие глаза его сверкали умом, они смотрели как угольки, а на тонких губах всегда блуждала ироническая улыбка, это придавало ему нечто Лермонтовское и Чайльд-Гарольдовское. Разговор всегда отличался остроумием, он был наблюдателен и насмешлив, в этом сказалась его племенная особенность (киргизы большие насмешники), под влиянием образования эта способность у Валиханова получила расцвет. Она получила характер сатиры и гейневского юмора. Острил он зло, я редко встречал человека с таким острым, как бритва, языком.

Всех острот его не помню, да и трудно передать соль их, так как они соответствовали своему времени и обстоятельствам. Знаю, что раз на обеде в Омске, у Капустиных, кажется, появился изящный франт, который, слыша за обедом разговор о Теккерее, просил Валиханова представить его этому господину. После обеда Валиханов подвел его торжественно к портрету Теккерея, объяснил серьезно окружающим, что франт просит представить его Теккерею. В том же Омске был старый генерал штатский[3], довольно ограниченный человек, но до смешного тщеславный. Он был неистощимым источником для юмора Валиханова. Входя, например, в дом и, встречая в гостиной генерала, он сообщал, что сейчас догадался о присутствии его п-ства, так как в прихожей видел калоши, обшитые орденской ленточкой. Иногда Валиханов выдумывал, но в этих выдумках являлось еще больше злости.

В то же время это был человек с поэтической душой и восточным воображением. Он любил арабские стихи и вместе с учителем своим, Костылецким, приходил в восторг от них. Как работало его собственное воображение, можно судить по тому, что он давал темы для восточных стихотворений, и Крестовский среди дружеского разговора немедленно воспроизводил их. Правда, темы были большею частью фривольные, но и в них сквозили находчивость и остроумие Валиханова.

В 60-х годах Валиханов следил за движением русской жизни, за обновлением ее, он читал лучшие журналы, Костомаров был тогда любимым профессором, и Валиханов заходил в университет слушать его.

Точно так же с интересом Валиханов следил за тем, что делается в Русском географическом обществе, и помогал своими сведениями по географии киргизской степи, приготовил этнографический материал о киргизах и т. д.

Петербургская светская жизнь дорого стоила Валиханову, хотя отец его был богатый султан. В Петербурге Чокан Валиханов был прикомандирован к Азиатскому департаменту. Не помню, сколько пробыл он в Петербурге, но 1862 г. и 1863 г. я его там не видал, он уехал в Омск по месту своего служения. Слышал я, что, пользуясь расположением сородичей киргиз и будучи их гордостью, он рассчитывал быть выбранным султаном. Конечно лучшего представителя трудно было желать. Это был человек

вполне образованный, без предрассудков, и в то же время не питавший высокомерного презрения к своим сородичам, стоявшим на ступени дикарей. Он понимал окружающую русскую среду и готов был сродниться с ней на почве европейской цивилизации.



Н. М. Ядринцев.

Это был новый коран его жизни. Приведу следующий эпизод, характеризующий взгляды и чувства этого просвещенного киргиза. Когда мы с ним встретились вновь в Омске в 1863 г., в это время воротилась из путешествия экспедиция Струве, в которой участвовал и Г. Н. Потанин.

Празднуя эту встречу, мы сидели в благородном собрании на одном из вечеров. Чокан был в той же компании. Эдуард Струве начал речь о том, что киргизы ненавидят казаков. Вдруг губы Валиханова передернуло, он взглянул нежно на своего друга и школьного товарища Г. Н. Потанина, бывшего казачьего сотника, затем встал перед Струве и сказал: «Что у киргизов нет ненависти к лучшим представителям казачьего войска, я желал бы засвидетельствовать. Я, как киргиз, поднимаю бокал и целую моего друга казака!» И он горячо поцеловал Г. Н. Потанина.

В 1863 г., возвратясь в Сибирь, в Омск, я несколько раз еще встречал Валиханова и поддерживал с ним знакомство. Он был такой же грациозный, остроумный; приобретенные привычки столичного денди сохранились в нем. Комплекция его была слабая, он был, несомненно, чахоточный. Столичная жизнь, развлечения ее вредно повлияли на него. Тем не менее он собирался вновь в Петербург. Однако почему-то это расстроилось. Он уехал в степь, а после слышал, что отправился в отряде генерала Черняева к Ташкенту; здесь ему могла предстоять блестящая карьера адъютанта и переводчика, но у них с Черняевым произошла размолвка, и Валиханов возвратился в степь, к родным. Не сошлись ли эти два деятеля или Валиханов содрогнулся и в нем запротестовало чувство ввиду предстоящей борьбы в Средней Азии, остается неизвестным. Только Валиханов возвращается и удаляется в аул. Здесь он женится на киргизке и ведет жизнь с родными по-киргизски. Злой недуг — чахотка, давно гнездившаяся, здесь сламывает его, и он умирает молодым.

В этом возвращении в юрту даровитого и образованного инородца есть что-то драматическое. Цивилизация и культурный блеск для Чокана Валиханова, человека чуткого и наблюдательного, имели свою острую и больную сторону. В минуту разочарований он идет, как Алеко Пушкина, в шалаш кочевников, где нравы проще и чище.

Джентельмен, денди женится на киргизской девушке, как будто он ищет простого детского чувства после всевозможных обольщений столицы и света, в которых он много видел. Выйдя из детской колыбели в киргизской юрте, даровитый киргиз перед смертью возвращается к своему очагу, и его окружает та же торжественная тишина степи. Это первая судьба инородца, испившего чашу цивилизации, получившего образование, под конец опять возвратившегося к своим пенатам и сородичам, как бы испугавшись этой цивилизации. В этом разочаровании после ослепительного блеска, в этой боязни и трепете инородца вообще за судьбу своей народности сказывается недоверие, опасение инородца к чужой культуре и всплывшее чувство самосохранения. Мы еще не подготовили почвы, чтобы инородец вступил в нее смело. Под влиянием этого инстинкта, вероятно, и Чокан Валиханов сделал последний шаг назад, опять в родную юрту. Старая среда, привычки, привязанности, дом, старое отечество не отрывается от

сердца легко, Чокан оставался любящим свой народ, свое племя. В его мечтах было совместить европейское просвещение и сохранить свою народность.

Много лет спустя мы видели двух стариков киргизов, родственников Чокана, один из них был султан Муса Чорманов, они приезжали поговорить о сооружении памятника на могиле Чокана Валиханова. Это желание высказывал какой-то из генерал-губернаторов[4]. Путешественник в Джунгарию, член Географического общества, конечно, был достоин этого.

Беседуя со стариками и вспоминая Чокана, мы были свидетелями, как у этих седых представителей киргизской степи полились слезы. Чокан — это была гордость и любимое дитя своего племени. Таким он и остался в воспоминаниях.

Д. и Р. МИЧЕЛЛ.

ПЕРЕВОД ПРЕДИСЛОВИЯ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ ТРУДОВ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА, М. И. ВЕНЮКОВА И ДРУГИХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ О ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ценным вкладом в географию и политическую историю Средней Азии являются повременные издания, предпринимаемые в С.-Петербурге. К сожалению, эти издания не используются у нас вследствие того, что опубликованы на русском языке.

Большой интерес, вызываемый за последнее время к Средней Азии в связи с недавними политическими событиями в Кокандском ханстве[1], и известное невежество, имевшее место в Англии относительно истинного положения России в этих отдаленных районах, побудили нас собрать самые важные русские материалы по этому вопросу и представить их на английском языке. Несколько глав, составляющих этот том, при первом появлении в С.-Петербурге вызвали значительный интерес, их авторами являются хорошо известные русские путешественники и географы, специально изучавшие Среднюю Азию.

Среди отчетов о путешествиях в Средней Азии, представленных здесь, выдающееся место принадлежит сообщениям капитана Валиханова о Джунгарии и Восточном Туркестане. Со времени Марко Поло и иезуита Гоеса ни один европеец, за исключением А. Шлагинтвейта, как нам известно, не проникал в эти страны. Страх и подозрительность к европейцам, а также религиозный фанатизм населения сделали эту страну совершенно недоступной для современных исследований, а печальная участь предприимчивого путешественника в Кашгаре служит иллюстрацией опасности, которая может повториться при попытке туда попасть.

Путешествие Валиханова по Джунгарии и Восточному Туркестану совершалось при исключительно благоприятных обстоятельствах. Он и офицер русской службы, и хорошо образованный человек, он сын киргизского султана и уроженец степей. Поэтому он прекрасно знает языки и обычаи народов Средней Азии и его не могли заподозрить в связи с Россией. Ему удалось доехать до Кашгара с коканским караваном под видом маргеланского купца. Его описание Кашгара и политического положения Восточного Туркестана являются важным вкладом в скудные сведения, которыми мы располагаем об этой стране.

Главы, в которых описываются политические отношения России с разными ханствами, и то, как укрепилась власть России

в Киргизской степи и на линии Сыр-Дарьи, или Яксарта, дают возможность англичанам составить правильное представление о теперешним положении России в Средней Азии; сообщая нашим читателям эти рассказы и описания, нельзя не указать, что их авторы, будучи учеными-географами, выполняли свои работы беспристрастно и без всякой политической цели.

Недавний захват некоторых коканских городов и крепостей и образование новой провинции под названием Туркестан увеличили подозрения, которые имелись у известной части английской общественности в отношении враждебных намерений против Британской Индии. Соединение линии Сыр-Дарьи с линией Восточной Сибири[2] добавило значительную территорию к границе России, по которой теперь можно начертить отчетливую военную границу от р. Амур к устью Яксарта в Аральском море. До того, как произошло это соединение вследствие захвата Туркестана и Чимкента, возникли военные колонии на Сыр-Дарье, которые не имели никакого сообщения с гарнизоном форта Верный, самой южной точкой на границе Сибири, кроме кругового пути через Оренбург.

Без сомнения, Бухара и Хива, а также Кокан — полностью во власти России, и, вероятно, с течением времени подчинятся ей, но чтение этой книги покажет, что в настоящее время бесполезны такие завоевания для империи, и без того слишком большой и недостаточно сильной, слабо заселенной в центре и вступающей в длительный и беспокойный процесс политической реорганизации. Планы относительно Британской Индии можно осуществить с Каспийского моря так же, как и с помощью армии в Бухаре. При вторжении [русских] войск в Афганистан нужно будет пройти такое же расстояние и подвергнуться тем же опасностям со стороны британской армии, передвигающейся по железным дорогам и рекам и хорошо снабженной всем необходимым.

С другой стороны, безопасность и развитие русской торговли со Средней Азией должны быть полезными Англии. Сейчас Бухара снабжает Россию хлопком, сухими фруктами и другими товарами, а на половину их стоимости ввозит изделия тяжелой промышленности, деревянные ящики, дешевый ситец, а также специи. Эти специи — единственное, что Средняя Азия может предложить в обмен на английские промышленные товары, которые они высоко ценят, но не могут купить за свои низкосортные продукты. По мере того как процветание, идущее медленными шагами, распространяется по равнинам Туркестана, спрос на английские промышленные товары и средства покупки их, теперь почти отсутствующие, станут распространенными. Между тем помимо всех политических соображений непрерывные усилия русских ученых пролить свет на страну, так мало известную и такую интересную, не могут не вызвать симпатии к анализу и не заслужить горячего одобрения. Гравюры в книге представляют фотографии, снятые на местах во время последней миссии гене-

рала Игнатьева в Хиву и Бухару[3], а прилагаемая карта была тщательно составлена по последним русским источникам; введением мы обязаны покойному мистеру Хьюму Гринфильду, бывшему заместителю секретаря Королевского географического общества, чья ученая помощь по изданию и печатанию книги очень велика.

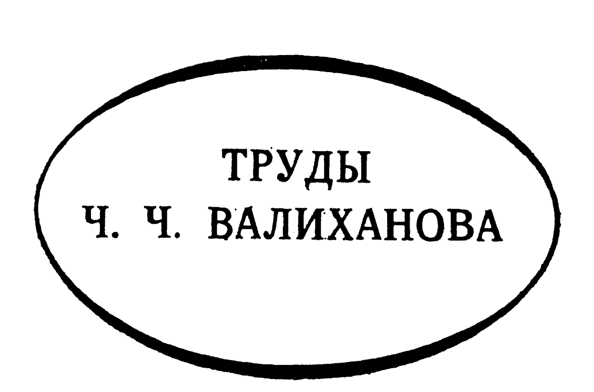
НЕКРОЛОГ[1]

(дополнение к некрологам за 1865 год)

Чокан Чингисович Валиханов, известный своим путешествием в Кашгар. Он происходил из рода султанов Средней Киргизской орды, но получил воспитание в Сибирском кадетском корпусе в Омске, в 1853 году поступил на службу в Сибирскую казачью линию, а в 1854 г. стал адьютантом генерал-губернатора Западной Сибири. Для выяснения общего состояния и торговых путей в одной из частей Центральной Азии он по заданию правительства предпринял в 1858 г. путешествие в Кашгар и в 1859 г. после многих приключений и опасностей благополучно возвратился в укрепление Верное. Со времен Марко Поло он был первым европейцем, посетившим Кашгар,— не считая Адольфа Шлагинтвейта, о смерти которого он собрал более точные сведения. «Очерки Джунгарии» и «О состоянии шести больших восточных городов китайской провинции Нань-лу» (Записки Имп. Русск. географич. общества, 1861) далеко не исчерпывают тех важнейших материалов — особенно этнографических,— которые он привез из этого путешествия. Климат Петербурга, где он жил после этого, стал причиной легочной болезни, которая погубила его после возвращения в степь, где он тщетно искал исцеления, в возрасте 31 года*[1].

Перевод выполнен В. Н. Настичем.

*[1] Чокан умер в возрасте 30 лет. *Прим. сост.*

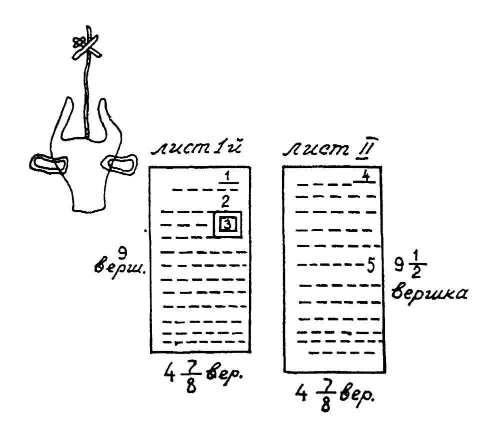

ТРУДЫ
Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

[ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ КНИГИ] ПРОФ. И. Н. БЕРЕЗИНА «ХАНСКИЕ ЯРЛЫКИ»

|| I. *Ярлык Тохтамыша-хана к Ягайлу*, Казань, 1850.

Ярлык этот был найден в 1834 [г.] князем М. А. Оболенским[1] в Главном архиве Министерства иностранных дел, в числе бумаг, находившихся некогда в Краковском коронном архиве и бывших в руках польского историка Нарушевича[2], и в 1850 году был издан им в Казани, с верным снимком с подлинника (fac-simile) и с замечаниями ученых ориенталистов Френа[3], Шмидта[4], Ковалевского[5], Казем-бека[6] и Гаммера[7]. При этом же издании были приложены снимки с русского перевода, найденного вместе с грамотой, и арабская транскрипция, сделанная г. Казем-беком. Грамота Тохтамыша писана от 795 [г.] гиджры, следовательно, в 1392—1393 г. от рождества Христова 8 числа месяца Раджеба[8].

Ярлык писан на двух листах лощеной бумаги, из которых первый длиной в 9 вершков[9] и другой в $9^1/_2$ вершка; ширина того и другого в $4^7/_8$ вершка. В обоих находится *знак бычачьей головы*.



Ярлык писан на древнетюркском языке уйгурскими письменами. Первая строка, означенная № 1, писана золотом и значит, по чтению Казем-бека «*Тохтамыш мое слово*», а по чтению господина Березина «*Тохтамышево слово*», как бы ни было в подлиннике: по монгольской транскрипции Банзаро-

ва[10] и по арабским транскрипциям Казем-бека и Березина: по первому توقتامیش سوزم, по второму توختامیش سوزوم; 2-я— печать золотая с надписью куфическими буквами на арабском языке, по чтению Григорьева[11] в середине السلطان العادل توقتامش и вокруг [легенда] بسم الله الرحمن الرحیم لا اله الا الله محمد رسول الله, т. е. правосудный султан Тохтамыш. Во имя Бога всемилосердного и проч. Гаммер переводит так: Le sultan, le juste Toktamisch; au nom de Dieu le clement et etc. и после фразы لا اله الا الله — Dieu est le maitre de l'Empire и замечает, что последняя фраза была, вероятно, девизом этого султана, ибо встречается в его монетах.

2 об. || Для сличения привожу тексты транскрипции Казем-бека и Березина.

Березин

توختامیش سوزوم
یاغایل اغا

اولوغ اورنغا اولـتورغان
یرکای ین انکلاتو قوتلو بوغا
اسان باشلی ایلچی لار اییتوك
ایردی سن داغی کلچینك نی
بیزکا اییتنك اردی بورونغو
ییل بکبولات خوجامدین باشلی
بیر نچه اوغـلان لار بکیش
توردوچاق بردی داود باشلی
بکلار ادکو اتلی کیشی نی
تیمرکا الدیر دین چیقاروب
اییمش لار اول تیل بییل ا کلدی
اردی الارنینك ال ا کونکول
بیل اتیل اینیب ایل غاری
قیغان یدا کلکان دا انکلاب
ییغیلیب سانچیش ماغا تورغان
دا اول یمان کشی لار بورون
تیبرکان دن ایل تاربیب اول
ایش داغی اول چاقلی بولغان

Казем-бек

توقتامیش سوزم
یاغایله خان

اولوغ اورداغه اولتورغان
ایرکانین انکلاتو قوتلوبوغا
اسن [حسن] باشلی ایلچیلار
یورتوب ایردق سان داخی
کیلیچینك نی بیزکا یوروب
ایردن [ایردنك] بورونغو ییل
بیکبولات خوچه مادین باشلی
بیرانچه اوغلان لار بیکش
توردوچاق بردی داوود باشلی
بیکلار ایتوکو اتلی کیشی نی
تیمرکا ایلدردیب چاغریب
ایرمش لار اول تیل برله کلدی
ایردی الارننك الاکونکول بیله
تیل اینیب ایلقاری کیچکانیده
کیلکانده انکلاب ییغـلیب
ساچیشماغه تورغاندا اول یامان
کشی لار یوروب تابار اکاندان
ایل تارباب اول ایش داخی اول

چاقلى بولغان ايركانى اول
ايردى تنكرى بيزنى يارلاغاب
توشمانليق قيلغان بيكپولات
خوچا مادين بيكيش توردوچاق
بيردى داوود باشلى اوغلانلار
بيكلارنى موغا قيلدى ايمدى
بو ايركايى انكلاتو اسن تولو
خوچه باشلى ايلچيلارنى يور
يديب ايمدى داخى بيلسه بيز
كا باقار ايل لارنينك چاخيش
لارين چيغاروب بارغان ايلچيلار
كا بير كيل قاسين خان تكور
سون لار باخا بورونغو يوزدنليك
بازيركان اورتاقلارينك داخى
يوروش سينلار اولوق اولوس
نينك دوروس باخا داخى ياخشى
سى اول بولغان ديب ايلتدك
ايسن ليق يرليق تووق دينغان
ايل تاريخ يتى يوز توقسان
بيش ده راجاب ايى نينك
سيكزينكى ده اوردو دان ده
ايردكده ديد كتميش.

يركاى ى اول اردى تكرى
بيزنى يارليغاب دوشمان لوق
// قيلغان بكبولات خوچامدين
بكيش توردوچاق بيردى داوود
باشلى اوغلان لار بكلارنى
مونغانال دى امدى بو يركانو
انكلاتو اسان توولوخوچا باشلى
ايلچلارنى ايتتوك امدى داغى
بولسا بيزكا باقار ايل لارنينك
چيقيش لارين چيقاروب بارغان
ايلچيلاركا بير كيل خزينه غا
تكورس ون لار بس [بورونغو
يوسونجا بيزيركان اورتاق لار
ينك داغى يوروش] سونلار
اولوغ اولوس نينك توروس ونغا
داغى ياخشى سى اول بولغاى
تيب التون نيشان ليق توتوق
تغغو ييل تاريخ يتى يوز
دوقسان بيشى دا رجب اى ى
نينك سكزينكى دا اوردو دان دا
اروراداب يتكولميش.

3 об. || О. М. Ковалевский к Н. А. Полевому[12]. Ярлык писан [в] 1392 году[13], когда Тохтамыш, лишенный престола могущественным разрушителем царств Тимуром, бежал на Дон.

30 об. || Слово Тохтамышево к королеви польскому.

Ведомо даем нашему бра(ту) аж есмь сел на столе великого царства. Коли есмь первое сел на царском столе, тогда есмь послал был к вам Асана и Котлубугу[14] вам дать ведание и наши посли нашли ва(с) под городом, под Троки[15] стоячи вы па послалие есте к нам посла вашего Литвина на имя Невоиста Оу другом пак лете стала межи на замятня наш племенъни (к) Бекбулат и Хожа Медин[16] бучинился нам ворог и оуста на па(с) и еще к тым Бекгич и Турдучак Берди Давыд Тикня[17] головнии

мои были слуги и тии стали нам ворог и оу мене служаче и почали коромолити на мене послалися одного на имя Идикгия до Аксак Темиря[18] на мене лиго мысляче. По тых посланию по Идикгиеву посольству вышел на мене Аксак-Темирь Железная нога от Чорного Песка[19]. Тогда Аксак пришел так тайно на нас аже не было нам никакое вести а ни слова алиж озрели есмо его оу нашой державе Мы па не поспели есмо и спрятати всее силы нашее только што около на наш двор есть и стыми стали есмо против того Аксака. Тыи исныи Бекбулат наш ворог нас выдал и побегл о нас. Коли тои лихии Бекбула[т] побегл тогда вси люди вся рать на бег повернулися. То дело потом стало. Бог нас пожаловал опя[ть] наши неприятели ворози дал нам всих оу наши руки. Мы их сказнили так что опять не будут нам пакостити. Ныне послал есмь к вам слуги наши Асана и Тулу-Очжю[20] то поведати вам нашему брату абы то ведали вы што межи тьоее
30 || земле суть княния волости давали выход Белой Орде то нам наше даите, а што будеть вашее державы под нами а мы за то не стоим вам ищите своего а мы вам дамо. А еще что было межи нас как здавна гостем путь чист и вашим и нашим торговцам. Без приим без пакости всякому члвку и чорным людем промъсл. На то все послали есмо сеи наш ярлык и с нашею печатью золотою, абы то крепко было. А тои ярлык писан оу Орде на устьи Дону курячьего лета а месяця ичрепа[21]. Как отцьнашь, как отци ваши были заодно. послы сылали межи собою, а мы також е хочем с вами быти. Аже будет ва(м) надобе помочь на кого ворога вашего. яз сам есмь готов за того тобе на помочь всею моею силою, а только весть нам даите. А коли па потом коли нам вы надобе вы нам таковы же будьте.

На обороте первого листа русской грамоты Тохтамыша (эта грамота писана так же на двух листах хлопчатой бумаги, из коих каждый длиною 6³/₄ вершка[22] шириною, подобно татарскому, в 4⁷/₈ верш[ка]. На первом из них виден ясно знак бычачьей головы) находится польский перевод: № 3.

I nasi posłowie naleśli was pod miastem iednym stoiących (Имя посла Литвина не означено). Teraz posłałem do was sługi nasze Asana y Tochtulucza, oznaymuiąc wam, naszemu bratu, abyście o tym wiedzieli. A co między ziemią, twoie są Książęcie włości dawali dochód Białey Ordzie, to nam nasze daycie; a co będzie w waszey dzierżawie pod nami, my o to stać nie będziem: szukaycie w sobie, a my wam damy. I co było między nami zdawna gościom gościniec wolny y etc.

8 об. || В примечании к ярлыку Темир-Кутлука[23] (стр. 23).

Деления на اونك قول и سول قول существуют и у бурутов قرغز.

مشايخ (стр. 27), по переводу автора, духовный судья, у киргизов машаих однозначаще с واليه — святой اوليه[24], например река Сыр имеет гробницу 40 покровителей-святых, которые называются سرننك قرق مشايخى. Сырнын керк машаих[25].

بوكاول توتقاول (стр. 29). У киргиз есть поговорка ازغانه ايلگه بك بولمه، ازغانه اسقه بوكاول بولمه — не будь беком бедному народу и не будь букаулом малому обеду. Следовательно, букаул значит разноситель блюд на ханском обеде[26].

شوسون (стр. 31. № 13— напиток, شوسون بر — дай пить.

قوشچى (стр. 32, № 14). Автор перевел птичник,сокольник. В Средней Азии и у киргиз сокольник и знающий это дело называется قوش بك или قوش بكى; под именем قوشچى[27] разумеются прислужники во время похода, род нукеров(قوش — кош,кошевой).

قالا или قلا*[1] (стр. 36, № 25). Киргизы [теперь так именуют] все русские деревни и крепости, а все туркестанские города, напротив, именуют كنت [кент].

Замечания к книге г-на Березина «Ханские ярлыки»

7 || Ярлык пятый*[2]

Стр. 41, № 34. Киргизы тоже делятся на белую и черную кость; белое означает все высокое и благородное, а черное принимается в смысле черни, простой киргиз называет себя кара-казак (простой киргиз).

سالیق или سالیغ[28] (стр. 43). У киргизов-барантовщиков называется место, где оставляют скарб свой и лошадей перед нападением на аулы, род лагеря.

ایلدین ییل سانی[29] (стр. 47, № 49). У киргиз есть слово ییل ساین, что значит каждогодно. Принимая слово سانی за ساین, можно это перевести так: от народа каждогодно...

اوسال[30] (стр. 47, № 57) в киргизском языке значит слабый, небрежный, не надежный, худой, اوسال كسى — нехороший, ненадежный человек, اوسال ايشلامك— сделать небрежно, не крепко.

رينجتمك (стр. 48, № 62) — опечалить, оскорбить, обидеть.

ارنه (стр. 49, № 63) — выговаривается киргизами ارينه и значит: конечно, ارينه سولاى —конечно так.

---

*[1] Точнее, قلعه — в традиционной орфографии, воспринятой во всех языках, пользовавшихся арабской письменностью.

*[2] Тарханный ярлык Тохтамыша от 1391 г.

Ярлык II Сеадат-Гирея[31].

يولاوچى (стр. 51, № 45), по объяснению автора: всякий посланный за чем-нибудь. يولاوچى [у киргиз—всякий путник и путешественник.

Имена собственные قوجوق، ايتق، تنكرى بردى (№ 79) существуют у киргиз и в настоящее время.

اقتاچى على بى (стр. 54, № 99) в киргизской саге Чора (таминец Чора-батыр) есть Актачи-Али-бий, называемый иногда اقتاچيننك على بى — актачинский Али-бий. Этот Али есть бий, по поэме, родоправитель отделения актачи в орде уральских или сарайчикских ногайцев; его род разорен героем поэмы киргизом Малой орды таминского рода, Нариковым сыном, батыром Чорой. Чора — современник Кучума и взятия Казани. Слыша о намерении урусов взять правоверную Казань, Чора отправился на помощь падающему царству; дорогой пирует у Кучума, хана Истекского (киргизы башкир зовут истеками или остяками*[3]) и, не доезжая 12 верст до Казани, пускает стрелу, которая страшным визгом своим ужасает русских и дает знать мусульманам о приближении богатыря кайсацкого.

اوندر — سبا*[4]— большой мех с кумысом.

اركه [эрке] — монгольское — власть, сила; у киргиз означает человека, которому мы из любви предоставляем над собою власть. Так называют эрке любимых детей.

توساميش — распоряжение [ведение, управление].

Чингис-хан был у Ван-хана[32] названным сыном — укыли бала или укыли куду. Рашид-эддин[33] говорит, что Эке-Бисур يكه بيسور из племени хорлас состоял с Чингис-ханом в отношениях друга молодости بقا خونى (по чтению Березина, багаин-хони).

Рашид-эддин говорит, что уйгуры и множество племен уважали и помнили Туку-хана توكو خان, который был в древности великий государь, родился, по преданию, от дерева. Один из найманских ханов Инак-хан-эке*[5] в честь его носил имя Туку-хан.

---

*[3] Во всех преданиях киргизских Кучум есть хан башкирский, а не султан киргизский. *(Примечание Валиханова).*

*[4] *Саба* — большой кожаный мех с высокой горловиной (өндір), в котором приготавливают кумыс.

*[5] Против этого на полях рукой Валиханова даны: اكه، اقا، بوقا — бука, ака, эке — титулы древних племенных вождей; несколько ниже: фучин فوچين , بيكن бикен.

Слово Давлет-Гирей хана

[illegible]

Работы Ч. Валиханова над текстом ханских ярлыков. (Автограф).

959 / 1551 — 925 / [illegible]

[illegible]

یرلیغ بلیغ سعادت تحلیهٔ خاقانی

رافع غلبیر [illegible] ممالک جهان بانی حکمی اولدر

که [illegible] دولت مآل

قدوة الامائل والاقران [illegible] علی پاشا اوغلان [illegible]

دعوالو [illegible] یرلیغ شریف [illegible]

قدوة العلما المتورعین وافضل الفضلاء المتشرعین مولانا محمود [illegible]

[illegible] وداد [illegible] واروب مجلس الشرع کوروب [illegible]

[illegible] ذکر اولنور [illegible]

الده سجل صورتی ویروب حدود اربعه‌سی [illegible] قره آغاج وطرفی شرق

[illegible] ویرلوب قبله طرفی [illegible] بای [illegible] وطرفی شمالی عبد الله

علی پاشا [illegible] وطرفی غربی [illegible] یولنه منتهی

[illegible] بو حدود برله محدود بولنان یر [illegible] آل [illegible]

[illegible] دولت

[illegible] یرلیغ [illegible] ذکر اولنان یرلری

[illegible] آل [illegible]

[illegible]

[illegible] و [illegible]

[illegible]

[illegible] دخل و تعرض ایلمیه‌لر [illegible]

[illegible]

[illegible] من الاسباب دفع من الانواع مانع ودافع [illegible] دفع [illegible]

[illegible] الوقت [illegible]

[illegible]

۹۲۲ [illegible]

Прозвища цецен ساجان، سجان، سجانك, бахадур بهادر, буйрук مركان мерген, бахши, текин تيكين. Титулы хан, гурхан, ван, гован, нойон, тайши и бек.

|| Имя одного бека сунитского, состоявшего при Гулагидах[34] было جغتاى كوچك. Когда со смертью Джагатая имя это сделалось заповедным قوريق, его стали называть Сунтай, потому что он был из племени сунит.

Когда заболел брат жены Кабул-хана قبل خان монгольского, то был приглашен татарский шаман. Когда же больной умер, то родственники больного убили шамана.

Слово бай — прозвание тюркское, очень древнее. Первый уйгурский владетель был منكو باى Монкобай. Один из современных Р [ашид ад-Дину] уйгурских беков назывался ايغور باى [Уйгурбай].

Идикут уйгур, вероятно, знал лучше, чем господин Березин.

Под именем انغرجاق и аргамчи ارغمجى надо разуметь не повинность и дары, как думает господин Б[ерезин], а седло и веревки, т. е. [то, что] столь необходимо для степного воина.

Шусун — букв[ально] напиток.

اولاغ — подвода.

Эпитет золотой был в большом употреблении у монголов для обозначения величия, блеска, силы и знатности [например, Алтан хан[35]] — золотой царь, алтан дептер [золотая книга], золотое лицо — التون جوز.

Ярлык[36] Давлет-Гирей-хана[37]

اولوغ اولوس ينك او[ز]ك قول ينك وسول قول ينك // تومان
مينك يوز اون بلكان اوغلانلر بى لرينكا ايچكى كنت لرينك
وشهرلرينك داروغه بكلرينكا مفــتى ومدرس لرينغه قاضى
ومحتسب لرينغه مشايخ صوفى لرينغه امام ومؤذن لرينغه كمى جى
وكوبرجى لرينغه قوشجى بارسجى لارينغه اعمل متصرف لارينغه
ديوان بتكاجى لارينغه يورور اشار يولجى يولاوجيلر ينغه كوب
ايلكا بارجا توزنجا بلكا بلكان لاركا بوكاويل ويساويل لرينغه
قيوما ايش اوزره تورغانلرغا بان بو يرليغ بليغ سعادت تيليع
خاقانى وتوقيع رفع عظمت ترصع ممالك جهان بانى حكمى
اولدركى اوشبو دارنده فرمان همايون مثال بتمثال فرخنده
فال دولت منوال قدوت الاماثل والاقران تايغان احمد بى ينك
على پاشا اولان برله دعوالو ونزاعلو بولغان يرلرى اوزرينه
يرليغ شريف واجب التشريف موجبنجه قدوة العلماء المتورعين

57 وافضل الفضلا[٦] المتشرعين مولانا محمود دام فضله // وزاد افضاله
واروب بحسب الشرع كوروب سيزوب النه سجل صورتی
ویروب حدود اربعه سی بو در که ذکر اولنور قره صودن
صورت ویریلوب قبله طرفی مونکال بای ینك قره اغاچ وطرفی
شرقی علی پاشا اوغلان وطرفی غربی ارقا یولینه منتهی
طرفی شمالی عبد السلام بی یرینه منتهی بو حدود برله
محدود بولغان یرلرینه ومزبور منلا محمودك سجلاتینه کوره
وسیزوغی موجبنجه بزدن داغی ال نشانلیغ وکوك مهرلیغ نامه
یرلیغ اوتول قیلوب ات تارتوب دولت اشکمزدین اتی اوزوب
دخی اول حدود ایله ذکر اولان یرلری انعام وسیورغال
ایدوب قولینه بو ال نشانلیغ وکوك مهرلیغ بو ملك نامه نی
ویردیم وبیوردوم که بعد الیوم مزبور احمد بی اول یرلرکا
متصرف بولغانده کیم کیمرسه دخل وتعارض ایلمیه لر الوغ
کیجك سلطانلر بولسونلار واوغلانلر بی لر بولسونلر واوزکه
یصاویل قوللریمز بولسونلر دخل وتعارض ایلمیه لر رنجیده
ورمیده بو جانب خاقانمزدن سیورغال وعنایت اولنمش درالار
بلکای لار وجه من الوجوه وسبب من الاسباب ونوع من الانواع
مانع ودافع ومنازع اولمیه لر ودخل وتعارض ایلیانلری حاکم
الوقت اولانلر منع ودفع قیلـغای لار انج کوکل برله تینج
اولتوروب بزکا وبزیه اومروغ اوروغلریمزغه دعا والقیش ارتوره
تورغایلار دیو قولینه طوته تورورغه یوزوك نشانلیغ یرلیغ
ویریلدی محرمرا شهر محرم الحرام سنة ٩٧٧ [قره صو]

55 || Слово Давлет-Гирей-хана*6

Великого улуса уланам[38] и биям[39] правого и левого крыла, начальствующим тьмой, тысячью, сотней, десятком, даругабекам[40] внутренних селений и городов, законоведам, наставникам, судьям, ведателям метрик[41], набожным старцам, отшельникам, священникам, муэззинам[42], ладейщикам, мостовщикам и письмоводителям, проходящим и едущим путникам и путешественникам, многому*7 народу, всем сущим властям, букаулам[43], ясаулам и всем причастным к какому бы то не было делу. Далее, повеление великого и могущественного владыки мира в этом всесильном хаканском ярлыке таково:

*6 ААН, ф. 23, оп. 1, д. 11, лл. 55, 57—57 об.
*7 Т. е. многочисленному.

вследствие спора и тяжбы за земли владетеля сего августейшего фирмана знатного в роде Тайган Ахмет-бия с Али-Паша-уланом, был послан по священному и обязательному ярлыку знаменитый из скромных ученых и превосходнейший из законоведов Маулана Махмуд (да возвысятся его добродетели), который осмотрел все по законам, сделал чертеж и дал ему (Тайган Ахмет-бию) в руки копию с составленного им акта. По чертежу, сделанному в Карасу, границы с четырех сторон определяются так: на юге — Караагач, принадлежащий Мунал-баю, на востоке — земли Али-Паша-улана, на западе границей служит Степная дорога (Арка юлы), а на севере земли Абу-Салям-бия[44].

Основываясь на удостоверении и на чертеже известного муллы Махмуда, поднес (Тайган Ахмет) к нашему счастливому порогу лошадь и испрашивал от нас ярлык с красным знаком и голубою печатью на земли, определенные вышеупомянутыми границами. Приняв благосклонно лошадь, я наградил и пожаловал ему земли в описанных выше границах, дал в руки это царское письмо с красным знаком и голубой печатью и приказал: дабы на будущие времена никто, не исключая больших и малых султанов, уланов и биев и других, не чинили насилия и обид вышеупомянутому Ахмет-бию, когда он будет владетелем пожалованных земель. Ясаулы и слуги наши также да не делают ему притеснения, обиды, беспокойства и страха, ибо он нашей ханской милостью обласкан и пожалован. Да будет так ведано всем. Воспрещается им под каким бы то ни было видом, на каком бы то ни было основании и какими бы то ни было средствами и путями заводить споры и причинять ему [обиды].

Тех же, которые нанесут ему оскорбление и обиду, местные власти обязаны останавливать, обуздать и удалять.

Пусть он, сидя спокойно, с чистым сердцем воссылает молитвы и благословления за нас и за род наш. Так говоря, для держания в руках дан ярлык с приложением перстеневого знака.

Писано в благословенном месяце Мухаррам лета 977.[45]

Карасу[46].

ҚОЗЫ КӨРПЕШ—БАЯН СҰЛУ

[*Кушмурунский список*]

Жоғартыннан көрінген сары ноғай,
Еділ суға таласқан мұ не тоғай?
«Қозы Көрпеш» дегенің біраз өлең,
Ептеп айтқан кісіге тым-ақ оңай.

Жігіттер, кісіге*[1] сөзді кен етелік,
Жер ортасы жекенді*[2] белгі етелік.
Жақсының аруағы қалмай ма екен,
Қозы-Көрпеш, Баянды тебіретелік.

Еділ-Жайық бойында жолдас болды,
Бірін-бірі екі бай танымайды.
Ат сұрамақ бұрынғыдан қалды дейді,
Сарыбай Қарабайға кімсің?— дейді.

Қарабай мен Сарыбай аңға келді,
Алдынан буаз марал душар болды.
Екеуі бір-бірінен өтінгенде,
Сарыбай атайын деп тұра келді.

Қарабай, Сарыбаймен аңға шыққан,
Екеуінің дәуірлеп даңқы шыққан.
Екі бай қосылған соң, келе жатса,
Алдынан буаз марал тұра қашқан.

Жақсы, жаман болмағы құдайдан-ды,
Бір бұлт жауайын деп шыр айланды.
Алдына буаз марал келгеннен соң,
Атқалы Қарабай мылтықпенен оңтай-
ланды.

*[1] Кісіге сөз — жасырын сыр, құпия сөз.
*[2] Жекен — копалы көлдер жағасында не қарасу манайында шығатын жойқын әдемі қара қамыс. Мұның сабағы жәй қамыстан бүтіндей жұмсақ келеді. Жекен — халық әдебиетінде жиі кездесетін, дала ландшафтын суреттейтін бейне.

Мекен іздеп, жігіттер, кел кетелік,
Ортасында Көктөбе белгі етелік.
Азаматтар, ерінбей тыңдасаңыз,
Қозы-Көрпеш, Баянды тебіретелік,

Қыл-көпірден*[3] адамдар жүрер еміс,
Әмме жанды сиратқа*[4] айдар еміс.
Тыңдай тұрған ерінбей ерлер болсаң,
Ерте заман бір, екі бай болған*[5] еміс.

Сол екі байдың жайлауы Түмен еміс,
Киік атып аң етін жеген еміс.
Екі байды сұрасаңыз, азаматтар,
Қарабай мен Сарыбай деген еміс.

Бай да болса көңілі тар секілді,
Тәңірі берген дәулеті бар секілді.
Малды беріп құдайым басты бермей,
Бір шыбындай перзентке зар секілді.

Қарабай мен Сарыбай аңға шықты,
Екі байдың мергендігі, даңқы шықты.
Екеуінің зайыбы күмәнді екен,
Ғайып жерден алдынан аң қашыпты.

Қарабай мен Сарыбай аңға барған,
Буаз марал алдынан душар болған.
Атамын деп Қарабай оғын салып,
Үйімде зайыбым буаз деп атпай қалған.

Көксеңгірден*[6] екі бай бөкен тосқан,
Буаз марал алдынан душарласқан.
Буаз марал алдынан душарласып,
Атпаймын деп Қарабай қайта қашқан.

Жасағанның қазынасы көпті дейді,
Киік атып, аң етін жепті дейді.
— Буаз марал алдыңнан душарласты,
Неге атпадың Қарабай?— депті дейді.

---

*[3] Қыл-көпір — мұсылман діні аңыздары бойынша ол дүниеде (тергеу күні) жазалы адамдарды өткізетін көпір-міс.

*[4] Сират — арабша қыл-көпір.

*[5] Ұйқасымды бұзып тұрған кейбір сөздердің орнына келтірілді.

*[6] Көксеңгір, Ақсеңгір, Қарасеңгір дейтін жер аттары Арқада бірнеше жерде кездеседі, оның ішінде Ереймен тауының алдында, Сілеті өзенінің бойында. Мына Көксеңгір Аякөз өзені бойында Жорға, Жауыр тауларына көрші тұратын Көксеңгір болуға тиісті.

— Жата-жата үйімде ішім пысты,
Жігіттікте көп қылдық мұндай істі.
Атамын деп үйімнен шығып едім,
Атар жерде көңіліме бір хиял түсті.

— Мергендікті қоймадық тамам дейді,
Душар келді бір марал саған дейді.
Душар келген маралды атпай қалып,
Хиялыңды айтсаңшы маған дейді.

— Әлде қалай болады заман дейді,
Буаз марал атпағым қалай дейді.
Менің зайыбым үйімде күмәнді еді,
Сол еске түскен соң атпағым обал дейді.

— Талай қызық көрерміз аман болса,
Мергендікті қоярмыз жаман болса,
Құда болар меніменен бар ма жайың?
Құдай перзент көрсетер заман болса.

Мұнан былай көрінген қарағайың,
Қолыңдағы балтаның сабы қайың.
Үйіндегі қатыны буаз еді,
Бұл маралды атпай тұр, Сарыбайым.

— Өзен судың бойында саға дейді,
Бұ тіліңді алайын аға дейді.
Менің дағы қатыным буаз еді,
Бұл маралды атпайын, баба, дейді.

Екеуміз бір-бірімізді сыналық-ты,
Қатынның буаздығын сұралық-ты.
Сіздің қатын біздің қатынмен буаз екен,
Екеуміз бір құдайға жылалықты.

Еренның*[7] үстіндегі сеңді дейді,
Құдайдың көрсеткені жөнді дейді.
Аңда жүріп а, баба, жолдас болдық,
Тамыр болсақ қайтеді енді дейді.

Екеумізді таптырған анамыз да,
Бір құдай барша жанға панамыз да.
Сіздің қатын біздің қатынмен буаз екен,
Дос та, тамыр қылалық баламызды.

---

*[7] Ерен — қазір ұмытылған Ереймен тауы сияқты бір таудың аты. Сең — тау басындағы көк толқын, қауырт мұз, сеңгір — қия тас.

Қыз болса қырық жеті болар дейді,
Шырағымыз бір құдайдың құлы дейді.
Екеумізден екі қыз туар болса,
Бір елге берелік мұны дейді.

Қарабай енді сонда күлді дейді,
Құдайдың көрсеткені жөнді дейді.
Екеумізден екі ұл туар болса,
Ақыреттік*[8] дос болсын енді дейді.

Екеуміздің шешеміз ана дейді,
Үстімізде бір құдайым пана дейді.
Біреуі ұл, бірі қыз туар болса,
Құдай қосса, біз қосалық және дейді.

Аттан түсіп, сол маралды алмай қалды,
Оның айтқан сол сөзді құдекең*[9] [қабыл]
алды.
Торсықтағы малтаны шайып ішіп,
Іште жатқан балаға бата қылды.

* * *

Жиырмада жасым бар жылым тауық,
Екі бай құда болып, қылды сауық.
Алыстан кім екенін танымаймын,
Бір адам елден шықты, қатты шауып.

Қарабай, Сарыбай мен аңға желген,
Бір адам шыбын болып үйден келген,
Ол адам келді-дағы үндемеді,
— Неге асығып жүріпсің жаным деген?

— Үйіңдегі мал-жаның аман дейді,
Қуантқалы келіп едім Қарабайды.
Қыз тапты қатыныңыз бүгінгі күн,
Сүйіншіге шапқылап келдім дейді.

Қарабай мен Сарыбай бата оқыған,
Бата оқыған жерінде хате оқыған.
Қосқанының белгісі сол емес пе,
Түсе қалып сол жерде жата оқыған.

Жиын қылып Қарабай бие сойған,
Бір биенің етіне жұрты тойған.

---

*[8] Мәңгілік, не замандық.
*[9] Құдакең (қабыл) алды — анттасқан құдасы қабыл алды.

Қарабайдың зайыбы қыз тауыпты,
Баян сұлу болсын деп атын қойған.

Аякөздің бойынан ел ауыпты,
Қылады екен Сарыбай бек қауіпті,
Үш күндейін толғатып азаматтар,
Сарыбайдың зайыбы ұл тауыпты.

— Сарыбай қайсы жаққа кетті дейді,
Бір тазша сүйінші тілеймін депті дейді.
Елден бұрын сүйінші тілеймін деп,
Сарыбайдың алдына кепті дейді.

Қарабай мен Сарыбай аңға желген,
Бір адам тұра шауып елден келген.
Шауып келген кісі кім болады деп,
Сарыбай мен Қарабай тура жүрген.

Сарыбайдың дәулеті шеннен асқан,
Шапқан кісі бұларға жақындасқан.
Сол кісінің кім екенін сұрайын деп,
Сарыбай оған таман қадам басқан.

— Аман ба екен үйдегі малым дейді,
Мұнша асығып, қай жаққа барасың,
залым, дейді.
Атың арып, өзің сондай болдырыпсың,
Не жаймен жүріпсің тазшам дейді.

— Жол болсын деп сұрайсыз ба біз-
ден,— дейді.
Келгенімді білдіңіз бе, мырзам, дейді.
Қатыныңыз бүгінгі күн бір ұл тапты,
Сүйінші сұрай кеп тұрмын сізден дейді.

Жаңа жақсы болды ғой көңілім дейді,
Үшбу*[10] сөзің көңіліме мәлім дейді.
Ондай атты күн туса, жаным тазша,
Төрт түлік мал берейін саған дейді.

Адамдардың таразасы теңде дейді,
Патшалардың алдары кеңде дейді.
Біреуі ұл да, біреуі қыз болыпты,
Қозы Көрпеш, Баян ат қойды дейді.

Екі бай бір-біріне қадам қойды,
Қатыны ұл тапқан соң көңілі тойды.

---

*10 Үшбу — осы мына, бұл.

Біреуі ұл, біреуі қыз болғаннан соң,
Екі мырза елге таман жарыс қойды.

Қарабай Сарыбаймен желген екен,
Марал қағып бір тауға келген екен.
Қарабай мен Сарыбай жарысқанда,
Сарыбай елге жетпей жығылып өлген
екен.

Қарабайдың мінгені ақтан кер-ді,
Жол үстінде өліп қалған қайран ер-ді.
— Қасыңдағы жолдасың жығылды-ай
деп,
Шауып барып Қарабайға хабар берді.

Қарабай келе жатып бір қара көрді,
Өліп жатқан жан жолдасын жаңа көрді.
Өліп қалған кісіні нетейін деп,
Елге қарап Қарабай жүре берді.

Қарабай қартайғанша бой бойлайды,
Жер жүзіне сыймаған мал айдайды.
Жетім ұлға қызымды бермеймін деп,
Өз үйіне келген соң ой ойлайды.

Сарттар сауыр басады талқыменен,
Ерге жабдық жарасар нарқыменен.
Жетім ұлға қызымды бермеймін деп,
Қарабай көшіп кетті халқыменен.

Өлеңімнің басы еді Ғабділбашар*[11],
Құдайым қуат берсе, жолымды ашар.
Қарабайдың елдері көшкенінде,
Қозы Көрпеш бала еді жалғыз жасар.

Сарыбайды, жігіттер, құдай алды,
Ақырзаманды құдайым бұлай салды.
Көше қашып Қарабай кеткен екен,
Жесір қатын, жетім ұл білмей қалды.

Тамам молла жиылып оқыр хатым*[12],
Жеткізіпті Сарыбай жұртқа датын.
Сарыбайдың қатыны ұл тапқан соң,
Қозы Көрпеш қойыпты оның атын.

---

*[11] Ақындарды шабытқа келтіретін сәуегөй ата.
*[12] Хатым оқу — өлген кісіге арнап құран шығару.

Сол екі байдың ауылы көшкен екен,
Бір перзент көкейлерін кескен екен.
Қатынымыз қыз тапса екеуі де,
Қол боқшасы бір болсын дескен екен.

Екі байдың ауылы көшкен екен,
Бір перзент көкейлерін кескен екен.
Зау заман*[13] екеумізден екі ұл туа қалса,
Таң қалғандай дос болсын дескен екен.

Сол екі байдың ауылы көшкен екен,
Бір перзент көкейлерін кескен екен.
Біреуі ұл, біреуі қыз болғанда,
Құдай қосса, біз қостық дескен екен.

Ақ хан өліп, Қара хан босқан екен,
Көксеңгірден киікті тосқан екен.
Қозы Көрпеш құрсақта, Баян іште,
Іште жатқан екеуін қосқан екен.

Көшіп кетті Қарабай оған көнбей,
Сол кеткеннен кетеді, қайтып келмей.
Айтып қосқан қосағын Қозыкенің
Сол Қарабай кетеді-ау қайтып бермей.

Қозы Көрпеш жерінде ойнайды-мыс,
Дегеніне бір жетпей қоймайды-мыс.
Бір, екі [жыл] болған соң Қозы Көрпеш,
Тамам бала жиылып ойнайды-мыс.

Жасы кіші, ағаға іні болды,
Жігіттің өз бойына міні болды.
Екі жасқа келгенде Қозы Көрпеш
Шешесіне тамақ берген күні болды.

Үш жасында ештеме ойламайды,
Төрт жасында дәнеме болжамайды.
Бес жасқа келген соң Қозы Көрпеш,
Кісілерге бір ауыз сөз айтып, ойнамайды.

* * *

Айтайын Қозы Көрпеш өлең жаттап,
Алты жаста тұрады-ау халқы мақтап.
Жеті жасқа келгенде Қозы Көрпеш,
Өз ауылын қондырады өзі бастап.

---

*[13] Зау заман (зәуде) — егерде, мәселен (см.: Киргизско-русский словарь. Изд. второе. Оренбург, 1903, с. 90).

— А, шешеке, көрсеткені құдайдың
жөн-ді дейді,
Моллалардың салғаны дем-ді дейді*[14].
А, шешеке, ойнарға жолдасым жоқ,
Маған жолдас тауып бер, енді дейді.

— А, балам, күліп ойнап қала көр дәр-
менсіз боп,
Есебі жоқ, сансыз сенің дәулетің көп.
Саған қайдан табайын мен жолдасты,
Өзіңменен бір туған бауырың жоқ.

— А, шешеке, мен бір жарлық сұрайын
ба,
Бермесең де сертіңде тұрайын ба?
Бәле тазша мұнда бір жақында бар,
Тазшаменен ойнауға барайын ба?

— Мен едім сені тапқан анаң дейді,
Бір қолымда қағаз бен қалам дейді.
Адыра қалғыр тазшаны не қыласың,
Ұрыспасаң ойнай бер, балам,— дейді.

Қозы Көрпеш жүреді екен сөздің түбін
болжай,
Сұлулықтың белгісі шаңқан боздай.
Онбір жасқа келгенде Қозы Көрпеш,
Келген екен тазшамен ойын ойнай.

— Ай, тазша, сенің атың малай дейді,
Айтатұғын сөзім бар талай дейді.
Үйімнен сені тазша іздеп келдім,
Асық ойнар ауқатың*[15] қалай дейді.

— Ай, Қозы Көрпеш сен өзің нұрлы дейді
Үйімде бір қарам жоқ, сорлы дейді.
Сен үйіңнен бізді қалап келген болсаң,
Асық ойнар көңілім бар-ды дейді.

Қозы Көрпеш сол күнде малды дейді,
Ақылы жоқ тазшаны — жарлы дейді.
Қозы Көрпештей ойынның жайын біл-
мей,
Тазша ұтылып асықтан қалды дейді.

---

*[14] Дем салу — үшкіру, ауруға су бүрку.
*[15] Ауқат — қуат, күш, мерей, хал-жай.

Қозы Көрпеш саған не керек дейді,
Жауған қардай бораған қызық дейді.
Ақылы жоқ сұм тазша ойнағанда,
Өз сақасын өзі сыйлап берді дейді.

Қозы Көрпеш, мен бір жауап айтайын
саған дейді,
Түрлі болған халықта заман дейді.
Мұнан былай сенімен ойнамаймын,
Өз сақамды беріп кет, маған дейді.

— Қолыңа ұстағаның бақан ба еді,
Тазшам саған бір өлім тақалды енді.
Өз қолыңнан өзің сыйлап бергеннен соң,
Қайта неге сұрайсың сақаңды енді.

Өлең айтып жүремін ертеңді-кеш,
Саған қылған Қозы Көрпеш еңбегім еш.
Қайныңа бармай жүрген жаман мұндар,
Өз сақамды беріп кет, Қозы Көрпеш!

Өштес қылған екеуін құдай ма екен?
Жаман сөзді Қозыкем тыңдай ма екен.
— Қатыныңа бара алмай маған келіп,
Асығымды алды деп жылайды екен.

— Сен тұра-тұршы, а, тазшам, қан
қылғандай
Ақылымнан адастым дал қылғандай.
Сақа түгіл, а, тазша, ат берей н,
Менің қайным кім деген жан болғандай.

— Садағыма салғаным қайыңнан оқ,
Қозы Көрпеш бұ күнде дәулетің көп.
Наразы болдым сақамды бермеген соң,
Өтірік айттым, құда болған бұ жерде
тірі адам жоқ.

— А, тазша, мен әлі қарап тұрмын кө-
ңіліңе,
Кел, қоярмын жұдырықпен тас төбеңе.
Қайның бар деп сен өзің маған айттың,
Енді сені қоймаймын өз еркіңе.

— Қозы Көрпеш қорықпаймын ақыр-
саң да,
Өтірікті, сірә, айтпаймын бақырсаң да,

Ойлап тұрсам, сенің қайның тіпті де
жоқ,
Басымды ала кесіп өлтірсең де.

— Құдай қосқан қосақтан қалмаймын
ғой,
Жамандықты, сірә, есіме алмаймын ғой.
Өтірікті айтасың сәрсең қылып,
Тазша сенің тіліңе, сірә, нанбаймын ғой.

— Құдай саған бермеген сана деймін,
Ештемені білмеген бала деймін.
Менің айтқан тіліме нанбасаңыз,
Үйіңе барып шешеңнен сұра деймін.

— Жүруші едім [еш] нәрседен көңілім
қайтпай,
Сен қайтардың көңілімді рас айтпай.
Кішкенеден қостырған қосағымды,
Шешем өтірік неге айтсын, рас айтпай.

Қозы Көрпештің мінгені қарагер-ді,
Құдай тағала сол жерде ақыл берді.
Сол тазшадан үмітін үзгеннен соң,
Есігін сарыт ұрып үйге кірді.

Қозы Көрпеш келе жатып көзін сүзді
дейді,
А, шұнақ тазша, оның ойын бұзды дейді.
Тазшадан наза болып*[16] келе жатса,
Байқамастан бір өрмекті үзді дейді.

— Алдыңдағы құрылған мынау өрмек,
Өрмектей өтірікші қыла бермек.
Алдыңдағы өрмекті неге үздің
Қатыныңнан айрылған сұм жүгірмек.

— Ай, енеке, маған қылған ермегің де,
Естірші мен жамайын өрмегіңді.
Менің қайным қай жақта, жан енеке,
Үшбу жерде төлеп кетейін өрмегіңді.

— Садағыңа салғаның ақ қайың оқ,
Екі қайтып келмейді дүние боқ.
Өрмекті үзген соң кейіп едім,
Ойлап тұрсам а, балам, қайының жоқ.

---

*[16] Наза болу (назалану) — кейю, қамығу.

— Сауыр етіктің табаны талда болса,
Қырық кісінің ақылы ханда болса.
Сірә еркіңе қоймаймын, жан енеке,
Қайынымның турасын айт, әлде болса.

— Барша жанның сыйынғаны бір құ-
дайым,
Құлағың сал, а, балам, кеп қылайын.
Тоқсан қабат айтсаң да қайының жоқ
Тыныпымды ала берме сұмырайым.

— Адамды сөйлеттірген тіл менен жақ,
Кемпір саған байладым бір аруақ.
Сірә тынышыңды қоймаймын, ай енеке,
Ашуланбай жылдам-ақ қайнымды тап.

— А, балам, енді саған қайрылмаймын,
Бұ сөзіңнен еш қорқып қайғырмаймын.
Қалай айтсаң, солай айт, сұмырай ба-
лам,
Не қылсаң да сол сөзден айрылмаймын.

Қозы Көрпеш атқа мініп желген екен,
Сұм кемпірдің тіліне ерген екен.
Қу тазшадан бірдеме есіткен соң,
Ашуланып үйіне келген екен.

* * *

Қаратаудың бетінде қара тас-ты,
Жығылғанда сүйегей қарындас-ты.
— Кіріп келсең шошыдым сенен балам,
Шырағым, саған не болып мұнша өңің
қашты?

— Шешеке, бір сөзім бар айтатын са-
ған дейді.
Қырлы болған халықта заман дейді.
Асық ойнап, қарным ашып келді,
Бидай қуырып өз қолыңнан маған
берші,—дейді.

— Баланың қасын-көзін көрсем дейді,
Қасыма шырағым, келсең дейді.
Қарның ашып, өңің қашып [қайдан
келдің],
Қолымнан бидай қуырып берсем дейді.

Баласының көзінен аққан жасы,
Бауыры жоққа еш қайғырмайды жал-
ғыз басы.
— Шешеке, қосқан жарым қайда дейді,
Қалыңдығым атын айт, кім әкесі?

Қозы Көрпеш мінгені көк-ті дейді,
Сөйлеуге қызыл тілім епті дейді.
— Күйінгеннен айтамын жалғыз балам,
Қосқаны рас еді депті дейді.

— Әуелгі моллалардың жазған хаты,
Бұзылмас патшаның шариғаты.
Қосқаны бір сұлуға рас болса,
Кім екен маған қосқан жардың аты

— Кішкенеңнен жүруші ең көкше қоян,
Жақсы-жаман екені өзіме аян.
Алыс кеткен немені іздей көрме,
Қосқаныңның аты еді сұлу Баян.

Қозыкенің көңілі тынбайды-мыс,
Жаман-жақсы адамды сынайды-мыс.
Бұған бидай қуырды шешекесі,
Салып берсе табақтан жемейді-мыс.

Менің айтқан Қозыкеме бұ бір кеңес,
Қозыкеге шешесі ләм деп айтушы емес.
Қозыкенің көңілінде әлде не бар,
Қазанымен берсе де тағы жемес.

— Қаз келеді, ай, шешеке, атайын да,
Ұйқым келді төсек сал жатайын да.
Еңбекпенен өсірген, жан шешеке,
Қолыңменен берсеңші татайын да.

Не жамандық Қозыке көрді дейді,
Баласының тіліне ерді дейді,
Алдағанын Қозыке қайдан білсін,
Қолыменен шеңгелдеп берді дейді.

— Шеше, сенен көрмедім пайда дейді,
Мың жылқыңды өзің ал, енді дейді.
Ыссы бидай қолына басып алып,
— Құдай қосқан қосағым қайда дейді?

— Қолым күйді, ай балам, қайтейін мен,
Қайның жоқ өтірік немді айтайын мен.

Тілі күйгір кім еді мұндай қылған,
Сәрсең қылған кім еді жоғалтайын мен.

— Тазша бір сөз айтты ғой маған кеше,
Қолың күймек түгіл, бүріссін, маған
десе.
Кішкенеден қосылған қосағымды,
Енді қалай айтпайсың, маған шеше?

— Бұ жалғанда еш көзі ашылмасын,
Іздеймін деп сұрайсың жолдасың[ды]
Телі*[17] өскен көңілінді тентек қылып,
Ау, естірген кім еді, еш оңбасын.

* * *

Оғың жондыр Қозыкем тазқарадан*[18],
Жасынан-ақ тілейді азғанадан.
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,
Тұрып кеңес сұрайды-ау бозбаладан.

Есітіпті Баянды көңіліне тоқ,
Бір ойнаса жарымен арманы жоқ.
Кеңес сұрап тұрады бозбаладан,
Оңды кеңес айтпайды бозбала боқ.

Ақ сақалды бір үйге төрелетіпті,
Алып келіп тазшаны жырлатыпты.
Алып келіп тазшаны жырлатқан соң,
Құлақ салып ақсақалдарға тыңдатып-
ты.

— Дүниеден осылай [мен] өтейін бе?
Құдай қосқан қосаққа жетейін бе?
Құдай қосқан менің сол қосағыма,
Іздейін бе, яки іздемей кетейін бе?

— Қозыкем сен тәубеңді жаңылыпсың,
Еш көрмеген Баянды сағыныпсың.
Сондай жақсы қалыңдық алып берсек,
Ерте кеткен Баянды не қыласың.

Тамам қызды бір үйге салды дейді,
Ағаларға көңілім қалды дейді.

---

*[17] Телі өсу — екі ананың ортасында тәрбие алу, әлпештеніп ерке өсу. Теліден тентек шығады (халық мақалы).
*[18] Тазқара — қара құс, оның қауырсынынан жонып оққа сап жасайды.

Енді қыздан бір кеңес сұраймын деп,
Жүгіргеннен қыздарға барды дейді.

— Суға біткен солқылдақ жекен деймін,
Құдай қосқан қосағым екен деймін.
Құдай қосқан қосақты сағынамын,
Ал, апалар, іздесем бе екен деймін?

— Қартайғанша ер жігіт «қыз» дер болар,
Жасы үлкенді өзінен «сіз» дер болар.
Ол айтқаның жарықтығым рас дейді,
Құдай қосқан қосағын іздер болар.

— Ондай кеңес сайтандық көнбегейсің,
Өз ойындай Қозыкем көрмегейсің.
Өз ақылың өзіңе болатұғын,
Ұрғашының тіліне ермегейсің.

— Көргенім жоқ Баянды, өзі қандай?
Беті айдай деседі, бойы талдай.
Ерте кеткен Баянды іздемейіп,
Баяндай қыз бар ма екен, сірә, сондай?

— Тілімді алсаң Қозыкем бара көрме,
Ондай ойды көңіліңе ала көрме.
Телі өскен көңіліңді тентек етіп,
Сен Баянды есіңе сала берме.

— Жүруші едім адампан көңілім қалмай,
Енді қайтіп жүрейін есіме алмай.
Көңілім менің таразы тымық таппас,
Әкем қосқан Баянға сірә бармай.

— Мен бір сөзді айтармын көңілің қалар,
Қодар деген бір құлы ғаяр*[19] болар.
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,
Бір шыбындай жаныңа зиян болар.

— Үй демеңіз, сынады сағым дейді,
Қарабайда кетіпті-ау ақым дейді.
Қарабайдан ақымды ала алмасам,
Мұнда жүрсем тең құрбым «қатын» дейді.

*[19] Ғаяр — қу, арам ойлы, сыйқыршы.

— Айтса-дағы Қозыкем тіл алмайсың,
Барғаннан соң сен қайтып келе алмай-
сын.
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,
Енді қайтып бұл жұртты көре алмайсын.

— Есен болсам, мен қайтып келейін де,
Келе алмасам, сол жолда-ақ өлейін де,
Құдай қосқан қосағым сұлу Баян,
Қодар құлға не қылып қияйын да?

— Құрт алайын жол азыққа төрт-бес
аяқ,
Бөлініп қалған жылқыдан бұ бір саяқ.
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,
Қодар атты құлыңнан жесем таяқ.

Айтып салды бірнеше «әлде қалай*[20],
Өзің онда жасаған, аллатағала-ай.
Алла бұйырса, жұртым, мені жіберіңіз,
Құлдан таяқ жегенше алсын құдай.

— Не табасын Қозыкем онда барып,
Қодар құлдар алмасын жүрегің жарып,
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,
Тентек Қодар қоймасын басыңды алып.

— Қалдырмай айтып жіберіңіз енді ғана,
Мұнда қорқытып тұрсын жұртым ғана.
Менің өлім жоқтығын қайдан білдің,
Құлдан өлсем жатайын тұрмай ғана.

— Еш басыңа жамандық келтірмесін,
Кім табады*[21] құлдардың білдірмесін
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,
Қисық еді Қодар құл өлтірмесін.

— Қодар, Қодар дегенің кімге сірә,
Құлдан өлсем жатайын құным сұрама.
Екі сөздің ішінде, өлімді айта бердің,
Жорығаның қалай еді жұртым сірә.

— Мақтана тұр Қозыкем мұнда тұрып,
Қайтіп алар екенсін Баянды, құлдарды
ұрып.

*[20] Әлде қалай — күдіктену, қобалжу.
*[21] Кім табады — кім біледі.

Сол алпыс құл ортаға бір алған соң,
Өлмек түгіл, қаларсың оба тұрып*[22].

— Жан болмаймын жарымды құлға
берсем,
Сөйлетпес те құрбыларым мұнда жүр-
сем,
Не болса да, а, жұртым, жіберіңіз,
Жатқанымнан тұрмайын құлдан өлсем.

— Талай кеңес үйреттім енді, ботам,
Кеңесімді алмайды сондай адам.
Кеңесімді алмадың кері барғыр,
Білгеніңмен бола көр енді, ботам.

* * *

— Қаз келеді, ай шеше, атайын да,
Бидай қуыр қолыңнан татайын да.
Атымды ерттеп, ай шеше, азық берші,
Әкем қосқан Баянға кетейін де.

— Ойбай, балам, ай балам, кете алмас-
сың,
Аякөздің бойынан өте алмассың.
Телі өскен көңіліңді тентек етіп,
Ерте кеткен Баянға жете алмассың.

— Ойбай, шеше, ай шеше, кетерекпін,
Аякөзден құдай жол берсе өтерекпін.
Сол Қарабай кеткелі жиырма жыл,
Жиырма жыл қусам да, соңынан жетерекпін.

Көздің жасын көл қылып төкті дейді,
Бір тазша не қылса да түбіме жетті
дейді.
— Көзім жасы көл-дария болды, балам,
Онан қайтіп өтесің депті дейді.

Қозыкемнің мінгені көк-ті дейді,
Жасағаннан тілегім көп-ті дейді.
Көзің жасы көл-дария болса, шеше,
Көпір салып өтермін депті дейді.

Көздің жасы көл болып тағы толды,
Бір тазшаны жұрт жиылып сөкті дейді.

---

*[22] Оба тұрып — обаға айналарсың, көміліп қаларсың.

Қайғылының қырық бөрі бар-ды, балам,
Онан қайтіп өтерсін тағы дейді.

— Алдында дауылдаған қау бар, балам,
Аспанменен сөйлескен тау бар, балам.
Онан қайтіп өтесің жолдасың жоқ,
Қылышынан қан тамған жау бар, балам.

— Мені де Қозы Көрпеш деп мақта-
май ма,
Қай-қайдағы жарлылар бұ үйді жақтамай ма,
Қылышынан қан тамған жау болса да
Бір құдай онда бізді сақтамай ма?

— Той сайын айтушы едім өлең бастап,
Үнімді тұрушы еді халқым қостап,
Тәңіріден тілеп алған жалғыз едің,
Шешеңді кетемісің жалғыз тастап.

— Әуелі сыйынғаным бір құдайым,
Ақыл үлкен болады күн-күн сайын.
Әкем қосқан Баянға жетейін де,
Әзір, шеше, сені мен не қылайын.

— А, балам, мен кісіге қимаймын көй-
легіңді,
Қарашы, қара құл тұл күнде-күнде,
Кімге қиып кетесің, жалғыз балам,
Тоқсан қопа толулы жылқыңды енді.

— Қарағайлы бел шоқы кеткеннен соң,
Жақсының аруағын тербеткен соң,
Пайдасы жоқ жылқыңды не қылайын,
Сансыз жауға жолықсын мен кеткен
соң.

— А, балам, айтпаймын мен оңайды
енді,
Көрсетейін тал шыбықтай бойыңды енді,
Барма десем, болмадың байғұс, балам,
Кімге қойып кетесің, отыз қопа қойың-
ды енді.

— Әкем қосқан жарыма жетейін мен,
Қайтіп бармай жатайын, терезең тең.
Пайдасы жоқ қойыңды не қылайын,
Аш бөріге жолықсын мен кеткен соң.

— Сен кеткен соң таянайын бүйірімді,
Құдай білер бұ жерде жүреріңді.
Оны қайтіп қиясын байғұс балам,
Он бес өлке толған сиырыңды.

Қарайын мен найзамды қолыма алып,
Отырамын қолымды балға малып,
Пайдасы жоқ сиырыңды не қылайын,
Мен кеткен соң жолықсын аусыл мә-
лік*[23].

— Ондайыңды көп айтпа маған дейді,
Аллам оңды жасатқан тобам дейді.
Қиқулының қырық бөрі келсе жетіп,
Қырық кез оғым жалынсын оған дейді.

— Ойлай берсе, ой түбі қайда кетпес,
Жұртын тиған Қодарға әлің жетпес.
Тілімді алсаң, Қозыкем бара көрме,
Асқаралы таулар бар адам өтпес.

Айһай шеше ай шеше жетерекпін,
Құдай қосқан жарыма жетерекпін.
Асқаралы тауларың душар болса,
Қылышпенен жол салып өтерекпін.

— Айһай балам, ай балам, барасың ба,
Менен кетіп барқадар*[24] табасың ба?
Тілімді алсаң Қозыкем бара көрме,
Қырық күншілік шөлі бар, өлесің бе.

— Алдыңа мен енді кірмен, шеше,
Өзге қызбен дәуренді сүрмен, шеше.
Құдай қосқан жарымды естіген соң,
Адам болып жүре алман енді, шеше.

— Барамын деп, ай балам, бара алмассын,
Ерте кеткен Баянды таба алмассын.
Елі-жұртың қақсайды бармасын деп,
Жұрттың тілін алмасаң оңалмассын.

— Қалтақ балам жүрмісің кетейін деп,
Кетіп мені сергелдең етейін деп.
Айтсам тілім алмадың, ей жүгірмек,
Ажалыңа асығып жетейін деп.

---

*[23] И. Н. Березин хрестоматиясының 105-бетіндегі бұл жолдар ауысып жазылған. Бұл жерде өзінің орнына қойылды.

*[24] Барқадар — қызық, қуаныш, жетіскендік.

— Айһай шеше, ай шеше, кетейін де,
Құлдан өлсем жан болып нетейін де.
Мұндай бізді қақсатқан әркез оңбас
Қарабайдың түбіне бір жетейін де.

— Асқан тауы бір қиын белді, балам,
Мұнша неге қақсаттың мені, балам.
Айтсам тілім алмадың ей жүгірмек,
Ажал айдап жүр екен сені, балам.

— Шеше, мұнша мұқаттың қажырымды,
Мен білгемін аллаға жазарымды.
Енді бұлай болған соң кеткенім [жөн],
Құлдан салса көрермін ажалымды.

— Жайып қойған түсерсін торға, балам,
Бір шыбындай жаныңды қорға, балам.
Арасында аңдыған жауы көп-ті,
Өлім іздеп жүрмесең барма, балам.

— Ақылыңды тұратұр бөлмей, шеше,
Тірі болсам кешікпей келем, шеше.
Құдай қосқан жарымды іздемесем,
Не қылайын жан болып өлмей, шеше.

— Қақсап қалсын Қарабай мұндай, балам,
Сонан әрі кетерсін келмей, балам.
Айтсам, тілім алмадың, ей жүгірмек,
Қайтып сонан келмессін өлмей, балам.

— Ажалды құл әр жерде өлмей ме екен,
Тірілер күн, тірі кісі көрмей ме екен.
Ай, шешеке, бұ дегенің, не дегенің,
Қайнына барған кісі келмей ме екен.

— Қопаға бөлек біткен қарағым-ай,
Дөңгелек жылқыдайын тұяғым-ай.
Көзімнен таса болсаң өлмеймін бе,
Келмес деп шошимын шырағым-ай*[25].

— Ақылыңды тұратұр бөлмей, шеше,
Тірі болсам кетпен-ді, келмей, шеше.
Сәрсең қылған сол мені Қарабайды
Қара жерге қойман-ды енбей, шеше.

*[25] «Ажалды құл...» деп басталатын бұл екі шумақ И. Н. Березин хрестоматиясында (106-бет) ауысып басылған, бұл жерде орнына қойылып түзетілді.

— А, балам, қысамысың көтіңді енді,
Сен тұрғанда дүнием бүтін еді,
Барма десем болмайсың жалғыз, балам,
Кімге қиып кетесің сүтіңді енді!

— А, шешеке, күміс қостың айылыма,
Қазақ қарап тұрады қайырыма.
Барма дейсің байғұс шеше [ұзын жолға],
Қайтіп бармай жатайын қайыныма.

— А, балам, саған айттым базынамды,
Шешесі [іздер] сен кеткен соң тірі жанды.
Он лавке толған, сорлы балам,
Кімге қиып кетесін қазынаңды.

— А, шешеке, не болады жігітті еңірет-
кен соң,
Немене айтып айтпай күн өткен соң.
Ол он лавке бұйымыңды не қылайын.
Талаулы орынға жолықсын мен кеткен соң

— А, шырағым, жылап тұрмын күнімен
Көңілімді уатайын кімің менен.
Болмайсын барма десем, жалғыз балам,
Шешеңді тастамаймысын шыныңменен.

— Мен қайтейін [тіл алмай] кеткеннен
соң,
Жалғыз қалған шешеден [безгеннен] соң,
Емшек берген әрі жат,— дерсің балам,
Баян сұлу жарыңа жеткеннен соң.

— Айыр емшектен сут берсең емейін де,
Емген сүтім татыпты көмейімде.
Ондай атты күн туса ай, жан шешеке,
Емшек берген, әрі жат, демейін де.

— Сен кеткен соң, ай балам, мен өлермін,
Кеткеннен соң ішімнен күңіренермін.
Еңбекпенен өсірген жарықтығым,
Сен кеткен соң мен қайтіп күн корермін.

— Сен өлмессін, ай шеше, мен өлермін,
Қыса болып, бармасам, енді өлермін.
Өледі деп жылама, мені шеше,
Есен болсам, мен қайтып бір келермін.

— Асқан тауы бір қиын белде, балам,
Ерте кеткен таппасын елді, балам.
Айтсам тілім алмадың, ей жүгірмек,
Кетсең сірә [сен] жоқсын енді маған.

— Бармай осылай дүниеден өтпен, шеше,
Қалай қусам мен соған жетпен шеше
Қарабайдан ақымды алғаннан соң,
Қайтып саған бір келмей кетпен, шеше.

— Тәңірі шешер көңіліңнің ағын, балам,
Жарна болар малыңды бақсаң, балам.
Тілімді алмай барасың, ей жүгірмек,
Енді маған сен жоқсын кетсең, балам,

— Артылған соң тоқтамас қосым, шеше,
Еш қайғырар жоқ менің достым, шеше.
Енді былай болған соң кеткенім жөн,
Көріскенше күн жақсы болсын, шеше.

— Айһай, балам, ай балам, кетемісің,
Кетіп [мені] сергелдең етемісің.
Ақ сүтімді сауармын көкке, балам,
Мұнан кетіп мұратқа жетемісің.

— Ақылымды аузыма салар, шеше,
Баяндай қыз алашта бар ма, шеше.
Жақсы жолға барайын деп [мен] тұрғанда
Жаман сөзді аузыңа алма, шеше.

— Ала тұрған Баянды сен бе, балам
Сенің жұртың бұл сенген ел ме, балам.
Айтсам тілім алмадың, ей жүгірмек,
Барғаныңнан қайтып енді келме, балам.

— Санаменен сарғайып іші толсын,
Естірткен сол тазша байғұс болсын.
Ақ сүтіңді емгенмін сенің шеше,
Маған деген қарғысың алғыс болсын.

— Айһай, балам, ай балам, менен кеттің,
Телі өскен көңілімді тентек еттің.
Ақ сүтімді сауармын көкке, балам,
Еш қызығың көрмейінше өнер бастың*[26].

*[26] Өнер басу — өз ойымен кету, тыңдамау.

— Қақылдайды, қақсайды жазған балаң,
Қақсасаң да, ай шеше, жоқпын саған.
Осы жолда сен мені қарғай бердің,
Емшегіңнің ақ сүтін аруланбай.

* * *

— Құдай маған қоймады ата дейді,
Қылған екен атам маған бата дейді.
Құдай қосқан жарымды іздер едім,
Қандай атты мінемін апа дейді.

— Есен-аман Қозыкем жүре көрші,
Жарыңменен бірге ойнап күле көрші.
Жүгеніңді сылдырат жаным, балам,
Қарағанын бетіңе міне берші.

Қонған жері аулының көп қараған,
Мың жылқыны шұбыртып ат қараған.
Мың жылқыдан бір жылқы қарамады,
Қозы күрең жаман тай жалт қараған.

Қозы күрең жаман тай қарап тұрды,
Ұстай алып мойнынан жүген ұрды.
Мың жылқыдан бір жылқы қарамады,
(Ат) тоқымы (бұлайша) қайда құрыды*[27].

Жүгендесе жаман тай құнан болды,
Ақырзаман қараңғы тұман болды.
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,
Не басыңа сенің [балам] ылаң болды.

— А, шешеке, менің сөзімде болмас қата,
Әкеміз қайныңа бар деп қылды бата.
Шешеке, қайныма баруға мойын қойдым.
Менің мінер жылқымның түсін ата.

— Үйімде мен отырған адам дейді,
А, балам, сенен кетті мазам дейді.
Жүгіріп жүген алып барғаныңда,
Бетіңе қараса, соны мін, балам, дейді.

Жайлауы Сарыбайдың Шатқара еді,
Қозы Көрпеш сан жылқыдан ат қарады.

---

*[27] Тоқымы құру — мінетін ат таба алмау, жаяу қалу.

Жылқыдан ат мінгелі барғанында,
Жабағы күрең бетіне жалт қарады.

Қонғаны ауылының сай болады,
Ондағы жұрт толықсып бай болады.
Құрықты бисмилла*[28] деп салғаннан соң,
Жабағы қозы күрең тай болады.

Жердегі жорғалаған жылан болды,
Ауыздағы әр сөзім өлең болды,
Арғымаққа лайық қозы күрең,
Жүгендеп жатқанында құнан болды,

Молланың оқығаны кәләм*[29] болды,
Жаман малың түгелімен ешкі болды.
Арғымаққа лайық қозы күрең
Жайдақ жортып жөнелгенде дөнен бол-
ды.

Кигені кедейлердің ескі болды,
Арғымаққа лайық қозы күрең,
Үйінен жөнелгенше бесті болды.

Erттегенде құнаны дөнен болды.
Құдай оңдап, сақтағын деген болды.
Ерте кеткен Баянды іздемейін
Баяндай қыз бар ма екен, мұнда енді.

Өзі мінсе дөнені бесті болды,
Санаменен сарғайып іші толды.
— Ей, жасаған, бір құдай өзің онда,
Көргенім жоқ бұрын-ау еш мұндайды.

Алты жасар бестісі ат болыпты,
Бір сөз айтса түге жұрт мат*[30] болыпты.
Қозыкемнің соры ғой азаматтар,
Бірге жүрген Қарабай жат болыпты.

* * *

Қозы күрең астына мінді дейді,
Құрсай садақ беліне ілді дейді.
Періштелер түсіне аян*[31] беріп,
Қосыларын Баянға білді дейді.

---

*[28] Бисмилла — алла оңғар.
*[29] Кәләм — сөз; кәлам шариф — дін сөзі (құран).
*[30] Мат болу — аузын ашпау, қарсылық көрсете алмау.
*[31] Аян беру — көрініп білдіру, хабарлау.

Қозы күрең мінді де кетті дейді,
Көл-дарияның бойына жетті дейді,
Көл-дарияның бойына жеткеннен соң,
Көпір салып үстінен өтті дейді.

Жүреді екен Қозыке сөзге қанып,
Құдай қойды көңіліне қайғы салып,
Енді іздемек болыпты сол Баянды,
Арымас ат, таусылмас азық алып.

Қозыкеме жиылды жұрты дулап,
Азаматым тұра тұр, мұны тыңдап.
Күн көремін деп жүрген жалғыз ұлдан,
Қайран ана, айрылып қалды жылап.

Әуре сәрсең құдайым нетіп едім,
Әурешілік жолменен кетіп едім.
Жүрген сайын жолыма кесір қылып,
[Ей], жасаған құдайым, нетіп едім.

Жолдан бұрма, Қозыкем атың суар,
Баянға қыз алаштан қайдан ұқсар.
Бір бөгеуден құтылып бара жатса,
Қиқулының қырық бөрі болды душар.

Үш уақытта аллаға жүрдім жылай,
Әуре сәрсең қылдың ау [мені] былай.
Бір бөгеуден құтылдым деп едім ғой,
Тағы да аңдып жүр ме едің, мені құдай.

Жұрт жақтырып сөзімді қалқалаған,
Қайғырмаңыз өткен соң енді оған.
Қайтатұғын бір амал болар ма деп,
Қасқыр болып шешесі доталаған.

Ғазрайыл*[32] келіпті жәббәр пәрмән*[33],
Бір саған зор келе қалса жаның қар-
ман.
Мен де өзіңнің жаратқан бендең едім,
(Бір) жасаған болмаса кетті дәрмен.

Кете алмайды Қозыкем үйге қайтып,
Сәрсең қылды сол Тазша қайдан айтып.
Қиқулының қырық бөрі келсе жетіп,
Қырық кез оқпен кетіпті бір-бір атып.

---

*[32] Ғазрайыл — ислам дінінің аңызы бойынша жан алғыш.
*[33] Жәббәр пәрмән — жаратушының жарлығы.

Қозы Көрпеш іздейді ауған елді,
Аллатағалам жаратты асқар белді.
Бір бөгеттен құтылып бара жатса,
Асқарлы бір тауға тағы келді.

Арымас ат, таусылмас ас болыпты,
Таусылмастай азығын мол алыпты.
Асқарлы сол тауға жетіп келіп,
Қылышпенен шапқылап жол қылыпты.

Жалғыз туған бір ұлдан ел қашыпты,
Асқарлы сол таудан бел асыпты.
Бір бөгеттен құтылып бара жатса,
Он екі айлық, қырық күншілік жол басыпты,

Сәрсең болды Қозыке үйден кетіп,
Он екі айлық, қырық күншілік жерге жетіп.
Он екі айлық, қырық күншілік жолдан өтіп,
Ел шетіне Қозыкем келді жетіп.

Үш уақытта сыйындым алла саған,
Мұндай қатты азапты қылдың маған.
Әрбір жерде сақтаушы бір өзіңсің,
Ендігіден сақтай көр, құдай тәубәм.

* * *

Қозы күрең асыпты белді дейді,
Жаңа тапты Қозыкем елді дейді.
Айдалада қаңғырып бара жатып,
Бір кемпірдің қасына келді дейді.

Сол кемпірді көрген соң желді дейді,
Нақ қасына кемпірдің келді дейді.
Әлде қалай бұ да бір адам да,— деп,
Қол қусырып сәлемді берді дейді.

Қозыкенің сәлемін алды дейді,
Ол бір сана көңілге салды дейді.
Қол қусырып Қозыкем сәлем берсе,
Таң тамаша сол жерде қалды дейді.

— Көкірегің қайғылы, көңілің жарық.
Қай бір жақтан келесің атың арып?
Атың арық, өзің аш, жаным балам,
Не ғып жүрген адамсың жүзің сарық?

— Мен алыстан келемін қиуадан*[34],
(Бір) құдайын білмеген болдым надан.
Хал-жайымды сұрайсыз, ау енеке,
Әуре қылған құдайым мен бір адам.

— Хас*[35] мырза Қозыкем депті дейді,
Киік атып, аң етін жепті дейді,
Атың арық, өзің аш, қаңғып жүрген,
Жаным қандай адамсың, депті дейді.

— Мен үйімнен шыққалы алты ай болды.
Мінген атым астымда тайдай болды.
Естіп, біліп көргенің бар ма, енеке,
Қарабайдың ауылы қайда болды?

— Жалғыз адам білмейді келгеніңді,
Мен де айтармын есітіп білгенімді.
Қарабайдың ауылын көрсетейін,
Бастап, балам, айт сана, бір жөніңді.

— Талай неме түседі көңілімізге,
Көп кейітпей айтсаңшы, енді бізге.
Атым арып жолаушы кейіп келдім,
Қарабайдың ауылын көрдіңіз бе?

— Көрсетейін саспай тұр, елді балам,
Расыңды айтсаңшы енді маған.
Қарабайдың ауылын сұрай беріп,
Мұнша сұрап, Қарабай нең-ді, балам?

— Қамшыласам жүрмейді атым тосаң,
Ене менің сорыма болдың қасаң,
Көп кейітпей айт сана, енді бізге,
Қарабайдың ауылын көрген болсаң.

— Біле алмадым Қарабай әлде қайда,
Әлде болса атың мен тоның пайда,
Арып, ашып ей, балам, мұнша іздеп,
Қандай қатты ісің бар Қарабайда?

— Кең құдайдан жоқ екен тым-ақ тәтті
Іздеймін деп, енеке, діңкем қатты.
Білмесеңіз, енеке, енді айтайын,
Қызы бар ма үйінде Баян атты?

*[34] Қиуадан — қиыр шеттен, алыстан.
*[35] Хас — (қас) — нақ, нағыз, анық, шын мағынасында.

— Алыс жерде көрінген ел ме, балам,
Қатты жүріп атыңмен жел ме, балам.
Қарабайдың ауылын сұрай берген,
Сарыбайдың жалғыз ұлы сен бе, балам?

— Аякөзді жағалай бітер қайың,
Оқып болған Баянды уатайын.
Қарабайдың ауылын көрсет сана,
Біротала атымды суытайын.

— Жер дүниені сен келдің бәрін құртып,
Қарабайды қалыппым мен ұмытып,
Жаным балам, бұ жаққа қарай түсші,
Көріне ме ешнеме қарауытып?

— Ініңізді жамандап табалама,
Құдай әуре қылған соң оңала ма?
Қарауытып бір нәрсе көрінеді,
Қарабайдың ауылы сол бола ма?

— Қарабайды сұрадың мұнда келе,
Тұр деп әуре қыласын мені неге?
Әбдеп болжап қарашы, жаным, балам,
Қарамола, Қараадыр көріне ме?

— Қарамола, Қараадыр көрінеді,
Қарауға да енекем ерінеді.
Қарамола, Қараадыр көріп тұрмын,
Қарабайдың жайлаған жері ме еді?

— Қарамола, Қараадыр көріне ме,
Сен тұр деп әуре қыласын мені неге.
Қарамола көрінсе бойы соның,
Қараадырдан қой-малдар біліне ме?

— Қарамола көрінген түйесі ме оның,
Қараадырда жайылған қойы ма оның?
Қарамола, Қараадырды көріп тұрмын,
Қай жағынан жүрейін енді соның?

— Қайдан тауып сен келдің мұнда ғана,
Жайлаушы еді сол жерді жылда ғана.
Қараадырды қақ жарып, жаным балам,
Сол молаға барғайсың тура ғана.

— Сізден басқа жұрт маған ел емес-ті,
Қарабайдың қылығы жөн емес-ті.
Әлі менің ақылым көп жеткен жоқ,
Ей, енеке, тауып берші бір кеңесті.

— Сүйгенінен айрылған жер таянды,
Қылған ісің Қозыкем жұртқа аян-ды.
Алтын күйме ішінен шығушы емес,
Енді қайтіп көресің сол Баянды.

— Мың жылқыдан ат міндім мен жапанда
Құдай сірә қоспасын жар жаманды.
Әлі менің ақылым көп жеткен жоқ,
Сен таба көр, енеке, бір амалды.

— Қозы Көрпеш құл болып түсер қойға,
Сүйтер ме деп жігіттікте келеді ойға.
Жұмыршақты*[36] басыңа кие салып,
Тазша болып барғайсың Қарабайға.

— Тауды, тасты күңренте жел ескенде,
Баян қайда жүреді ел көшкенде?
Барған жерде Қарабай сөз сұраса,
Не деп жауап берейін, сөйлескенде?

— Жасағанның ісіне жоқ-ты шараң,
Мен қайтейін оңдасын аллатағалаң,
Барған жерде Қарабай сөз сұраса,
Кісілікке жүрмін де, байғұс балам.

Тартады екен Қозыкем күйді дейді,
Енді қайтып көрменді үйді дейді,
Бір тоқтыны сол жерде соя салып,
Жұмыршағын басына киді дейді.

— Есен-аман баламды келтіргейсің,
Қодар құлды амалдап жітіргейсің.
Зиян келсе, а, балам, сонан келер,
Ебін тапсаң Қодарды өлтіргейсің.

— Енеке, Қодар бізді нетер дейсің,
Осылай етіп дүниең сенің өтер дейсің.
Өзгесінен сақтасын бір құдайым,
Есіктегі Қодар құл қайтер дейсің.

— Барар болсаң сен енді жылдам жөне,
Қарабайдың құлдары талай неме,
Қисық құлын ол кәпірдің не деп болмас,
Асы болып*[37] құдайға олай деме.

---

*[36] Жұмыршақ — іші қызыл құртқа толған жылқының таз қарыны. Ерте кезде таз кісіні емдеу үшін соны басына тартатын.

*[37] Асы болу — жазып-жаңылу, жазықты болу, тәңіріден жазу.

* * *

Тазша болып Қозыкем кетті дейді,
Аякөзден сал байлап өтті дейді.
Әншейін-ақ қолаңдар адам болып,
Қарабайдың қасына кепті дейді.

Қарабайдың қасына келді дейді,
Тәңірі салған ісіне көнді дейді.
Қарабайдың қасына келіп тұрып,
Қол қусырып сәлемді берді дейді.

— Әлейкім, Қарабай, сәлем дейді,
Мен көрмеген бұл қалай адам дейді.
Атың арық, өзңі аш, қайдан жүрсің,
Жаным қалай адамсың, балам дейді.

— Ел ішінде қаңғырған мен бір ғарып,
Келген едім алыстан атым арып,
Күн көрермін деп жүрмін, жан атеке,
Сіздей ғана біреудің малын бағып.

— Ақылыңа жетпеген баламысың,
Енші бөліп берейін аламысың.
Мен де өзіңдей біреуге кем-тар едім,
Маған бала, жарқыным, боламысың?

— Ай, атай, жаңа келді менің бағым,
Жоқ үйде меніңдағы аға, інім,
Енді сізге мен байғұс мойындадым,
Сізден артық адам табылмас маған адам.

— Жылқы бақсаң, міне көр қара жалдан,
Еш зиян көрмессін кемпір-шалдан,
Өз еркіңе салайын, жаным балам,
Сүйгеніңді баға көр, мынау малдан.

— Келе жатып мен өзім ойлағанмын,
Ойлап-ойлап ой түбін қоймағанмын.
Өз еркіме салсаңыз, ей, атеке,
Жанға тыныш, әйтеуір, қой бағамын.

— Қартайғанда мен қойды бақтым дейді.
Тазшам жаңа жаныма жақтың дейді.
Үйге барып Қарабай қуанады,
Мен бір қойшы жігітті таптым дейді.

* * *

Бүгінгі өткен нешесі, туған айдың,
Еш қадірін білмейді Баян байдың.
Бір Баянның дертінен Қозы Көрпеш,
Алты ай жүріп қой бақты Қарабайдың.

Қарабай бай болып-ақ мыңғырапты,
Қозыкемді ап келіп құл қылыпты.
Бұған енді бір амал табайын деп,
Бір тоқтының аяғын сындырыпты.

Қойға мінген қара атан бақырады,
Қозы Көрпеш шыңғырып ақырады.
Мұрындары зерлі*[38] қой қалды ғой деп,
Қозы Көрпеш дауыстап шақырады.

Шыңғырады бір адам қате ме екен,
Тыңдай көрші, балалар, Тазша ма екен,
Сол Тазшаның аяғын сындырғаны,
Асыранды Баянның тоқтысы екен.

Қарабайдың жайлауы Телі көлді,
Ауыл көшсе, сол Баян жорға мінді.
Мұрындары зерлі қой қалды ма деп,
Жорғасымен қайрылып Баян келді.

— Асықпай тұр қылайын сені ма құл!
Өз өзінен не ғылып сынады бұл?
Денем сүйген бір тоқты еді осы қойдан,
Мұны не ғып сындырдың шетемір құл?

— Мұнан бұрын көріп пе едің мұндай
құлды?
Мұнша әуре қыласың мен бір сұмды.
Менен көрме, ей Баян, құдайдан көр,
Бұ тоқтының аяғы өзі сынды.

Тандырайын, мұны кім жейді — деді.
Денем сүйген менің бір тоқтым,— дейді.
Іле*[39] апарып Қодарға тандырайын,
Өңгерт бұлай шұнақ құл, депті дейді.

---

*[38] Зер — алтыннан жасаған қалауыш әшекейлер. Бұл жерде мұрынға тағатын жез бұйда. Ерте кезде түсінің ерекшелігі бар құлын мен қозыны жақсы көрген баласына арнап құлын болса мойнына тұмар, қозы болса мұрнына зер тағатын. Зергер сөзі осы сөзден шыққан.

*[39] Іле — тез, шапшаң.

Қозы Көрпеш көңіліне қайғы салды,
Бір Баянның зауқынан бақты малды,
Көтере алмаған тоқтыны кісі болып,
Оң жағының санынан шымшып алды.

— Асықпай тұр, бәдірек қаның тасса,
Қымыра қыл да іше бер, қарның ашса.
Қойға келген жерімде ондай етіп,
Менің теңім сен бе едің, шұнақ Тазша?!

— Мұндай тиіп жұмсама құлды Баян,
Құдай әуре қылды ғой бізді Баян,
Ай аулақта сұрайын, осындайда,
Құдай қосқан қосағың кім-ді Баян?

— Баян әрмен жөнеліп кетті дейді,
Сірә қалай осы адам depті дейді,
Сол Тазшаның сол жерде айтқан сөзі,
Көкейінен Баянның өтті дейді.

Қозы Көрпеш құл болып қойға түсті,
Жасағанның қылығы сондай күшті,
Бұрын сірә ештеме білмейді екен,
Енді Баян ішіне пікір түсті.

Амал тауып Баянға бара алмайды,
Жақындатып қасына ала алмайды,
Алты ай қойын бақса да Қарабайдың
Сонан артық ештеме таба алмайды.

Қойды тастап Қозыкем жылқы бақты,
Қарабайдың жанына жаңа жақты.
Көгәл жерге желіні тартып барып,
Жұмырықпен қазықты бір-ақ қақты.

Жер дүниеге кетеді жылқы түнде,
Қайтара көр, Қодар құл шапшаң мұнда.
Қарабайдың жылқысын сол алпыс құл,
Әзер түгелдеп болады алпыс күнде.

Тазша байғұс кетеді ерте тұрып,
Айғай салып тұрады иттей ұлып.
Баға алмаған жылқысын алпыс құлдың,
Жалғыз өзі келіпті түгел қылып.

Жылқы жияр Қозыкем айғай салып,
Құрығына жидесін*40 байлай салып,

*40 Жиде — жейде (Ішкі) көйлек.

Жалғыз жылқы қалмастан жиылыпты,
Келді дейді ауылға айдап алып.

Оны естіп алпыс құл арланады,
Жылқы баққан бір Тазша зарланады.
Ол Тазшаның, жігіттер, қылығына,
Үйде отырып, Қарабай таң қалады.

Қозы Көрпеш бір нәрсе ойлайды-мыс,
Құрығын Қодар құл да қоймайды-мыс.
Қозыкемен жылқыға бара жатып,
Аударыспақ алпыс құл ойнайды-мыс.

Қозыкені әпкеліп, мал бақтырды,
Мал баққанын Тазшаның жұрт жақтырды.
Аударыспақ алпыс құл ойнаған соң,
Әрқайсысын әр жерге (бір) лақтырды.

Өткен іске өкініп біз кетелі,
Біраз айтып мұратқа бір жетелі,
Ат үстінен Қозыке лақтырса,
Алты құлаш түсіпті құл көтені.

Қозы Көрпеш жарына жаңа жеткен,
Арасында Қодардың несі кеткен?
Түсіп қалған көтенді саламын деп,
Ептей алмай құлдардың есі кеткен.

Қозыке мен Қодар құл жақындайды,
Жақындасып Қодар құл тақымдайды,
Суға апарып батырса Қозы Көрпеш,
Мен өлдім деп Қодар құл ойбайлайды.

Айдалада алпыс құл арланыпты,
Қодар батыр сол жерде қорланыпты,
Айдалаға шыққан соң тамам құлдар,
Бір Тазшамен алыспақ ойнасыпты.

Қозы Көрпеш бір байдың мөлдір көзі,
Сірә хате кетпейді айтқан сөзі.
Айдалада алпыс құл ойнасқан соң
Алпыс құлды басыпты бір-ақ өзі.

Қозы Көрпеш сол құлдан жас-ты дейді.
Арақ ішкен Қодар құл мас-ты дейді.
Айдалада алпыс құл ойнасқан соң,
Алпыс құлды бір Тазша басты дейді.

Тұс-тұсынан алпыс құл алаң қылды,
Бір Тазшаның жанына жаман қылды,
Алпыс құлдың бәрін де жығып тұрып,
Ең үстіне салыпты Қодар құлды.

Бұл Тазшада қайғы бар мұңды дейді,
Бір-ақ өзі басыпты құлды дейді.
Пәле болған қу Тазша, тұршы жылдам!
Түгел менің қабырғам сынды дейді.

Сірә Қодар жүрмейді көтін қысып,
Мақтанбандар, барыңды мықты басып.
Қодар екем тұрайын деген болса,
Басып-басып жіберді нықтай түсіп.

Тазша бала болар ма мұндай мықты,
Алпыс құлды бір өзі басып жықты.
Жығылғандар астан, үстен қышқырады,
Ойбай, менің көтімнен боғым шықты.

Тазша байғұс үстінен тұрды дейді,
Қыран-топан сол құлдар болды дейді.
Ең үстінде Қодар құл күрсінеді,
Құдай мені, жігіттер, ұрды дейді.

Тазша тұрып армаған кетті дейді,
Қыран-топан құлдарды етті дейді.
Бір айналып Қозыкем қайтып келсе,
Қодар үйге күрсіне кетті дейді.

— Мынау Тазша бұ маған қылған сөйді,
Құдай мені, жігіттер, ұрған сөйді,
Бір отырған орнымнан қозғалтпайды,
Түгел менің қабырғам сынған сөйді.

— Ыңқылдайсың, бір жаман дерт бол-
ды ма,
Саған қарар сұмда бет қалды ма,
Бір отырған орныңнан қозғала алмай,
Қодареке, бір жерің мерт болды ма?

Тұр десем де жатасын сірә тұрмай,
Айтса, тілді алмайды Тазша сұмрай.
Түгел менің қабырғам қиратылды,
Жазылмаса, ау, мені ұрды құдай.

Тазша бізге бір неме нетер дейсің?
Әлі қайтіп Тазшаның жетер дейсің?

Қалжа жесең жазылар, жатып тұрып,
Қодареке, қабырғаң нетер дейсің?

* * *

Онсан ноғай бір жиын етті дейді,
Сол жиынға жұрт жиылып кетті дейді.
Өкпе-бауыр ап келіп берейік деп,
Тазша малға қала көр, депті дейді.

Адам қалмай жиынға жұрт кетіпті,
Ала тайға жігіттер тіл бітіпті.
Күн жайлатып бір амал таба көр деп,
Қозыкеме сол жерде үйретіпті.

Алып келіп биесін байлатыпты,
Қара боран соқтырып жайлатыпты.
Тағыдағы бір амал тауып бер деп,
Ала тайды сол жерде ойлатыпты.

— Астын-үстін бұлан қыл, ойран-топыр,
Аңдамаса, Қозыкем өзің білдір.
Мынау малың қырылды, жаным Баян.
Елден бұрын кел-дағы мені сыпыр.

Сүйдеді де ала тай қалды дейді,
Жүгіріп үйге Қозыке барды дейді.
— Шапшаңырақ тұра көр, жаным бике,
Мынау малың қырылып қалды дейді.

Сол Баянды оятып алды дейді,
Ала тайға жүгіріп барды дейді.
Ала тайға жүгіріп барған екен,
Қос аяқтап жүректен салды дейді.

Ала тайға жүгіріп барды дейді,
Қос аяқтап жүректен салды дейді.
Қос аяқтап жүректен салған екен,
Алтын айдар жарқырап қалды дейді.

Ұйықтап жатқан сол Баян ояныпты,
Жүгіреге табанынан аяныпты.
Алтын айдар шумақтап келе жатса,
Түбі келіп Тазшаға таяныпты.

Баян жетіп жылқыға келді дейді,
Бұған енді не амал болады дейді,
Баян жетіп жылқыға жақын келсе,
Жарқыраған айдарды көрді дейді.

Болған боран болды да тына қалды,
Құдай қайдан Тазшаны ұра қалды.
Айдар келіп Тазшаға таянған соң,
Ішін тартып сол жерде тұра қалды.

Жау айдағыр бұ шіркін малды дейді,
Тазша мұнда жоғалып қалды дейді.
Жерден Баян көтеріп алды-дағы,
Аулақ үйге апарып салды дейді.

Қозыкені сол жерде білді дейді,
Жақсы көріп бетінен сүйді дейді.
Аулақ үйде екеуі сөйлескен соң,
Сонда айқасып екеуі қалды дейді.

Боран борап түгел мал ықты дейді,
Өз ісіне Қозыкем мықты дейді.
Өз жарымен ойнасып Қозы Көрпеш,
Бір құмардан екеуі шықты дейді.

Қарабайдың құлдары көпті дейді,
Келе сала бір нәрсе етті дейді.
— Торғай жырлап тұрады сұлу Баян,
Таң атыпты түрегел depті дейді.

Адам қалмай жиынға кетті дейді,
— Жата тұршы, аһ жарым, нетті дейді.
Таң атбақтан күн шықсын шырағым-ау,
Тар төсекте жан шықсын депті дейді.

Қодар енді жиыннан қайтар дейді,
Тазша келіп Баянмен жатыр дейді.
Екеуінің жатқанын көре салып,
Қайтып барып жиынға айтты дейді.

— Айдалаға Тазша екең құрар шатыр,
Қызыңызды құшақтап Тазша жатыр.
Қарабайым той тойлап мұнда жүрсің,
Қызыңызды тойлатып онда жатыр.

* * *

Қарабай жиын тастап келді дейді,
Жиын қылып жиыпты елді дейді.
Елім-жұртым ойлай көр, азаматым,
Бұған не амал болады енді дейді.

— Сол Тазшаны әрманырақ жытырыныз,
Жытырмасаң шақырып келтіріңіз,

Бір Тазшаға түгел жұрт қысым қылып,
Соны араққа мас қылып өлтіріңіз.

Бір тазшаға түгел жұрт қысым қылды,
Алып келіп тамам жұрт аяқ ұсынды,
— Шанаш қылып берейін тамағыңа,
Енді сенің аһ, байғұс, (мысың) құрды.

Қылды дейді бір ұшын балағына
Тоғыз бегі қарайды қабағына
Ішкен кісі бол-дағы құя бер деп,
Шанаш қылып беріпті тамағына.

Босағада құл отыр екі жақтап,
Арақ ішпес Қозыке әлін шақтап.
Жүгіре шығып Қозыкем кеткен екен,
Бірін-бірі қалыпты (құл) пышақтап.

Жүгіріп атқа Қозыкем барды дейді,
Үзеңгіге аяғын салды дейді.
Қафияда түгел жұрт қайдан білсін,
Апыр-топыр адасып қалды дейді.

Жүрген екен Қозыкем сөзге қанып,
Бал ашады қолына кітап алып.
Қозы Көрпеш құтылып сала берді,
Алдын ашық, артына тұман салып.

Анау әрмән құтылып кетті дейді,
Жібермеймін осы жерде көпті дейді.
Елім-жұртым ойлай көр, азаматым,
Оған не амал болады депті дейді.

Қала жаздық осы жерде қанға батып,
Бір кеткен соң сол келмес енді қайтып.
Пышақтасып осы жерде өле жаздық,
Қаңғырып жүрген немеге қайдан қалдық.

Ол басында Қозыкем өзі сұм-ды,
Шоқ теректі барды да мекен қылды.
Мұндай сәрсең етерін білер болсам,
Баяғыда-ақ қырмас па едім мұндар
құлды.

Боз бұшыққа мінді де кетті қашып,
Баян үйден қарайды жапсар ашып.
Шоқ еректің түбінде торғай көріп,
Боз торғайы береді мейіз тасып.

Боз торғайды жіберер біліп кел деп,
Есен болса сол жарым көріп кел деп.
Бес бауырсақ, бір күлше арқалатты,
Азық қылсын жарыма беріп кел деп.

Қалған екен Қозыкем түзде жүдеп,
Торғай ғарып қайтыпты бір күн түнеп,
Қуанғаннан боз торғай келе салып,
Қуантыпты Баянды сүйінші тілеп.

Күнде барып боз торғай келеді екен,
Баян азық жасырып береді екен,
Боз торғайдың келгенін, азаматтар,
Аңдып жүріп жеңгесі көрген екен.

Боз торғайы бір жырлап келді дейді,
Жеңгесі тыстан тыңдай қалды дейді.
Жаңа Баян жіберіп жатқанында,
Сол жеңгесі мойынан ұстап алды дейді.

— Жеңеше, торғайымды жібер,—
дейді.
Осы торғай ерімді білер,— дейді,
Осынша мойын салып тілесе де,
Құрып қалғыр жеңгесі жібермейді.

Баян жылап ішінен күңреніпті,
Ерте кеткен Тазшаны кім көріпті.
Мойны үзіліп торғайдың бара жатса,
Жазған Баян аяп та, жіберіпті.

Баян жылап сол жерде тұрды дейді,
Торғайды әуре сол жерде қылды дейді.
Көріп жүрген Тазшаны айтпайсың деп,
Түгел жүнін торғайдың жұлды дейді.

Мен не қылам тәңірге жоқ дегенде,
Ештемені көргенім жоқ дегенде.
Өзге жұлын жұлғанда үндемейді,
Төбе жүнін жұлғанда «шоқ» дегенде.

Торғай ғарып бір жақтан келді дейді,
Аңдып жүріп жеңгесі көрді дейді.
Төбе жүнін жұлған соң боз торғайдың,
«Шоқ» деді де, боз торғай өлді дейді.

Етін асып, торғайды қайнатыпты,
Сауын етіп, биесін байлатыпты,

Боз торғайы Баянның «шоқ» деді деп,
Жұртын жиып Қарабай ойлатыпты.

Алыс болып Баян қыз бара алмайды,
Жыты*[41] хабар жарына бере алмайды.
Жұртын жиып Қарабай ойлатса да
Сан кісіден бір кісі таба алмайды.

Асықпаңыз, жігіттер, келсін Қодар,
Қарай-қарай Қодарға көзі талар.
Сан кісіден бір кісі таба алмады,
Мұны ақыр, жігіттер, Қодар табар.

Жоғын қарап Қодар құл келді дейді,
«Шоқ» деді де боз торғай өлді дейді.
Сан кісіден бір кісі таба алмады,
Сен таба көр, Қодарым, енді дейді.

Кім ап кетті осы жұрттың ақыл-есін,
Таба алмайды еш ойлап мұның несін,
Боз торғайы Баянның «шоқ» деп өлсе,
«Шоқ теректің» түбінде жатқызған сол.

Мінді дейді Қодар құл көк серекті,
Өлтірермін ол тазша бәдіректі.
Елін-жұртын Қарабай жиып тұрып,
Енді іздемек болыпты Шоқ теректі.

Бұрын құлды Қозыкем боқтайды екен,
Ояу болса, Қодарды мықтайды екен.
Бір ұйықтаса, жігіттер, Қозы Көрпеш,
Күні-түні он төрт күн ұйықтайды екен.

Елін-жұртын Қарабай алды дейді,
Баян жылап үйінде қалды дейді.
Басын алмай мен сірә келмен-ді деп,
Шоқ теректің түбіне барды дейді.

Айдалада құрулы шатыр дейді,
Алтын айдар жарқырап жатыр дейді.
— Әлде болса Баянға қосалық деп,
Мұнан артық табылмас батыр дейді.

Көңілім менің бұзылды әлде неге,
Жағып жүрген неме еді ата-енеге.

---

*[41] Жыты — тез, шапшаң, қолма-қол. Жыты қара — тез хабар алатын қараул орны (см. Киргизско-русский словарь. Изд. второе. Оренбург, 1903, с. 89).

Әлде болса Баянға қосалық біз,
Мұнан артық берерміз қай төреге?

Көргеннен соң Қарабай қия алмайды,
Көздің жасын сол Баян тыя алмайды.
Ажал жетсе, жігіттер, амал болмас,
Қан тартып тұр, Қозыкем оянбайды.

Сүйдеді де Қарабай қайтты дейді,
Қайтыңыз деп Қодарға айтты деді,
Басын алмай мен сірә қайтпаймын деп,
Қамыс оқпен жүректен атты дейді.

Бәсі*[42] тым-ақ Қодардың қатты дейді,
Қамыс оқпен жүректен атты дейді,
Қамыс оқпен жүректен атқан екен,
Оғыменен айқасып жатты дейді.

Өлген соң Қозыкемнің әлі нешік,
Барады енді Қодардың көңілі өсіп.
Бұл Қодардың қылығын қайтерсің,
Бара салып алыпты-ау басын кесіп.

— Еш декбірің жоқ екен әлі де ата,
Ақша бетім сарғайды жалғыз жата.
Атың арық, өзіңнің жүзің сарық,
Қайда барып келдің-ау, айт сана, ата

— Бір жаман ат қайтейін болды маған,
Жүр, деді-дағы қоймады Қодар ағаң.
Өткендердің соңынан өкінбеңіз,
Қозыкедей мырзаны таптым саған.

— Тілімді алмай сен қайда кетіп келдің,
Менің немді бітіріп жетіп келдің.
Тілімді алмай сен сонда кетіп едің,
Құдай қосқан жарымды нетіп келдің

— Мен біреудің тіліне сеніп келдім,
Алла оңғарса, сіздерді беріп келдім.
Өткен ердің соңынан өкінбеңіз,
Қозыкедей мырзаны көріп келдім.

— Алжып жүрсің, ай ата, өлейін деп,
Ойлаушы едім өнерін көрейін деп,

---

*[42] Бәс — талас, күншілдік, күндестік.

Күйеуіңді өлтіріп азған қақбас,
Қодар құлға келдің бе берейін деп.

— Елден елді қыдырып барайын да,
Емен таяқ қолыма алайын да,
Елден елді қыдырып, жаным балам,
Бір теңдесіңді мен іздеп табайын да.

— Енді не деп барасың елге ата,
Мен бейбаққа қыламысың екі бата?
Елден сәурік жиярға байтал емен,
Төсек салып жатағын өзің қайта.

Сірә, маған жақпайды сенің сөзің,
Қарай-қарай төрт болды екі көзім,
Ақ шимайлы, ақ отау бер тіктіріп,
Мені алып жата қал, атам, өзің.

Қодар түзден бір ойды ойлап келді,
Мойнын созып Баянға бойлап келді.
Бұ Қодардың мінезі тым-ақ тентек,
Басын кесіп жанына байлап келді.

Қырық құлаш Баянның шашы дейді,
Бұ Қодар құл құдайға ғасы дейді.
Алып келіп Баянға тастай берді,
Ал, басты қара, байыңның басы,— дейді.

Бәрекелді Қодардың тентегіне,
Баян сұлу жүрмейді жетегіне.
Ал, байыңның басы,— деп тастай берсе,
Баян тосып алыпты-ау етегіне.

Құлдан өлген болар ма мұндай ғайып,
Үндемеді ол бастан бабам Қайып*[43].
Алған байы өлген соң жазған Баян,
Бетін жыртып жылайды-ау шашын
жайып.

— Өлгендердің соңынан өлме сана,
Өзге адамға көңіліңді бөлме сана.
Мына жалған дүниеде кім қалмайды,
Ақша бетке дақ сала берме сана.

— Қодареке, қай жақтан келдің жетіп,
Енді мені кім алар сенен өтіп.

*[43] Баба Қайып. Қайып-ерен — халық жырында қамыққан жолаушыға көмек беретін оның досы.

Енді мені сен алмай кім алады,
Сол жарымды кел сана, бір көрсетіп.

Баянды ертіп алып кетті дейді,
Көрсетейін жүріңіз депті дейді.
Алған байын өлтіріп бәдірек құл,
Бұлай әуре Баянды етті дейді.

Сол Баянды Қодар құл көзден салмас,
Бәдіректің қылығы естен қалмас.
Өлген ерін сол Баян іздеймін деп,
Бара жатып Қодармен болды жолдас.

Қылшадайын Баянды құл жақтайды,
Аламын деп Қодарқұл ыржақтайды,
Қодар құлдан бір зиян келе ме деп,
Баян сұлу бетіне бөз қаптайды.

Қодар зиян Баянға тидіріпті,
Көңілін бермей Қодарды күйдіріпті,
Алдап қана Қодардың көңілін аулап,
Шүберектің сыртынан сүйдіріпті.

Он екі айдың жақсысы жаз болады,
Жаздың алды үйрек пен қаз болады.
Шүберектің сыртынан сүйдіргенге
Көкірегі қош болып, Қодар құл мас болады.

Сол Баянның тазасы аққудан ақ,
Жаны шықпай құр пысып жүр Қодар құл-ақ.
Шүберектің сыртынан сүйдірген соң,
Ақ бетіне түсіпті Баянның дақ.

Құлға Баян тие ме қазақ құрып,
Құлға не деп тисін-ау құдай ұрып.
Ойнағандай ойпат жер, жаным бике.
Баянменен келеді әзіл құрып.

— Қодареке, жүре бер жөніңменен,
Құдай енді қосты ғой сеніңменен.
Сол жарымды бастап бір көрсет сана,
Ойнарыңыз қашама меніңменен.

— Сенің жарың емес пе анау жатқан,
Қодарекең жүректен мықтап атқан.
Мақтап жүрген байың ба мынау Баян,
Бір-ақ тартып Қодекең ыңқылдатқан.

Қодеке осы жерде бой салалы
Ойымызға ой салып той салалы.
Айдалада қаңғырып шөлдеп өлдім,
Ішерімізге бұ құдықтан су алалы.

Қодар енді құдықтан су алады,
Аламын деп шыңырауға жұмылады.
Алдағанын Баянның қайдан білсін,
Аламын деп ішінен қуанады.

Шашын байлап құдыққа салды дейді,
Кебіспенен бір суды алды дейді.
Кебіспенен бір суды ішіп алып,
Баян енді сусыным қанды дейді.

Шығамын деп ұмтылды Қодар бетке,
Күнге күйер ақ бетің басың бүрке.
— Суға сенің сусының қанған болса,
Шығайын да далаға тартшы, бике.

Көңілі қалды Баянның «ағасына»,
Бір таянды Қодардың тобасына*[44].
Пышақпенен алады салып-салып,
Тартып тұрып Қодардың жағасына.

— Ақырын тарт үзерсің мойынымды,
Шығысымен аша көр қойыныңды,
Жаным шығып барады жаным, бике,
Қырға шығып қыл сана ойыныңды.

— Ойнайды екен мұндар құл меніңменен,
Ойнатқанша тәңірі алсын сеніңменен,
Мұндай қылық сен итке болар ма еді,
Көтің қысып тек жүрсең жөніңменен.

Қодар енді құдықтан суды алады,
Аламын деп шыңырауға жұмылады.
— Алған байың өліпті, бейбақ Баян
Енді сені мен алмай кім алады?

— Аламын деп жүр ме едің, ойында
құл,
Ойнар едің Баянның қойнында құл,
О дүниеге барғанда [есекпісің],
Екі жастың обалы мойнында құл.

*[44] Тоба — сыйыну. Бұл жерде: Қодардың сыйынатын кезі жетті дегенді білдіреді.

Шығамын деп аяғы тая берді,
— Тарт сана, деп құшағын жая берді,
Тартып тұрып құдықтың жағасына
Шашын кесіп шыңырауға қоя берді.

Қодар құлдың ажалы жетті дейді ,
Бұйда пышақ өкпеден өтті дейді.
— Ойбай, Баян, сен маған бұлай қыл-
дың,
Мені тентек Баян жан, құдай қылды.

Қозыкеден аһ Баян онда айрылдың,
Мұнда тірі байыңнан тағы айрылдың.
Қозыкенің алдың қой (өлі басын),
Екеумізден айрылып қараң қалдың.

— Құл да бұлай болар ма, сірә ғана,
Ажал айдап жүр екен сені ғана.
Баян сұлу керек пе шетемір құл,
Алатұғын неме екен мені ғана.

Енді өмірді тілеймін көбірек күн,
Ақылыңды мен білдім өзімнен кемірегін.
Сен қылғанды, а Қодар, мен де қылдым,
Соныңменен жата тұр бәдірегім.

* * *

Қодар өліп, құдықта қалды дейді,
Баян жары қасына барды дейді.
Баян жары қасына барып тұрып,
Басын бұрып, мойнына салды дейді.

Қырық күн жауын жауыпты бір жел
тұрып,
Баян келді құдықтан құлды өлтіріп.
Қодар құлды өлтіріп келгенен соң,
Алған жарын жоқтайды енді өкіріп.

Жоқтағанда не дейді енді Баян,
Салғанына алланың көнді Баян,
Кішкентайдан бір өскен құдайым-ай,
Өзі жоқтай басыңа келді Баян.

— Жатырмысың ей, жалғызым, жер
бауырлап,
Қарға жүні қамыс оқ оны ауырлап,
Құдай қосқан қосағың Баян келді,
Тұра келсең нетеді күліп-ойнап!

Кішкенеден атадан жетім едің,
Тілін алмай жұртыңнан кетіп едің,
Сан кісіге болармын деуші едің ғой,
Есіктегі Қодардан нетіп өлдің?

Байғұс сені не қылып қара басты,
Қодар оғы шырағым араласты.
Жасағаным, құдайым жан беретін,
Құшақтасар күн бар ма қойындасып?

Жатырмысың ей, жалғыз, жалғыз оққа,
Жанбасыңа жер өтті, жаның жоқ па?
Әзер*[45] жақсы болса да қайғырмаңыз,
Інісі жоқ артында жалғыз боққа.

Кішкенеден атадан қалдың жетім,
Күнге күйіп сарғайды ақша бетім,
Құдай сені көзіме көрсеткен соң,
Көрмей қалдың дүниенің өнер бетін.

Құлдан қисық болар ма мұнан асқан?
Жаным жалғыз қан тартып қара бас-
қан.
Көрсетпесі бар екен өнер бетін,
О бастан-ақ құдайым неге қосқан?

Ақылы азған, ей қақбас, о бастан қос-
пасаңшы,
Қосқаннан соң сөз бұзып қашпасаңшы!
Кімнің құлын аядың жалғыз байғұс,
Баяғыда қырып-ақ тастасаңшы!

Алтынды ер, ақ боз ат міне алмадым,
Мен бүйтерін Қодардың біле алмадым.
Өзің қостың а, тәңірі, өзің алдың,
Бір армансыз мен ойнап күле алмадым.

Бір пәледен құтылып қаша алмадың,
Қара басып ұйқыңды аша алмадың,
Ояу болсаң, ол итке қылар едің,
Ұйықтап жатып Қодарды ата алмадың.

Сені естісе жұртыңыз жылар ма екен?
Атың тұлдап*[46], қаранды қылар*[47] ма екен?

---

*[45] Әзер — тіпті сонша.

*[46] Ат тұлдау — тұл қалған аттың құйрығын кесіп (тұлдап), оны өлген иесіне арнап жіберу.

*[47] Қара қылу — қара жамылып, аза тұту.

Жасағаннан жаныңды тілеп тұрмын,
Баяғындай ойнар күн болар ма екен?

Бұ Баянның ойлаған ойы дейді,
Басын оңға қаратып қойды дейді.
Құдайынан сол жерде жан тілейді,
Астындағы ақ боз ат сойды дейді.

Жылайды екен сол Баян сана қылып,
Құдай қойды көңілін ала қылып.
Алған жары өлген соң жазған Баян,
Күні-түні жылайды-ау налы болып*[48].

Қозыкеме тұлдайды қара көкті,
Әулиеге сыйынып көп түнепті.
Ақ боз атты құдайға айтып сойып,
Құдайынан сол жерде жан тілепті.

Баянның барады енді дәурені өтіп,
Құдай қойды байғұсты әуре етіп.
Күні-түні зар қылып тілегенде,
Бабай түкті шашты Әзиз келді жетіп.

Ақ шалмалы біреу келді аты ақсаған,
— Қандай адам далада зар қақсаған?
Тілегіңді тілеші, жаным балам,
Бір тілекті берейін енді саған.

— Налыс қылсам һауадан пірім келер,
Таяғы бар түбінде аса темір.
Тумай тұрып қосылған жарым еді.
Енді бұған тілеймін жеті ай өмір.

— Салғанына алланың көндің дейді,
Дауысыңа шыдамай келдім дейді.
Тілегенің сол болса, жаным балам,
Жеті ай өмір мен саған бердім дейді.

Жер дүниенің бәрі де күңреніпті,
Мұндай ақырзаманды кім көріпті?
Өліп қалған, жігіттер, Қозыкеме
Бабай түкті шашты әзиз жан беріпті.

Жасағанның қылығы күшті дейді,
Сырлы аяққа бал құйып ішті дейді.
Үш күндейін ойнасып жарыменен,
Баяғыдай тербене түсті дейді.

*[48] Налы — налу, күйіну, зарығу, зарлау.

Мінді дейді Қозыкем көк серекті,
Мекен қылды сол жерде Шоқ теректі.
Жеті ай түгел қыдырып Қозы Көрпеш,
Кезді дейді шарық ұрып төңіректі.

Өз жұртынан Қозыкем безді дейді,
Дүниеден күдерін үзді дейді.
Жеті ай түгел қыдырып Қозы Көрпеш,
Дүниенің төрт бұрышын кезді дейді.

Ердің жасы екі төрт бел-ді дейді,
Салғанына алланың көнді дейді.
Жеті ай түгел қыдырып, Қозы Көрпеш,
Төрт бұрышынан дүниенің келді дейді.

— Кесір құлдан құдайым жасқана ма,
Жақын келші, Баян жан қасқанама.
Еңсем түсіп барады, алла менің,
Жастық қойшы, а Баян басқанама.

Әр тарапты қыдырып келді дейді,
Бармаған жер қалмаған енді дейді.
Шоқ теректің түбінде күні бітіп,
Қозы Көрпеш сол жерде өлді дейді.

— Қалған жаным не болар мұнан аяп,
Ақша бетін салыпты қанға бояп.
Құшақтасып сол жерде жата қалды,
Бұйда пышақ ұшына ішін таяп.

Қозы Көрпеш сол жерде өлді дейді,
Үш жылдан соң бір адам көрді дейді.
Көрген адам сол жерде танып тұрып,
Екі айырып екеуін көмді дейді.

Қалған екен Қозыкем сағынысып,
Бір жатыпты қара кіс жамылысып.
Ақ жұмыртқа болысып жерден шығып
Жер жүзінде ойнайды шағылысып.

Ата, анасы Баянды қарамайды,
Балам қайда кетті деп сұрамайды.
Ақ жұмыртқа болысып жерде ойнаса,
Қоңыз болып Қодар құл аралайды.

Қозыкемнің түбіне Қодар жеткен,
Екі айырып екеуін көміп кеткен,
Баян менен Қозыкем тек емес-ті,
Екі жерден байтерек болып біткен.

Қозыкемен Қодар құл атысыпты,
Бірге барып жарымен жатысыпты.
Екі жерден байтерек болып бітіп,
Басы барып бірігіп жабысыпты.

Дәрі құяр сол Баян жарасына,
Қодар құлдың қылығын қара сана.
Қозыкені өлтірген анау Қодар,
Шеңгел болып бітіпті арасына.

Құл өлтірген мырзаны қай халықта,
Сол Қодарды Баян да жай қылыпты*[49]
Қозыкені өлді деп естіген соң,
Сонда жүріп сол Айқыз қайғырыпты.

Қозы Көрпеш бір байдың жалғызы еміс,
Баян сұлу сіңлісі Айқыз еміс. .
Қозыке өлсе қайғырған Айқыз сұлу,
Қозыкеңнің туысқан балдызы еміс.

Алпыс құлдың Қодар құл басы дейді,
Қозыкемен өштескен қасы дейді.
Қозыкені өлді деп есіткен соң,
Тамағынан өтпейді Айқыздың ішкен
асы дейді.

Құл көрінсе жарайын бәрін де деп,
Бұ қайдан келген шұнақ құл, жерінде
деп,
Айқыз солай зар қылып жүргенінде,
Қозыкені есітті тірілді деп.

Бір қылмысты айтады мен Аймын деп,
Тәңірі салса, әрине, көнемін деп.
Жүгіре шығып сол Айқыз кетті дейді,
Жездем менің тірілсе көремін деп.

Ғажап тарих құдайым істепті,
Қодар құлға Баянды көрсетіпті.
Айқыз жолда жете алмай бара жатса,
Қозыкені өлді деп тағы есітті.

Қозыкемен Қодар құл қас болыпты,
Алпыс құлға Қодар құл бас болыпты.
Қозыкені өлді деп естіген соң,
Тұра қалып сол жерде сынтас бопты.

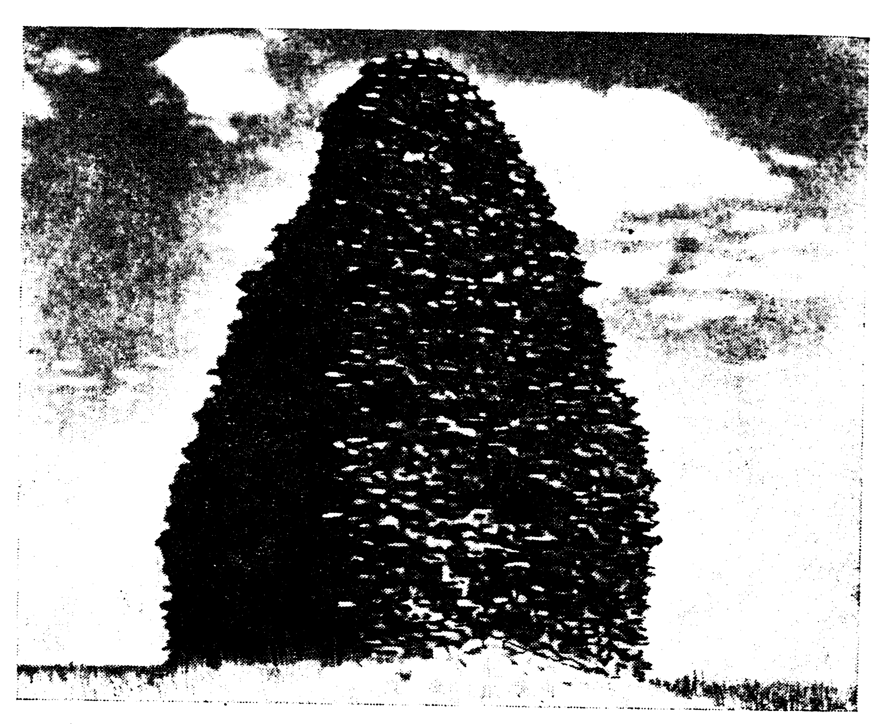
---

*[49] Жай қылу — жайын табу, жытыру, жоқ қылу.

Қозы Көрпеш Баянның болған шағы,
Таза гүлдей аршылып солған шағы.
Қозы Көрпеш өлген соң Баян да өлген,
Сондай болсын әркімнің алған шағы.

Қозы Көрпеш атанды мөлдір көзге,
Қосылады әр жерде айтқан сөзге.
Өлсе-дағы Қозыкем арманы жоқ,
Сурет болып бітіпті Аякөзге.

Жан біткенді жалмаған қара жерсің
Жалғыз туған Қозыкем сен бір ерсің,
Жебеп-жылап жүре көр, есіңе алып,
Ақыретке барғанда біздерді бір көрерсің.



Надгробные сооружения Козы-Корпеш и Баян-Сулу на р. Аягуз.

ПИСЬМО ПРОФЕССОРУ И. Н. БЕРЕЗИНУ[1]

10 || Прочитав издания Ваши: Ханские ярлыки и Библиотеку восточных историков и узнав от бывшего моего наставника Николая Федоровича Костылецкого[2] о предложении Вашем,— поискать в языке киргизском*[1] значение нескольких слов в ярлыке Тохтамыша[3] не употребляющихся в нынешнем татарском языке,— я отыскивал в языке нашем через расспросы старых киргиз и нашел [ряд] слов, которые спешу послать к Вам.

Прочитав Ваш перевод ярлыка Тохтамыша к Ягайлу[4] и перевод тарханных ярлыков Тимур-Кутлука[5] и Саадат-Гирея[6], я нашел несколько слов, [которые] употребляются до сих пор у киргиз Средней [орды], и решился сообщить Вам их современные значения у нашего народа. Если замечания мои будут несколько [полезны] Вам, то цель моя достигнута.

По [преданиям] своим, киргизы почитают себя [потомками] татар Золотой орды[7], которая в героических поэмах — джирах — называется نوغايلى ننك اوز يورت*[2], а героем всех их поэм — золотоордынских ногаев: Идигей[8], его бегство к Тамерлану[9] и изгнание им. [Песня о] Тохтамыше составляет огромную и любимую [поэму], и могила его [находится] на горе Улутау; сказание о Уракмирзе[10] из рода [караул], Ир-Кокше и Ир-Кушай[11] — богатыри времен [Золотой] орды, суть герои их поэм*[3]. Все дан-

---

*[1] [казахском]
*[2] Край рукописи оторван.
*[3] Многочисленный ногайский народ.

ные. собиранием которых и теперь занимаюсь, если не*[4] || но зато
10 об. подтверждают*[5], что народ казак (так называем себя мы) образовался от союза разных племен турецких и монгольских во время междоусобий в орде. начавшихся тотчас после смерти Бердибека[12], а не народ древний, о котором писал Фирдоуси[13]. Каждый потомок Батыя хотел быть ханом и иметь народ: так я думаю, образовались ханство Крымское, Казанское, орда Чорайгаковская, союз узбеков — шейбанов и казаков*[6]. Предание киргиз о своем происхождении оправдывается сказаниями Вашей Шейбани-намэ[14] и جامع التواريخ, которая написана киргизом Большой орды джалаирского рода, имеющего гребенчатую тамгу[15]. Автор говорит о себе: (см. стр. 169) بو تواریخ*[7]قه اوراز محمد خان حضرتلری ننك اتا اناسیدین قوللوق قیلا کیلگان جلایر تراق تمغالی ایردی؛ جنکز نامه کتابیدین فارس تیلیندین [ترك تیلیگه اوکوردی. قایوسن سونك زماندا بولغان لارنی اوز استنباطیندین تصنیف قیلدی]*[8].

Ураз-Мухаммед[16], к которому он приехал для службы от отца и матери его, был киргизский султан (стр. 50, ч. II История. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, Левшин[17]); в Сибирских летописях он называется казачьим царевичем Солтаном (см. «Си-
11 бирские || летописи», приложение к статье П. И. Небольсина[18] «Покорение Сибири». Спб., 1849; Отеч. Записки, 1848, том LX, LXI, кн. октября, ноября и декабря).

[Там говорится:] «По наипозех днях князь Сейдяк[19] изыде из града Сибири[20], с ним же царевич Казачьей орды Солтан[21], да царя Кучюма[22] думный карача[23], с ним же воинских людей 500 человек; доидоша же до места, иже именуется Княжей Луг, и начаша пущати ястребы за птицами». (Летопись Саввы Есипова)[24].

Родословная Ураз-Мухаммед-хана в جامع التواريخ (стр. 140—145, داستان اوراز محمد خان بن اوندان)*[9] чрезвычайно верна с родословными таблицами киргизских султанов, собранными здешним пограничным начальством. Привожу для примера и сличения:

---

*[4] Против этих слов на полях Ч. Валихановым написано: Кучум был султан киргизский.

*[5] Поврежден край листа.

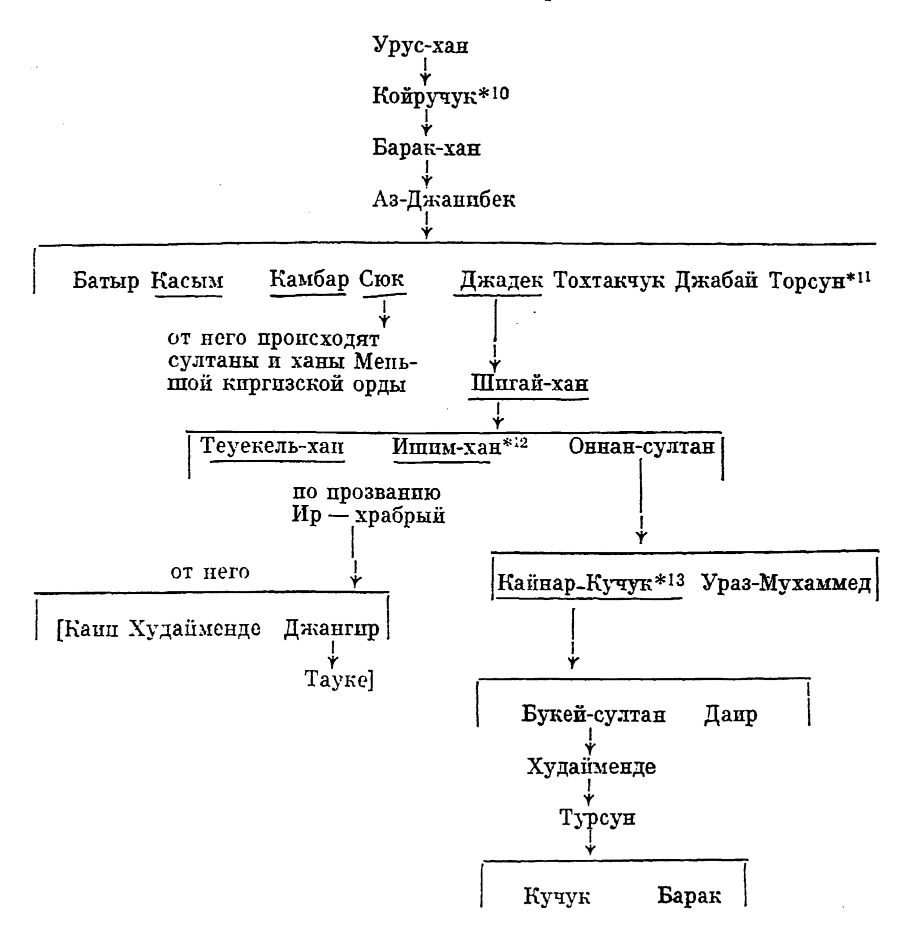
*[6] Как думает Геродот нашего народа Левшин. [без] сомнения, слово казак и может казачество [сход]но, но кейкабадовские казаки, полагаю, [не] имеют никакого отношения с нашим казаком. *(Примечание Валиханова)*.

*[7] Не достает какого-то слова. *(Примечание Валиханова)*.

*[8] Обстоятельства появления этих летописей таковы: был жалаирец из рода гребне-тамгового, служивший еще родителям Ураз-Мухаммед-хана; он эту книгу по «Чингис-намэ» перевел с персидского языка. [а события, случившиеся в последующее время, описал на основании собственных исследований]. «Сборник летописей» (Жалаири). с. 169-170.

*[9] «Рассказ о Ураз-Мухаммеде, сыне Ондана», с. 162—165.

Родословная султанов киргизских



11 об. || Посланный царя Иоанна [в] 1569 году к ногаям говорит о нападении на улусы[25] их казацкие орды Акназара[26] царя, Шигая[27] царевича и Челыма царевича. По «Сборнику летописей» جامع التواريخ, Акназар حق نظر был сын Касыма[28], Шигай был сын Джадека[29], Джадек и Касым дети Джанибека[30], но имени Челыма там нет — не Тугум ли? Этот Акназар известен притеснениями своими башкир [в] 1556 г. Англичанин Дженкинсон[31], бывший в

*10 Точнее *Куюрчук.*

*11 Подчеркнуты те, которые есть в جامع التواريخ *(Примечание Валиханова).*

*12 В جامع التواريخ Ишим назван султаном. *(Примечание Валиханова).*

*13 В جامع التواريخ назван просто Кучук. *(Примечание Валиханова).*

Бухаре [в] 1556—59 [гг.], говорит о войне ташкентцев с казаками*[14]. Не война ли Бурундука[32] с Шейбани-ханом?[33]

Автор جامع التواريخ, описывая избрание Ураз-Мухаммеда в касимовские ханы (стр. 168) [и] представляя форму престола ханского, говорит о правой и левой руках. На стороне ميسره [майсара] показаны два бека — один из рода аргын, другой из рода кипчак*[15], на левой [ميمنه — маймене][34] джалаирец Кадергалибек[35] и [Саманай]бек из рода манкут.

Автор, как джалаир[36], подробно говорит об этом племени, начиная его с времен Огуз-хана[37], и в конце книги подробно [излагает генеалогию своего рода, начиная от Чингиса до времен Кадергали]*[16].

14 || Во всех ярлыках Золотая орда называется اولوغ اولوس *[17] и у тюркских историков и<в преданиях>народных она означает [часть] целой страны или народа и никогда не называется ордой; киргизы говорят*[18]: نوغايلى ننك اور يورت < где اولوغ اولوس заменяется тяжелым юртом>. Мне кажется, слово орда اوردو имело и прежде в Золотой орде такое же значение, как [теперь] у киргиз и калмыков, и означало в обширном смысле место столицы хана, в тесном — его ставку. Золотая орда — золотой шатер и юрта, в которой сидел хан; впоследствии оно обратилось в название всех ставок городских, где жили ханы. Так что слова ак орда, кук орда, сары орда нужно принимать не как название улуса или юрты, а как название главной стоянки, резиденции ханов. При отправлении этого ярлыка Тохтамыш был, как видно это из ярлыка, на летних кочевках у Дона и жил в юрте, в том смысле, как полагаю я. В подлиннике и в современном переводе орда разумеется в смысле: во-первых, اوردو دان دا — орда на Дону, во-вторых, а тои ярлык писан оу Орде на устьи Дону. Да и самые слова современного перевода: «давали выход белой орде, те нам наше даише»*[19] доказывают, что и здесь под белой ордой разумеется юрта хана, место, где сосредоточены все власти, и единственное место, куда собирались все доходы. «Те нам наше даише» доказывает, что все доходы поступали самому хану; [так] как ханы беспрестанно сменялись одни другими, а потому слово орда и особа хана означали одно и то же. Мои воззрения показы-

*14 [казахами]

*15 Средняя киргизская орда делится на пять главных родов: аргын, кипчак, конрат, найман и уак-кирей. Большая орда состоит из рода собственно уйсун, дулат, джалаир, чапрашты, албан и в совокупности под одним именем уйсуна. *(Примечание Валиханова).* В «Сборнике летописей» (Жалаири) сказано: Чишбек из аргынов и Ногай-бек из кипчаков.

*16 «Сборник летописей» (Жалаири), с. 171.

*17 *Улуг улус (тюрк.)* — великий улус.

*18 Далее два слова не разобраны.

*19 Кавычки наши.

вают, что они общего народного названия, как можно догадаться, не имели; каждое племя сохраняло свое название, например, кун-
12 раты[38], найманы[39], || кипчаки[40] и проч. (см. جامع التواريخ).
В جامع التواريخ русская Золотая орда соответствует اديل جايق*20; для выражения заволжского улуса говорится Синяя орда, Кук-Дениз, или больше Сыр-Куван.

Черный песок قراقوم, как можно полагать из слов современного перевода: вышел на мене Аксак Темир — Железная нога с Черного песка.

Пески Каракум лежат в Киргизской степи в пространстве от устья реки Сыр-Дарьи до реки Сарысу. Все пути из Средней Азии на Оренбург, Троицк и Гурьев идут через него.

Глагол توتمق [тутмак] употребляется у киргиз именно так, как здесь. Они говорят [и] пишут вместо пишу, извещаю توتتوم — держу.

Деление на اونك قول, سول قول*21 существует и теперь у дико-каменных киргиз — ун киргиз и сул киргиз. К главным представителям первого принадлежит племя бугу, второго — солту. جامع التواريخ делению на правую и левую руки дает древнейшее начало — шесть сыновей Огуз-хана, родоначальника тюркских племен, управляли правым и левым крылом в таком порядке (см. جامع التواريخ, стр. 14):

دست چپ*23
سول قول

دست راست*22
[اونك قول]

تاق خان
سالور ايمور الايونتلى، اوكوز

كوك خان
ايدور، بچنه جاولدور، چش

اى خان
يازر دوكار دوردرغه، ياپارلى

كون خان
قائيى بايات القراولى، قراولى

دينكيز خان
يندو، يكدر بوكدور قنيق

يولدوزخان
اوشر، قريق، بكدلى، قارقين

Здесь видно, что племена разделялись во всем порядке на два крыла и каждое крыло имело свой арьергард.

[И до сих пор] на Востоке и Бухаре беки всегда по значению родов, которых они представляли, имеют места по правую и левую

*20 Едиль — Джаик — Волга и Урал.
*21 Правая и левая рука.
*22 دست (*перс.*) — рука; راست — правая.
*23 چپ — левая.

сторону трона царского; через это очень часто происходят споры между беками. Это что-то в роде русского || местничества.
12 об.
12 || [Автор] جامع التواريخ, описывая трон царя Ураз-Мухаммеда
12 об. в Касимове, приводит план трона, || [на котором] обозначены места ميمنه , ميسره — правая и левая руки, и приводит имена беков, занимавших [стороны] ميمنه [правую] и [ميسره левую]. Чтобы доказать значение и влиятельность беков джалаирских при потомках Урус-хана, он показывает место их при троне на стороне ميسره — левой. Джалаиры, по словам автора, сильнейшие между الاچ منكى ار اسندا[41], занимают левую руку, а канглы в 200 человек стоят на стороне ميمنه — правой. Это доказывает, что и у народов, образовавшихся из Джучиева улуса, левое крыло было старше и почетнее.

Но [так] как нет никаких данных, которые бы допускали в политическом устройстве Золотой орды такого деления, то обращение Тимур-Кутлука, лучше его ярлык, обращенный к угланам правого и левого крыла, можно понять именно в смысле угланам стороны ميسره и угланам стороны ميمنه

[Теперь о некоторых словах, встречающихся в ярлыке Тохтамыша к Ягайлу*[24]].

14 об. || ...глаголам تيلانمك желать и تيلانچى просить как нищий; от него تيلاماك просящий, т. е. нищий. [В ярлыке сказано]: по их изменническим просьбам вперед пришел.

28. Что касается до قيغان يدا[42], то я не знаю и не слыхал подобного слова и в татарском (сибирском), и в киргизском [языках], и едва ли [оно] существует. У киргиз есть слово قيماق —оставлять без жалости, без внимания, قيغاننك موچننك منان منى— вправду ли [ты] меня оставляешь?— голосит киргизка-жена, раздирая свое лицо, при смерти мужа.

تيرباماك[43] — у киргиз означает беспрерывное качание и употребляется больше в смысле качания колыбели بالا تيم باتمك

تاربيب كيتماك — значит разойтись, разбиться. توزماق — употребляется для выражения нестройного бегства народа, как слово بوسماق.

تارپمق — ударить копытом, лягнуть. Говоря о лошади, нельзя употреблять этого глагола (нужно непременно тепмек تيپمك).

34. Слово мунганалды я, несмотря на все усилия и расспросы между киргизами, найти не смог. У них рабы, как и у татар, называются قول [құл], но, так же как и у калмыков, разделяются на военнопленных اولجالاسقان قول, или более употребительно джесыр, на купленных, благоприобретенных, которые называются джетым «сирота». В таком народе, как наш قزاق

*[24] Начало отсутствует: утерян один лист рукописи.

[казак], где господствовало право сильного, безродные, бессильные люди не могли иметь самостоятельности и делались рабами султана или бия, и от этого могло произойти слово جتيم в смысле раба[44]. Даже ничего похожего на مونغانالى[45], на бансарово **монханиул** я не нашел. Есть глагол مونكلق, от него مونكلى — несчастный, печальный, مونك — печаль, одинакового значения с قايغو, قايغولى. Постараюсь справиться об этом слове у дикокаменных киргиз и если найду, тотчас уведомлю Вас.

اولجا в техническом языке барантовщиков значит добыча, от него اولجالاس — артельный.

بسه — монгольское бяся еще.

В Енисейской губернии говорят языком тюркским, [в частности] карагасы — бродячее инородческое племя. В языке этого народа деньги называются **мунган**, а **серебро—акмунган**. Может быть, это слово имело и должно иметь другое значение. Мунгимо у тунгус золото м[ожет быть] сравнено [с] славянским языком и примерно к значению денег. Уже в позднейшие времена прилагательное а к — белый, подтверждает это мнение,— не имеет мунган — в значении денег и серебра. [В] отношении к банзаровскому монханиул бэдэргэ — закабаленный раб, но не купленный. Бог нас пожаловал: враждовавших угланов и беков всевышний нам продал, т. е. дал в нашу полную власть... в кабалу. (См. Вестник
14 Императорского Русского Географического || общества, 1854, книжка VI).

39. Не знаю, почему بازارگان[46] должно означать одних тохтамышевых негоциантов? اورتاق[47], как мне кажется, выражает часть общего, компанейство, а не компанейцев; в последнем смысле оно было бы اورتاقچى и, кажется, что частица родительного падежа نك стоит по ошибке писца вместо ن, ибо окончание на نك делает как بازارگان купцов, так и اورتاق компанию ягайловскими, а между тем как последующее يوروش سونلار «пусть ходят» выражает взаимность действия (или отношения). Если читать بازارگان اورتاقلارين داخى يوروش سونلار — [пусть] по прежнему порядку пробродят на удовольствие наши негоцианты или компании, в современном переводе — гости пусть одни с другими компанию имеют, отправляются,— и будет согласно современного перевода: гостям путь чист, и вашим и нашим торговцам.

12 об. || [Касаясь ярлыка Тимур-Кутлука], почему бы не читать تومان ادكو باشليق темник Эдигу, ибо تومان باشليق —начальник тумана, ибо باشليق употребляется и теперь между сибирскими татарами и باستيق между киргизами в смысле главного начальника. Всякий чиновник русский у них называется бастык. По употреблению этого слова в двух ярлыках Тохтамыша

к Ягайлу и Темир-Кутлука, оно стоит в смысле главного визиря, приближенного или русского темника, а потому تومان بکی, تومان باشلی, تومان باشلیق означает темник, первый при хане вельможа. Мне кажется, что Джучиев улус, как кочевая орда, никогда не имел правильного административного устройства и никаких постоянных чинов, кроме свиты ханской, как-то: یساول, قوشچی, بارسچی и прочих чинов, постоянность которых требовал интерес ханский, как: даруги, баскаки, бити...и, тамгачи, тартнакчи и т. д. (см. стр. 11, Ханские ярлыки, III)*[25]. Были угланы, принцы, потомки ханов. Были беки или бии — родовые представители племен. До Чингис-хана каждый род, каждое племя монгольское имело своих ханов; Чингис-хан, соединив все племена под свою власть, мог не уничтожить совершенно значение этих ханов, которые иногда даже обращались в беков, но, напротив, вступал с сильными из них в родство и даже поддерживал их родовые права, например,— конратов, джалаиров и пр. (см. Абулгази*[26], Шейбани-намэ, جامع التواريخ). Нет сомнения, что относительно других покоренных народов он держался
13 этого же принципа. || Следовательно, уланы и беки были достоинства, получаемые по происхождению, а не чины.

Разделение угланов на великий, средний и нижний можно объяснить тем, что и в государствах Мавераннагра до сих пор при обнародованиях ханских ярлыков пишется اولوغ کچوك لارغه, т. е. великим и малым, разумея под ним возраст управляющих войском, которые собираются на случай нужды и становятся по сторонам он اونك [и сол]*[27]. Один или два из этих беков всегда был при хане, в частности в должности визиря, и управлял улусом [в качестве] министра; или один был امراء بك, а другой управлял волостями в звании... Как можно полагать разно: в первом случае اولوغ امراء بك, а в другом — تومان باشلی и туман башлык. Таковы Кутлубуга[48] Асан при Тохтамыше, Едгу при Темир-Кутлуке и его преемниках (см. جامع التواريخ). Целый ряд таких временщиков, начиная с хана Тогтагу, назывался اولوغ امراء بك (см. стр. 100 جامع التواريخ, главу داستان اوروس خان). Таковы были беки улусные или удельные. Мне кажется, бек ордынский, князь людской اولوس بکی, ایل بکی[49] были разные выражения одного того же достоинства, ибо اولوس — удел и ایل — племя должно быть одно и то же; под именем уделов

*[25] *И. Н. Березин.* Ханские ярлыки. т. III. Казань, 1850.

*[26] *Abulghasi Bahadur chani* Historia Mongolorum et Tatarorum nunc primum tatarice edita autoritate et munificentia ellistrissimi Comitis Nicolai de Romanzoff Imperii Russici Canzellarii Supremi. Casani, MDCCCXXV ex Universitatis Imperialis Typographio.

*[27] Край листа оторван.

можно разуметь ایل, ибо этот *28 же управлял в войне людьми своего ایل и по числу управляемых نفر[50] назывался тысячник, сотник, десятник, полным ратным; управляя каким-нибудь городком, он назывался городный.

[О слове машаих]. В киргизской степи много гробниц, каменных мечетей, называемых стан или там, [которые] носят названия по именам своих основателей и над чьим телом поставлены [эти памятники]. Такие места называются: аулие — святой и машаих. Эти тамы служат местом для их религиозного зиарета*29, и они обращаются к этим авлие и машаихам как[к] патронам своего народа и т. д. یا سیرنینک قرق مشایخ، یا جان انا*30.

Букаул употребляется в степи и теперь. У киргиз [-кайсаков] есть поговорка ازغانه اسقا بوکاول بولما، ازغنه ایلگا بیك بولما*31; здесь букаул в смысле разносителя блюд. Глагол بوکامك у киргиз в большем употреблении и означает делать препятствие, останавливать (توقتاتمق). От него بوکاو — препятствие, بوکاو سالماق —[соорудить плотину, задержать] и т. д.

Сообщая значение некоторых слов, сохранившихся в языке киргизском [казахском], прошу извинения Вашего, что в число этих замечаний ввел несколько своих гипотез. Если это письмо удостоится Вашего внимания, то я с величайшим удовольствием готов сообщить Вам песню о قاراول یساول[51].

13 об. || Занимаясь собранием*32 известий о народе казак, я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, если Вам случится при разборе и чтении разных восточных историков встретить что-нибудь о слове казак[52], о казачестве قزاقلقدا[53] и о народе казак, сообщить Вашему покорному слуге. Этим обязали бы как нельзя более. Не имея никаких других источников под рукою, кроме истории Абульгази[54] (Румянцевское издание), Вашей Шейбаниады и جامع التواریخ, чрезвычайно важной в этом отношении, я не имею никаких средств проверить отрывочное указание Левшина при его «Описании Киргиз-кайсацких орд». В известиях арабских историков, как я полагаю, не должно быть ничего о казаках, ибо, я уверен, народ этот образовался не ранее XIV [века][55] при распадении Джучиева улуса. Кятиб Челеби[56], как видно из истории Левшина, говорит кое-что о казаках татар-

*28 Описка, следует: бек же.
*29 *Зиарет* — посещение могил предков.
*30 О, сорок святых [отцов] Сыр-Дарьи, о Жан-Ана!
*31 «Азғана асқа букаул болма, азғана елге бек болма»—«Не будь букаулом (распорядителем) малого угощения, не будь беком малочисленного народа.
*32 В левом углу листа рукой Валиханова сделана пометка: یورتوول، اقطاچی (اقتاچی) .

ских. Интересно знать когда жил этот географ и интересно знать это известие на языке турецком.

Клапрот[57] в Magasin Asiatique напечатал перевод описания киргиз-кайсаков из китайской географии Дай-цин-И-тун-чжи[58], но, к несчастью, здесь нельзя достать этого журнала. Левшин на основании утверждения нашего знаменитого ориенталиста Сенковского[59] говорит, что Фирдоуси в истории Рустема упоминает о народе казак и о ханах казацких: на стр. 42 Левшин, как видно, приводит слова Сенковского: «Народ сей весьма» и прочее; но странно, где это удалось видеть им народ казак до Чингисхана и в числе чингисовских племен; по крайней [мере], Абульгази, Шейбани-намэ, جامع التواريخ для тех периодов не упоминают о казаках, даже не употребляют слова قازاقلق دا, которое употребляется от... и было [в употреблении во время] Шейбани-хана. Бабер[60] в своих «Записках» говорит о хане казак-Арслане, имевшем 400 000 воинов. Любопытен текст этого места из записок этого государя-писателя. И нет ли что-нибудь о них в записках Тимура или в его историках?

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЗАИЛИЙСКОГО КРАЯ

22 об. || Так, [Заилийским краем] при первом знакомстве русские назвали длинную полосу земли, лежащую между рекою Или и снежным хребтом Кунгей-Алатау[1], слегка к западу расширяющуюся. Расширение это начинается с устья Каскелена — небольшой речки, впадающей в Или при среднем течении последней. Полоса эта имеет большой склон к северу и прорыта множеством рек, сбегающих с Алатау; все они, без исключения, впадают в Или, одну из самых больших рек в Киргиз-кайсацкой степи.

23 Или (по-китайски Или, по киргизски Иле, Ле) составляется из трех истоков:|| Текес, Хашгол и Кунгес; из них первый есть самый главный, вытекает из хребта Музтаг или Ледяные горы, и имеет до соединения с Кунгесом течение на восток; уже по соединении всех их Или принимает направление на запад, орошает китайскую область Или и большой город Кульджу, принимает в себя множество горных речек с обеих сторон и под тем же названием вливается несколькими рукавами в Балхаш, из которых самый главный и глубокий есть Бурлю.

Протяжение Или едва ли не более 800 верст, ширина у русского пикета, близ устья Талгара, около 200 сажен, течение ее очень быстро || вследствие большого склона к Балхашу и изобилия вод Алатауских гор; вода в ней [исключая какие-нибудь два-три месяца зимы] очень мутная, дно неровное, изрытое ее беспокойным течением, берега глинисты, в некоторых местах высоки и круты, особенно правый берег. На всем протяжении своего течения она образует множество незначительных островов, покрытых тополем, мелким кустарником и изобилующих хорошим подножным кормом.

Левый же берег Или большею частью низменный, иногда песчаный, солонцеватый и покрыт камышами и кустарниками джигды, тополя, чингиля, ветлы, вербы, саксаула и карагайника.
24 Ниже пикета, при урочище || Капчагай, на протяжении слишком тридцати верст, Или сперта высокими, неприступными скалами гор того же имени; далее она вырывается в песчаную степь и течет между песками, в густых и огромных камышах. Это одна из всех рек Киргиз-кайсацкой степи, которая так полноводна, что,

проходя слишком 200 верст глубокими песками, достигает самого Балхаша с неизменным своим изобилием вод. При впадении своем она раздробляется на мелкие рукава, разбитые на небольшие лужины*[1], теряющиеся в песках дельты, состоящей из множества больших островов, называемых у киргиз-кайсаков *камау*[2],
24 об. покрыта тополем и другим мел//ким лесом; здесь, отличные
выгоны и превосходное киргизское хлебопашество.

Рыбы в Или мало; подобно другим рекам, принадлежащим бассейну Балхаша, она изобилует во множестве только маринкой и двумя другими родами мелкой рыбы: османами (форелью) и судаками. Кайсаки говорят, что в ней водятся сомы, но едва ли это справедливо. Зимою на Или бывает много дичи и зверя, которые сходятся туда с гор. Гуси, утки, драхвы зимуют на Или. Большие серые коршуны также проводят там зиму. Осенью появляется множество пеликанов; в камышах по берегу обитают
25 тигры и лео//парды, а также кабаны, дикие кошки и др.

Весенний разлив Или бывает не ранее марта месяца; осенью же она так мельчает, что в сентябре и октябре образуются броды, удобные для прохода скота, так, известны три брода: Огуз-уткель, между устьями Чилика и Тургена, Кыз-кечу, или Кыз-уткель, между Иссыком и Талгаром, немного ниже впадения с правой стороны р. Чингильды, и Тамгалы-уткель, при урочище Тамгалы-Тас. Через последний идет караванный путь из Ташкента в Кульджу и на Семипалатинск и называется Джанай-
25 об. джол (Джа//наевский путь); второй замечателен исторически
проходом бежавших из России калмыков*[2].

В русских пределах, т. е. начиная от цепи китайских пикетов, Или имеет справа только два притока: Усек и Кушмурун*[3], берущих начало из гор Уч-Куянды и Чингильды*[4].

С левого берега, со стороны Кунгей-Алатау, который тянется параллельно Или с востока на запад, вливаются в Или следующие речки: Чарын, Чилик, Чабдар, Турген, теряющийся в солон-
26 цах, песках и камышах около Или, и Иссык (60 верст), //Талгар,
Каскелен с притоками слева*[5]. Большая, Малая и Средняя Алматы (Яблонная), Аксай и Чемолган, Курту, не доходящая до Или и теряющаяся в песках, и Кура. Курту принимает в себя Джирень-айгыр, Каргалы; Чарын принимает в себя справа две Каркары, Кегень и Темирлик, а Чилик слева — Асы.

Почти все из сказанных речек до середины своего течения имеют направление на северо-запад, а потом делают поворот к Или. Все они обильны османами, отчасти маринкой, а Талгар,

*[1] Т. е. маленькие плесы.

*[2] Против этого на полях пометка. *Ниже есть еще брод Уч-арал.*

*[3] Иначе: *Борохуджир.*

*[4] Точнее: с *Джунгарского Алатау.*

*[5] Описка, следует: *справа.*

кроме того,— судаками. Течение их до поворота чрезвычайно
быстро и следует по каменистому руслу, но далее, в глинистых
и возвышенных берегах, они становятся более спокойными; вода
вообще мутная; в горах нередко [эти реки] образуют красивые
водопады, особенно р. Иссык, имеющая великолепный сорокапя-
26 об. тисаженный || водопад. Талгар и Иссык, и вероятно все прочие,
по словам кайсаков, берут начало из ледников. Последний из
них по выходе несколькими ключами из-под льда образует гор-
ное озеро, имеющее версты три в окружности и составляющее
резервуар этой речки.

Берега некоторых [речек] сопровождаются лесом, который в нижних частях перемешивается с большими непроходимыми камышами.

Горы Кунгей-Алатау, называемые также Большим Алатау[3],
в отличие от Малого, лежащего к северу от Или, отделяют бас-
сейн Или от бассейна озера Иссык-Куль; высшая точка его
находится у верховьев р. Талгара и называется Талгарнын-тал-
27 чоку[*6]. Она видна верст за 300. // Горы эти гораздо выше Мало-
го Алатау[4], не так камениcты, покрыты толстым слоем чернозе-
ма, богаче растительностью и, как следует думать, произведе-
ниями царства ископаемого. Узкий хребет этот не шире пятиде-
сяти верст, потому он очень крут и имеет мало удобных прохо-
дов; впрочем алатауские киргизы проходят его через верховья
Алматов (Средних) в один день; восточная оконечность его бо-
лее отлога и образует удобный проход на Иссык-Куль и в Каш-
гар, называемый Сантас. Кроме того, есть еще малые удобные
проходы для всадника через верховья р. Тургень.

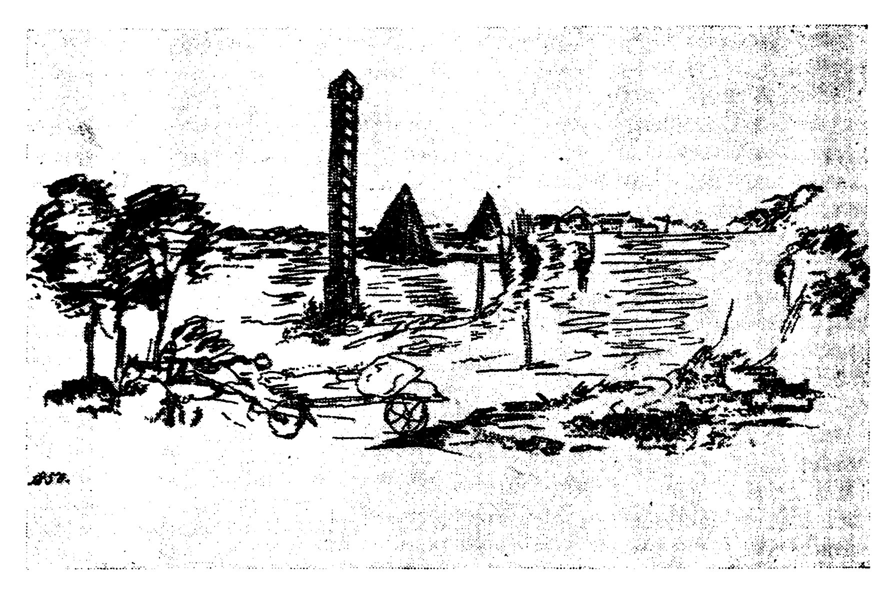
На запад же он разветвляется на множество отрастей, из
27 об. которых одна огибает оз. Иссык-Куль с юго-западной стороны
и примыкает к Заиссыккульскому || Кыргызнын-Алатау[5], а дру-
гая уходит в Бетпак-Далу (Голодную степь) между Чу и Бал-
хашом, а третья занимает пространство между верхними частями
рек Чу, Сыр и Аму-Дарьей до самого Коканда. Самая западная
ее ветвь между Чу и Сыром есть горы Каратау, оканчивающиеся
над песками Каракум[6] крутым мысом Кушмурун.

Воды с Кунгей-Алатау скатываются на север, в Или, а на
юг — в оз. Иссык-Куль; северная его сторона лесиста, южная —
безлесна; это же явление заметно и в Малом Алатау. Причиною
тому, я полагаю, [является] направление дождевых ветров,
28 дующих преимущественно с запада, с Балхаша. В ущельях
этого хребта || заключается все растительное богатство Заилий-
ского края, но оно и не выходит из этих пределов. Яблонные,
абрикосовые деревья, клен, ягодные кустарники: малина, барба-
рис, смородина и другие украшают собою горные речки только
до выхода их из гор, а вслед за тем сменяются сначала мелким

---

*6 Точнее: *Талгарнын Тау-Чоку* — Талгарский пик в Заилийском Алатау.

березняком, а потом тополем, ветлой, талом, к которым на Или присоединяется еще джигда; зато в горах нет этого последнего красивого дерева, чисто степного, из-под коры которого, особливо в подрубах, сочится клей. Точно таким же образом к Или постепенно исчезают и разнообразные цветы гор, а вместо
28 об. них виден там и сям простой тростник — || чий, кураи, да повилика на камышах.



У верстового столба. Перо, 1860. *Рис. Ч. Ч. Валиханова.*

Яблоки здешние в диком состоянии мало уступают садовым кульджинским как на вкус, так и величиной своей; урожая на урюк (абрикосы) летом 1853 года вовсе не было: сильные весенние ветры и холода уничтожили цветы; урюка вообще повсюду много; самое плодородное и обильное место есть источники Алматов. По обе стороны этих урочищ лес так разнообразен, что эти места получили название у кайсаков *Чубарагач* (чубарый — лес), т. е. разнообразные деревья. Здесь есть и малина, и черная
29 смородина, дикая роза, черный барбарис. || Выше яблонь и абрикосов начинается хвойный лес: ель и пихта, также осина; еще выше ель мешается изредка с березой и степными кустарниками, отличающимися твердостью — таволгой и ргаем. Засохшие стволы ели и можжевельник — самая крайняя растительность. Еще выше [находятся] камни и, наконец, снег. На главных высотах камни рисуются отвесными и дикими скалами очень значительной высоты. Иногда на значительной же высоте этого хребта находятся порядочные озера, которые служат ре-

зервуарами бегущих с гор рек. Так, близ истоков Иссыка находится озеро Джасылкуль[7].

Пахотные места киргиз-кайсаков лежат в десяти верстах от гор, где берега речек не так круты, позволяют им удобно выводить воду арыками из быстрых речек по своим пашням, и грунт // земли более плодороден. Кроме этих пахотных мест, киргиз-кайсаки сеют просо и пшеницу в нижних частях почти всех речек, где, несмотря на глинисто-песчаный грунт, урожаи бывают все-таки хорошие. Здесь урожай бывает еще более, чем на Копале. Колос проса достигает высоты трех футов. Сенокосные места здесь также богаты; подножный корм и сенокосы на сазах*[7] сохраняют свою свежесть до исхода сентября и вновь зеленеют с половины марта месяца. *Джунурчка* (мусюй), или, как зовут кайсаки, желтик, составляет в горных ущельях непроходимые сети, в которых запутывается лошадь. Повилика и
30 хмель вьются по древесным стволам и растут // по крутым скатам. Здесь природа гораздо богаче цветами, чем в Малом Алатау, и потому можно угадывать, что здесь возможно развести с успехом пчеловодство, если только не будут иметь влияние вечные белки гор. Мы находили здесь диких пчел, вырабатывавших свой мед в коробочках, образованных из плевы и подвешенных на стволы курая или другой травы, имеющей толстые стволы.

В горах пасутся маралы, тау-теке и дикие козлы, называемые киргиз-кайсаками *аккуйрук*, архаров меньше, а сайги живут в долине; куланы, которые есть в степи по правую сторону Или, здесь не видны. В чаще, в глубоких ущельях водятся медведи (муровятники), тигры (только летом), барсуки, красные лисицы
30 об. и др.; // волков здесь множество; попадалась даже черная лисица. В речках живут выдры, а по камышам — большие кабаны, которые вследствие изобилия в этой стране солодкового корня бывают чрезвычайно жирны. В долине водятся зайцы, куницы, лисицы, кролики, ежи, дикие кошки, черепахи и др. Киргиз-кайсаки внизу Или находили даже дикобразов.

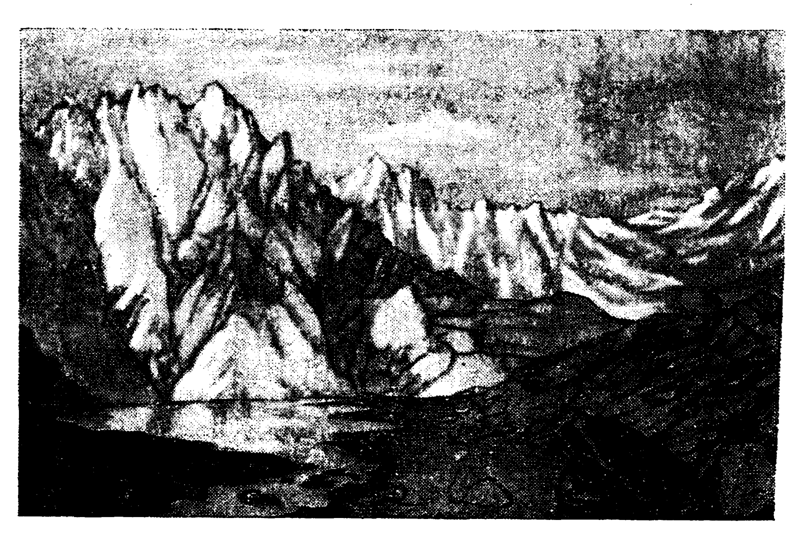
В больших и густых камышах по Или водятся, и не в редкость тигры, рыси, изредка леопарды и другие хищные. Они нередко посещают киргиз-кайсацкие табуны и держат иногда в осаде аулы. Кайсаки отваживаются вступать с ними в борьбу и убивают их, а шкуры продают русским за 20 рублей серебром.

Птицы здесь бесчисленное множество; из дичи известны гуси, утки, турпаны, драхвы, рябки горные и долинные, голубки
31 дикие и другие. Зиму здесь проводят // лебеди и журавли; на Или живут пеликаны; на сухих тополях вьют свои гнезда апсты; в густой листве малакитника или жимолости поют соловьи и славки, а в долине — певучие жаворонки, щеглы и др. В горах, около больших утесов, в лесу вьют гнезда большие орлы, карагуши, серые коршуны, ястребы, а по камням видны каменные

*7 *Саз* — влажные луговые места.

рябки и куропатки. По Или и другим речкам, поросшим камышом и кустарником, водится множество фазанов.

Овода, комаров и мошек на Или бездна в продолжение всего лета, все это от сырости, которая удерживается в камышах: к этому еще присоединяются ядовитые: каракурт (род большого паука), тарантул, фаланга и скорпион (бузаубас — телячья голо-



Оз. Джасылкуль (Иссык). *Акварель художника П. Кошарова.*

31 об. ва). // Эти насекомые водятся на всем пространстве от левого берега Или почти до самой караванной дороги, проходящей верстах в двенадцати от подножья хребта гор. Змей также много, но они невелики и длиною не бывают более 1,5 аршина. Они больше пресмыкаются по солончакам, где ужасно ядовиты; горные змеи менее ядовиты. Здесь мы встретили особый и новый род змей, доселе нам незнакомый в степи.

Кажется, чем далее к востоку, тем земля становится плодороднее; сами кайсаки очень хвалят земли к востоку. Среднее
32 течение Или совершенно открыто сибирским северным ветрам, и только незначительный хребет // Чолак, да горы Аркарлы и Малай-Сары видны за нею; но выше Алтын-Эмеля Или заграждена с севера снежным хребтом Малым Алатау и его восточными отрогами.

От р. Каргалы, впадающей в Курту, к западу грунт заметно переменяется и вместо плодородного чернозема идут солонцы вплоть до Чу, а по направлению к Или — глубокие пески Муюн-Кум. На всем этом пространстве, исключая берега некоторых ключей, обвлажняющиеся маленькой водой, грунт едва и с большим усилием производит жесткий кокпек и ибилек (травы, из-

вестные только в степи), да мелкую полынь. Горы становятся голы, бесплодны.

Так начинается в этом краю Голодная степь, или Бетпак-
32 об. Дала. Грунт ее серый, выгорелый, солонцеватый: // устье Или и
берег Балхаша окружены на большое пространство убродисты-
ми[*8] холмистыми песками или камышами, которые перемешиваются между собою. Около берега Балхаша и в низовьях Или рассыпаны мелкие озера с солью и с пресной водой (изобилующие карасями). Больше по Или нет нигде соли, и киргиз-кайсаки зимою, во время бессолицы, вываривают соль из солончаков, которая, как и вываренная соль, называется *чилама.* Этой последней, мало годной в пищу солью, обильны окрестности горок Буруддай, между Чиликом и Кум-Кечу.

Климат Заилийского края общий — степной, крайности и не-
33 постоянства погоды — его отличи//тельная черта; зимою бывают
морозы, хотя, считая средним числом, и гораздо умереннее, чем в северной части степи; летом жара доходит до 40° по R. Холода редко спускаются ниже 5° по R. Вообще климат благорастворенный, здоровый, летом дневной зной отрадно заменяется ночной прохладой, навеваемой с вершин гор. Весна чрезвычайно дождлива и ненастна.

Зима 1853 года, первая зима, проведенная русским отрядом за Или, была самая жестокая, какой не припомнят киргиз-кайсацкие старики. Это подает повод кайсакам очень оригинально думать, что русские так сроднились с зимой, что не могут с ней расстаться и таскают ее с собой, куда ни придут. Они говорят,
33 об. что со времени основания // Копала там зимы стали холоднее и
снега глубже. Все-таки и в эту зиму на Или снег был не глубже 1,5 аршина; ближе к горам — более 2,5 аршина; посреди зимы в горах были такие оттепели, что снег таял и показывалась на тропинках грязь. В год, нами проведенный на Иссыке, мы сделали следующие заметки: Или стала 8 ноября[*9], на Или сошел снег около 13 февраля, Или вскрылась ото льда 8 марта, разлив воды был в июле. Осень так же, как и весна, очень дождлива, но осенние дожди поливают одни горы.

В Заилийском крае дуют два ветра: северо-западный, с Балхаша, и восточный, сверху, называемый у киргиз-кайсаков *эби-*
34 *джель,* и дует [он] исключительно весной. Последний теп//лый
и сухой; первый всегда несет дождевые тучи и гонит впереди себя стену пыли, поднятой с сухой Бетпак-Далы и с прибрежных песков Балхаша. Постепенно стена эта приближается и вдруг пригибает камыш, роняет некрепкие юрты и мигом же проносится — наступает тишина и крупный дождь поливает землю. С какою быстротою несется эта буря, следует только заметить, что признаки ее на западе появляются не раньше,

---

[*8] Т. е. рыхлыми, глубокими.

[*9] Здесь, как и ниже, время дано по старому стилю.

как за час, а, может быть, часа за три уже весь Заилийский
край бывает орошен водою. К концу июля месяца уже вся трава
в долине Или выгорает, камыш сохнет и только по речкам // и
влажным местам (по сазам) и в ущельях гор растительность
еще сохраняет свою свежесть. Яблоки созревают здесь в начале
августа, абрикосы — в половине июля. В летние месяцы воздух
редко охлаждается дождями.

34 об. Параллельно хребту через Заилийский край проходит кара-
ванная дорога из Ташкента, в недальнем расстоянии от гор; все
речки, через которые она пролегает, удобно переходятся вброд;
по речкам к Или и по горам пробиты тропинки, а иногда и боль-
шие кочевые дороги, по которым двигаются аулы во время своих
перекочевок.

35 С октября месяца по всему протяжению Или на том и // дру-
гом берегу ее останавливаются на зимовку кайсаки, занимаю-
щие, сказать положительно, оба берега, начиная от цепи китай-
ских пикетов до русского пикета при устье Талгара. Ниже в
песках и сексеулах зимой пасутся их лошадиные табуны, и аулы
стоят почти до Камау. По сходе снегов у подножья Алатау во-
лости кайсацкие выступают на эти урочища и начинают пахать
пашни[8].

У подошвы гор, около берегов речек разбросано множество
курганов (насыпей) различной величины; я заметил, что неко-
торые из них, расположены по два; вершины у всех опали и об-
разовали глубокие впадины, углубления. Об одном из них, за-
35 об. росшем уже лесом, нельзя // не упомянуть. Он находится под
самыми горами, где вырывается в долину р. Талгар, обнесен
глубоким рвом, поросшим уже яблочником, имеет от основания
рва в высоту саженей 15, в окружности — не менее версты и
называется *Курган-тюбе*[9] (Курган-сопка). На вершине его, кото-
рая имеет усаженную кустарником и яблонями негладкую плос-
кость, есть еще развалины древнего укрепления[10]. Обе эти древ-
ности кайсаки относят к временам Тохтамыша, но кому принад-
лежат действительно эти древние насыпи и курганы, неизвестно,
а между тем много народов прошло через эту страну. Кроме
этих древних развалин курганов, есть еще новейшие.

О КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ БОЛЬШОЙ ОРДЕ

// Заилийский край занят двумя главными родами Большой орды: албанами и дулатами с частью чапраштов, никогда отсюда не выходивших на правый берег Или. На востоке в Илийскую долину иногда выходят дикокаменные киргизы из рода бугу, родовые кочевья которых находятся на юго-восточной стороне Иссык-Куля, а на западе — из родов султы и сарыбагыш, чьи кочевья находятся также на юго-западном берегу того же озера

4 об. и в окрестностях Пишпека (укреп//ления, находящегося за Чу и принадлежащего ташкентцам). Западная граница кочевьев албанов есть р. Турген; они кочуют даже и в китайских владениях, платя последним ничтожную дань. К западу от албанов, т. е. от Тургена, кочуют дулаты и чапрашты (смежно) до истоков р. Чу и далее за ней через р. Талас из ташкентских городов и укреплений.

Дулатовские кайсаки превосходят все другие роды [Большого жуза] как своею многочисленностью, так и воинственностью и богатством. Их в пять раз больше, чем албанов, в три раза, чем джалаиров, не говоря уже о других незначительных родах Большой орды. Некоторые поколения дулатов, албанов и большая часть чапраш//тов кочуют и на правой стороне Или. Оба эти рода еще делятся на несколько отделений и подразделений, но об этих разделениях будет подробнее объяснено в своем месте[1].

Заилийские кайсаки больше других находились под влиянием ташкентского владычества и, находясь в близком соседстве с отдельным независимым народом — киргизами (бурутами), принуждены были вести с ними борьбу, а потому до вступления русских войск за Или эти киргизы Заилийский край считали мес-
5 об. том укры//вательства и оставались безнаказанно. Ныне, с занятием пункта за Или, вследствие преследования за преступления эти буйные племена сделались более спокойными.

Древние насыпи и курганы в Заилийском крае свидетельствуют о древнем присутствии каких-то народов. Владения народов уйсунь, уйгуров, джунгар сменяли одно другое[2]. Последний народ был завоеван китайцами в 1755 году[3], // а все владения этого народа Китайская империя включила в свои пределы.

6 об. // Большая орда, кочевавшая по Таласу и далее к Ташкенту, под начальством Аблай-хана двинулась на восток и после удачной и продолжительной борьбы вытеснила их за Малый Алатау и заняла свои давние места. Итак, эти места, по сказаниям кайсаков, вновь заняты Большою ордою у калмыков, и, следовательно, притязания китайцев на эту страну несправедливы, [так как] с появлением исконных жителей она стала независимою. Хотя до появления русских войск в этой части степи Большая орда и считалась под покровительством России // с 1824 года, но китайцы не переставали посылать в Заилийский край свои отряды для сбора ничтожной дани до 1840 г., в который они потерпели горестное и плачевное поражение от здешних чапраштов при урочище Тирен-Узек.

Отряд состоял из трех тысяч китайцев и, собирая ясак, намеревался пробраться к ташкентскому аксакалу для переговоров. Еще до сих пор китайцы не могут забыть этого поражения и с глубоким негодованием отзываются о всяком кайсаке чапраштинского поколения.

7 об. // В это же время с запада с еще большим корыстолюбием беспокоили Большую орду их единоверцы — кокандцы, собиравшие с них зякет (подать). По всему видно, что это обременяло кайсаков и кокандцам нелегко было принудить ордынцев к добровольному платежу зякета. Они употребляли для этого военную силу. Равномерно кокандцы хотели военною рукою заставить и алатауских киргизов платить им зякет, но последние сильно сопротивлялись и, имея неприступные горные кочевья, остались независимыми. Я говорю это о бурутах, кочующих в верхних частях Иссык-Куля.

// Кушпек, знаменитый и умный наместник Ташкента, сам ходил с большими отрядами в Большую орду и к киргизам. Он построил несколько укреплений; впрочем еще до него в Заилий-



Казахи племени дулат рода каскарау проводники экспедиции П. П. Семенова (1857 г.). *Рис. художника П. Кошарова.*

ском крае около р. Каскелен ташкентским минбаши (тысячником) был построен в 1778 году ташкентский курган, но известнейший здесь варвар — султан Рустем[4] изменнически перерезал воинов, и курган их разрушен был до основания. Развалины всех сих курганов до сих пор живо видны в Заилийском крае.

Впоследствии осталось только // одно Тойчубеково укрепление[5], возобновленное в новейшее время, и через него действовали на сбор зякета. Но и оно в 1851 году под начальством казачьего полковника Карбышева [было] разрушено русскими войсками. После этого сбор зякета продолжался уже отрядами и то только около Чу.

До разрушения Тойчубековского замка в нем находилось постоянно человек 50 сартов*10, которые вместо охранения спокойствия и сверх своей обязанности сами занимались грабежами караванов.

Прочное занятие пункта за Или в 1853 году русскими на-
всегда прекратило здешние беспорядки, и можно надеяться, что
9 страна эта, через которую идут важнейшие // пути в Кульджу,
Кашгар и к горным киргизам, в скором времени зацветет своею
торговлею и богатством.

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОГО ПОРОХА

// Составные части киргиз-кайсацкого пороха суть селитра (сор), уголь (кумур) и сера (кукурт).

Селитру киргиз-кайсаки собирают или с навоза давнишних зимовок или из земли старых «калмыцких» курганов[1], уголь употребляется исключительно из талового дерева, а сера употребляется русская, получаемая через торговцев татар, хотя и привозят сюда серу с ташкентского базара, но она признается слабою.

Положительно предполагая, что в «калмыцком» кургане в
1 об. древности жили люди, кайсак берет // мешок и наполняет его
землею, испытав предварительно через брошенную в огонь
горсть земли из второго слоя, заключается ли в ней селитренное
начало[2], которое узнается по вспышке.

Набрав земли, он ставит казан (котел) на огонь, наполняет
его, сколько нужно, водою, всыпает в него собранную землю и
кипятит до ключа. Земля остается на дне казана, а вода прини-
мает желтый цвет. Вскипятив таким образом, он снимает котел
с огня и дает устояться, отчего земля, само собою разумеется,
отделившись от воды, садится на дно котла; после этого желтая
жидкость // тщательно процеживается один раз через чистую
кошму, чтобы земля не оставалась в воде, а после этого вода
легко кипятится в чистом казане еще раз и выливается в чистое
корыто или другой сосуд и прикрывается накладываемым кресто-
образно на поверхность жидкости тонким тростником (чием) с
оставляемыми небольшими клеткообразными отверстиями. Се-
литра сама кристаллизуется, приставая к чию, и образуется
много гвоздеобразных сосулек длиною в вершок и менее, а тол-
щиною в гусиное перо. Оставшаяся вода снова кипятится и
2 об. снова выливается в корыто, что повторяется раз семь; от // каж-
дого приема кипячения и выстаивания желтой жидкости полу-
чается селитры всякий раз не менее одной глубокой тарел-
ки.

---

*10 В черновом списке вместо *сартов:* было *кипчаков.* Это более правильно.

Получив требуемое количество селитры, ее высыпают в чугунный котел и трут беспрестанно целые сутки булыжником или другим твердым камнем.

Приготовив селитру, смолотую до чрезвычайной мелкости, приступают к приготовлению угля, который исключительно выжигается из тала — дерева, признаваемого кайсаками самым мягким и годным для пороха.

Точно так же и уголь растирается в самый мельчайший, как селитра, порошок, на растирание которого, по словам кайсака, нужно пять // человек, которые бы работали до усталости целый день.

Берут вески или меру и весят или меряют селитру, уголь и серу. Так, для получения двух с половиной фунтов пороха кладут один фунт селитры, полфунта угля и один фунт серы.

Вывесив эти составные части, их все вместе высыпают в котел, нагревают его до такой степени, чтоб высыпанный состав не мог воспламениться, и трут его целые сутки, поддерживая через легкое вспрыскивание водою постоянную влажность. Истерев все это в мельчайший порошок, который уже принимает цвет пороха, берут из гривы или хвоста лошади порядочный пук
3 об. волос, которым и продолжают тереть состав // до тех пор, пока не образуются крупинки величиною в просяное зерно, а во все время [порошок] слегка вспрыскивают для влажности состава.

Образовавшийся требуемой величины порох отбирают от слишком крупного, который снова растирают камнем, снова вспрыскивают и опять трут волосом до тех пор, пока получат порох требуемой величины крупинок. Оставшуюся мякоть, если не хотят выкинуть ее, орошают слегка водою и потом также трут волосом. В заключение для очищения всего пороха от мякоти в хороший сухой день провеивают его на легком ветру, и порох уже делается годным к своему назначению и употреблению.

О ХЛЕБОПАШЕСТВЕ

42 // Находясь под влиянием ташкентцев, кайсаки не могли не перенять у них хлебопашества, промышленности столь полезной и мирной для них[1].

Несмотря на неусовершенствование у киргизов пахотных орудий, совершенно почти несоответствующих своему назначению, плодоносный грунт почвы в Большой орде всегда вознаграждает труд пахаря и вознаграждает удивительным урожаем. Многочисленность речек, вытекающих из главных хребтов гор: Кунгей-Алатау, Малого Алатау, Алтын-Эмеля и других, очень способствует орошению полей посредством водопроводов, или, так сказать, ирригационных каналов (арыков), совершенно неизвестных
43 в // России. Здесь летом бывает очень мало дождей, а при жаре,

доходящей в июле до 40°R, киргиз-кайсацкие пашни непременно выгорят без искусственного орошения их через арыки, которые здесь благодаря природному положению мест доведены до той степени совершенства, что при трудолюбии и старании кайсака-пахаря он, несмотря на жару, верно рассчитывает урожай на сам сорок (урожай баснославный). С первого раза трудно поверить иногда, не удостоверясь лично, на какую высоту выводятся арыки, просеченные по уступам больших увалов, сопок и возвышенностей. Сметливая на этот раз рука киргиз-кайсака очень хорошо проведет арык из речки, текущей в чрезвычайно глубоком рву, и трудно поверить, когда даже убедишься, что на одной версте вода своим непринужденным и свободным течением выведена кверху саженей на тридцать. Вывести ее из рва, какой бы он глубины ни был, для кайсака ничего не значит.

Мягкость грунта и в самом деле не требует здесь такой сохи, какая употребляется у нас в Сибири. Довольно куска железа очень малого размера, чтобы вспахать землю на такую глубину, от которой можно надеяться на урожай. Железо сохи (сошники) скорее походит на здоровый и массивный железный гвоздь, чем
44 на соху. К дереву приделывается // только одна часть сошника, а пахание производится двумя быками. Устраивать соху, как устраивают ее наши сибирские казаки, киргиз-кайсак не умеет и боится колес, с которыми он совершенно не знаком. Прилагаю здесь рисунок этого орудия.

В Большой орде сеют преимущественно просо[2], употребляемое киргиз-кайсаками зимою, когда они не имеют молока. Посев пшеницы китайской недавно введен[3] здесь, но с некоторого времени киргизы, а особенно зажиточные, сеют пшеницу в достаточных размерах для своего существования.

Вообще хлебопашество появилось в Большой орде со времени *Байкабыла,* одного из главнейших родоначальников в роде джаныс в на начале XVII столетия. Он первый начал пахать среди киргиз-кайсаков с помощью одного калмыка, бежавшего к нему от своих родовичей. Род джаныс и по настоящее время признает себя первым по открытию хлебопашества и более других родов занимается этой промышленностью.

По рассказам почетных и пожилых ордынцев, пшеница привезена сюда из Кашгара через дикокаменных киргизов (бурутов), знакомых с пашнею с начала XVII века.

45 В Большой орде известны следующие семена: пшеница, просо, кунак, употребляемый осенью для закармливания // лошадей, мусюй (джунурчка), вывезенный в позднейшее время из Китая, горох, ячмень, джасмык*[1], зыгыр (лен), кукуруза (джугара) и кунджут из Китая.

Разведение ржи и хлопчатой бумаги также занимало некоторых старательных и богатых киргиз-кайсаков, но эти растения,

*[1] Джасмык *(казах.)*— чечевица.

как показали опыты, не могли созреть вовремя и были застигаемы холодными инеями августа месяца.

Из Ташкента завезено сюда искусство строить простые (без колес) мельницы; древности также оставили между кайсаками немало понятий об устройстве их, а два жернова, найденные в ущельях Большого Алатау, откуда вытекают рр. Алматы и Талгар, суть не что иное как остатки древних мельниц.

Кайсацкий серп немного согнутый, походит скорее на ножик; один кайсак при хорошем и густом урожае хлеба выжинает в день самое большее 25—30 снопов, величины три четвертых в окружности.

Молотьба хлеба производится волами*[2], которые гоняются целый день по хлебу, уложенному на земляном гумне.

Гумно устраивается на глиняном грунте, для чего предварительно орошается то место водой, утаптывается, а потом просу-
46 шивается. // Смотря по средствам, кайсак заводит на гумне
[определенное число] волов, но я не видал меньше шести.

Вытоптанный хлеб при легком ветре провеивается обыкновенным образом. Если ветра нет, то кайсак прибегает к своему подручному средству: один взбрасывает кверху зерно, а двое, трое или более машут мешками и производят движение в воздухе, через которое зерно провеивается. Но это редкие случаи, к которым кайсак прибегает в крайности, когда ему нечего есть, а то он терпеливо дожидается ветра, который здесь дует, не скупясь.

Рассчитав количество проса или другого хлеба, нужного киргиз-кайсаку на зиму, он везет в аул это количество, где просо поступает в распоряжение его жены, которая обязана все очистить от шелухи. Для этого просо [недолго] жарят в чугунном котле, толкут в ступке и потом очищенное и поджаренное [зерно] складывают в кабы (особые для этого [сделанные], крепкие шерстяные мешки).

Остальной лишний запас сырого проса на пашне же зарывается в ямы и засыпается землей, где хранится или всю зиму или до первой надобности зимой.

47 // Заканчивая кратким обзором эту статью, можно заметить, что в Большой орде, более чем где-либо, развиты понятия о садоводстве и огородничестве.

Разведение виноградников, урюка, яблонь*[3] и других фруктовых деревьев, конечно, передано кайсаку или из Ташкента, где эта промышленность развита хорошо, или из провинции Западного Китая, как-то: провинций Кульджинского и Кашгарского округов.

---

*[2] В других районах хлеб молотили с помощью в ряд поставленных лошадей, а нередко и верблюдов.

*[3] Во всем почти Семиреченском крае растут яблоки и в диком состоянии, а урюк только в ущельях Большого Алатау, за Илею. *(Примечание Валиханова).*

Нельзя сказать, чтобы садоводством уже занялись киргиз-кайсаки теперь только, начали заниматься этим некоторые ташкентские выходцы, именующие себя чала-казаками[4]. Кайсаки охотно дают им свои земли и учатся искусству разводить сады.

Огородничество, можно сказать, и между кайсаками уже развито. Оно тоже перешло от ташкентцев. Гряд в огороде не делают таких размеров, как у нас, но делают маленькие, имеющие в длину два аршина, а в ширину полтора аршина. Полив гряд производится, как и на пашнях, арыками, [по] которым пускают [воду] по бороздкам огорода, огибающим зигзагом каждую гря-
48 ду. // На грядках, где сеют огурцы и арбузы, навоза не употребляют, а садят простым способом, как морковь и бобы, с тою только разницею, что огурец и арбуз рассеивают редко.

Из огородных семян известны: *огурец* из Китая, доходящий длиною вершков до семнадцати и имеющий всегда не прямую, а неправильную форму. Семена в нем здесь редко дозревают; он тонок по длине и не будет так вкусен, как наш огурец. *Дыни* из Ташкента, Яркенда, Коканда; они очень вкусны, чрезвычайно большого размера и имеют форму огромной тыквы. *Арбузы* также хороши, их семена вывезены из Ташкента и частью из Китая. Здесь я не видел розовых арбузов. Они очень вкусны, сахаристы, желты и весят от 15 до 45 фунтов. Величина необыкновенная и походят по грубой коре также на тыкву.

Из других семян известны: тыква китайская, похожая на большую бутыль; эта тыква имеет длинное горло и киргиз-кайсаки употребляют ее как посудину, в которой можно возить жидкости; бобы, брюква, морковь желтая, репа, горох, табак китайский и многие другие.

Я не лишним нахожу здесь в заключение сказать несколько слов о пахарях и возделывателях пашен и огородов [игинчи] — классе киргиз-кайсаков, промышляющих целое лето и трудящих-
49 ся до кровавого пота.

// Игинчи никто иной как дневной и ночной работник, не знающий покоя. Днем он ходит по полосе, гоняет воробьев, а ночью караулит свою пашню или огород от скота. Он никогда, кажется, не прикрывает своей жалкой наготы, и тело его от сильного летнего зноя доходит до невыразимой черноты и грубости.

Пища, разумеется, еще хуже, чем имел или имеет он в ауле; он терпеливо и безропотно довольствуется в день двумя небольшими чашками айрана (простокваши) — и другого кушанья вовсе не имеет.

Поливая через арыки пашню, он ходит по полосам ее с железною лопатою или киркою и на его обязанности лежит полить одинаково все точки пашни, для чего он, где вода не может зайти свободно, заплескивает ее туда лопатою с терпением, занятым едва ли не у китайца.

Его летний труд признается оконченным уже тогда, когда хлеб будет вымолочен, сложен в мешки и им же перевезен в аул. Только в сентябре этот жалкий работник спит спокойно, забыв все лишения, какие претерпел он в продолжение лета.

ЮРТА

15 об. // Юрта [ее устройство и убранство]. Дом киргиз-кайсака приспособлен к его кочевому быту; юрта, говоря о средней величине и тяжести ее, может поместиться на одном верблюде. Она состоит из тонких решеток и палок и нескольких войлоков. Первые служат ей основанием (остовом), вторыми она закидывается от дождя и мороза.

Деревянная часть юрты состоит из трех частей: *кереге* (решетка), *уука* (стрелок) и *чангарака* (круг). Нижняя часть, или *кереге*, есть решетка, слегка скрепленная в перекрестках ремнями так, что удобно // складывается, когда нужно везти юрту, и
16 раздвигается, когда юрту ставят. Окружность юрты состоит от двух до восьми решеток[1], связанных вместе и называемых *канат*.

Ууки, или выгнутые стрелы, составляют свод юрты, нижние концы их привязываются к кереге, а верхние, заостренные, запускаются в дыры, пробитые на боку чангарака, составляющего самый венец юрты.

Чангараком называется деревянный круг, скрепленный несколькими выгнутыми кверху поперечинами. Он служит в юрте отверстием для прохода дыма и света и закидывается отдельной
16 об. квадратною кошмою, по // нужде снимаемой и закидываемой.

Войлоки, которыми закрывается юрта сверху, имеют различный вид и потому носят разные названия. Нижние кошмы, закрывающие кереге, называют *туурлык*; верхние, лежащие на стрелках,— *узюк;* кошма, имеющая четырехугольный вид с удлиненными концами, накидываемая на чангарак, называется *тюндюк*. Для выхода дыма из юрты в ненастную погоду тюндюк поднимается на *бакан*, т. е. жердь, которая зацепляется за угол его изнутри и подымается против ветра, чтобы заградить его[2]. Особенный небольшой продолговатый войлок, подшитый чием,
17 закры//вает дверь. Для большей теплоты кереге одеваются снаружи между ним и кошмою еще *чием* — тонким тростником, обмотанным разною цветною шерстью.

Ставить юрту — дело кайсацких жен. Да и нетрудно ее поставить: связать кереге, поднять чангарак на ууки, накинуть кошмы, обвязать все это двумя арканами, да вставить и привязать к краям кереге бруски дверей — и вся работа.

Окраины войлоков для прочности обшиваются *джиеком*, т. е. вязаною шерстяною кромкою, а нижние края узюка — особыми шерстяными, иногда суконными, раз//ного цвета с фигурными клапанами, пришиваемыми за оба конца к кошме[3]; под эти клапаны, отстоящие один от другого во всей окружности юрты на

аршин[*1] продевается особая широкая, красная шерстяная тесьма, называемая *баскур*, которая и укрепляет плотно узюк к дереву юрты[4]. Иногда косяки дверей с обеих сторон убираются костяными резными фигурными изображениями или обиваются тонкими [пластинками] меди с выдавленными украшениями. Внутри богатые кайсаки юрту украшают шелковыми ташкентскими материями; такие чистые юрты обыкновенно изготовляются в приданое дочери и называются *утау*[*2], их не выставляют зимой, чтоб не задымить, а можно видеть только летом и то
18 [ставят их только] для дорогих гостей. Сред//няя цена юрты такого достоинства от 200 до 400 баранов. Белая кошма, употребленная на юрту, предпочитается другому цвету.

Кереге, ууки и чангарак красятся пережженною охрою (джуса). В бури юрта под чангарак подпирается изнутри высокой палкой и сопротивляется напору. Палка[*3] эта называется *бакан*.

Взглянем теперь внутрь юрты. Супружеское ложе в юрте помещается от входа или направо или прямо против дверей; все богатства и имущество помещаются в коврах и русских красных
18 об. ящиках[*4] по правую сторону кровати и при посе//щении любимым гостем накрываются большим шелковым ковром. Почетное место, где усаживают почетных гостей,— около изголовья постели.

Саба с кумысом и вычурным [поставленным] в нее *писпеком*, т. е. палкой, употребляемой для взбивания кумыса, ставится немного поодаль, в ногах кровати; домашняя утварь направо от входа загораживается отдельным чием. Оружие вешается над постелью. На чангараке, особенно осенью, вы увидите коптящуюся конину, баранину, казы, о которых в своем месте будет сказано, новые турсуки под кумыс, подойники, шкуры под ай-
19 ран и пузыри под масло.

// На кереге встретите русский медный таз с приделанным к нему уродливым железным кольцом, рядом с ним нагайку и за уукoм шапку или чашку. У простых и бедных киргизов беспорядок еще больше; там нет почетного места для кунака, по крайней мере его нельзя заметить как замечается это у порядочного кайсака, в юрте которого постланы на землю кошмы, а на почетном месте — сверху ковер. У бедняка везде видно неряшество, начиная с почерневшего от дыма чангарака до прогоревшей на земле ямы от постоянного огня.

19 об. // К окончательной и полной картине юрты присоединяется еще чайник для чая или кувшин (куман) с водою для омовений, никогда не сходящие со своего обычного места, на котором разводится огонь.

[*1] Расстояние между клапанами меньше аршина —30—40 см.
[*2] Точнее: *отау*.
[*3] Точнее: длинный шест.
[*4] Т. е. сундуках русской работы.

У киргиз-кайсаков существует еще другая юрта, называется *кос* (кош), или *джулум-уй*. Она употребляется у них для табунщиков лошадей или во время походов и в этих случаях для пере-
20 возки // вьючится на лошадей. Кошей немного, и если в ауле иногда и встретится кош, то он, вероятно, принадлежит торговцу. Кош отличается от юрты прямыми уками и отсутствием чангарака, вследствие чего имеет коническую вершину, нижние концы ууков вместо завязок заменены короткими петлями, которые скоро надеваются на головки кереге; кош редко бывает больше двух отделений решеток.

Этот кош перешел к торговцам, которые признали его удоб-
20 об. ным // во время хода караванов.

Есть еще третий род юрты, которая называется *калмак-юй* (калмыцкий дом). По значению названия уже видно, что этот дом перешел от калмыков-торгоутов. Этот *калмак-юй*, или иначе *торгоут-юй*, от кайсацкой юрты отличается только тем, что ууки его длиннее и менее выгнуты, чангарак в диаметре не более пяти четвертей, и вообще эта юрта имеет более коническую форму.

О КИРГИЗ-КАЙСАЦКИХ МОГИЛАХ (МОЛАХ) И ДРЕВНОСТЯХ ВООБЩЕ

36

// По всей степи разбросано множество древних и новых могил, курганов, насыпей и пр. Эти немые памятники кайсацкого быта гораздо важнее в географическом, чем в историческом отношении, потому что имена погребенных остаются навеки в устах народа и кайсак соображет свой путь с положением этих могил.

Мола — неопределенное название, под этим именем смешивается и древняя и новая могила[1], но по преимуществу *молой*
36 об. назы//вается простая, неизысканная насыпь, куча из щебня или какой-нибудь уродливый монумент, слепленный из глины. Этой простотою, безыскусственностью и отличаются новые могилы от старых, только некоторые следует исключить из этого числа, как, например, могилу Кулан-хана[2], могилы Сюка[3] и Абулхаир-хана[4] (Младшей орды).

Не менее примечателен материал, из которого строятся молы, за исключением тех, которые выстроены чалаказаками (выходцами ташкентскими)[5]. В кайсацкой моле и около нее выражается весь вкус кайсака, его искусство в архитектуре, его резьба и живопись.

37 // Новые могилы имеют две главные формы: одиночную и курганообразную[6], при последнем условии могила представляет небольшой ташкентского типа курган, т. е. укрепление с небольшими дверьми на запад, укрепленными наружным траверзом[7].

Вообще могила эта составляет квадрат, стороны которого равняются саженям тридцати, высота аршин в шесть или семь, а

толщина стенки вершков восемь*[1], но некоторые из них так
обширны, что в них может укрыться от нападения человек до
ста. Заключая по сходству этих курганов с ташкентскими укреп-
37 об. лениями и по прочности, должно приписать // постройку их ча-
лаказакам.

Эта форма более других нравится кайсаку, потому что гро-
мадность у него — первое условие величия предмета, и могилы
таких форм поэтому устраиваются над прахом важных и бога-
тых киргиз-кайсаков. Подобного рода могилы есть на татарском
кладбище в Семипалатинске; в степи же они встречаются в
Большой орде у подошвы обоих Алатау.

Большая орда кочевала за р. Чу и имела сильные сношения
с Ташкентом, а потому и не мудрено, что эта форма заимствова-
38 на у ташкентцев и мастера // для первоначальной постройки
вызывались оттуда.

Самая большая могила, какую я встречал в Большой орде в
этом роде, построена для Кулан-хана на р. Талгар по кашгар-
ской караванной дороге. Эта могила состоит из двух частей:
ограды и самой гробницы. Ограда имеет вид кургана*[2] с башен-
ками на углах и с простым украшением над дверьми. Гробница
стоит внутри ограды и имеет вид купола*[3] на кубическом пьеде-
стале. Эта могила так обширна, что в ней могла бы поместиться
вся ханская фамилия.

38 об. Менее важные могилы делаются сплошной массою в виде //
конусов, четырехгранных пирамид и иногда сверху приделыва-
ется какой-нибудь отросток, или пирамида устраивается с усту-
пами, которые украшаются ломаною линией; словом, виды этих
могил неисчислимы.

Повсеместный материал для постройки есть земля. Здесь она
заслуживает названия более употребительного материала. Мно-
39 гие могилы первоначальной формы сделаны из земли и // только
снаружи укреплены глиною или вымазаны ею, или обложены
необожженными кирпичами. Где заняли кайсаки это искусство,
неизвестно, но положительно можно сказать, что обожженный
кирпич нельзя назвать редкостью в степи вообще, он нередко
встречается на древних постройках.

Кайсацкий кирпич отличается прочностью глины и неровною
отделкою; он очень тонок и различной формы, судя по потреб-
ности: для круглых [сооружений] — округленный, для пира-
39 об. мид — квадратный и прямоугольный. Около развалин // могилы
султана Сюка я видел кирпичеобжигательные печи — произведе-
ние рук одного ташкентского выходца. Печи эти отнюдь не ус-
тупят русским.

*[1] Т. е. около 24 см.
*[2] Т. е. крепостного сооружения.
*[3] Т. е. купольное сооружение с кубическим основанием.

Курганообразные могилы почти всегда строятся из сырого кирпича, а не лепятся из глины, как настоящие курганы в Ташкенте. Диким камнем, щебнем обкладываются могилы только небольшие и второстепенные, например, вокруг могилы Сюка погребено несколько задавленных разрушившеюся гробницею — они просто закиданы землею и сверху уложены щебнем. Вокруг Козу-Курпеча также много таких могил. К числу их принадлежит могила Капал-батыра, давшая название речке и укреплению. Из дерева очень мало встречается могил. Я видел такую толь//ко одну; она поставлена из тонкого тополя срубом суживающимся кверху.

Могилу Сюка (сына Аблая) в Большой орде, как замечено выше, строил ташкентский чалаказак. Квадратную комнату должен был покрывать монастырский свод; высота ее была аршин в пятнадцать, но чалаказак, вероятно, видел только, как кладутся своды, и не успел его замкнуть, все здание рухнуло и задавило его и девять рабочих-кайсаков. Сын Сюка — Барак едва был спасен. Развалины этой новейшей могилы, разрушившейся в 1853 году, в год ее построения, лежат в десяти верстах от р. Каратал к северу, у подошвы горы Бураной. Аблай-хан похоронен в Азрет-султане.

40 об. // Могила Абулхаир-хана (Малой орды) находится на р. Улкояк, впадающей в Тургай справа. Она описана у Рычкова, который видел ее в 1771 году во время бегства калмыков. Мы заимствуем описание ее из энциклопедического лексикона (том первый, стр. 54): «Памятник Абулхаира сложен из сероватого кирпича и имеет вид усеченного конуса, накрытого полушаром. Вышина его аршина четыре, поперечник при основании аршина три. В вершину полушара воткнуто по обыкновению копье, обвешанное разными лоскутьями, ложками, чашками, конскими хвостами и узелками с пшеном».

Судя по описанию этой могилы, я встретил в Большой орде
41 две//, похожих на нее, похожих по крайней мере по наружности, это могилы Атач-батыра и Байгазы.

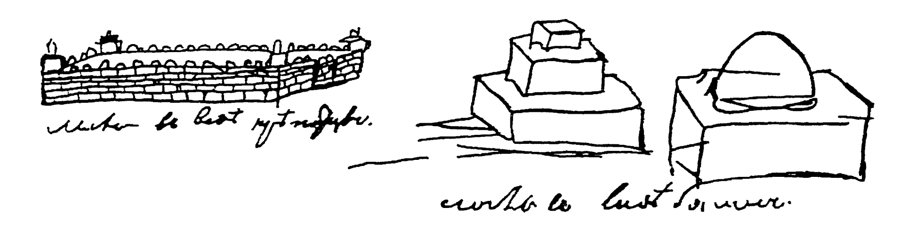
На кубических основаниях обеих поставлены полушары готической формы; внутри полушара пустота и с боков отверстия: два больших при основании, одно вместо окна — небольшое; чтоб подняться к куполу, с одной стороны сделаны ступени. С южной же стороны отгорожено отдельное место невысокою стеною, примыкающей к главному строению. Оно, верно, назначено для родных этих батыров, которые погребутся с ними вместе. Кубическое же основание могилы Байгазы имеет внутри пустоту,
41 об и могила, обнесенная глиняною стеною вокруг памятника, // обсажена таловым лесом, приятно зеленеющим на безлесной долине. В куполы обеих воткнуты короткие копья с пучками конских волос.

Могилы всегда устраиваются на возвышенных местах, караванных или кочевых дорогах и около речки или озера. Это дела-

ется с целью, чтобы проезжий мог прочесть особенную над прахом молитву (бату — благословение).

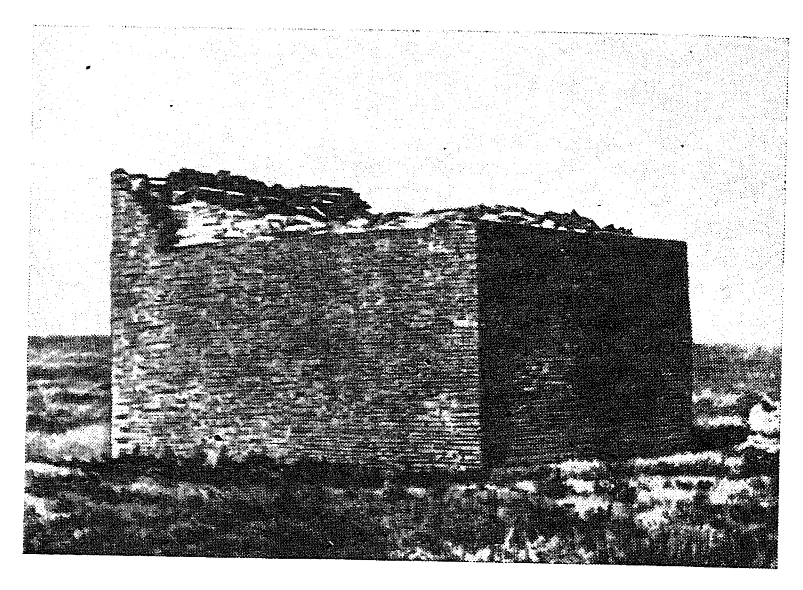
Древние надгробные памятники отличаются большим разно-
образием форм, лучшей отделкой материала, употреблением
прочных сводов и добавочными украшениями резьбой. Путе-
42 шественник, про//ходя мимо, замечает в своих записках, что эти
здания суть произведения народа не дикого, а образованного. Но
когда цвело просвещение среди этой пустыни? Постараюсь это
дело[довести] до той степени ясности, до которой дозволяет ис-
торическая истина.

Первоначально следует заметить, что древние могилы по простоте и искусству в строении должно разделить на два разряда: на *народные могилы* (насыпи) и на *могилы почетных* (палаты).



Типы казахских надгробных сооружений. *Перо, 1854. Рис. Ч. Ч. Валиханова.*

Страна эта, наши степи, были заняты до монгольского перио-
да истории тюрками коренными; четыре племени, участвовав-
42 об. шие в защите Огуз-хана против своего отца: // уйгур, каладж,
канлы и карлык, составляли основу тюркского союза. Были
народы, которые по происхождению принадлежали к другому
поколению, но подчинялись тюркскому языку и тюркским нравам.
Таковы были болгары, хазары, башкиры, мадьяры и др. Нашест-
вие монголов совершенно изменило население этой страны, са-
мые имена племен потерялись и только некоторые остались
именами кайсацких родов; старое население, без сомнения, сли-
лось с новым, и здесь на законах монгольских нередко возникали
орды, отдельные от Золотой или Волжской орды: Ногайская, или
Мангытская, орда на Урале, Синяя орда до Сейхуна и Тюмен-
ская орда в роде шейбанидов. Вероятно, ханы всех этих орд
43 завещали хоронить себя в глубине // степей, так мы находим
могилу основателя Мангытской орды Эдигея на одной из Улутав-
ских вершин, которая и носит название этого военачальника[8].
Могила его — простая груда щебня, вероятно, она прежде имела
определенную фигуру, но разрушилась; достоинство ее поддер-
живается очень удачно неприступностью горы, на которой она
стоит.



Мавзолей Камыр-хана.

Мавзолей Алача-хана.

Итак, относя постройку древних могил к монгольскому периоду, нужно требовать от монголов больших сведений в строительном искусстве этого рода, тогда как тюрки были гораздо образованнее их, имели города и оставили в них памятники своей оседлости, богатства и торговли.

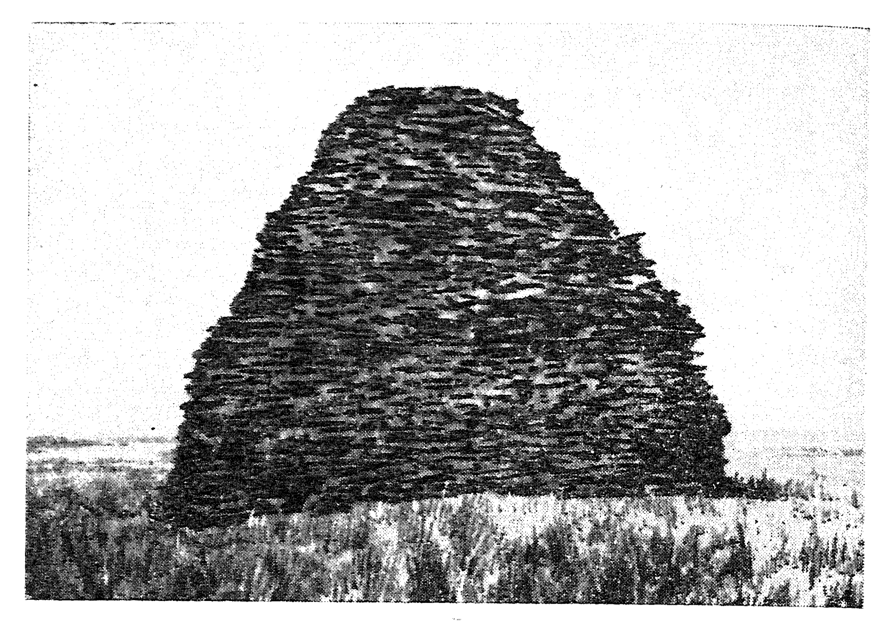
43 об. // Так, например, болгарская столица Болгары, в 60 верстах от Казани, и доныне сохраняется в развалинах. На другом крыле тюркского союза уйгуры были не менее образованы, жили также городами, имели грамоту и исповедовали даже несторианскую секту христианской религии. Эти два народа, вероятно, поставили для монгольских властителей порядочных мастеров. Итальянец Плано-Карпини описывает изящество хаканского трона в Каракоруме[9] с четырьмя фонтанами, один из которых бил кумысом.

После этого не мудрено, что в глухой степи, около Улутау, на
Кенгирах [имеется] множество могил, удивляющих своим
44 устройством: Камыр-хан, Алача-хан, Домбаул (аулие), // Бул-
ган-Ана и другие, все они складены из кирпича, снаружи облиты финифтью разного цвета. Булган-Ана, находящаяся при устье Кара-Кенгира, на Кара-Джаре, белого цвета; это небольшое здание с куполом[10], такого же устройства и все прочие. Алача-хан несколько отличается: основание купола меньше самой гробницы, а потому вокруг него обведен потолок, а стены, продолженные вверх, образовали ряд балкона, на который с внутренней стороны ведет винтовая лестница.

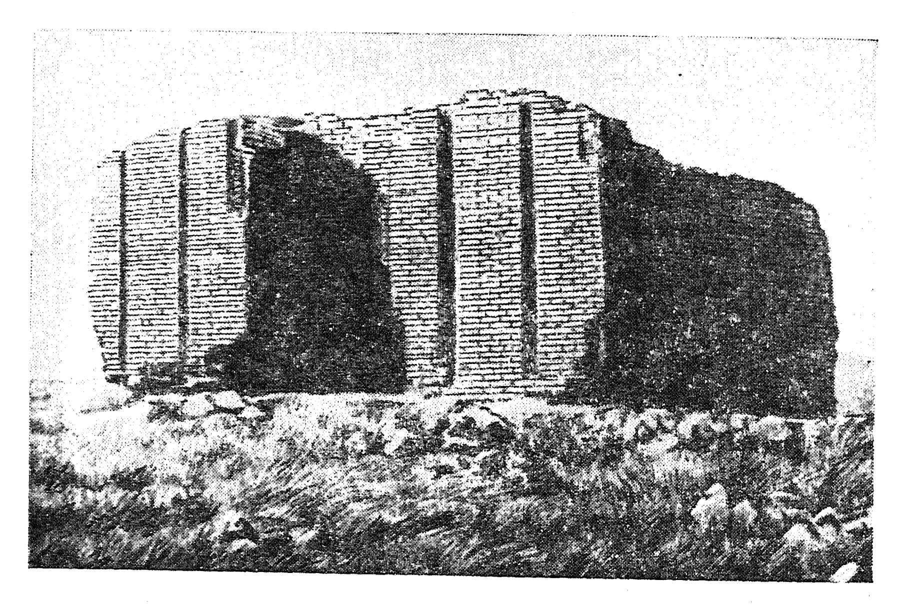
Особенно замечательны в этих сооружениях прочное устрой-
ство сводов и кладка кирпичей накосо: один ряд кирпичей по-
ложен правыми концами вниз, другой левыми. Эти могилы такая
44 об. редкость, // какая во всей степи уже не повторяется, кроме
Нуры, недалеко от устья которой лежит могила *Ботагай;* о ее устройстве я ничего положительного не имею.

[Развиваясь] от этой формы, древняя могила, превращаясь в пирамиды, некрытые галереи и в плиты с отверстиями доходит до простых столбов.

Пирамидальные могилы с пустотою внутри обыкновенно воз-
двигаются из дикого камня; гробница эта принимает пирами-
дальную форму не прямо с земли, первоначально возвышаются
отвесные стены, а потом уже начинают суживаться. Я знаком
45 только с тремя такими // могилами; *Кашана*[11], которая описана
у Палласа, близ р. Тугызак, впадающей в Уй, на Оренбургской линии; *Урдабай*[12], между истоками рек Аксу и Баскан, в 12 верстах от пикета Карасу по тракту из Аягуза в Копал; внутри ее стоит гранитный истукан; наконец, самая важная *Козу-Курпеч.* Она стоит на берегу р. Аягуз, в [90] верстах от Аягузского укрепления. К стене [сооружения] приставлены четыре гранитных истукана с азиатскими физиономиями, с ожерельями на груди и с какими-то брусками, которые они держат в обеих ру-



Гробница Домбаул.



Мавзолей Булган-ана.

45 об. ках на животе*[4]. Эти истуканы, как говорят, изображают // героев из поэмы, которую рассказывают кайсацкие импровизаторы в долгие ночи. По герою поэмы называется и могила *Козу-Курпеч*. В версте по направлению к Аягузу находится могильный столб и около него безобразный истукан соперника Козу-Курпеча — *Кодара*. Еще есть столбы, водруженные в землю. Они находятся у подошвы гор Кызыл-Рай. Описание их можно най-
46 ти в записках одного есаула, ходившего в Коканд[13]. Вершины этих столбов украшены человеческими образами. Тут же он видел косвенно поставленные плиты с отверстиями, которые он считает за двери или окна в общем здании[14].

// На пути из Каркаралов в Актав встречается множество гробниц, составленных из плит[15] вертикально и плотно сжатых между собою, с одной стороны находятся двери. Подобные галереи есть в Большой орде.

Все остатки древностей кайсаки приписывают ногаям, которые кочевали здесь после монгольского ига, другие (в восточной части степи) — калмыкам, некоторые остатки в западной части — башкирам, или, как следует полагать, народу с ними соплеменному.

К этим остаткам относятся: старые разрытые рудники, ныне брошенные (медный — около Джезды-Кенгира), брошенные
46 об. пашни (на урочище Тюндюгюр), // покинутые жернова (в ущелье Алматы) и старые насыпи, вроде валов.

В Большой орде часто встречаются развалины отдельных квадратных укреплений с валом и рвом, но самый замечательный остаток древности есть ров, прорытый от верховьев речки Коры в Малом Алатау до истоков р. Чу. Ров этот прорыт по всем высотам гор, глубинам рвов и едва ли не будет длиною верст на 900; глубина его и в настоящее время не менее полутора саженей. Киргизы имеют об этом рве предание, что у одного хана дикие куланы увлекли сына в поле, где он пропал без вести.
47 Чтобы удержать куланов, когда они по//бегут обратно, он велел вырыть поперек степи ров. Но, вероятно, можно предположить, что это граница темучиновых улусов[16]. Около Копала, на р. Биень, есть старинная крепостца с гранитными столбами вокруг нее.

---

*[4] В Малороссии истуканы называются бабами, они также изображаются с подобными брусками и, как полагают, это книги. (Энциклопедический лексикон, т. IV). Но другие вероятнее называют это кувшинами. *(Примечание Валиханова)*.

ЗАМЕЧАНИЯ НА ТРЕТЬЮ ЧАСТЬ ОПИСАНИЯ КИРГИЗ-КАЗАЧЬИХ ОРД [А. И. ЛЕВШИНА]

229 // *На странице 9, внизу, в выноске,* слово акбура переведено неверно: акбура значит нелегченный*[1] белый верблюд, а не белый волк, что по-кайсакски будет акборе, или каскыр.

Стр. 11. Кайсаки ходжей не относят к белой кости, а уважают их наравне с султанами, как лиц духовных, строгих исполнителей предписаний шариата, и как потомков пророка. Вообще кайсаки очень уважают людей грамотных.

Стр. 31. Кроме сластолюбия, заставляет киргиз предпочитать калмычек своим женщинам еще то, что будто бы через сие смешение родятся хорошие дети.

Стр. 42. Кайсаки зимою для питья употребляют напиток, приготовленный из муки, разведенной горячею водою, сквашенной в кадушках, и именуемый коджою; для улучшения вкуса еще прибавляют молоко. Саумал есть не вполне скисшее кобылье молоко.

Стр. 47. Девушки прежних конусообразных шапок не носят теперь, а обвертывают голову разноцветными платками, опуская один конец на спину. Замужние женщины плетут волосы только в две косы, которые в концах соединяются и опускаются по спине.

229 об. // *Стр. 46.* Этот головной убор, называемый саукелою, женщины носят только в первое время после замужества, около года, а потом снимают и надевают только на больших праздниках и то в продолжение четырех или пяти лет.

Стр. 52. Два киргиз-кайсака, которых А. И. Левшин спрашивал: «Какой они веры?» — вероятно, [те] не вникнули как-нибудь в смысл вопроса и озадаченные новизною его не нашлись что отвечать, кроме легчайшего в подобных случаях: «Не знаю». Всякий кайсак знает, что он последователь Магомета и что он мусульманин; быть может, он не понимает смысла этого слова, но все-таки оно составляет его гордость перед иноверцами. С самого детства он то и дело слышит, что он мусульманин, а «все прочие, кроме мусульман, кафиры, осужденные богом на вечное

*[1] Т. е. некастрированный.

наказание на том свете». После этого можно ли допустить, что кайсак не знает своей веры?

Стр. 52 и 57. Шайтан есть олицетворение всех более или менее пагубных страстей в нас, управляющих почти всеми нашими поступками и до того сильных и властных над нами, что помраченный ими ум и волнуемый ими человек нередко впадает в самые ужасные грехи. Хотя преобладание сих страстей над на-
230 ми признает каждый // из нас, но мы не даем им никакого олицетворения, а кайсаки говорят, что это — шайтан — ослушник божьей воли и вечный враг мусульманства, который всякое мгновение старается совратить правоверного с пути истины.

Следовательно, они, кайсаки, никак не признают шайтана за божество, никогда ему не поклоняются и против нечистого его замысла всегда вооружаются различными молитвами. Для умилостивления его никакой жертвы ему не приносит и до того строги кайсаки в отношении к шайтану, что, даже бросая объедки и кости, они произносят «бисмилла», т. е. во имя бога, в той уверенности, что «бисмиллованные» кости не доступны злому и нечистому духу.

Стр. 65. А. Левшин слишком увлекся невежеством описываемого им народа, говоря, что колдовство, обман и ворожба составляют часть религии киргиз-кайсаков; они не суть части религии, а только суеверие, которое есть у народов всех вероисповеданий.

Кайсак верит колдовству, гаданию и прочим в одном случае: именно, когда предсказывают ему что-нибудь доброе или хорошее; поэтому он всегда предсказывает доброе, а как из тысячи предсказаний хоть одно да сбывается, то этим только и поддерживается значение колдунов, ворожеев и т. д.

Стр. 76. Чувствительность в кайсаках и участие, принимаемое ими в несчастии ближнего, стоят внимания и похвалы. Можно сказать, что это единственная добродетель, которую нужно искать в кайсаках. Участие сие видно из следующего: нищий, куда
230 об. бы он ни пришел, // в кибитку ли богача или в хижину бедняка — везде ему приют, везде выражают ему сострадательность и не только словом, но всегда чем-нибудь более или менее существенным; из кибитки первого выходит он с какою-нибудь да тряпицей, а у последнего напьется по крайней мере или наестся тем, чем тот богат. Словом, нигде и никогда не говорят ему и не отделываются от него голым пожеланием: *«бог подаст!».* Кроме врожденной чувствительности, кайсака заставляет быть сострадательным еще то понятное всякому опасение сегодня или завтра обнищать самому через баранту или падеж, столь частые в степи. Взаимная друг другу помощь, оказываемая кайсаками в последнем случае, достойна подражания и просвещенному европейцу. Потерпевшие от баранты или падежа пользуются неотъемлемым правом идти к другим своим родовичам со смелым требованием так называемого *жлу,* т. е. вспомоществования, следующего со всего благополучно пребывающего общества, которое

или из сострадания или побуждаемое каким-либо иным чувством действительно делает складчину в пользу первых. Короче сказать, право на требование *жлу* для кайсака столь же священно, сколь священно для него право на *кунакасы,* т. е. бесплатный обед или ужин, следующий всякому страннику.

Стр. 94. При обрезании родители назначают мальчику в его собственность некоторое количество скота, которое составляет его *инчу;* впрочем он при разделении наследства отца имеет право требовать себе часть наравне с прочими наследниками.

Стр. 98. Не совсем верны справки А. Левшина о ценности кайсакских жен, [которые]вызывают сказать ему в возражение, что величина калыма зависит и определяется богатством невесты или вообще большим или меньшим ее значением в свете, а не от того: первую или вторую жену берет кайсак.

اوراقننك جرلاغانى

ارتودا ارتو تاو كيلسه
اتان‌دا تارتار بوگلب،
الس تان قارا كورنسه
قراقولام جتار اوگلب،
جتايندیب اوتكلب
اچ مرالدای بوگلب
سول قرا قولاننك اوستونده
ایدونده اوراق سنده (اوراق)
ایردار كیتار چویلب.
عزرایل كیلگانده
چین اجالنك جیتكانده
اوجگتدار كيتارده سونده
بر چبندای جاندان تونكلب.
كوكتنك قوسى*[1] كوگاچین
كوبهراب اوچار جیم اوچون،
كوگالا قامقا جاملوب
اوراق جورتار*[2] مال اوچون.
تیم—تیم اوچون تیم اوچون
تینكزدار كیچتم مال اوچون،
تینكدار مینان كیم اوچون
كیم‌دار مینان تینك اوچون.
اویگه‌دا كیلب قراسام
تورت بورچن (بارلاسام)
قرادا سابام جوق اوچون،
قاتاردان كیلب قراسام
قاتاردان كوچیم كیم اوچون.
اویگه‌ده كیلب قورلاندوم

*[1] Вместо зачеркнутого ایردونكده جاسى
*[2] Вместо зачеркнутого ایردار

توزگەدە باروب زارلاندوم،
توردە تورغان ساى جيبە
سيلكب الوب بايلاندوم.
الستا جاتقان دوشماتنك
جيل جاغندان ايلاندوم.
سيركە ساندە قوستادوم،
تيل سارەنە بوستادوم.
قومغە بتكان قوبارچين
سيركە سان‌ننك جالە جوق
تيل سارننك قونكى جوق.
كيسوب الوب سال ايتدوم،
الستا جاتقان دوشپاننك
كوگا الەلە كوب جلقى
ايداب الوب مال ايتدوم.
جلقە اييا‌سى كيلماك جوق،
جلقى اييا‌سى كيلسەدە
بيلسەنسباي برماك جوق.
او جگتدار، (جگتدار)،
جالانكغاچ جوردە جاوغە چاب.
اوسناو اا جالغان دنيادا
اجال جيتماى اولماك جوق.
قانكلەدان التاو كيلدوم ديب
اوراقغە زورلق قيلماكز—
قايراتنە منگان سونك
بورەلا كيتسە جات بولار
قليچ چاپسە ميرت قيلار.
سويراى— سويراى كوچار گە
سويرو تاولار بولسە ايگە،
سويرو تاولار بولسەدە
اونان سويراب كوچرگە
سويرو اتان بولسە ايگە،
سويرو اتان بولسەدە
اوتنك باسين جيتالر
قويان قولتوق كيرما قاس
ارو چيچاى بولسە ايگە.
ارو چيچاى بولسەدە
سونكگولە اولدار توسە ايگە،
سونكگولە اولدار توسەدە
بيساو— التاو بولسە ايگە.
بيساو— التاو بولمەسە،

المانىك اغنىانده كوكى ايگه.
جالغزده توغان سوم باسم
بارومنان جوغم كوب ايگه.

قارا باترننك تولغاغنى:

مين تولغا ديسانك تولغاين،
اوراق سغان تولغاين.
قايغايداغه مجيد*3
وتير كمان كورجانه،
تيران بويله*4 ايستاكته،
مناراسى بيوك مسكوده،
اوزه توكته اوروسته،
باسى چوقته قالماقته،
چولدورلاگان چورچوتته
اوزمه قاراتدوم.
كاپر بولسانك اوق اتتوم
مسلمان بولسانك جان تارتدوم.
اون ايكه جاسقه كيلگانده
اوچار جويروك جاروب
اون سان قولغا باش بولدوم.
اون سكز جاسقه كيلگانده
ايسان اوله بولايداى،
ايسكه اوله جولايداى
قرا باتر اتومده انكراتدوم،
اغتقان قويداى مانكراتدوم.
تورده جاتقان اوراقده
اوكبه‌گه تيوب اوياتدوم.
الهنك اوله اى اوراق
قايداردا قايده جوروب تينكلدونك.

اوراقننك تولغاغنى

مين تولغان ديسانك تولغاين
قرا باتر سغان تولغاين.
مين سيننك توب توبنكده ايتاين.
سين مشاقر ديگان شهردين
ازوپ چققان يالغز اويلى سارب‌ايدونك،

---

*3 По-видимому, تجيك — таджик.

*4 Описка, следует تيراك بويلى — высокий, как тополь, башкир.

اکنك قرا کیسه‌ده
اس برگاننك قولی ایده،
چیچاتك قرا کیسه‌ده
مال برگاننك کونکی ایده.
قرا قولام جالسز، ایر مالسز،
الله‌ننك قایراننان
مال برار کونی بولجالسز.
قرا قولام جالده جابلر،
ایزدیسه اوراق سنده میرزاغه
دوشپاننك مالی تابلر.
قرا قولام جالی چینگالده
ایدونده توغان اوراقغه
ماتروشکه قلننك بالاسی
مالی منان تینك گالده.
بای بالاسی بایغه اوسار،
بایلانمغان تایغه اوسار،
قل بالاسی قلغه اوسار
قلاغن کیسکان ایتکا اوسار.
بوگوندین سونك بو توینك
ایرلداسقان ایتکه اوسار.

قیلچین ماقتاب بر سباغه قیلغانی،

سول کومرون جاغزده
سونده (سیکسان) سیکرت مویغان.
باسونه چیدامای بالواندار جیلغان،
تویتارونه چیدامای
توقسان سیکرت مویغان.
سوارونه چیدامای
ایدون کولدار قورغان.
ایدونینه چیدامای
ای بولتقه سینغان،
کورونه چیدامای
کوز قاباقغه سیینغان.
قینغه سالسه قیلت ایتکان،
سوروب السه جیت ایتکان
ساغه‌سی التون نور بولات.
او جگتتار، جگتتار،
بول سوزمده بلنکز—
جالغزده توغان اوراقغه
مونه‌ده بر سباغه قیلنکز.

ПЕСНИ УРАКА[1][*1]

Через высокие, высокие горы верблюд пройдет принатужась.
До дальней точки добежит быстро Каракула[2] мой, подобно тощему оленю, расстилаясь и изгибаясь;
На этом-то Каракуле понесется богатырь, подобный грозному Ураку.
Когда придет Азраил[3], когда настанет час смерти, о молодцы! оставит тогда Вас единая пылинка — душа.
Птица божья — голубь, по высоте небесной парит для пищи;
Полосатую цветную камку[*2] накинув, рыщут храбрые за добычей;
Вот почему, почему تم تم اوچون تم اوچون через моря бродил[*3]
По морям бродил, я, ища добычи.
Был равен я с низшими себе, не равен с равными себе.
Смотрел ли я в свою юрту, нет у меня ее украшения, полной черной сабы с кумысом.
Посмотрел ли на длинные ряды[*4] в кочевке: не видел я своих рядов.
Сидел я дома не печален, выходил на свет я угрюм.
Тогда-то снял я меч обоюдоострый, висевший в юрте, встряхнулся и опоясался;
Серкесана взял в повод и Тельсары[4] тоже.
Серкесан мой не в теле, Тельсары мой без икр.
25 Нарезав [кубарчина], на // песке растущего, я сделал себе плот и перешел большую реку.
И дальнего врага против ветра обходил, и у дальнего врага, угнав огромные многопегие стада, сделал свое богатство.
Владельцам стада нет прихода, если бы и пришли, без драки нет отдачи [скота].
О! Молодцы, молодцы! нагие отправляйтесь в наезды;
В этом обманчивом мире до предопределения нет смерти.

---

*[1] Заголовок дается по казахскому оригиналу: اوراقننك جرلاغـــانى

*[2] *Камка* — шелковая ткань с рисунком в виде разводов.

*[3] Метофорическое выражение море печали. *(Примечание Валиханова)*.

*[4] Длинные ряды верблюдов. *(Примечание Валиханова)*.

* * *

[Не пугайте], что Вас из канклинцев шесть,
Не делайте насилие Ураку:
Если он раз войдет в гнев,— он бешен,
Вынет он саблю — смерть повсюду.

* * *

Чтобы, длинно извиваясь, кочевать, хорошо, если есть высокие хребты гор. Если есть высокие горы, хорошо, чтобы по ним тянулась волнующаяся цепь верблюдов; чтобы вести волнующуюся цепь, хорошо, если есть старушка-мать; если она есть, хорошо, если есть дети копьеносцы; если есть дети копьеносцы, хорошо, если их пять или шесть, если нет того, то лучше, когда нет плода, нежели зелень[5]. О! Лучше б было единородная моя, злосчастная голова не была бы вовсе на свете[6].

* * *

26 об. || Карабатыр говорит[7]

Если хочешь, то буду говорить я и скажу тебе, Урак: 1. О далеких маджид*5 и торкоманах*6 и грузинах; 2. Глубоко лежащих башкирцах*7; 3. Высокобашенной Москве; 4. Мохнаторотых русских; 5. Хохлатоголовых калмыках; 6. Дикоговорящих чурчутах[8]— я одному себе обратил[9]. Если ты неверный,— стрелы обращаю, м-лим*8,— душу мою к тебе располагаю. Когда мне было 12 лет, стрел-бегунцами владел, десять тысяч рати я был голова. 18 лет когда мне было (подобно Булаю, сыну Есена, подобно Джолаю, сыну Эсеке), имя Карабатыра повсюду пустил и славил; подобно баранам после доения, заставил блеять (и тогда) беспечно лежащего Урака, под пояс пнувши, разбудил; Сын Алия Урак! Когда и где будучи со мной был равен?

Ответ Урака*9

Я, если хочешь, скажу, Карабатыр, тебе, скажу я твой корень и происхождение скажу. Ты был из города Машакр, выбежавший единодомный выходец (сарт). Отец твой был простой человек, хоть давшего был слуга*10, мать твоя была простая бедная

---

*5 В казахском оригинале: مجيد , вероятно, надо читать: تجيك таджик.

*6 То есть туркменах.

*7 В казахском оригинале: تيران بويلى — описка; следует تيراكبويلى — высокий, как тополь, башкир.

*8 То есть муслим, мусульманин.

*9 Подзаголовок в казахском тексте: اوراقننكتولغاغنى

*10 В смысле: жил на подачках.

женщина и рабыня всякого, давшего деньги. Каракула мой без холки, не в теле и молодец без скота — богатства. Но божия милость велика, день когда дает мне богатство,— неизвестно. Но дни божия || (может) Каракула [мой] будет в теле. Если (захочет) поищет, мирзе, подобному Ураку, вражие табуны найдутся. [У моего] Каракула холка с горсть, грознородившемуся Ураку. Раба Матрушки сын через скот свой сравнялся. Сын богача на богача похож, на невязанного жеребенка похож, раба сын на раба схож, на собаку с отрезанными ушами схож. После этого дня этот праздник твой на драку собак будет схож.

Хвалебные песни своей сабле

При зажигании угля 80 учеников устали*[11]. Для раздувания [меха] богатыри собирались. Ковку не выдержав, 90 учеников измучились. При погружении [закалке] и огромные озера иссушились. От блеска его луна за тучи укрылась и глаза под веки бежали. В ножны — гром, вынул — молния. Золото — эфесный сверкающий булат. О! Молодцы, молодцы, в эти слова вникните и единорожденного Урака в товарищи примите*[12].

*[11] Точнее: *умаялись, выбились из сил (молыған).*
*[12] Точнее: *и единорожденному Ураку их посвятите.*

ТЕНКРИ (БОГ)

199 || Огонь почитается за аулие (святой) ... Проклятие ...*[1] В огонь нельзя плевать, нельзя наступать на очаг. Невеста, поступая в новое семейство, должна войти в юрту отца [мужа], принести в жертву огня ложку масла*[2], делает салем (преклонение колена) и бьет головой (падает навзничь), приговаривая: «аруах разы болсын» — аруах (дух предков), будь доволен! Во время горения жертвы мать или кто-нибудь из женщин, нагревая ладонь на огне, водит по лицу новобрачной, и новобрачная отдает в честь огня халат, который берет хозяин (отец мужа) юрты, как владелец очага, и заставляет ее сесть на баранью шкуру, говоря при этом: будь мягка, как кожа. Для того, чтобы дать джан*[3] (присягу), разводят в двух местах огонь, проводят между этих двух огней и заставляют целовать дуло ружья, из которого убит человек[1].

Лечат огнем так: из семи частей тела скота вырезывают куски, бросают в огонь и греют больное место (преимущественно в ревматизмах). Очищают от болезни в этом жертвенном огне, бросают в огонь жестяной ковш, раскаляют его до красна, потом кладут в него масло и синюю тряпку; когда это загорит, то подносят его под самый нос больного и наливают холодную воду — выходит ужасный пар. Способ лечения называется джелаушук*[4].

Когда увидят новую луну, то три раза прискакивают и три раза делают поклон, потом срывают траву и, принеся домой, бросают в огонь.

199 об. || А р в а х — дух предков, во всех трудных житейских случаях обращаются к ним, говоря: «аруахи, держите меня за руку и поддерживайте под мышки»*[5] и приносят жертву; из коров, такую корову: с рогами наподобие луны и копытами наподобие аша*[6] (юрту поддерживает); из баранов — белого с полоской на

---

*[1] В рукописи оставлено место, очевидно, для казахского слова *қарғыс* — проклятие.

*[2] По-казахски: *Отқа, май құю.*

*[3] То есть *жан беру* — принять присягу, клясться душой.

*[4] Искажение переписчика, точнее: *джелушик* — заклинание ветром.

*[5] По-казахски: Аруақ қолдай көр, қолтығымнан жебей көр.

*[6] Ай мүйізді, аша тұяқты.

лбу[*7] и белого с желтой головой[*8], синего барана с ушами наподобие баурсаков — с раздвоенными ушами и двумя зубами, и совершенно белого, как снег, с полоской на лбу — и также первенца в стаде. Если пожалеют первенца[*9], то вымазывают слюной обещанного животного голову другого барана и приносят в жертву. Когда умирает человек, то его аруаху — духу — зажигают по одной свечке каждый день до сорокового дня, или только четыре дня. Свечи ставят у право[й стороны] порога. Потому [что] полагают, что до сорока дней дух умершего посещает свою юрту и узнает о расположении детей; для того каждый день до зажжения свечи в сумерки отворяют дверь, наполняют одну чашку кумысом и в дверях постилают белую кошму, готовят прием для покойника. Все присутствующие в юрте, прочитав коран, выставляют чашку аруаху и зажигают свечку.

При выносе покойника говорят: «от бога целым телом далек» и обводят около него домашнюю утварь, съестное[2].

Земля не имеет почтения, не ходят по месту, где была стоянка аула, почитая его местом сбирания духов, боясь арвахов, и вообще болезни ревматизма, которые приписывают неосторожному похождению. Только не рвут первую траву.

Звезды почитают душами людей, если видят падение звезд, то
200 говорят: «моя || звездочка стоит еще!» и делают два раза воздушное [движение], думая, что одна душа ...[*10] и, следовательно, индивидуум должен умереть. Часто приходится слышать [от] отца при входе его вечером в юрту: «Сегодня двое должны умереть». «Как?— Две звезды пали».

Все необыкновенные явления природы считают за места священные, освященные пребыванием аулии (мухаммеданского [святого]); все курганы называются о б а, что значит к у ч а. Дерево, одиноко растущее в степи, или уродливое растение с необыкновенно кривыми ветвями служат предметом поклонения и ночевок. Каждый, проезжая, навязывает на это дерево куски от платья, тряпки, бросает чашки, приносит [в] жертву животных или же навязывает гриву лошадей.

Соленое озеро тоже называется к е н, место, куда брошен взгляд аруахов или аулие.

Вообще скот, как единственное средство народа, ведет к разным поклонениям к нему: не наступают на кости животных; если прольется молоко, киргиз все [очищает], чтобы не оставить их [в осквернении][*11] и чтобы умилостивить..., делая крест и поклон[*12]..., [поднося] правую руку к лбу, подбородку, правому

---

*7 Бозқасқа.

*8 Ақсарбас.

*9 Тұмса мал.

*10 В рукописи оставлено место, очевидно, для казахского выражения *жан біреу-ақ*.

*11 Кесір.

*12 Тәу ету.

плечу, потом левому. То же делают, когда переходят через конские джели, говоря, что джели имеют кие и делают таут*[13]...
200 об. Если увидят кузнечную наковальню, || то тотчас подходят и делают крест. Не переходят через укрюк, топор и бакан*[14], говоря: переступивший через бакан не разбогатеет*[15], переступивший через топор никогда не будет довольствоваться*[16] ...лошади*[17], верблюды, бараны, коровы. Последнее животное, если попадается ночью, то киргиз должен ударить плетью, ибо это есть седалище злых духов. Козы также не уважаются. Если животное имеет какую-нибудь особенность, то его называют аулие*[18] и почитают выражениями счастья; лошади с гнездами на гривах и хвостах, которые делают, по понятиям киргиз, злые духи-шайтаны, почитаются также за предмет счастья, таких животных никому не отдают: «счастье уйдет»*[19], если отдают — только берут так называемый слекей — слюну. Например, у лошадей вырывают клочок гривы, ослюнивают в слюне животного и кладут в калту*[20]. Не стреляют лебедей, боясь кие, и называют его*[21] царем птиц. Не бьют сову, филина, дятла, коккарга (синяя ворона) и кукушку. Последнее был человек. Приехал жених, у него потерялась лошадь, сестра невесты отправилась в поиски и второпях надела один сапог жениха, другой свой; это было весной, вот отчего у кукушки одна нога красная, другая синяя и вот почему кричат аты жок көкек*[22] (нет лошади, ку-ку). Кукушка имеет хасиет (священное). Берут ветку, на которой сидела кукушка, и бросают в сабу с молоком*[23], говорят, что даст обильное масло.

203 || Мухаммеданская вера..., [соединяя с] единобожием веру в танкриев и допуская существования бесплотных душ, джин, периев и шайтанов, не могла уничтожить злых духов шаманских. Пери бывают мусульмане и кафиры; неверные пери всегда делают зло и бывают в образе коршунов, орлов; вторые делают зло тогда, когда человек сам [провинится], они кочуют, как киргизы, делают так и... бывших в их аулах.

Джин — это дух, к которому обращаются баксы, это бес, который имеет свои имена; они бывают мужчины и женщины,

---

*13 От казахского: *тәу ету* — народный обряд посвящения или предназначения (жеребенка, коня и т. п.).

*14 Бакан подпирает чангарак — круглый свод (юрты). *(Примечание Валиханова)*.

*15 По-казахски: Бақан аттаған байымайды.

*16 Балта басқан жарымайды.

*17 На полях карандашная пометка: *джилки аулие* (лошади святые).

*18 Собственно: *құт* — счастье.

*19 Құт кетеді.

*20 То есть в карман.

*21 То есть лебедя.

*22 Аты жок көкек — удод (буквально: безымянная кукушка).

*23 Предназначенное для масла и сырников. Это молоко называется эркыт. (Іркіт). *(Примечание Валиханова)*.

молодые и старые, и, по уверению баксов и народа, они имеют образ человеческий, об них скажем в статье о баксах.

Албасты — дух, вредящий при родах. Их называют также джезтырнак — с медными когтями. Их глава — сорель*[24], вышины 3 сажени, небольшая грудь, а остальное все ноги, копыта очень тонкие.

Болезни у мусульман назыв[аются] джин. Он имеет вид рослой девки, с распущенными волосами, с грудями такой величины, что всегда бросает на плечи.

Сорель — это леший, по некоторым сказкам муж албасты; по некоторым сказкам он принимает всевозможные формы; говорят, что он живет в дремучих лесах, имеет вид человека; обыкновенное человеческое туловище его так длинно, что он бывает равен с лесом. Убивает человека, измучив еще щекотаньем, это — русский леший.

203 об. Кон-аяк — это человек, вместо ног имеет ремни, живет в лесах и [на]островах. || Призвав неосторожного путешественника, садится на него, обвязывает его ремнями и ездит на нем до тех пор, пока [тот], выбившись из сил, не падет.

Джезтырнак — медные когти. Это дух в образе женщины, живет также в лесах. Предание о джезтырнаках.

В сказках существуют людоеды: предание о Батыр-хане. При рождении дитяти бросают жертву в огонь, бросают сало, говоря: «у белого верблюда брюхо распоролось»*[25].

Если человек умрет в походе, то весь отряд, подъезжая к аулу с криком ой баурум (о, мой родственник, баурум [моя] печень), устремляется на юрту и начинает стрелять, колоть копьями и рубить дерево юрты[3] (босаги-косяки).

Есть жертва круговая — айналмак, жертва три раза обходит существо*[26], для которого люди [это] делают. Так, схватывают птицу, окружают три раза вокруг головы и отпускают. Она берет все мое несчастье и болезни на себя. Человек, делая то же, принимает и предлагает себя духам. Для выражения любви они говорят айналаин — обойду вокруг. Нежная мать говорит любимому сыну: айналаин карагым (зрачок), шырагым (светильник), т. е. обойду вокруг зрачок, светильник [мой].

204 || Все предсказатели у киргиз называются баксы*[27]..., и все предсказания свои они говорят от лица своих духов, которых они, применяясь к настоящему мусульманству, называют персте*[28]— ангелами, а народ, как правоверные, хотя и не верует в священность их... и хотя называет их джинами, но верует в их могущество, в могущество творить зло,— следовательно, все

---

*[24] Мифическое существо, обитающее на высоких деревьях.

*[25] По-казахски: «ақ түйенің қарны жарылды».

*[26] В частности, тяжелобольного.

*[27] Иногда: *бакшы*. В тексте далее оставлено место, очевидно, для слова *бақсы* в арабской транскрипции.

*[28] То же: *перште*.

болезни и напасти суть влияние и порча духов; а баксы, их любимцы, могут упросить своих патронов оставить особу, которую он берет под свое покровительство. Впрочем, много еще таких, которые безусловно верят в сверхъестественность и божественность баксыев. Духи эти бывают... великие, средние и мелкие, отчего баксы... и их силы бывают разные. Великие лечат всех больных..., режут животы, помогают при родах, заставляя своего духа угнать албасты, гадают, призывая духа своего игрою. Признаки большого баксы суть следующие: во время игры кладет саблю в живот, впускает до эфеса в горло, лижет раскаленное железо, бьет из всей силы себя в грудь топором, и все это сопровождается игрою на кобызе, инструменте, принадлежавшем
204 об. аулие Коркоту, и || пением, которое называется сарн. Игра — это призывание духов, кличка*[29] их; во время игры [баксы] все более и более дуреет, делается неистовее и падает. Через несколько времени он встает и говорит то, что сказал ему во время этого обморока его дух... Это — пророчество. У некоторых [баксы] еще во время игры [по]являются на лбу, на щеках железные иглы и на руках вместо ногтей — ножи. Духи эти имеют имена, как отдельные индивидуумы повсюду и представляются своим баксыям в виде бабы, стариков, ходжей и девок — сары кыз — желтая девка.

Гадатели. Все баксы суть гадатели на собственном их способе гадания — игрой с плетью, держа ее между двух пальцев... равновесия.

Женщины, имеющие духов, называются ильты*[30]. Это тоже баксы.

Гадатели: джаурунчи[4] — по бараньей лопатке, кумалакчи[5] — раскладывают известным образом круглые шарики. Число шариков — сорок один. Эти два рода общеупотребительные. Шарики, говорят, употреблял пророк Даниил[6] (Даниер). Первое основывается на наблюдениях линий, которые образуются от линий при ее обжигании. Баксы говорят, что лопатка всегда показывает полную судьбу семи народов: смерть царей этих народов, смерть людей... и судьбы путешественников.

201 Сильные те, которые гадают по необожженной лопатке. || Для гадания употребляется лопатка; выварив, мясо съедают, но до кости не должно касаться зубами; когда бросают в огонь, то около не должно быть железа. Анекдот о предсказании одного кумалакчи и об объяснении джаурунчи.

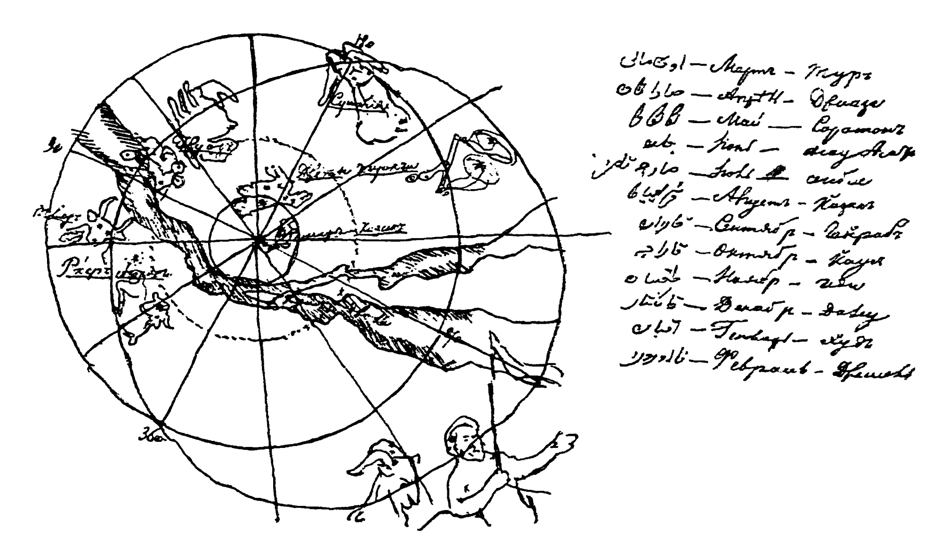
Ильты гадают обыкновенно по цвету пламени, бросая в огонь жир: если горит светло — значит предзнаменование хорошее, темно и красно — нехорошо. При этом джин требует какой-ни-

*[29] То есть выкликание.

*[30] Ильты — состояние полного опьянения или экстаза. Происходит от казахского слова елту — опьянеть (от курения гашиша или опиума).

будь эксцентричности от бакши. Она все время пьет воду — ведро, или [употребляет] целый рот табаку[7].

Предсказатели метеорологии называются и с е б ч и — числитель. По их мнению, и погода имеет известный оборот, смотря по созвездию: так, берут всегда з а а л ь ф у с а р а т а н, апрель, и созвездие д ж а у з а (рак), его первое число соответ-



Зодиакальный знак казахского народного календаря. *Рис. Ч. Валиханова.*

ствует первому числу месяца к а р а ч а (октябрь) и созвездию к а у с (август).

Из баксыев прославились баганалинец К о й л у б а й, это патрон всех баксы. Еще Б а л а к а й, баганалинец, и в настоящее время в Кокчетавском округе баксы Чумен. Кокаман и Ир-Чойлан — это его духи. Ир-Чойлан, главный Надыр-Чулак. Рассказывают, что он [Койлубай] на одну байгу поставил свой кобыз, предварительно с места приказал его привязать. Когда показалась далекая пыль байги, Койлубай с саблею в руках на-
201 об. чал свою игру и пение с а р н, || вдруг со стороны байги показался страшный ураган и подул порывистый красный ветер, наконец, в хаосе пыли и тьмы показались первые лошади и впереди саксауловое дерево с огромным корнем, задевая то одним концом, то другим землю и волоча за собой длинный аркан. Это был кобыз Койлубая. Ветер и ураган это были силы его духа Кокамана. Приз был получен.

Ни один дух баксы из албасты, давителя при родах, не имел власти [при присутствии] Койлубая: для албасты следовало Койлубаю послать только плеть или шапку, тотчас [албасты] оставлял. В народе до сих пор есть сказание об одном случае,

когда на лбу [Койлубая] появились морщины...*[31] Глава духов его из периев был Надыр-Чулак, из джинов— Кокаман и из шайтанов — храбрый Чойлан. Духов своих он держал в строгом порядке: они составляли три куряна*[32] и по его требованию обязаны были выставить хорошо вооруженный отряд.

Все это сказание из уст народа.

Однажды во сне по обыкновению с докладом будущего явился Надыр-Чулак, глава периев, и объявил ему, что через несколько дней при родах одной женщины будет сам царь албастыев и советовал ему туда не ездить, говоря, что уже довольно мы восстановили на себя собрание духов ради прихотей челове-
202 ка. || Вставший наутро Койлубай, при разговоре сообщил поверхностное замечание, что на днях будут страшные роды. Действительно, через два дня явился гонец от такого-то бия, прося помощи Койлубая. Все киргизы были уверены, что пока есть Койлубай они защищены от всех напастей, кроме смерти, тагдыра (судьбы) и гонец явился очень веселый, в полной надежде на могущество Койлубая. Не ехать — значит потерять авторитет и показать свое бессилие против таких ничтожных чертей, каковы албасты, ехать — значит не уважать просьбы и советов Надыра и рисковать собой. Но честолюбие, великий двигатель народа киргизского, взяло верх. Койлубай отправился в путь, отпустил гонца вперед и приказал ему собрать двести человек около юрты больной, отворить в юрте двери и тюндук (верх юрты). Два вторых куряна в полном вооружении под начальством Кокамана и Чойлана, при нем Надыра не было: он был оскорблен и не поехал. Подъезжая к юрте, поднял гвалт и, размахивая саблей, въехал в юрту, и устремил глаза, полные гнева и бесстрашия, на чанарак юрты, размахнул саблей, сабля ударилась обо что-то, звон был металлический... Койлубай крикнул и упал бездыханный с лошади, терзаемый ужасными конвульсиями. Изо рта и ушей струилась черная запекшаяся кровь. Больная, лежавшая
202 об. прежде в самоунынии, || упала в обморок. Когда Койлубай увидел на чанараке царя албастыев, на черной, как черный бархат, закованного с головы до ног в синее железо, [с] одним глазом, огромным, как чашка для кумысу, торчавшим на средине широкого лба,— он злобно улыбался на Койлубая и говорит: «Тебя мы уважали и дали много, но дай же хоть раз нам» — и в руках держал огромное красное знамя — атрибут своей победы. Металлический звон был звоном его панциря, он победил Койлубая.

Народ был в ужасе: Койлубай лежал, как издохшая лошадь среди степи, в юрте; какой-то туман покрывал юрты, и страшный сверхъестественный шум и гул смущали души людей. Это

---

*[31] В рукописи оставлено место, очевидно, для казахских слов *маңдайды тыжырылып*.

*[32] Собственно, *курен* — войско, дружина.

была ужасная битва между курянами духов койлубаевских и одноглазым царем албастыев[8]. Черный скакун игриво вертелся под духом, и он твердо стоял на своем месте. Вдруг вдали подул страшный ветер, огромная черная туча с страшным громом, с ужасной быстротой неслась по воздуху и над юртой вдруг спустилась: мрак покрыл воздух, шум усилился, раздался треск, туча быстро направилась на запад. Это был Надыр-Чулак, он не мог перенести беду своего любимца, с отборной дружиной, с коротким сосновым копьем, грудоломом явился и вонзил копье в самую грудь одноглазого шайтана. Албасты бежали. Лишь только прояснилась туча, Койлубай вскочил с места, крича: «Айналаин (буду кружиться) Надыр-Чулак, я твоя жертва!» — Схватил кобыз, начал играть, крича во все горло: «Схвати его живого и приведи его ко мне». Больная тоже вошла в себя: «Иншаллах, тауба» (слава богу, прости, боже!). Албасты были разбиты наголову, царь их полонен и связанный представлен к Койлубаю: его приняли в службу, назначив начальником албасты.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ О БАТЫРАХ XVIII в.

1. Аблай-хан[1], в одном набеге на джунгаров[2] отправил вперед для разведывания 1000 ч[еловек], разделив на два отряда под начальством двух храбрых батыров: карабужур канджигалинца Джанатая[3] и из того же рода Богенбая[4]—старшего*[1]. Батыры долго не возвращались; Аблай начал беспокоиться не на шутку; о судьбе этих батыров спросил у барда (певца) своего Бухар-джирау[5], «Что сделалось с моими молодцами и отчего они так долго не возвращаются?» Бухар отвечал:

«Джанатай пройдет через Талкын,[6] Богенбай пройдет Кульджаном[7]. А Хан-Баба[8] назад прибежит. У Джанатаева Талкына проходы тесны и опасны». Джанатай мой в беду попался, думает Аблай. «Джанатай пойдет, пройдет в улусы и возьмет, от края оторвет. Джанатаем взятую белолицую девицу хан Аблай-султан да возьмет». Сам Аблай говорит, что только однажды, именно тогда, когда сбылось это предсказание, ему казалось, что от радости макушка его задевает небо*[2].

2. Однажды Аблай должен был ретироваться от отряда китайцев и был ужасно печален и сердит, зная, какое может иметь влияние на легкомысленных киргиз эта маленькая неудача. Тогда один из бардов его Татикара-джирау[9], для одобрения*[3] бегущих кайсаков и для самого Аблая пел так:

«Бежавшие китайцы снова начали движение, натянулась тетива из куланьева хребта. Крепкореберный и ширококожелудочный Аблай, перенеси это одно дельце. У врага-китайца клячи как копчик изловчились, нет — хан Аблай не бежал, нехорошее слово «бежал»,— он двигался только косо. Басентинец Серымбет[10], стрелы бросая, бился. Не ищи ума при бегстве! Нет хладнокровия при торопливости! Баян[11] уаковцев*[4], да мы и это видели! Когда он, поворачиваясь назад, копьем работал».

---

*[1] В смысле старейшего в народе.

*[2] Задевать небо —«тубеси-кокке жетер»— выражение, означающее верх радости, чести и славы. *(Примечание Валиханова).*

*[3] Искажение переписчика, следует: *ободрения.*

*[4] Это любимец Аблая и первый храбрец того времени. Родом был из рода уак-кирей и был убит в одном из набегов на калмыков с братом своим батыром Сары: отчего часто называют их вместе Сары-Баян. *(Примечание Валиханова).*

3. Аблай собирал народ, чтобы предать на разграбление (чапу)*[5] аул одного уйсунского бия Эрденэ-батыра за какой-то относительно его проступок. Хан был на этот раз [так] недоступен, что никто не решался вымолвить словечко в пользу виновного, тогда по просьбе народа Бухар-певец решился и затрубил так:

«О Аблай! Аблай! Подобно ари и гури*[6] возносится и соперничает с горами твоя слава; не помещаются в пяти воротах отпущенники-рабы твои*[7]. Перейдите за Алатау, потушите гнев, если потушите, то не придет ли с 80 вьюками вещей*[8] Эрденэ называемый, твой пестрохалаточный раб».

4. По преданию, Аблай, выехавший из Туркестана в степь к Абулмамет[12]-хану, как к самому близкому родственнику, приехал с дядькой своим Уразом на одной лошади и обстоятельства заставили его жить несколько времени инкогнито у одного богатого киргиза караульского рода, отделения якшилык Даулетбая, где он, как говорят некоторые, был при табуне лошадей. Жена Даулетбая не без удивления заметила, что молодой иностранец никогда не просит пищи, пока не дадут, и что тогда берет очень неохотно; а из нечистых чашек совершенно не пьет. Это совершенно не киргизское поведение: эксцентричность обратила внимание хозяина, который тогда через расспросы у Ураза узнал о его происхождении, тотчас увез его к хану Абулмаммету, одарив его лучшею лошадью из табуна. Этот-то выбранный конь был тот знаменитый Чалкуйрук (пламя-хвост), первый сподвижник похода молодого султана, Чалкуйрук, на котором Аблай составил себе имя батыра и уважение киргиз.

5. Плен Аблая у Галдан-Черена[13]. В одном из нашествий джунгаров на киргиз Аблай убил на единоборстве сына Галданова Чарча. Галдан, узнав о смерти любимого сына своего, приказал виновника его, кто бы он ни был, где бы он ни находился, схватить.

Калмыки, посланные для сего, настигли его врасплох на охоте, схватили с несколькими биями, с знаменитым батыром Худайберды атыгаевского рода Джапеком*[9] и привели к Галдану.

На вопрос, где ты убил моего сына, Аблай отвечал: обвинение пало на меня, а был убит народом, через меня исполнилась воля народа над сыном твоим Чарчем. Галдан был так доволен этим ответом, что несколько раз повторил: мӧн, мӧн, остановил палачей и велел запереть в юрту и иметь строгий

---

*[5] Собственно: *шабу* — нападение, атака.

*[6] *Ари и гури* — сфера абсолютного пространства, что за 7-м небом. *(Примечание Валиханова).*

*[7] Отпущение рабов есть на востоке одна из первых добродетелей и есть первый признак великодушия. *(Примечание Валиханова).*

*[8] Штрафу (аиб). *(Примечание Валиханова).*

*[9] Искажение переписчика, следует: *Джапаком.*

надзор. Тогда-то начались мучения Аблая: мать Чарча каждый день ходила смотреть на убийцу сына казаков (киргизов), каждый день исправно мучила их угрозами и проклятиями, отпускала изрядную порцию энергического проклятия, сопровождала их не менее энергическими жестами и приговаривала: «Как ты мог убить его? Разве можно было убить его?» Аблай не вытерпел и однажды, когда по обыкновению после предварительных сентенций, [она], скрежеща зубами, поднесла кулак свой к его лицу, сделала обычный свой вопрос, он отвечал: «Где не умирал такой блудный раб, как твой сын, старая калмычка!». Она бросилась к мужу, требуя смерти дерзкого казака, и Галдан, боясь чтобы она в самом деле не убила бы Аблая, отпустил его[14] и Джапака-батыра, взяв в аманаты (заложник) сына последнего, который по ловкости своей на охоте и храбрости прослыл под именем Рыжего киргиза (Сары-казака)[15].

6. Когда спросили у Аблая, кого он из батыров более уважает из всех 3 орд, он отвечал: «Из предшествовавших мне мужей двое заслуживают удивления: Казыбек[16] каракесековец, который возвратил от Галдана 90 своих пленных, и Дерпсалы уаковец, также возвративший своих пленных. Первый взял просьбой и был сам у Галдана, а последний устрашил врага, сидя в своем ауле. Из моих батыров басентинец Малайсары[17] по богатству, храбрости и по характеру и уаковец Баян по уму и храбрости стоят выше всех».

7. Байгозы[18] батыр тарактинец. Во время преследования торгоутов[19], бежавших из России, киргизы расположились на бивак, варили в своих походных котлах сушеное конское мясо, разводили в турсуках курт с водой; словом завтракали и подкреплялись на целый день. В палатке сидел Аблай и в другой Джаныбек[20] батыр чакчаковец — аргын, известный по своей чрезвычайной гордости. Батыр сидел молча и курил табак, тогда молодой киргиз дерзко подъехал к его палатке и, с лошади протягивая руку, сказал: «Джаныбек-батыр, дай-ка трубку!» Джаныбек не обратил на него внимания и, чтобы показать совершенное презрение, с достоинством выколотил трубку о каблуки своих красных сапогов, бережно и медленно положил в свою калту (карман). Скоро хан снялся с поля, и каждый род сгруппировался под своим значком, выехали вперед батыры в кольчугах, в шлемах с перьями, с луками и стрелами, подошли к хану и образовали тоже кружок. Так вели совет: решено сделать нападение на неприятеля, хотя и в превосходном числе. Для расследования решено было послать караул, вызывали охотников, первый вышел тот молодой человек, который просил трубку у Джаныбека. На вопрос Джаныбека-батыра у посланных после возвращения их с разъезда*[10], тот же молодой киргиз отвечал: «Не много и не мало». Бой начался, калмыков

*[10] Очевидно, пропущен сам вопрос: «Много ли врагов?»

было 10 тысяч; киргизы потерпели ужасный урон, наконец не выдержали и бросились бежать. Впереди всех один высокий калмык на черной, как ночь, лошади с знаменем в руке вбивался в ряды киргиз, сбросил многих с седла. Джаныбек находился при этой ретираде, кажется, в доброй среде бежавших, но говорил громко: «Жаль, что не родилось ни одного киргиза, который мог бы убить этого болвана*[11]». Тогда наш знакомец, тот молодой человек, о котором мы уже говорили, выехал вперед, обернулся, натянул стрелу; тетива взвизгнула, калмык закачался на лошади и упал, стрела завязла в щелку (?) и пошла зигзагами. Молодой батыр был так недоволен, что стрела его пошла не прямо, проговорил: «Этот, кажется, был в шкуре самого аллаха». Смерть знаменосца произвела смятение в рядах неприятеля. Киргизы воспользовались, ударили назад и обратили калмыков в бегство и таким образом вырвали победу из рук неприятеля. Тогда Байгозы (это было имя молодого человека), закурив трубку и подходя к Джаныбаю*[12]-батыру, сказал: «Батыр, вот время, когда можно курить». Так начал свое батырство Байгозы тарактинец, и с этого времени все узнали его имя.

8. Балталинец Уразумбет[21]-батыр славился удивительною ловкостью и быстротою действия. Баенбай*[13]-батыр [бага]налинец рассказывал, что ему однажды случилось быть вместе с Уразумбетом: ночью поехали они на аул калмыков из 8 юрт; они решились напасть — сказано и сделано; пока он, Баянбай, успел перебить калмыков в двух юртах, как явился Уразумбет-батыр, объявил, что он доканал всех. Он получил двойную добычу.

9. В одной из пещер в степи засели калмыки. У входа сидел один стрелок с знаменитым тогда корама[22] черным ружьем (калмык из него стрелял сайг через Иртыш); после смерти нескольких смельчаков, никто из батыров не смел идти. Вдруг выезжает на буланой лошадке сыргелинец Ильчибек[23]-батыр и отправляется на калмыка мелкой рысцой. Все ожидают с трепетом, что он сейчас падет. Ильчибек, доехав таким образом довольно близко, вдруг устремился, калмык приложил фитиль — осечка и не успел приложить еще раз, как был изрублен батыром.

Когда его спрашивали о причине того, что он ехал все рысью, он отвечал: «Калмык хотел моей лошади и дожидался, чтобы я подъехал ближе, я же рассчитывал, что пока я буду ехать, на фитиле образуется большой нагар и после даст осечку». У киргиз вошло в пословицу — фитиль с нагаром курунова*[14] черного ружья.

---

*[11] Правильно: *балуан* — силач.

*[12] То есть к Джаныбеку.

*[13] Точнее: *Баянбай*.

*[14] *Корун* (Корум) — имя меткого стрелка и легендарного изобретателя дальнобойного фитильного ружья.

10. Валихан в молодости был известен за большого чудака и «т е н т е к а»*[15]. Он был причиной одной войны с калмыками, которые покорились Аблаю и пришли в степь, чтобы остаться при нем. Поспорив с молодым н о й о н о м[24] за девушку, Вали п н у л его и изломал тяжелыми каблуками тогдашних античных сапогов ребра бедного калмыка.

11. Между башкирцами известен во время Аблая И с е т-батыр; рассказывают, будто он имел однажды встречу с Аблаем, схватил его под мышку и понес с такою же легкостью, как бы свою шапку.

12. Киргизы Средней орды сделали набег на дикокаменных киргиз, «киргизы» были предуведомлены и были готовы для встречи известных гостей. Кайсаки бежали. Неприятель преследовал их до реки И л и. Казаки переправились вброд. Киргиз Т е м и р д ж а н-батыр, увлекшись, з а ш е л с малым числом удальцов, преследовал их на киргизский берег за Или. Тогда канджигалинец Томача-батыр, видя, что манап увлекся слишком далеко и не имел товарищей, повернул назад и воткнул копье под самую грудинку лошади с такой силой, что благородное животное разом село на задние ноги. Манап быстро соскочил с лошади и бросился на сергелинца Джаулубай-батыра; канджигалинец Исет-батыр, увидев опасность товарища, дал удар копьем — манап повалился на землю. Т о м а ч а-б а т ы р, он был низкого росту, но с великой душой, он сел на него и распорол живот — это был сокол, затравивший лебедя. Белое обнаженное тело батыра осталось в поле, белея подобно белому сазану*[16]. (Манапами называются родоначальники дикокаменных киргиз). Т е м и р д ж а н был красив в полном смысле: бел и дороден. Киргизы увидели смерть любимого м а н а п а, начали преследовать с ожесточением. Сергелинец Джаулубай был взят в плен, сошел с лошади, чтобы стрелять, затем [были] взяты киргизы Усен-батыр и Алтай, Б а й г о з ы-батыр. Байгозы-батыр был выбран по жребию, как жертва за смерть манапа. Его спросили, кто убил батыра? Он отвечал твердо: я не хочу быть доказчиком ни на кого.

Его посадили, обратив лицом к востоку, отмерили 40 шагов, и бурут с длинным ружьем сел напротив и начал медленно наводить оружие.

Сам Байгузы рассказывал после, что решительно ничего не думал и не боялся: «Завязав крепко на голове*[17], я сидел, ожидая выстрела, но не замечая того, когда брат покойника пришел ко мне и сказал: «Брат мой был шаит, я не хочу крови, ты, казак, свободен». «Я не мог подняться, кровь в жилах совершенно остановилась, и пот градом лил с лица». Он был выменен на од-

*15 *Тентек* — озорник.
*16 Белый жир. *(Примечание Валиханова).*
*17 То есть обвязав крепко голову.

ного из братьев Темирджана, бывшего в плену у Аблая, и Джаулубай вышел с обещанием доставить выкуп. За него *жизнью* поручился товарищ по плену киргиз Усен. Он пас баранов и через несколько месяцев при благоприятном случае бежал.

Вот плач сестры по *Темирджану*.

«В табуне сивая лошадь, у которой, если поворочу, будет болеть шея. Подобный ханскому сыну братец, если не потяну, будет болеть у него сердце; братец — что же я сделаю? Боже, как бояк*[18] в бокше*[19], как саяк в табуне, как манат (китайская материя). Подобного ханскому сыну, брата не помяну — будет болеть сердце, ох, братец, что я сделаю, боже!»

31 13. Последнее преследование бежавших торгоутов в преданиях народа известно под именем «тыльного похода». В этом походе народу было более *сан* (без счета), хан стоял на сборном месте, не двигаясь; он дожидался храброго батыра Баяна, несмотря на ропот других батыров. || Наконец явился с 540 человеками и он предстал перед ханом: «Куда, что прикажешь, я *исполню*». Хан обратился к народу и сказал: «Вот зачем я так долго ждал Баяна». В это-то время кандигалинец Джанатай-батыр, державший передовой караул с отрядом в 500 человек в расстоянии суточной езды, был убит калмыками. Это случилось так: брат Джанатая Уйсунбай, делая разъезды, взял у калмыков 3 верблюдов; когда по возвращении у него брат же его Аркандар-батыр попросил должную саугу (добычу), Уйсунбай-батыр отвечал: «У калмыков верблюдов много, есть у тебя руки — можешь сам взять: болезни у тебя нет». Аркандар, глубоко оскорбленный этими грубыми словами, чтобы в свою очередь доказать брату свое удальство, с 7 товарищами, с знаменитым *Конайем*, сыном Куян-Кузды (заячьи глаза), напали на стадо калмык, взяли 9 верблюдов. Аркандар отправил добычу с 7 товарищами вперед, сам отстал, чтобы остановить или заманить в противную сторону направляющуюся погоню.

31 об. Сначала товарищи видели как Аркандар искусно умел заманить их в противную сторону, || потом видели, как будто батыр окружен. Взошедши на гору, увидели, наконец. Показалось — со всех сторон идут. Туй! Аркандар убит. Когда узнал Джанатай о смерти любимого своего брата, сделал *проклятие* и *поклялся* против убийц: «Или умру, или напьюсь вашей кровью!» Велел подать лошадей, с 500 человек отряда ворвался в ставку калмыков, их было 10 тысяч, и утонул в битве — битва была страшная, киргизы шли на смерть. Уйсунбай с распоротым животом, держа внутренности в полах своего халата, дрался и спрашивал: «А что, Джанатай-батыр, с распоротым животом можно ли жить?» Все пали, остался Джанатай и 8 человек и

---

*[18] Краска.

*[19] Сума.

сын его Токыш. Джанатай слез с лошади, подал ее сыну, говоря: «Отправляйся домой, пробейся, ибо не будет человека, который при случае мог бы за меня отомстить»,— и пал. Когда Аблай узнал о смерти Джанатая, плакал неутешно, говоря: «Не дававший себя точить, черный булат мой!»

Все войско (ходом чабдул*[20]) быстро устремилось на Или и до прихода калмык окружили все броды.

Калмыки остановились, послали семь человек послов, во
32 главе которых || высокий черный калмык в огромной, как котел, лисьей шапке, сошед с лошади за несколько сажен, подошел к хану и приветствовал: «Алла джар (Бог помощник)! Уса и Серен-хан послали меня: калмыки и казаки были братья, будем же и теперь ими, примите белые юрты — дань и будем мирны!» «Пошел!» — сказал хан, собрал батыров и начал совещание, выразив свое мнение: «Белые юрты надо взять, обнадежить и потом уже разграбить».

Баян отвечал: «Нет! Не берите белых юрт, не старайтесь обманывать: Уса и Серен обманули верхний и нижний Китай, обманут и тебя».

Хан два раза повторял свое, он два раза отвечал свое. Хан остался на своем.

Калмыки стали в расстоянии коча*[21] баранов (переход 8 и 9 верст). Два дня ждали, нет калмыков, нет белых юрт, после (?) узнали, что прошло два дня, как они снялись и ушли. Баян взялся преследовать с 1000 человек, догнал в то время, когда они вошли в Китай, и не успел захватить только 40 саженями; на возвратном [пути] от воды, испорченной трупами || калмыков, они заболели болезнью кара тышкак (черные испражнения) и погибли и погиб знаменитый Баян.

14. Галдан спрашивал у Аблая, когда тот был у него в плену: «Какие государи выше других?» — «Кондакер*[22], русский белый царь, Ижен*[23]-хан, Галдан, после я сам». «Мен, мен!» — говорил Галдан. «Управляешь малым народом, но достоин большого народа»,— сказал Аблай.

---

*[20] Говорят также: *шабуыл* — атака, нападение, налет.

*[21] Точнее: *көша,* от слова *көш* — кочевка, кочевой караван; көш жер — расстояние в один привал.

*[22] Под этим названием раньше у казахов были известны сельджуки, а в более позднее время Крымское ханство.

*[23] Так называли казахи китайских императоров.

[ОБ УПРАВЛЕНИИ КАЗАХАМИ БОЛЬШОГО ЖУЗА]

Вокруг нас на окраине Империи народы пробуждаются от сна, и невежественный мрак, в котором они были погружены многие столетия, начинает исчезать*[1]. Внутренние смуты в Китае, расшевелившие умы этого дремавшего доныне колосса[1], должны по естественному ходу дел разрешиться каким-либо переворотом. С другой же стороны, в Бухаре, в магометанских ханствах Средней Азии уже появились поджигательные фирманы турецкого султана, которые эмир бухарский старается распространять через своих эмиссаров между мусульманами, появилось, как слышно, и английское золото и люди из Стамбула; нет сомнения, что в скором времени на среднеазиатских базарах, на коих поныне еще первенствуют без соперничества русские изделия, появятся английские товары, а вместе с тем и европейское усовершенствованное огнестрельное оружие. Все это ведет к необходимости принятия деятельных мер предосторожности. Для лучшей видимости считаем неизлишним сделать краткий обзор положения нашей среднеазиатской границы.

С занятием на Сыр-Дарье форта Перовский[2], а в Заилийском крае укрепления Верного, Россия стала у самых ворот Средней Азии и положила краеугольные камни, или межевые столбы, границы, долженствующей отделить владения империи от ханств, лежащих на юг этих двух пунктов.

Граница эта вообще еще мало известна и до сих пор не определена. Она считается условно по реке Чу, но и это обозначение существует по одним преданиям между русскими, кайсаками и кокандцами.

Сопредельные со среднеазиатскими владениями земли кайсаков Сибирского ведомства занимают ныне всю южную часть Западной Сибири, заключая обширное пространство более 1 000 000 квадратных верст. Вся эта степь, не имеющая никакой

---

*[1] На полях помета: Об упрочении влияния в кир [гизской] степи Сибирского ведомства, и в особенности в Семипалатинской, и усилении войск Отд. сибир. корпуса. С картой кир. степи Сиб. ведом. Собственно его величества рукою написано карандашом: «По военной части представить соображения, а все касающееся гражданского управления сообщить на обсуждение Сибир. комитета» 23 окт. 1856 г. Генерал-адъютант *Сухозанет*.

определенной границы на юге, ограждается с сей стороны малопроходимым, пустынным, бесплодным пространством, называемым Голодною степью, на протяжении от запада к востоку от границы оренбургских кайсаков до озера Балхаша на 700 верст и оттуда далее к востоку еще 600 верст — сим же озером, рекой Или и построенным в Заилийской долине укреплением Верным.

Впереди [южнее] степей Сибирского ведомства расположены Улутауская станица и Актауское укрепление. Одни только верблюжьи караваны в сих пустынных, песчаных и бесплодных местах находят скудный корм и воду в редких, необильных и отстоящих на дальнем друг от друга расстоянии колодцах.

Левый фланг степи[3], составляющий нынешнюю Семипалатинскую область и опоясанный с юга и востока высоким снеговым хребтом Алатауских гор, обращен фронтом против бывшей Джунгарии и Малой Бухары, завоеванных в прошедшем столетии китайцами в царствование императора Цянь-Луна. Собственно же южная оконечность сего фланга хотя и обращена и сопредельна с Кокандскими владениями, однако по утверждении России в Заилийской долине, на коей занят уже центральный пункт укреплением Верным, [расположенной] в узле главных путей, ведущих в Ташкент, Кульджу и Кашгарию, между судоходной рекой Или и хребтом дикокаменных гор, фланг этот будет иметь положительную опору, особенно если поступят в верноподданство России все племена дикокаменных киргизов, которые, быв поныне угнетаемы кокандцами, конечно, более для себя выгоды [будут иметь] в покровительстве России.

Оградить южную границу особою связною линиею, примкнув ее к Оренбургской Сыр-Дарье, не представляется возможности, ни вдоль по северной окраине Голодной степи, ни ниже по реке Чу, которая на всей нижней половине течения не представляет решительно ни одного пункта, пригодного для постоянного водворения, тем более что поддержание всякого на сей части р. Чу твердого пункта по малопроходимости Голодной Степи, лишенной кормов и топлива и самой воды (кроме по реке Сары-Су). было бы невозможно. Одна только верхняя часть р. Чу, от самого выхода ее из дикокаменных гор до того места, где более приближается к озеру Балхашу, представляет все условия для оседлости, и [проживание здесь] может быть поддерживаемо подвозами не только с заилийского укрепления Верного и Копала, но со временем и по озеру Балхашу, расположенному южной своей оконечностью от р. Чу не более [чем на] 100 верст.

От верховьев р. Чу самым лучшим естественным направлением будущей линии могли бы служить вершины гор Кунгей Алатау и северного их отрога, параллельного с р. Чу до р. Сыр-Дарьи близ города Азрета, или Туркестана. Принимая в соображение, что половина дороги от верховья реки Чу к Ташкенту занята кочевьями кайсаков Большой орды родов джалаир и дулатовцев и что кокандцы этих кайсаков удерживают в повино-

вении только некоторым числом укрепленных пунктов, из коих высылают вооруженные команды для сбора зякета (подати), можно сказать с утвердительностью, что при удалении оттуда кокандцев мы более, чем они, можем надеяться на содействие тех кайсаков, не стесняя их в кочевьях и в образе жизни.

Учреждение в кайсацкой степи Сибирского ведомства правильного управления, которое бы соответствовало пользе, нуждам и кочевым обычаям народонаселения этих пространных степей, составляло всегда предмет особого внимания и заботы нашей верховной власти.

В 1854 году на основании высочайшего указа, данного правительствующему сенату 19 мая того года, кайсацкая степь разделена на две части — из коих в одной, составляющей правый фланг степи и состоящей из 5 внешних округов, оставлено прежнее управление с переименованием ее в Область сибирских киргизов[4], а из другой, находящейся на левом фланге и состоящей из Кокбектинского и Аягузского округов, лежащего на правом берегу реки Иртыша, Внутреннего округа кайсаков[5], Копальского военного округа, городов Семипалатинска и Усть-Каменогорска и Бухтарминского укрепления, образована особая область под наименованием Семипалатинской, на основании высочайше утвержденного о ней положения.

Причины, побудившие разделить кайсацкую степь Сибирского ведомства на две части и образовать из них на левом фланге особое управление, заключались главнейшие в том, во-первых, чтобы разъединить огромную массу кайсаков Сибирского ведомства, рассеяную на необъятном пространстве, и вести каждую из вышеупомянутых двух частей к гражданскому образованию особым путем, соответственно пользам и видам правительства и условиям самой местности, сохраняя на правом фланге преобладающим пастушеский быт кайсаков и усиливая на левом хлебопашество и оседлость, и, во-вторых, чтобы ускорить развитие гражданственности и промышленности левого фланга, весьма важного в политическом, военном и финансовом отношениях. Восточная часть этого фланга, нынешняя Семипалатинская область, прилегает к китайским пределам, а южная — к Ташкенту и Коканду; такое важное политическое и торговое значение этого края, наделенного всеми дарами природы, требует ближайшего наблюдения и упрочения оседлости.

По высочайшему повелению в 1853 году занята Заилийская долина [на] 400 верст далее от Копала на юг, а в 1854 году приступлено к возведению на оной укрепления Верного и к образованию казачьих поселений, как в Заилийской долине, так и в верховьях реки Лепсы и около Урджара, прилегающих к китайской границе. Места для этих поселений избраны и отведены, половина переселенцев прибыла в прошедшем 1855 году, а остальные в нынешнем 1856 году.

Заилийская долина составляет весьма важный уголок в Алатауском округе. Плодородная почва земли этой долины, прорезываемой судоходною рекою Или и опоясываемой с юго-восточной стороны хребтом снеговых гор, превосходные растительность и климат ее и изобилие здоровых пресных вод делают ее лучшею страною Западной Сибири[6]. В отношениях политическом, военном и торговом Заилийский край имеет чрезвычайно важное значение. Находясь в узле трех держав и главных путей, ведущих в Ташкент, Кульджу и Кашгарию, он служит опорою против вторжений со стороны кокандцев и китайцев, занятием его упрочивается порядок и спокойствие в Большой орде, приобретается большое влияние на дела с Кокандом и Ташкентом, обеспечиваются торговые пути в эти места, а сближением с дикокаменными киргизами представляются виды на открытие торгового пути с Кашгариею, Яркентом, Тибетом и прочими местами Средней Азии.

Присоединение Заилийской долины имело уже последствием [то], что один из значительных родов дикокаменных киргизов бугу в 1855 году поступил в русское подданство, и нет сомнения, что вслед за этим и прочие колена дикокаменных киргизов последуют примеру бугу. Но вместе с тем присоединение обратило на себя внимание соседственных государств: Коканда и Ташкента, особенно после занятия Ак-Мечети.

Кокандцы, понимая всю важность значения занятой за р. Или позиции, приступили со своей стороны к усилению обороны пограничных крепостей Пишпек, Мерке и Аулие-Ата и всемерно силятся подстрекать дикокаменных киргизов и кайсаков Большой орды, находящихся в подданстве России, действовать с ними заодно.

Кайсаки Большой орды состоят ныне в заведовании особого пристава из военных штаб-офицеров, который управляет ими на основании составленной Министерством иностранных дел и высочайше утвержденной 10 января 1848 года инструкции[7]. Инструкциею этою в случаях только экстренных, не терпящих отлагательства, к предупреждению измены или восстания, к изгнанию насильственного вторжения не подвластных России племен или преследованию шайки барантовщиков, предоставлялось приставу [право] употребления воинских команд, в Семиреченском крае водворенных.

С занятием Заилийской долины и поступлением в подданство России части дикокаменных киргизов значение пристава при кайсаках Большой орды получает большую важность и более шире [становится] круг [его] действий. Местопребывание его уже перенесено из Копала в укрепление Верное, откуда он в равной мере может иметь ближайшее наблюдение за ордынцами Большой и Дикокаменной орд и за всем происходящим на кокандской границе. При таких условиях необходимо, кроме одного заведования кайсаками, подчинить приставу непосредственно и все

войска, в Илийском крае находящиеся, и главное заведование этим краем, дабы, таким образом, сосредоточив в одних руках военное и гражданское управление, удобнее направлять все действия частных начальников к одной цели — разумно управлять обширным пространством земли (между реками Караталом и Чу), занимаемым кайсаками, племенами Большой орды. Соединение в руках нынешнего пристава всего управления войсками, краем и живущими в нем племенами [при]даст сему облеченному доверием правительства чиновнику в глазах ордынцев то значение, которое у восточных народов неразрывно с понятием о силе и власти. Разъединение при таких обстоятельствах в крае властей было бы неудобно и весьма вредно. Достаточно взглянуть на карту и сообразить соотносительное положение сей страны с сопредельными землями и племенами, достаточно удостовериться, что весь край за рекой Чу до самых вершин гор Кунгей Алатау, Боролдайских и Каратауских занимается кочевьями кайсаков, преимущественно дулатовцами и джалаирами, принадлежащими Большой орде и неохотно повинующимися кокандскому правительству, которое построило несколько крепостцев по верхней части реки Чу более для удержания их в повиновении, нежели по видам безопасности против России.

По этим причинам мы полагали бы пристава при кайсаках Большой орды переименовать в правители Илийского края[8], подчинив ему, как выше сказано, кроме заведования кайсаками, также и войска Илийского края и, главное, заведование этим краем.

Относительно заведования кайсаками правитель Илийского края должен руководствоваться инструкциею, высочайше утвержденною для пристава Большой орды, состоя, как и поныне, в ведомстве Министерства иностранных дел и генерал-губернатора Западной Сибири, а по заведованию войсками и краем должен быть он снабжен особою инструкциею от генерал-губернатора Западной Сибири и командира Отдельного сибирского корпуса. Как с возложением на правителя новых обязанностей и расширением круга его действий занятия его увеличатся, то мы признаем нужным назначить ему собственно по заведованию кайсаками и гражданскими сношениями помощника из гражданских чиновников и постоянного депутата от кайсаков, с тем, чтобы депутат этот был избираем от кайсаков на три года по общему их соглашению. Подробные по сему предмету предложения сообщены министру иностранных дел 16 сентября сего года.

29 ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ جامع التواريخ*1

|| فصل اول در تاريخ глава первая, история

Повесть: племя о г у з разделилось на 24 колена, происшедших от известных его детей, от близких и других родственников, (от тех), которые с ним были вместе. Племена: у й г у р[1], к и п ч а к, к а н г л ы, к а р л у к[2] и к и л и ч*2. Эти племена پيدا [بولدى]*3 были. Все это известно на основании мусульманской истории, а также по пятикнижии еврейского народа مسطور ترور. Ной, да будет с ним мир! землю от северо-востока*4 до юга на три قسم [части] разделил: во-первых, Х а м у[3] (его собственные дети были отцами Судана[4] اوز اوغلانلارى سودان اتاسى ايردى) или черных — зенги, его потомки в индустанском государстве; средину отдал С а м у, он — отец а р а б о в и ф а р с о в; (персияне) или аджем и арабы — его потомки; третий, который (суть) Я ф е с — о т е ц т ю р к о в, иначе н е к н и ж н ы е[5] народы, на северо-востоке его потомки. (Так) Яфеса на восток отправил. Термины могулы и тюрки стали употреблять впоследствии, ибо т ю р к и Я ф е с а Абульджа-ханом называют ابولجه خان совершенно не зная, что этот Абдульджа-хан собственный сын Н о я, да будет с ним мир!

---

*1 Джами' ат-таварих. Сборник летописей (Жалаири). Библиотека восточных историков, Изд. проф. И. Н. Березина. т. II, ч. 1. Казань, 1854.

*2 У Рашид ад-дина: *калач.*

*3 В тюркском подлиннике بو خلق لار پيدا بولدى — эти народы появились.

*4 В книге «Сборник летописей». История монголов. Сочинение Рашид-Эддина. Введение о турецких и монгольских племенах. Перевод с персидского с введением и примечаниями И. Н. Березина. ТВО РАО, 1858. ч. V. (в дальнейшем: изд. И. Н. Березина) написано: *от юга до севера;* в книге: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I, кн. 2. Изд. АН СССР. М.—Л., 1952 (в дальнейшем: акад. изд.): *с севера на юг.*

С того времени все могулы-иснаф*[5] и тюрки в степях сидячие его потомки. Его пояснения в таком виде представляются تقریر قلیندی Абульджа-хан, сидящий в сахарè, был صحرادا اولتوروشلق. Его летние кочевки Уртаг и Кортаг[6], называемые горы, были, которые очень великие и высокие были. В тех местах город стоит [под именем] Андж а-Там[7] اول یرلاردا شہر انجاتام ترور и зимовки его в том месте находятся*[6] تورور; название мест: Юрсук[8], Кактан и Коркурум یورسوق قاقتان وقرقورم, а назвали Каракурум[9] впоследствии. Город Талас[10] и Кари-Кирм[11] طلاس قاری قرم улерка юкрак трур*[7]. Оный город древний и очень великий. Которые کیم ایرسنا видели, говорили, (что) у того города от начала до конца в окружности на целый день, имеет 40 ворот. В настоящее время то место полно мусульманами и мусульманам принадлежит. У этого Абульджа-хана был сын именем Диб-Якуй. Значение, смысл диб — высокое место престола, якуй — великое, сильное и счастливое племя قوم у этого сына (Абульджа-хана) воинские снаряды شوکت اسبابی и царствование, и все было выше. От сего отца 4 сына; их имена Кара-хан, Ур-хан, Кор-хан и
29 об. Коз-хан قراخان, اورخان, کرخان, کزخان. || Вообще مجموع то племя было неверное, Кара-хан в былых местах отца жил اتاسی یورتوندا. В том месте родился сын Кара-хана.

Затем повторяется общая басня о рождении Огуза и о выборе им жен. Огуз женился на двух красавицах, но оставил в почтительном отдалении یراقدا за то, что они не хотели уверовать в единого бога неба, и полюбил, и женился на третьей сестре, кузине своей, предварительно поговорив с ней об условиях своей любви; она должна была поклоняться и верить в единого бога. Встретил эту баснословную принцессу на берегу реки, гулявшую со своими рабынями, которые мыли белье. Говорится о войне его с отцом, очень сходно вообще с повествованиями Абульгази и Шейбани-намэ. Война продолжалась 75 лет, наконец, Огуз

واولوس لشکرنی تمام جامیش قیلدیلار. عافیت الامر اوغوز انلارغه غالب بولدی، انلارننك ولایتلارین تاتلاش صیرمدین بخاراغه دیکاچ الدی، بارچهسی اوغوزغه مسلم بولدی. все покорил от Татлаша*[8] и Сайрама[12] до Бухары. «Те народы, которые с братьями и с детьми были отдельно, разно от Огуза

---

*[5] От اصناف *(аснаф)* — племена.

*[6] В рукописи описка: یورور — живут.

*[7] Поблизости находятся от того места.

*[8] В изд. И. Н. Березина: *Телаш,* в акад. изд.: *Талас.*

باشقه они северо-восток*9 сделали местопребыванием; все вообще могулы их потомки». В то время они (могулы) все были кяфиры*10, впоследствии их роды большим племенем сделались. Когда Огуз народ себе подчинил и на царство вошел, в том месте поставил золоченый*11 [шатер]; сделал великий праздник (торжество) и своих родственников и почетных в места посадил, всем подарки и честь воздал, и все войска свои в свои места поставил, а со всем народом — племенем خلق قومی بیلان в правой стороне был; уйгуры название дали: Баят بایات — могущество и довольство; тамга ункун*12.

31 جامع التواریخ، غازان، 1851. داستان اوروس خان || *13

В те времена, о которых мы повествовали, Чингис-хан разделил войска между детьми своими, дав каждому по четыре тысячи. Этому Джучи[14] дал четыре тысячи войска. Он умер на Волге, и все его войско досталось второму сыну, его Бату[15], этого Бату Саин-ханом называют. Он, Саин-хан, всеми западными странами, народами Ибирь — Сибирь, Буляр بولار (Булгар), башкирцы باشغردنی, русские, черкесы, немецкий курал نمچ کورال Крым, Дешт-Кипчак до Темур-капка[16] называемого управлял. Сам اوزی также на берегах Волги смерть нашел. После многих случаев улус достался Тохтагу-хану. Тохтагу тогда был не в ладу с Ногаем[17] (توقتاغه نوقای); много раз с Ногаем сражение чинил, наконец, بالاخر сломал Ногая. С семнадцатью некоторыми کیم ایرسا Ногай бежал к башкирам باشغردغه کلار, хотя и был болен. На дороге русские схватили: русским сказал — я Ногай; когда русские схватили и везли его к Тохтагу, в дороге вдруг он умер اوروس توتب توقتایغه*14 الیب کیلاتور ایردی یولدا اوق اولدی. Тохтагу несколько лет государем был на Волге, после чего اندین سونك Тохтагу умер. اول توقتایغه نچه ییل لار پادشاهلق قیلدی ایدیل بویونده، اندین سونك توقتایغه اولدی. Из его рода никто не остался. Бачкир-бек при Токбуге вели-

---

*9 В изд. И. Н. Березина и акад.: *они поселились на восток* [от Огуза].

*10 Неверные.

*11 В тюркском подлиннике за этим словом следует خرگاه — шатер.

*12 Далее Валихановым опущен перевод текста тюркского оригинала (с. 25—70), содержащего историю тюркских племен. Автор сразу перешел к изложению событий, происшедших в XIV и XV вв.

*13 Сборник летописей. Казань, 1851, повествование об Урус-хане.

*14 توقتای Токтай, (уменьшительная форма) от توقتاغو —Токтагу.

ким эмир-беком сделался باشقر توقبوغا بیکی اولوغ امرا[?] بیك يولدی; я читаю последнее слово يولدی словом بولدی [был]; после Хуразми-беком был خوارزمی. Муса[18] с Ямгурчой[19] от одной матери были. После сего сын Ямгурчи Агиш[20] اغیش беком был и улусом он управлял اولوسنی اول بیلدی; я читаю اولوسنی اول بیلادی; после Хасан[21] был, но улусом управлял, Алчагир-мирза[22] الچغیر مرزا, после Хасан-бека Шидак[23] شیداق сын Муса-бека был беком. После Шейх-Мамай[24] мирза улусом управлял, но беком не был. После этого беком [стал] сын Мусы-бека Юсуф-бек[25]. После (опять) сын Мусы Измаил[26] был беком, и после бекство не выходило из рода его до наших времен, но другие с почестей сошли все.

داستان حاجی محمد خان بن بیك قوندور اولان*15

Было время, когда Кадырберды-хан[28] قادر بردی с Эдиге-беком сражение чинил; из Яика выходит речка Илек*16, от него три ключа выходит*17 اندین اوچ بورته چیقار. Из этих трех ключей на среднем Кадырберды-хан с Эдиге-беком страшную сечу سنچش чинил. В то [время] Хаджи-Мухаммед был еще уланом. Один народ другого начал побеждать بر ولایت بر ولایتقه اوتوب بارور ایردی*18. Узунбулак-баhадур был высокого роста (написано так اوزن بولاق بهادور يويلوق، سنلیغ ایردی; я читаю: سنلیغ بويلوق ایردی).

31 б ||Стрелы (его) были очень длинны; после Эдиге-беку сообщили: его Идиге перед себя позвал и спросил: «Откуда и куда идешь?» Он отвечал: «Я иду в народ куральский کورال ولایتی». Эдиге сказал: «Ты будь со мной, если бог поправит мое дело, я сделаю тебя ханом». Он согласился, и в этом походе Хаджи-Мухаммед-улана в войске مقدمه *19 сделал. Страшно бились. Кадырберды-хана из золотого лука косо подстрелил قادر بردی خان نی التونلی; я читаю قادربردی خان نی التونلیغ قوللوغین کسا اتتی قول اوغیمن, после этого пал и Эр-Куша یر کوشه; его Нукас-Алтун-баhадур убил. Между потомками Узбека сказание следующее: говорят будто Идиге-бек тоже убит, Мансур[29] сделался беком и Хаджи Мухаммед-улана сделал ханом; один ханом, другой беком

*15 Сказание о Хаджи-Мухаммед-хане, сыне Беккондор [Бекконды]-улана[30].

*16 Так в тюркском подлиннике. Точнее: р. Илек впадает в Яик (Урал).

*17 Точнее: в него (Илек) впадает три ключа под названием Борте.

*18 Можно читать и так: *перемешались пределы вилайетов* [провинций].

*19 مقدمه — предводитель, главнокомандующий.

быв, жили, в повествованиях известны между узбеками (اصلی اوزبیك یا). Мансур-бека убил Барак-хан[31], после того Хаджи-Мухаммед-хана в один день тоже Барак-хан убил (یراق خان; я читаю براق خان); еще Хаджи-Мухаммед-хана сын Махмутек[32] محموتك ханом был, его сын Кулук قولوق хан, его сын Ивак[33] یباق хан, его сын Муртаза[34] مرتضی хан, его дети: Джан-Кирай جان کرای سلطان, Акмет[35] اقمت کرای (читаю احمد کرای), Кирей-султан и К у ч у м - х а н. Потомство Хаджи Мухаммед-хана кончается.

داستان بولخایر خان بن تولوشیق اولان*20

Булхаир-хан[36] в государствах: Ташкенде и Туркестане государем был. Его гробница в городе Сигнаке سیغناقدا, его сын Шах бутак-султан شاه بوتاق سلطان. Булхаир-хан был с сыном Нуредин-мирзы[37] (написано نوراذین, нужно نور الدین) Укас-беком[38] в большой дружбе; говоря так, что из одной чашки пили*21 [мёду], один из одного края, другой из другого, и говорят, что в одно время один хан [ом], другой беком был تیورلار (я читаю ایتورلار); еще, сын Шахбутак-султана Шибак-хан, его сын Тимур, его сын Кукбури کوك بوری от него Кучум; Союнджек и Габдулла-хан тоже Булхаира-хана потомок, его сын Борһан برهان хан, Джанибек-султан тоже из рода Булхаир-хана; его сын Искандер-хан, его сын عبد الله [Габдулла]-хан. Кучум-хановы дети عبد اللطیف [Габдуллатиф]-хан, его сын ذوالنون [Зуннун] султан, султан Сейт-хан, Джумарт-хан султан. Султан Мухаммед-хановы дети (в подлиннике: سلطان سید خان جومارت خان سلطان محمد ... محمد سلطاننك اوغلانلری ترور, я читаю سلطان ترور) ... سلطان ترور قاچوردی شمال طرفیغه اچلیق سوسالیق بولوب یورور ایردی.

Эти строки нельзя иначе понять и перевести как султаны... бежали قاچوب ایردی на запад*22 شمال طرفیغه в голоде и жажде будучи там находились; سونك تاپا قراول صالدی یتم بهادورنی اندین وغیری в караулы поставили Ятым-баһадура یتم بهادورنی после Тубол-баһадура توبال بهادور и после аргына Караходжу ارغون قرا خواجه. Сами же с несколькими нукерами*23 (беспечно) лежали*24.

---

*20 Сказание о Булхаир-хане сыне Тулушик-улана.

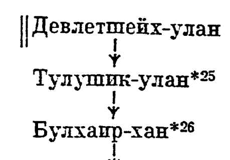
*21 В тюркском подлиннике: برعسلنی — меду.

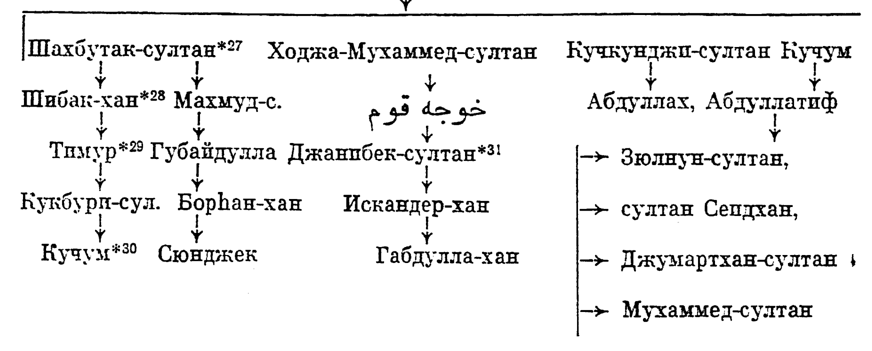
*22 Описка, следует: *на север.*

*23 *Нукер* — воин, дружина.

*24 Повествование о нападении Едиге на султанов оставлено без перевода.

32





|| Идиге Кучуков сын ایدیکه کوجوك اوغلی Нуреддина-мир-
33 зы войска был مقدمه; он, нашед врасплох караул Ятим-баһадура, и всех, всех (برین برین выговаривается барин) убил, хан сам в неведении был, так убили كل شئ هالك الا وجهه له الحكم واليه ترجعون*32.

Известные и знаменитые дети хана Тохтамыша توقتامش суть: 1. Джелалледдин-султан, 2. Кучук-султан, 3. Джапар-берды جفار بردی султан, 4. Калимберды كليم султан, 5. Кадырберды-хан, а дочь называли Джанике جانیکه, ее Идигебий взял ایدیکه بی آلدی (в супружество). Когда Идиге-Кучук (?) взял Джанику ایدیکه کوجوك جانکه نی الغاندا, Кадырберды-хану было 3 года. Джанике выпросила его у Идиге-бека и однажды с

*25 Имя отца Тулушик-улана в جامع التواريخ *(Примечание Валиханова).*

*26 Имени отца Абулхаира по Шейбани-намэ не значится и на генеалогической таблице потомков Шейбани-хана означено точками. *(Примечание Валиханова).* В Шейбани-намэ принято написание этого имени через а: Абулхаир-хан. *(Примечание Валиханова).*

*27 Одинаково как в Шейбани-намэ и جامع التواريخ *(Примечание Валиханова).*

*28 В Шейбани-намэ — Мухаммед Шибани-хан. *(Примечание Валиханова).*

*29 В Шейбани-намэ — Мухаммед-Тимур-султан и сыном его назван Фулад-султан, а Кукбури-султан внуком. *(Примечание Валиханова).*

*30 В Шейбанинаде его нет. *(Примечание Валиханова).*

*31 О предках Джанибек-султана в جامع التواريخ не говорится. Джанибек-султан тоже из рода Булхаир-хана. *(Примечание Валиханова).*

*32 Коран, XXVIII, 88: «Каждая вещь гибнет, кроме Его лика. У Него решение, и к нему вы будете возвращены» *(перевод И. Ю. Крачковского).*

одним или с двумя بر او ایکاو بیله секретно в Крым отправила. И после 11 лет, будучи Кадырберды-хан с крымским войском через Волгу-реку перешед (اوتالجیب) с Идиге-беком сражение учинил и в одной битве Идиге-бека убил. Крымского войска главные вожди говорили: «Этот год: лето здесь прокочуем, лошадей в тело приведем, тогда для битв силы и возможности будут более (قریم لشکری امراٴ اولوغلار بو ییل یازغی سین یایلامش قیلالیك اتیمز سیمور تالنكتا اوروشقه قوت شوکت پیدا بولغای).

Это очень не понятно и нет смыслу, я прочитал так: قریم لشکری (ننك) امراٴ اولوغلاری ایدی لار بو ییل یازغی سین; это лето اتمز یایلاو قیلالنك; лучше اتیمر и т. д.

بموضع когда зимой قشقیسن пойдем, то и Волга замерзнет сказали. Эти слова не понравились [اول سوزنی یراتمادی] Волга замерзнет — кто же не пройдет, Идиге умрет — кто не пойдет; مصراع ترکی*33: [ایدیل تونکسه کیم کچمك*34 ایدیکه اولسه کیم بارماس]. Волга скоро не замерзнет, Идиге скоро не умрет. Подобные заклятия خروج совершив, страшное сражение начали, Идиге был ранен, хан тоже с раною был, два войска между собою сошлись (покончили) مصاف قیلشتی*35 Ичкилин сын ایچکلی اوغلی Хасан[39] держал اختە اتین*36 Идигебия. Известив Кадырберду-хана, что Идиге здесь находится: пришел и убил. Кадырберды-хан тоже от той*37 [раны] вскоре после того, несколькими днями позже, умер.

Тимур-Кутлук داستان تیمر قتلوق خان بن تیمربیك اولان*38

На Идиле (Волге) есть государство Хаджи-Тархан (Астархан) حاجی ترخاندا о нем сказания в хрониках, в разных местах следуют. С Идиге-беком он, Тимур-Кутлук, один хан, другой бек были. [Спустя] несколько времени*39, большое потомство оставив, отошли (в тот мир). У Тимур-Кутлук-хана сын Тимур-хан, его сын Пулад-хан, его сын Кичик-Мухаммед-хан, его сын Ахмед-хан. У Ахмед-хана от трех жен было 9 сыновей. Вот они: سلطان حسن مرزاننك قرنداشی بیکای بیکم دین توغان от сестры Сул-

*33 مصراع ترکی — тюркское двустишие.

*34 Описка, точнее: کیچماس.

*35 Сражались.

*36 Мерина Едиге.

*37 В тюркском подлиннике: زخیم دان — от ранения.

*38 Сказание о Тимур-Кутлук-хане, сыне Темирбек-улана.

*39 В тюркском подлиннике: نچه وقتقه دیکاچ

тан Хасан-мирзы [Бикей-бикем] родились: Муртаза-хан, Идиге-султан, Хусеин-хан, Даулет-султан; от Бер-бикема بر بکم — Шейх-Ахмед-хан, Кужак-султан; قوجاق Джанай-султан; от Уйшун-бикема اویشون بکم — Сеид-Махмуд-хан, Сеид-Ахмедхан и Баһадур-султан; Улуг-Мухаммед-хана дети: Махмутек-хан, в казанский народ отправился, его сын Ибрагим-хан, его сын Махмет-Амин-хан, Габдуллатиф-хан и Кауһаршад-ханым کوهرشاد خانیم;
33 об. || у Кичик-Мухаммед-хана [еще] были Махмуд-хан, Ахмед-хан, Якуб-султан, Бахтияр-султан. Тимур-Кутлуково потомство кончено.

О Хаджи-Гирей-хане[40] داستان حاجی کرای خان сыне[*40] Дулук-Кияс-улана دلوك قیاس, Даулетходжа-улана, Таштемир-улана, Темирходжа-улана, Кара-Куяс-Кобеджек-улана قره قویاس کوباجك اولان. После убиения старшего брата Хаджи-Гирей-хана Джан-Гирей-султана[*41] он в бегах будя, у Чакырганбая в услужении جاغرغان بایغه находился; беки, между собою в несогласии идя[*42], нашед его, Хаджи-Гирей-султана, в ханы избрали року[*43], 906 (от гиджры) в месяце جمادی الاخر[*44]. В роде султан сын султана Али-Кул-Чора башлык قل چورا; из рода оймас Балтадж-бай اویماس ایلی ننك بالتاج بای с 10 человеками; рода качи Кошай мастер с 10 чел. کاجی ایل ننك قوچای اوسته; рода срда Кул-Алибай — 10 чел. سردا ایلی ننك قلی علی بای; рода чижик Ямгурчи с Кизил-Куртом چیجیق ایلی ننك یمغورجی بیله قزیل قورت 10 чел.; рода шабчи Джан-Чора-бек в 10 чел. شابشی ایلی جان جورا بیك рода уанта с родом нурма [из] Кул-Урус[а] и Алика в 10 чел. ونته ایلی بیلان نورمه ایلی ننك قل اوروسی داغی علیکه; шейх-заде рода Колуш-мирза в 10 чел. قولوش; еще 10 чел. из рода акчора; 4 дома кибак-черемыс تورت اویلی کیباك جرمس; из рода таклы Мухаммед-бек تکلی в 10 чел.; из Старого юрта Джадигер-бай, Касым-Сеид-бай в 10 чел. جادکار; из рода кара-даулет [Кунак-уста] قوناق اوسته в 10 чел. خیربی ایل ننك بخشنده حافظ، بر اون کشی[*45]; от карагайши Ту-

*40 Сказание о Хаджи-Гирей-хане.

*41 В тюркском подлиннике: قونکرات بیکلار[ی] اولتورکاندین سونك после убиения конратскими беками.

*42 В тюркском подлиннике: بیكلار اوز ارالاریندا بری برین اولاشا الماى беки, между собою не имея согласия...

*43 То есть году.

*44 Название шестого месяца мусульманского лунного календаря.

*45 Из отделения хаирби Хафиз в 10 чел.

Работа В. Чалпханова над восточными текстами. (Автограф).

Абу-Наср Саманид ابو نصر سامانی. Он [illegible]

[illegible]

шанак в 10 чел. توشاناك; рода темирчи Ногай, сын мастера, в 10 чел. Вот которые привезли и избрали в ханы Хаджи-Гирей хана. Конец تمام.

|| ...*46 называемый был. Этот терме — بوترمه (?) на Идиль-Джаике*47 [появился]*48. Его сын Кзиджи قزيجى*49, он на Идиль-Джаике, его сын Ислам-Кия اسلام قيا. он тоже на Идиль-Джаике, его сын Кадыр-Кия قادر قيا, он тоже на Идиль-Джаике, его сын Кутлу-Кия قوتلو قيا, он в Кумкенте قم كنت, его сын Идиге-бий, да будет над ним благословение божие! رحمت الله عليهم اجمعين. (Оного) Кутлу-Кия Урус-хан اوروس خان сделал шаhидом. Но اما у Баба-Тукласа بابا توكلاس было [еще] 4 сына. Один был государем پادشاه в Кагбе*50, другой лежит около Кагбы, а третий (еще другой) лежит в Хиве اوركانج, а четвертый — в Крыму, на Уч-Утлуке قريمدا اوچ اوتلوكدا. По другому сказанию روايت, у Баба-Тукласа (более) известных детей было три: один именем Абас عباس, на правой стороне Кагбы, другой — Габдул-Рахман-ходжа خواجه, он тоже лежит в Кагбе; еще другой же, имя его Терме ترمه, он [на] Идиле-Джаике [появился]*51. Сеиду-Накибу سيد ناقب из гроба пророка, посланника божия صلى الله да будет над ним мир! подали голос; второй Алем Муртаза-Сеид علم مرتضى سيد; третий — высокочудный عزيز كرامت отец Баба-Тукласа. Когда Узбек اوزبيك сделался мусульманином, отправил в священную Кагбу Узак-Чору, тогда, привезши этих трех мужей, сделались мусульманами.

Идиге-бек بيك управлял улусом Тохтамыш-хана, его деяния حكايت в разных местах, в его дастане, в книгах должны быть. В подлиннике: اننك حكايتلارى اوز استانيدا هر يردا شرح كا تيلاسا كيلور; я читаю: вместо استانيدا — داستاندا; тоже بموضع на берегах Волги ايديل بويندا отошел. Его (потомство) род до Тагаята великим родом отошел. В наше [время] из него явился Уку-Шрак اوكو شراك. Едиге-бек на 63 году смерть нашел от

---

*46 Пропуск в тюркском подлиннике.

*47 Слово ايديل جايق [Идиль-Джаик] употреблено здесь как название страны по Яику и Волге, т. е. равное названию Кипчак. В преданиях и сказках киргиз [казахов] страна, где была Золотая Орда, называется не иначе, [как] Идиль-Джаик. *(Примечание Валиханова).*

*48 В тюркском подлиннике: حاصل بولدى.

*49 В изд. И. Н. Березина описка: قريجى.

*50 *Кагба (Кааба)*— священный храм мусульман в Мекке

*51 В тюркском подлиннике: حاصل بولدى.

раны, в битве (с) Кадырберды-ханом... (Они) были знаменитые مشهور дети, во многие времена (великими) многочисленными быв, отошли.

Дастан Ураз-Мухаммед-хана, сына Ундан-султана[41] сына Шигай-хана, сына Ядек-хана, сына Джанибек-хана, сына Барак-хана, сына Куйручук-хана[42], сына Урус-хана.

Время, которое объявлено*[52] ابا واجداد [предки] Ураз-Мухаммед-хана со всеми род-родственниками اوروغ قرینداش в одну
34 об. пришлись, || [کیلدی] داستاندا قلم دا*[53], ибо نچوك کیم от Урус-хана до Джанибек-хана четвертое колено بطن. В то время ان زمان (т. е. впереди) было сказано, теперь также объявляем, [что] его [Джанибеков] дети до внуков многочисленной фамилией (родом) отошли; تا [та] до настоящего времени много известны (и сильны) معلوم مذکور (смысл этих слов почти один — явны, известны). Они, каждый из них, несколькими родами будучи برار اوروغ بولوب, в своих владениях ولایت государями быв, в счастии отошли (вместо پادشاهلیق بیلیب я читаю: پادشاهلیق قیلوب نامدار بولوب اوتتی لار; их نام*[54] объявлен и кончен. [Дети Джанибека] первый Касым-хан قاسم خان, родившийся от Джаганбикем جغان بیکم, изрядное время в улусе отцовском он царствовал, все окрестные народы себе обратил. Его деяния в разных местах будут*[55] известны и многочисленны*[56]. Конец концов в Сарайчике смерть нашел. И теперь его (بو کون انینك, я читаю بو کونده انینك) гробница в Сарайчике [находится]. Его сын Акназар-хан حق نظر родился от Ханык-султан-ханши خانق سلطان خانم; его деяния явны и многочисленны. Акназар-хан в междоусобиях смерть нашел, его потомство уже не царствует انینك اوغلان لاریدین پادشاهلیق بو کون تایدی.

Канбар-султан во всех случаях هرحالدا был с Касим-ханом вместе (за одно), был главнокомандующий войсками مقدمه لشکر. Его отродью نسلی گا царствовать не пришлось پادشاهلیق تیکمادی.

Усак-хан اوساك خان. Его сын Булат-султан; им царство не далось پادشاهلیق تیکمادی; конец концов, Булат-султан с детьми в драке ногайской نوغای اوروشینده shahидом сделался.

*52 В тюркском подлиннике: این زمان کیم یاد قیلندی.
*53 В одной повести изложены.
*54 نام — здесь в смысле славы.
*55 В тюркском подлиннике: کیلور — встречаются.
*56 В тюркском подлиннике: معلوم مشهورترور известны и прославленны.

Современник Касим-хана Джадек-хан جادیك خان в битве с Шагим-мирзой[43] на Змеиной горе ییلانلی توبادا с одним или двумя بر بر اوغلی برلان сыновьями сделался шаhидом. Его гробница в Хиве, на Бакырганате стоит بقیرغان اتادا [ترور], там погребли دفن قلدیلار.

У Джадек-хана жен и наложниц много было и детей было тоже много; более известные и славные дети نامدار مشهور суть следующие: Тугум-хан توغوم خان, Букей-султан بوکای, Шигай-хан شیغای, Малик-султан. Мать этих двоих (последних) была Абайкан-ханша. Тугум-хан, дети его называются девять рыжих توقوز ساری (в подлиннике: توغوم خان، انینك اوغلانلاری توغوز ساری تیب ایتورلار, т. е. Тугум-хан, его дети девять рыжих называются); с сыном Малика Башикен*[57]-султаном, с девятью рыжими сыновьями в пределах Джагата сделались шаhидами جغات حدیندا; Утузти اوتوزتی султан известен и славен معلوم مشهور. От Букея-султана не было потомства. Бауш-Буйдаш-хана باوش بویداش сын был Адик-султан ادیك, его сын Буйдаш-хан. Потомство Адик-султана известно под названием Бишугул — пять сыновей. Буйдаш-хан и все члены фамилии Бишугул — 24 султана в битве с сыном Барак-хана Дервишем сделались шаhидами. || اما بویداش خان براق اوغلی درویش خان توقوشیندا تمامی بیش اوغول نسلی یکرمی تورت سلطان اندا شهید بولدیلار. Пяти сыновьям не пришлось царствовать, اما но в том народе اول ولایتدا некоторые (из них) недолго ханами были, но не замечательны и не известны اما برانچه اول ولایتدا کلته خانلار بولدیلار، نام معلوم مشهور بولمادی*[58]. Бурундук-хан بوروندوق, его род лишился сана بوروندوق خان ترور، انینك نسلی مرتبه دین توشدی. Ахмед-хан احمد خان; Узбек, иначе Ахмед-ханом называемый, он тоже некоторое время ханом был, в битве с Шидак-беком шаhидом сделался, Урак-мирза اوراق مرزا шаhидом сделал*[59].

Шигай-хан, его شیغای خاننك деяния и всегдашнее богатырство известны и замечательны. Конец концов بر بولوب*[60] смерть нашел. Его гробница (и) теперь в Кмушкенте کموش کنت под покровительство Али-Ата погребли علی اتانینك پناهندا دفن قلدیلار. У Шигай-хана жен было много, известных

*[57] В тюркском подлиннике: باشبیك Башибек.

*[58] کلته خانلار — куцые ханы.

*[59] Далее в тюркском подлиннике следует рассказ о Тахир-хане. *(Опущен Валихановым).*

*[60] По-видимому: پر بولوب — став святым угодником.

и замечательных было три о р д ы*[61], от них родившиеся дети следующие: С е и д к у л-султан سيد قل, У н д а н-султан اوندان, от Алтун-ханым-баим-бикем التون خانم بايم بيكم [родились]; Тукай-хан توكاى خان, Ишим-султан ايشيم, с у л т а н С а б и р-б е к صابر بيك — ханша*[62], мать этих трех от Джагатовой Яхши-бикем (они) родились. А л и-султан, Сулум-султан صولوم, Ибрагим-султан, Шаhим-султан شاهيم мать их*[63] от дочери Бурундук-хана, от Дадам-ханым родилась اناسى بوروندوق خاننك قزى دادم خانمدين توغان ايردى. Унан*[64]-султановы деяния в разных*[65], е с л и ж е л а е т е تيلاسا, будут; [он] чрезвычайно великий بسيار اعظم بهادر богатырь глубок был*[66]. (Всегда) во всех случаях и в натягивании (всякого) лука [он] чрезвычайный богатырь был*[67]. Во время Шигай-хана [он] начальником войска был. Его деяния حكايت известны и явны. Конец концов, (его) калмыки сделали шаhидом, [в] 30 лет смерть нашел. Его гробница [находится в Туркестане] под убежищем Ходжа-Ахмед-Есави, да будет милость божия! [там] его погребли*[68]. У него жен и наложниц было много. Разные народы покорил и у меж себя тоже взял اوز ارالارينداں هم اليب ايردى. Известных и замечатель-
51 ных о р д*[69] у него было две. От них родившиеся дети ‖ следую-

---

*[61] *Орда* означает кибитку ханскую. Почтенные жены имеют свою кибитку. Киргизы и теперь, желая спросить сколько у султана жен. спрашивают: сколько у султана *орд* (юрт). *(Примечание Валиханова).*

*[62] Должно быть неправильно поставлено. Султан Сабирбек — ханша: нельзя понять. Следующие слова доказывают. что слово خانم не должно быть [т. е. лишнее], этих трех мать от Джагатовой Яхши-бикем родилась. Можно бы читать так: ханша, мать этих трех, родилась от Джагатовой Яхши-бикем توكاى خان، ايشيم سلطان، سلطان صابربيك خانم بو اوچوسى نينك اناسى جغات ننك بخشيم بيكم دين توغان, но это оборот, не свойственный татарскому языку. *(Примечание Валиханова).*

*[63] Слово мать их اناسى совершенно лишнее и препятствует правильному чтению, как предыдущее خانم بو اوچوسى نينك اناسى. Если отбросить эти слова, то читается очень понятно. Слово اناسى и т. д. خانم بو придает мысль будто ханши — матери этих султанов — родились: 1-я от дочери Яхши-бикем и вторая от Дадим-ханым, дочери Бурундук-хана. *(Примечание Валиханова).*

*[64] В тюркском подлиннике: اوندان — Ондан.

*[65] В подлиннике: هر يردا — в разных местах.

*[66] В подлиннике: تيرانداز بهادر ايردى — богатырем-стрелком был.

*[67] Я читаю: كرمك ـ ياغى كرلكدا — глагол, употребляемый у киргиз, значит натягивать, растягивать. *(Примечание Валиханова).*

*[68] انينك قبرى تركستاندا خواجه احمد يسوى [رحمت الله عليه‌نينك پناهندا] и т. д. [دفن قلديلار] *(Примечание Валиханова).*

*[69] См. выше об орде. *(Примечание Валиханова).*

щие: Алтун-ханым, Усяк-хана сына, Булат-султана дочь, от нее родились государь ислама [Тевекель-хан], Ураз-Мухаммед-хан, Татлы-ханым تاتلی خانم; Чуюм-ханым چويوم خانم дочь Кимсен султана, сына Бурундук-ханова كيمسين سلطان, от нее родился Куджек-султан كوجك; он у государя ислама, Тевкель-хана, начальником войска был, он в том народе по сие время обретается*70.

Ураз-Мухаммед-хан восьми лет лишился великого деда своего Шигай-хана в смятениях междоусобных, еще تقى [в] 13 лет свой отец اوز باباسى Ундан-султан шаhидом сделался и от него остался; еще*71 через несколько времени несчастием تارليق بيلان перед Сеидбек-бием سيد بك بى перенес угнетения (унижение) گرفتارليق چكتى. Шестнадцати (же) лет явился готовым к услугам государя всего кристана*72 Бориса Федоровича[44] اون التى ياشيندا جملة الكرستان پادشاه باريص فيدراويچ نينك قوللوغينه حاضر بولدى لار. От того времени до сего был к службе государя Бориса Федоровича готовым; господин государь тысяча по тариху*73, в конце года свиньи помиловал раба (своего). Был год мыши[45], звезды были под برج месяца великого рамазана, 15 дня, по воле Бориса Федоровича, всея России государя, направо, налево приближенные*74, церемонные беки стояли — описывает представления Борису, который дал ему в удел Касимов[46], сделал подарки и оказал внимание پادشاه حضرتلارى سيورغال لار انعام لار بخش قيلدى، كرمان شهرين سيورغال قيليب بردى. Подробно описывает приезд Ураз-Мухаммеда в Касимов, с толмачем-алпаутом[47] и о избрании его в ханы тариху 1000, году мыши, счастливого месяцу зюлхадже, 10 дня, в четверг پنجشنبه, когда ему, Ураз-Мухаммеду, было 20 лет (см. стр. 166 и 167)*75.

51 об. || В جامع التواريخ (стр. 170). Правая и левая рука (крыло) Урус-хана [изображена так]: ميسره [левая], ميمنه [правая].

الاج منكى اقوام قوم алач-мены —3 сана [большое число];

اقوام قوم канглы —2 сана.

У народа канглы между ними до сего времени знатные есть اولوغ لارى معلوم ايرور. Но между алач-мены старшие с гре-

---

*70 اول ولايتدا بوعهدده حيات ترور (*Примечание Валиханова*).

*71 В тюркском подлиннике: برنچه وقت — некоторое время.

*72 [Написано] جملة الكرستان — [всех христиан]. (*Примечание Валиханова*).

*73 В 1000 г. по летоисчислению хиджры.

*74 *Карачи* — приближенные у киргиз. (*Примечание Валиханова*).

*75 جامع التواريخ.

бепчатой тамгой джалаиры должны быть بولغای. Со времени Чингис-хана, через разные степени مرتبه مرتبه بیلان (старшинство) досталось [сначала] Тебре-беку, от него Шейх-Суфи-беку, от него Айтули-беку, от него Итбака-беку, от него Карач-беку досталось, от него Конка-беку قونقه досталось. В этой алач-мены старшими были они, [да] между узбеками известны и уважаемы بو الاج منکی نینك اغاسی بولا کیلگان بولار ترور، اوزبیك یا اراسندا معلوم مشهور ترور.

35 об. ‖ جامع التواریخ стр. 168.

Изображение престола хана касимовского Ураз-Мухаммеда:

تخت نیك صورتی اوشبودور

میمنه*76

جلایر قادر علی بیك یعنی

دست راست اسبای

منكقوت ثمنای بیك

ارغون جش بیك یعنی

قبچاق توكای بیك

میسره

В средине надпись: «Вид престола этот»; на правой стороне надпись میمنه, на левой میسره, что значит, по объяснению самого автора: правая и левая рука*77. (См. стр. 170 یعنی میمنه اونك قول، میسره سول قول ایرور). На правой стороне означено место джалаирца Кадырали-бека и Исбай мангута Саманай-бека[48]. Зачем тут یعنی دست راست и на стороне یعنی دست چپ میسره*78? На левой — имя аргынца Чиш-бека и кипчака Тукай-бека. Затем (стр. 169) заключает в себе описание набожности и جمارتلق благотворительности Ураз-Мухаммед-хана и оканчивает его словами: بو سببدین کوندین کونکا پادشاه اسلام ناصر الدین ابو الفتح اوراز محمد خانغه دولت اقبال بیلان ایل اشاب یوز یشاب*79 تا ابد الابد کاجه دولت انکا یار بولسون انشا الله تعالی مین یا رب العالمین سبب اولتورورکم، کم بو تواریخ قه اوراز محمد خان حضرتلاری نینك اتا اناسیدین قوللوق قیله

*76 У Валиханова میسره и میمنه написаны за чертой, тогда как в подлиннике они находятся внутри плана.

*77 Правая, левая рука выражает почесть; два бека, как представители народа, садились всегда о правой и левой руке. *(Примечание Валиханова)*.

*78 دست راست и دست چپ *(перс.)* — правая и левая рука.

*79 Поговорка, до сих пор употребляемая киргиз[-кайсак]ами. *(Примечание Валиханова)*.

کیلکان جلایر تراق تمغالی ایردی. Эти слова замечательны: автор говорит о себе: «[пишущий] эту летопись (بو تواریخ قه*80 что-нибудь недостает...) от отца и матери Ураз-Мухаммед-хана для службы (к нему) приехавший был, имеющий гребенчатую тамгу, джалаирец». Далее: (см. стр. 170). «Из книги Чингис-намэ с персидского на тюркский язык переложил, которое случилось после, из своих познаний, при божьей помощи اوز استنباطندین الله تعالی توفیق بریب تصنیف قلدی сочинил ради восхваления (скоро прошедшей توز اوتماك) справедливости государя Бориса Федоровича... кончено». Затем говорит о содержании своей летописи. [Автор] прямо говорит родословную Кадырали-бека, означенного на правой руке میمنه: К а д ы р а л и-б е к, сын Хошум-бека, сына Тамджек баhадура, Иранджи-баhадура, сына Адамшак-мирзы, [брата] Карач-бека, сына Кубая, сына Канбара-мирзы, сына Айтули-бека, Итбака-бека. Во время Чингиса*81 был Сартак-ноян, его дети джалаир Сба سبا, его потомки джалаир Тебре-бек تبره بیك; его потомство Шейх-Суфи-бек, а его потомок Айтули-бек известен и почтен معروف مشهور دور; у потомков Урус-хана великим эмиром был اولوغ امراء بزرگ.

* * *

1 || Язык جامع التواریخ совершенно джагатайский, очень близкий к нынешнему киргиз[-кайсацкому], имеет, впрочем, несколько слов и оборотов не совершенно ясных. По своему изложению она [книга] также замечательна. Здесь басен менее, нежели в А б у л ь г а з и и Ш е й б а н и-н а м э. Начало, или слово Борису, написано языком очень понятным и довольно витиевато, во всяком случае это замечательный памятник татарской панегирики. Слова и обороты очень замечательны, многие речи до сих пор существуют у киргиз*82. باب اول دیباجه — ازمجلد اول از کتاب جامع التواریخ دور*83. Довольно ново в татарских хрониках перечень племен н е к н и ж н ы х, а с и д я щ и х в степях, причем говорит о их происхождении и местах кочевок и разделяет их на тюрков-монголов и монголо-тюрков*84 (см. стр. 16). فصل اول*85 здесь у него, вопреки тюркским историкам, Яфес делается

*80 Должно быть: بو تواریخ نی یازغوچی — пишущий эту летопись.

*81 Одно слово не разобрано.

*82 [казахов].

*83 Глава первая, предисловие из первого тома книги «Сборник летописей».

*84 Здесь допущена неточность, нужно: *монголо-татар,* ибо в тюркском подлиннике сказано (с. 19): نچوك كم اكثر اتراكنی منغول تیب ایتورلار انداغ كیم موندین ایلکاری تاتار غالب ایردی. جمله‌نی تاتار تیب ایتور ایردی‌لار.

*85 Раздел первый.

младшим сыном Ноя и порядок старшинства детей этого патриарха совершенно библейский.

Абульджа-хан по جامع التواريخ есть имя Яфеса, отца тюрков, Диб-Бакуй и Бакут его сыны. Целый ряд имен от Диб-Бакуя до Огуза пропущен. Автор говорит только, что Ной Абульджа-хана отправил на северо-восток и ханы: Кара-хан, Ур-хан, Кор-хан и Коз-хан там от него произошли بولار اندا پیدا بولدی. Миф об Огузе удержан вполне: от колен, отделившихся от Огуза прежде и ушедших на восток, произошли монголы, а оставшиеся и ушедшие на запад — суть тюрки. (См. стр. 13.) О происхождении племен кипчак, кангды и клич[49].

Истории предков Чингис-хана и особенно его жизнь и походы рассказаны довольно точно и с хронологическими цифрами. Замечательно затем разделение войск при Чингис-хане на правое и левое крыло, туманы, тысячи и имена беков и ноянов, ими управлявших, и особенно извлечение из Ясака*86 Чингис-хана. Также замечательно толкование автора значения слова Чингис. نچوك پادشاه لار بار ایردی بو اقلیم دا هر بر سی سین كور خان دیب ایتور ایدی؛ انلار سننك قولونكدا مقهور بولدی لار وسننك اتینك بو معنی دین جنككزی ایردی، یعنی پادشاه لار پادشاهی بولدونك*87 и т. д. (стр. 21).

1 об. || Слово Борису написано почти на чисто татарском языке, без арабских и персидских [слов], в остальных главах встречаются довольно часто, но вообще автор избегает их. Грамматически принятых форм и правил совершенно нет, одно и то же слово в разных местах встречается различно تیب — دیب [диб, тиб], стр. 20; برلا — بیله [биля, брла,] стр. 21; بیلهن [пилян] ,стр . 20 и بیلان [билан], стр. 24; на стр. 21 окончание حق قه, на стр. 22 حق غه، عجب قه [хақға], [ғажабқа]; برجه [барджа], بیرچه [бирча] стр. 22 и т. д. Особенно разнообразием письма отличается окончание родительного падежа نینك [нин], ننك [ніҥ] (стр. 23), مونك [мүҥ]; часто при окончании дательного падежа впереди слова стоит تا [та] и в конце دیكاج [дигач — то и другое означает до] جنوب دین تا شمالغه دیكاج Та же частица تا [та] заменяет иногда окончание غه [ға] یافث نی كون توغوش تا یباردی*89. Попадаются также и частицы تپا [тапа] или تبا [таба] (стр. 23). اوغوز تبا اطلاندی كون توغوش تپا مقام ایتی لار*90. Есть также в

*86 То есть *Ясы* — кодекс Чингис-хана.

*87 В этом климате [крае] были разные цари, каждого из них называли гурханом, они были покорены тобою [Чингис]; поэтому твое имя стало Чингис, т. е. ты стал царем царей.

*88 С юга до севера.

*89 Яфеса отправил на восток.

*90 Поехал к Огузу; обосновался на востоке.

книге много мест довольно темных, происшедших, нет сомнения, от ошибок переписчика[50]. Очень часто или почти [всегда] буквы ي [й] и ب [б] смешиваются: براق خان — يراق خان [Барак-хан — Йарак-хан]; вместо يراق [йырак] يزاق [йызак] (стр. 21); [вместо ديب باقوى — Диб-Бакуй]— ديب ياقوى [Диб-Якуй] и проч.

Вместо прошедшего и настоящего употребляется будущее время (см. стр. 19) قرقورم [Каракорум]. Из слов и оборотов, встречающихся у киргиз, я укажу на некоторые (стр. 16); زمانه دا [заманада] вместо زماندا [заманда — в то время] и последующие: [*91]انلارننك قوت دولتلارى اونكين ولايتلاردا اتى چاولى اتى چاولى چيقتى (стр. 17) произносится а т ы ч у у ы ч и к т ы — имя громким сделалось. Помнится, один стих плача жены по мужу اتى چاولى اياولم — اق نايزانك تور تاياولى[*92]; اياولم ([аяулым] происходит от глагола اياماق [аямақ]—жалеть).

Автор вместо татарского اوزگا [өзгэ] или باشقه [башқа] другой употребляет اونكين [онген][*93]. Киргизы употребляет все эти три слова для выражения [слова] другой (стр. 24). [*94]نچوك بر يسادى ايرسا بغايت ارو صاحب جمال وخوب صورتليغ Слово ارو [ару]— чистый; хороший у киргиз не употребляется и совершенно им не известно[*95], у них есть только глагол ارولاماق — омывать покойника[*96], но тем не менее в древних киргизских поэмах встречается; Урак, герой одной поэмы из времен Золотой орды, родом конрат, обиженный в разделе добычи, взятой от русских канглами, которых было много, || жалуется на свое
2 одиночество и говорит:

قانكغلى دان التاو كيلدم ديب،
اوراقه زورليق قلمانكز؛
قايراتنه منگان سونك،
بوره‌لار كيتسا جات بولار،
قلچ چاپسا ميرت قيلار؛

سويراى سويراى كوچارگا،
سويرو تاولار بولسا ايگه؛
سويرو تاولار بولسادا،
اونان سويراب كوچارگا،
سويرو اتان بولسا ايگه.

---

*91 Их могущество и богатство известны в других владениях.

*92 Прославленный мой, дорогой, белая пика твоя стоит подпертая.

*93 Теперь произносится: اونكه [өнге]—другой.

*94 Расцвел, сделался весьма красивым.

*95 Неточно, слово ارو — *ару* (чистый, непорочный) часто употребляют казахи. Ару ана (святая мать), ару қыз (непорочная девушка)—обычные эпитеты казахского эпоса.

*96 ارولاماق — аруламақ (от того же корня ару — чистый) не *омывать*, а *чистить огнем* то место в юрте, где умер человек. Очищенное место (арулаған-жер), после того как уберут юрту, засыпается камнями или землей и образуется небольшая насыпь.

سونككولی اولدار تووسا ایگه ...
المانینك كوكناندە یوق ایگه،
جالغزدا توغان سوم باسم
بارمنان یوغم كوب ایگه.*97

سویرو اتان بولسادا،
اونینك باسین جینالار،
قویان قولتوق کیرما قاس،
ارو چیچای بولسا ایگه.
ارو چیچای بولسادا،

كچمك [кечмек]— переправиться, يايلاق [яйлақ] — летние кочевые места и قيشلاق [қышлақ] — зимние стойбища. Юрт — народ — ايل [эль,] но юрт имеет у нас еще одно значение: место кочевания и стоянки [тоже] называется юрт, в этом смысле употреблено и здесь قرا خان اتاسی تورغان یورتوندا ایردی، قرا خاننك اوغلی توغدی اول یردا*98 (стр. 20).

Некоторые слова и обороты мне не известны, по крайней мере в языке киргизском не существуют.

Значение слова منكر [муцкэр] мне не известно, есть у нас слова منكراو [меңреу]— идиот, простак (стр. 21); (منم) مننك سوزومنی تنكلامادی منكر بولدی. دوبون بایاننك نچه خاتونی الان قوا اتلیغ ایردی*99. Значение نچه здесь я не могу понять. Слово تابونمق [поклоняться] употребляется здесь в смысле поклонения единому богу, но татары и киргизы слово это употребляют для выражения поклонения идолам, огню, луне и проч., которое между ними до сих пор существует. Говорят،بوتقه تابونمق اوتقه تابونمق*100, но о боге едином الله [алла] употребляют مناجت ایتماك ، سینماق ، قولچلق*101 и проч.

Автор пишет и бек, и бий и дает бию переносное значение разумного, умного человека (стр. 20). О матери Огуза اول خاتون كيم بى واستا *102. В этом смысле киргизы говорят بی كشی*103, от бий есть у нас глагол بى لك [билiк] — суд, удовлетворение, не отсюда ли بيلامك [билемек — управлять] (стр. 20) دريا قريغی [дарья қырыңы] в древнекиргизских поэмах قراغی; этого слова у нас теперь не знают. У нас говорят قاباغی [қабаңы — берег] и یاغاسی [яғасы — берег]. Слово یازی [язы], как видно из следующих примеров: یازیغه انكغه چیقتی*104 (стр. 22),

---

*97 См. перевод песни Урака в настоящем издании, с. 205.

*98 Кара-хан жил на родине твоего отца, там и родился сын Кара-хана.

*99 [Он] меня не послушал и стал [моим] противником. У Дубун-баяна была жена по имени Аланкуа. Мукэр *(араб.*, правильно: *мункир)* означает *противный* в смысле враждебный, отрицающий.

*100 Поклоняться идолу, поклоняться огню.

*101 Поклоняться, молиться, покоряться.

*102 Эта женщина была властная и деятельная.

*103 Властный человек.

*104 Языға анға чықты — выехал на охоту на равнину.

اول یازیدا اولوغ لشکر یغلدی*[105] имеет значение: степь, поле; [вместо یازی] киргизы говорят یازیق поле, гладко — в переносном; слово یازی [язы] не знают.

قونك سو [қонсы] у киргиз — бедные, живущие при людях достаточных и богатых; قونك سو قونماق [қонсы қонмақ] значит соединиться или присесть к кому-нибудь (см. стр. 23) بر یکی قونك شو سی بار ایردی*[107]; (стр. 27—28) دریا || ارا سیند ین قرچین لار قمش لار ییغیب سال بغلاب دریانی کچتی*[106].

2 об. Слово قرچین [қырчын] как название растения у нас не употребляется, хотя в той же поэме «Урак» и говорится قوم غه بتکان قوبرچین کیسوب الوب سال ایتتوم*[108], но на мой вопрос, что значит قوبرچین [қобырчын] самые почтенные староухи کاری قولاق не могли сказать ничего положительного. На озере Балхаше, в песках Аккум и по Чую, говорили они, растет болотное растение вроде тростника, но тонкое и очень легкое. Киргизы его называют копа и употребляют на легкие плоты.

Собственно корджун есть название дорожных мешков. Можно бы тут допустить и это значение, но слова دریا اراسیندین ییغیب*[109] совершенно делают не уместным такое положение.

جبارلیق، سپاهی لیق، بهادرلیق، قوت شوکت لیق بای لیق عیش وفراغت لیق قوی معظم اولوغ پادشاه تیماك بولور)*[110] стр. 60). Слова, как видно из употребления*[111] (стр. 30) برچه حالدا قوی حال ایردی لار*[112].

Слово مال [мал] никогда не встречается в сей книге без добавления توار قرا [туар қара], должно полагать, что توار слово древнее, заменявшее слово یلقی [илки, жылқы]. Нет сомнения, что все слова и термины кочевой жизни должны хорошо сохраняться у киргиз. Под словом مال киргизы разумеют вообще скот — в смысле богатства, который прежде составлял единственное богатство киргиза, теперь же это слово употребляется в смысле вообще богатства, а один скот — простой قرا [қара], а توار قرا есть название табунов конских; توار однозначное с یلقی.

---

*105 Ол языда ұлұғ ләшкәр йығылды — на той равнине собралось большое войско.

*106 Имел одного-двух консы (қоңсы).

*107 Собрав на берегу реки камыш и связав плот, он перешел реку.

*108 Срубив растущий на песке тростник, связал плот.

*109 Срубив на берегу реки.

*110 Великий царь — могущественный, искусный в ратном деле, благоденствующий в жизни.

*111 Мысль автора не закончена.

*112 Во всех обстоятельствах был сильным, могущественным.

Молодые киргизки, вышедшие замуж, не могут называть по имени всех своих родственников и киргиз, старших ее мужа, всего рода, к которому она принадлежит, почему и киргизки всегда дают им имя, составленное из других слов, но имеющее прежний смысл; место имени اوروس [Урус] говорят کسچه [кесче] или چواس [чуас] и вместо имени یلقی بای [Илқыбай, Жылқыбай] говорят تواربای [Туарбай] и проч.

Этот обычай у некоторых баб переходит в ужасные пределы. Есть такие ханымы, которые совершенно избегают всякого звука во всех словах, напоминающего сколько-нибудь запрещенное имя. Так, если заветное имя было, положим, Айбатыр, то для нее совершенно не существуют слова вроде ای, ایغر, ایدا, ایماق, اینالمق, ایامق*113 и пр. (стр. 33). قامچی بویلوغ ایر اوغولنی قویمادی*114 — сравнение камчи бойлуг и теперь в полном употреблении; вы часто услышите от киргиза سول زماندا من قامچی بویلی بالا ایدیم*115.

На стр. 33 в строке 10 по ошибке вместо ي стоит *б*: باریب اچیب — اجیب یاریب توزوب کیلماك. Эти три слова выражают бедствие кочующих племен, подвергнувшихся ч а п у [нападению] или б а р а н т е. Первое слово происходит от اچلق — голод, второе выражает истощение от принужденной диеты — подготовление лошади через диету на байгу (в бег) — [и] называется у киргиз جاراو ات، جاراتمق [жарау ат, жаратмақ] — название подготовленной так[им образом], вообще не жирной, но [в] совершенно нужной степени [лошади].

41 об. || СЛОВАРЬ

НЕ УПОТРЕБЛЯЮЩИМ[СЯ] ТЕПЕРЬ ТАТАРАМИ СЛОВАМ, ПОПАДАЮЩИМСЯ В جامع التواریخ

40 об. || тюркские и монгольские

اوروغ — семейство, род, прозвище, название

قوم — племя

اوکوس، بسیار اوکوس قوم

арабские и персидские

مفصل معلوم ایرماس — (подробный)

تبعه — [подданные, подвластные]

تفصیل دا معلوم ترور — [в изложении становится ясным]

*113 ай — луна, айғыр — жеребец, айда — гони, аймақ — округ, район, айналмақ — кружиться, аямақ — жалеть.

*114 Қамчы бойлұғ ер-ұғұлны қоймады — [Не пощадил никого из мужского пола, даже дитя ростом с рукоятку нагайки].

*115 Сол заманда мен қамшы бойлы бала едім — в то время я был мальчиком, ростом с рукоятку нагайки.

کثرتی — [многочисленность, множество]
اوتمك — пройти, в хрониках употребляется в смысле прошедшего бытия, так говорится: بسیار اولوغ بولوب اوتتی‌لار — чрезвычайно сильным быв, отошли [в мир иной], т. е. были народом сильным; то же значение имеет слово کچمك — переправиться, отойти.
اصل ، اصلی — происхождение, корень
ایری — муж
ایر — мужчина, храбрый
نچه — сколько? много, как, насколько, в смысле равно, также
مطلق — совершенно, полно, все
توغان — родственник. [родные]
توغان اغا، اینی — братья старшие и младшие
تا — до, пока
40 کیم || — [до тех пор пока تا کیم]
پیدا — [появление. возникновение]
نسل — род, потомство
سونکره،سونکرتین — после, впоследствии
صحرادا اولتورماق — сидеть в степях
صحرادا اولوتروشلوق قوم — [племена, живущие в степи]
یایلاق — летние кочевые места
قیشلاق — зимовые места
اینالاسی — [окрест, вокруг]
قوت — счастье
قوتلی ، قوتلیغ — счастливый, от него قوتلوغلامق — поздравлять
کوچ — сила, от него — کوچلوك
ارتوق — лишний, больше, выше; сравнительная степень — ارتوغراق
یورت — юрт, народ, равнозначное
38 об. с یورتی || ایل — место кочевания племени, место стоянки. В та-

قسم — [часть]
مغول ایرماس ایردی نه — نه [не являлись монголами]
لفظ — [диалект, язык, слова]
بو لفظ سونك زماندا چیقتی (это слово появилось в позднейшее время).
تاجیك — [таджик]
عنایت — [заботливость, благорасположение]
غالب — [побеждающий, победитель].
هنوز — [теперь, еще]
اکثر — многие
مخصوص — [особый, присущий, относящийся]
موجب — порядок, в виде
اشهل جسم — [синеокая плоть, синеокий дух ангела]
منسوب — [родство, относящийся к кому-либо, чему-либо]
حکایت — [рассказ, повествование]
نقل — [как рассказывают, передают]
مسطور ترور — [известно, подчеркнуто]
جنوبی، جنوب — юг
شمال — страна северо-восточ[ная]
مملکت — [страна, государство]
محقق — [доискивающийся истины]
متفق — [согласный, единодушный союзник]
اصناف — [род, сорт]
تقریر قیلندی — [изложено, заявлено]
عظیم — [великий]
دروازه — ворота
مقیم — [живущий, обитатель]
تابع — [подданный, подвластный]
منصب — [высокая должность]
شوکت — [могущество, величие] от него شوکت اسبابی

ком значении употребляется и у киргиз, в таком же употреблении и здесь: قراخان اتاسی تورغان یورتوندا ایردی، اول یردا قرا خانینك اوغلی توغدی. [Кара-хан находился в юрте (в местах), где жил его отец, там же родился и сын Кара-хана]. Слово اول یردا совершенно доказывает предпол[агаемое] мною значение слова یورت (с. 20 جامع التواریخ)

38 ایماك — сосать

здесь свое правописание ایماك.

تابوتمق — поклоняться божеству, в настоящее время этот глагол употребляется у татар-мусульман для выражения поклонения идолам بوتقا تابونماق, но здесь стоит в смысле поклонения единому богу

بی — то же, что بك и судья; в переносном смысле: всякий разумный человек. بی کشی, بی خاتون, от него بیلك — суд, удовлетворение и управлять بی لامك.

ساقلانمق — опасаться, принять осторожность; в جامع التواریخ в

38 том || же смысле поставлено слово ساقلاندی [остерегался] (с. 20)

دوست توتماق — [дружить]

قریغی، دریا قریغی — берег реки

کر یووماق — мыть белье

یراق — даль, далеко

یراق تورماق — [находится вдали в переносном смысле:] быть холодным, не расположенным.

نیاز — [нуждающийся];

حق قه نیازلق ایردی — نیازلق —[стал нуждаться в Боге]

کیلین — невеста, молодуха, [невестка, сноха]

ایغاق — [ясно, очевидно]

ایغاقچی — доказатель, свидетель

39 об. || (стр. 24)

مجموع — [собранный, соединенный, целый]

تزریع — стр. 21, пример:

محب — [любящий бога], (محب حق قه بولسانك) [если с любовью отнесешься к богу]

اشکارا — явно, открыто

بغایت — [весьма, очень]

صاحب جمال — [красивый], господин красоты

فرزند — дитя, мальчик

|| стр. 20

عجب — удивительно

بموجب سوزی رسیده بولدی، عاقل غه کیردی اثر ارشاد حق تعالی دین ایردی — [смысл его слов дошел до нее; она осознала и последовала по наставлению Всевышнего Бога].

غایت خوب — [очень, чрезвычайно хорошо]

نصیحت — [наставление, назидание]

التفات — [внимание, расположение]

محبت — [любовь]

کنیزك — [девица, служанка,], наложница

صحبت قیلماق — [беседовать, вести компанию]

مطیع بولماق — покориться комунибудь, согласиться с мнением

موافقت — [согласованность, пригодность]

معرکه— [шайка, общество], стр. 22

اویناسا، یورسا معرکه دا اول تیلنی ایتور ایردیلار — [во время групповых игр, прогулок — пользовались этим языком (жаргоном)]

غیرت لانمق — [воспрянуть, возгордиться]

فرصت — [момент, удобный случай]

عظیم مقبل — [счастливый]

لشکر تارتماق — войска вести
مقام — местопребывание; вроде
39 об. киргизского مکن [местообитания]

قریندا شلار — родственники, с этим окончанием اولوغلارین слово великий اولوغ означает вельмож, буквально: почетных.

التون — золото

التونلی — золоченый, с золотом, а не золотой, тогда должно быть: التون

توی — пир, праздник, торжество: وپادشاه لیق تیکدی ایرسا اول یردا التونلی خرگاه تیکدی، اولوغ توی قیلدی. جامع التواریخ (стр. 24) — [Если бывали торжества или возводили на престол падишахства, то там ставили золоченый шатер и устраивали большое пиршество]

اورون — место; اورونلیغ اورنیغه

اولتورتدی (с. 30) [взошел на достойные места]

قران کامکارلیق — [почитание Корана]

جبارلیق — [величие, слава]

سپاهی لیق — [военнослужащий]

بهادرلیق — [отвага, героизм]

(یاشلاغانلار، یاشاغانلار) —

نچه چاقلی — [прожили долгое
39 время]
39 || اوینناک تونکلوکی — [отверстие вверху юрты]

اروپکزه — чистый

مال یعنی توار فرا — [богатство, т. е. кони]

چایماق — у киргиз части, расстилать, развешать. В التواریخ جامع (с. 32) слово это встречается
48 || под орфографической формой یغار ایردی مالین توار قراسین

کونکلی تنماق — быть довольным, успокоиться

اتفاق قلماق — намереваться, намерение иметь.

|| وقیف بولماق — подготовленным быть, предуведомленным быть

فی الحال — тотчас, тогда же

مسخر قیلماق — покорять, достать

خرگاه — шатер

التونلی خرگاه — [золоченый шатер]

ولایت — [вилайет]

پادشاه لیق تیکدی — престол дошел [достался]

خلعت — [пожалование, почетный халат]

خلعت‌لار سچورغاللار بردی — [почетными халатами жаловал] (с. 24)

نعمت دولت — [благодеяния, власть]

ابتدا — начало

میسر — [способствующий, делающий доступным]

قوت شوکت — [величие]

عیش — [жизнь, радость]

فراغت‌لیق — [отдых, покой]

صدف — [жемчужная раковина, перламутр]

غواص — водолаз

حاصل بولماق — (получаться)

بطن پاك — پشت پاك — (чистый телом и душой; чистый помыслами)

|| مقدمات — (прежде, раньше)

تقریر — (рассказ устный; утверждение]

موجود بولماق — (существовать, быть, присутствовать)

ایشارت — [знак, намек, сигнал]

حامله کلتورمك — حامله بولماق — быть беременной

معتبر بزرگ — [многоуважаемый]

|| تواریخ — хроника

مشایع بولماق — наступать

مناجات قلماق — воззвание

نازل بولماق — [с]низойти

توکال — полон, верен в числе
یسیر ایتماك — взять в рабство детей, жен разграбленного племени (у киргиз и др. татар)
قساس قلماق — в кабалу взять
[و]طن قلماق — - сделать пристанищем
مقبول — лучший, превосходный
قتل قلماق — [убивать]
کونکول لیکا — храбрость
(с. 41)
بهادرلیق بیلان وکونکول لیك
بیلان مغول بیلان بسیار توقوس
قلدی — [храбро и с отвагой много раз сражался с монголами]
ینانش — возле, рядом
سیورکار[*116] ایردی — оказывать почести, наделять
48 || قارماق — состариться
قاریب ایردي —
اگرچه — хотя
بویو سونلوغ — [подчинение, покорность]
38 об. || کینکاش — беседа, совет
سیورغال — подарок или выражение существенное любви или расположения. Из слова انی بسیار سویورغار ایردی и из слов Т[емир] К[утлукова] ярлык [а] سیورغاب достоверно видно, что существ[ует] глагол سیورغامك, у киргиз سیورکامك и от него سیورکاب есть местное изменение глагола سیورغامك. Оно имеет значение призреть, пожаловать, вообще покровительственную любовь и милость высшего.
37 об. || الاشا — низкий, меньший ростом; у киргиз говорится الاسا
پاکزه — чистая, чистота. По свидетельству автора جامع التواریخ

روایت — сказание
قوپماق — [трогаться, подниматься, отторгнуться]
اویقودین قوپقاج — [соскочить со сна, вскочить с постели]
رویلار — повествователи
روی زمین — земное лицо
عهد قیلدی — завещал
جانب — страна, [сторона]
اعظم — величайший
معجزه — чудо
کیفیت — дело
معروف ومشهور — известно и ведомо
اکره — [более отвратительный, самый презренный]
مسخر ومسلم بولدی — вручено и отдано

*116 Это то же, что سیورغال — лен, удел.

اوتجكين значит младший в семействе, то же, что киргизское كنجه. Ему должно было принадлежать все имение от отца и матери اتا اناسيننك اوتى، يورتى، مالى توارقراسى، اوى ترليكى كچيك اوغلى غه قالور[*117] (стр. 44)

اوزماق — перегнать

ايكار — седло

اوفكا — اوپكا — اوپكالامك — (обида, обижаться)

قو، قوى — высокий, великий, благный, превосходный

قوحال — прекрасное состояние

سنكون يعنى اندين سونك — [затем, после этого, впоследствии] (стр. 73)[*118]

*117 Очаг родителей, места кочевок и стоянок (юрт), имущество, табуны коней (توار قراسى) и вся домашняя живность остаются (в наследство) младшему сыну.

*118 Переводы терминов, показанные в квадратных скобках, выполнены Н. Н. Мингуловым.

ОБРАЗЕЦ [ПРИЧИТАНИЙ]*[1]

کوبچاك ساندی کورانکدی
تابیەغه جراتقان،
قرق سان قرا قلماقتی
جارلغینه قراتقان.
ایبالتاسون التون منان بوولاتقان.
الافاسون ارتتوروب
اریالاب اتتی قووناتقان.
لاباچی دیکان بر ایلنی
انتی منان اولاتقان،
ایرانچی منان سراندی
توزغونداتوب چوولاتقان.
برستاسون جورت اوستونان دوولاتقان.
اینکساسی بیوك بوز اوردا
سلتانت غه اورناتقان.
بولات‌دان چیکا سوقتوروب
چنکاراغون تورلاتقان.
اوشبو یردان بك [داروں]
جاسیل کول کا مصلحت [کا] کیلتوروب
. . . .
مس تاباق‌غه تولتورغان.
قازغونی قلایی دان قاقتوروب
توقباغن سوم التون نان سوقتوروب
نقرا کموش چاپتوروب،
بولغاری سبا پیچوروب
چنی ایاق مان ایچتورکان.
اورندوغن اویمشداب
اواو نقش سالدورغان.
ساندوغین سارالتونغه مالدورغان.

---

*[1] Песни Бухар-жырау по умершему Аблаю.

کوچسه قرقین ارتالماس،
قریق مینك اتان تارتالماس.
قزیل ایاق مال جیب
قالیجهسین الدورغان.
الغین چغین ارقالاب
بتینه بدیر قامقا سالدورغان.
توورلیغینك قرا کیس
تولولو بر تونکلو کین
اوشیغهدان اوستاتقان.
بایتاغینك بایب مال بریب
بایراقتی جر کا قیستاتقان.
عدل لیکین نشر اون عدلکا یتکورکان.
[جومارتلیغین] حاتمتای
جومارتدان اوتکارکان.
کونده مهمان کوزلتیب
کیساکلاب ایت برکان،
ایماندینك ایسینه قاراب بیت برکان.
بر خدایدنك دیدارین
سن کورمسنك کم کورار.
تیانداسقان دوشمن غه
کونیندا قیلیچ شاویب اوتکارکان.*

* * *

На*[2] коновязи он тренировал
Одних мухортых коней с упругими бедрами.
Несметное число каракалмыков
Подчинил своей власти.
Покрыл позолотой свою секиру,
Окружил себя ореолом величия,
Услаждал он коней ячменем.
Племя, называемое лабачы,
Он привел к присяге.
Иранчи и Серена*[3]
Разогнал, рассеял во все стороны.
Ангел счастья вознес его славу над народом
Высококупольную белую юрту-ставку
Поставил он для великолепия.
Булатными гвоздями
Прикрепил шанарак*[4] ее.

---

*[2] Перевод песни А. Х. Маргулана и Дж. Кармышевой.
*[3] Точнее: *Эренчи и Цэрэн* — имена калмыцких князей.
*[4] *Шанарак* (шаңрақ) — верхняя часть остова юрты.

Вызвав на совет беков своих,
На озере Жасылколь*[5]
Наполнил медные чаши...
Приказал вбить колья оловянные;
Колотушку велел отлить из чистого золота.
Кумыс для него готовился
В кожаной сабе с серебряной оправой.
[Гостей] поил он [кумысом] из фарфоровых чашек.
Кресло свое отделал резным орнаментом,
Украсил еще большей росписью.
Покрыл позолотой свой сундук.
При перекочевках его имущество
Не под силу было вьючить служанкам,
Сорок тысяч верблюдов
Не могли везти его.
Размножил стада красноногих*[6] животных,
Наслаждался видом своего лысоголового стада.
Сборы и дары — целые возы.
Покрытие боковых стен юрты из черного соболя.
Широкое покрытие верха
Украшено разноцветным узором.
Разбогател народ твой многочисленный,
дал много добра;
Зимовать ты устроил их в обжитых местах.
В справедливости он не уступал Нуширвану
Справедливому*[7]
В щедрости превзошел Атымтая Щедрого*[8]
Каждый день он встречал гостей,
Угощал их свежим мясом;
К совестливым обращал свое лицо.
Кому же, как не тебе узреть божье лицо.
Не отступавших врагов
Рубил он саблей беспощадно.

*[5] Старое название озера Иссык.

*[6] То есть породистых.

*[7] *Нуширван,* т. е. Хосров I Ануширван — персидский шах, правивший в 531—579 гг.

*[8] Вернее: *Хатим ат-Та'и* (ум. в 605 г.) — полулегендарная личность у арабов, доисламский поэт, известный своей безграничной щедростью.

ابلاي تورالی جر

|| من بر جرده[1]* جرلاین، 5 об.
جرلاسام ننه جرلاین؟
ایرتگه اوتکن ابلای
خانییمده جرلاین.
اونی منان قویماین،
اوننك اتسقان جاون جرلاین.
قوسقان مالن جرلاین.
منکگنده اتی کر ایده
ایسنغول‌من ایر سادر
قرغزده دانکقه بر چققان ایر ایده
اناو بر سادر اتلاندی،
اتلانده‌ده بابلانده،
قزاق بر اویغه توسکانده
تنچ اویقتاب جاتماده،
اق سو منان کوك سوده
اتلانه کلمه سارت‌ده الده.
قرادا قووس چنکقردان
سمز نایمان چابلده،
سوننك ایچنده
قونکراتنك جمان چابلده.
سایقال ترك توبنده،
موزده بلاق باسنده
سوقاقفان قوزه مه‌ن لاق تابلده
اون بش یاشار یاس بالا
جاوغاچ بر سونده جلایده:
سن سادر غه قلماسام،

---

*[1] جرده, т. е. جردی. Валиханов ی (i, ы) в конце слов большей частью передает буквой ـه ; نه‌نی (нені) он пишет نته , ده‌دی (деді) — دەده, سالدی (салды) — سالده и т. д.

کوتنکنان سورگه سالماسام،
ارقاداغی ابلای خه‌نییمه بارماسام،
سویتب بر کگم الماسام.
تاغه بر مزگل بولغانده
جاوغاچ بر اتقه منگان کون،
بلنه ساداق سالغان کون،
قاراقانده قولینه
اورتاغه الا قونغان کون.
انکر قوزنه الغانده،
توس اویقغه بارغانده،
چالبار سالده بولغانده
تیب بر جلقی الغان کون.
تورت کشنی باچشی الوب،
بس کشی‌نی قوچشی الوب
ارقاداغه ابلای خانغه کیلگان کون،
الله‌یار [دیب] باس اورغان کون.
خان ابلای سورغان کون:
ــ جولدار بولسن جاوغاچجان.
ــ خان ابلای تقسر خان،
تنکری برسه مول بولسن.
قرادا قووس چنکقردان
سمز تایمان چابلده،
سوننك ایچنده مینم
قونکراتم جمان چابلده.
اق سو منان کوك سوده
سایقال ترك توبنده،
موزده بلاق باسنده
سو قاقفان قوزی اولاق تابلده.
اویناپ بر جورگن قوربه‌سن
جاوغاچنك جمان ساغنده.
ــای جاوغاچم، جاوغاچم،
سن باراتور، باراتور،
سمبله توسن جلتیب،
ات سمرسن قنتیب.
من سادرغه قلاین،
باياغه‌دای بولاین،
تانا*² برکای خدایم.

---

*² Видимо, описка, должно быть پانا (из перс. پناه) — защита, покровительство?

* * *

تاغه بر مزگل بولغانده
سمبله توده جلتیب،
ات سمرده قنتیب؛
یوز قویغه الغان قولاچه ات
جوراکتای بولب سمرده،
جلاندای بولب جارادە.
خان ابلاي تقسرخان
اوله بر یوزدین قول جیدی،
کچه بر یوزدن قول جیده،
اسراسه [لوتنك] اچنده
اوراق بنن کریدن
رابایسز مول جیده.
کوك بوری‌دای جلده خان،
ایتلگه‌دای الده خان،
قارچغادای قاقته خان،
تورمتایداي قوندی خان،
توقال ترك توبنده
اتلانب کنکس سورده خان.
باسنتین اوله بارلوبای
اومراولاب سویله‌یده
کسی ارقینه کونبیده:
—سن کوك بوری‌دای جلدنك خان،
توقال ترك توبنده
اتلانب کنکس قلدنك خان.
یمانده قولغه توسمز،
کل قایتالق، دیده‌خان.
سونده ابلای جلایده،
ابلای نیداب جلایده؟
—کری منان اوراق تنك
نایزا اوستاغان باتردنك
برده برنی جوق بولده.
من نیلکتان بوق بولدوم،
جانه توسب چوق بولدوم.
سونده کیدایچیلك مندارنك
سول مزگلده بار ایکن.
کرایدنك اوله تورسونبای
کون ساداقته دمسنك،

— کوبکه تییار سوزم بار[*3]
کوك چولاق اتته دمسنك
اولجه‌ده آلار جایم بار.
یمان قیلب الامز،
کل قایتالق، دیده، خان.
||ابلای خانم جروچنك
قازدای بولب قرقلداب،
(بوراداین) برقلداب،
سای سووندای سارقلداب.
جای تاسندای جارقلداب.
. . . . باوره
قولغادا تولده سولقلداب.
چابندتنك ایچنده
قوس ایدارده اول کیته[*4]
قوس تولمده قز کته.
سونك جمان ایه اوتته.
یمان قیلب الامز،
کیل چابالق، دیده، خان.
سویگنده بار ابلای
قارت بورادای چابنده.
یوز قویغه الغان قلاچه ات
تورت ایاغن قاغنده،
جاو اتندای سابلده.
سابلغانن بلکان سونك
ابلای‌دا[ی] تقسرخان
ایل تورمان تاغنده.
ارغماغن اوزدرده،
بایاو جاتقان قرغزده
ساری بلده توزده‌رده.
قلماقچه‌دای قلدرده،
قرغزدنك بلن سندرده،
چابته‌ده قایتته ابلای.
ابلای چاوب قایتقان سونك
سادر بالا کلمه‌ده
سای سووندای سارقراب،
جای تاسندای جارقراب.

---

*3 کون ایتکته دمسنك کوبکا تیر سوزم بار *(Примечание Валиханова)*.
*4 کیته، کته، т. е. که‌تتی (кетті).

ابلای خاننك قورقانه[*5]
قورققانه ایمی نمنه؟
توره بر قالده تىز كنب، تتراب.
ـای جاوغاچم، جاوغاچم!
اونك قولمده لاچن،
سول قولمده جاوغاچم.
ازدسمده تابلماس
جاوغاچجان سندای قباچه اول.
منگانده اتی کیرایده
ایسنغول من ار سادر
قرغزده دانكقه بر چققان ار ایده.
بار سادرغا بارا کور:
ایلدسین سادرمن.
تالاستنك بویی تار جایلاو
تالاسا بارب جایلایق،
کنکستنك بویی کنك جایلاو
کنکسه بارب جایلایق،
قازی منان قار ته‌نه
قیه کیسب چاینایق.
ـسادر باتر توراتور،
ارقاداغی ابلای
خانم منم جبرده:
ـبار سادرغا بارا کور.
منگنده اتی کیرایده
ایسنغول من ار سادر
قرغزده دانكقه بر چققان ارایده.
جاولاسبایمن سادرمن،
ایلدسین سادرمن.
تالاستنك بویی تارجایلاو
تالاسه بارب جایلایق،
کنکستنك بویی کنك جایلاو
کنکسه بارب جایلایق.
قازه منان قارتانه
قیه کسوب چاینایق.

* * *

ـقوقی! ایلدسبایمن اونی من،
جاولاسامن اول قولمن.

---

*5 قورقانه, т. е. قورققانی (қорыққаны)

تالاستنك بويى تار جايلاو
تالاسا باروب جايلامان،
كنكستنك بويى كنك جايلاو
كنكسه باروب جايلامان.
قازه منان قار ته‌نه
قيه كيسب چاينامان، قوقى!
ابلاى ديكان كارى قول
اوچ چاپته منم اويمده
اونه منان تورماده
ابلاى ديكان كاره قول
اراغن ايچوب ايسرده.
تاستاپ كيتسن جسر[م] ده،
بر قلماده منك قلده، قوقى!
جاباغمده جون قلده،
جاس قايسمده اى قلده،
بوز بالامده قول قلده،
اق اوتاوم كونك قلده.
اوتى منان تنباده، قوقى،
ابلاي ديكان كارى قول
اينده مغان‌دا قراب قلغنده، قوقى.
قان قلماى چيشسن كييمده،
بولاك ـ بولاك ايته‌رمن،
بوزداى جرتب اوتارمن.
دودوغاسن كيارمن،
اينكسه‌سنه منارمن،
كووده‌سنه سييارمن.
ايلمده چاپقان سو قولدنك
سوياكن[نك] اوستونه
منارا قيلب اويارمن.

* * *

ـ منكنده اتى كيرايده
ايسنغول من ار سادر
قرغزدا دانكقه چقان ايرايدى.
ايلچه‌گا بارغان جاوغاس جان،
سادر باتر نه ديدى؟
ـ اوى ابلاى ديكان تقسر خان،
سن نتسن، نتسن؟
اناوبر تورغان سادردنك
اولكنسگن سوزى بار،

خدایدنك بزگه برار ایبه‌بار،
سن کیلگنسن، کیلگنسن،
|| کلب قرغز چاپقان سن،
تنکده اولجه تاپقان سن.
«قوقی! الدسبایمن سو قولمن،
اینده مغان قراپ قلغنده».
(سوندا ابلای):
ـیالانکاچ حجم سن بولسانك
اناو تورغان سادر ده تورب‌اتسانه،
قارق اولجه‌غه باتسانه.
اول سادر ده اتباسنك،
سادر سنی الاده،
ات کوتینه سالاده،
تانکدینکدان تسیده،
جانغان اوتقا اوزنکده
چرقراتب باساده.
الله‌دان اوکم کلکان سونك
برچبندای کوکه [جان]
او قای جاقغه قاچاده.
قونکراتتنك کوب مرگن
کوینده بولغان سول بایغوس
اورمه قرا ملتقته
تزه‌گه الا اولتورده،
اوزن براوقغه تولتورده،
اتتان بر قورغان سوغسته،
اوقچانتاین قاغسته،
الدلای ابلای چانچقان کون،
قوقی لاب قرغز قاچقان کون،
قزاقته دولت باسقان کون،
قرغزدان ارواق قاچقان کون.
(اتتم ده‌ب ایکه اووس توپراق تاستادی).
ارغماغن اوزدر ده.
بایاو جاتقان قرغز ده
ساری بلده توزدر ده.
چاپته‌ده‌غه قایتته ابلای.

* * *

(شول جلده اتکه جرق‌نی اولترکان.
سوننك قزیننك جری).
مرکن‌ننك باشی ملوون.

دارەننك جوله سروون.
منه بر قزاق کلموون،
اته کمننك اولوون.
سادر کرده قامشقه،
اته کمننك نايزەسى
قزل چکبن بور کنب.
قزدار من بو سادر
قارا چکبن بور کنب
خاتون من بو سادر.
ابلاى خاننك نايزەسى
قولا بر بولب قايستى
اته کمننك نايزەسى
قاراغاى بولب مايستى.
قرم توقم ابلاى
قرداسنك من اتەکم،
تەره توقوم ابلاى
تنکداسنك من اتا کاو.
باسنكده قويده الككا
قانتكده الده چلككا
اوتنكده الده کرککا.
ايچب قانغه تويماده
ابلاى ديکان قاچ ايغر
اجلگه کارەکگن قويماده.

ПЕСНЯ ОБ АБЛАЕ*[1]

Спою-ка я песню удалую,
Но о чем же я вам спою?
Спою о жившем в давние времена,
О моем хане Аблае[1]
Не остановлюсь на этом,
Спою о его врагах,
С которыми он сражался,
О том, как он размножал свое богатство.
Всадники мухортых коней —
Есенгул и Ерсадыр[2]—
Славные киргизские богатыри.
Удалой Садыр раз поднялся,

*[1] Перевод А. Х. Маргулана и Дж. Кармышевой.

Сел на коня и собрался в поход.
Он заставил казахов задуматься
Не спал спокойно,
Со своей конницей примчался
И захватил он сартов.
На Каракуус-Чункуре
Разгромил семиз-найманов*[2]
И наголову разбил кунгратов.
На Аксу и Коксу,
Под Сайкалтереком,
У Муздыбулака
Найдено множество ягнят и козлят,
Унесенных бурным потоком.
Пятнадцатилетний юноша —
Жауташ — тогда плачет:
«Если не отомщу тебе, Садыр,
Если не пошлю за тобой погоню,
Если не сообщу моему хану Аблаю,
Живущему на Арке,
То никогда не возмещу мою обиду!..»
Так однажды наступил день,
Жауташ сел на коня,
Привязал к поясу колчан,
Зажал в ладони черную кровь.
Когда день склонялся к вечеру,
В сумерках уложены ягнята,
Когда снимали шаровары*[3]
Пригнал Жауташ табун лошадей.
Взяв четверых в вожаки,
Пятерых в сопроводители,
Представился к Аблай-хану на Арке.
— Аллах вам защитник,—
Склонив голову, сказал Жауташ.
Хан Аблай осведомился:
— Куда путь держишь, Жауташ-жан?
— Хан Аблай, государь ты мой,
Да будет у тебя обилие всего.
На Каракуус-Чункуре
Семиз-найман разбит,
В этом бою особенно
Мой кунграт сильно побит.
На Аксу и Коксу,
Под Сайкалтереком,
У Муздыбулака
Найдено множество ягнят и козлят,

*[2] Подразделение казахского племени найман.
*[3] То есть укладывались спать.

Унесенных бурным потоком.
Твой Жауташ сильно тоскует
О сверстниках, с которыми он играл.
— Ай, мой Жауташ, Жауташ!
Ты пока вернись домой,
Пусть взойдет, сверкая, звезда Сумбуле*[4]
Пусть кони откормятся.
Я задам тогда Садыру,
Как бывало раньше;
Да будет нам бог защитой.

* * *

Вот пришло время,
Взошла, сверкая, Сумбуле.
Кони разжирели,
А саврасый, купленный за сто баранов,
Округлился, как сердце,
Стал поджарый, как змея.
Хан Аблай, государь,
Собрал рать с Большого жуза,
Собрал с Малого жуза,
Особенно из уваков и кереев[3]
Собрал несметное войско.
И двинулся хан, как серый волк,
Взмыл, как сокол-балабан,
Взмахнул, как ястреб,
Стал, как кобчик,
Под Токалтереком,
И, не слезая с коня,
Устроил там совет.
Сын басентиина*[5] Барлыбай,
Непокорный, говорит дерзко,
Не подчиняясь никому:
— Ты рыщешь, как серый волк,
Не слезая с коня,
Под Токалтереком устроил совет,
Дело плохо, пропадем в окружении,
Давай вернемся,— вымолвил он.
Тогда Аблай плачет.
О чем же он плачет?
— Жаль, среди вас нет ни одного
Из богатырей кереев и уваков,
Храбрых копьеносцев.

---

*[4] *Сумбуле* — а) самая яркая звезда неба — Сириус, видная в наших широтах с начала августа до весны; б) название месяца августа.
*[5] *Басентиин* — казахский род.

Отчего ж я опозорился,
Погас, едва воспламенясь?
Тогда [он увидел среди воинов]
Прославленного бедняка
Сына керея Турсунбая[4],
Носящего кожаный колчан.
— Я обращаюсь к народу,—
Крикнул Турсунбай.
— Не смотрите, что я на серой кляче,
Не откажусь я от добычи.
Если не пойдем в атаку,
Может стать нам плохо.
Идем в бой, о хан Аблай!

* * *

О хан Аблай, ты ходил,
Гогоча, как [гусь],
Бушуя, как [бура]*[6],
Бурля, как горный поток,
Сверкая, как метеор,
И печень [твоего врага]
Досталась тебе в руки.
Во время сечи
Пали юноши с чубами на голове,
Пали двукосые девицы.
О, как тяжело перенести!
Можем испортить все дело,
Давай хан в атаку,— крикнул он.
Аблай-хан еще в силе —
Бушевал, как старый бура.
Саврасый конь, равный сотне баранов,
Встрепенулся на всех четырех ногах,
Вспотел, как вражий конь.
Увидев, как конь вспотел,
Государь мой, хан Аблай
Подтянул подпруги туго
И пустил аргамака вперед.
Мирно живших киргизов
Рассеял на Сарыбеле[5],
Свое дело он сделал,
Сломал хребет киргизам.
Итак, совершив набег,
Вернулся к себе Аблай.
Наступило время затишья.
И вот явился к нему Садыр,

*[6] *Бура* — верблюд-производитель.

Бурля, как горный поток,
Сверкая, как метеор.
Вздрогнул хан Аблай.
Не признак ли это испуга?
Задрожал он, растерялся.
— О, мой Жауғаш, Жауғаш!
На правой руке моей сокол,
На левой руке мой Жауғаш,
Сколько бы ни искал,
Не найду такого лучезарного сына, как ты.
Есенгул и Ерсадыр —
Славные киргизские богатыри,
Ездят на мухортых конях.
Иди, Жауғаш, к Садыру,
Не стану враждовать с ним,
Буду в союзе с Садыром.
Тесны жайляу по Таласу,
Но будем вместе летовать,
Обширны жайляу по Кунгесу,
В мире-согласии будем летовать
И будем лакомиться казы и картой*[7],
Раскрошивая на куски.
Пошел Жауғаш к Садыру:
— Садыр-батыр, ты постой,
Хан-Аблай, живущий на Арке,
Послал меня к тебе, сказав:
— Иди, к Садыру, иди.
Всадники мухортых коней —
Есенгул и Ерсадыр,
Славные богатыри киргизов.
Не буду враждовать с Садыром,
Пойду на мировую с Садыром.
Жайляу по Таласу хоть тесны,
Но будем вместе летовать,
Жайляу по Кунгесу обширны,
В мире-согласии будем летовать.
Будем вкушать казы и карту,
Раскрошивая на куски.

* * *

— Коки!*[8] Не помирюсь я с ним,
Буду враждовать с этим рабом!
По Таласу джайляу тесны,

---

*[7] *Қазы* — особо приготовленная конская колбаса с брюшным жиром; *қарта* — толстая кишка лошади, считающаяся у казахов лакомым блюдом.
*[8] *Қоқи!* — восклицание у киргизов, выражающее удивление, досаду, гнев.

Не буду вместе летовать,
По Кунгесу джайляу обширны,
Не буду с ним вместе летовать.
Не хочу лакомиться казы и картой,
Раскрошивая на куски, коки!
Старый раб этот Аблай
Три раза разорил мой дом.
На этом не остановился
Старый раб Аблай,
Напился водки и опьянел.
Пусть вернет он наших пленных.
Не одну, а тысячу бед
Причинил он, коки!
Мое жабагы*[9] он растеребил,
Сыромятный мой ремень
Выделал в кожу,
Юных сыновей моих
Сделал он рабами,
Белую юрту мою с молодоженами
Он полонил, коки!
И на этом не успокоился
Старый раб Аблай,
Теперь домогается моей жизни, коки!
Пусть снимет одежду,
Пока она не окровавлена;
Разорву ее в клочья,
Как простую бязь.
Надену его шлем,
Сяду ему на грудь,
Помочусь на его тело.
На труп этого раба,
Разорившего мой народ,
Башню навалю.

* * *

— Всадники мухортых коней —
Есенгул и Ерсадыр,
Славные богатыри киргизов.
Мой посланец Жаугаш,
Что сказал Ерсадыр?
— О, милостивый хан Аблай,
Что ты будешь делать?
Возгордился твой Садыр.
Бог сулит ведь нам удачу.
Ты пришел, разбил киргизов,

*[9] *Жабағы* — зимняя грубая овечья шерсть.

Взял несметную добычу.
Садыр-батыр сказал:
— Коки, не помирюсь я с этим рабом!
Теперь он домогается моей головы.
Тогда Аблай [сказал]:
— Ты мой голый витязь,
Иди к тому Садыру,
Застрели его,
Обильную добычу возьми.
Если не убьешь Садыра,
Он поразит тебя самого,
Привяжет к хвосту коня,
Продолбит тебе нёбо
И прожжет палящим огнем.
О, повеление аллаха!
Куда ты можешь убежать [душа],
Ничтожная, как муха?
(И, сказав: «Кидаю!»,
Бросил две горсти земли).
Многочисленные кунгратские мергены*[10],
Все они быстро и ловко
Установили на коленях фитильные ружья,
Зарядили их пулями,
Устроили защиту из коней,
Вытряхнули патронные сумки.
И вот началась пальба.
В день, когда сражался Аблай,
Когда, крича «Коки!», бежали киргизы,
Когда казахи взяли верх,
Когда киргизов покинули духи предков*[11],
Скакун Аблая шел впереди.
Беспечно живших киргизов
Разбил на Сарыбеле,
Разбил и вернулся Аблай.

* * *

(В том году, когда в сражениях был убит Атеке-Жырык[6], его дочь сложила такую песню):
Тихо в верховьях Меркена,
Дорога по прохладному ущелью приятна.
Вот пришли эти казахи
И не стало моего Атеке.
Садыр скрылся в камышах,
Мой Атеке вышел ради чести,

---

*[10] *Мерген* — меткий стрелок
*[11] То есть им изменило счастье

Накинув на себя красный чекмень;
Садыр был вместе с девушками,
Накинув черный чекмень,
Он был вместе с женщинами.
Копье хана Аблая
Негнущейся бронзовой стрелой взвилось,
Копье моего Атеке
Погнулось, как сосна.
Под Аблаем хотя черный потник,
Но он сверстник тебе, Атеке.
Кожаный потник под Аблаем,
Разве ты равен ему, мой Атеке.
Вверг он голову твою в беду,
Кровь твою слил в ведро,
Желчь твою взял себе,
Пил и не напился крови твоей.
Аблай, бешеный жеребец,
Не забыл старую месть.

ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ БОЛЬШОЙ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ ОРДЫ

1 || Киргизы Большой орды производят себя от древнего монгольского народа уйсунов[1], родоначальником своим [считают] Майки[2]-бия, современника Чингис-хана[3].

О происхождении же народа киргизского казак и соединении своем в союз трех орд казачьих [они] имеют весьма темное понятие. Одни из них говорят, что киргизы произошли от ногайцев, заблудившихся в степях ишимских. [Другие] говорят, что предки их не имели ни рода, ни племени, долго скитались по степи, пока не похитили себе жен от какого-то неверного народа чеген[4], а так как ногайцы были мусульмане, а жены их неверные, то и народ киргизский, произошедши от их смешения... в себе и в своей религии смешение двух элементов. Надо сказать вообще, что предания этой орды носят на себе следы тюркестанского влияния и сами киргизы опираются на их сказания; так говорят узбеки, так мы слышали в Капале. Вот другое предание, очевидно, произошедшее под религиозным влиянием среднеазиатских мусульман. Родоначальником Средней орды был товарищ, сахаба*[1] Мухаммеда[5] «избранного». Пророк, по откровению архангела Гавриила, узнав о скором своем оставлении правления сего тленного мира, чтобы там, в эдеме, на лоне гурии, отдыхать вечно и вечно, призвал своих друзей и товарищей и сказал им об этом, прося прощения, если он сделал кому-нибудь из
1 об. них обиду. Все плакали и говорили: || «Ты друг аллаха, мог ли ты сделать обиду!» Только один сахаба, по имени Оксе[6], объявил претензию, что пророк при осаде какого-то города безвинно ударил его в спину. Мухаммед действительно вспомнил свою ошибку и в возмездие предложил ему свою спину. Абубекр[7], Омар[8], Осман[9], Али[10] и другие вельможи тщетно отговаривали Оксу оставить безрассудное свое намерение. Оксе ничего не хотел слушать и, при общем проклятии народа, подошел с плетью к священной спине любимца аллаха и просил его обнажить тело. Пророк снял свое верхнее платье. Оксе того и нужно было: он знал, что на спи-

*[1] *Сахаба* (араб. صحبه или اصحاب, мн. ч. от صاحب друг, попутчик) — так называли сподвижников пророка Мухаммеда.

не «избранного» есть божия печать, приложившись к которой смертный делается недоступным адскому огню. Оксе вместо ожидаемого удара только наклонил голову, поцеловал и отошел прочь. Но за неудовольствие, причиненное им пророку, и по .... общественного проклятия бог обрек его и его потомков бродяжничеству, благословие, впрочем, вместе с тем на довольство и безбедность.



Казахи Старшего жуза. Акварель. *Рис. Ч. Ч. Валиханова.*

От него [Оксе] происходит... родоначальник [уйсуней] и всего народа.

Родоначальником [киргизского] поколения Большой орды уйсунов считают они [еще] какого-то Тобея*2, жившего еще задолго до [Майки]. Тобей имел, по преданию, четырех сыновей — Коёлдера[11], Мекрена[12], Майки и Когама. От Коёлдера произошли катгамы[13], что впоследствии [XV—XVI вв.] вошли в состав нового народа узбеков ([катаганы] — главный род [узбеков]). От Мекрена произошли...., от Майки — собственно уйсуны. (Когам) был родоначальником канглов[14], Абак, сын Майки, || от старшей жены имел сына Байдебека, от второй... и от рабыни..., у Байбека*3 старший сын был Сары..., второй же Джоркчи, был сын второй жены, по-киргизскому — аулие, святая. От Джоркчиевых трех детей произошли: от первого Албана — адбаны[15], от второго Дулата — дулаты[16] и Сувана — суваны[17]. Меркес родоначальник .... имел двух сыновей: Чуманака и Сваманака[18]. Адбаг*4 имел двух сыновей: Сары и Чебеля. У Сары было два сына: Суеркул и Таубазар*5; у Чебеля дети назывались...., а дети Майки носят соби-

*2 *Тобей* — сокращение от *Тобе-бий.*

*3 Искажение переписчика, точнее *Байдебека.*

*4 Искажение переписчика, правильно: *Адбан* или *Албан.*

*5 Правильно: *Таубасар.*



Казашка Старшего жуза. *Рис. П. Кошарова.*

рательное имя — Абак[19]. Название же [уйсун], даваемое всей орде, употребляется по большинству [и касается] собственно уйсунов, но потребления в строгом смысле предание не допускает[20]. Сказания орды говорят, что они были отдельным народом до [монголов], что Майки-бий уйсунов участвовал [в сейме] при избрании [Чингиса] на ханство.

Что же касается до соединения их [уйсунов] в состав народа [казахского], они говорят так: Золотая[21] и Джагатайская[22] [орды пали], внутренние беспокойства разъединили единство племен, некому было содержать властей и заботиться об обществе, каждый

род должен был думать о себе, тогда в степях ишимских собравшийся народ....

Старики говорят, что ногай было общее название [степных] кочевых татар, для отличия от полуоседлых. Ногайли, узбекли*[6]... их называли ногай.

Действительно ... не мудрено при этом делать гипотезу, что ногай —«собака», дано было кочевникам их же собратьями, которые, приняв в Золотой орде при Узбеке[23] и в [Джагатайской] при [Тарма-Ширин] хане[24] мусульманство, и .... называли улусников за их пристрастие к древнейшим повериям и старым обычаям — собаками.

У киргизов, найманов и крымских ногайцев остатки магометанства*[7] [были] все еще в [силе] и время не могло истребить их до нас. Что касается последующей исторической судьбы этого народа, как орды.... предание говорит так: до [Ишима][25] храброго (1636) все орды были [объединены] и управлялись одним ханом. Уй[суны] .... за чуйских и находились в соседстве с резиденцией ханов*[8] .... непосредственно [пребывая около] самого хана. При [катаганском] хане [Турсуне][26] они брали с ним вместе Ташкент.

---

*[6] *Ногайли, узбекли* — в смысле союза ногайцев или узбеков.

*[7] Описка, следует: *язычества*.

*[8] То есть с г. Туркестаном (Азретом).

ПОГОВОРКИ БОЛЬШОЙ ОРДЫ*[1]

اوتکر پچاق قینغه قاس، اوتروك سوز جانغه قاس.

17 || Острый нож вреден ножнам, а ложь — душе.

جاوده قالغان بلبلدان، ایلکا قایتقان ایت اوزده.

И собака, возвратившаяся на родину, опередила соловья, оставшегося у врага.

اولکان ارستان دان، تری ایت یخشی*[2].

Живая собака славнее мертвого льва.

ساقلانغانده خدای ساقتار.

Береженого бог бережет.

ایرنی خدای ساقتایدی، ایتوکتی نال ساقتایدی.

Мужа хранит бог, а сапог — гвоздь.

اوزنك بلمه، بلکاننك تلن المه.

Сам не разумей и не слушайся знающего*[3].

ماقتانغاننك کوتی چاق.

Кто хвастается, тот глуп*[4].

مورن یوق بولسه، ایکه کوز برین بری چوقویده.

Если бы не было носа, глаза кололи бы друг друга.

اتا کورکان اوق جونار، انا کورکان*[5] تون پیچار.

Видевший отца (воспитателя) — будет точить стрелу, а видевшая мать (воспитательницу) — кроить шубу.

پادشاه بولسام مای جیار ایدوم.

Ах, если бы был я царь, все сало бы ел*[6].

کوب سوز بوق سوز، از سوز راست سوز.

Многословие — пустословие, мало слов — справедливо.

اسقما قارغه، توسارسن*[7] تورغه.

---

*[1] В основу взят с исправлениями и уточнениями редакции перевод И. А. Бардашева[1].

*[2] В собрании И. А. Бардашева: تری تچقان ارتوق. — живая мышь славнее мертвого льва.

*[3] Иронический совет глупцу.

*[4] Этой поговорки у И. А. Бардашева нет.

*[5] У И. А. Бардашева вместо انا کورکان : چچه کورکان.

*[6] Ирония на несбыточную мечту.

Не торопись, ворона, и ты попадешься в ловушку*[7].

یاخشی منان یولداس بولسانك یتارسن مرادغه،
یمان منان یولداس بولسانك قالرسنك اویاتقه.

Дружба с добрым [человеком] принесет тебе пользу, а с худым — только срам.

بلکاننك قایده، بلماستکته کیچرماسانك.

Где твоя мудрость, когда не прощаешь незнание другим?

سوسز جرده قامس یوق، ازغان ایلده نامس یوق*[8].

В безводной местности камыш не растет, народ, пришедший в разлад, чести не имеет.

اوچکان یانبایده، اولکان ترلمایده.

Потухшее не возгорится, мертвый не воскреснет.

قامقا تونده، چوبراك بولار توزغان سونك[9].

И камковый кафтан будет тряпкой, когда износится.

تویه قاچپ جوکتان قوتولمایدی.

Верблюд не избавится от своего вьюка.

زمان یمان بولسه قودانك کتار، مالنك کیتسه باسنك برکا کتار.

Если будет худое время, и сват тебе покинет; а если уйдет твое состояние, уйдут вместе с ним и друзья твои.

تواتی قوش بوین کورب سرلانادی، ایاغن کوروب قورلانادی.

Павлин, увидев свой стан, любуется красотой своего оперения, увидев [свои] ноги — конфузится.

اویات کمده بولسا، ایمان سوندا.

В ком есть совесть, в том есть и человечность.

یاسنك قرققه کلکان سونك ایاغنکا چدار توسار.

В сорок лет ноги окажутся уже спутанными.

کوب جییمن دیکان از جییدی، از جییمن دیکان کوب جییدی.

Кто зарится на большее, тому мало достанется.
Кто меньше думает о выгоде, тому больше достанется.

عقل داریه ایکان، کونکل دولدول ایکان.

Ум — безбрежный океан, желание — крылатый конь.

تویماسقه برمه، تولماسقه قویما.

Жадному не давай, в бездну не лей.

الپ انادان توادی، ات بییه‌دان توادی.

Герой родится от матери, добрый конь — от [породистой] матки.

اق سونقار اتقه عاشق، کویکون‌تای جیمکا عاشق.

---

*7 У И. А. Бардашева вместо قولغه : تورغه и другой перевод: и ты попадешься в руки.

*8 В собрании И. А. Бардашева вместо از کسی دان : ازغان ایلده; это неверная запись и неточный перевод: на безлюдьи — стыд.

*9 قامقا تون — камковый кафтан. И. А. Бардашев перевел *«ханская шуба»*, исходя лишь из того, что эту одежду носила только феодальная знать.

Белый кречет влюблен в коня, а мышелов — в поживу.

ایتگنك تار بولسه، دنیانك تنچلغنان نه فایده *10.

Когда сапог тесен, то нет для тебя пользы от благоденствия мира.

ایقو جاننك تینچی، ایمان جاننك قوانچـــی.

Сон — покой души, совесть — радость души.

قوس ات منان قول کوبایادی، قوزی سی منان قوی کوب کورنادی.

Когда воины с запасными конями, войско увеличивается, а когда бараны с ягнятами — стадо увеличивается.

تویغاندان قورساق جارلمایدی، قوانغاندان مانکدای جارلمایدی.

От пищи желудок не лопнет, от радости лоб не треснет.

باسقه بلا قایدان؟ — تلـــدان.

Голове откуда беда?— от языка.

مزکل سز تانك اتبایدی، وقت سز جان چیقبایدی.

Без времени не светает, без смерти душа не выходит.

Из собрания киргизских пословиц господина И. А. Бардашёва.

---

*10 Вместо دونیانك تنچلغنان у И. А. Бардашева دونیاده تنچلق یوق и перевод: нет спокойствия в мире.

[О ФОРМАХ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ]

Песнь, путешествуя по миру, однажды остановилась ночевать в стойбищах каракалпаков, по ту сторону р. Сыра. Весть о прибытии невиданной и неслыханной гостьи разнеслась с быстротою стрелы во все стороны. Бесчисленное множество каракалпаков, собравшись в счастливом ауле, слушали дивную гостью с самого начала вечера и до самой утренней зари, пока наконец Песня устала и легла спать. Тысячи рассказов, повестей, песен и историй голосистой гостьи сохранили в памяти бесчисленные каракалпаки. Киргизы и трухменцы, стоявшие далеко вверх по р. Сыру на краю стойбища,— все родные племена тогда кочевали вместе,— прибыли поздно ночью и слышали только окончание чудных звуков. [...]

Джир собственно значит рапсодия. Глагол джирламак значит говорить речитативом. Все степные джиры обыкновенно поются речитативом под аккомпанемент кобыза. Предметами джира обыкновенно бывают жизнь и подвиги какого-нибудь известного в древности народного витязя. При этом должно заметить, что события жизни витязя, его подвиги, словом все, что составляет собственно повествование, рассказывается прозою, стихи же употребляются только в то время, когда герой поэмы или главные участвующие в ней лица должны говорить.

Между киргизами мне известны еще два джира, один называется Эркокче-Эркосай*[1]. В нем описываются подвиги витязя из рода уваков, Эркокче, и сына его Эркосая в войне против сильного кипчакского племени. Эта рапсодия не имеет исторического интереса, самые имена витязей, в ней действующих, совершенно нам не знакомы, между тем, стихи чрезвычайно сильны и звучны. Вся рапсодия заключает в себе беспрерывный интерес, и еще тем более замечательна, что герой первой ее части проигрывает сражение и умирает покрытый ранами. Сын его Эркосай отомщает потом кипчакам. Эта рапсодия занимательна была бы только разве потому, что в ней подробно излагается вся тактика и стратегия древних степных воинов.

*[1] Точнее: *Ер Кокше — Ер Косай.*

В мое время в степи помнил эту рапсодию один только человек: киргиз Кокчетавского округа, Койлы-Атыгаевской волости, Арсланбай. К несчастию, я не имел времени списать эту занимательную рапсодию.

Другой джир называется Урак-батыр[1]. В нем повествуются похождения Урак-батыра, родом караульца, который, отправившись в набег на Россию, был взят русскими в плен и содержался в тюрьме 10 лет, потом женился в России, прижил детей, но соскучился по родному аулу, опять уехал в степь и там остался.

Кажется, что у нас есть фамилия Ураковых. Джир Урака-батыра знают многие киргизы, но только отрывками, всю же поэму я слышал однажды в Малой орде от песенника Нурумбая[2], он родом алчин, но почти постоянно живет в кочевьях кипчаков при султане Ахмете Джантюрине[3].

Чтобы дать понятие о мере стихов, которые употребляются в джирах, я привожу здесь пример. Девять тохтамышевых богатырей догнали Идыге, и Кен-Джанбай говорит ему:

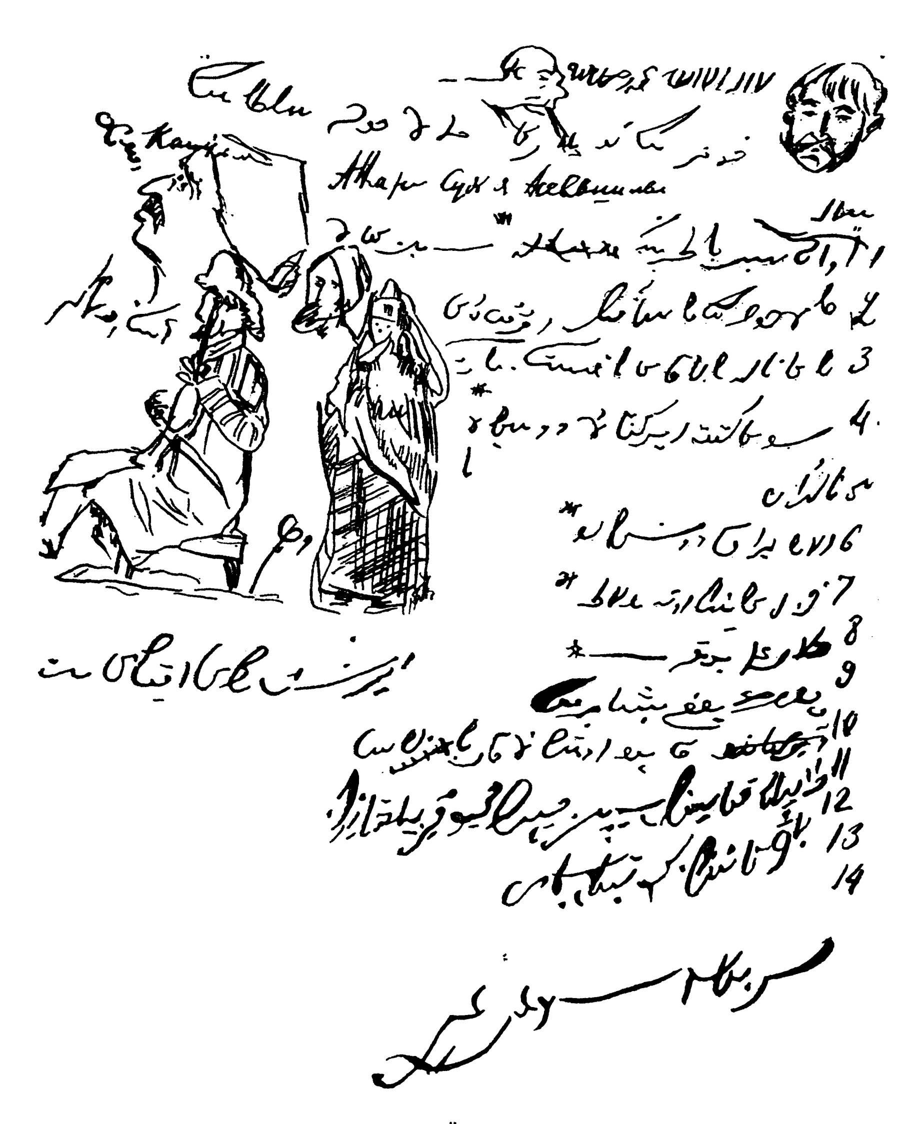
Ай Едіге сен енді қайт сана*[2]
Қайтып Еділ өт сана.
Еңсесі биік боз орда
Еңкейіп сәлем бер сана.
Еріні жұқа сары аяқ
Ер сарқытын іш сана;
Жаурындары жакталы,
Түйме бауы тартпалы,
Ал қара кіс үстіңе
Тон береді ки сана.
Көк ала жорға ат мініп,
Көн дабылпаз байланып,
Тұтам бауы сом алтын
Ақ сұңқар құс береді,—
Көл айнала чүй сана! и т. д.

Джир Идыге по событиям относится к концу XIV века, [но] должен быть составлен в начале XV. Это доказывается многими старинными словами и оборотами, которых теперь нет в языке, примечательно также и то, что в целой рапсодии нет ни одного персидского или арабского слова, тогда как теперь с распространением магометанской религии, даже в обыкновенном разговоре между простым народом, вошли в употребление слова из этих языков.

В последнее время моего пребывания в степи джиры почитались уже устарелою формою поэзии. Форма джиров, как и самый кобыз, осталась теперь только достоянием баксы. Они только еще сохраняют эту форму стихов, употребляя ее при заклинании джинов. Можно утвердительно сказать, что форма джира и употребление кобыза вышли из моды со смертью знаменитого певца-им-

---

*[2] Отрывок дан по правилам современного правописания казахского языка.



Заметки Ч. Валиханова о казахской народной музыке. *1862. (Автограф).*

провизатора Джанака[4], он был родом кара-кесек, отделения камбар, состоящего теперь в составе Каркаралинского округа.

Хотя существующие теперь певцы употребляют его напев и повторяют слово в слово его импровизации, но для аккомпанемента употребляют наиболее балалайку*[3] о двух струнах.

Кобыз род двухструнного альта, струны делаются из конских волос и играют на них смычком. Кобыз имеет ту разницу против наших струнных инструментов, что у него нет верхней деки, корпус имеет фигуру круглую, ручка так вытянута, что струн нельзя к ней прижимать, берутся же разные тоны флажолетом*[4]. Вообще это очень трудный и приятный инструмент, хотя он не очень звучен.

Балалайка и новейшие песни выжили теперь совершенно джир и кобыз. В степи существуют теперь следующие формы поэзии:

1. Джир, который достаточно объяснен мною.

2. Джилав — надгробная песнь. Она обыкновенно изобретается женщинами и очень часто импровизируется. Размер употребляется тот же, как и в джире. Между всеми известными джилавами самые трогательные и известнейшие в Средней орде суть: Плач матери, ханши Айханым Валиевой[5] о смерти старшего ее сына Мамеке, умершего от оспы в 1833 году, и джилав известной впоследствии певицы-импровизатрисы[6], импровизированный ею на поминках мужа, когда ей было только 14 лет.

3. Каим[7] — песни, употребляемые при свадьбах, состоящие в вопросах и ответах между молодыми людьми и девицами; они состоят из четырехстиший, в которых рифмуют первые два стиха с четвертым. Эти песни заключают иногда в себе загадки, эпиграммы и, наконец, шуточную брань, доходящую до самого отчаянного цинизма выражений.

4. Кара-улен[8] — обыкновенная песня, она состоит из четырехстиший, заключающих в себе каждая отдельную идею. Эти песни поются более для голоса. Часто четырехстишие не имеет никакого смысла.

5. Улен[9]. Эта форма употребляется теперь всеми новейшими поэтами как для импровизации, так и для поэм, а наиболее введена в употребление певцами Орунбай[10], рода караул, отделения атеке-дживир, и слепым певцом Чодже[11], рода атыгай, отделения джана-кыргыз, постоянно находящимися при султане Абулхаире Габбасове. Предметом этих песен есть большею частью какое-нибудь религиозное повествование. Они поют теперь подвиги Сеит Батала[12] ходжи*[5] и любовь Юсупа и Зюлейки, жизнь Ибрагима и

---

*[3] Речь идет о казахской домбре.

*[4] *Флажолет (франц.)* — здесь: музыкальный прием в игре на смычковых инструментах.

*[5] Описка, должно быть: *гази* — воитель.

проч., все эти повести, по фанатизму идей и чудовищности изображения, чрезвычайно скучны.

Форму улена певцы употребляют также для импровизации, как самую удобную, и к которой они теперь как бы более привыкли. Известная поэма Кузу-Курпеч и Баян-Сулу пересказана мне была знаменитым Джанаком в форме улена.

22 || Песня (улен) вошла в употребление в киргизской степи не более 50 лет назад, когда степь сделалась доступной тобольским и казанским татарам. Прежде беглецов и выходцев татарских киргизы продавали как баранов в Китае, Бухаре и Ташкенте, но по мере водворения магометанской религии татарские выходцы сделались в степи неприкосновенными мучениками мнений и религии. Формы татарской поэзии начали преобладать над первобытной формой кыргызского героического джира, полной [гар]монии звуков и мыслей.

Улен (песня) состоит из четырех стихов, два первые и четвертый суть силлабические, кончающиеся на одну рифму; третий не рифмуют. Я представляю для примера первое четырехстишие из Кузу-Курпеча для наших ориенталистов, чтобы доказать, что не по всем размерам восточной поэзии удобно применяема арабская мера.

میکین از داب جکتتار کیل کیتالی
اورتاسنده کوك توبه بیلکی ایتالی
ازاماتتار ارینبای تنکلاسانکز
قوزو کورپاچ بایاندی تیرباتالی.*6

6 || 1) Во всех наречиях, происходящих от татарского или, следуя ученым, от тюркского корня, существует слово «игит» — джигит جگت, но в разных странах оно имеет, кроме различного произношения, и разный смысл. На Кавказе, в Анатолии у курдов это слово значит лихач, молодец, наездник; в этом же смысле оно принято и в Константинополе — если говорят о военных маневрах и удальствах кавалеристов; в кочующих же татарских племенах Средней Азии слово джигит значит парень, молодец (парубок). Лета джигита не определены, потому что в степи до 80 лет можно быть даже ребенком(بالا)). Слово джигит не употребляется у оседлых татар казанских и тобольских, оно заменилось словом малай (مالای) (малой), которое означает полуприказчика и полураба.

2) Слова азаматтар, чоралар (ازاماتتار چورالار) употребляются весьма часто в древних киргизских поэмах (джир). Азамат собою означает человека свободного, имеющего жену и независимое от родственников состояние, человека совершеннолетнего и выделенного из имущества [отца]. Чора — синоним азамат,

*6 Джигиты, пойдем искать родину,
Сделаем ориентиром Коктобе в центре [земли],
А если, граждане, не ленитесь слушать,
То побаюкаю песню о Козы-Корпеше и прекрасной Баян.

но слово это делается несколько привольным, будучи употреблено само по себе без прибавления слова азамат. Чора азамат — слова чисто военные и по-русски их можно перевести: товарищ, дружина.

6 об. || 3) Сказка про Кузу-Курпеч и Баян прекрасную существует во всех татарских и монгольских племенах Средней Азии, разумеется, с разными изменениями мест и времени. Профессор Эрдманн[13] издал Кузу-Курпеч на персидском языке с комментариями, я не читал ее, потому что не знаю персидского языка. Потом Кузу-Курпеч была переведена кем-то в Оренбурге с башкирского языка и издана в небольшом количестве экземпляров[14].

В Киргизской степи она существует в изустном предании между песенниками.

Формы, в которые облекается киргизская поэзия, суть следующие: улен — песня, вновь импровизированная или созданная прежде каким-нибудь знаменитым песенником (уленчи) и передаваемая сколь возможно ближе к подлинному при аккомпанементе балалайки, кобыза или жестов; уленчи, который поет песню (улен), вправе прибавить от себя вступление и заключение повести. В этом переводе[15] четыре первые куплета принадлежат песеннику Джанаку, происходящему из кара-кесеков, отделения камбар, остальное же — чистое предание, неизвестного поэта старых времен.

* * *

21 ||Самый замечательный исторический джир киргизский, это — Идиге ادكه, тот самый Идиге, Эдеку и Идигей, о котором говорится в ярлыке Тохтамыша, тот самый бек-mangab*7 и темник, который разил Витовта при Ворскле и управлял ордой безотчетно при четырех ханах. Урак, Ир-Кокче*8, Ир-Косай*9 — герои других эпических поэм, также из времени первого ногайского народа, но джиры их замечательны только по любопытному описанию племенных волнений, ханских битв, батырских набегов в смутную после тохтамышевскую эпоху ордынскую. Поэтические произведения киргиз: эпосы, похвальные оды, плачи*10 — так называется песня по умершем муже жены, по сыну — матери[16]; даже песни импровизаторов имеют рифму и размер и передаются изустно из

---

*7 То есть *манап* — феодал, аристократ.

*8 Никоновская летопись под 1423 г., говоря о нападении на одоев царя Куйдадата, упоминает: «Тогда же убили и Когчю, богатыря татарского, велика суща телом и силою». *(Примечание Валиханова).*

*9 В «Сборнике летописей» на с. 156 говорится, что во время битвы Кадырберды-хана с Едыгеем был убит и Эр-Куше. اندين باريب ير كوشه بهادور باريب اولتوردی [ی]انی نوقای التا يیقیلدی،. *(Примечание Валиханова).*

*10 В правописании этих стихов я старался по возможности передать так, как говорят сами киргизы. *(Примечание Валиханова).*

рода в род, из поколения в поколение особым сословием певцов ахунов[17], как в древней Греции передавались песни Гомера рапсодами; ахуны эти || пользуются особенным уважением народа и
21 об. похвальными словами богатым султаном и биям наживают себе известность и богатство. Хотя в настоящее время этих ахунов (иначе اولانچی) в степи и много, но они более импровизаторы[18], и древние джиры по непонятности своей для нового поколения с году на год выходят из употребления, и самих знатоков их остается очень мало. Собрать их также трудно: при всем старании я успел достать полный список Кузу-Курпеча, небольшой отрывок из Едиге и Урака, но, впрочем, надеюсь в скором времени найти все древние джиры от одного знающего их ахуна, с которым познакомился недавно.

Древнетатарские предания и поэмы и особенно названия родов, из которых составляется союз трех орд киргизских, заставляют думать, что действительно казаки*[11] как народ татарский не так древни, как утверждают; в древности слова казак и сословие казаклык...*[12].

---

*[11] Киргизы себя называют *казак*. В древности слово *казак* встречается в смысле вольный и вольница; я не смею [в этом] сомневаться. Глагол *казаклык* очень часто попадается в Бабур-намэ — записках Бабура, в Шайбаниаде, что значение слова *казак* в смысле бродяги, скитальца было достаточно известно и употреблялось в древней Руси: «А... кове мере казаком кочует на поле, со множими людьми — то вашему царскому величеству ведомо»... В другом месте: «А тебе (Когулу) — будучи на поле и живучи казаком от нашие царские рати и от вогнанного боко» и пр. (Собрание Государ. грамот и договоров, т. II, № 68). (*Примечание Валиханова*).

*[12] Текст обрывается.

[ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА]

|| *27 февраля*

Трактация о романах вообще, о романах, написанных е. п.[1] самим

Конечно, ты, жена, удивишься, когда узнаешь, что я, да, я — твой муж, писал тоже романы. Но это было давно, в годы моей юности, когда я был и молод, и горяч и... увлекался подобно всем смертным катоптрическим*[1] обманом неопытной юности. О юность, юность, что не заставишь ты делать... Действительно, господа, я писал романы, но писал не так, как нынче... у меня порок был наказан, выставлен в самом грязном и отвратительном виде, а добродетель, как звезда первой величины, ярко сияла на безоблачном горизонте келейной жизни, черные тучи, омрачавшие небосклон, расходились и добродетель торжествовала. Мне казалось, что я романист по призванию ex professo. Если за maximum — высшее мерило литературных способностей индивидуума — принять светлый взгляд, увлекательное изложение, естественность и натуральность в изображении фазисов общественной и частной жизни человека во всех ее обстановках и коллизиях, то все, конечно, мои труды вполне соответствовали этим требованиям и могли выдержать самую строгую критику.

Я ни [в] каком случае не апробую писателей нынешнего времени. Пресловутая Жорж Занд идеями в высшей степени утопическими, с желанием какого-то изолированного счастья, бесплотного совершенства и с желанием еще чего-то неопределенного кажется, на мой взгляд, не более, не менее как вздорной бабой, которую нужно высечь (его высокопревосходительство изволили смеяться). Все, что она ни писала — это пустая отвлеченность, риторические фигуры, грубая утилитарность. Только
об. женщины с испорченным вкусом, не имеющие никакой женственности, могут кричать в восторге, читая эмансипированные химеры госпожи Дю Деван, и, закатив свои белки, восклицать que c'est charmant!*[2]. Совсем это не «charmant», а просто фантасмагория и неприличная exsalte.

Вот еще один идол — Гоголь. Ну, что, скажите на милость, господа, вы находите в его творениях — циничную вседневность грубой жизни, описание смачных блюд, || мир галушек и варе-

*[1] То же, что оптическим.
*[2] Как это очаровательно! *(фр.)*

ников и непристойные выражения, собранные в кабаке и на ярмарках. Как возмешь книгу, так и пахнет салом, дегтем, «титуном»[*3]. Fi donc! machére[*4], ты никогда не читай Гоголя. Эти его планы разве только для чумаков. Какая в самом деле приятность, вдруг перед Вами открывается совершенно новый мир, мир, как я уже сказал, галушек и жирных вареников, мир, в котором первую роль играют свиньи. Это мне нравится. В присутственном месте гуляют свиньи. Это значит не иметь никакого уважения к законам отечества и дерзко насмехаться над святыней зерцала. Его «Ревизор» — ложь, бесконечная, нескончаемая ложь! Где он видел этих молохов, которые сидят на кончиках стульев. Я, слава богу, изъездил матушку Россию повдоль и поперек, а, признаюсь, нигде не встречал Добчинских и Бобчинских, что ли? у нас даже в Сибири нет подобных образов. Вот судья в Канске[2] — урод! (Вы его И. В. пишете), ха, ха, ха, а исправник в Бердске[3] — этот певный[*5] род зверолова, да и тот молодец сравнительно с гоголевским городничим (пауза).

Ну, так о чем бишь я говорил? Да, о моих романах. Нуте-с, господа, слушайте же, да мотайте себе на ус: уверяю вас, что все, что ни сказал, можете себе усвоить. Я говорю в назидание всех вас чающих и в особенности тебе, знаешь: жена, да убоится мужа (смеется). Я писал романы только не тово..., чтобы сентиментальности какие. Жаль, что я не издал свои романы..., но мне тогда было не до них. Служебные занятия, военные экзерции и, наконец, главное мое призвание быть генералом давно уже покорили романтические наклонности, и я в тиши своего кабинета, окруженный военными авторами, погрузился в другую, более фундаментальную эрудицию — начал изучать военное искусство и математику как науку, тесно соединенную с главным предметом моих занятий.

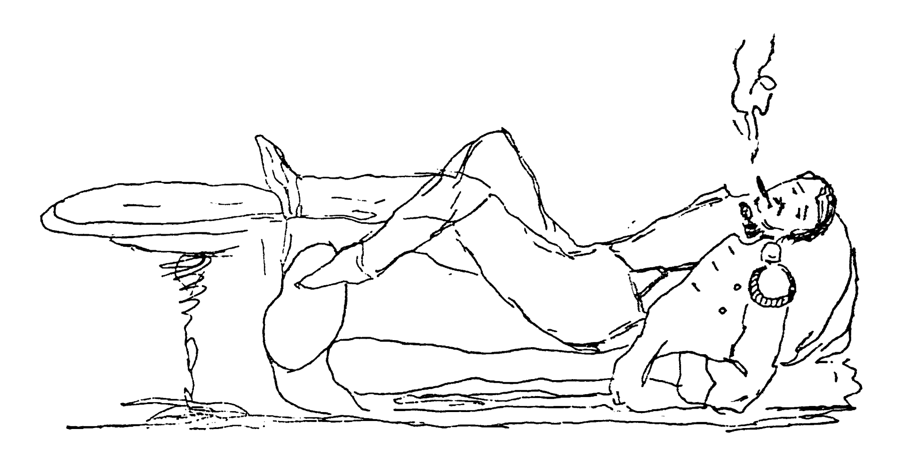
Сюжет для одного романа был взят мною из библейского сказания о посольстве аравийской и абиссинской царицы к Соломону[4]. Я легким языком и увлекательным изложением хотел наглядным образом ознакомить большинство, массу публики с
41 историей, религией и нравами древних аравитян и абиссинцев||
и сделать популярными свои открытия в области наук и[*6] искусстве.

Многие темные факты в истории тогдашнего времени были разъяснены мною до степени занимательной ясности. Факты изложены до возможной степени логично, аргументации сильны... Театром, местом действия я избрал пролив Баб-эль-Мандеб. Ночь. Стойбище арабов и уединен[ная] палатка царицы на песчаном холме. Стада верблюдов, пасущиеся на сытых пажитях счастли-

---

*3 Т. е. тютюном — табаком.
*4 Фи! милочка *(фр.)*
*5 Певный — настоящий, истинный.
*6 Одно слово не разобрано.

вой Аравии (Arabia felix). Звездное небо и луна в ущербе. Светила ночи бросают дрожащий свет на всю эту картину. Грозные утесы пролива как-то страшно и грозно чернеют, море спокойно и луна отражается на багряных водах Нептуна. Там и сям горят костры и по временам ярко светят, мерцая, огни, и аравитянки перед походным костром своим сидят у дымного очага и готовят



Автопортрет Чокана Валиханова. *Перо. 1856 г.*

скудный ужин. Только в уединенной палатке царицы не видно огня. Она сидит задумчиво, облокотившись на [одну] руку, а другой перебирает коралловое ожерелье (ибо кораллы добывались в Черном [море], следовательно, у нее должно быть ожерелье). Она думает о Соломоне, о его мудрости, она любит его самой чистейшей, платонической любовью. Вдруг она с лихорадочной живостью поднимает глаза в глубь небесной тверди, на звездное небо и тихие слезы льются ручьем — она молится, ибо аравитяне были сабеисты (звездопочитатели).

Особенно любопытны были в ученом отношении V и VI главы. В V описывается в нескольких эксказах*[7] способ добывания кораллов в Черном море. Я преимущественно развил индивидуальную мою мысль, что эта коралловая индустрия была причиной колонизации и миграции аравитян на африканский континент. Пунктом переселения был пролив Баб-эль-Мандеб, названный поэтому Вратами плача. У меня была страшная, парализующая сцена. Буря воет, море вздымает огромные зеленые волны и с шумом разбивает о береговые скалы, покрывая мшистые камни белой пеною и рассыпаясь влажною пылью, туманит берег. В объятиях свирепой стихии чернеют челны отваж-

*[7] Описка: *эскизах.*

ных мигрантов и как щепки скользят по его поверхности. Волны набегают, как бы желая проглотить утлые судна, вдруг покрывают их. На берегу раздается оглушительный вопль и крик отчаяния. Это их жены с распущенными власами, как голова медузы — Аты*[8], верные супруги ломают свои руки и испускают вопли. Ветер заглушает их крики и развевает их власы и легкую одежду. На черном утесе они кажутся ведьмами, собравшимися на шабаш.

Трактация о романтизме вообще и о романах е. выс. п. в частности

|| Нравственно-философическо-назидательный роман 900-х годов до Р. Христа в умозрительно-наглядном тоне. Роман нравственно-поучительный в эстетическо-созерцательном духе. Цель— дидактически-беллетристическая.

Поводом или лучше канвой для развития сей трактации о романтизме послужило следующее обстоятельство: М. Г.,[5] не говоря дурного слова, наотрез объявила: романы врут, следовательно, все, что в них ни есть,— вздор и что все дамы, читающие романы, учатся врать и, следовательно, лгуньи. Все это было сказано так твердо, решительно, как факт, как аксиома, не подлежащая сомнению, на что все мы присутствовавшие были вызваны, приглашены и наглядным действием и словесно изъявили полное и совершенное согласие. Тогда-то его высокопревосходительству благоугодно было изречь в назидание всех чающих и в особенности жены следующие правдивые словеса, или, выражаясь, как он, экспрессии.

Конечно, ты, жена, удивишься, когда узнаешь, что я, да, я, некогда, это было очень давно, тоже писал романы. Действительно, господа, я писал романы и писал очень хорошо. Мне казалось, что я романист по призванию, что называется ex professo*[9]. Но служебные занятия, военные экзерциции и, наконец, главное мое призвание быть генералом и тактиком испарило эту детскую наклонность, и я пустился в другую, более глубокую, более фундаментальную эрудицию — начал изучать философию, историю и религиозные поверья всех живых и мертвых народов обоих полушарий.

Сюжет для одного романа был взят мною из библейского сказания о посольстве аравийской, или все равно абиссинской, царицы (это все равно, я это доказал первый и выразил все в своем романе), так, аравийской царицы к Соломону. Я легким языком и увлекательным изложением этого романа хотел наглядно познакомить большинство, массу с историей, религией и нравами древних абиссинцев и арабов и сделать популярными свои

*[8] Ата *(греч.)*— богиня бедствия; несчастье, бедствие.
*[9] Со знанием дела *(лат.)*.

открытия в области наук, которые удовлетворительно объяснят многие темные факты как в истории тогдашнего времени, так и в истории развития человечественности вообще.

Все у меня было написано хорошо, аргументации сильны... Жаль, что я не издал их тогда, но увы, мне было тогда не до них. Местом действия (самодовольный смех) я выбрал берег пролива Баб-эль-Мандеб (таковой же смех). Вы знаете, где этот пролив? Вопрос прямо относился ко мне, я отвечал утвердительно и в качестве мусульманина дозволил себе дерзость сделать перевод названия — Врата вопля и плача. // Да, особенно любопытны были в ученом отношении V и VI главы. В V, описав в нескольких картинах способ добывания жемчуга, я преимущественно развивал самородную индивидуально, одному мне принадлежащую мысль, что жемчужная ловля была причиною колонизации и эмиграции аравитян на африканский материк (абиссинцев я почитаю за эмиграционную колонию аравитян). Переселение это... (долгое молчание) происходило, по всей вероятности, т. е. пунктом переселения был, по всей вероятности (смех, беспокойные порывистые жесты, обнаруживающие состояние человека, которого забирает смертельная охота острить и который по известной ему, но неизвестной другим причине не может привести в исполнение свою забавную шутку), наконец, с силой ударив рукою по столу, он произнес — мыс Грардафуй*[10]. По секрету мы можем поведать, что е. в. п. окончанию названия этого мыса дал другой звук в произношении, отчего все слово получило характер юмористическо-умозрительного каламбура, чрезвычайно забавного свойства, и заставило супругу его покраснеть до ушей, а нас привело в такое патетически трепетное состояние, что мы долго, долго, выражаясь словами его в. п., старались профундировать таинственный смысл их и, наконец, разом постигнув результаты и почувствовав в головах своих чрезвычайную пустоту, окунулись еще глубже в созерцание повествовательного таланта, глубокого критического ума, энциклопедических познаний е. в. п. и главное — в его неподдельный гоголевский юмор.

Другой роман имел чисто нравственно-психологическое значение. Я назвал его «Альфа и Вита» (выражение глубокого глубокомыслия). В нем, олицетворив царь-разум, свободную силу воли и судьбу, фатум, я доказал, что гетерономия (зависимость человеческой воли от внешних сил природы) не реальна и не существует. Изобразив сначала, так сказать, субстанцию (substantia) этих душевных двигателей, составляющих в некотором смысле интеллектуальность индивидуума, я определил вообще их аналогию, в другом смысле — реляцию воли и разума, взаимное соотношение, атрибут — свойство. И в частности обратил особенное внимание на реакцию разума с фатумом и реляцию (relation), разумея это слово в строгом смысле, на реляцию разума со

*[10] Точнее: *Гвардафуй*; мыс, находящийся в Аденском заливе.

свободной волей и на разумность судьбы-мачехи. Для второй главы я выбрал латинский эпиграф: Volentem ducunt fata, nolentem trahunt — хотящего идти судьба ведет, не хотящего — тащит.
43 || Взгляд мой был несколько сходный с congruism' ом, но несколько антиномически. На судьбу я смотрел как на аноманию и развил мнение, что Ариман[6] древних персов выражал неумолимую и карательную силу фата-морганы[7]. Действительно, этот роман заключал в себе очень много новых идей, доказанных рационально a priori, и был основан на экспериментах, собственно происходивших со мною. Это в сущности была книга совершенно абстрактно-философская и написана в виде романа именно с целью явно назидательною — многие философские и богословские проблемы, не ясно рассмотренные, да и что можно рассмотреть через туман и мрак немецкой флегмы (улыбка), так, проблемы, не ясно [рассмотренные] германскими философами: превыспренным Кантом[8], братьями Шлегелями[9], Гердером[10] и проч., были мною до замечательной ясности определены в этом романе и в других диссертациях.

Я в свое время рассуждал и писал о anthropomorphism'е об учении, приписывающем богу человеческий образ, о «Человеческой сперме» — вопрос богословский. Читал много и на разных языках и с разными взглядами, читал сочинения трансцендентно-абстрактные, фундаментально-положительные, читал сочинения в религиозном духе, в духе индифферентизма, абскурантизма и все проверял экспериментально, на опыте, через фокус военного критеризма и дошел до весьма важных результатов, которые выразились осязательно-автономически (потенция, когда только разум служит законом разуму) в двух произведениях моих: теория о миссиях — богослов[ских] и в теории об идеализме. Женка моя (просим извинить, е. в. п. иногда в припадке эстетически-созерцательного умозрения возносится мысленно в область абсолютного, забывая грубую материальность и тленность нашей надзвездной планеты и нас — Земле-людинов, так е. в. п. называет нас, индивидуумов Европейского, Азиатского, Африканского, Американского и Австралийского континентов, для отличия от таковых индивидуумов, обитающих на луне и планетах,— они называются Луно-людины, Марсо-людины, Юпитеро-людины и т. д.), так воздушно легко, забавно и мило (неправда ли — женка, женочка — очень мило) нарицает свою супругу, респектабельную генеральшу Гасфорд. Так будем продолжать. Женка моя устала, господа (легкий удар рукою по плечу оной женки и в ответ несколько поцелуев в оную ударившую руку), я заговорился слиш-
43 об. ком, || пора вставать.

— Да, матушка, муж твой был некогда романист, но занят крепко был, романист, да только, так сказать, не тово (улыбка), не сентиментальный, не тово, чтобы какая-нибудь Жорж Занд или Гоголь, что ли там у вас, господа, которым вы так восхищаетесь, я не нахожу в нем ничего. Я... (ковыряет между клыков).

А сам я писал вроде Диккенса: в глубоко патетическом и вместе с тем забавно-юмористическом тоне (выпивает последний глоток пива). Жаль, г-н В.,*[11] что этих романов теперь у меня нет, я бы дал бы Вам их в полное и неотъемлемое право («т» с особенным ударением и скрипом), если бы Вы их издали под своим именем то, нет сомнения, Вы бы получили репутацию и авторитет лучшего писателя и смогли бы повторить стих древнего поэта: Nostri non plena ix boris*[12]. (Конец концов).

2 марта. Некоторое остроумное умозаключение о действительных и страдательных качествах индивидуумов, посвятивших себя пользе близких и науке, нарицающихся от всех смертных медиками, но е. в. известных под именем эмпирических эгоистов.

Все лекари, или, так сказать, жрецы Ескулапа[11],— хранители и друзья здравия общечеловеческого, если посмотришь на них с точки воззрения философской — сущие и первые эгоисты. С этим положением согласится всякий человек сколько-нибудь консеквентный*[13], ибо самые эгоистичные индивидуумы те, которые живут в счет других, или, говоря фигурально, жизнью других, т. е., понимаете, я разумею здесь жизнь в смысле эмпирическом (смех).

Что есть жизнь человека? Или в чем состоит сущность жизни людей?— Разумеется, я говорю о массе, о толпе людской: в деньгах и удовольствиях. Источник последнего проистекает из резервуара первого. Доктор берет, если не берет, то может взять — отнять по произволу от вас и то и другое.

Я не хочу развивать эту матерррию (с особенным ударением и скрипом буквы «ррр»), Вы, как доктор, должны знать лучше (обращение к г[осподину] доктору К. и открытая, широкая, масленая улыбка). Скажите, положа руку на сердце, как Вы смотрите на нас: как на субъекты, надлежащие изображать тово... понимаете... рубль побольше. Признайтесь. Так... что бишь я говорил...

— Да, да, о вашей братии докторах. Они, м[илостивые] г[осудари], эгоисты, я это доказал уже сейчас индукциями. Следовательно, логический e r g o: доктора — аподиктические*[14] эгоисты, а эгоисты совсем не друзья рода человеческого, а ужасное зло общества, как местная болезнь члена, имеющая влияние на весь организм, как бельмо на глазу.

Итак, доктора должны отныне называться эмпирическими эгоистами, а не иначе. Dit haut!*[15].

5 марта. Притча об одной венгерской даме, долженствующая доказать, подтвердить и дополнить неоспоримую истину о странностях женской натуры.

---

*[11] Т. е. Ч. Валиханов.
*[12] Вероятно, искаженная фраза.
*[13] Т. е. последовательный.
*[14] Т. е. безусловные, истинные.
*[15] Громко сказано! *(фр.)*.

[ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ ЮЖНОСИБИРСКИХ ПЛЕМЕН]

8 || На пространстве юго-восточной части европейской России и по тундрам, лесам и степям всей Сибири живут оседло, кочуют и бродяжничают множество разноплеменных народов, известных у нас под именем инородцев. Народы эти принадлежат к финскому, тюркскому и монгольскому корню или же составляют любопытное соединение элементов от всех этих племен. Образ жизни, язык этих народов почти неизвестны, хотя Императорское Географическое Общество в своей полезной деятельности и старается собрать этнографические сведения о инородческих и иноверческих племенах России, но до сих пор мы не имеем ни одной капитальной статьи. Племена монголо-тюркские, живущие в юго-восточной Сибири, в стране по Алтаю и Енисею,— в стране, которая была колыбелью тюрков и монголов,— сохраняя до сих пор чистоту тюркского языка и обычаев, представляют обильную жатву наблюдательному филологу-монголисту. Академик Кастрен[1], бывший в Сибири, многих из них относит к племени самоедскому *отюречившемуся* и Саянские горы считает колыбелью финнов. Нет сомнения, что племена: финское, тюркское и монгольское имеют нечто общее как в совокупном влиянии их на развитие человечества в разные эпохи его жизни, так и в... языке. Родство языков финского, тюркского и монгольского признано уже многими учеными, особенно же — двух последних. Сибирские номады и бродячие звероловы тюркского и монгольского племен, исповедывая свое шаманство — жреческую веру, имеют в характере, жизни и языке более самобытства, нежели тюрки — османь[2] и татары казанские. Мухаммеданская религия [гасит] в них всякую искру самобытства, всякую национальность: возьмите казанских татар,
8 об. они, как гласит нам история, потомки монголов батыевых || или смесь воинов Батыя с тюркским [племенем] — половцами. Скажите, пожалуйста, есть ли что-нибудь в волжском монголе напоминающее его происхождение?— Ничего. Казанцы, османы, крымцы так вдались в коран и ислам, что не имеют ни одной народной сказки и не сохранили ни одну древнюю песню. Единственное произведение казанской музы поэма Му[хаммедие] имеет содержание религиозное. В языке их вы встречаете на половину слов арабских и персидских. Что ни говорите, учение Мухаммеда

вполне достигает своего назначения: обратить всех последователей в арабов и заставить их ни о чем не думать, ничего не уважать, кроме корана и его, Мухаммеда. В тюрках-мусульманах вы видите одну только односторонность направления религиозно-схоластического; во всем же другом они до крайности тупы и не способны ни к какой иной деятельности,— между же тем их языческие собраты, находясь на гораздо низшей степени образованности, умственно стоят выше. Бродячий якут, калмык, монгол, не говоря о его народной характерности, имеет свою поэзию, следовательно, свою самобытную сферу, хотя и ограниченную, но свою сферу интеллектуальной, прогрессивной жизни. Прочитайте поэмы якут, кроме достоинств поэтических, по свидетельству Щукина[3] («Поездка в Якутск»), имеют и значение историческое. Оногой-бай (герой поэмы того же названия) вышел, по преданию народа, из Алтая [с] 150 человеками. Миф этот имеет основание: между карагасскими[4] татарами (в Енисейской губернии) есть волость, называемая до сих пор С а х а; якуты тоже называют [себя] с а х а. Таких поэм у якут много: Элляй-батыр, начальник эмиграции, последовавшей за Оногой-баем, Багани-батыр, Немёй-бай-тойон. Каждая из них обессмертила для народа известные
9 случаи разных эпох его истории. Поэмы, знакомящие с верой и религиозными обрядами народа,— это: Хорылан, Мохсогол, Еберен-Эмехсин, || романтическая, воспевающая любовь Кыланных-Кыс-батыр (Замечания о якутском языке Огородникова[5]. «Отечественные записки», 1846)[*1]. Карагасы (Енисейской губернии, Минусинского уезда), телеуты, кергиты[*2] (Томской губернии) и другие имеют также много преданий и сказок. Поговорки их заключают в себе много практических истин; например, пословица телеутов: «Раб знает иногда больше князя, да говорить ему не позволяют», «В бороде ума нет» и проч. Язык у всех енисейских и томских инородцев, сколько можно судить по словам, чисто тюркский, близкий, как справедливо заметил г. Чихачев[6], к джагатайскому, который считается из исследованных диалектов более коренным, с небольшою примесью финских и общетюркско-монгольских слов. Это было бы особенно полезно для тех ученых, которые стараются определить родство финско-тюрко-монгольского языка. Все до сих пор помещаемые замечания в журналах и брошюрах о языках якутском (Замечания о якутском языке. «Отечественные записки», том XLVII, Смесь; Известия Географического Общества...) и карагасском (ibid[*3]., князь Костров)[7] не дают никакого понятия. Выражение звуков

[*1] *Огородников.* Замечания о якутском языке. «Отечественные записки», 1846. т. XLVII, кн. 8. Смесь.

[*2] Вероятно, описка, должно быть: *киргизы.* Абульгази говорит о последних, как об обитателях этих мест еще [до Чингиса]. Киргизы были в союзе ойратов. (Schmidt J. J. Geschichte der Ost-Mongolen). *(Примечание Валиханова).*

[*3] Jbidem *(лат.)*— там же.

тюркских русской азбукой без особых фонетических знаков чрезвычайно их уродует; сравнения же автора некоторых слов с словами тюркскими или монгольскими по карикатурной... последних, заставляют заподозревать и точность первых. Для совершенной пользы науки желающие познакомить нас с языком этих народов, при составлении словарей, что обещал относительно якутского языка г. Огородников, автор статьи «Замечания о якутском языке», еще в 1846 году, должны бы избрать или монгольский, или арабский алфавит, на которых утвердилось [правописание] этих языков: 1) для того, чтобы передача звуков была
9 об. бы правильна, 2) для того, чтобы можно || было легко видеть уклонения и различия от подобных же слов, существующих в монгольском и татарском языках. Не считаю нужным говорить также, что для составления хорошего словаря или грамматики необходимо нужны фундаментальные знания монгольского или одного из диалектов тюркского языка. Без этого ничего не будет дельного.

Г. Огородников в своей статье делает следующие сравнения для подтверждения «весьма основательной догадки Шотта[8] о сходстве языка тюркского с якутским». Вот его доказки[*4].

Über die Jakutische Sprache (Archiv V. Erdmann)[*5]

Турецкие	Якутские
от aqhul	ol
должно быть اوغل [огул]	киргизы говорят также öl
avquv [?] — не знаю	ov
kungis [?] — не знаю, что это за слово	kümis — якутское, кажется, слово; нарицательное имя напитка из кобыльего молока.
ehder, ihder [?] — тоже бог знает, что за слово	eder
aral — должно быть ارال [арал] — остров	ary [арыы]
mojun, bojun مويون [моюн] — шея	moi [mooj — моой]

Прикажите после этого судить о неизвестном языке якутском, когда нельзя узнать под французскими слов турецких. Это сравнение принадлежит еще ориенталисту Шотту.

Г. Огородников предлагает азбуку из 21 буквы и приводит примеры, но от этого не легче. Однако ж из всех примеров и

[*4] Выражение заимствовано от г. Огородникова (Замечания о якутском языке. «Отечественные записки»- 1846, т. 47, кн. 8, Смесь, с. 22—27). *(Примечание Валиханова).*

[*5] *W. Schott.* Über die Jakutische Sprache. Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland, Bd. III. S. 312—332.

выписок очевидно, что преобладающий элемент — тюркский; есть, впрочем, слова неизвестные, должно быть финские; формы грамматические общетюркские. Вот склонение: (смотри статью Огородникова).

Единственное число	Множественное число
Именительный — ого — мальчик (у Шотта ol теперь же ого)	
Родительный — огону, оголор и т. д.	оголор и т. д.
Дательный — огого	
Творительный — огонен	

Что-то не так; кажется, автор перемешал падежи: его творительный более походит на родительный[9], а родительный, кажется, вместо винительного.

Вот местоимения:

Личные я — мин у Ш[отта] (?)
ты — эн
он — кини (?)

Указательные сей — субу, бу; первое, кажется, происходит от [су]; киргизы говорят усу.

Притяжательные мой — міэн [миэнэ]
твой — мене [эйиэнэ]
|| свой — беэмгене [бэйэм киэнэ],
у киргиз есть слово собственное
мое.

Спряжение: Асыэкха — [есть]
Я ем — асабын [аhыыбын]
Ты ешь — асагын [аhыыгын]
Он ест — асыр [аhыыр]
Мы едим — асабыт [аhыыбыт]

Из этого запутанного изложения ничего нельзя извлечь. Подобное руководство ни к чему не ведет. Слова почти все тюркские, но обезображены ужасно. Вот одна якутская поговорка: Ким бар бу ола эрегя сох бары тылыунан кепетярь,— ойдарана[10].

Можно разобрать, что бу есть указательное [местоимение], ола — не знаю, эрегя — тоже, сох — тоже, бары от [бар] (у киргиз также [бар]), слова кепетяр окончание турецкое третьего лица изьявительного наклонения, ойдарана, по уверению Огородникова, значит эхо; слово это, кажется, составное... ложбина, пещера, дупло и... крик. В сложности — крик ложбины, крик дупла. По автору, вся поговорка значит вот что: кто может (перевод не буквальный), не учась, (там, как можно полагать по частице указательной, бу этого нет) гово-

рить на всех языках?— Эхо. Бу ола эрегя—кажется, близко татарскому [йер]. Тогда смысл будет таков: кто (есть) в этих местах (разумея свою землю) все языки знает?— Эхо.

По всему видно, что автор сам не очень силен в языке и не изучал его, а писал по расспросам. Через подобные замечания мы никогда не узнаем языки инородческие; надо ждать и ждать, когда какой-нибудь ученый, знающий языки тюркские и монгольский, исследует и укажет только на особенности, больше, кажется, не нужно. Посещение кочевьев инородческих Енисейской, Томской и Иркутской губерний принесло бы и историческую пользу. Географические сведения восточных историков достойны исследования. Открытие урочища Дулон-Булдак, по указанию Абульгази, дает им большую цену*[6]. Многие названия рек — Барфучин (Баргузин), Керулан, Онон и другие — существуют и теперь. Может быть Икар-Мурун, о котором писали так много, название «10 рек» существует также в языке туземцев?

10 об. || К числу этих малоизвестных народов принадлежат киргизы, народ тюркский. По свидетельству Абульгази, они жили в Южной Сибири по рекам Селенге и Икар-Муруну (Ангаре)*[7]. Он их называет керкезы или киргизы...*[8] и говорит, что они происходили от внука Угузова-Киргиза*[9]. Рашид-аддин относит их к числу лесных народов, обитавших в стране Бархуджин Тукум. При Чингис-хане иналом (так назывались, по уверению Абульгази, князья этого народа) киргизским был Урус. Он покорился Чингис-хану и с послом его Бору отправил белого сокола с красными глазами и ногами. В китайских летописях под 1207 г. нашей эры говорится, что Чингис-хан послал двух чиновников своих, Алтана и Бору, к поколению кир-цзис и что вследствие того Идирнэрэ и Алдар (должно быть, послы князей киргизских) привезли лучших соколов. После Чингиса киргизы достались в удел Тулую, следовательно, остались на прежних местах и не участвовали в военной эмиграции других монголо-тюркских поколений. Рубруквис, бывший в 1254 году у великого хана Мункэ, говорит, что киргизы живут на север от Каракорума.

Где бы ни был Каракорум — в истоках Селенги или на верхнем ли Орхоне — киргизы все-таки остаются обитателями южной части Сибири и могли [распространяться] до Байкала. Буряты до сих пор курганы в новой*[10] Сибири называют киргиз-гер

---

*[6] Вестник Русского географического общества. Банзаров. Продолжение. *(Примечание Валиханова).*

*[7] Абульгази. «Журнал Министерства народного просвещения», 1843. Май. *(Примечание Валиханова).*

*[8] Ibid *(Примечание Валиханова).*

*[9] История первых четырех ханов из дома Чингисова. Спб., 1829. *(Прим. Валиханова).*

*[10] Описка, следует: *южной.*

(киргизские домы). Фишер («Сибирская история») полагал, что Икар-Мурун есть Хуанхе, почему предполагал, что киргизы переселились в южную Сибирь гораздо позже Чингиса. Клапрот (Mémoires relatifs à l' Asie) опровергнул эту [гипотезу], приводя выписки из истории династии Юань (1280—1367) народа ki-li-ki-sz (читай kirkis).

Последующая история этого народа не известна до появления в Сибири русских и до столкновения казаков с киргизами и урянхайцами. Зато в течение всего XVII столетия в сибирских летописях мы встречаем их беспрестанно. То нападают они на Томск, Кузнецк, то соединяются с телеутами, с урянхайским
11 алтан-ханом || или с джунгарским тайшием*[11]. [В] 1606 году Немча просил подданства и отправил для этих дипломатических переговоров [жену свою]. Матрона повела дела не совсем удачно, ее оскорбили, и киргизы в отмщение сделали набег на Тару и Томск. [В] 1607 году они были подданные русские, в 1642 г.— подданные зюнгарского владельца Батора, а в 1657—[сына] алтан-хана урянхайского Лобзана. Кочевали они тогда по Белому и Черному Юсам, Абакану, на юге до Саянских гор, на запад до Томи и на восток до Енисея. (О киргизах смотри Фишера «Сибирская история»; Иакинфа «Историческое обозрение ойратов»).

В исходе XVII века вдруг совершенно исчезают киргизы, и их имя более не встречается в сибирских летописях.

По свидетельству Фишера, они были переселены зюнгарским [хонтайдзием], но куда,—он не знал, однако ж предположил, основываясь на слухах, что новое их место переселения должно быть около Тибета и гор Гиндукуш. Левшин говорит, что шведские офицеры, бывшие в Сибири, первые внесли в историю это событие (Левшин «Описание киргиз-кайсацких орд и степей»). Клапрот подтверждает это известие, ясно указывая на новое их место (Journal Asiatique, 1823 г.).

Чрезвычайно трудно предположить, чтобы целое племя могло вдруг исчезнуть и обратиться в один калмыцкий оток (отделение), как уверяет отец Иакинф. Иакинф уверен, что киргизы— буруты, когда последние есть совершенно отдельный от сибирских киргизов народ тюркского корня, а имя их кэргыз есть тюрецкое*[12]. «Сибирские казаки,— говорит автор,— имели дело с одним калмыцким отоком, который назывался кыргыз». Подобные предположения ни к чему не ведут: в числе башкирских волостей есть род кирей, у ногайцев крымских и у кундуровских[11] татар Астраханской губернии также и у казаков (кир-
11 об. гиз-кайсаков) — тоже. Неужели из этого следует, || что киргизы енисейские происходили от башкир, ногайцев или казаков, или обратно: башкиры, ногайцы и казаки происходят от киргиз.

*[11] *Тайша* — то же, что тайджи, тайдзи — титул монгольских и калмыцких князей.

*[12] То есть тюркское.

Ученый монах не обратил внимания ни на восточные, ни, даже, на свои китайские источники, откуда черпал так много. Киргизы под именем хакасы, как народ родственный с тюркским хой-ху, упоминаются у историков Поднебесной империи (Klaproth, Mèmoires relatifs á l Asie); в его истории Чингис-хана говорится о посольстве к народу кирцзис. Оток же киргиз между калмыками, мог образоваться из остатков киргиз после их переселения, или из военнопленных, как оно произошло у киргиз-казаков*[13] и у кундуровских татар; Георги[12] в своем описании народов, изданном в 1779 г.*[14], говорит: «Между ними (кундуровскими татарами) находится несколько бурутов, или Большой орды киргизов (автор везде мешает благодаря соседству Большой орды кайсаков с киргизами), которые в 1758 г. с некоторым числом зюнгарцев соединились. У башкир и ногайцев [они] могли попасть по той же причине. Башкиры еще в 1780 году угоняли скот из [Наймановских] волостей Средней киргиз-кайсацкой орды с реки Аягуза, а ногайцы, как известно из истории, так и согласно преданиям, обитали в степях киргизских до 1680 года, до движения [Хо]-Урлука, главы торгоутов[13], из Тарбагатая. Баранта существовала у кочевых степняков всегда и для набегов их не было препятствий (?) (о ногайцах см. ниже примечание).

Китайская география Дай-цин-И-тун-чжи говорит о каком-то народе тюркского племени полу или пулу, искони будто кочевавшем в местах нынешнего кочевья Черной орды*[15], и что они, китайцы, современники династии Танов, не имели с ними сношений. (Tableaux historiques de l' Asie. Journal Asiatique, 1823; Mémoires relatifs à l'Asie). Основываясь на существовании в Кашгаре пулу, китайский географ выражает следующее предположение: «Имя полу, очевидно, сходное с бору и, нет сомнения, что народ пулу есть буруты». Автору непременно хотелось объяснить имя бурут, и только китаец может из полу делать бурута («Описание киргиз-кайсацких орд и степей» Левшина; «Отечественные записки»; Klaproth. Magasin Asiatique).

12 || Интересно знать, откуда происходит слово бурут; сами киргизы называют себя просто киргиз или кара-кергиз, а о полу, буру и о бурутах не знают, кажется, ничего. Название это, как видно из вышеприведенного, совсем не китайское, а видно, что китаец хочет непременно ученым, мудрым образом объяснить это слово. Если между киргизами есть род и отделение бурут, то, по нашему мнению, оно могло произойти только от выходцев из племени бурут, которые, по Рашид-аддину, так же как и киргизы, были лесные народы и принадлежали к ойротам. (Журнал Министерства народного просвещения 1845 г. Май).

---

*[13] См. ниже о родовом разделении казаков. *(Примечание Валиханова).*

*[14] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Второе издание. СПб., 1779.

*[15] Т. е. тяньшанских киргизов.

Сохранились ли у потомков сказания о прежнем кочевании их на Енисее и о движении на юг — мы не знаем. Известно нам одно то, что преданиями они очень богаты. По сведениям, собранным бывшим приставом от правительства при Большой киргизской орде майором Г. Франелом [в] 1849 г. по рассказам, видно, что они почитают себя потомками н о г а й ц е в, будто бы кочевавших тут до них. Киргизбай, родоначальник их, с двумя сыновьями, Атыгеном[*16] и Тагаем, удалился от притеснения ногайских князей, Манаса и сына его Семетея, с берегов Или в горы, лежащие на юг. Старший сын Киргизбая стал кочевать по вершинам реки Аму и Сыра, в возвышенной долине Памир, что лежит между горами Бадахшана[*17], а младший засел в горные долины Кунгей и Терскей, образуемые: первая — южным склоном гор Кунгей-Алатау и северным берегом озера [Иссык-Куль], вторая — южным берегом озера и северным склоном Киргизнын-Алатау вместе с течением озера. Нам известны только три рода собственно иссыкульских киргиз, а о родовичах их, живущих южнее, сведений не имеем; впрочем, по уверению китайцев, они состоят из 15 поколений.

Развалины древних городов и башен, разбросанные на берегу озера Иссыка[*18], также относятся народом ко временам ногай-
12 об. ским. ||

Вообще же, сведения наши о Дикокаменной орде слишком ограничены; остается ожидать более новых сведений, собрать которые теперь, после вступления бугу в наше подданство, предстоит возможность.

Озеро Иссык-Куль... киргизских выбрасывает в бурную погоду разные принадлежности домашнего быта. Народ рассказывает или объясняет это явление так: в древние, ногайские времена было на берегу озера много цветущих городов и селений. Бог наказал жителей за распутство и безверие: восточная часть берега на значительное пространство оборвалась вместе с городами и селениями, и озеро проглотило весь этот безбожный смрад ногайский.

Предания эти о ногайцах замечательны тем более, что они почти общи для всех кочевых среднеазийских племен. Киргиз-кайсаки тоже все развалины в южной и западной полосе своей земли приписывают также ногаям. Каракалпаки и башкиры также имеют притязания на ногаев. Пункт этот особенно достоин исследования, и я намерен говорить о нем более подробно[14] в

[*16] Точнее: *адыгене* — племенное название киргизов, *тагай* — то же.

[*17] Борнс, «Путешествие в Бухару», на стр. 297, т. III, говорит: «Возвышенная плоскость Памира лежит между Бадахшаном и Яркендом; на ней живет кочевое племя киргизов. Центром этой столовой земли служит озеро Сайрикул (Сарыкуль), из которого, как говорят, вытекают Яксарт, Окс и один источник Инда. Белого и черного хлеба в этой стране нет никакого; киргизы питаются одним молоком; далее: живут они в круглых хиргахах подвижных. Они тюркского племени и перекочевывают с места на место». *(Примечание Валиханова).*

[*18] То есть Иссык-Куля.

другом месте и при другом случае, теперь же обратимся к *казакам*.[*19]

Киргиз-кайсаки принадлежат по языку к народам тюркским и почитаются многими и по происхождению тюрками. Народность киргизская не была никогда предметом серьезного ученого исследования, даже дельных этнографических и нравоописательных статей мы не читали, исключая «Описания киргиз-кайсацких орд и степей» Левшина [и «Записки о киргиз-кайсаках Средней орды» Броневского] («Отечественные записки»), этого во многом достойного и замечательного труда, но в некоторых случаях стоящего ниже посредственности.

Многие труженики в области науки, говоря о гуннах, печенегах, узах, аварах, делали прямые заключения: киргиз-кайсаки и калмыки, обитающие в стране, откуда вышли гунны, суть потомки последних, возвратившиеся после падения монархии Аттилы[15] на Волгу и долго еще бывшие известными под именами кутигуров, арзи-гуров и проч. Действительно, трудно определить происхождение народа, подобного киргизам, народа кочевого, который не имеет письменности, следовательно, никаких памятников прошедшего. Не отрицаю, что такой предмет, как история и происхождение кочующих народов, не представляя никаких данных, фактов, может повести только к разным темным догадкам, не доказывающим ничего; но все-таки, изучая внимательно этнографию народа, мы можем открыть, если не истину, то, по крайней
13 ней мере, слабое отражение || ее, сколько-нибудь раздирающее густой слой тьмы неизвестной. Если поэтические сказания Гомера[16] и предания, собранные по слухам Геродотом[17], имеют сколько-нибудь достоинство историческое, если всякое искаженное, баснословное предание имеет в основании своем происшествие и истину, то, нет сомнения, что положительные и последовательные сказания киргиз, их образ жизни, обычаи и нравы современные, отражающие быт их предков и при сличении во всем согласные с историческими указаниями, могут иметь значение историческое. Как... произведения чисто народного ума, обусловливающие чувствования, жизнь и прогресс всей массы общества, наконец, как... произведения, вылившееся из уст всего народа как от лица одного существа, они не лишены как исторического, филологического, так и психологического интереса.

Кочующие татары[18], хотя и исповедуют ислам, но, подобно языческим собратам, составляют совершенный контраст с оседлыми одноплеменниками. Мусульманская религия, принятая ими хотя давно, не имела на них разрушающего влияния, как на татар и других. Кайсаки были за 20 лет перед сим, до введения русским правительством [окружных приказов], правоверные по имени. Они по-прежнему усердно продолжали свои шаманские обряды и заклинания и чтили *баксу*, служителя духам. Ни

*19 То есть казахам.

один батыр в степи не знал, что за птица Мухаммед. Рассказывают за факт, что знаменитый в Средней орде султан Барак (умер [в] 1749 г.), слыша беспрестанно от татар и бухарцев восклицания вроде: «О, Мухаммед! Нет бога, кроме бога, а Мухаммед — пророк его», так заинтересовался им, что полюбопытствовал спросить: «Все татары и сарты, говорят: Мухаммед, да Мухаммед, должно быть, был малый разбитной». Но теперь уже совсем не то: в короткое время, с открытия первых округов в 1822 году, ислам благодаря заботам правительства сделал чудовищный прогресс. В каждом ауле есть мулла и подвижное медресе — школа; кто не содержит тридцатидневную уразу и пятивременный намаз, тот не имеет голоса и уважения родичей; словом, киргиз-степняк в фанатизме нисколько не уступает какому-нибудь стамбульскому дервишу*[20], кувыркателю ордена Мевле-
13 об. ви[19]... || Бог знает, лучше ли будет для благополучия будущего от нового религиозного направления в степи. Не лучше ли было бы оставить их при прежней терпимости? Киргиз, как подобает живо увлекающемуся сыну степи, по уши погрузился в [ислам] и не терпит ничего, что не согласно с кораном. Песни, древние поэмы, борьба, свобода женского пола и участие его в публичных увеселениях — все начинает выходить из употребления. Нашлось уже много ратоборцев гаремного заключения и бедные [жены] их, заключенные в юртах, украдкой вырезывают войлок юрты, чтобы смотреть [на] белый свет и на проходящих. Такова натура женщины: они мучатся и страдают до тех пор, пока не вкусят запрещенный плод. Старики жалуются на новизну; женщины симпатизируют тайно мнению стариков, молодежь большею частию колеблется — до женитьбы они вспоминают старину, а с женитьбою тотчас делают т а у б я (расскаяние) и исправно совершают требы; но заповеди и высокое подражание пророку (сунне) оставляют в стороне. Не лучше ли бы было оставить киргиз так, как они были прежде. Природные их таланты — устойчивость, их живой ум — в своей деятельности находят гранитный оплот в вере и разбиваются, и... прогресс массы их, хотя и делает большие шаги, но некоторые из них идут диаметрально противоположным ходом. В настоящее время, можно сказать, происходит незаметная, но сильная борьба старины с новизной: мусульманской, подражающей востоку, и русской. Так теперь. Подобное явление представляют и ногайцы, башкиры, так недавно барантовавшиеся с киргизами, в настоящее время совершенно отатарились. Знаменитые в степях музыканты башкирские ч и - б и з г и ч и*[21] не поют и не исторгают более взгляды удивления и слезы умиления от слушающих батыров. Не слышно больше «плача на падение Золотой орды» — свобода их кончилась. Пере-

---

*[20] *Дервиш* — мусульманский странник.

*[21] *Чибизги* — длинная деревянная или камышовая дудка. *(Примечание Валиханова).*

рождаются и киргизы, вымирает племя каракалпаков, и старина татарская грозит падением и совершенным стиранием с лица Вселенной. «Будь воля аллаха! Мы все от бога и к нему возвратимся».

|| В Европе до сих пор господствует ложное понятие, представляющее кочевые племена в виде свирепых орд и беспорядочных дикарей. Понятие о кочевом монголе или киргизе тесно связано с идеей грубого и скотоподобного варвара. Между тем большая часть этих варваров имеет свою литературу и сказания— письменные или изустные. К числу первых принадлежат монголы и зюнгары, а к числу вторых — кочевые орды монголо-тюркского корня. Степной ордынец — киргиз стоит морально, по своим умственным способностям, гораздо выше оседлого простолюдина татарина или турка. Склонность к поэзии, особенно к импровизации, отличает все кочевые расы. Поэтический ум бедуинов и поэты-импровизаторы их хорошо знакомы европейцам. Все путешественники, посещавшие аравийские пустыни и шатры, писали с удивлением о голых мальчишках, которые на все вопросы выстреливали правильно сложенными, размеренными четырехстишиями. Такие же явления представляют и монголо-тюркские поколения. Влияние ли беззаботной кочевой жизни или постоянное созерцание природы, всегда открытого звездного неба и беспредельных и зеленых степей были причиною к поэтическому и умозрительному расположению духа этих степных кочевников — нам нет нужды знать: решение этого вопроса предоставляем ученым, наблюдающим природу, ее влияние на человека и следствия этого влияния. Мы же представим только факты и данные.

Из всех народов татарских, относительно поэтических способностей, киргизы едва ли занимают не первое место. Об них можно сказать то же, что заметил наш заслуженный ориенталист
14 об. Сенковский о арабах: бедуин — || стихотворец от природы и по преимуществу поэт. Хотя в произведениях киргизских бардов нельзя заметить, в строгом смысле, той правильности стиха, как в поэзии арабов, но все-таки и они имеют известное правило и рифму. Язык киргизский, как выдающийся из диалектов тюркских, не имеет той обработанности и, так сказать, эластичности, как гиперболический и фигуральный язык араба; следовательно, и поэтические достоинства их должны быть различны. Как поэзия степей, она имеет отношение к поэзии Аравии, к жизни пустыни: однообразие сюжета картины кочевой жизни, описание раздоров племен и вражда их — еще более сближает это сходство. Во всяком случае поэзия киргиз, как верный очерк жизни, понятий и отношений своего общества, чрезвычайно любопытна и представляет множество занимательных сторон. Этим очерком ограничим дальнейшие толки о поэзии и импровизаторах киргизских.

Обратимся к нашей основной идее. В историческом отношении поэтический дух народа замечателен: первое, потому, что через удивительную память импровизаторов все древние поэмы, воспе-

вающие подвиги героев, многие из них, по древности языка, по многим словам, непонятным для нового поколения, и по историческим известиям о своих героях, принадлежащие ко времени Золотой орды, сохранились до нас без искажения; второе, что импровизаторы, жившие в разные времена, обессмертили в памяти народа замечательные происшествия своей эпохи так, что все они в совокупности составляют нечто целое; третье, все эти поэмы в совокупности с обычаями, пословицами, поговорками, и с их кодексом прав народных, составляя полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа, дают нам возможность к пополнению известных исторических данных и к определению их происхождения. Изумительно с какою свежестью сохранили киргизы свои древние предания и поверия, и еще изумительнее, что во всех отдаленнейших концах степи, особенно стихотворные саги, передаются одинаково и при сличении были буквально тождественны, как списки одной рукописи. Как ни странна кажется подобная невероятная точность изустных источников кочевой, безграмотной орды, тем не менее это действительный факт, не подлежащий сомнению.

ДНЕВНИК ПОЕЗДКИ НА ИССЫК-КУЛЬ

1856 г.

|| 18 апреля из Семипалатинска мы отправились на Аягуз[1]. Дорога через казачьи пикеты (они же и станции) лежала в солонцеватой безводной степи. Здесь мы впервые увидели зелень. День, в который мы выехали, был теплый; жаворонки пели свою обычную песню. В водянистых лугах встречались нам утки разных пород и особенно часто известная на Каспийском море порода, называемая турпан или атайка: она любит солонцеватую воду и в подобных степях встречается часто, живет не стадами, любит уединение — самец и самка. Из растений показывалась только обыкновенная кормовая трава, морковник (дикий укроп) и одуванчик. Таволожнику и карагану (дикая акация — Caraganis sibiricum), довольно рослого, было много, но листья еще [только] распускались.

Все пикеты по аягузскому тракту пользуются водой из колодцев: до Аягуза их шесть.

Эта солонцеватая местность постепенно к Аягузу возвышается и образует пику (сопку) Аркат, оттоль начинает понижаться. Во всяком случае аягузский склон выше иртышского. Живописные зубчатые синевы Аркатские виднеются довольно далеко и разнообразят скучную и пустую дорогу. Горы Аркатские славятся кормом и потому в них сосредоточены зимовки найманских и уваковских волостей Аягузского округа. Здесь кочевали, и кочевали в мой проезд до ста и более юрт сартов. Они, как говорят сами, кочуют тут более 70 лет. Сначала их вызвала к бродяжничеству необходимость: торгуя через Семипалатинск азиатскими произведениями, для отправления караванов они должны были иметь своих лошадей и своих верблюдов — надо было их пасти, к тому же они любили кумыз — вот и наняли в аренду земли у киргиз [казахов] и переселились несколькими семействами в юрты. Кочевая, вольная жизнь, свойственная всей Азии, понравилась им, и в короткое время они увеличились пришельцами до 150 кибиток. Генерал-губернатор, подозревая их в укрывательстве беглых и по контрабандной части, приказал [им] оставить Аркат. Они должны [были] или записаться в мещане с вступлением в российское подданство, или же отправляться восвояси. Они, кажется, решились на последнее.

Ночью 20-го числа*[1] я приехал в Аягуз. Аягуз — маленькая станица, в нем и окружной приказ для управления наймановских

родов. Основан он [в] 1824 г.[2] Из всех станиц киргизской степи Аягуз, кажется, самый невзрачный на вид, впрочем, говорят, Кокпекты не лучше. Маленькая крепость, фортштадт, где несколько деревянных домов, мечеть в татарской слободке и землянки. По новому положению, с основанием Семипалатинской области, он называется городом, и несколько чалаказаков составляют его гражданство. Чалаказаками[3] — т. е. || полуказак (киргизы называют себя казак) — называются выходцы из среднеазийских владений, вступившие в русское подданство с записанием в киргизские волости на общих с киргизами правах. Их очень много в округах восточной части степи: Аягузском, Кокпектинском и в Большой орде. Имя это может не раз встретиться в наших записках, а потому за малое отступление просим простить.

P. S. О наймановских родах Аягузского округа.

Вечером мы оставили Аягуз и, переправившись через проток реки Аягузки, называемый Тумурза, по правому берегу реки через крутые, каменистые береговые холмы, к ночи приехали в первый пикет Капальского тракта — Старую Аягузку.

По Аягузке мы заметили более жизни в природе. Вся степь была покрыта светлым ковром зелени. Листья на карагане, таволге и тальнике были уже распущены, да и самое солнце грело более теплым, южным огнем. Морковник покрывал все лощины между гор и был уже в росте. Берега реки, густо окаймленные кустами жимолости, черемухи, тальника, между которыми высоко возвышались тополи, производили чрезвычайно приятное чувство после трехдневной езды по солонцам[4], где не было ничего, кроме белых кочек чия, местами в черноземных оазисах — карагана и таволги. Прибрежные луга были богаты кормовой и сенокосной травой, а береговые леса представляли хорошую защиту от зимних буранов и метелей. Недаром в преданиях киргиз воспевается благословенное течение Аягуза.

При пустынности и безводности окружающих его степей действительно Аягуз может казаться раем. Левый возвышенный берег его, покрытый лугами и лощинами с травой, был, нет сомнения, местом постоянной кочевки киргиз в оны дни, когда не было русских и их пикетов. Киргизы боятся соседства казаков. Не можем сказать, основательно ли это чувство, но вообще чувство самосохранения есть чувство похвальное. Я очень люблю и восхищаюсь Аягузом, может быть, поэтическая легенда о любви прекрасной Баяны к золотоволосому Козу-Корпеч, действие которой происходило на этой реке, есть немаловажная к тому причина.

Возвратимся к дальнейшему течению нашей дороги. На пикете № 2 мы переправлялись на правый берег. Это было ночью. В

---

*1 Апреля 1856 г.

10 верстах, не доехав до 4-го нумера, стоит знаменитая в киргизских поэмах могила[5] Козу-Корпеча. Мы хорошо изучили поэму и потому хотели непременно осмотреть и их могилу. По времени нашего выезда из [пикета] № 2 мы должны были проехать через Кизилькийский пикет ночью. Но нам хотелось встать[*2] там в утро и на могиле напиться чаю: приятно в дороге пить чай и особенно на развалинах, на древних могилах. Думать о прошедшем и заботиться о настоящем. С этой целью ямщику приказано было ехать так, чтобы только утром при восходе солнца, когда жаворонок поет первую свою песнь, когда с одной стороны мрак и ночные тучи уходят на север, с другой — с запа-
2 да[*3] восстает утреннее багровое солнце и свет || приятно освещает верхи дерев, воду каким-то чудным светом, чтобы в этот поэтический час он был у могилы.

Человек предполагает, но бог располагает. Всю ночь крупные капли дождя стучали по зонту тарантаса. Истомленные лошади, скользя по грязи, перебирались шажком. Только усиленное хлопанье бича и фырканье усталых коней и отчаянные крики ямщика нарушали однообразный бой дождя.

Скверная была ночь, и скверно было ехать. В тревожном сомнении, чтобы дождь не помешал задуманному плану, я несколько раз обращался к ямщику с вопросом: «Ну что, не разъяснело?» Ямщик, промокший до костей, брюзгливо отвечал:— «Нету»,— и потом, в виде обращения к судьбе, прибавлял: «Эка погода! брр...» и стряхал набравшуюся на колени воду. Жаль мне было ямщика — если б ехали скоро, он давно бы отдыхал на теплой печке. Жаль было и памяти прекрасной Баяны.

Так мы ехали час.

— Ваше благородие,—отнесся ямщик,— вот и могила!

Я высунул голову. Солнце тускло выходило из-за угрюмых туч, все небо было покрыто сплошной массой грязно-матовых облаков, дождь шел, как прежде, замылившиеся лошади едва тащились по грязному солончаку, налево[*4] за рекой виднелся через верхи тополей остроконечный шпиль могилы: она казалась [сложенной] из красного кирпича. В такую погоду нечего было думать о чае и комфортабельном осмотре киргизского антика.

— Кажись, и река в разливе, ваше благородие: не переедете,— заметил ямщик, как бы угадав мою тайную мысль.

— Ну поезжай вперед, посмотрим в обратный путь,—сказал я и, завернувшись в шубу, повернулся на правый бок, и закрыл глаза, чтобы уснуть.

На Юз-Агачском пикете я пил чай. Левый берег реки образует степь, покрытую солонцами и разливной водой. По трактовой дороге, которая идет по берегу Аягуза, за разливом реки

[*2] Чтение сомнительное.
[*3] Описка, следует: *с востока*.
[*4] Описка, следует: *направо*.

ехать было нельзя. Мы поехали объездом. Перед нами лежала ровная солонцевато-грязная степь. Белые кусты чия (род злака) росли отдельными кочками, и его было много. Там и сям росли колючие кусты ченгеля (род карагана), боялыша (из той же породы), облепихи, джигдовника и кокпека. Так мы ехали верст 25. Наконец доехали до вершин хребта Арганаты. Здесь растительная



Каменные изваяния у древней гробницы Козы-Корпеш и Баян-Сулу.
Зарисовка пером Ч. Валиханова, 1856 г.

природа местности совершенно изменилась. Склон хребта с более прочным грунтом был обросшим сплошным зеленым ковром морковника и травы, совершенно на него похожей, называемой казаками дикая редька. В середине этих гор стоит пикет, получивший от него свое название. За пикетом сзади рос морковник и дикий тюльпан желтого цвета; туда к Лепсе, по склону хребта — дикая редька и таволожник, а далее по ровной глинистой степи, которая отсюда открывается,— дикая редька, во множест-
2 об. ве || ревень и лук, джусан и кокпек. Ревеню было так много, что вся степь издали казалась красной. В местах возвышенных (при приближении к станции) попадались таволга, караган мелкий и желтый тюльпан. Кормовой травы, как за Арганаты к Аягузу,

так и от него к Лепсе, совершенно не было. В этих местах кочевники не могли жить и стоять, это совершенно доказывается отсутствием единственного памятника, [оставшегося] от номадов — могил[6], обилие которых по Аягузу, по Лепсе и по другим рекам доказывает благоприятное значение их*[5] относительно скота.

На половине станции*[6], впрочем, ближе к Лепсе, от пикета Арганатинского к Лепсинскому идет гряда холмов; за ними характер местности совершенно меняется. На южном склоне этой гряды лежит озеро, покрытое камышом. Летом оно высыхает, весною через разлив Лепсы, сообщаясь с ней, бывает довольно полно водой.

Мы приехали туда под вечер. Крик гусей, которых было там во множестве, и особой породы лягушек (колокольчики) так неприятно раздирал слух, что мы принуждены были заткнуть себе уши. По берегу реки, к горе, по направлению к устью Лепсы, виднелись киргизские могилы. Им не было счета. Следы зимовок видны были по дороге, и при нас тут были аулы. Места эти, видно из могил, были сборным кочевьем родов. В настоящее же время киргизы зимуют в камышах Балхаша, а[на] лето уходят в горы — здесь же останавливаются на отдых и непременно пребывают дней десять. За этим озером до самой Лепсы (это пространство верст десять) все лежат пески. Пески подвижные. Камыш, чий во множестве, кокпек, чингил, ак-тасты*[7] местами — вот растительность. В песках этих очень много черепах и змей.

Тут открылось течение Лепсы. Лепса берет начало из склона Алатавских гор и впадает в Балхаш. Вода в ней глубока. По берегу ее растет довольно густой лес — тополи, осиновый тальник, джида, жимолость. Устье же покрыто густым и высоким камышом. В камышах этих бывает много разных птиц и попадаются тигры. Однажды тигр ночью искусал часового на пикете.

Климат его*[8] значительно разнится: в конце февраля там не было снегу, и в

Профили каменных изваяний на р. Аягуз. *Рис. пером Ч. Валиханова.*

*[5] То есть долин рек Аягуза и Лепсы.
*[6] То есть расстояния.
*[7] Описка, следует: *актаспа.*
*[8] То есть долины р. Лепсы.

страстную неделю к рождеству[9] они[10] лакомились гусиными яйцами. Уверяют, что в его долине есть фаланги и скорпионы. Несколько лет тому назад река эта была границей русских владений на юге, и переход через нее под строгой ответственностью был воспрещен, но теперь... Теперь другое дело!

Ночью проехали через Баскан и только к утру приехали в Аксу. Через Аксу, как и через Лепсу, устроен перевоз.

|| Речка Аксу имеет течение довольно быстрое, берега ее покрыты местами топольником. Берега ее ровны; гладкая степь идет к Лепсе и такая же степь до гор Кийсыкауз.

С Аксу мы увидели снежные верхи Алатавских гор. Дальняя синева этих гор пестрела высоко, соединяясь с облаками. Местами верхи выходили из-за туч; восходящее солнце разливало на них багрово-блестящий свет. Картина удивительная. Кийсыкауз сравнительно с Алатау казался травой, растущей под столетним дубом. Степь, по которой [мы] ехали, была ровна, как бы убита [ногами], и на ней, кроме юсану, ничего не было. Направо и налево от дороги виднелись могилы в виде крепостцы с бастионами или сфероидального вида, большей частью были первой формы. Попадались по дороге табуны лошадей, баранов и вдали белелись киргизские юрты. Увидевшие нас киргизы спешили скорее убраться, и когда мы остановили пастуха, чтобы узнать, где кочует султан, то бабы в ауле подняли шум. Аул зашумел. Из одной юрты в другую шныряли бабы, звали кого-то по имени, должно быть, бия.

— Моего барана они взяли,— говорила одна крикливая марджа, должно быть, по предчувствию, —не моя ведь очередь,— визжала она.

Мы поехали дальше, и аул начал успокаиваться. Только далекое шавканье упомянутой бабы доходило до нас,— нет сомнения, она благодарила аллаха, что он спас своим всемогуществом ее
4 барана от русских.

|| Мая 15. Ночлег на реке Чилике.

Река Чилик берет начало из центральной возвышенности Алатауских гор, которая дает тоже начало Талгару, и потом посреди гор течет на запад[11] до впадения речки Джиничке; потом течет на северо-восток[12] до впадения в Или. В него впадают, или лучше [сказать], его составляют, справа речки: Кугантёр, Деле-Карагайбулак, Суттебулак, Учбайсорн. Кудорге, Курменте, два Сарыбулака (Кульды-Сарыбулак, Асу-Сарыбулак), Чатлэ (Сатлы) и Карабулак: слева: Учбулак, Текджол, Джиничке, Сарыбулак и Асу[13]. По течению Чилика проходят следующие проходы, или

---

[9] Описка, имеется в виду пасха.
[10] Очевидно, местные жители.
[11] Описка, нужно: *на восток.*
[12] Точнее: *на север.*
[13] Правильно: *Асы.*

асу[7]: по течению Кугантёра, Деле-Карагай и всех других речек, впадающих в Чилик справа, проходят верховые асу. Только через Курменту в июле и августе проходят верблюды.

Чилик имеет течение довольно быстрое, воды в нем во всякое время года довольно, и разливается [он] на довольно значительное пространство. Разливается он в конце июня от таяния горных снегов, и продолжается [разлив] до августа, как киргизы говорят, до сбора проса. Верхнее течение Чилика служит постоянным зимовьем для киргиз; в прежние времена от Карабулака до Учбайсорн занимали сарыбагыши, теперь же там зимует адбановский род кизлборк. Особенно в отношении к сохранению скота в зимнее время славится урочище Бакалы в горном плато между речкой Джиничке и Сарыбулаком. Бакалы — значит лягушечье место. Дикокаменный киргиз из рода сарыбагыш уверял меня, что когда манап их Умбет-Али зимовал там, то в одном роднике всю зиму квакали лягушки. Он говорил также, что те лягушки имеют белую кожу и величиной в ладонь. То же говорят и киргизы. Хотя по верховью Чилика, кроме кипеца[8], не растет никакой другой травы, но тем не менее жестокой зимы, большого снегу, падежа и буранов никогда не было, по крайней мере старики 80 лет не помнят.

Горы Алатауские по Чилику и его притокам покрыты еловым лесом в изобилии. В долине по берегам Чилика особенных кормовых трав нет, кроме юсану и дикого маку (кызгалдак), зато берег реки богат тальником, джигдой, таволожником, джингилом, барбарисом, жимолостью. Эти кустарники образуют по сторонам реки густую, зеленую аллею. По средине течения реки из окружающих ее тальников образуется высокий лес, называемый киргизами Бауагач[9]. При впадении в Или он покрывается камышом и саксаулом. Угол, образуемый Чиликом и Илой до Каратурука, поблиз берега имеет, как говорят туземцы, хорошие сенокосные места. В этом же пространстве к горам растет только чингил и чий.

На пути от Каратурука к Чилику на левой руке лежит водянистый лог, называемый киргизами по могиле одного батыра — Корам. Он проходит параллельно дороге. Конец его к Чилику образует болото и около имеет много сенокосной травы. На другом сухом конце его лежат развалины крепостцы, или лучше [сказать], остатки рва, около вырыт колодец. Предание киргиз гласит, что тут был калмыцкий пикет и что хан Аблай разрушил его и очистил долину Чилика от неверных. На самом Чилике, выше Бауагача, к верховью лежат остатки другого более обширного кургана[10]. Рассказывали мне сарыбагыши, что когда покойный Урман-батыр кочевал тут, то бабы и дети находили там жемчуг, коралл, бусы и другие вещи. Что касается до меня, то я сам лично нашел в пер-
4 об. вом кургане || черепицы от глиняных ваз и горшков.

От Чилика на озеро Иссык-Куль караванная дорога идет через Темирлик на Каркару, другая дорога, менее удобная для переез-

дов, идет через верх Чилика, по горам Соготы, через асу того же названия, через горы Торайгыр, оттуда через три Мерки на Каркару; по долине Чарына на Каркаре путь темирликский соединяется с меркинским и идет через единственный (в отношении больших караванов) проход Санташ.

Темирликская дорога более удобна, даже проходима колесными экипажами. Одно препятствие — лог, образуемый течением речки Темирлика. Через Сугульты[11] и Мерки путь, хотя и проходим для верблюдов, но труден для колес. Так как при нашем отряде была одна телега и одна маленькая горная пушка, то мы избрали проход Сугульты, как более кратчайший, навьючив на верблюда пушку и телегу.

Мая 16. Ночлег на горах Соготы при ключе Карабулак.

От Чилика параллельно его течению мы направились на проход Сугульты. Сугульты есть ущелье, разделяющее на западе гору Сугульты от горы Бугульты, что примыкает к восточной стороне его. Название С о г у л ь т ы, как объясняли мне киргизы, происходит от глагола сукмак — дуть. Там дуют постоянно сильные ветры. Бугульты происходит от слова бугу — олень. Там много оленей.

Итак, мы шли прямо на юг, имея перед собой в центре гору Сугульты, направо ущелье, через которое протекает Чилик, проламывает горы, отделяя Сугульты от горы Асы и Саускандык. В этом же месте впадает в Чилик слева река Асы, отделяя собой гору Асы от горы Саускандык. Асы берет начало из западного склона одной из отраслей Алатавских гор, с северо-восточной стороны которого выходит Тургень. Верховья Асы по выходе из горного склона образуют небольшую горную долину, известную под названием «Летней кочевки Асинской», «Асы джайляу»[14] или Аралтюбе. По долине Чилика, к горам, растет один только юсан на глинистой почве; несмотря на то, киргизы усердно вспахивали эту неблагоприятную почву.

Проход через ущелье был от сильных дождей взрыт и испорчен. Мы должны были поехать через другой путь на самую гору через ключ Карабулак и ключ Уйтас. Проход этот был крут и труден для колес, но отряд наш и верблюды не находили большого препятствия. На северном склоне его есть одно крутое место и одна тропинка параллельно косогору. Вообще при небольшой работе его можно бы сделать очень удобным для телеги. Мы ночевали на южном его склоне около вершин при ключе Карабулак. В горах было много р г а ю, с а р ы а г а ч у, были также и я б л о н и. День был дождливый и холодный.

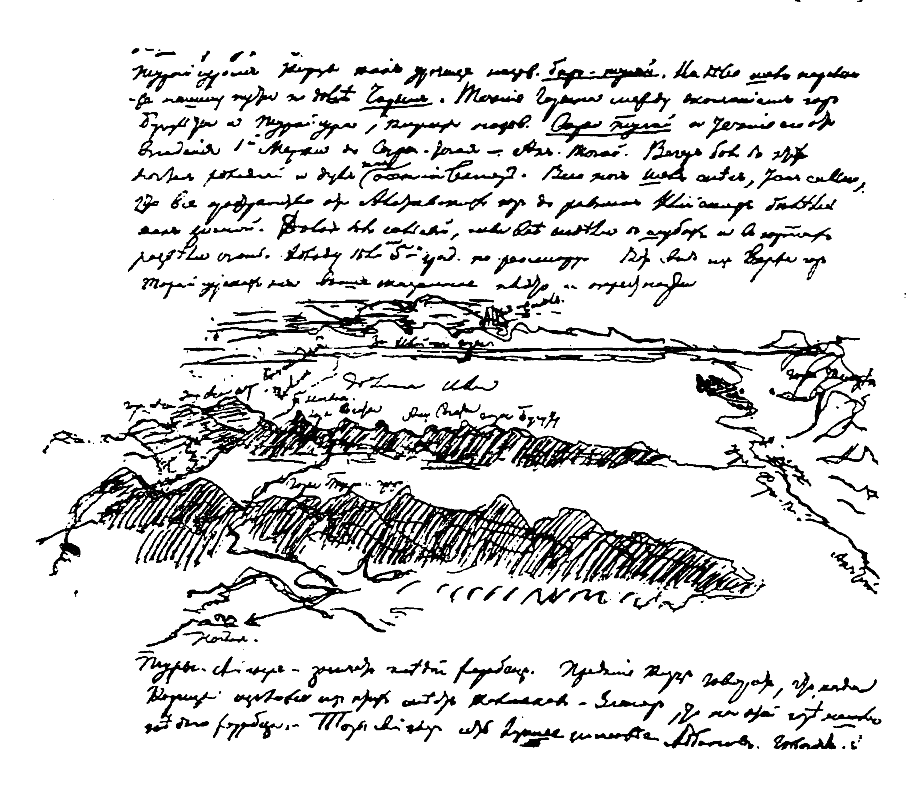
Мая 17. Сторона терскей*[15] горы́ Торайгыр. Асу Аир при ключе того же названия.

---

*[14] По-казахски: *Асының жайлауы.*

*[15] *Терскей* — северный склон.

С горы Соготы через горное плато с большим склоном на Торайгыр прошли мы на асу Аир, при самом входе в который дождь заставил нас остановиться. Мы ночевали [на северном склоне горы Торайгыр], хотя || по расстоянию мы могли бы переехать на сторону кунгей. Терскей есть общенародное имя северного или [северо-] западного склона гор, кунгей — южного или [юго-] во-



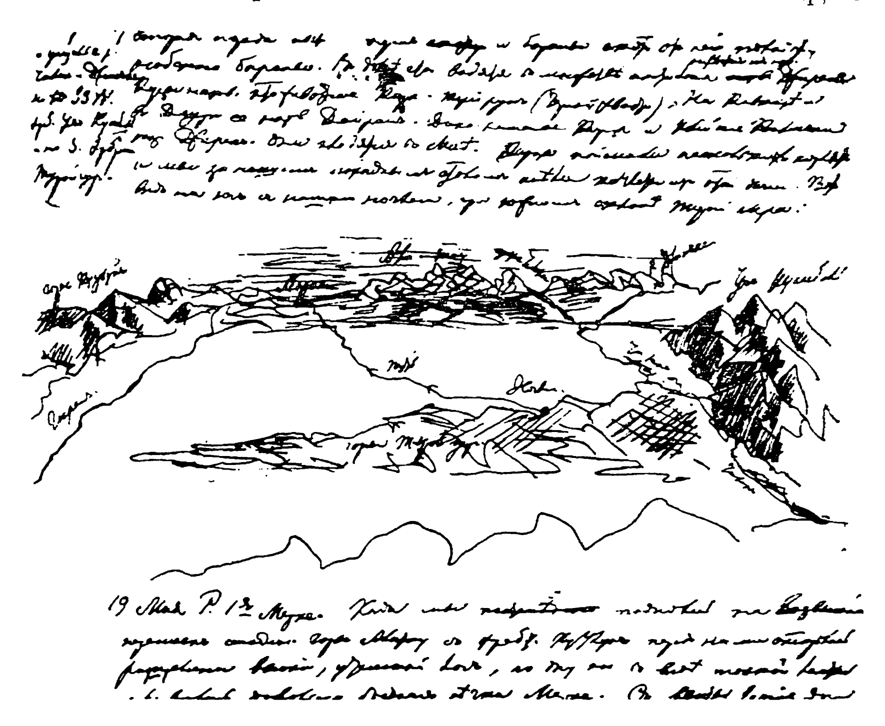
Панорама долины р. Или с видами гор. Заилийского Алатау, Бугуты и Турайгыр. *Зарисовка пером Ч. Валиханова в тексте дневника.*

сточного склона. В этой узкой между гор долине к горе Соготы было много ревеню, между тем же к склону на Торайгыр рос один юсан и кипец. Ревень уже был отцветший, даже листья были уже красны. На правой руке, параллельно нашему пути, тек Чилик. Это течение, т. е. течение его между Соготы и Торайгыром, киргизы, как урочище, называют Бартугай[12], налево шел параллельно же нашему пути по долине Чарын.

Течение Чарына между окончанием гор Бугульты и Торайгыра киргизы называют Сарытугай[13], а течение его от впадения 1-й Мерки до Сарытогая — Актогай[14]. Вечер был в этот ночлег холодный, и ветер дул, как осенний. Всю ночь шел снег так сильно,

что все пространство от Алатавских гор до равнин Илийских белелось, как зимой. Холод был сильный, мы все сидели в шубах и в юртах развели огонь. Холоду было на 5° по Реомюру. Вот вид из верха гор Торайгырских на вышесказанное плато и окрестности.

Туры айгыр — значит гнедой жеребец. Предание киргиз говорит, что когда киргизы изгнали из этих мест калмыков-зюнгар, то



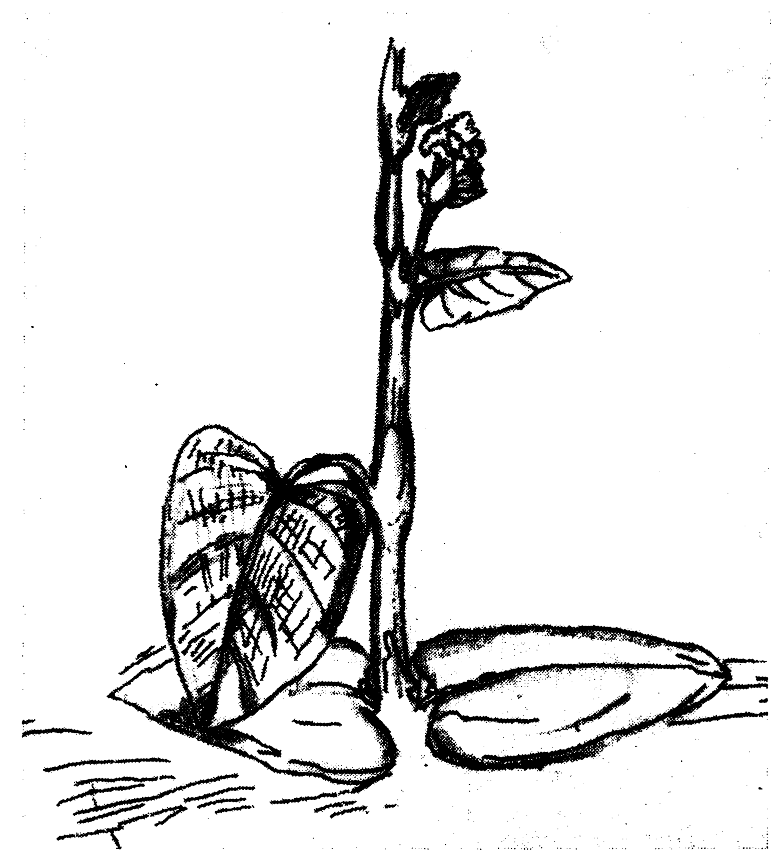
Панорама долины рек Чарын и Мерке. *Зарисовка пером Ч. Валиханова в тексте дневника.*

на этой горе нашли гнедого жеребца. Торайгыр есть лучшее зимовье адбанов. Говорят, что снегу там почти никогда не бывает, [а] если и бывает, то небольшой и скоро проходит. Скот при самой дурной зиме и бескормии выходит в теле, питаясь одним только ягелем — так сильна трава и блага почва. Джугумды эр[*16] (благое место) — говорят киргизы. В мае месяце привел нам бог застать в этом благом месте снег. Снегу было так много, что нужно было 3-х солнечных дней для совершенного его растаяния — для нас время было дорого, и мы на следующее утро выехали и сделали небольшой привал на кунгейскую сторону горы [Торайгыр] на урочище Сулу-Карачоке.

[*16] *Джугумды* — питательный, сочный; *жер* — земля, урочище, место.

18 мая. [Сторона] кунгей горы Торайгыр. Ключ на урочище Сулу-Карачоке.

Хотя асу (проход) Аир не так крут, как Соготы, но огромные камни, лежащие по дороге, делают его невозможным для всякого перехода телег и арбы. Камень, составляющий основу утесов этой горы, был песчаник, весьма хрупкий, тот, которым в Финляндии

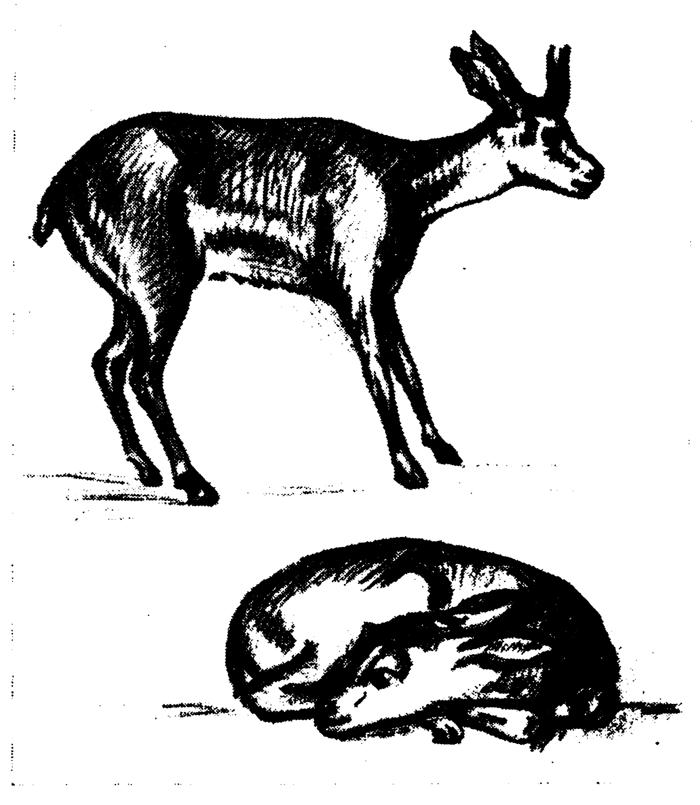


Раваш. (ревень). *Зарисовка карандашом Ч. Валиханова. 1856.*

убирают шоссе. Ргаю, жимолости, вереску*[17] и других горных кустов было много. Здесь я встретил в первый раз особый род щавеля, называемого киргизами раваш или рауаш. Растение это || имеет пустой сочный стебель, наполненный приятно кислым соком. Листья его имеют форму листьев обыкновенного щавеля, но гораздо большего размера. Вкус его напоминает гранат.

*[17] Ч. Валиханов ошибочно называет вереском стелющуюся арчу — можжевельник.

По выходе из гор перед нами открылась возвышенная к юго-западу [и] к горам Куулук долина. Долина эта ограничивалась на севере горами Куулук, на СВ проходит Мерке, на ЮВ — горы Алатау, на юге — горы Алатау и ущелье реки Чилик в Джиничке, на SSW — хребет Учкумбель и на S — хребет Торайгыр[15].



Джейраны. *Зарисовка карандашом Ч. Валиханова. 1856.*

По правой руке от нашего ночлега протекал Чилик. Ущелье его, которым он рассекает Алатау, и ущелье речки Джинчке, тут впадающей в Чилик, виднелись перед нами. На левой руке мы имели Чарын, собственно его [долину] Актогай, и от него впереди на юго-востоке возвышенный мыс, которым Куулук соединяется с коренным хребтом и по которому текут три Мерки, впадающие в Чарын. Мы шли на эту плоскость. Долина постепенно к Меркам возвышалась. Она вся была покрыта травой, называемой киргизами четер. Трава эта двух видов: одна имеет желтый цвет крестом, продолговатые стручки с зарубками, как бы витые, и прямые листья, другая же — цвет белый, головчатый, стручки ровные

цилиндрические, но загнутые в виде бараньего рога, и зубчатые листья. Как первая, так и вторая порода идет в корм, и скот от нее полнеет, особенно бараны.

В долине этой водятся во множестве антилопы, известные под названием джирен. Киргизы называют это животное каракуйрук[16] (черный хвост). На Кавказе и в Даурии его называют дайран.



Козленок антилопы. *Зарисовка карандашом Ч. Валиханова 1856 г.*

Дикокаменные киргизы и илийские калмыки называют джирен. Они [антилопы] плодятся в мае.

Киргизы поймали несколько козлят, и мы за нашим походным столом имели котлеты из этой дичи.

19 мая. Река Первая Мерке.

Когда мы поднялись на возвышенный перешеек, соединяющий горы Алатау с хребтом Куулук, перед нами открылась расщелина, высокий утесистый лог. По дну его в виде тонкой ленты извивалась довольно быстрая речка Мерке. С высоты течение реки было живописно: по зеленому и ровному логу синелась речка, берега ее были окаймлены с обеих сторон в виде аллеи ивами. Мерки (их три) впадают в Чарын, берут начало свое из Алатауских гор и текут по *всей длине* перешейка, образуя глубочайшие ущелья, и впадают в Чарын, который, проламывая,
6 *только по ширине*, этот же перешеек, огибает Куулук и далее, повернув на север, впадает в Или.

|| Мы ночевали на Первой Мерке, близ впадения ее в Чарын.

На Мерке очень много архаров и диких коз. Я охотился за ними, но безуспешно. Архары плодятся рано, еще на Капале я видел маленького козленка.

Козы же, судя по козлятам, которых мы видели, бросают [их] в конце апреля. Вообще Алатавские горы славятся козами, архарами, маралами. Каракуйруки попадаются только в долинах. Здесь я видел из птиц: галок, диких голубей, черных ворон, называемых

киргизами...*[18], рябчиков, называемых кекликами, дубоносов*[19] горных скворцов*[20] (с красными перьями) и сорокопутов. Из хищных птиц на месте нашего ночлега парили коршуны и особая порода из рода ягнятников, белая, как лунь, концы крыльев черные, ноги красные.

20 мая, ночлег на реке Черганак.



Ночлег русского отряда на реке Мерке. *Зарисовка карандашом Ч. Валиханова. 1856 г.*

На Первой Мерке мы должны были очищать снег, чтобы ставить юрту. К вечеру, хотя небо и очистилось от туч, но был резкий северо-восточный ветер и было холодно. Утром мы снялись. Снег покрывал все пространство. День был хороший и солнечный. Мы не могли смотреть: отражение солнечных лучей на белом, ярком снеге было ужасно нестерпимо для глаз. Как ни трудны были переходы через лощины трех Мерке, но, при усиленном и всеобщем содействии отряда, артиллерия была благополучно поднята на лямках.

Удивительный ландшафт представляет Чарын между утесистых берегов при впадении Второй Мерке. Крутые берега, обстав-

---

*[18] Оставлено место, очевидно, для казахского слова *құзғын.*

*[19] Точнее: *арчевый дубонос.*

*[20] Точнее: *розовые скворцы.*

ленные громадными утесами, пирамидальные ели растут под скалами и на скалах. Внизу с шумом, пенясь, струит свои зеленоватые волны Чарын.

6 об. || Вторая Мерке гораздо у́же и течение имеет очень слабое. Переход через нее и подъем не так крут, как первый. На третьей Мерке мы дали отдых лошадям и обедали. Долина, образуемая



Караван в ущелье реки Чарын. *Рис. в тексте дневника Ч. Валиханова. Перо. 1856 г.*

течением Третьей Мерке, довольно широка и болотиста. Речка глубже даже Первой [Мерке], воды более. Ивы, растущие по берегу ее, гуще других. Здесь растет одно кустарниковое растение, по листьям своим похожее на тал, но с колючками, как боярышник, и кора его походит на боярышник, впрочем, несколько темнее. Киргизы его называют черганак[17]. Дерево имеет красноватый цвет, почему киргизы из него делают стволы[*21] для ружей. Ягоды его очень походят на облепиху.

Подъем Третьей Мерке очень легок. На скалах между Первой и Третьей Мерке растут следующие кусты: р г а й, сарыагач, роза с желтым цветом и мелкими листьями, караган довольно высокого росту, с очень мелкими листьями (киргизы называют его боркараган), вереск, жимолость, кизилча (вроде хвоща с толстоватым стеблем; пепел его туземцы кладут в нюхательный табак). В горах

[*21] Имеются ввиду ложа.

около вершин Мерке, вплоть до Асы, впадающей в Чилик, растет под снежной линией ель, годная для построек. Во время прохода нашего через возвышенный, как мы выразились, перешеек, направо*22 лежит Куулук, налево*23 — основной хребет Алатау. Окончание Куулука огибается Чарыном, который берет начало с восточной стороны его. Три Мерке впадают в Чарын на этом перешейке.

Проход, который образует Третья Мерке своим истоком с Алатау, называется Товолды-Асу. Это один из трех главных проходов, дефиле*24, на озере Иссык-Куль. В наш проезд он остался в стороне, мы должны были быть на Каркаре, где кочевал род бугу. Тобулды-Асу, говорят, труден для колесной езды, дорога идет по густому еловому бору, который, конечно, тогда был покрыт снежными сугробами. После подъема с Третьей Мерке дорога делается более удобной. Три незначительных спуска через лога и два ключа; последний спуск при камне Тиекташ открывает луговую ровную долину Чарына. Долина эта соединяется с долиной Каркары.

Тиекташ — ущелье, которым Чарын прорезывает северный нос Куулука и отделяет его от перешейка Третьей Мерке. Долина Чарына налево ограничилась Куулуком, направо небольшим и невысоким продолжением подошвы столового[18] перешейка. С впадения в Чарын реки Черганакты, где мы ночевали, открывается круглая долина, называемая Каркара, по имени речки того же названия, которая протекает по самой ее середине и впадает в Чарын.

|| 21 мая, речка Каркара.

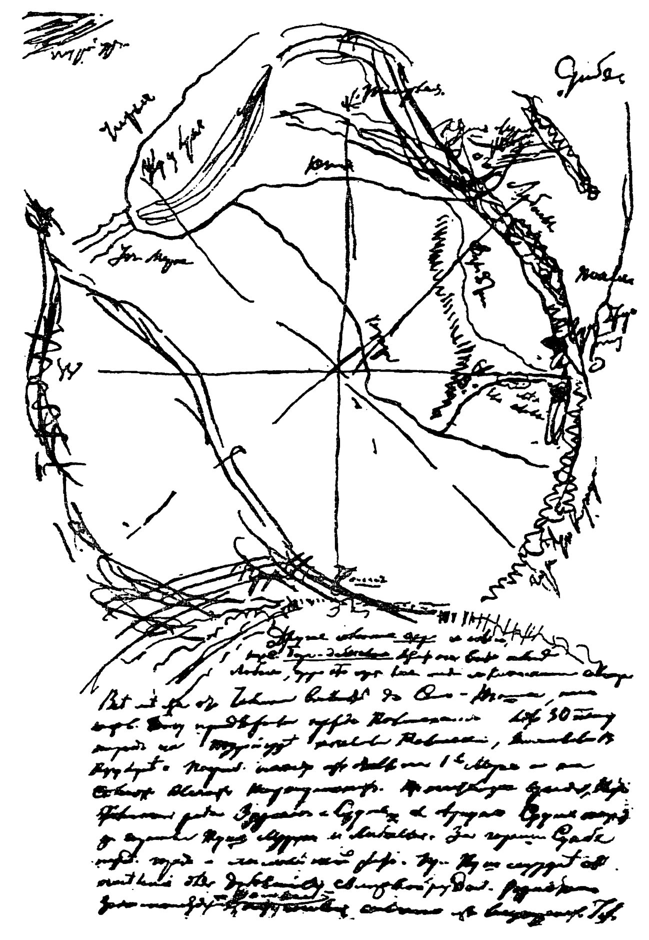
Река Чарын составляется из следующих речек. Собственно ее начало — Чон-Каркара из гор Каркара, при урочище Кукяртурук. В нее впадает Джель-Каркара, которая берет начало из сев.-зап. склона горы, которая дает начало речке Сарыджаз, почему и называется Сарыджазнентау. Речка Кегень берет начало из солонцов, называемых Кегеннен-Кенсазы, и из солонцов Ильичен [ен]-Буйрек [сазы] по западной стороне гор Кушмурун (которые есть окончание хребта Темирлик), течет на гору Куулук, где, соединяясь с Каркарой, называется Чарыном. В Кегень со стороны Кушмуруна впадают ключи: Чибдженбулак, Курайлы. Из самого носа Кушмуруна вытекает теплый ключ. Кроме этих речек и ключей, независимо [от] системы Чарына из горы Каркара течет Чулак-Каркара, которая, не доходя до Чон-Каркара, теряется.

С Куулука на Кегень течет речка Чибджоке, которая также, не доходя, теряется. От Кушмуруна на SSO лежит отдельная сопка или курган, называемый Манаснен-Бозтобе. Предание туземцев говорит, что богатырь их Манас (герой замечательного в народе

*22 Описка, следует: *налево*.
*23 Описка, следует: *направо*.
*24 *Дефиле* — теснина, ущелье, узкий проход.

эпического сказания) имел на ней свой лагерь во время войны с каутирасами[19] (калмыками).

Долина Каркары ограничивается на севере проходом через Темирлик. На NO[*25] имеет проход трех Мерке, на SSW — проход Санташ в горах Киргизнен-Алатау, на NO — хребет Кушмурун, на ONO — горы Лабасы и от O'SO на SO — горы Уч-Каркара. Между



Схематическая карта долины реки Каркара.
Зарисовка пером Ч. Валиханова в тексте дневника.
1856 г.

Лабасы и Кушмуруном за китайскими караулами виднеются горы Сумбенентау и далее Кеушентау, пик Арткан с проходом того же названия. В самой долине от впадения речки Сарыяза в Кегень

[*25] Описка, следует: *NW, т. е. северо-запад.*

идет холмистая гряда, называемая киргизами Тасмаджон, и оканчивается у речки Каркары. Направление она имеет с северо-востока на юго-запад. На восточной стороне этой гряды, в лощине, лежат соленые ключи, называемые Каркаранен-Кайнатма-Туз. При выходе своем ключи образуют резервуар, покрытый сплошной отвердевшей массой солонцеватой грязи. Посреди этой коры, у п о в а т е л ь н о, от действия подземного (говоря же в строгом смысле — под словом земля разумеется нами верхний солонцеватый дек*[26]) родника образовалась правильная кубическая масса этой же материи. Высота ее 1,5 саж., длина — 3, ширина — 2,5 саж. За горами Лабасы на юге лежат горы Текес, из которых вытекает река того же названия, составляющая истоки Или.

7 об. || Другое соленое о з е р о, называемое Б о р а-Д а б ы с ы н, лежит на восточном склоне Лабасы. Озеро это через лог соединяется с кегенскими солонцами. Все места от Чилика вплоть до Санташа, как сказывают бугу, принадлежали прежде калмыкам. Лет 30 тому назад на Торайгыре кочевали калмыки, зимовали в Куулуке. Пограничные пикеты их стояли на Первой Мерке и на соленых ключах Каркаринских. В настоящее время китайские калмыки рода зурган-суун и аргун-суун кочуют за горами Кушмурун и Лабасы. За горами Сумбе находится город и ламайский хит[20]. При Кушмуруне есть поселение для добывания свинцовой руды. Разработкой занимаются шампань — преступники, сосланные из внутренних губерний. Урочище Каркара есть летнее кочевье. Кочуют на нем адбаны и дикокаменный род бугу. Долина славится своим благоприятством скоту; здесь нет ни оводов, ни комаров. Вообще в долинах алатавских насекомых встречали мы мало. Воздух здесь холодный, особенно ночи.

8 || 22 [мая], 2-ой ночлег на реке Каркара.

С Черганакты мы шли [на] юго-восток и по течению Каркары; сделавши несколько верст, остановились при той точке, где холмистая гряда Тасма, оканчиваясь у берега реки, образует яр. Ниже этого места берег реки лесист, покрыт довольно густо тальником (ивой) и кара-черганаком. На берегу, на песках, попадается нередко саксаул. В реке водится мелкая порода рыбы, называемая туземцами ч а б а к, русскими — о с м а н к а.

23 [мая]. Там же ночлег. Джидели-Богу.

Носился слух, что пишпекский фарманчи (губернатор) с 1500 т*[27] пришел на Кутималды. Манап сарыбагышей Умбет-Али взят в плен, скот его разграблен. Говорили некоторые болтливые бугинцы, что бии их распустили этот слух ложно, чтобы мы не шли на озеро, занятием которого свобода их может навсегда уничтожиться. Другие говорили, что четыре человека ташкентцев находятся теперь в ауле у Буранбая, влиятельного манапа всего рода бугу, и что они приглашают их к себе для решения [спора]

---

*[26] *Дек* — в данном случае покров, верхний слой.

*[27] Описка, следует: *с 1500 человеками.*

с сарыбагышами. Для бугу решение это, конечно, было бы выгодно. Они дали уже 30 лошадей зякету, между тем как Урман разрушил ташкентские курганы, а преемник его, Умбет-Али, не явился к ним по требованию. Понятно, что бугу хотели бы отделаться теперь от русских, от их подвод и могли бы победить через участие сартов сарыбагышей. Впрочем, все это слухи. Мы решили во что бы то ни было идти на озеро.

24 [мая].

Были у нас представители рода бугу: влиятельный старший манап подполковник Буранбай Бекмурадов, Мурат-али Берназаров (старший по летам), Казибек Ширалин, Карач (чон) — бий отделения салмеке. Не были из влиятельных: представитель рода арык токсаба Олджабаев и Хакимбек, брат его. Из черной кости — бий Телекмет, происходит из рабов Мурат-Али, и Омар-батыр. Адбаны решались с бугу.

25 [мая]. Ночлег на реке Туп*[28] при проходе Санташ[21].

Все утро 25-го числа шли переговоры между дулатами и бугу. Отправлены 10 казаков в аулы рода арык для сбора подвод. После обеда отряд снялся и пошли на северо-восток*[29] на Санташ. От верховьев Каркары местность ровна, корма обильны, вообще растительность здесь самая богатая: высокая трава, как говорят киргизы, достигающая осенью до стремян всадника, разные широколиственные растения росли густо как по лугам, так и по скату и вершинам гор. Особенно замечательны были растения: мята
8 об. (английская) и род || камыша с листьями, как на джигаре[22] (сахарном тростнике). Киргизы это растение называют ак-кургашен, дикокаменные же — оленье ухо (марал-кулак). Уверяли, что сок этого растения ядовит и производит опухоль. Скот его не ест до августа, когда он делается желтым и теряет сок. Запах имеет коровьего кала. На горах, по левой руке, росли кусты тальника, рябины (особая порода, имеет гладкую и совершенно красного, карминного, цвета кору). Судя по снегу, который лежал в лощинах и на горах (горы же Санташа очень низки), можно полагать, что долина Каркары чрезвычайно возвышена.

По выезде из ночлега направо [мы] имели небольшую возвышенность, продолжение гор Тобулды-Асу, направо*[30]— продолжение гор Каркара. Горы эти, как мы уже заметили выше, низкие. Дорога идет по болотистому логу, из гор направо и налево идет множество ключей, которые, соединяясь, образуют реку...*[31], впадающую в Каркары ниже впадения Джеле-Каркары. Речка эта имеет направление с юго-запада на северо-восток[23]. За этими ключами в логу лежит озеро (верстах в 2), которое в жаркие лета

---

*[28] Правильно: *Тюп*.
*[29] Описка, следует: *юго-запад*.
*[30] Описка, следует: *налево*.
*[31] Оставлено место, очевидно, для названия реки: *Ирсу*.

высыхает. В озере видели мы гусей, называемых туземцами иртышскими. Эта порода имеет серо-пепельный цвет, на белой голове две поперечные черные линии, верх шеи и низ имеет темные повдольные полосы, разделенные между собой белыми тонкими полосами по бокам; крылья этого гуся черны, ноги — желты, клюв — тоже. [Горный гусь] величиною меньше обыкновенных гусей и больше гаги.



Горный гусь. *Зарисовка пером Ч. Валиханова в тексте дневника. 1856 г.*

В двух верстах от озера лежит течение реки Тупа. Туп имеет течение [здесь] с юго-востока или (OSO на WNW) на сев.-запад. Речка Туп имеет течение довольно быстрое, дно каменистое, берега ее покрыты ивой, черганаком и балгыном (род саксаула). В
9 реке || попадаются рыбы. Наши казаки брали в невод рыбу, похожую на маринку. Киргизы называют ее сазан. Говорят, что ближе к устью в Тупе много рыбы.

Туп впадает в озеро Иссык-Куль. Параллельно течению Тупа идет гряда низких гор, покрытых еловым лесом, называемая Тасма. За Тасмой течет речка Джиргалан, тоже впадающая в Иссык-Куль.

Санташ — счетный камень. Проход этот получил свое название от груды камней, положенных в один курган. Высота кургана сажени в 3, окружность саженей 35. Предание гласит, что когда эмир Темир-Курген (эмир Темир-Куркан, так называют на Востоке Тамерлана) отправился в Китай для взятия себе в гарем дочери императора Каан-Чина (каан-чин есть титул императора китайского [по-тюркски, иначе] Хаканчин — император Китая, [титул], обращенный киргизами в собственное имя), то приказал

каждому из своих воинов положить в одно место по камню. По возвращении своем назад он велел всем солдатам взять по камню и положить на другое место. По оставшимся неподнятым камням он судил о своей потере. Место прежнего кургана лежит возле и теперь.

Исторические известия совершенно противоречат этой легенде. Тамерлан действительно шел на Китай но при самом выезде из Самарканда умер в городе Отраре[24]. Впрочем, во всех среднеазийских легендах Тамерлан играет первую роль, как в средние века в рыцарских поэмах Карл Великий и в русских сказках Владимир Красное Солнышко. Все мечети, все древние водопроводы Туркестан приписывает своему завоевателю, эмиру Темиру Сахиб-Керан (победителю мира). Во всяком случае, для сооружения Санташского кургана нужно было много людей и много труда, и, конечно, он есть памятник, завещающий грядущим дням какой-нибудь знаменательный факт в жизни какого-нибудь из прошедших [здесь] народов.

Кстати, другое предание о происхождении названия речки Каркара.

Киргизы в один из набегов на калмык захватили на этой реке двух молодых девушек, дочерей зайсана[25]. Аул их только что снялся на кочевку. Они остались на месте, чтобы заняться туалетом и явиться на коч — сборное место — в нарядном и праздничном виде. На головах своих они имели перышки, султаны. Киргизы перья эти называют каркара. Вот и начало названия Каркары и легенда о том.

9 об. || P. S. Дикокаменные киргизы насыпь Санташа приписывают киргизскому хану Ишиму, как памятник его победы над калмыками-зюнгарами. Это имеет более вероятия. Ишим действительно был на этих местах и действительно одержал победу над хонтайдзием.

26—27 [мая] были там же.

28 [мая]. Ночлег на реке Тупе, на южном конце прохода Санташ, при урочище Кенсай.

Двумя верстами ниже нашего ночлега горы, направо [и] налево окаймляющие долину Санташа, начинают приближаться к самому берегу, почему и дорога становится трудной. Весь путь лежит по косогору. Впрочем, пушка наша была перевезена [на верблюде]. Верблюды идут легко. По берегу растет много деревьев. Кустарники окружают берега реки густо и покрывают склоны гор. Кустарники эти — черемуха, черная смородина, называемая казаками к и с л и ц а, барбарис, вереск, жимолость, тальник особенно обилен, на камнях ползет вереск и актасба. На левом берегу растет, как на горах, так и на берегу, ель. Трава здесь хоть не так роскошна, как при входе в проход, но корму много. Мята — преобладающий habitus*[32]. На горах около ночле-

*[32] Habitus *(лат.)* — вид.

га (25 числа*[33]) было много пионов. Я ездил в горы с ружьем. Попадалось много серн (илек), но стрелять их очень трудно. Из птиц, видел: из семейства хищных коршуна, белоголового орла, мышеловку. Есть в горах голуби красновато-темного цвета, дикокаменные киргизы называют...

Уверяли киргизы нашего отряда, что они видели на вершинах медведей, оленей и кабанов. Говорят, что на Иссык-Куле и [в] его окрестностях тигр — не редкость. Далее в середине пути, направо от течения речки, проходит широкий лог, открытый на озеро, называемый Кенсу. Он вначале образуется впадением Тобулготы в Туп. Тобулготы выходит из южного склона той же горы, откуда течет Третья Мерке. Ущелье их образует проход Тобулготы, о котором уже нами было сказано.

26-го же числа [мая] был у меня певец, дикокаменный киргиз (рчи)*[34]. Он знает поэму Манас. Язык поэмы гораздо понятливее разговорного. Манас, герой поэмы — ногаец, вот бесстрашный охотник до сбора жен. Вся его жизнь состоит в драках и в искательстве красавиц. Только нрав его не совсем восточный — он часто ругает своего отца, угоняет у него скот, обращается с ним
10 очень и очень неделикатно. Это странно. || Вообще все кочевые народы уважают старость, и аксакалы (белобородые) пользуется [у них] большим почетом.

В этой поэме сталкиваются на Чуе, Ташкенте, Или и озере Иссык-Куле три народа: ногайцы, кайсаки и киргизы. Кажется, сближения их не могло быть, да и приход их на озеро, как говорили они сами, не далее, как 70 лет. Дикокаменным ордынцам небезызвестны ногайские предания: они знают Едигея[26] и рассказ [их] похож на киргизский. Они также говорят:

کچه‌کی اون سان نوغای بلگاندا*[35]
اورمانبت بی اولگاندا
اوردنك قرا جغاچی
اسمانغه اوچوپ کتکاندا*[36]

Странно: ногайцы замешаны во все предания всех кочевников среднеазийских. Ногайцы «ташкентские» упоминаются в Манасе. Джанбек[27], Асан-Кайге[28] известны и здесь. Пестрый жеребенок (2 лет) — [ала]тай, наделавший столько бед, занимает и киргизов. Будет о ногаях.

С долины Тобулготы открылся нам так ожидаемый Иссык-Куль, предмет нашего риска.

---

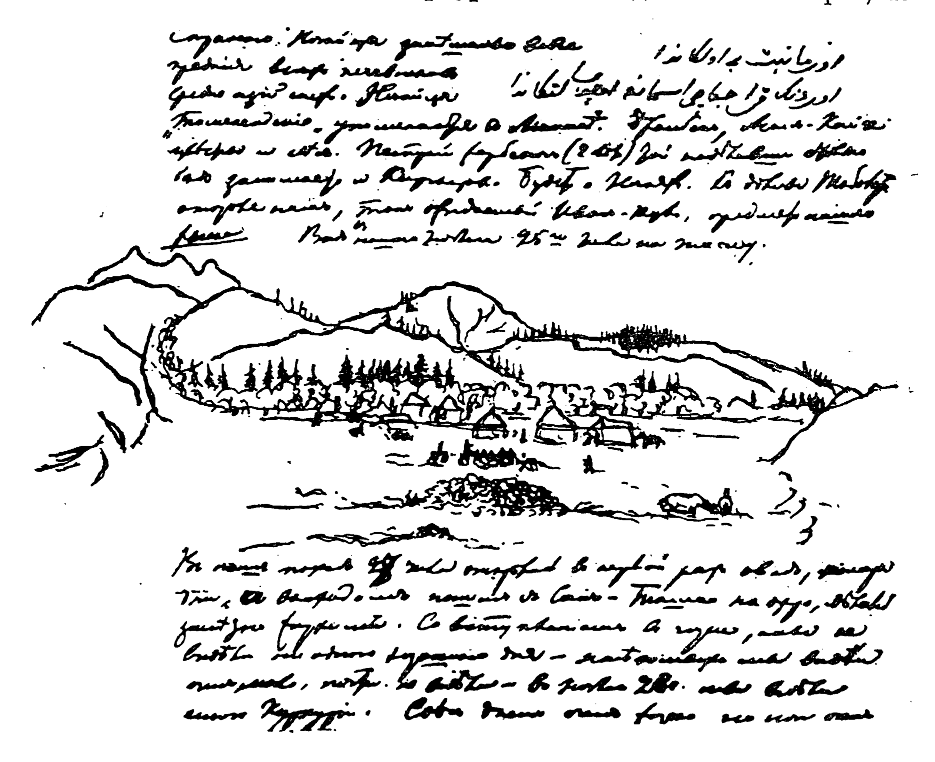
*[33] На полях рукой Валиханова приписано: *26 ч.*

*[34] Собственно: *ырчы* — певец, сказитель.

*[35] بلگانده *(булгенде или булінгенде, от булу, буліну)*— быть в раздоре в распре, разоряться.

*[36] Когда разорились вчерашние десятисанные [сан — неопределенно большое число] ногаи, когда умер Урманбет-бий, когда взлетели на небо черные леса орские...

Вид с нашего ночлега 25-го числа на Тасму. В наш поход 28-го числа [мая] открылись в первый раз овод, комары. Дни с выходом нашим с Санташа на озеро делались заметно жаркими. С вступлением в горы мы не видали ни одного хорошего дня. Насекомых мы видели очень мало, почти не видели; в ночлег 28-го числа мы видели много куркурии. Здесь днем очень жарко, но



Бивак у подножия горы Тасма. *Зарисовка пером Ч. Валиханова в тексте дневника. 1856 г.*

ночи очень холодны. Говорят, что в долине озера всегда стоит жара. Киргизы говорят, что они всегда принуждены бывают «призывать» дождь.

У них есть шарлатаны, которые заклинаниями призывают дождь, они называются «джайчи». Это поверье, впрочем, древнетюркское; восточные историки говорят о каком-то камне-джуде*[37], имеющем силу призывать дождь, и говорят, что он был дан богом Яфесу, отцу тюрков, в знак особого своего благоволения его потомству.

*[37] Точнее: *джада*.

10 об. || 29 числа [мая]. Ночлег при урочище и речке Карабатпак (Черная грязь).

С Кенсу отряд наш снялся в 4 часа 5 минут и пришел в половине 10-го на ночлег. Мы шли по широкой долине, вдающейся клином с иссыккульской равнины на Санташ. Начало этой долины, как уже было сказано, образуется впадением Тобулготы в Туп. Мы шли на SW, имея налево низкую гряду Т а с м ы, направо — южный склон Алатавских гор. Дорога идет все по самой подошве гор. Трава здесь бездельная*[38], но для скота, как корм, растительность превосходна. Мы проехали много речек, впадающих в Туп, которые истоками своими, прорезывая горы, образуют проходы — асу. Вот их названия: речка Корымды — верховья ее выходят из южного склона одного и того же белка, из которого течет Третья Мерке. Она имеет асу, называемый Корымды. Проход этот идет сначала по течению Мерке до урочища Бишкарагая (пяти сосен*[39]), а оттуда на речку Корымды. Через проход могут пройти только всадники. Речка Джиничкесу в соединении с течением Второй Мерке образует тоже проход для верховой езды. Проход называется Второй Меркинский. Речка Талдысу — она с противоположным течением Чон-Мерке имеет верховой асу. Речка Чаты (Саты). Она тотчас по выходе из гор разделяется и впадает в Туп несколькими рукавами, их пять. Чаты имеет асу, который выходит на верховье Чилика и через верховья Джиничке и Асы (впадающих в Чилик) соединяется с проходом Тургеня. Проход этот, хотя в общем и удобен для караванной езды, даже для колесной, но есть одно трудное место, саженей в 15, где дорога идет по узкой тропинке, проложенной на крутом косогоре. Внизу имеется бездонная пропасть. Деревянные перила ограждают пропасть. Проложение тропинки и постройку перил приписывают батыру Атеке (отцу Джантая). В междоусобной вражде сарыбагышских манапов Исенгула и Атеке последний должен был укрыться от внезапного нападения врага и прошел с кочем своим первый через Чаты. Но, впрочем, были примеры, что на хороших, сильных и молодых верблюдах в экстренных случаях проходили кочи и караваны.

На дороге мы видели в первый раз дикокаменные могилы. Между Талдыбулаком и Первым Чаты, ближе к первому, есть одно кладбище. Там есть следы двух валов в виде маленького квадрата (могилы киргиз строятся в виде курганов) — это, как говорили киргизы, могила Карабека, сына манапа А т е к е. Он был убит при нападении Аблай-хана на сарыбагышей, аул которых был на верховьях Чилика. Ближе к Чаты есть другое
11 кладбище. || Если у киргизов есть свое художество, архитектура, то это, нет сомнения, есть архитектура монументальная, архитектура могил.

---

*[38] То есть не возделываемая.
*[39] Здесь *карагай* означает ель.

По всей степи разбросаны остатки могил, сделанных прочно из выжженного и покрытого глазурью кирпича. Могилы эти заставляют думать по своей архитектурной замечательности, что в степях их был народ оседлый, знакомый в известном роде с искусством. Но, принимая в соображение страсть киргизов воздвигать молельни и строить курганы, более или менее затейливые и трудные, при их образе жизни и невежестве, можно полагать, что развалины зданий в степи есть тоже могилы или молельни. Вот примеры, подтверждающие это предположение.

Киргизы, киргизы*[40] прошлого века непременно обязаны были место успокоения*[41] какого-нибудь батыра ознаменовать потомству или большой земляной насыпью, или стеною в виде крепости, или уступчатой башней. Все это они делали, смотря по средствам, из жженного или земляного кирпича. Громадность — эмблема могущества покойника. Подобные могилы попадаются повсюду в Большой орде. В наймановских родах делаются до сих пор.

Люди богатые выписывали из Туркестана мастеровых и платили им дорого за постройку монумента. Так строили Сюку (в Большой орде). Джантай, манап дикокаменных [киргиз], заплатил кашгарцу за постройку могилы четыре девятки[29] скота, сто баранов. Девятки состояли: 1-я — раб и 8 лошадей, 2-я — верблюд и 8 лошадей, 3-я — лошадь бегунец и 8 лошадей, 4-я — вол и 8 коров. Могила эта действительно сделана хорошо — имеет форму затейливую, вообще же напоминают развалины в степи. В степи развалин городов нигде не видно — отдельные кашены[30] (станы), находимые в степи, по форме своей не что иное, как могильный монумент. Знаменитый монумент Козу-Корпеч, по преданию, поставлен киргизами как могила.

|| На этом основании я имею повод думать, что развалины, лежащие в юго-восточной полосе степи[31], суть только остатки могил — и от народа к о ч е в о г о. Но не об этом здесь место говорить.

Могилы у дикокаменных [киргиз] вообще не так хороши, как у киргиз-[кайсаков]. Насыпи небольшие, несколько камней, просто палка, воткнутая в землю, показывает на место, как на последнее жилище человека. Могилы в виде стены по косой ставке*[42] кирпича скоро разрушаются и нет в них формы. Есть, впрочем, у дикокаменных киргиз несколько великолепных (в своем относительном роде) [могил]. Такова могила Н о г а я из рода салмеке в роде бугу и сына Джантая из рода Атеке-сарыбагыша. Последний монумент лежит при устье Тупа (см. снимок). Она построена кашгарцем и потому дает понятие о кашгарской архитектуре могил. Могила эта выбелена очень складно, внутри имеет роспись разными цветами в восточном вкусе, кирпичи для здания нехорошо выжжены, без известки, почему оказались тре-

---

*[40] Вероятно, следует читать: *киргизы* и *киргиз-кайсаки.*

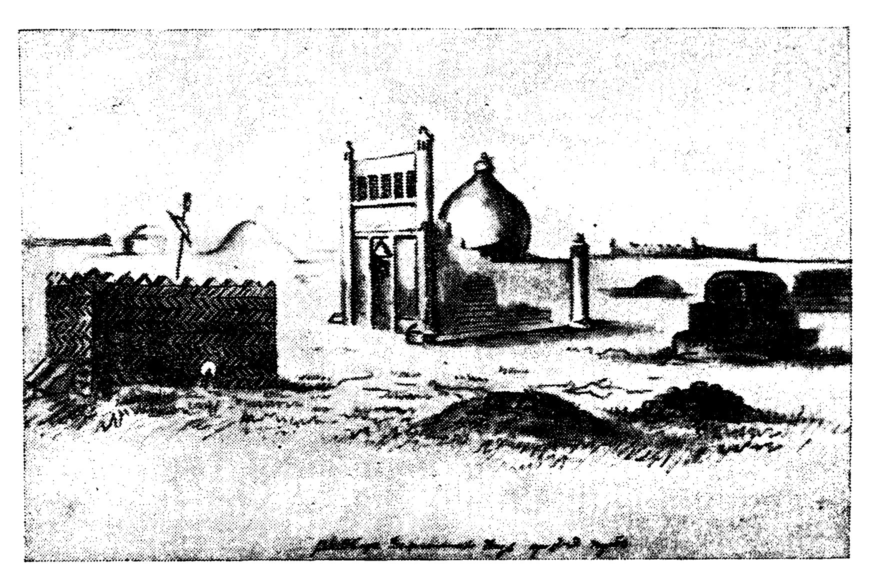
*[41] То есть упокоения.

*[42] То есть по фигурно-узорчатой кладке.

щины. На стене в [сооружении] № 1 сделаны воздушные окна [сетчатой] формы.

30 [мая.] Ночлег там же.

Мы ездили на устье Тупа и в заливах бросали невод. Взяли несколько штук маринки, называемой киргизами карабалык, язей, называемых киргизами каныл тер, подъязей и ча-



Киргизские кладбища на реке Тюп. *Рис. Ч. Валиханова в тексте дневника. Карандаш и тушь. 1856 г.*

баков (маленькая порода, попадающаяся в Иртыше). В заливах озера было так много рыбы, что дикокаменные киргизы [в] камышах рубили [ее] саблями и, в наших глазах карачевские*[43] киргизы поймали таким способом несколько штук рыб. В этот день казаки делали новый большой невод. На берегу Тупа и самого озера было много мелкого черганака. Киргизы говорят, что несколько лет тому назад нельзя было проехать через эти леса. В озере водятся из птиц: утки, гуси, бакланы черные, маленькие и черная цапля-рыболов*[44]. Бакланов киргизы называют караказ, а черную цаплю карабай. В моей юрте убили 3-х змей. Их много.

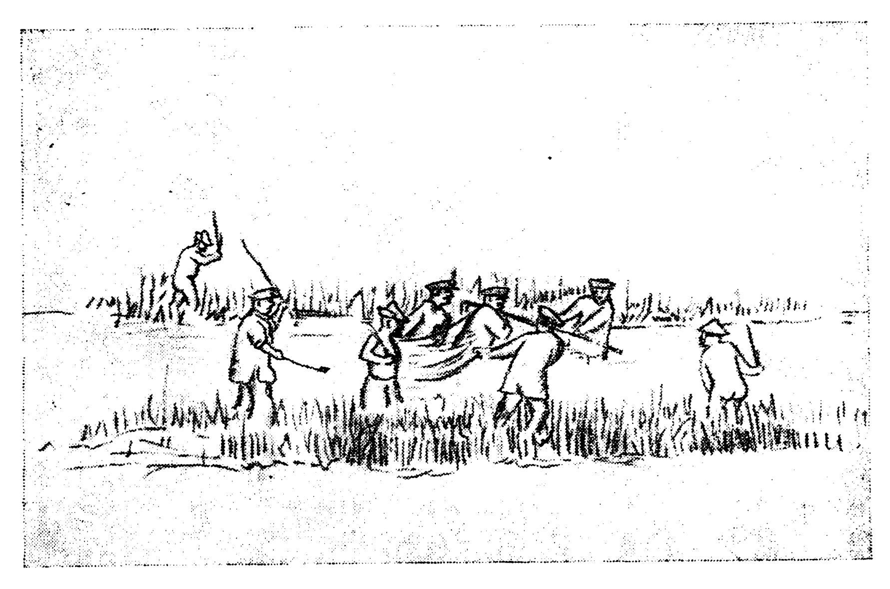
1 мая*[45] я отправился в аул Буранбая с Казибеком. Аул его стоял, как говорили киргизы, на Джиргалане, верстах в 35 от нашего ночлега. Я проехал через брод Туп почти при его устье и потом поднялся на возвышенную гряду Тасба, разделяющую

*[43] От имени манапа Чон-Карач.

*[44] Ошибка. Имеется в виду черный аист.

*[45] Описка, следует: *июня.*

долину Джиргалана от Тупа. Наконец, в полдень открылось перед нами течение речки и аулы в виде белых точек. Их было много. От киргиз, встреченных нами по дороге, [мы] узнали, что Буранбай укочевал дальше. || День был жаркий, солнце палило, как на экваторе, нужно было отдохнуть и при вечерней прохладе, как говорят казаки, по салкинчику отправиться далее. С этой целью



Рыбная ловля отряда на р. Тюп. *Зарисовка карандашом Ч. Валиханова. 1856 г.*

[мы] повернули в близкий аул. Хозяин аула, молодой человек, вышел ко мне навстречу и сказал, что он сын Буранбая, имя ему Килич (сабля). У Килича стояла палатка — мы поместились в ней. Нам, как почетным гостям, принесли чаю, заваренного с солью в кувшине, вроде калмыцкого затурану*[46]. Потом подали кумыз. Мальчишки и киргизы со всего аула собрались около палатки в ожидании полакомиться бараньими костями, которые останутся после нашего обеда. Ожидания их были тщетны — я освободил хозяина от этой миссии, да и обедать было не вовремя. Надо сказать, что женщины вообще нас боялись и долго не выходили из своих юрт, только при отъезде нашем показалась молодая баба в полосатом бухарском халате и девка в белой рубахе (это заменяет платье) и в красной остроконечной шапке с кисточкой. Впрочем и они скоро скрылись. По свидетельству киргиз, у них, как известно всем бывшим [в] степи, взор быстрый и дальновидный (в буквальном смысле); баба была очень недурна собой, но

*[46] *Затуран* — калмыцкий чай с мукой.

очень худа, а девка, говорили они, была вполне красавица — разумеется, в их вкусе. Красота женщины у киргиз состоит: в округленности и степени полноты тела, в лунообразном шаровидном овале лица и в красноте щек, которые поэты их сравнивают с кровью, упавшею на белый снег.

Поехали дальше: на дороге попадались беспрестанно аулы, но живого существа нельзя было видеть, все бросались в юрты с криком: Урус! Урус! (русские, русские). Чтобы отстранить подозрение и завлечь любопытство прекрасного пола, я предложил нашим киргизам затянуть киргизскую песню и сам оделся киргизским с а л о м (франтом). Уловка эта, действительно, увенчалась полным успехом; все бабы посыпались из юрт, даже одна из них затеяла похоронный плач, адресуя нам, как к правоверным.

У дикокаменных киргиз, как и у наших, жена должна в продолжение года оплакивать с криком смерть мужа. Когда проезжают мусульмане, словом с в о и, они должны петь. По расспросам мы узнали, что плакальщица лишилась в сарыбагышском деле мужа; черный флаг, повешенный на юрте, указывал на это событие, указывая также на степень лет, возраст покойника. Если на юрте развевается какой бы ни было флаг, вы должны понять, что юрта эта лишилась одного из своих членов. Если флаг этот красный — умерший был молод, черный — средних лет, белый — старик. У нашей а я ч (дикокаменная женщина) муж был средних лет. || Мы остановились и слушали элегию дикокаменной матроны. Слов мы не могли расслышать, только по временам крики «ох!» и «коки!» доносились к нам ясно. Один киргиз, бывший прежде в этой орде, сообщил несколько стихов, слышанных им прежде, и по ним мы могли заключить о характере этих песен...*47

Общий характер п л а ч а[32] — жалоба богу, что с ней будет, и обращение к покойнику с вопросом, кто будет исполнять ее обыденные и естественные нужды, кто будет шить сапоги, кто будет с ней разделять просяную кашу и так далее...*48 С окружавшими нас киргизами мы вступили в разговор. Узнавши, что я сам киргизский султан и потомок ханов, они сделались доверчивее, а пожилые а я ч и с участием смотрели на мое худое тело и безрумяное лицо и выводили резонные заключения, что я, бедняжка, наверное, скучаю по матушке, и очень сожалели, что такого мальчика, как я, в такой дальней стороне, кто может приголубить, кто может очищать его белье от докучных чужеядных насекомых. Последние наивные их слова меня рассмешили. «Что за добрые и простые люди!» — думал я. Одна старушка принесла мне в чашке кумысу. В взоре и в словах [ее] было так много

*47 Слова, неудобные для печати, опущены.
*48 В рукописи оставлено место, очевидно, для киргизского текста.

истинной доброты и участия, что я разом осушил чашу, чтобы только сделать ее довольной.

В следующем ауле уже нас ожидали. Несколько мужчин встретили меня с приветствием «аллаяр»*[49], как султана, и объявили просьбу, которая меня сначала поразила.

— У нас есть одна несчастная а я ч,— говорили они,— одержимая д ж и н а м и (бесами), мы слышали, что белой кости человек может их выгнать.

— Как же я выгоню этих господ?— сказал я.

— Очень просто,—объявили киргизы,— надо бить плетью нещадно нечистую храмину (под этим именем разумели субъекты, тело больной) и все джины уйдут.

Как я ни старался уверить просителей, что все это вздор, никаких бесов нет, что она больна, ее надо лечить не побоями, а душевным спокойствием, но все это было попусту. Киргизы с неудовольствием отошли, как бы подозревая меня в жестокости: человек одним ударом может изгнать бесов и не хочет. Делать было нечего. Я рекомендовал им одного киргиза, как султана, своего брата. Рекомендованный батыр быстро помчался в аул с поднятой нагайкой, приняв марсовский вид. Несколько баб держали несчастную жертву. Киргиз с криком бросился на нее и с особенным удовольствием начал свое дело. Несчастная начала визжать и при большом усилии вырвалась и бросилась бежать в юрту. Ее опять схватили.— Бей, бей!— кричала мать.— Бей!— повторяла толпа. Я не мог вытерпеть, подъехал сам к бедной аяч и запретил киргизу его лечение. Comme de raison*[50], что родные больной || были недовольны моим вмешательством. Злобные взгляды всех устремились на меня. Только сумасшедшая, увидев во мне спасителя, бросилась на шею, называя меня разными нежными названиями:

قالقالاين اكاكاى، الدينكنان كيتاين اكاى*[51]

Когда все успокоились, я стал рассматривать больную. Ей было, по-видимому, не более 15 лет, хотя двухпрядная коса говорила, что она замужем. Она была очень и очень хороша. Большие черные глаза с особенной болезненной живостью блуждали во все стороны, как бы ища кого. Лицо было бледное и худое. При всем этом она была очень хороша. На ней не было вовсе платья, кроме дырявого халата в накидку и исподнего платья. Я пробовал с ней говорить, но на все мои вопросы она отвечала отрывисто — одними именами: «Джамбек! Чон-отец, Кара-джан»—и пр. и потом, боязливо указав на одного молодого

---

*[49] *Аллаяр* — форма обращения простого люда к хану.

*[50] Само собой разумеется *(франц.)*.

*[51] Да буду я сенью твоей, дяденька, да умереть мне раньше тебя, дяденька!

киргиза, прибавила: «Мое зеркало... он изломал... воротник разорвал...» и, сказав это, с особенной поспешностью спрятала свой головной платок, озираясь, чтобы никто не заметил. По дальнейшим расспросам [я] узнал, что имена, которые она говорила, суть имена ее родных. Замужем она год, и муж ее — молодой киргиз, тот, на которого она указывала пальцем. Тогда все стало ясно. Муж ее бил, разбил у нее зеркало, разорвал рубашку. В доме родителей она была единственная дочь, следовательно, любимица отца и полная госпожа своих прихотей. От жестокости мужа, от деспотического обращения она помешалась на прежней своей свободе. И вот причина, почему она все называла их имена.

Уверив ее и родных, что она теперь будет здорова, мы уехали дальше, наказав мужу не ломать более зеркал и не рвать рубашек, если он хочет видеть жену здоровою.

На месте, где указали нам аул Буранбая, мы [его] не нашли. Долго блуждали, сделали верст 40 лишних и только к вечеру напали на пастуха, который и привел нас в ущелье, где на самой высоте на снежной линии [мы] увидели вечерние огоньки киргиз. Нам поставили юрту, дали чай и в заключение закололи барана. Через несколько времени явился сам Буранбай и после обычного приветствия начал общий разговор о сарыбагышах —у кого что болит, тот о том и говорит.

|| 2 июня. Аул манапа из рода бугу Буранбая Бекмуратова при урочище Тулпарташ.

Юрта поставлена была для нас на возвышенном месте, почему и утром мы с высоты начали наблюдение. Внизу в лощине были рассыпаны дикокаменные аулы. Обычного шума и лая собак и движения, как бывает в киргиз[-кайсацких] аулах, не было—все было чинно и мертво. Низкие юрты стояли отдельно на определенной дистанции, образуя в совокупности круг. Внутри аула, и середине его, были привязаны жеребята[33] и доили кобыл, там же бродили коровы и бараны [...] Около юрт сидели несколько женщин и варили курт*[52]. Я хотел видеть юрту самого манапа. Буранбай сначала отговаривался, говоря, что его юрта мала, что все его имущество разграблено сарыбагышами, но неотступная молитва*[53] моя победила его упорство. Буранбай согласился и просил дать несколько минут на приготовление. Наконец нас позвали. С большою осторожностью я спустился на подгорье и счастливо добрался до буранбаевской орды.

При входе моем сидели в юрте несколько киргиз. «Удакоб!»*[54] قوباغال، اودا قوب! ,— крикнул хозяин, и сидевшие встали. Я прошел на почетное место юрты. Madame, пожилая женщина с длинными зубами (так что губы при всем с ее стороны усилии не

*52 Курт — сыр.
*53 То есть мольба.
*54 Встань разом!



Семья киргизского манапа Буранбая. *Акварель художника П. Кошарова.*

могли их закрыть), в пестром халате сидела на бараньей шкуре, заменявшей ковер. Руки у ней были грязны и остатки только что подобранного волоса и шерсти свидетельствовали о предшествовавшем нам занятии этой почтенной жены — она плела аркан. Я сказал ей несколько приветственных слов, осведомился об ее драгоценном здоровье и о благополучии скота — на все это она отвечала киванием головы и при каждом кивке обнаруживала полный ряд длинных зубов. Зубы выказывались, очевидно, против воли почтенной аяч, она совсем не была расположена к оскаланиям, ибо беспрестанно подносила рукав халата к губам, чтобы скрыть неизбежный показ зубов. Заметив, что вопросы мои причиняют много беспокойства, я оставил madame в покое и начал осматривать юрту. В юрте ни кровати, как у наших киргизов, ни сундуков, ни ковров, словом ничего, кроме груды кошмы, не примечалось. Направо от дверей была перегородка из чия. Около стены юрты не было правильно сложенных сундуков, покрытых ковром, как у киргизских султанов. Наместо их лежала груда войлоку. Несколько подушек, покрытых китайкой, были брошены на них, как бы напоказ. Подо мной только был один ковер, впрочем очень недурной. Огонь теплился в юрте и около стоял очаг, два чугунных кувшина с водой. Между тем хозяйка достала из сумки вроде нашего sac-voyage*[55], сделанного из телячьей кожи, две китайские чашки[и] налила кумыз. Киргиз-прислужник принял напиток и, выпивши сам, поднес одну чашку ко мне,[34] другую — самому Буранбаю. Один из наших киргиз Большой орды вынул табак. Хозяйка, увидевши табак, оскалила десны и протянула руку, не говоря ни слова. Киргиз наш очень вежливо поднес ей рог и вытряхнул на ладонь порядочную горсть табаку.

По приходе в мою юрту я приказал оседлать лошадей, чтобы ехать назад: цель моей поездки—видеть дикокаменных киргиз — была достигнута.

Буранбай был особенно предупредителен при отъезде. Я его расспрашивал о родах, о манапах, и он заключил, что все это делается по повелению белого царя для дачи им наград. И, действуя под этим впечатлением, почтенный манап предложил мне, как подарок, лошадь и кусок шелковой материи, говоря, что отпустить гостя без ознаменования — дело нехорошее. Я его уверил, что и без подарка я уже достаточно ознаменован и что его гостеприимства никогда не забуду — буду хранить в сердце. Мы простились добрыми друзьями, хотя через два дня после возникли недоразумения, ненормальные в отношениях не только друзей, но вообще знакомых людей.

|| Я выехал от Буранбая в самом благоприятном расположении духа. Расположение это тем более поддерживалось, что обитатели попадавшихся аулов оказывали [нам] внимание, особенно

---

*[55] Дорожный мешок, саквояж *(франц.)*.

женщины — они были очень благосклонны. Ничего нет без исключения — истина справедливая. При всем том, что я уже сказал о дикокаменной аяч, был один случай, выходивший из общей колеи. Я, в припадке мании к прекрасному полу дикокаменной орды, имел неосторожность через верх юрты заглянуть в индерун*[56], откуда прежде смотрели на нас черные глаза, при-



Уч аяч (женщины иссык-кульских киргизов). *Рис. карандашом Ч. Валиханова 1856 г.*

надлежавшие, по моим расчетам, непременно хорошенькой аяч. Я не обманулся. В юрте действительно сидели две молодые бабы, недурные собой, но одна из них, к великому ужасу, удивлению или радости моей, не знаю, была во всей натуральной красе. Comme de raison, что пойманная аяч устыдилась очень и очень, только не совсем. Не в порядке вещей было то, что она, оправившись от первого испуга, начала меня бранить и бранить страшно... Мне суждено было глотать камни, глазам предназначено искривиться, в довершение всех бедствий, долженствующих обрушиться прямо на мою голову, она назвала меня курносым казаком! (манка казак). С одной стороны, хотя я имел порядочную печаль, было горько, с другой — я был рад, что удалось разом познакомиться с изощренным словарем ругательств, и было стыдно, что все это слышал из прекрасных уст дикокаменной красавицы. Нечего говорить, что после таких комплиментов

---

*[56] *Индерун* (эндерун) *(перс.)* — внутренняя, женская половина дома.

оставаться дальше не приходилось. Мы поехали дальше. Следы неприятностей от столкновения с крикливой марджой в следующем ауле совершенно изгладились, даже забылись. В ауле уже знали, что я киргизский султан. Дочь одной почтенной старушки была в замужестве за киргизским султаном наймановских родов. Так как здесь считают всех султанов почти за одно лицо, то и
5 весь аул ожидал нас с нетерпением, ||чтобы узнать о судьбе своей родственницы. Я счел за нужное объявить себя не только знакомым этого султана, даже его родственником, и на вопросы их отвечал положительными фактами, выставляя их родную как любимую султаном ханшу. Говоря эту невинную и утешительную ложь, я имел в виду благое намерение сблизиться с народом и приобрести их родственную любовь. Ответы мои на некоторые чрезвычайно трудные вопросы, как-то: как зовут султаншу, сколько у нее детей, были так согласны с имеющимися у них сведениями, что я сам удивлялся своим надувательным способностям. Нечего говорить, что я сначала ловко выведал все им известное и дал уже ответы, сообразуясь с ними. Как бы то ни было, юрта, где я сидел, наполнилась молодыми и старыми бабами, и начался между нами доверительный разговор. Мы шутили с молодыми аяч и они, аячи, в ответах своих обнаружили неожиданную развязность и остроту. Вообще женщины дикокаменные имеют много прекрасных сердечных качеств и, проживши несколько дней, можно было бы с ними познакомиться коротко. Все рассказы о неприступности дикокаменных женщин были преувеличены: по крайней мере три наши молодые собеседницы были слишком добры, так добры, что отказов ни в чем ожидать от них было бы грех. Кроме того, я в виде испытания пробовал у Буранбая в ауле завести интригу и то через человека (как это делается у киргиз) и получил благоприятный ответ. Время не дозволило мне им воспользоваться.

Имея полную коллекцию разных женских костюмов, я начал их рассматривать. Дикокаменные женщины, замужние и девицы, носят белую рубаху из дабы*[57] без воротника, обшивая грудной разрез вокруг красным шелком. Верхнее одеяние их составляет обыкновенный халат такого вида и покроя, как носят мужчины. Они носят пестрые халаты, кроме синего [цвета] (который есть траур). Разница костюма и туалета замужней женщины от девки состоит только в головном уборе и в уборке волос. Женщины навертывают на голову два белых платка, один около щек, другой на голову в виде чалмы. Девицы же носят остроконечный белый фес с маленькой кистью. Волосы же женщины заплетают в две косы, концы их соединяют в одну тонкую прядь и убирают монетами, ключами, занкирами*[58] и другими подручными веща-

*[57] *Даба* — хлопчатобумажная ткань ручного производства разных расцветок.

*[58] *Занкиры* — побрякушки.

ми. Девки расплетают волосы на множество тонких прядей, убирая их около ушей жемчугом, кораллом или бусами, смотря по средствам. Длина волос считается первой красотою, почему все женщины носят фальшивые косы. Натирания и другие косметические прикрасы в большом употреблении. Говорят, что в прежние годы девицы носили корсеты (затягивали [ими] груди),



Женщины иссык-кульских киргизов. *Рис. карандашом Ч. Валиханова. 1856 г.*

называемые кокузбек كوكزبك. Носили также нагрудники, убранные жемчугом, монетою. Называют их алатамак. Все
15 об. это было в старину. || Молодые бабы в торжественные случаи носят саукалу*[59]— белый головной убор.

Внимательность аячей по выходе из их аула вызвала от наших киргиз много анекдотов, уморительных по языку. Один господин рассказал, как бывают застенчивы дикокаменные девицы на rendes-vous*[60], добровольно назначенных. На все ваши ласки они непременно должны отвечать с видом неудовольствия [...]*[61].

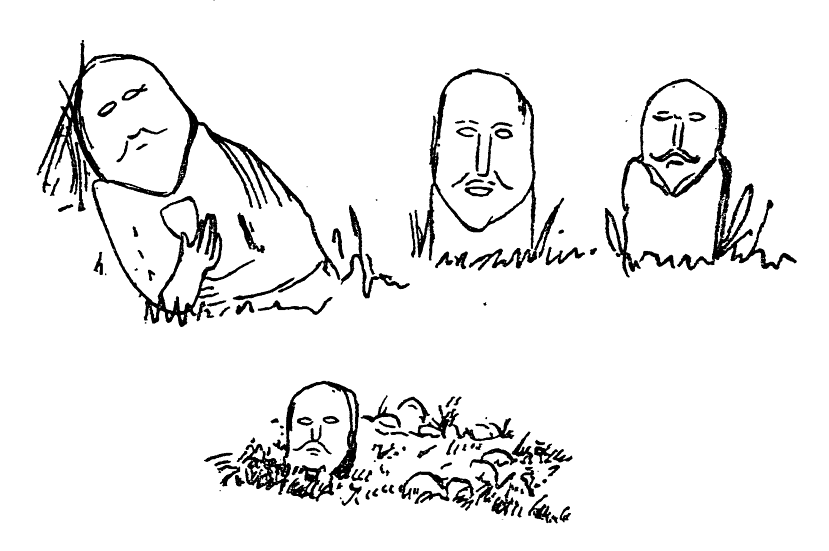
*[59] *Саукала* (саукеле) — свадебный головной убор невесты, вышитый шелком, украшенный драгоценностями, серебряными и бронзовыми подвесками.

*[60] Свидание *(франц.)*.

*[61] Слова, неудобные для печати, опущены.

3-е июня ночевали в ауле дикокаменных киргиз рода джелден, у подножия Эмена. Случилось одно неприятное по последствиям происшествие.

Вечером 3-го числа я остановился на обед у старого знакомого Клыча. 4-го вечером приехали в отряд, расположенный на новом месте на реке Кудурге, проехав по прежней дороге через Тасму и Туп.



Каменные изваяния на северном побережье Иссык-Куля. *Рис. карандашом Ч. Валиханова. 1856 г.*

Тасма — гряда гор, разделяющая долину Джиргалан от долины Тупа. Речка эта берет начало из горы Сырт, из которой и Туп, только из южного склона. Течение имеет довольно быстрое, при исходе из гор не имеет даже брода. Берега ее покрыты ивой, жимолостью и другими кустарниками. В Джиргалан впадают справа из горы Санташа речка Кизлкия, слева с Алатавских гор — речка Турген-Аксу, другие мелкие ключи не имеют известного названия. В горах растительность богата, склоны их покрыты еловым лесом, всюду и по Терескею леса эти идут до речки Тычкан. По Тасме растет кипец, трилистник, четр и юсан. На Тасме видны следы древних арыков, валов и рвов. Киргизы говорили, что по всему протяжению Тасмы идет след арыка, по преданию, сделанного калмыцким ханом Бака-Манджу. Тасма мысом вдается в озеро. Мыс этот называется Коке-Холасун. По ту сторону Джиргалана, при его устье, стоят две сопки Буручуко. Из них в устье Джиргалана впадают три ключа, называемые Уч-Джергеч.

16 || Около Карабатпака, к озеру лежат болотистые места.

От нашей стоянки при последнем Чаты и Карабатпаке далее в недальном от него расстоянии текут два ключа, называемые Сарыбулак; местность от Сарыбулака до речки Курметы камениста, повсюду лежат огромные куски камней. Тут я нашел вошедших вполовину в землю б а б (камни с изображением человеческого лица). Удивительно было, что на месте их нахож-



Истоки реки Курметы. *Рис. художника П. Кошарова.*

дения не было кургана, как это попадается в Малороссии, Сибири. Не определено до сих [пор], что означали эти бабы и кем поставлены[35]. Виденные здесь мною изображали лицо с огромными усами. В правых руках болванов было что-то вроде чашки. Облик лица и глаза напоминают монгольский тип.

Растительность этих мест была очень слаба. Зато за Курметы к реке Ишаната (ایشان اتا) корма были очень богаты. Здесь я видел и б е л е к. И ш а н а т а есть собственно название осиновой рощи при устье реки. Так как на озере нигде нет осинового леса, то в роще этой видели сверхъестественное явление, называя святыней. Все ветки были убраны жертвами, лоскутами от платья и конским волосом. В долине реки Курметы происходила знаменитая свалка сарыбагышей с бугу. Аул первых был под святой рощей, а бугинцев — на Сарыбулаке, посему причиной своего поражения бугу считают пристрастие святой рощи к своим соседям. На берегу Ишанаты много земляных насыпей, курганов. Заливы озера при устье Сарыбулака и Курметы, про-

токи, соединяясь, образуют полуостров, имеющий сообщение с долиной через малый перешеек. Остров этот называется Карабулун, он считается неприступным. Между Ишаната и Кудоргой лежит маленький ключ, называемый Карынджарды-булак. Кудоргой называется тоже мыс, вдающийся в озеро по правому берегу речки. Здесь отряд имел ночлег.

2 июня. Дневка тут же. День троицы.

На пройденном нами пространстве лежали через горы следующие проходы — асу: первый — проход Курметы, образует река Курметы, впадающая в озеро Иссык-Куль. С северного склона этой же горы течет другая речка, называемая также Курметы. Она впадает в Чилик, и потом через проходы речки Джиничке на проход Кзлауз, на Асы, а там по Тургену на долину
16 об. Или. || Кудорге имеет также проход, но неспособный к другим переездам, только к проходу барантовщиков. Курметы же один из лучших проходов в Алатавских горах. Через него идут даже караваны.

4-го [июня]. Отряд двинулся далее через три ключа, называемые Урукты, и стал на Третьей. Дорога от Карабатпака через все речки удобна к езде всякого рода, даже колесной. Долина Кунгей от Сарыбулака постепенно заметно суживается и имеет ширину верст на 5. В верховьях этой Урукты, при самом выходе ее из гор, стоят остатки древнего кургана. Курган этот сохранился еще заметно. Он имеет в окружности [около] квадратной версты; окружен тремя стенами — внутренние выше внешних и имеют возвышения вроде бастиона; на углах ее*[62], обращенных на ЮВ, стоит большое возвышение вроде тех, какие ставят калмыки для караулов. Следы зданий видны везде. Немного ниже лежат курганы еще древнее по виду и имеют ширину на версту. В реке мы нашли чугунный котелок.

Ниже Третьей Урукты лесов хвойных вовсе нет. По всей долине до Кутимальдов лежат камни, затрудняющие не только колесную езду, но даже лишающие ног лошадей. Чтобы поставить лодки, мы возвратились к 5-му июля на Первую Урукту, где жил я до 12 числа. Байсерке с сарыбагышами отправились с Третьей Урукты.

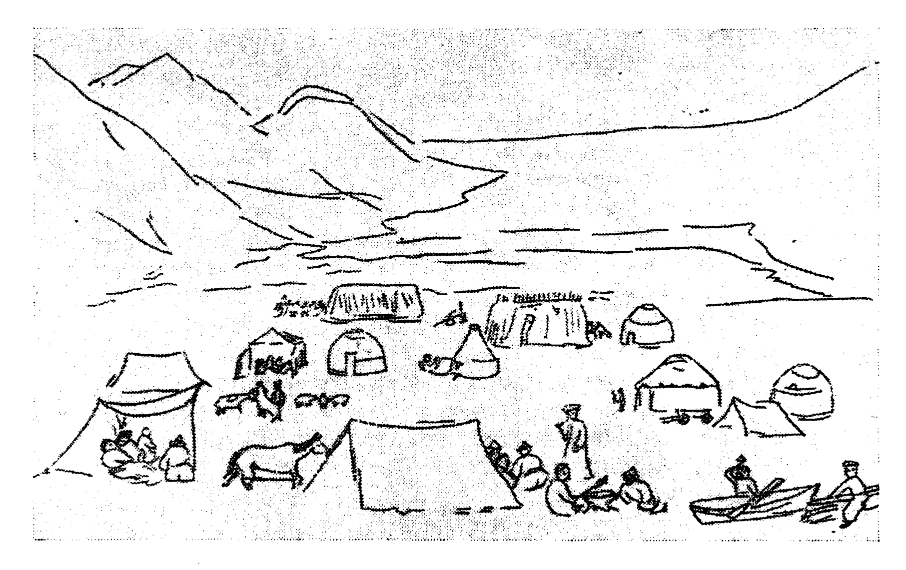
17 об. || Числа... июля я решился оставить Иссык-Куль. Все, что нужно было мне видеть и знать, уже было кончено. Дело же сарыбагышей пошло в долгий ящик.

Простившись с добрыми сотоварищами по походу, я поехал обратно, имея в виду опасный и трудный проход Чаты. Через хребет Кунгей-Алатау, как вам должно быть известно по дневнику, существует много проходов. Самый важный и удобный для езды всякого рода — это Санташ. По нему проходят караваны. Все другие способны только к верховой езде. В проходах этого разряда, нет сомнения, Чаты занимает первое место; второе —

---

*[62] То есть стены.

Курметы, Байсорн и Каскелен. Чаты открыт во все времена года, даже и тогда, когда в обильную снегом зиму и Санташ делается непроходимым. Курметы, Байсорн и прочие открываются только в августе, когда снега горных глетчеров начинают уменьшаться. Они тогда бывают гораздо удобнее Чаты. А потому я решился ехать через Чату, тем более решился, что он есть



Стоянка отряда на Уч-Урукты. *Зарисовка карандашом Ч. Валиханова. 1856 г.*

самый опасный и трудный. В качестве туриста я искал приключений. Проехали обратно по пройденной прежде дороге до впадения Чаты в Туп без приключений, только убили змею на Кудорге и затравили кабанов при Курмете. Земляные курганы, о которых [я] уже говорил, лежат по левому берегу Ишаната, а бабы— как между Ишаната и Курметы, так и до Сарыбулака: места эти — самые обильные остатками прошедшего. На этих местах есть могилы или насыпи 4 родов[36], по-видимому, разных времен: 1-я— это холмистые насыпи, затем были современные им, конечно, могилы в виде четырехугольника. Ряд камней торчит из земли в виде столпа в форме четырехугольника. Они уже совершенно заросли, но видны следы. К стороне, обращенной на восток, стоят большие камни, в некоторых же и к парадной стороне также. Затем следуют могилы, насыпанные из кусков гранита и других камней в беспорядке. Вход в ущелье Чаты сначала очень обширен, и подъем не крут. Мы шли вверх по Чаты в направлении на NS*[63], до впадения притока в Чату, потом повер-

*[63] Описка, следует: *NO — северо-восток.*

18 нули на N, сделав несколько подъемов, пошли на NS*[64], потом на N, и поднялись на снежный верх гор. При самой || подошве гор, на каменистом грунте, растет кипец, юсан (полынь). С подъемом вверх растительность делается разнообразней. Разные широколиственные растения, зонтичные, полузонтичные и метельчатые стебли только начинают подниматься и цвести. Все

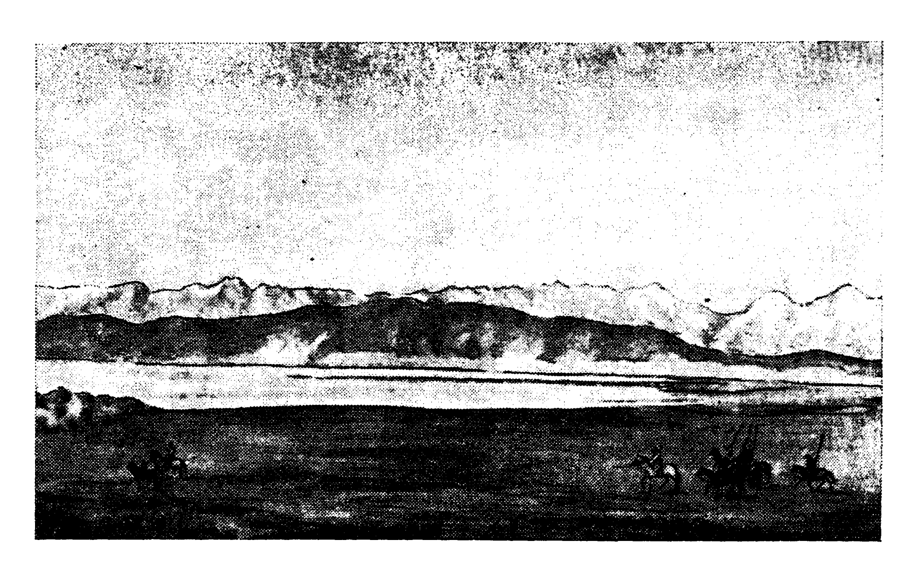


Стоянка́ отряда на р. Тюп, походная палатка Ч. Валиханова. *Зарисовка карандашом Ч. Валиханова. 1856 г.*

это густо и перепутывает ноги лошадям. На нижних горах растут разные кусты шиповника, жимолости, сарыагача, но в незначительном количестве, только ель растет «изрядно». Постепенно же с подъемом выше растительность начинает редеть: только один в е р е с к густо покрывает верхи, почти до снегов, распространяясь на северном склоне по преимуществу. На самом же верхе лежат снега, и в местах, обнаженных только что, начинают пробиваться листья и там же на северном — цветы вроде астры, лук и одуванчик. Когда по снегу, которой был еще так крепок, что поднимал нас с лошадьми, мы вышли на самый верх, воздух был здесь заметно холоден, ветер резок, так что я надел на себя шубу. С высоты открывался вид на озеро Иссык-Куль. Озеро, сияя чистейшим кобальтом, сливалось с сиянием неба и дальним рельефом снежных гор, жаркое зноепалящее солнце бросало на долину круглообразные от облаков тени. Мы же стояли на вершине, где было тепла не более как на 6 или 7 градусов.

*[64] Описка, следует: *NO — северо-восток.*

Обыкновенная дорога, вследствие бывшего перед нами в горах снега, была закрыта, и мы шли по крутому кряжу гор, рискуя изъяном шеи. Мокрая от снега земля была скользка, лошади наши катились по ним, скользили, бросая копытами в овраг камни, которые с шумом катились вниз, следуя по всем ложбинам и, не переставая катиться, терялись из наших глаз. Казаки должны были спешиться, между тем как привычные киргизы спокойно,



Западная оконечность озера Иссык-Куль. *Рисунок топографа М. Сироткина.*

бросив поводья, напевали песню. Несколько раз падали и скользили лошади... Казалось, вот покат[ятся] вниз, но благодаря аллаху скоро оправлялись и шли далее. Круглые $1^1/_2$ часа мы перебирались по этому кряжу, и, наконец, попали [на] прежнюю дорогу и стали спускаться. Спуск гораздо круче и более неудобен, нежели подъем. Если б не болотистый грунт земли, по которому мы, увязая, с трудом шли вверх, то даже колесный экипаж можно бы поднять вверх. Снег лежал более на северном склоне, но, несмотря на это, растительность здесь начинается в параллели выше, чем на южном. Спуск идет по течению всей Чаты, она здесь, соединяясь с притоком с левой стороны, делалась более обширною и, протекая по узкому проходу, была довольно быстра. Начались еловые леса, и растительность начала разнообразиться и густеть; только дорога, следуя по одной буквально тропинке, сделалась более неудобной. В некоторых местах крутые горные дефиле так близко сжимали речку, что мы должны были идти [по] руслу реки вниз по течению, имея до колен воду. На дороге всюду лежали наклоненно срубленные деревья, и под ними мы

проходили, как под яром, ложась на гриву коня. Далее тропинка
18 об. поднялась выше. || Внизу, саженях в 30, бурно катила свои волны Чаты, вверху громоздились гранитные обнаженные скалы, местами покрытые елями. Кстати, основная порода Алатауских гор есть гранит: красный, серый и белый. На северном склоне по течению Чаты является порфир и аспет*[65]. Мы приближались к самой трудной тропинке, которая должна была идти по самому краю отвесного обрыва саженей на 40 высоты. Еще не доходя до страшного места, случился со мной казус. На дороге лежала огромная еловая колода. Я пришпорил лошадь. Лошадь поднялась на дыбы, но задела копытом дерево и упала. Силою паде[ния] меня выбросило в сторону, и я стал на ноги. Лошадь же, потеряв равновесие, рухнулась вниз по обрыву, я только мог услышать глухой рокот и только увидел свою лошадь в реке, где между камней торчала голова и седло. К счастью, обрыв был отлогий, и лошадь, покатившись на 30 саженей, осталась жива. Случай этот имел свою хорошую сторону — нет худа без добра, за мной он упрочил в мнении киргиз смелость и ловкость. И так лавируя по тропинке, [мы] дошли до знаменитого обрыва. По убеждению киргиз и по внушению рассудка, мы сошли с лошадей и прошлись пешком. Это место — огромный гранитный утес, вдавшийся навесом в реку. Тропа лежит на самом обрыве, налево же поднимается другой утес. Несмотря на эту трудность. Чаты есть самый любимый проход. Со времени 1-го прохода Атеке тут не было несчастий. В переходе Атеке один мальчик с лошадью, говорят, упал в обрыв, но на полете платье его зацепилось за ель. и он благополучно висел до тех пор, пока не сняли его арканом. Зато много верблюдов и богатства погребено в пучине Чаты. По обрыву, не менее опасному, но несколько отлогому, шли мы долго, до полуверсты, пока не выбрались на склон его по Чилику, где гора, освободив реку из своих гранитных объятий, дает [ей] маленький простор. До этой долины, где берег речки уже покрывается ивовым лесом, мы все шли между еловым лесом. Урочище Тогайлы — мы тут ночевали — есть место зимовок кызылборкского отделения рода адбан. Далее дорога была безопасна и мы, вышедши из опасности, и после...*[66] езды верст 80, с отсутствовавшим прежде аппетитом, напились чаю и проспали таким сладким сном, что никогда его не забыть.

13 июня. Мы поднялись по направлению на СЗ через маленький*[67] кряж и, прошедши верховье Чилика при самом его сгибе с запада на север, поднялись на плоскую, горную возвышенность Джаланач, которая составляет удобное летнее кочевье — джайлау. Подъем на эту гору невозможен для колес по своей крутости. В этом проходе есть сколочная [?] пещера, как

*[65] Неточно, по-видимому: *аспид*.
*[66] Слово не разобрать; возможно: *быстрой*.
*[67] Можно прочесть также: *оголенный*.

[бы] сложенная рукой человека. Асу называется...[*68] по имени одного охотника, который первый зимовал в числе трех путников
19 при этом ущелье.

|| Оленей, архаров, серн и другой дичи здесь было, говорят, несметно и, действительно. валяющаяся здесь на каждом шагу падаль этих животных свидетельствует эти данные. В этих горах



Вершина Алатауских гор и Терскей Алатау. *Акварель. Рисунок Ч. Валиханова. 1856 г.*

стояли адбанские роды аитбозум. С верха этих гор открывается вид на все окрестные взгорья. С запада на восток, и огибая там Джаланач и направляясь на север, течет Чилик. При Джаланачском асу впадают в Чилик Асы[*69], Кулдыбулак, Курметы и к западу другие известные реки. Горы же Джаланач, составляя отрасль Алатавских гор, разветвляются от высшей точки гор, откуда текут Чилик, Джиничке и Асы. Джаланач лежит между верхним течением Чилика и Джиничке. Северный склон его, имеющий маленькое разветвление, идущее параллельно и соединяющееся с Джаланачем, называется Аркалык. Между Джиничке и Асы идет хребет Первый Асы, восточный конец его при впадении Джиничке в Чилик называется **Бакалы** и есть лучшее теплое зимовье (см. Дневник, стр. первая, Чилик). От

[*68] Оставлено место, очевидно, для названия.

[*69] Описка: р. Асы впадает в Чилик слева при выходе его из гор в долину Или.

Джиничке к горам Асы местность возвышается и прорезывается ключами, которые, имея перпендикулярное течение, под прямым углом впадают в Джиничке. Они называются Учбулак. Асу через три Асы называется Кзылауз. При Кзылаузе и далее до реки Асы стояли аулы. Киргизы здешние не менее дикокаменных киргиз боятся русских. Дети и бабы поднимали вой при нашем приближении. Асу этот возможен для колес. После спуска с гор открылась маленькая, узкая, верст на 20 длины и 6 ширины долина. Вся она была покрыта аулами дулатов. По северной окраине долины Текасу, посредине дола стояли две сопки, почему и называется она Аралтобе.

В этот день, сделав опять около 80 верст, мы ночевали у султана Али, у мужа зело глупого. На другой день, поднявшись на гору через асу Тургена, имея направо гору и асу, называемые Кумбель, потом по течению речки прошли на Иссык, где я и ночевал у киргиз-хлебопашцев.

Иссык имеет при выходе из гор водопад. С верховьев Тургена места делаются более теплыми и более растительными. На берегах Тургена начали попадаться осина, тал, яблони, крушина, урюк, смородина, тополь, клен, сарыагач, даже наши зеленые березы. Когда же спустились на долину, то растительность была так густа, что препятствовала [ходу] лошадей, и трава доходила до колен.

В верховьях Талгара мы видели остатки кургана, называемого киргизами Рустемовским. Курган этот был в свое время очень крепок, даже в настоящее время в него есть только два входа. Он имеет три крутых и глубиною в 6 саженей рва. Плац, на котором стоял курган, возвышен от земли на 8 саженей. Во рву и на плаце растут во множестве яблони, барбарис и другие кусты. Все пространство, по которому [мы] ехали, и до подошвы гор было [занято] аулами. Дулаты, чапраштинцы, как и дикокаменные киргизы, при нашем появлении бросались в горы — должно быть, казаки дали им хороший урок.

Около Талгара на долине много курганов, насыпей и киргизских пашен.

19 об. || 15 июня вечером приехал в укрепление Верное. Здесь [я] узнал, что от сарыбагышей сарты требуют за выкуп Умбет-Али его дочь, и с этим требованием 300 сипаев*[70] находятся там. Часть сарыбагышей укочевала поэтому на Козубаши, что от Верного на 2 дня езды.

16 числа [июня] выехали в обратный путь. К Заилийскому пикету растительность принимает совершенно степной характер. Юсан, ибелек, чий растет во множестве, дикая рожь, ярица. Мак был уже в отцвете. На дороге попался нам караван — около 100 верблюдов. В первый [раз] караваны идут по этой дороге. Причиной тому было беспокойство и боязнь от аргынов.

---

*[70] *Сипай (перс.)*— солдат, воин.

В долине Семиречья везде встречается известная пестрая порода соек [?]. На Иссык-Куле и в горах их вовсе нет.

На Илийский пикет приехали к утру и поехали на Тамгалыяр. День был жарок (как обыкновенно бывает здесь всегда). Проездив целый день, измучился донельзя; только к вечеру приехали назад. Ниже впадения Талгара, где стоит пикет, ниже Кас-



Водопад на реке Иссык. *Рисунок топографа М. Сироткина.*

келена берега Или возвышены, скалисты, места эти называются Кабчагай*[71].

По Или растительность бедная, всюду пески. Растет ибелек, ярица, бурьян, чертополох, кизилча, чий, местами кипец. Вода в Или иловата и неприятна. У китайцев существует предрассудок, что вода Или вредна и от нее будто бы худеют. Зато вода реки Дорджи (называемой киргизами Чучкалы) считается за целебную, и все чиновные китайцы города Кульджи пьют эту воду.

18 июня проехали под вечер через Чингельды, где [я] осмотрел водопровод и взял от него трубу. Проехали ночью пикет Карачокинский, не доехав 5 верст к которому находится един-

*[71] *Кабчагай* (капчагай) — теснина, узкое место.

ственное месторождение известного здесь камня калыпташ*[72]. Место имеет в окружности несколько сажен. Нынче открыли красный и серый калыпташ. Проехали Куянкуз и к утру приехали на Алтын-Емель. Алтын-Емель название монгольское. Здесь много мест, которые до сих пор носят калмыцкие имена: Цаган-Бугу (белый олень), Чольтепе*[73], Лабасы и проч.



Укрепление Верное. *Рисунок художника П. Кошарова.*

Рассказывали киргизы мне предание, желая объяснить происхождение [этих названий]. Хонтайдзи выехал на охоту и стал с беркутом на возвышенной точке Алатау, при верховьях Талгара, при Тавчоке. Беркут стал рваться, увидев б а р а н а (точку). Хан пустил [его] и на Тулпаре (баснословный по быстроте конь) следовал за ним. Беркут на Цаган-Бугу взял белую лань, на Чольтепе — козла. В этот чабу лошадь хана перескочила через Или и задела копытом воду. Хан заметил это и изрек: «Этот ручей надо взять к сведению». || Рассказчик говорил мне, что на Тавчоке сохранились следы чародея хонтайдзи и громадные шахматы его валяются до сих пор.

Из Алтын-Эмеля, узнавши, что Тезек стоит аулом при Крунбеле, недалеко от пикета Терсаккан, поехал к нему.

---

*[72] *Калыпташ* — камень, употребляемый при изготовлении форм для отливания пуль.

*[73] *Чольтепе* — название тюркское.

В первый мой проезд от Алтын-Эмеля до Или вся степь была покрыта красным маком. Теперь же цвет этот был в отцвете, зато ярица, ковыль ибелек, четыр были в росте. От Илийского пикета к Чингельдам дорога идет по берегу реки.

Берега Или в среднем ее течении почти повсеместно представляют ряд песчаных, но небольших возвышенностей, характеризующихся скудной степною растительностью. По обнаженному прибрежью видно, что основание его составляет гранит с крупными зернами полевого шпата. От впадения реки Каскелен вниз он изменяется: его образуют высокие крутые массы гранита, изредка переслоенные глинистым сланцем.

Берег Или справа имеет песчаные наносные бугры, основанием которых служат гранитные скалы. Около берега росли: джида, тал, балгын (называемый казаками божье дерево), сарыагач, жимолость, таволжник и кусты к ы з ы л ч и. В Илийской степи много вредных насекомых, как-то фаланг, скорпионов, [а также] змей. Из животных в степях ее ходят стадами каракуйруки, сайги (ак-букен), попадаются куланы. Волков много. Из птиц попадаются весною гуси, утки; в скалах — голуби, грачи, рябки и в лесах — во множестве фазаны.

У Тезека я пробыл 5 дней. При мне были у него в ауле три байги и один туй.

23 июня в 9 часов выехал от Тезека. Пространство между [речками] Каргалы и Агныкатты называется у киргиз Чубар*[74]. Эти речки впадают в Терсаккан множеством протоков. Пространство это усыпано камнями и чрезвычайно неприятно для езды. Т о р е с а з ы — название солонцовой местности от Агныкатты к горам. Места от Коксу к Уйгенташу и по долине Крунбель составляют летнее кочевье адбанов и джалаиров.

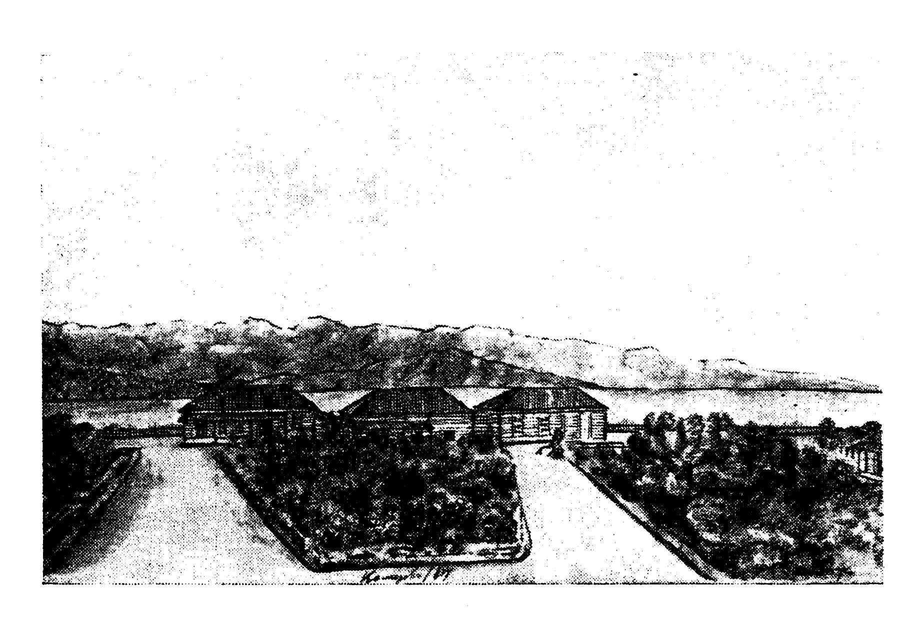
На Торесазы косят казаки траву. Через Коксу имеется мост, и при нем полагается быть станице, в которой также предполагают [открыть] ярмарку. Долина Коксу холодна. Хлеб здесь часто вымерзает. Снег сходит здесь гораздо позднее, чем в других местах Семиречья. Зато на Теректы и Югенташе снегу и в зиму не бывает. Адбаны зимуют в местности от Уйгенташа до Кульджи, платя китайцам за пользование землей в год 60 лошадей. Все султаны их имеют китайские чины. Покойный Хакимбек был г у н*[75] с темнокрасным шаром, степень его наследовал сын султан... Тезек, имеет голубой шарик штаб-офицера.

20 об. || Выехавши из Коксу, ночевал у султана Камбара Аланова. Дорога от Джангизагача на пикет Суковский гориста. Растительность здесь горная — широколиственная и зонтичные растения.

Приехавши на Капал, я был обрадован, узнав, что приятель мой Д. Е. проехал в Верное и скоро должен быть [здесь]. На

*[74] *Чубар* — пестрая роща.
*[75] *Гун* — китайский титул.

Долина реки Или. *Рис. художника П. Кошарова.*



Городская площадь в Капале. *Акварель художника П. Кошарова.*

Капале почти никого не было. А.*[76] уехал на Кисыкауз для взрыва скалы под новую дорогу — было страшно скучно. Через два дня приехал ожидаемый джентльмен — очень рад своим открытиям: 1-е, взорвал удачно скалу, употребив на то несколько фунтов пороху, и открыл отличную глину для черепиц. Я видел опыт, и [он был] очень удачен. Отлично хороша глина, может быть со временем очень и очень полезна. Приехал Д. Е. и Ковригин. Ковригин едет на местные прииски, что на урочище Иргайлы около Тентека. Мне хотелось видеть Ойджайлеу, лучшее место в степи, как говорили многие, и, пользуясь случаем, [я] взялся сопутствовать господину Ковригину.

...июля выехал под вечер. Ночевали на Арасане. В этот день был у нас знаменитый в Семиречье батыр и барантач Тынеке*[77]. Тынеке, несмотря на свои разбои, имеет большое влияние на свой род кабтагай в матаевцах и был волостным управителем. Мужчина он среднего роста и плотный донельзя. Странно: он рыжеват, имеет большую бороду и замечательный по величине нос. При этом Augen*[78]— маленькие и плутоватые глаза делают его физиономию чрезвычайно неприятной. Он хотел с нами ехать, но напился так пьян, что четыре ушата воды не подействовали на него нисколько. При этом я заметил явление: у Тынеке все тело густо покрыто волосами, как у первобытного человека по Бюффону[37]. Товарищ его, султан Худайменде, наскучил нам донельзя своими глупыми ужимками. Он хочет казаться цивилизованным, потому то и дело делает глупости. Несносный господин, все просит водки.

|| ...июля, проехав благополучно Кисыкауз, мы переменили
21 лошадей на Караузе и с конвоем из 6-ти казаков при уряднике на киргизских подводах поехали в горы по дороге на Чубарагач. День был несколько жарок, пить — нет кумызу. Одно утешение — купаться в холодных водах горных рек. Проехали Аксу, сделавши верст 30, к ночи добрались до Баскан. Аллах в милосердии своем не хотел, чтобы его грешные слуги лежали без пищи и крова: к ночи [с] гор спустились аулы и наткнулись на нас. Хотя они и рассчитывали на ночлег, но увидевши русских, дали тягу. Последний аул сделался жертвой. Все наши старания обласкать батырей и женщин были тщетны — они были до того запуганы, что не хотели брать наших подарков, боясь последствий.

Давши нам успокоиться, они под[ня]лись и остановились верстах в 3-х от нас. Пока ставили нам юрты и [мы] были в невольном соседстве, они очень беспокоились, кричали и из благоразумия удалили всех девок вперед, а которые из них не успели уехать, оделись в изорванные халаты и измарали лицо грязью,

*[76] Речь идет об Абакумове, приставе Алатавского округа.
*[77] Точнее: Танеке.
*[78] Чтение сомнительное.

чтобы быть хуже! Так запутали бедных кочевников казаки и заседатели.

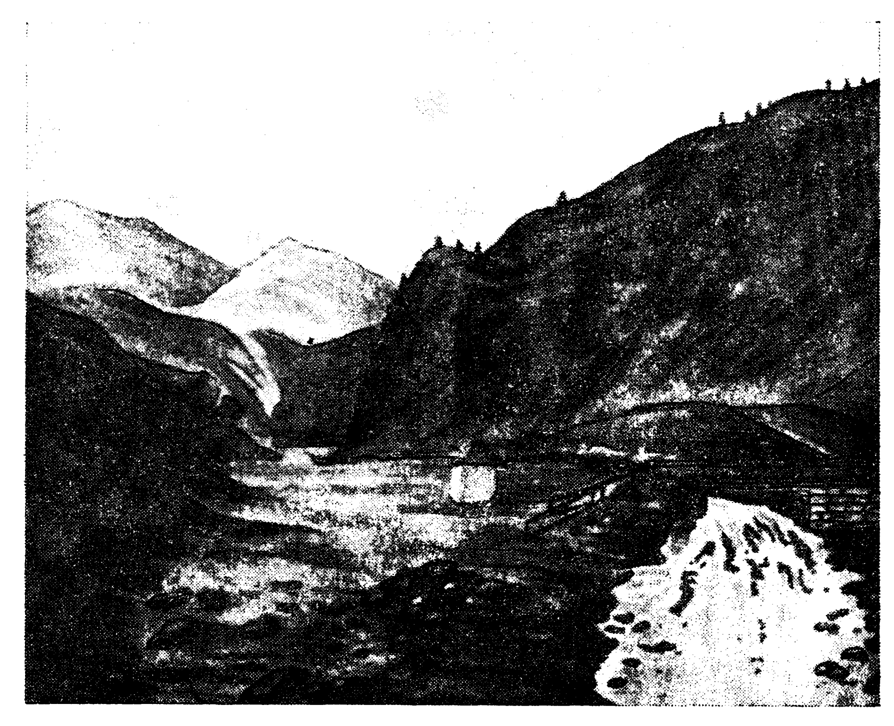
Теперь время снимать хлеб. Все эти аулы с этой целью с гор спускаются на долины, где их пашни, соберут [хлеб] и пойдут в конце августа на Балхаш, в пески на зимовку. Всю ночь шли мимо нас кочевки. Утром, когда мы встали, все еще шли вереницы



Султан старшего жуза Тезек. *Акварель художника П. Кошарова.* 1857 г.

верблюдов, ведомые нарядно одетыми женщинами и девками. Мужчины шли возле, гнали баранов или верблюдов. Найманы, как было видно из кочевок, гораздо беднее аргынцев. Большая

часть юрт была навьючена на быков, и степные амазонки имели под собою этих скакунов. На всех были дырявые халаты, сапоги и пр. Коч верблюдов, о котором я сказал прежде, принадлежал султану, который, узнавши, что тут русский чиновник, счел за обязанность явиться и, чтобы не прийти с голыми руками (таких
21 об. очень не любят заседатели), привез кумыз. || Султан объяснил,



Коксуйское ущелье. *Рис. топографа М. Сироткина.*

кто он, причем заметил, что приехать с пустыми руками он счел неприличным, а [так] как халаты навьючены, лошадей при нем нет, то и привез бурдук кумызу. Просил извинить.

После долгого и миролюбивого разговора султан, как неглупый человек, смекнул, что мы чиновники так себе, выродки между чиновниками, возвысил голос и продал в тройной цене барана, которого прежде предлагал даром. Казаки, нас сопровождавшие, потешались между собой, косо посматривая на нас, и один остряк заметил, кстати, капралу, что «смирного Миколу — телята лижут». Этим он намекал на нахальное поведение султана, который прежде, когда они ездили с заседателем, не смел даже при них дышать.

При нашей переправе начинаются горы Суукджайляу. Тут лежал проход Кия. От Караузского пикета до брода на Баскане

будет верст 50, по дороге переезжают реку Саркан, впадающую в Аксу. Все пространство по подошве гор на долину покрыто пашнями киргиз. Степь глиниста (от разрушения полевого шпата). Растет на ней юсан, мальва, иручец, ковыль и полевой мак во множестве. Множество киргизских могил доказывает, что места эти составляли хорошую кочевку илиятам[38] и были хороши для скота. С трудом переправившись через Баскан, мы шли по подошве горы верст 20, где через проход Бишбаны поднялись на горы, на ключ. Основание гор этих составляет глинистый сланец, кварц и гранит, на берегу реки заметно во многих [местах] влияние железной окиси. Перешедши через два маленьких ключа, мы остановились на Теректы в ауле.

От Баскана до ночлега верст 40.

На другой день перешел речку Теректы, впадающую в Лепсу.
Берега этой реки покрыты тополем. Она быстра, и вода [в ней]
чиста. С подъемом дорога делается трудной для всех проходов.
Киргизские лошади, непривычные к упряжке, мучили нас
22 страшно. На другой день с урочища Алмалы (так || называлось
место нашей стоянки) пошли на Чубарагач. Места от Теректы
начинаются превосходные во всех отношениях. Растительность
превосходная. Луковичные цветы во множестве (калмыцкое мыло). Горы обильны еловым, березовым и топольным [лесом]. Чубарагач — едва ли не лучшее место в хозяйственном отношении во всей юго-восточной половине степи. Переправа через речку Агныкатты представляет много неудобств по чрезвычайной быстроте ее. Станица стоит в долине, окруженной со всех сторон горами. В середине долины я видел курган вроде Санташ. Станица основана в 1854 г., дома только строятся, там водворена была сотня 10 [-го] полка, теперь же пришло до трехсот семейств крестьян из Тобольской губернии.



КОММЕНТАРИИ

ВОСПОМИНАНИЯ О Ч. Ч. ВАЛИХАНОВЕ

Н. И. Веселовский. Метеор.

Печатается по тексту Собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова в 5 томах (далее ССВ), т. 4. Алма-Ата, 1968, с. 500—503. Впервые текст был напечатан в сочинениях Ч. Валиханова, изданных под редакцией Н. И. Веселовского (СПб., 1904, с. I—III).

1 *...статьи* [Валиханова]... *переписанными другою рукою...*— Рукописи Чокана были переписаны Г. Н. Потаниным, К. К. Гутковским, И. И. Ибрагимовым и разными писарями.

2 *...Некоторые из них* [трудов Валиханова] *мне достать не удалось.*— Н. И. Веселовский не получил всех материалов, хранившихся в семье К. К. Гутковского. С ними познакомились только после передачи их в Архив Академии наук в Ленинграде (см. «Труды Архива АН СССР», вып. I, Л., 1933, с. 15—158).

3 *Джедда* (Джидда) — город в Саудовской Аравии, порт на Красном море, через который ежегодно миллионы мусульман из разных стран мира прибывают в традиционный хаджж (паломиничество).

А. Н. Пыпин. О Чокане Чингисовиче Валиханове.

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 618, основанном на извлечении из книги А. Н. Пыпина «История русской этнографии» (т. IV, 1892, с. 397—400).

1 *Гутковский... поручал ему* [Чокану] *составление записок по управлению киргизами.*—См. примечание к статье «Об управлении казахами Большого жуза».

2 *...Революция, которую произвел повстанец Якуб-бек.*— Перепутано имя ходжи Валихан-тюре с Якуб-беком — правителем государства Йеттишаар в Восточном Туркестане. Ошибка не А. Н. Пыпина, а Г. Н. Потанина, подготавливавшего эту записку. Впрочем, ни Валихан-тюре, ни Якуб-бек не совершили революции в Восточном Туркестане, один был авантюристом, а другой представлял интересы компрадорской буржуазии, использовавшей восстание народа в своих корыстных целях.

3 *...он* [Чокан] *умер... в 1864 г., на 31 году от роду.*—Общая ошибка ученых того времени.

4 *Рукописи его бесследно пропали.*— Эту мысль высказали Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев после выхода из Омской тюрьмы, когда они узнали о смерти Чокана. Рукописи Чокана после его смерти были увезены К. К. Гутковским в Петербург и до революции хранились в его семье. В 1920 г. они были переданы дочерью Гутковского в Архив Академии наук СССР.

П. И. Небольсин. [Ч. Валиханов в Петербурге].

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 618—620, основанном на извлечениях из статьи П. И. Небольсина «Путешествующие киргизы», опубликованной в «Русском вестнике», 1860, т. XXIX, с. 42—43.

[1] Доклад Ч. Ч. Валиханова в Русском географическом обществе был прочитан 4 мая 1860 г. («Русский инвалид», 1860, № 95). Он вызвал ряд откликов в русской, немецкой и английской печати. См.: «Северная пчела», 1860, № 192; Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Herausgegeben von Ermann. Bd. XIX. Berlin, 1860.

И. В. Мушкетов. [Чокан Валиханов и его геологическая коллекция].

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 488—489, извлеченному из книги: И. В. Мушкетов. Туркестан, т. I, СПб., 1886, с. 171—172.

[1] *...Валиханов... прошел... через перевал Зауку, мимо оз. Чатыр-Куля в г. Кашгар.*— Эту неточность повторяют многие исследователи. Между тем маршрут Валиханова мимо Чатыр-Куля проходил только на обратном пути (см. его дневники в ССВ, т. 2).

[2] *Ему принадлежит несколько статей...*— Речь идет только о статьях, опубликованных в ЗРГО.

[3] *...эта редкая коллекция где-то затерялась.*— Судя по всему, коллекция горных пород, привезанная Валихановым из Кашгара, была отправлена в Германию для научного определения. (см. ССВ, т. I, с. 396).

П. П. Семенов-Тян-Шанский и А. А. Достоевский. [О значении путешествия Ч. Ч. Валиханова в Кашгар].

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 480—482, извлеченному из книги «История полувековой деятельности Имп. Русского географического общества. 1845—1895», т. I, СПб., 1896, с. 275—276.

[1] *...в 1860 г. прибыл в Петербург, где, избранный членом Географического общества...*— Неточно. Чокан избран членом РГО в 1857 г.

Г. Н. Потанин. Чокан Чингисович Валиханов.

Публикуется по тексту ССВ, т. 4, с. 567—573, извлеченному из газеты «Сибирская жизнь», 1903, № 133.

[1] *Чингис... был управителем одного из степных округов* — т. е. Аман-Карагайского, переименованного в Кушмурунский, а затем Кокчетавского.

[2] *Померанцев* — полковник, художник, преподаватель кадетского корпуса по рисованию.

[3] *Обе статьи были напечатаны на немецком языке в* Archiv'*е Эрмана в Берлине.*— Имеются в виду статьи: «Ost-Turkestan oder die chinesische Provinz Nan-Lu». Aus dem Reiseberichte der Stabs-capitans Walichanow. Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Bd. XXI. Berlin, 1862, S. 605—636; «Zur Geschichte Ost-Turkestans. Der Aufstand in Kaschgar, im Jahre 1857. Aus dem Russischen von Walichanow». Archiv Ermanns, 1862, Bd. XXII, S. 71—82.

[4] *Жюльен Ноэль Станислав* (1799—1873) — французский востоковед, профессор китайского языка в Коллеж де Франс, автор многочисленных работ по истории и культуре Китая.

Н. М. Ядринцев. Воспоминания о Чокане Валиханове.

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 573—577, основанному на рукописи — ЦГАЛИ (ф. 159, д. 179, лл. 59—64). Впервые опубликовано в сочинениях Ч. Ч. Валиханова под ред. Н. И. Веселовского (СПб., 1904, стр. XXXV—XXXIX).

[1] *...представился мне случай сделать ему небольшие одолжения.*— Н. М. Ядринцев ссужал Чокана деньгами (см. письма Чокана к отцу и А. Н. Бекетову).

[2] *Знакомство мое продолжалось с ним и в Сибири...*— т. е. после возвращения друзей из Петербурга (1862—1864).

[3] *В том же Омске был старый генерал штатский...*— Речь идет о генерал-лейтенанте Н. Волкове, служившем в то время в г. Омске.

[4] *Это желание высказывал какой-то из генерал-губернаторов.*— Инициаторами постройки памятника Чокану были К. П. Кауфман и Г. А. Колпаковский.

Д. и Р. Мичелл. Перевод предисловия к английскому изданию трудов Ч. Ч. Валиханова, М. И. Венюкова и других русских путешественников о Центральной Азии.

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 597—599, являющемуся переводом из английского предисловия к этим трудам: The Russians in Central Asia; Their Occupation of the Kirgiz Steppe and the of the Syr-Daria; their Political Relations of the Chinese Turkestan and Dzungaria. By Capt. Valikhanof, M. Veniukof, and other Russian Travellers. Translated from the Russian by John and Robert Michell. London, Edward Stanford, 6, Charing Cross, 1865.

[1] *...в связи с недавними политическими событиями в Кокандском ханстве...*— Речь идет о занятии генералом Черняевым Ташкента в 1865 г.

[2] *Соединение линии Сыр-Дарьи с линией Восточной Сибири...*— Фактически такой военной линии не существовало. В 1860—1866 гг. речь шла только о левом фланге, т. е. о соединении Оренбургской линии с линией Западной Сибири путем кольцевого окружения Казахстана с юга. Эта идея была осуществлена после занятия городов Аулие-Аты, Чимкента и Ташкента.

[3] *...миссия генерала Игнатьева в Хиву и Бухару* состоялась в 1858 г., в год путешествия Чокана Валиханова в Кашгар.—Обе экспедиции свидетельствовали об активности политики царизма в странах среднеазиатского Востока накануне присоединения его к России.

[Некролог]

Печатается впервые по русскому переводу текста (без указания автора), опубликованного в периодическом издании «Германского королевского Географического общества» Mittheilungen aus Justus Perthes' Geographischer Anstalt... von Dr. A. Petermann», 1867, S. 37. (Перевод некролога выполнен В. Н. Настичем).

ТРУДЫ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

[ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ КНИГИ] ПРОФ. И. Н. БЕРЕЗИНА «ХАНСКИЕ ЯРЛЫКИ»

(Ярлык Тохтамыша хана к Ягайлу, Казань, 1850 г.)

Печатается по тексту ССВ, т. I, Алма-Ата, 1961, с. 131—141.

Черновое начало рецензии на книги проф. И. Н. Березина, вышедшие в 1850—1851 гг. («Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам)». СПб., 1850: «Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея», Казань, 1851). Рецензия заключает тюркский текст ярлыка Тохтамыша к Ягайлу, данный в сравнительной транскрипции Казембека части текста ярлыка на польском языке, приведенные в книге «Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу, 1392—1393 гг.», Казань, 1850, и комментарии Валиханова. Сохранились в виде разрозненных листов среди бумаг в особой папке, носящей название «За-

писки Валиханова по востоковедению» (ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, № 469, лл. 2—2 об., 3—3 об.). Валиханов не дал своего перевода ярлыка, ограничившись лишь приложением древнерусского его варианта, в котором имеется ряд разночтений и добавления; этот вариант считается двойником дипломатического письма Тохтамыша к Ягайлу.

Листы 7, 8 об., 16 и 16 об. содержат примечания Валиханова к ярлыку Тимур-Кутлука, к тарханному ярлыку Тохтамыша и к ярлыку Саадат-Гирея.

Рукопись дат не имеет, вероятнее всего, что она написана после того, как Березин через Костылецкого обратился к Валиханову с просьбой расшифровать некоторые архаические слова, встречающиеся в ханских ярлыках. Из переписки Березина с Костылецким видно, что с этой просьбой он обратился сначала к Костылецкому, но последний не мог дать ему положительный ответ. В письме от 7 августа 1852 г. Костылецкий пишет: «Два письма от Вас — первое с Лещевым и второе с И. И. Захаровым получил и доселе не ответил и я благодарил Вас за присылку «Путешествия по Дагестану и Закавказью» и «Ярлыка Тохтамыша».., что касается некоторых слов в «Ярлыке Тохтамыша», не поддающихся никакому словопроизводству, то при всем желании моем помочь Вашему горю, я не могу... Правда, я переписываюсь с некоторыми из моих учеников, разбросанных в степи по разным приказам*[1]. Первым из учеников Костылецкого на его предложение откликнулся Ч. Валиханов.

[1] *Оболенский Михаил Андреевич* (1805—1873) — историк-архивист, директор Московского главного архива Министерства иностранных дел. Собиратель и издатель письменных и вещественных источников. Список его трудов опубликован в журнале «Русская старина» (1873, № 2).

[2] *Нарушевич Адам Станислав* (1733—1796) — крупный польский историк, поэт, переводчик древних авторов. С 1755 г. профессор Виленской академии. Автор многотомной работы по истории польского народа и работы по истории Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.

[3] *Френ Христиан Мартин Йоахим* (в России — Христиан Данилович, 1782—1851) — академик, видный русский востоковед, с 1807 г. профессор восточных языков в Казанском университете; один из основателей, а с 1818 до 1842 г.— директор Азиатского музея Академии наук. После избрания академиком Френ вплотную занялся изучением восточных источников — древних рукописей, монет и надписей.

Х. Френ был выдающимся знатоком восточной нумизматики. Из многочисленных работ, посвященных этой проблеме, до сих пор не потеряли своего значения следующие его сочинения: «De Academiae Imp. Scientarum Petropolitanae Museo numario moslemico...» Petropoli (СПб.), 1818; «Das Muhammedanische Münzkabinett des Asiatischen Museums der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg», SPb., 1821; Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scientarum Petropolitanae...», Petropoli, 1826; Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении...», СПб., 1832; и др. В историю русской тюркологии Х. М. Френ вошел как автор описаний тюркоязычных рукописей и издатель текста «Шаджара-и турк» Абулгази (XVII в.). О научной деятельности и трудах Х. М. Френа см.: *Dorn B.* Das Asiatische Museum der kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. SPb., 1846; *Дорн Б.* Академик Френ и его ученая деятельность.—УЗАН, т. 3, вып. 3, СПб., 1855, с. 429—465; *Савельев П. С.* О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855; *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики.— Избр. соч., т. 5, М., 1958, с. 71—75.

[4] *Шмидт Яков* (Исаак) *Иванович* (1779—1847) — русский ориенталист, специалист по монгольскому и тибетскому языкам, адъюнкт-академик Петербургской академии наук. Его главные труды: «Грамматика монгольского языка» (СПб., 1831); «Монголо-немецко-русский лексикон» (СПб., 1835); «Тибетско-немецкий словарь» (СПб., 1841).

---

*[1] НБТГУ, архив Г. Н. Потанина № 129/б, л. 5346.

[5] *Ковалевский Осип Михайлович* (1800—1870)—русский ученый-монголовед. С 1833 по 1860 г.— профессор Казанского университета, а с 1862 г.— профессор Варшавской главной школы. Основные труды Ковалевского: «Краткая грамматика монгольского книжного языка» (1835 г.), двухтомная «Монгольская хрестоматия» (1836—1837 гг.), трехтомный «Монгольско-русско-французский словарь» (1844—1849 гг.), «История монголов», «История монгольской литературы», «История буддизма».

[6] *Казембек Александр Касимович* (Мирза Мухаммед-Али) (1802—1870) — видный русский востоковед; по происхождению азербайджанец, получил схоластическое мусульманское образование. С 1827 г.— профессор Казанского университета по персидской и турецко-татарской словесности, а с 1849— руководитель кафедры персидской словесности Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук. Написал труды по истории Кавказа, Персии, Средней Азии и Крыма, по истории ислама; им составлена общая грамматика турецко-татарского языка. Является автором ряда других работ на турецком, арабском и персидском языках.

[7] *Гаммер* (Хаммер-Пургшталь Йозеф) (1774—1856) — австрийский дипломат и историк-востоковед, крупный специалист по истории Золотой Орды. Важнейшие работы: *Hammer-Purgstall J.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth, 1840; Geschichte der Ilchane, das ist der Mongolen in Persien. Bd I—II. Darmstadt, 1842—1843.

[8] 8 раджаба 795 г. х. соответствует 20 мая 1393 г.

[9] *Вершок* — русская дометрическая мера длины, равная 4,45 см. 9 вершков составляют около 40 см, $9^1/_2$ вершков —42,3 см, $4^7/_8$ вершка —21,7 см.

[10] *Банзаров Доржи* (1823—1855)— бурятский ученый, этнограф и востоковед. Важнейшие работы Банзарова — его диссертация «Черная вера или шаманство у монголов» (1846 г.) — первая научная работа о шаманизме; «Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов» (ЗАНО, т. II, 1850).

[11] *Григорьев Василий Васильевич* (1816—1881) — русский востоковед, член-корреспондент Петербургской академии наук, исследователь истории, географии и древностей народов Средней Азии и Казахстана. Наиболее значительные его работы: «О скифском народе саках. Историческая монография». (СПб., 1871); «О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству», М., 1842; «Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости» (ЗРГО, 1861, № 2, с. 105—138); «О куфических монетах, находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории (ЗООИД, т. I, Одесса, 1842, с. 115—166). Издал перевод двух томов «Землеведения» Риттера с комментариями и дополнениями; «Восточный или Китайский Туркестан». Вып. II (СПб., 1873). Главнейшие статьи Григорьева вошли в сборник «Россия и Азия» (1876 г.). Будучи управляющим областью оренбургских казахов, Григорьев посвятил ряд работ освещению истории культуры казахского народа. Он был лично знаком с Валихановым, и большая часть важнейших рукописей Валиханова хранится в архиве Григорьева (ЦГАЛИ, ф. 159. № 179).

[12] *Полевой Николай Алексеевич* (1796—1846) — русский журналист, писатель, историк. С 1817 г. сотрудничал в петербургских и московских журналах. В 1825—1834 гг. издавал журнал «Московский телеграф».

[13] Валиханов ошибся в перечислении даты (см. прим. 8).

[14] *Асан* — имя не идентифицировано; *Котлубуга* (Кутлук-Бука)— джучидский эмир, сын Урус-хана, правившего Белой Ордой в 1361—1375 гг. (*Лэн-Пуль Ст.* Мусульманские династии. Пер. с англ. В. В. Бартольда. СПб., 1899, с. 192; МИКХ, с. 42). О посольствах Тохтамыша к литовскому королю Ягайло в 1381 и 1392—1393 гг. см.: *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1223—1502. Leipzig, 1965, S. 131—132; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1950, с. 324; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды, М., 1975, с. 152, 211; *Султанов*

Т. И. Письма золотоордынских ханов. Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.

[15] *Троки* — наследственное владение литовского князя Витовта, захваченное Ягайлом, но затем возвращенное им в 1432 г. в числе других наследственных владений, при назначении Витовта пожизненным правителем княжества Литовского в качестве своего наместника. Город Троки (совр. Тракай) находится примерно в 20 км к западу от Вильнюса.

[16] *Бекбулат, Хожа Медин* (точнее — Ходжам-дин), *Бекгич* (в тексте: Бекиш или Бикеш), *Турдучак* и т. д. — имена не идентифицированы. См. также: *В. В. Бартольд.* Отец Едигея.— Сочинения, т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 801—802.

[17] *Тикия* — в тюркском оригинале письма это имя не упоминается. По-видимому, это князь Тегин Ширинский, современник Тохтамыша.

[18] *Идикгий* (иначе — Идигу, Эдигю, Едыге) — бек, эмир племени мангыт, при Тохтамыше занимавший пост «управителя дворца», а после его смерти — фактический правитель Золотой Орды; умер в 1419 г. *Аксак* (букв. «хромой»), *Железная Нога* — прозвища эмира Тимура (1370—1405).

[19] *Чорный Песок* — пустыня Каракум.

[20] *Тулу-Очжя* (Тулу-ходжа) — имя не идентифицировано.

[21] *«...курячьего лета а месяця иричепа».* Год курицы по тюрко-монгольскому животному циклу начался около 6 февраля 1393 г. *Иричеп* — искаж. араб. رجب 'раджаб' (7-й месяц по мусульманскому лунному календарю); см. также прим. 8.

[22] $6^3/_4$ вершка составляют 30 см.

[23] *Темир-Кутлук* (Темюр-Кутлуг, Тимур-Кутлуг) — золотоордынский хан (1395—1401), ставленник Тимура, номинально правивший после смерти Тохтамыша.

[24] Деление на «правое» и «левое» крыло (здесь: *оң қол* и *сол қол* — правая и левая рука) среди степных племен Евразии известно с глубокой древности.

[25] *Маша'их* и *аулийа* — оба слова представляют собой первоначально формы мн. ч. от араб. شيخ *шейх* и ولى *вали*; в Средней Азии и Казахстане употреблялись в ином значении и воспринимались как ед. ч. (ср. араб. *сахаба* — см. прим. к «Предания и легенды...»).

[26] *Букаул* — точнее, распорядитель ханского обеда (см. также: *В. В. Бартольд.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. т. I, М., 1963, с. 447).

[27] قوشچى *(кушчи).* Это слово Валиханов объясняет не как «сокольник», а как «прислужник во время похода», и производит его от слова قوش лагерь и قوشچى (кошчи) — служитель лагеря.

[28] ساليق، ساليغ (салық, салығ). Валиханов дает только одно значение этого термина — лагерь, стан. *Салық* еще означает 'подать, налог, повинность, взимаемая ежегодно' (в поздних источниках и актовых документах обычно упоминается в паре с اليق *алық* или اليغ *алығ*, иначе الغوت وصالغوت *алғут ва салғут*, и т. п.). *Салық салмақ* — обложить податью, налогом.

[29] ييل سانى — неверное чтение, правильно прочитано Валихановым: ييل ساين *(йил саин)* — ежегодно. В ярлыке речь идет о неослабном взимании ежегодного налога.

[30] اوسال، اوصال — слабый, непрочный, расшатанный; отсутствие дисциплины. اوسال قيلماينچا — не допуская расхлябанности (разгильдяйства, беспорядочности). Речь идет о дисциплине, покорности, о безоговорочном платеже ежегодного налога. В древнекыпчакских документах это слово встречается довольно часто. Например, اوسال قيلدى — сделал непрочно, с промахом; اوسال سز قيلور — сделал основательно, без упущения (МСМА, ч. I—III. Изд-во АН СССР М.—Л., 1938, с. 271).

[31] *Сеадат* (Са'адат)-*Гирей* [I] — крымский хан, сын Менгли Гирея, правил в 1524—1532 гг.

[32] *Ван-хан* — правитель Восточной Монголии (конец XII в.) из племени кераит, при котором выдвинулся предводитель монгольской аристократии Темучин (Чингисхан).

[33] *Рашид-эддин* (Фазлаллах Рашид ад-дин б. 'Имад ад-даула Абу-л-Хайр б. 'Али Рашид Хамадани, 1247—1318) — государственный деятель, врач и историк при дворе хулагуидских ханов Ирана, в 710/1311 г. составил «Собрание летописей» и многотомный труд по всеобщей истории, первый том которого заключал в себе подробную историю монголов. Этот труд, наряду с «Историей завоевателя мира» Ата-Малика Джувейни (ум. в 1283 г.) является основным источником по истории Центральной Азии XIII в.

[34] *Гулагиды* — искаженное наименование династии Хулагуидов (Ильханов), монгольских правителей Ирана XIII—XIV вв. *Джагатай* (Чагатай) — сын Чингисхана, улусный хан Мавераннахра, Семиречья и Восточного Туркестана (1227—1241), основатель династии Чагатаидов.

[35] *Алтан-хан* (Золотой хан) — прозвище урянхайских князей, владевших землями в Южной Сибири. После XVIII в. их владения частью вошли в Россию и частью — в Китай.

[36] Ярлык Давлет-Гирей-хана сохранился в виде двух рукописных копий — черновика, написанного рукой Валиханова, и белового экземпляра с черновым же русским переводом, сделанным Валихановым. В черновике между строками намечен русский перевод восточных терминов. Публикуется по авторизованной копии — Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, № 11, лл. 55—57 об.

[37] *Давлет-Гирей* — хан крымский (1551—1577), внук Менгли-Гирея, племянник свергнутого казанского хана Сахиб-Гирея. Многократно ходил войной на Москву, но во всех походах терпел поражение. Постоянно требовал от царя Ивана IV отдачи Казани и Астрахани, предлагая взамен свою дружбу. При последнем походе в битве под Москвой (1572 г.) крымцы были полностью разгромлены. (См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского, тт. VIII—IX, СПб., 1892).

[38] *Уланы* (угланы, огланы) — сыновья господствующей феодальной аристократии (ханов и султанов), члены царствующей династии, занимавшие высшие военные и административные должности в Золотой Орде, в феодальных ханствах Крыма, Астрахани, в улусе Чагатая и Белой Орде. Они играли главную роль при обсуждении военных и политических вопросов, поставленных на курултаях и при выборе ханов.

[39] *Бии* — влиятельные родоначальники, пользовавшиеся наследственными правами; в феодальной иерархии стояли на втором месте по рангу после султанов.

[40] *Даругабек* (даруга, в древнерусских документах: *дорога)* — губернатор, наместник золотоордынского хана, главный надзиратель над взиманием повинностей в пользу казны.

[41] *«...ведателям метрик»* — так переведен термин *мухтасибларинга*; араб. *Мухтасиб* означает должность базарного надзирателя, следившего за точностью соблюдения мер и весов, в сословном отношении стоит рядом с *кази* (или *кади)* — мировым судьей.

[42] *Муэззин* (араб. مؤذّن *му'аззин*; в русском языке обычно в искаженной форме — *муэдзин*, низший служитель мусульманского религиозного культа, созывающий пять раз верущих на молитву. В Средней Азии и Южном Казахстане обычно назывался азанчи (от араб. اذان 'призыв к молитве' +перс. چی — суффикс деятеля); казах. *азаншы*.

[43] *Букаул* (бакаул) — начальник пограничной заставы, служитель кордона. Происходит от *бäкмäк* — 'охранять, стоять на страже'. Возможно и другое объяснение: от *букмäк* — 'скрадываться, замаскироваться, устроить засаду'. Однако и в этом случае речь идет о кордонной (пограничной)

службе. Этот термин нельзя путать с بوكاول — *букаул* (см. прим. 26) — распорядитель ханского обеда, церемонимейстер.

[44] *Абу-Салям-бия* — имя искажено, в тексте *'Абд ас-Салам бия.*

[45] Мухаррам 977 г. х. соответствует 16 июня — 15 июля 1569 г. н. э.

[46] *Карасу* (Карасубазар) — город в степном Крыму, одна из резиденций крымских ханов. С 1944 г.— Белогорск.

КОЗЫ-КОРПЕШ И БАЯН-СУЛУ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, Алма-Ата, 1964, с. 53—100, основанному на публикации в «Турецкой хрестоматии» И. Н. Березина (ч. III, Казань, 1876, с. 70—162). Текст записан в Кушмурунской степи Чоканом вместе с отцом в 1851 г. и передан тогда же учителем Омского кадетского корпуса Н. Ф. Костылецким И. Н. Березину. Вместе с казахским списком И. Н. Березин получил и его русское переложение, а также переложение другой поэмы «Идиге», оба переложения были сделаны Н. Ф. Костылецким при участии Чокана (И. Н. Березин, Н. Ф. Костылецкий.— НБТГУ, архив Г. Н. Потанина, д. 149, лл. 2—5; ИРАО, т. 8, вып. 1—5, с. 137—148; Архив востоковедов ЛОИНА, ф. 5, оп. 1, д. 16, лл. 2—16). В фонде И. Н. Березина (ф. 5, оп. 1, д. 12, лл. 14—15 об.) хранится также казахско-русский словарь, составленный в Омском кадетском корпусе по тексту кушмурунского списка поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу».

Кушмурунский список поэмы прежде хранился в рукописном отделе бывшего Азиатского музея Академии наук (шифр 321: Березин, 15 (Kirg). قوزو كورپيچ). К сожалению, в новом инвентарном списке, составленном после реорганизации Музея в Институт, его уже нет и неизвестно, где он находится.

Русское переложение поэмы «Идиге» полностью совпадает с казахским текстом той же поэмы, записанной и переведенной Чоканом и опубликованной впоследствии П. М. Мелиоранским в виде приложения к сочинениям Ч. Ч. Валиханова, вышедшим в свет в 1904 г. под ред. Н. И. Веселовского.

Русские варианты обеих поэм были известны еще Г. Р. Державину и А. С. Пушкину. В документах А. С. Пушкина в 1837 г. был обнаружен краткий перевод поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» на русский язык, помеченный 1833 г. В архивных фондах сохранился также русский перевод чиновника Даньшинина (ЦГА КазССР, ф, 338, оп. I, д. 453, лл. 67—68). Известен также перевод поэмы, выполненный самостоятельно Н. Ф. Костылецким, хорошо знавшим казахский язык (см. «Известия Русского археологического общества», т. 8, вып. 1—5, СПб., 1877, с. 137—148).

Ч. Валиханов, как и многие русские ученые, придавал большое значение древней поэме «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» и записал ряд ее версий, одной из которых является кушмурунская. Он писал: «Известная поэма «Козу-Корпеч и Баян-Сулу» пересказана мне была знаменитым Джанаком». Этот акын был уроженцем Каркаралинских степей и мог передать версию, бытовавшую только в степях между Аягузом и Каркаралинскими горами. Эта запись Ч. Валиханова еще не отыскана. Третий полный список поэмы «Козы-Корпеш» был записан от знаменитого акына Шоже в 1864 году в Омске, на квартире Чокана, как раз перед отъездом в экспедицию генерала М. Г. Черняева. На обложке списка имеются пометы, сделанные рукой Ч. Валиханова. Этот вариант также хранится в архиве проф. И. Н. Березина и частично опубликован в его «Турецкой хрестоматии» (с. 163—168), К сожалению, публикация И. Н. Березина весьма неудовлетворительная, в ней много ошибок и искажений. Возможно, они объясняются уровнем науки того времени или просто упущением типографии.

Кушмурунский список опубликован в наше время литературоведом И. Дюсембаевым в своде поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» (Алма-Ата, 1959). При всем старании преодолеть и исправить трудный и исковерканный текст поэмы в хрестоматии И. Н. Березина он не сумел полностью восстановить первоначальный текст кушмурунского списка и допустил ряд нежелательных ошибок. Это касается прежде всего историко-этнографической, этнической и географической терминологии, которая либо опущена с пометой «не разобрано», либо искажена... Например, вместо *ат тұлдау* (резать хвост коня после смерти его хозяина)—*ат талдау* (гладить коня); вместо *саур етік* (сапоги из крупа — толстой кожи) — *соры етік* (помета: непонятно); вместо *таз-қара* (стервятник) — *тасқара* (помета: непонятно); вместо *зау-заман* или *зауда* (если, а вдруг) — *зай-заман* и т. д. Но И. Дюсембаев проделал большую работу, расшифровав сложный и хаотический текст по хрестоматии И. Н. Березина. Изучив материалы, он также пришел к выводу, что список «Козы-Корпеша», опубликованный в «Турецкой хрестоматии» И. Н. Березина, принадлежит Чокану Валиханову.

ПИСЬМО ПРОФЕССОРУ И. Н. БЕРЕЗИНУ

Черновой отрывок, не имеющий заглавия, сохранился среди бумаг, позднее назван «Черновые записки Валиханова по востоковедению». Отрывок написан в виде ответа на письмо востоковеда И. Н. Березина к Н. Ф. Костылецкому (1852), через которого он обратился к Валиханову с просьбой расшифровать некоторые историко-этнографические термины, встречающиеся в ханских ярлыках. Дата ответа Валиханова неизвестна. Но из содержания ответа видно, что он написан под свежим впечатлением после выхода в свет книги И. Н. Березина «Ханские ярлыки» (Казань, 1850). В ответе дано толкование ряда архаических слов из ярлыка Тохтамыша. Для подкрепления своих аргументов Валиханов привлек сведения из «Сборника летописей» Жалаири[*1].

Печатается впервые по тексту ССВ, т. I, с. 121—130; черновой отрывок хранится в ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, № 469, лл. 10—14.

[1] *Березин Иван Николаевич* (1818—1896) — русский востоковед; с 1846 г. профессор Казанского, а с 1858 г.— Петербургского университета. Автор многочисленных трудов по истории и филологии народов Востока, преимущественно тюрко-монгольских. В 1848—1853 гг. он опубликовал серию изданий под общим названием «Библиотека восточных историков», куда вошли историческое сочинение «Шейбани-наме», «Джами' ат-таварих» («Сборник летописей») Жалаири и сочинение Абулгази «Родословная тюрков». Большой заслугой Березина является издание труда «Сборник летописей» известного историка монгольской эпохи Рашид ад-дина, осуществленное в 1853—1888 гг.

Из других публикаций Березина очень важна «Турецкая хрестоматия» (тт. 1—3, 1857—1876 гг.), в которую вошли классические образцы народного эпоса казахов, узбеков, туркмен и других народов Средней Азии.

Березин поддерживал связь с многочисленными корреспондентами, учеными, через которых собирал памятники народной литературы тюркоязычных народов. Особенно тесную связь он имел с преподавателем Сибирского кадетского корпуса Н. Ф. Костылецким, своим старым другом по Казанскому университету, через которого он получал образцы казах-

[*1] جامع التواريخ Джами' ат-таварих («Сборник летописей») — см. комментарий к «Извлечениям». из جامع التواريخ. В дальнейшем это издание везде именуется «Сборник летописей» Жалаири или جامع التواريخ.

ской литературы. Костылецкий помог Березину установить деловые связи с Ч. Ч. Валихановым. (О Березине см.: *В. В. Бартольд.* И. Н. Березин как историк. Соч., М, 1977, т. 9, с. 737—756; *А. Н. Самойлович.* И. Н. Березин как тюрколог. ЗКВ, т. 1, 1925, с. 161—172; *С. А. Венгеров.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 3, СПб., 1892 (автобиография); Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (1804—1904 гг.) под ред. Н. П. Загоскина, ч. 1. Казань, 1904).

[2] *Костылецкий Николай Федорович* (1818—1869) — один из наиболее передовых преподавателей кадетского корпуса, был горячим сторонником идей русских революционеров-демократов, друг и наставник Ч. Ч. Валиханова. Костылецкий получил образование сначала в Омском войсковом училище, затем учился на восточном факультете Казанского университета, который он окончил со степенью магистра восточной филологии. Кроме казахского он в совершенстве знал и другие тюркские, арабский и персидский языки. Костылецкий являлся наставником большой группы казахской молодежи, обучавшейся в Сибирском кадетском корпусе. В 1865 г., обвиненный по делу «сибирских сепаратистов», он был уволен из кадетского корпуса.

[3] *Тохтамыш* (Токтамыш) (ум. в 1406 г.) — потомок Чингисхана, во время феодальных междоусобиц (70-е годы XIV в.) бежал от преследования Урус-хана, нашел убежище в Самарканде у Тимура, который был соперником Урус-хана.

В 1381 г. Тохтамыш совершил переворот в Золотой Орде, и, разбив ее временщика Мамая, стал ханом Дашт-и Кыпчака. Стремясь возродить прежнее могущество Золотой Орды, ослабленное после битвы на Куликовом поле (1380 г.), Тохтамыш совершил несколько походов на запад; великий князь литовский Ягайло вновь стал его вассалом. Укрепив свою власть, Тохтамыш отрекся от своего покровителя, стал вести самостоятельную политику, часто идущую против интересов Тимура.

О годах правления Тохтамыша ясное представление дают ярлыки, приводимые в данной работе Валиханова, и монеты, чеканенные Тохтамышем в золотоордынских городах.

«Ярлык Тохтамыша к Ягайлу» написан после его сражения с Тимуром на р. Кундузчи (1391 г.) и представляет собой одну из древнейших дипломатических грамот на кыпчакском языке. (См.: *И. Н. Березин.* Ханские ярлыки, т. II; Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадат-Герея. Казань, 1851; *В. В. Радлов.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга. ЗВОРАО, т. III, вып. 1, с. 1—40; Ярлыки Тохтамыш-хана и Саадат-Гирея, пер. Я. Ярцева, с примеч. В. В. Григорьева. Одесса, 1844; *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение.М.—Л., 1950, с. 103—105, 112—113).

[4] *Ягайло Ольгердович* (ум. в 1434 г.) — великий князь литовский, с 1386 г. — король польский.

[5] *Тимур-Кутлук* (Темир-Кутлуг) (ум. в 1400 г.) — сын Темир-Малика, внук Урус-хана, племянник Едиге; один из сильных соперников Тохтамыша, впоследствии хан Золотой Орды (1395—1400 гг.). До 1395 г. Темир-Кутлуг — малоизвестный царевич (оглан) Белой Орды, затем, примкнув к эмиру Тимуру, старому врагу его деда, он стал возвышаться. В 1395 г., после разгрома Тохтамыша, Тимур сделал его ханом Дашт-и Кыпчака. Темир-Кутлуг правил номинально, фактически управлял государством его дядя Едиге. До нас дошли также монеты, чеканенные от имени Темир-Кутлуга в Сарай ал-Джадиде, Орду ал-Джадиде, Сарае, Хаджи-Тархане, Старом Крыме, т. е. на всей территории Золотой Орды, в 1397—1400 гг. (см.: *И. Н. Березин.* Ханские ярлыки, т. II; *В. В. Радлов.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга, с. 1—40; *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 103—109).

[6] *Саадат-Гирей* — хан крымский (1523—1527 гг.), сын Менгли-Гирея, внук Хаджи-Гирея — основателя феодальной династии крымских Гиреев. После неудачного похода на Москву был свергнут князьями и бежал в

Турцию. (См.: *Н. М. Карамзин*, История государства Российского, т. VII. СПб., 1892, с. 123—151). Ярлык его, опубликованный И. Н. Березиным, писан в 1523 г. (ЗООИД, 1849).

[7] Не казахи почитают себя потомками «татар Золотой Орды», а лишь социальная группа чингизидов, относящих себя к «белой кости» (ақ сүйек).

[8] *Идигей* (правильно: Едиге; в литературе также: Едигуй, Идигу, Идиге, Идике и т. д. 1340—1419) — сын Кутлу-Каба, владетеля Каратауского города Кумкента, убитого Урус-ханом; один из влиятельных эмиров (бек) Белой Орды из племени мангыт. На исторической арене появился одновременно с Тохтамышем в период феодальных междоусобиц, когда Белая Орда фактически отделилась от улуса Джучиева (Золотой Орды).

Во время этих междоусобиц Едиге примкнул к оппозиции Тохтамыша, одного из претендентов на престол Золотой Орды. Покинув Урус-хана и порвав связи с отцом, Едиге установил тесный контакт с Тохтамышем и вместе с ним ушел к Тимуру. Когда власть в Золотой Орде перешла в руки Тохтамыша, он изменил своему соратнику и вместе со своим племянником Тимур-Кутлуком бежал от него и стал служить Тимуру, помогая ему в борьбе с Тохтамышем. После победы над Тохтамышем (1391 г.) Едиге покинул и Тимура; захватив власть в Золотой Орде, он стал фактически ее правителем, хотя номинально управлял ею от имени хана Тимур-Кутлука и других своих племянников.

В 1399 г. Едиге разбил литовское войско на р. Ворскле; в 1409 г. совершил поход на Русь, разорил много городов, осадил Москву, но взять ее не смог. В 1410—1412 гг. власть в Орде вновь перешла в руки сыновей Тохтамыша, а Едиге, отвергнутый, спасся в Хорезме, но не надолго. Он вскоре был убит близ Сарайчика сыном Тохтамыша Кадырберды. (См.: *Ч. Ч. Валиханов*. Сочинения. Спб., 1904, с. 224; *В. В. Бартольд*. Отец Едигея. ИТОИАЭ, т. I (58). Симферополь, 1927, с. 18—23; Соч., т. 2, ч. 1, М., 1963, с. 797—804; *Жирмунский В. М*. Сказание об Идиге.— Тюркский героический эпос. Л., 1974, с. 351—386).

[9] *Тамерлан* (Аксак-Тимер*[1], Тимур) (1336—1405) — эмир — правитель Мавераннахра и смежных территорий Средней Азии, знаменитый завоеватель и полководец; сын бека Тарагая из племени барлас. В молодости принимал участие в феодальных междоусобных войнах. В 1370 г. Тамерлан принял титул великого эмира и стал единолично управлять страной от имени подставного хана-чингизида. Он опирался на кочевую знать оседлых феодалов и духовенство. В 1388 г. взял Хорезм; после трех больших походов (1389, 1391 и 1394—1395 гг.) разгромил Золотую Орду.

Свою государственную деятельность, направленную на объединение Средней Азии, Тимур сочетал с военными походами в соседние страны. В последние годы жизни государство Тамерлана включало в себя Мавераннахр, Хорезм, Хорасан, Закавказье, Персию и Пенджаб.

[10] *Урак-Мирза* — по-видимому, это ногайский мурза Урак, племянник Мамая, внук Муса-Мирзы.

[11] *Ир-Кокше и Ир-Кушай* (правильнее: Еркокче и Еркосай; в литературе также: Ир-Гоше, Ир-Кусай (Кушай), Ир-Госай (Гошай) — знаменитые богатыри — отец и сын — происходят из рода уак (VIII в.), позднее вошедшего в состав Среднего жуза. Замечание Валиханова, что самые имена витязей нам неизвестны, не отражает фактическую действительность. Напротив, Еркокче и Еркосай — самые популярные богатыри, воспетые в казахском народном эпосе. Казахи рода уак, населяющие Ишимскую степь, до сих пор считают Еркокче своим родоначальником. О нем и его сыне Еркосае существует героическая поэма с многочисленными вариантами. В эпосе «Манас» Ир-Кошаї — старший богатырь, «отец народа», населяющего

---

*[1] «Хромой Тимур» — прозвище, данное современниками Тимуру за его хромоту.

горы Улутау. (См.: *Ж. Копеев.* Еркокше. РОБАН КазССР, № 929; *Г. Н. Потанин.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. ЖС, 1917, II—III, с. 80—85).

[12] *Бердибек* (ум. в 1359 г.) — сын Джанибека I, внук Узбека, золотоордынский хан из династии джучидов. Со времени его правления (1357—1359 гг.) начинаются многолетние феодальные смуты, впоследствии кончившиеся падением Золотой Орды. Зачинателем смут был сам Бердибек, который умертвил своего отца Джанибека и воссел на ханский престол. Это событие отражено в народных преданиях в виде поговорки, гласящей «Нар мойыны Бердібекте кесілді» — «Шея дромадера отсечена при Бердибеке», т. е. династия батуханидов пресеклась при Бердибеке. (См.: *Абулгази.* Шеджере-и тюрк. Изд. Демезона. СПб., 1871).

[13] Новейшие историко-филологические исследования сочинения «Шахнаме» персидского эпоса Фирдоуси (932—1020 гг.) подтвердили вывод о том, что у данного автора не содержится этнического термина «казак».

[14] *«Шейбани-наме»* — историческое сочинение начала XVI в. Автор — Камал ад-дин Али Мухаммед ал-Харави, более известный по прозвищу Бинаи (ум. в 1512 г.), служил при дворе Тимуридов.

В сочинении прославляется деятельность основателя узбекского ханства Мухаммеда Шейбани. Оно содержит также ряд интересных сведений по истории народов Средней Азии и, в частности, Казахстана (в период отделения казахов от узбеков в XV—XVI вв.). Впервые издано И. Н. Березиным в 1851 г. в серии «Библиотека восточных историков» (ч. I, Казань, 1851).

[15] *Тамга* — знак собственности в родовом обществе кочевников Центральной Азии, им отмечали скот и различные предметы, принадлежавшие роду (племени) или изготовленные его членами — оружие, посуда, ковры и т. п.; позднее — знак семейной и личной собственности. Личные тамги ханов служили своеобразными феодальными гербами, они изображались на ярлыках (указах), официальных документах, государственных печатях и на денежных знаках, т. е. являлись и знаками власти.

[16] *Ураз-Мухаммед* (ум. в 1610 г.) — сын султана Ондана, племянник хана Тевеккеля; в русских летописях именуется «царевичем Казачьей орды»; в 1588 г. в городе Сибири (см. ниже) был взят воеводой Данилой Чулковым в плен вместе с князем г. Сибири Сеид-Ахмедом Бекбулатовым и Карач-мурзой (впоследствии автором сочинения «Сборник летописей» Жалаири). В том же году они были отправлены в Москву. В 90-х годах XVI в. Ураз-Мухаммед неоднократно упоминается в военных и дворцовых разрядах, как участник походов и дворцовых торжеств (в 1590 г. он участвовал в походе против шведов, в 1593 г. — против крымских татар). В 1600 г. Борис Годунов назначил его «царем» в г. Касимов (на Оке).

Царское правительство тогда охотно использовало отпрысков бывших восточных династий, выдвигая их в качестве вассальных владетелей для окраин. Некоторые из этих вассалов, например, Ураз-Мухаммед, были пожалованы владениями в пограничной полосе за службу по обороне окраин. В 1608 г. Ураз-Мухаммед примкнул к Лжедимитрию II, но в ставке Лжедимитрия, заподозренный в измене, был предательски убит. (См.: *В. В. Вельяминов-Зернов.* Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864, ч. II, с. 398; *И. Н. Березин.* Библиотека восточных историков, т. II, ч. I. Казань, 1854; *Г. Ф. Миллер.* История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, с. 274—276. 495—496; *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение, с. 416, 417).

[17] *Левшин Алексей Ираклиевич* (1799—1879) — русский ученый и государственный деятель, один из основателей Русского географического общества; известен своими исследованиями по истории и этнографии казахов; ему принадлежит капитальная трехтомная работа «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей» (СПб., 1832).

[18] *Небольсин Павел Иванович* (1817—1893) — русский историк, этнограф, исследователь истории Сибири, торговых отношений Сибири со Средней Азией, член Русского географического общества. Из многочисленных

работ, богатых фактическим материалом, наиболее интересные: «Очерки волжского низовья» (ЖМВД, 1852, ч. 39); «Очерки торговли России со Средней Азией» (ЗРГО, 1855, т. X, с. 1—442); «Покорение Сибири» (СПб., 1849).

[19] *Сейдяк* (Сеид-Ахмет) — князь сибирский, сын Бекбулата, племянник Едигера (Ядигера). В 80-х годах XVI в. он возглавляет борьбу за наследственное владение и выступает против Кучумхана из династии чингизидов. В 1588 г. Сейдяк вместе с Ураз-Мухаммедом и Карач-мурзой был взят в плен и привезен в Москву. Дальнейшая его судьба не известна. (См.: *Г. Ф. Миллер.* История Сибири, т. I, с. 189—197, 274—276, 474—475).

[20] *Сибирь* (Искер, Кашлык) — город на Иртыше, выше впадения р. Тобола в р. Иртыш; в XVI в. культурный и политический центр Сибирского ханства, столица Кучум-хана. В окрестностях Сибири находились и другие города — Сузгун-тура, Бицик-тура. Название «Сибирь» дано русскими воеводами по имени всей страны, о которой первые сведения они получили от местных жителей. Город был взят Ермаком 26 октября 1581 г. и разрушен им дотла. Сведения о городище Искере, по результатам раскопок на нем, см.: *Б. Я. Пигнатти.* Искер-Кучумово городище. ЕТГМ, 1915, вып. 25; *А. А. Дмитриев.* Кучумов Искер на Иртыше. ИОАИЭКУ, т. XVI, вып. 3.

[21] *Царевич Казачьей орды Салтан* — см, Ураз-Мухаммед (коммент. 16).

[22] *Кучюм* (правильно: Кучум, ум. в 1598 г.) — сын Муртазы из династии золотоордынских шейбанидов, последний хан Сибирского Юрта. Завладел ханством около 1556 г., свергнув прежнего владетеля Едигера из династии Тайбуги. Владения Кучума простирались на юге до нынешней Северо-Казахстанской области, на западе до устья р. Туры (Тарханный городок), на юго-востоке до Барабинской степи, на севере граничили с Обско-Иртышским низовьем. Кучум обложил данью все народы, населявшие обширную Западно-Сибирскую равнину, ввел впервые мусульманскую религию. Однако местное население оказало сильное противодействие принуждению к принятию новой веры. Центром культурной и политической жизни ханства был город Искер (Кашлык, Сибирь). В 1581 г. был разбит Ермаком и отступил вверх по Иртышу. Выше Омска он основал новую резиденцию под названием Черный городок. На многократные предложения московских царей сдаться он неизменно отвечал отказом. Потерпев окончательный разгром в 1598 г., Кучум переселился в Ишимскую степь, затем к ногаям, где и умер. (См.: *Г. Ф. Миллер.* История Сибири, т. I, с. 197—201, 299).

[23] *Карача* (вернее, *карачи)* — не имя, а титул советника Кучума, потом Сейдяка; настоящее его имя — Кадыргали Жалаири.

Звание карачи в средние века давалось высшим сановникам, служащим при ханских дворах. На казахском языке существует специальная поговорка: «Хан қасында қарачи»—«Хан всегда с карачой». Карачи значит советник хана, его «думный». (См.: *Г. Ф. Миллер.* История Сибири, т. I, с. 274—275, 487).

[24] *Есипов Савва* — летописец, дьяк архиепископа Тобольского. Его летопись написана в 1636 г. и сохранилась в двух редакциях: основной и пространной. Основная редакция состоит из 35 глав, начинается с повествования о завоевании Сибири и заканчивается сообщением о смерти Кучума. В пространной редакции более подробно изложена деятельность Ермака и история завоевания Сибири. Летопись Есипова впервые широко использована историком Миллером, издана Г. И. Спасским, затем П. И. Небольсиным.

[25] *Улус* — первоначально племенной союз, образованный в пределах определенной (племенной) территории. В феодальную эпоху — удельные владения (улус Джучи, улус Чагатая и т. д.). В более широком значении под этим словом понимается государство, народ, нация. Всенародные праздники казахи раньше называли «Ұлыстан ұлы күні»—«Великий день улуса», т. е. праздник всего народа, нации.

[26] *Акназар* (Хакназар) (1538—1580) — сын Касыма, внук Аз-Джанибека, один из могущественных ханов XVI в. При нем происходит усиление и

централизация феодальной ханской власти, объединение сил казахов, киргизов и ногайцев против захватнических устремлений бухарского хана. Погиб в междоусобной феодальной войне.

[27] *Шигай* (ум. в 1582 г.) — сын Ядика (Джадика), внук Касым-хана, казахский хан второй половины XVI в. Находясь во вражде с ташкентским правителем Баба-султаном, он заключил дружественный союз с бухарским ханом Абдуллой и помогал ему в борьбе с Баба-султаном. Последний, преследуемый войсками союзников, бежал в Улутауские горы и там погиб. До конца своей жизни Шигай оставался единомышленником Абдуллы. За это бухарский хан пожаловал ему Кумишкент, где он умер в глубокой старости.

[28] *Касым-хан* (ум. в 1523 г.) — казахский хан, сын Джанибека, внук последнего владетеля орды Барак-хана. Наследовав ханство от отца, Касым-хан стремился возродить былое значение восточной части улуса Джучи (Орды). Он объединил под своей властью не только казахов, но и часть ногайцев, каракалпаков и киргизов. Касым-хан стремился укрепить систему удельного владения; богатейшие земледельческие области юга (бассейн Нижней Сыр-Дарьи, Каратау, районы Сайрама, Таласа и Чу) он раздавал своим родственникам и приближенным — сыновьям, братьям и крупным бекам, а сам обосновался в Каратале, расположенном недалеко от города Сыгнака.

В народных преданиях с именем Касым-хана связывается создание феодального кодекса законов — «Қасым ханның қасқа жолы» («Проторенный путь Касым-хана»). Текст свода до нас не дошел, народная легенда не передает полного его содержания, но из нее видно, что этот кодекс был направлен на укрепление феодальной собственности.

[29] *Джадек* (Джадик, Ядик) (XVI в.) — сын Джанибека, брат Касым-хана, родоначальник феодальной династии казахских ханов. Избран ханом еще при жизни Касым-хана, когда последний находился в преклонном возрасте. Погиб в междоусобной войне с ногайским мурзой Шигимом (Шах-Мамаем), погребен в Ургенче, возле мавзолея поэта Бакырган-Ата (Сулеймена).

[30] *Джанибек* (Аз-Джанибек, в литературе Абу Са'ид) (ум. в 1477 г.) — сын последнего владетеля орды Барак-хана, правнук Урус-хана, сумевший объединить древнеказахские племена, основатель Казахского ханства и один из его первых ханов. Объединение казахских племен произошло в середине XV в., после распада Золотой Орды (в Дашт-и Кыпчаке) и улуса Чагатая (в Средней Азии). Как основателю ханства, объединившему значительную часть казахского народа, ему было дано почетное прозвище Аз-Джанибек (Мудрый Джанибек).

[31] *Дженкинсон Антони* (XVI в.) — английский купец, дипломат, неоднократно посещал Москву и Московское государство, дважды ездил в Персию и Среднюю Азию. В 1558 г. через Астрахань и Мангышлак проезжал в Хорезм, был в Бухаре как представитель московской и английской торговой кампании и как официальный посол Ивана Грозного. Сохранился дневник его путешествия по Северному Прикаспию и Средней Азии, в котором он описывает бедственное положение ногайцев, пострадавших от джута и войны, а также победу казахского хана Акназара над Бухарой. (См.: Известия англичан о России. ЧОИДР, кн. IV, М., 1884, с. 1—105 и др.).

[32] *Бурундук* — сын Гирея, внук Джанибека, казахский хан, предшественник Касым-хана, управлял (конец XV в.) номинально, фактическая власть находилась в руках его двоюродного брата, сильного хана Касыма. Лишенный авторитета и власти, Бурундук оставил Дашт-и Кыпчак, переехал в Самарканд и там умер.

[33] *Шейбани-хан* (Мухаммед-Шейбани) (1451—1510) — сын Шахбодака, внук Абулхаира; основатель узбекского ханства и династии ханов-шейбанидов. Возглавил муждоусобную борьбу против казахского Касым-хана, организовал зимний поход (1509 г.) в Сузак и Улутау, но потерпел поражение. Погиб во время сражения с иранскими войсками под Мервом.

По Абулгази, Шейбани-хан был не только государственным деятелем и полководцем, но и незаурядным стихотворцем.

[34] میمنه *маймана,* میسره *майсара* — арабские термины для обозначения правого и левого крыла (флангов войскового строя), соответствуют тюркским *оң* и *сол,* монгольским *барунгар* и *джувангар.*

[35] *Кадергалибек* (правильнее: Кадыргалибек) — советник Кучума, затем Сейдяка. Кадыргалибек — сын Хошумбека, внук Темчик-бахадура, происходил из гребне-тамгового рода казахского племени жалаир. Перейдя в оппозицию к Кучум-хану, он вместе с Ураз-Мухаммедом примкнул к Сейдяку, усилив тем самым престиж последнего. Русские летописи сообщают, что Сейдяк «стал сильнее после того, как к нему пришли некий царевич Казахской Орды (Ураз-Мухаммед) и Карач-мурза, незадолго до того присоединившийся к нему». В 1588 г. во время «забавления ястребиной охотой на берегу реки Иртыша», Кадыргалибек вместе с Ураз-Мухаммедом и Сейдяком был взят воеводой Чулковым в плен и отправлен в Москву Здесь он составил известное сочинение جامع التواريخ «Сборник летописей» (см. ниже, комментарий 48 к «Извлечениям из جامع التواريخ »).

[36] *Джалаир* (казах. *жалайыр)* — представитель племени жалаиров — одного из древних и основных племен, входящих в состав Старшего жуза. По казахским генеалогическим преданиям, жалаиры — главнейшая ветвь племени уйсун. По исторической генеалогии основную линию жалаиров составляют чуманаки (чуйские племена), отождествляемые некоторыми учеными с древними чумгунь и сырманаками (сырдарьинские племена или огузы). Из других жалаирских родов интересно отметить имена киргиз, огуз, ак-марка, кара-марка*[1] (у древних огузов ак-коюнлу и кара-коюнлу*[2]), ельтезер и т. д. Наличие в составе жалаиров указанных племен достаточно убедительно говорит об их тюркском происхождении.

В раннем средневековье жалаиры, как одно из крупных племен, играли активную роль в истории Средней Азии, принимали деятельное участие в образовании династии в Средней Азии и Иране. После монгольского завоевания часть жалаиров переселилась в Зеравшанскую долину и слилась с узбеками. Казахи племени жалаир в основном расселялись в Семиречье, в долине р. Каратала, занимая территорию к югу от оз. Балхаша до Джунгарского Алатау (см.: *Н. Аристов.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов. ЖС, 1894, III—IV, с. 407—408, *С. Аманжолов.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, с. 43—46).

[37] *Огуз-хан* — легендарный родоначальник тюркских народов, в частности огузских племен, живущих в низовьях Сырдарьи (VIII—XI вв.). С его именем связана большая полулегендарная эпопея «Огуз-намэ», объясняющая родословную Огуз-хана, происхождение и развитие древнетюркских племен. Поэма переведена с тюркского на все основные языки мира.

[38] *Кунраты* (кунграты, правильнее — конграты) — древнее племя, известное с VIII—IX вв. Сыграло значительную роль в истории Средней Азии XIII—XVI вв. В улусах кочевых узбеков Дашт-и Кыпчака конграты, объединившие многочисленные тюркские роды, явились значительной политической силой.

Основная часть конгратов вошла в состав казахского народа, другая, незначительная часть, присоединилась к каракалпакам и узбекам.

Конграты входили в состав Среднего жуза, но в конце XVIII в., в связи с неблагоприятной политической ситуацией, отделились от него и присоединились к Старшему жузу. (См.: *А. И. Левшин.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, т. I. СПб., 1832, с. 160—165; *Н. И. Гродеков.* Киргизы и каракиргизы Сырдарьинский области.

---

*[1] Ақ-марқа — белый ягненок, қара-марқа — черный ягненок.

*[2] Ақ-қоюн — белый баран, қара-қоюн — черный баран.

Ташкент, 1889, с. 11; *А. Нурекин.* Аристократическая каста в кунградском роде. «Туркестанские ведомости», 1873, № 43; *Н. Наушабаев.* Манзумат Казакия. Казань, 1903, с. 27, на каз. яз.; *М. С. Муканов.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974, с. 58—65.

[39] *Найманы* — одно из древних, как считает большинство исследователей, тюркоязычных племен, игравшее активную роль в истории в период XII—XV вв. По Рашид ад-дину и Плано Карпини, найманы жили в горах Большого Алтая и на Иртыше, распространяясь на востоке до Каракорума, на западе до Чингисского хребта, который в то время назывался Найман-кух (Найманский хребет). Во время монгольского нашествия (начало XIII в.) часть найманов (балталы и баганалы) была оттеснена войсками Чингисхана и отошла к горам Улутау (Центр. Казахстан). В XIII—XV вв. найманы один из основных компонентов, составивших основу казахского народа. Небольшая их часть растворилась среди народов Средней Азии.

Основная масса казахских найманов живет на территории своих предков, занимая верхний Иртыш и местности от Западного Алтая до Тарбагатая. (См.: *J. Klaproth.* Magasin asiatique ou Revue géographique et historique de l'Asie Centrale et Septentrionale, publié par J. Klaproth, t. II. Paris, 1826, p. 326—328; *H. H. Howorth.* History of the Mongols from the 9 th to the 19 th century. V. I. London, 1876, p. 693; *Н. Аристов.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. ЖС, III—IV. СПб., 1896, с. 361; *К. Халитов.* Тауарих Хамса. Казань, 1911, с. 226—227; *Н. Наушабаев.* Манзумат Казакия...; *С. Аманжолов.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка..., с. 52—61; *P. Poucha,* Trindruct tisíc kilometru Mogolskêm. Praha, 1957, p. 128, 159).

[40] *Кыпчаки.* В XIII—XV вв. они составили основное ядро казахского народа, в который впоследствии влились и другие племена. В позднее средневековье часть кыпчаков переселилась на территорию, составляющую ныне Ферганскую область Узбекской ССР; небольшая часть кыпчаков вошла в состав киргизов, каракалпаков и башкир.

Основной регион проживания казахов из кыпчакского племени — Тургайская и Кустанайская степи и районы, примыкающие к Южному Уралу. Значительная часть их живет на Сырдарье, в Акмолинской, Павлодарской, Омской и Карагандинской областях. (См.: *Махмуд ал-Кашгари.* Диван лугат ат-турк, тарих та'лифи 466 сана-и хиджрийа. Мусаххих Келисли Му'аллим Риф'ат. Т. I, Стамбул, 1333/1915, с. 32; *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884; т. II, М.—Л., 1941).

Область кочевания кыпчакских племен достигала на западе до Причерноморских степей. Вся степная обширная территория от Иртыша вплоть до южнорусских степей была известна как Дашт-и Кыпчак («Степь кыпчаков») в XIII—XV вв. *В. В. Бартольд.* Сочинения, тт. 1,5. М., 1963, 1968; История Казахской ССР, т. 2. Алма-Ата, 1979.

[41] الاچ منكى *(алач мыңы* — тысяча алачей) — согласно «Сборнику летописей» Жалаири, союз крупнейших племен, наряду с канглами, жалаирами и катаганами, игравшими главную роль в Белой орде во время правления Урус-хана. Видимо, это первый союз казахских племен, так как в XV—XVI вв. указанный термин становится одним из этнонимов казахского народа. В Сборнике говорится: اورس خان نینك میمنه میسره بو ترور: یغنی میمنه اونك قول، میسره سول قول ایرور. اقوام قنقی ایرور ایکی سان نفر، اقوام الاچ منكی ایرور اوچ سان نفر قـوم قتغن. Далее отмечается, что «среди алач мыны главнейшие гребне-тамговые жалаиры»— الاچ منكی اراسندا اولوغی تراق تمغالی جلایر بولغای.

Приведя родословную главных беков из жалаиров, автор пишет: «Из алач мыны они [жалаирские беки] были главные» الاچ منكی نینك اغاسی بولا کیلکان بولار ترور

[42] قيغان يدا — этот перевод неточен, такого слова нет; Валиханов его не нашел ни в одном из тюркских языков. Правильно должно быть ايل قريغينا —'к границе государства'. Вся фраза читается: الارنينك الا كونكول بيلا تيل يايب ايل قريغينا يتا كيلكاندا ... —«[Мы знали]: когда они с злым умыслом, распространяя слухи, подошли к границе нашего государства...». Слово ايل قريغى — граница государства часто встречается и в средневековых памятниках; تيل يايماق, распространять слухи'. (См.: МСМА, ч. I—II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1938, с. 198).

[43] تيربامك — качать, шевелить, трогать — форма метатезы; точнее: تيبراماك — шевелить, волновать, возмущать. Речь идет о восстании, происшедшем в Золотой Орде. Правильно вся фраза читается так: اول يمان كشى لار بورون تيبراكان دين ايل تيبراب —«...от того, что эти дурные люди возмущались (تيبراب) и народ восстал». Слово تبرانماك، تيبراندى также зафиксировано в древнекыпчакских документах (См.: МСМА, с. 296).

[44] От арабского слова يتيم —'сирота, одинокий'.

[45] مونغانالدى — неточно, такого слова нет. В подлиннике написано: مونغالتدى *(мунғалтды)*—'огорчил, обидел, опечалил', в переносном значении—'наказал'. Слово مونك —'забота, печаль, горькая доля, участь', отсюда مونكسز —'беззаботный'. Слово тоже зафиксировано в древних актах. (См. МСМА, с. 241).

[46] بازاركان —'купец, торговец, гость'; в древнекыпчакских памятниках записано: بازاركانليق قيلدى —'[он] занимался торговлей' или زيان قيلدى بازاركان —'торговец потерпел убыток'. (См. МСМА, с. 271, 302).

[47] اورتاق —'компаньон, товарищ'; اورتاغ قيلدى انينك بيلا 'заключил с ним товарищество'; или اورتاغلاشتى انينك بيرله (اورتاقلاشتيلار) —'стали компаньонами'. (См. МСМА, с. 271).

В ярлыке сказано ясно, что речь идет именно о негоциантах Ягайла; اورتاقلارينك —'твои купцы'. Если бы имелись в виду купцы обеих стран, то стояло бы: اورتاقلاريميز —'наши купцы'. Следовательно, частицу притяжательного местоимения надо расшифровать как اورتاقلارينك а не اورتاقلارن (их купцов), так как ярлык обращен ко второму лицу (к Ягайлу), а не к третьему.

[48] *Кутлубуга* (Кутлу-бука, XIV в.) — золотоордынский бек, служивший при Тохтамыше в качестве посланника (эльчи) в восточноевропейских государствах.

[49] اولوس بكى، ايل بكى. — По турецкому словарю Вефик-паши улус делится на или, иль — на уймаки, уймак — на бои, бой — на уруки (роды). *Бартольд В. В.* Сочинения, т. II, ч. 2, с. 394.

[50] نفر — букв. «группа, люди» (араб.), счетное слово для людей — «[столько-то] человек».

[51] يساول *ясаул* (монг.) — лицо, ведавшее расстановкой войск в бою и на парадах и вообще делами воинов (отсюда русское 'есаул'). Ясаулы занимались также подсчетом военной добычи и брали из нее часть, принадлежащую хану. قاراول (или قراول) *караул*, из монг. харул — первоначально обозначало обязанности загонщика или наездного в облавной охоте; в военной терминологии у кочевников — передовой отряд, кото-

рый начинает сражение или сообщает о появлении неприятеля, а также сторожевая (караульная) служба, часовые и т. п.

[52] О времени появления и значении термина «казах» см.: *Самойлович А.* О слове казах.— Антропологические очерки. Л., 1927; *Ибрагимов С. К.* Еще раз о термине «казах».— Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, т. 8. Алма-Ата, 1960.

[53] *Казаклык* (казачество) — образ жизни казака, т. е. человека, по какой-либо причине ушедшего от своего племени, рода или потерявшего власть и скитавшегося на окраинах государства, юрта или на чужбине и часто добывавшего себе средства на жизнь своим оружием.

[54] *Абулгази* (1603—1663) — хивинский хан и писатель XVII в. Знаток истории тюркских народов Средней Азии и Казахстана, автор известных сочинений «Шаджара-и турк» («Родословная тюрков») и «Шаджара-и таракима» («Родословная туркмен»). Подлинник «Родословной тюрок» впервые найден в Тобольске в 30-х годах XVIII в. и после выдержал ряд изданий на русском и европейских языках. Одним из наиболее ранних изданий является перевод Тредиаковского с французского перевода в 1770 г. Первое издание книги в России осуществлено в 1825 г. по заданию министра иностранных дел Н. П. Румянцева, отчего оно прежде называлось «румянцевским». Лучший перевод сочинения Абулгази, сделанный проф. Казанского университета Г. Саблуковым, впервые напечатан в III части «Библиотеки восточных историков», издававшейся И. Н. Березиным (СПб., 1850), затем в 1904 г. вышел отдельным изданием.

[55] Новейшие исследования о времени образования казахской народности подтверждают мнение Ч. Валиханова. Совокупность исторических, археолого-этнографических, антропологических и лингвистических источников позволяет утверждать, что процесс образования казахской народности в XIV—XV вв. в основном завершился. (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1979, т. 2, с. 255).

[56] *Кятиб* (Катиб) *Челеби* (Хаджи Хальфе Мустаф, 1608—1657) — турецкий ученый, историк и географ, автор сочинения «Зерцало мира» (1732 г.) — كتاب جهان نما لكاتب چلبى. استانبول، ١١٤٥. На основании данных этой книги Валиханов составил схематическую карту Средней Азии XVI—XVII вв. Карта эта хранится в Архиве АН СССР (ф. 23, оп. 1, ед. хр. 17, л. 49).

[57] *Клапрот Генрих Юлий* (1783—1835) — известный ориенталист, путешественник, автор многочисленных работ по истории тюркских и монгольских племен. С 1802 по 1811 г. провел в России. В 1806 г. был избран членом Российской академии наук. Участвуя в посольстве графа Головина в Китай, изучал язык и быт сибирских народов, а также монголов, маньчжуров и китайцев. Его труды широко использовались русскими ориенталистами в своих исследованиях по Центральной Азии. Многие из них поддерживали с Г. Ю. Клапротом тесные научные контакты. Ч. Валиханов, подобно многим своим предшественникам, в своих трудах неоднократно ссылается на его работу «Tableaux historiques de l'Asie, depuis la monarchie de Cyrüs jusqu'à nos jours; accompagnées de recherches historiques et ethnographiques sur cette partie du monde. Paris — Londres — Stuttgart — Gotha, 1826.

[58] *Дай-цин-И-тун-чжи* —«Общее обозрение Дайцинской (Маньчжурской) империи». Историко-географическое описание Китая и подвластных земель при маньчжурской династии в XVIII в. По изданию 1774 г. и по следующим изданиям состоит из 24 томов и 356 глав. Монголии и Синьцзяну посвящены главы 344—356.

[59] *Сенковский Осип* (Юлиан) *Иванович* (1800—1858) — русский ориенталист, критик и журналист. С 1819 г. состоял при русском посольстве в Стамбуле, позже совершил ряд путешествий по Сирии и Египту, где изучал арабский язык. В 1822 г. Сенковский заведывал кафедрой восточных языков в Петербургском университете. Издал ряд работ по истории, этнографии и филологии мусульманского Востока, написанных на фран-

цузском и польском языках. С 1833 г. Сенковский известен как беллетрист, сотрудничавший под псевдонимом «Барон Брамбеус» в юмористических журналах.

[60] *Бабер* (правильно: Бабур) Захир ад-дин Мухаммед (1483—1530) — потомок Тимура, сын правителя Ферганы Омар-Шейха. Двенадцати лет унаследовал от отца его владения, но в результате междоусобных войн был оттуда изгнан. В 1525 г., после тщательной подготовки, вторгся в Индию, в 1526 г. захватил Дели и Агру, В дальнейшем, распространив свою власть на большую часть Индии, основал государство великих моголов. Бабур оставил свои мемуары в виде историко-художественного произведения —«Записки Бабура» (Бабур-наме), написанные на староузбекском (чагатайском) языке. Текст его мемуаров впервые издан в 1867 г. Н. И. Ильминским в Казани. Перевод на русский язык (М. Салье) издан в 1948 г. в Ташкенте. Кроме «Записок», Бабуру принадлежит сборник лирических стихотворений «Диван» (издан факультетом восточных языков Петроградского университета в 1917 г.; перевод на русский язык (Л. Пеньковского) издан в 1943 г. в Ташкенте).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЗАИЛИЙСКОГО КРАЯ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 9—17. Беловая копия рукописи хранится в архиве ВГО (разряд 70, оп. 1, д. 14, лл. 1—15). Две другие копии (черновая и беловая) хранятся в архиве Ч. Ч. Валиханова (ААН, ф. 23, оп. 1, д. 12, лл. 1—8 об.; д. 22/3, лл. 22 об., 35 об.).

Беловые копии идентичны, они отличаются от черновой более четким построением и важными разночтениями. Видимо, это одна из первоначальных редакций. В беловике ААН немало ошибок, допущенных переписчиком.

Черновая копия ААН переписана в отдельную тетрадку школьного формата небрежно и со множеством ошибок. В конце тетрадки имеются заметки без заголовков, не связанные с «Очерком Заилийского края». Черновая копия, видимо, снята с разрозненных листов, а потому местами нарушена первоначальная авторская пагинация. Но кое-где встречаются интересные разночтения с беловиком.

Авторство Ч. Валиханова устанавливается, во-первых, его ссылкой на эту работу и, во-вторых, повторением мыслей, высказанных в «Очерке Заилийского края», в других работах. Например, в «Очерке Заилийского края» он писал: «Зима 1853 года — первая зима, проведенная русскими за Или, была самая жестокая, какой не припомнят киргиз-кайсацкие старики. Это подает повод кайсакам очень оригинально думать, что русские так сроднились с зимой, что не могут с ней расстаться и таскают ее за собой». (ААН, ф. 23, оп. 1, д. 12, л. 4). Эта же мысль высказана и в «Кульджинском дневнике»: «Зима 1853 г. памятна в этом крае... киргизы говорят, что такой зимы они не помнят, и уверяют, что русские возят с собой холод». (См. *Ч. Ч. Валиханов.* Собрание сочинений, т. II. Алма-Ата. 1962, с. 96).

Самым веским доказательством авторства Ч. Валиханова является то, что в своей обзорной работе «Географический очерк Тянь-Шаня и бассейна оз. Иссык-Куль», в которой дано описание всех рек, берущих начало в Тянь-Шане, Ч. Валиханов нарочито опускает бассейн Или, приводя только ссылку на свои прежние работы «О Большой киргизской орде» и «Заилийском крае» (см.: Собр. соч., т. 1..., с. 316). Эти две работы дошли до нас в виде копий в одной тетради (ААН, ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 4—9 и лл. 22 об.—35 об.).

Работа написана не позднее 1855 года.

[1] *...длинную полосу земли, лежащую между рекою Или и снежным хребтом Кунгей-Алатау.*— В начале пятидесятых годов географического термина «Заилийский Алатау» еще не было, вместо этого во всех географических сочинениях, в том числе в трудах П. П. Семенова, А. Ф. Голубева, И. И. Захарова, Ч. Ч. Валиханова и других, употреблялось «Кунгей-

Алатау». Исследователи были убеждены, что Алма-Атинский хребет и Кунгей-Алатау одно и то же. Дифференциация на Заилийский и Кунгей-Алатау произошла позднее. Заилийский хребет казахи раньше называли Алматы-тауы (Алма-Атинский хребет).

[2] *Камау* — дельтовая часть реки Или, непосредственно примыкающая к южному берегу Балхаша.

[3] *...Большим Алатау.*— Имеется ввиду весь массив Северного Тянь-Шаня в противоположность Джунгарскому, или Малому Алатау.

[4] *...выше Малого Алатау* (Кичи-Алатау) — одно из исторических названий Джунгарского Алатау.

[5] *...Заиссыккульскому Кыргызнын-Алатау.*— Речь идет о Терскей-Алатау, огибающем озеро Иссык-Куль с южной стороны.

[6] *...песками Каракум...*— не совсем точное определение. От западной оконечности Каратау до Приаральских Каракумов лежит еще огромная пустыня и низменность, заключающая в себе долины рр. Чу, Сарысу и озеро Тели-Куль. Каратау оканчивается в районе Нижней Сырдарьи, недалеко от ее правого берега.

[7] *...озеро Джасылкуль.*— Настоящее название горного озера, которому впоследствии было присвоено неточное имя «Иссык», его часто путают с названием озера Иссык-Куль. *Иссык* (собственно: Есік) — название не озера, а речки, берущей начало из озера Джасылкуль.

[8] *По сходе снегов у подножия Алатау волости кайсацкие выступают на эти урочища...*— т. е. занимают урочища, расположенные вдоль северного подножья Заилийского Алатау с востока на запад (Кеген, Турген, Талгар, Каскелен, Курдай).

[9] *...называется Курган-тюбе.*— Речь идет об одном из Талгарских городищ, расположенном при выходе р. Талгар из гор на равнину. Городище сейчас снивелировалось.

[10] *При самом исходе из гор Талгара есть еще развалины древнего укрепления.*— Имеется в виду Верхнеталгарское городище, теперь находящееся в черте города Талгара.

О КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ БОЛЬШОЙ ОРДЕ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 9—17. Рукопись хранится в ААН (ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 4—9). Существует беловая копия в Архиве ВГО (разряд 70, оп. 1, д. 14), восходящая к другой, ныне отсутствующей. Публикуемая копия датируется 1854—1855 гг., т. е. временем занятия Заилийского края и основания укрепления Верного. В составлении этой серии, видимо, принимал участие и Г. Н. Потанин, который также интересовался вопросами истории, географии, этнографии и культуры Казахстана. Возможность совместного написания подтверждается словами Г. Н. Потанина. Он пишет, что при беседе с Чоканом «все что меня заинтересовало, я начал записывать для памяти; сначала я носил эти записки в кармане... Впоследствии... завел большую тетрадь. В это время география и этнография Киргизской степи сделались для меня любимым занятием и Чокан помогал мне наполнять тетрадь своими рассказами. Таким образом, мы занесли в нее обстоятельное описание соколиной охоты у киргизов... Он рассказывал, я записывал». (См.: Сочинения Ч. Ч. Валиханова, СПб., 1904. с. XVI). Вполне вероятно, что статьи, входившие в тетрадь Г. Н. Потанина («Составные части киргизского пороха», «О хлебопашестве», «Юрта», «О киргиз-кайсацких могилах»), записаны им под диктовку Ч. Ч. Валиханова, и в них проявилась индивидуальная манера письма Г. Н. Потанина. В некоторых рукописях имеются абзацы, приписанные позднее рукой Г. Н. Потанина. Название дается на основании ссылки Ч. Валиханова на эти работы (см. ССВ, т. 1, с. 316).

[1] *...об этих разделениях будет подробнее объяснено в своем месте.*— Это обещание автора, к сожалению, не нашло отражения ни в черновом, ни в беловом варианте.

[2] *Владения народов уйсунь, уйгуров, джунгар сменяли одно другое.*—

Уйгуров и джунгар нельзя считать основными аборигенами Семиречья. Коренными жителями его с древнейших времен были племена, входившие в усуньскую конфедерацию, восходящие в свою очередь к своим предкам — семиреченским сакам. С VI—VIII вв. в числе основных жителей Семиречья были известны чигили, тюргеши, карлуки, ягма и некоторые другие, которые, как и их предшественники, оставили курганы, городища, надписи на камнях и т. д. Джунгарское завоевание Семиречья было кратковременным (первая половина XVIII в.).

[3] *...Последний народ был завоеван китайцами в 1755 г...,*—Ч. Ч. Валиханов допускает фактическую ошибку в отношении времени разгрома Джунгарского ханства. В начале 50-х гг. ойратские войска во главе со своим предводителем Амурсаной продолжали ожесточенное сопротивление Цинской армии и только в 1758 г. после ряда серьезных поражений Джунгарское ханство было окончательно уничтожено и вошло в состав империи Цинов (см.: *И. Я. Златкин.* История Джунгарского ханства. 1635—1750 гг. Изд. 2-ое. М., 1983, с. 279—304).

[4] *...султан Рустем* — современник героя поэмы Джамбула Сулатая. Они боролись за свободу и независимость казахов Большой орды от Китая и Кокандского ханства. Из архивных документов явствует, что впоследствии Сулатай занял несколько иную позицию.

[5] *...Тойчубеково укрепление* — военная крепость, построенная Тойчубеком на берегу Аксая у подножья Заилийского Алатау. Тойчубек — крупный казахский феодал, управлявший казахами племен чапрашты и дулат, ставленник Кокандского ханства. Укрепление разрушено отрядом Карбышева в 1861 г.

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОГО ПОРОХА

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 21. Рукопись, переписанная ранним почерком Г. Н. Потанина, хранится в ААН (ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл.1—4).

Входит в серию статей о «Заилийском крае и Большой орде» и датируется по аналогии 1855 г. (см. легенды к статьям «Географический очерк Зайлийского края» и «О киргиз-кайсацкой Большой орде»).

Работа дошла до нас в трех копиях, из которых две хранятся в архиве Ч. Ч. Валиханова (ААН, ф. 23, оп. I, д. 22/3, лл. 1—4 и д. 8, л. 26—26 об. и третья беловая — в архиве ВГО (разряд 70, оп. 1, д. 14, лл. 33—35).

[1] *...«калмыцких курганов».*— Условный термин, которым казахи называли памятники языческого периода. Он возник в период распространения ислама, который прививал отвращение ко всему домусульманскому.

[2] *...заключается ли в ней селитренное начало...*— Речь идет о калийной селитре, отчасти фосфоре желтого и коричневатого цветов, который казахи добывали на развалинах старых зимовок и кладбищ, где в результате большого скопления костей образовались селитренные корки с вкраплениями фосфора.

О ХЛЕБОПАШЕСТВЕ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 22—26, основанием для которого была рукописная копия — Архив ВГО (разряд 70, оп. 1, д. 14, лл. 42—49). Другая копия хранится в архиве Ч. Ч. Валиханова — ААН (ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 9—15). Публикуемая копия имеет важные разночтения, в частности о сельскохозяйственных орудиях у казахов и способе хранения зерна, которых нет в другой. Очевидно, она скопирована с третьей первоначальной редакции, и поэтому мы взяли ее за основу.

Эта статья входит в серию работ о «Заилийском крае и Большой орде», написанных, по-видимому, вместе с Г. Н. Потаниным, она датируется также 1855 г.

[1] *...находясь под влиянием ташкентцев, кайсаки не могли не перенять у них хлебопашества...*— Вслед за многими русскими учеными Ч. Валиханов традиционно объяснил начало распространения земледелия у каза-

хов влиянием внешних факторов, в том числе заимствованием у соседей. В советской историографии в связи с введением в научный оборот широкого круга разнообразных источников наряду с этой точкой зрения существуют и иные взгляды, согласно которым развитие земледелия в Казахстане имеет местную основу (см. Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв. Алма-Ата, 1980, с. 137—249).

[2] *В Большой орде сеют преимущественно просо...*— Просо (тары) казахи употребляли преимущественно зимой. Из него они делали талканы, тарыкоже (квашеный напиток на просяном отваре), ботку (кашу на молоке).

[3]*...посев пшеницы китайской недавно введен...*— Ч. Валиханов, по-видимому, не располагал более ранними источниками о казахском земледелии в Среднем и Старшем жузах. В частности, в материалах сотрудников академических экспедиций 1768—1774 гг. (И. П. Фальк, X. Барданес) имеются сведения о сравнительно широком использовании китайской пшеницы в хозяйстве казахов указанных районов еще в середине XVIII в. (см. ААН СССР, ф. 3, оп. 35, д. 25а, лл. 451—452; д. 29).

[4] *Чалаказаки* (чала-казахи) — в этническом отношении — это потомки казахов, имеющие смешанное происхождение, для них характерен полуоседлый образ жизни.

ЮРТА

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 26—28. Рукопись, переписанная ранним почерком Г. Н. Потанина, хранится в ААН (ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 15 об.—20 об.). Имеются еще две копии: одна —ААН (ф. 23, оп. 1, д. 8, лл. 27—28) и другая — архив ВГО (разряд 70, оп. 1, д. 14, лл. 50—55). Публикуемая рукопись относится к группе статей о «Заилийском крае и Большой орде», датируется 1854—1855 годами.

[1] *Окружность юрты состоит от двух до восьми решеток...*— Допущена неточность. Юрты обычно состоят минимум из четырех, максимум из девяти или двенадцати решеток.

[2] *...тюндюк... изнутри... подымается против ветра, чтобы заградить его.*— Здесь вкралась неточность. Для защиты от ветра надо опустить тюндюк. Вероятно, речь идет о том, как осветить юрту во время проливного дождя, чтобы в нее не попал дождь.

[3] *...с фигурными клапанами, пришиваемыми за оба конца к кошме.*— Речь идет об украшении узука, называемого додеге.

[4] *Баскур* — ковровая полоска, с помощью которой укрепляется не узук, а остов юрты; им опоясывается верхняя часть кереге. Более подробные сведения о внутреннем убранстве юрты, о истории ее возникновения см.: *М. С. Муканов.* Казахская юрта. Алма-Ата, 1981.

О КИРГИЗ-КАЙСАЦКИХ МОГИЛАХ (МОЛАХ) И ДРЕВНОСТЯХ ВООБЩЕ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 29—38, основанному на рукописной копии — ААН (ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 36—47). Имеется еще беловая копия архива ВГО (разряд 70, оп. 1, д. 14, лл. 17—32). Она является одной из статей, входящих в серию работ о «Заилийском крае и Большой орде». Датируется 1855 годом. См. *Г. Н. Потанин.* Киргизские могилы. XXII иллюстр. приложение к газете «Сибирская жизнь». 1903, № 211 (Томск); *P. P. Semenoff.* Die Gräber bei den Kirgisen.— Mittheil. d. geograph. Gesellschaft. Wien. 1871, S. 199.

[1] Молой казахи называют памятники, построенные из неровного камня или кирпича-сырца и относящиеся к позднему средневековью. Памятники, сооруженные из жженого кирпича, они называют кумбез, кешен кесене, там. Подобные типы памятников бытовали на протяжении столетий (X—XX вв.).

[2] *Кулан-хан* — султан Кулан Адилев, внук Аблая, умер в 1831 г., считается родоначальником албановских и сувановских казахов.

[3] *Сюк* (точнее: Суюк) — сын Аблай-хана, в конце XVIII и в первой четверти XIX в. управлял казахами Большой орды, в начале 20-х годов изъя-

вил желание добровольно вступить в российское подданство. Развалины его мавзолея находятся севернее г. Талды-Кургана, против изгиба р. Каратал.

[4] *могила Абулхаир-хана* (точнее: мавзолей Абулхаира).— Мавзолей неоднократно был описан русскими путешественниками, построен в традиционной форме древних мавзолеев с квадратным основанием, на котором покоится конический свод.

[5] *...выстроены чалаказаками (выходцами ташкентскими).*— Речь идет о ташкентских казахах, потомки которых живут в Сары-Агачском, Келеском, Бостандыкском и Пахта-Аральском районах. Из их среды действительно вышло много хороших строителей.

[6] *Новые могилы имеют две главные формы: одиночную и курганообразную...*— Имеются в виду одиночные и групповые кладбищенского типа могильные сооружения. Казахское кладбище состоит из наружной ограды, своей формой напоминающей крепостную стену (курган) с угловыми башнями.

[7] *...укрепленными наружным траверзом* (траверсом).— Наружная стена, служащая защитой чего-либо, в данном случае внутренних строений — могильных насыпей, саркофагов, склепов, купольных мавзолеев и т. д.

[8] *...Улутавских вершин...*— Речь идет об одной из вершин гор Улутау, которая называется Едыге.

[9] *...в Каракоруме...*— Первоначально (VII—IX вв.) — резиденция уйгурских каганов, в XIII—XIV вв.— столица монголов.

[10] *Булган-Ана... небольшое здание с куполом.*— Сейчас купола нет, сохранились только четыре стены с аркой.

[11] *Кашана* (Кешене, Кесене, Кешен).— Речь идет об известном сооружении в Кустанайской области, исследованном проф. Петри.

[12] *Урдабай.*— Древнее сооружение Урдабай очень заинтересовало Чокана Валиханова своим сходством с известным надгробием на р. Аягуз — мавзолеем Козы-Корпеш и Баян-Сулу. В дневнике он записал: «Нужно осмотреть Урдабай — древнюю могилу с истуканом. [Она находится] на дороге от Аксу к Карасуйскому пикету». Это был первый из семи объектов, которые он хотел осмотреть. (См.: ААН, ф. 23, оп. 1, д. 13, л. 31).

[13] *...есаула, ходившего в Коканд.*— Подразумевается хорунжий Н. И. Потанин, сопровождавший в 1829 г. кокандское посольство.

[14] *...косвенно поставленные плиты с отверстиями...*— Имеются в виду большие бегазинские ограды эпохи бронзы, сложенные из огромных гранитных плит. Исследованы в 1947—1950 гг.

[15] *На пути из Каркаралов в Актав встречается множество гробниц, составленных из...*— Памятники этого типа относятся к ранним периодам эпохи бронзы (XVI—VIII вв. до н. э.). Большая часть из них теперь исследована Центрально-Казахстанской экспедицией Академии наук Казахской ССР.

[16] *Ров... длиною верст на 900: ...вероятно, ...это граница темучиновых улусов.*— Вопреки народным преданиям, такое толкование логично. Создание огромного искусственного рва протяженностью от Тарбагатайских гор до р. Или в казахских народных преданиях связывают с облавной охотой. Подтверждение этому можно найти в записках среднеазиатских авторов XIII—XVI вв. Ясно, что перегораживать рвом такую огромную территорию не имело никакого политического и экономического значения для Темучина. По народным преданиям, рытье этого грандиозного рва длилось на протяжении нескольких поколений, т. е. в течение ряда столетий. Основным сюжетом этой легенды является умерщвление Джучи стаей куланов во время охоты и обет отца-властелина истребить за это их всех.

ЗАМЕЧАНИЯ НА ТРЕТЬЮ ЧАСТЬ ОПИСАНИЯ КИРГИЗ-КАЙСАЦКИХ ОРД (А. И. ЛЕВШИНА)

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 39—41. Рукописная копия хранится в ЦГАЛИ (ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 229—232) и находится в группе материалов, принадлежащих Ч. Ч. Валиханову. Она хранится в архиве проф.

В. В. Григорьева (ф. 159) (см. легенду к заметке «Зимние кочевки волостей Каркаралинского внешнего округа»).

По-видимому, это одна из первых рецензий Ч. Валиханова, написанная еще на последнем курсе кадетского корпуса (1853 г.), когда Ч. Валиханов и Г. Потанин зачитывались Палласом, Левшиным и другими известными авторами.

В рецензии отмечены лишь фактические промахи А. И. Левшина. Малоопытный юноша только вскользь говорил об ошибочности некоторых взглядов и суждений почтенного историка, труды которого уже в XIX в. стали библиографической редкостью.

ПЕСНИ УРАКА

Казахский текст представляет собой автограф Валиханова с его же поправками и дополнениями. Впервые был опубликован в 1961 г. по черновому автографу — ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, № 469, лл. 27—28. Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 188—195. Русский перевод песен Урака сохранился в двух списках — черновой автограф (лл. 25—26) и авторизованная копия (лл. 23—24). Точная дата работы неизвестна, приблизительно она относится к 1854—1855 гг.

[1] *Урак* — ногайский батыр. По толкованию Валиханова, батыр Среднего жуза, рода караул (см.: *Ч. Ч. Валиханов*. Сочинения. Под ред. Н. И. Веселовского; ЗРГО, ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, с. 225).

[2] *Каракула* — В казахском тексте имя богатырского коня Кара-Кула (темно-саврасый), в переводе Кара-Кулан — не совсем точно. В русском переводе имя это дается нами так, как написано оно в казахском тексте.

[3] *Азраил* — ангел смерти, по библейской легенде.

[4] *Саркесан, Тельсары* — названия богатырских коней.

[5] *...лучше, когда нет плода, нежели зелень.*—«Лучше, когда яблоки (плоды) зеленые, нежели белые (т. е. спелые)».

[6] *О! Лучше б единородная моя, злосчастная голова не была бы вовсе на свете.*— В казахском оригинале: «(О, родная), лучше бы не родиться, чем быть одиноким, злосчастным».

[7] *Карабатыр говорит.*— В казахском оригинале: Исповедь Кара-батыра.

[8] *Дикоговоряших чурчутах...*— В казахском тексте: «Непонятно говорящих чурчутов». Под чурчутами обычно понимаются маньчжуры.

[9] *...я одному себе обратил.*—Т. е. заставил слушать, подчинив себе.

ТЕНКРИ (БОГ)

Черновые наброски, написанные Валихановым в начальный период его деятельности, вероятно, в 1854—1855 гг. после путешествия по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. В связи с проектом Гасфорта «О введении переходной религии» для казахов в 1854—1855 гг. Валиханов усиленно изучал древние верования казахов и записывал все обряды и легенды, связанные с ними.

Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 188—195, основанием для которого был черновой автограф — ЦГАЛИ, ф. 159, оп, 1, № 179, лл. 199—204, имеется позднейшая копия, отредактированная проф. Н. И. Веселовским (ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, № 491, лл. 1—7). Текст чернового автографа сложный, испещрен многочисленными пометками автора. Впервые наброски опубликованы в Сочинениях Ч. Ч. Валиханова (ЗРГО, ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, с. 274—282).

[1] *Для того, чтобы дать джан (присягу), разводят в двух местах огонь, проводят между этих двух огней и заставляют целовать дуло ружья, из которого убит человек.*— Форма клятвы, сохранившаяся с доисламских времен. Освящение огнем описывается у Менандра при посещении византийским послом Земархом ставки тюркского кагана Дизабула (VI в.).

В древности, разумеется, клятва произносилась не на ружье, а на сабле, мече — обычай, сохранившийся до наших дней у многих народов. Особое значение, которое придавалось предметам, связанным с убийством

врага, засвидетельствовано также с глубокой древности в сакской кочевой среде. Данью исламу, который существовал у казахов только в компромиссе с языческими верованиями, была клятва на Коране, который в этом случае воспринимался как «священный предмет» наряду с предметами доисламского культа.

[2] *При выносе покойника... обводят около него домашнюю утварь...*— До принятия ислама казахи погребали вместе с покойником некоторые предметы домашней утвари и пищу. Обычай сохранился с доисламского времени до конца XIX в.

[3] *...колоть копьями и рубить дерево юрты...*— Юрта без хозяина считалось символом несчастья. В древнее время ее предавали огню.

[4] *Джаурунчи* — гадатели на овечьей лопатке, прокаленной на огне. Гадатель предсказывает будущее по форме трещин, которые образуются на лопатке в процессе ее сожжения. Гаданье по бараньим лопаткам широко распространено среди монгольских и тюркских народностей Центральной Азии и Сибири.

[5] *Кумалакчи* — гадатели на кумалаках (шариках). Это был наиболее распространенный способ гадания у казахов. Он заключался в следующем: кумалаки, или круглые камешки, последовательно раскладывались определенным образом в три параллельные линии. Кумалакчи говорит о результатах гадания, основываясь на сочетании шариков в этих трех линиях. Общее количество шариков — обычно 41 (число, ставшее традиционным).

[6] *Даниил* — один из четырех библейских пророков. Согласно библейской легенде, был уведен вавилонянами в плен, где прославился верностью своему народу и приобрел репутацию прорицателя.

[7] *...или [употребляет] целый рот табаку.*— Имеется в виду распространенный у казахов и других тюркских народов способ употребления особо изготовляемого табака (насыбай), который закладывается за губу или под язык.

[8] *...одноглазым царем албастыев.*— Казахские легенды об одноглазом великане (циклопе) представляют собой особый вариант мирового сюжета о Полифеме, происхождение которого относится к глубокой древности. Н. Остроумов приводит о циклопах два рассказа, которые будучи оригинальными произведениями устного творчества казахов, вместе с тем своими подробностями напоминают повествование Гомера о встрече Одиссея с циклопом Полифемом. (См.: *Н. П. Остроумов.* Новые варианты сюжета о Полифеме (Одноглазе). Киргизские рассказы. ЭО, 1891, № 9, с. 202—207; *его же:* Одиссеев Полифем в киргизских сказках. СА, 1910, III,с. 61—64; *Л. С. Берг.* Киргизское сказание о циклопе. ЭО, 1915, № 3—4, с. 62—67).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ О БАТЫРАХ XVIII в.

Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 220—227. Автограф не сохранился. Текст был напечатан по отрывочной рукописной копии — ЦГАЛИ. ф. 118, оп. 1, д. 491, лл. 1—32, и опубликованному ранее тексту в ЗРГО (СПб., 1904, т. XXIX).

Мысль о собирании казахских исторических преданий зародилась у Валиханова еще в 1852 г. во время учебы в Сибирском кадетском корпусе. По словам Г. Н. Потанина, над этим вопросом Валиханов не раз размышлял. «Он мечтал сделать открытия в древней истории Востока посредством данных, которые представляют народные предания и остатки киргизской старины». Вероятно, работа написана в 1855—1856 гг. С некоторыми искажениями она впервые опубликована в Сочинениях Ч. Валиханова (ЗРГО ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, изд. под ред. Н. И. Веселовского).

[1] *Аблай-хан* (1711—1781 гг.) — казахский хан Среднего жуза, один из наиболее авторитетных государственных деятелей в Центральной Азии нового времени. В первой половине XVIII в. приобрел большое влияние среди казахов благодаря своим умственным и организаторским способностям, особо проявившимся в борьбе с джунгарами. В 1740 г. принял российское подданство. Источники характеризуют Аблая как дальновидного

политика, деятельность которого была объективно направлена на создание централизованного и самостоятельного казахского государства. В 1771 г. он был избран ханом Среднего жуза и в 1778 г. официально утвержден в этом звании Российским правительством (см.: *Н. Г. Аполлова*. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII— начале XIX в., М., 1960; *В. Я. Басин*. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971; *В. С. Кузнецов*. Цинская империя на рубежах Центральной Азии, вторая пол. XVIII— первая пол. XIX в. Новосибирск, 1983).

[2] *Джунгары* (ойраты) — под этим названием были известны западно-монгольские племена; соседние тюркоязычные народы называли их калмыками. В первой половине XVII в. эти племена составили сильный союз — Джунгарское или Ойратское государство, оттеснившее на второй план восточных монголов. Ойратское государство достигло наивысшего могущества в конце XVII в. и в первой половине XVIII в.— в период правления ханов Батура, Цеван-Рабтана и Галдан-Цэрэна.

[3] *Джанатай* (точнее Жантай) — батыр Среднего жуза, рода канжигалы (XVIII в.). В ряде исторических и поэтических преданий и спевах устного народного творчества казахов фигурирует как герой борьбы с джунгарами. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., Алматы, 1948, 307—308 б.).

[4] *Богенбай* — батыр Среднего жуза, рода канжигалы (его прозвище Канжигалы карт Богенбай). Один из организаторов и руководителей казахского народного ополчения в борьбе с джунгарами (20—30-е годы XVIII в.) О нем сложено в устном народном поэтическом творчестве казахов много легенд и преданий. Широко известна историческая поэма «Богенбай», возникшая на основе преданий и исторических спевов о нем.

Восхваление подвигов Богенбая, а также других известных героев борьбы с джунгарами — Кабанбая, Казбека и др.— в исторических преданиях XVIII в. сопровождается большой идеализацией этих образов в соответствии с традициями героического эпоса. В этих идеализированных образах Богенбая, Кабанбая и других батыров, лишенных каких-либо отрицательных черт, которыми в той или иной степени обладали их прототипы — реальные исторические личности, отразились чаяния народа, мечтавшего об идеальном герое, защитнике простых людей от чужеземных завоевателей. (См.: *С. Аманжолов*. Богенбай-батыр. Алматы, 1946).

[5] *Бухар-джирау* (правильнее, жырау) Калкаманов (1693—1787) — известный казахский певец-импровизатор, автор многих песен дидактического характера, получивших большую известность.

Несмотря на классовую ограниченность творчества Бухар-жырау, выражавшего интересы патриархально-феодальной верхушки казахского общества, в его произведениях нашли верное отражение отдельные исторические события того времени. Он воспевал освободительную борьбу казахского народа против джунгар и народных героев этой борьбы — Богенбая, Кабанбая, Джаныбека и др. Будучи тесно связанным с ханом Аблаем, Бухар-жырау поддерживал и одобрял его политику лавирования между Россией и Китаем. Лишь в конце своей жизни он подошел к пониманию необходимости союза с Россией.

В творчестве Бухар-жырау появляются элементы, ставшие потом свойственными казахской письменной литературе. (См.: «История казахской литературы», т. 2, Алма-Ата, 1979, с. 33—51).

[6] *Талкын* (Талкан, Талкы) — военная крепость около Хоргоса, недалеко от Кульджи.

[7] *Пройти Кульджаном* — т. е. вырваться из рук врага, искусно ведя бой, проявляя ловкость и отвагу (от имени древнего богатыря Кульджана, бесстрашного воина и замечательного тактика).

[8] *Хан-Баба* (XVIII в.) — сын знаменитого Барака, соперника хана Абулхаира. В исторических преданиях символизирует тип малодушного, бесславного воина. (См.: *А. И. Левшин*. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, т. II, СПб., 1832, с. 63)

[9] *Татикара-джирау* (жырау) — крупнейший казахский певец-импровизатор и сказитель первой половины XVIII в. В его песнях и поэмах

наряду с сохранением основных традиций устного народного творчества уже появляются элементы, ставшие позже характерными для письменной литературы.

[10] *Серымбет* (Сырымбет) (XVIII в.) — один из знаменитых батыров рода басентиин, отличившийся в борьбе с джунгарами.

[11] *Баян* (первая половина XVIII в.) — батыр Среднего жуза, рода уак-кирей, герой освободительной борьбы казахов против джунгарских завоевателей. В исторических преданиях XVIII в. и в устном народном творчестве казахов широко известен исторический спев «Баян-Батыр», содержащий описание его героических подвигов и гибели в бою. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., 308—309 б.).

[12] *Абулмамет* (правильно Абулмамбет; в литературе неточно: Абулмагамет, Абулмахамет и т. д., ум. в 1771 г.) — хан Среднего жуза, был провозглашен ханом в 1739 г., после победы над джунгарами.

[13] *...Галдан-Черен* (Цэрэн) — джунгарский хунтайджи (1671—1745 гг.). Вел войны с Китаем и казахами. В 1741—1742 гг. явился организатором опустошительных набегов джунгаров на земли казахов Среднего жуза. В результате этих вторжений часть казахских кочевий в Семиречье была временно оккупирована джунгарскими войсками. После смерти Галдан-Цэрэна в Джунгарии усилились центробежные тенденции, начались феодальные междоусобицы. Это способствовало распаду феодального ханства и в 1758 г. оно было разгромлено маньчжурскими войсками.

[14] *Галдан, боясь, чтобы она в самом деле не убила бы Аблая, отпустил его...* — Вопреки народным преданиям, источники убедительно показывают, что Аблай был освобожден из джунгарского плена благодаря настоятельным требованиям российской пограничной администрации, которые были предъявлены джунгарскому нойону Мандже в Семиречье российским послом К. Миллером. (См. ЦГАДА, ф. 248, кн. 28/149, д. 190. Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1961, с. 258—262; *Б. П. Гуревич.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII—первой половине XIX в., М., 1979, с. 77).

[15] *Сары-казак* — двусоставной этноним; термин *сары* часто употребляется в составе этнонима сары-кыпшак, сары-аргын, сары-уйгур и др. в географической номенклатуре, а в области космогонии имел значение «западный». (См.: *А. Н. Кононов.* Семантика цветообозначений в тюркских языках. Тюркологический сборник 1975. М., 1978). Вместе с тем известно также употребление слова *сары* в значении «большой», «широкий», «сильный».

[16] *Казыбек* — известный бий Среднего жуза, один из главных биев казахского ханства первой четверти XVIII в. По народным преданиям, Казыбек — один из авторов «Свода законов Тауке-хана», известного под названием «Жеты жаргы» («Семь истин»), фрагменты которого дошли до нас в записях Я. П. Гавердовского, Г. И. Спасского и А. И. Левшина (см.: РОЛОИИ, коллекция 115 № 495; *Г. И. Спасский.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды.— Сибирский Вестник. СПб., 1820, ч. IX—XI; *А. И. Левшин.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. т. III, с. 169—177).

Казыбек пользовался большим влиянием среди казахов Среднего жуза. По данным русских источников, Казыбек «почитался в орде за главного судью, с которым советовались даже Абулмамбет-хан и Аблай и без его согласия ничего знатного не предпринимали».

В исторических преданиях и народной поэзии Казыбек изображается как организатор общей борьбы против завоевателей-джунгар.

Сохранилось много изречений, афоризмов, образцов ораторского искусства, авторство которых приписывается Казыбеку. Значительная часть их опубликована в советское время.

Краткую характеристику Казыбека, как правителя Среднего жуза при Тауке, дает татарский ученый Марджани (у него Козыбек) в своем сочинении на татарском языке «Мустафад ул-ахбар фи ахвал Қазан ва Булғар» (Казань, 1885, стр. 155). См. также: *А. И. Левшин.* Описание киргиз-

казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, т. II, с. 63; «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., б. 271—272, 275, 308; *К. Байболов.* Төлебидің тарихы. РОБАН КазССР, № 763. лл. 22—26; *его же*: Есім ханның жыры. РОБАН. КазССР, № 513, л. 398).

[17] *Малайсары* (Малай-Сары) — батыр Среднего жуза, рода басентийн, один из героев освободительной борьбы казахов против джунгарских завоевателей (XVIII в.). Его имя увековечено в географических названиях местностей, в частности, в долине р. Или, недалеко от Алтын-Эмельского хребта, т. е. там, где в XVIII в. происходила историческая битва казахских батыров во главе с Малай-Сары с джунгарами. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., 308 б.).

[18] *Байгозы* (XVIII в.) — батыр Среднего жуза, рода таракты (Акмолинская степь), один из героев борьбы с джунгарами.

[19] *...во время преследования торгоутов...* — Имеется в виду переход калмыков из междуречья Яика и Волги в 1771 г. через территорию Казахской степи на места их старых родовых кочевий — в район современного Синьцзяна (бывшей территории Джунгарского ханства).

[20] *Джаныбек* — батыр Среднего жуза, рода сары-жетым шакшак, сподвижник Аблай-хана; стоял во главе одного из ополченческих отрядов во время борьбы с джунгарами.

В устном народном творчестве казахов Джаныбек выступает также как один из популярных судебных ораторов, отличавшийся большим красноречием, в частности, своими речами на межродовых судебных разбирательствах. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., 308—309 б.; «Жанибек-батыр», РОБАН КазССР, № 955).

[21] *Уразумбет* (XVIII в.) — известный батыр Среднего жуза, рода баганалы (из улутауских найманов), один из героев борьбы с джунгарами.

[22] *Корама* — легендарное дальнобойное ружье казахского султана Ондана, погибшего во время войны с джунгарами (XV в.). В поэтических преданиях султан назывался «ұзын оқты Ондан» — длиннострелый Ондан.

[23] *Ильчибек* (XVIII в.) — батыр Старшего жуза, рода сыргелы, населявшего долину Чирчика и Келеса; один из героев борьбы с джунгарскими завоевателями, вторгшимися в Южной Казахстан. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., 308 б.).

[24] *Найон* (нойон) — монгольский княжеский титул.

[ОБ УПРАВЛЕНИИ КАЗАХАМИ БОЛЬШОГО ЖУЗА]

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 17—22. Рукопись хранится в ЦГВИА (ф. 400, оп. 263/916— а, д. 8, лл. 1—24). На эту тему имеется статья «Положение об управлении Алатавским округом», опубликованная в газете «Северная почта» (1863, № 68).

Работа написана в 1856 г. как официальная записка от имени генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта, адъютантом у которого был Валиханов после посещения им Семиреченского края. Другой список записки хранится в ЦГА КазССР: в нем имеются вставки, сделанные рукой Гасфорта, по содержанию отличающиеся от мыслей, высказанных Валихановым. В работе впервые ставится вопрос о необходимости и целесообразности присоединения Южного Казахстана и Киргизии к России, эта идея была осуществлена лишь через десять лет (1865 г.). Записка позволяет судить о глубоком знании Ч. Валихановым географии и истории Казахстана и Средней Азии, а также территориального расселения казахских племен в середине XIX в. По свидетельству Г. Н. Потанина, подобных записок было немало составлено Чоканом во время службы его в Западной Сибири. Г. Н. Потанин отмечает, что в архивах Омской канцелярии, вероятно, найдется немало трактатов и записок о казахском хозяйстве или о казахских судебных порядках и т. п. или составленных Чоканом по собранным им лично данным, или написанных под диктовку Мусы. (См.: «Русское богатство», 1896, № 8, с. 78).

В записке проводится мысль о разумном управлении казахами Большого жуза, только что присоединенного к России, управления на основе демократии с участием представителей казахского народа. Все это рекомендуется делать с учетом нужд и обычаев местного населения; настоятельно говорится о необходимости слияния военной и гражданской власти. С этим Гасфорт связывал поднятие авторитета Алатауского округа, находящегося в пограничной полосе, а Валиханов — ослабление произвола военной власти, подчинение ее гражданскому управлению.

[1] *...расшевеливишие умы этого дремавшего доныне колосса...* — Эту же мысль Ч. Валиханов высказывает и в других работах, более подробно в Кульджинском дневнике. (См.: ССВ, т. II, Алма-Ата, 1962, с. 68; *Ч. Ч. Валиханов.* Западный край Китайской империи и город Кульджа.— «Дружба народов», 1958, № 12, с, 176).

[2] *Форт Перовский* — до 1853 г. Акмечеть, город-крепость на нижней Сырдарье, ныне Кзыл-Орда.

[3] *Левый фланг* — военно-географический термин, употреблявшийся при подготовке присоединения Семиречья и Южного Казахстана к России (1850—1865 гг.). Под ним первоначально подразумевалась территория Семипалатинской области, включая Семиреченский край, а с основанием Верного область от Семипалатинска до Ташкента, включая юг и юго-восток Казахстана (Тарбагатайские горы, Джунгарский и Заилийский Алатау, Семиречье, долину р. Или и т. д.). Правый фланг состоял из степных округов: Кушмурунского, Кокчетавского, Акмолинского, Баян-Аульского и Каркаралинского. Правый и левый фланги были определены с позиций управляющего этим краем генерал-губернатора, находящегося в Омске, т. е. обращенные лицом на юго-запад, юг и юго-восток.

[4] *...Область сибирских киргизов и Семипалатинская область* — образованы законом от 22 июня 1854 г. после упразднения бывшего до этого Пограничного управления сибирских киргизов. Центр находился в г. Омске. Область состояла из округов Кушмурунского, Кокчетавского, Каркаралинского, Баян-Аульского, Акмолинского и Атбасарского. В Семипалатинскую область входили Внутренний, Кокпектинский, Аягузский и Капальский округа, а также города Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Бухтарминское и Заилийское укрепления.

[5] *Внутренний округ* (центр в Бельагаче) состоял из земель правобережного Иртыша, начиная от Бухтармы до Кулундинских степей. Эта земля до 1854 г. входила в Томскую губернию.

[6] *...изобилие здоровых пресных вод делает ее* (т. е. Заилийскую долину) *лучшею страною Западной Сибири.*— Устарелое и неточное определение, имевшее значение только в административно-управленческом отношении, но не географическом. Поскольку центр края находился в Западной Сибири (в г. Омске), то часто вместо Казахская степь говорили Западная Сибирь.

[7] *...Высочайше утвержденная 10 января 1848 года инструкция* — Принята в период присоединения казахов Семиреченского края и Старшего жуза к России. В ней изложена политика царизма по отношению к казахскому населению края. По этой инструкции местной власти было представлено неограниченное право, в случае восстания она могла применить жестокие карательные меры. Инструкция до сих пор не опубликована, находится среди материалов о казахах Старшего жуза. (См.: «Инструкция приставу при киргизах Большой орды и дополнения к ней» (1848—1852 гг.) «Архив» МИД, ф. IV—3, д. 347, оп. 1, д. 120).

[8] *...в правители Илийского края...*— термин, предложенный генералом Гасфортом вместо пристава Большой орды и Алатауского округа. Однако правительством он не был принят. Ч. Валиханов и Г. А. Колпаковский считали более правильным назвать новый край Алатауским округом, а главу его именовать правителем по аналогии с султанами-правителями в западных областях Казахстана. Однако в связи с ликвидацией должности султанов-правителей это предложение отпало. По новому положению 1868 г. Алатауский округ стал называться Семиреченской областью.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ جامع التواريخ

Это «Сборник летописей» — историческое сочинение, излагающее события, происшедшие в Казахстане и Средней Азии в период XIII—XV вв. Написано на смешанном казахско-чагатайском языке с широким применением народных пословиц и поговорок, употребляемых и поныне в казахском языке. Текст без перевода издан проф. И. Н. Березиным в серии «Библиотека историков», т. II, ч. 1 (Казань, 1854). В тюркском подлиннике этого названия нет, оно дано издателем И. Н. Березиным.

Автор сочинения Кадыргали Жалаири (см. прим. к с. 124) — уроженец Казахстана, из племени жалаир, поколения тарак-тамгалы (гребне-тамгового). Автор о себе сообщает: بو تواريخقا اوراز محمد خان حضرتلارى نينك اتا اناسيدين قوللوق قيلا كيلكان جلاير تراق تمغالى ايردى — «Сочинитель этой летописи был жалаирец из рода гребне-тамгового, служивший еще родителям Ураз-Мухаммед-хана».

Сочинение Жалаири написано в Москве в конце XVI в. и посвящено царю Борису Годунову. По замечанию И. Н. Березина, Жалаири писал эту книгу уже в зрелом возрасте. Это был человек сведущий, умудренный опытом, хорошо знавший жизнь русского общества того времени. Однако «автор умер прежде наступления в русской земле смутного времени,— говорит Березин,— в котором принял участие Ураз-Мухаммед. Иначе он не оставил бы дополнить свою летопись последними событиями».

Работа Жалаири дошла до нас в двух списках рукописной копии, которые теперь хранятся в НБКУ и в НБ ЛГУ. В предисловии к своей работе автор пишет: بو تواريخ قا ... جنككز نامه كتابيدين فارسى تيليدين ترك تيليكا اوكوردى. قايوسين سونك زماندا بولغانلارنى اوز استنباطيندين ... تصنيف قيلدى «Эту историю по книге «Чингис-намэ» перевел с персидского на тюркский язык, а другие события, происшедшие в последующее время [XIV—XVI вв.], описал по собственному исследованию».

Несмотря на эту оговорку, многие ученые считают сочинение Жалаири целиком переводом рукописи Рашид ад-дина. Между тем известно, что Рашид ад-дин умер в первой четверти XIV в. и не мог писать о событиях, происшедших после него. В сочинении же Жалаири, помимо сведений, взятых им из «Сборника летописей» Рашид ад-дина, освещены события, происходившие в XIV, XV и XVI вв., в частности, он касается истории распада Золотой Орды и улуса Чагатая, образования ряда ханств — Казанского, Астраханского, Казахского и других.

Относительно первого раздела сочинения Жалаири можно сказать, что местами — это перевод Рашид ад-дина, не буквальный, а сокращенное переложение на тюркском языке, с некоторыми добавлениями автора-переводчика. Причем из текста видно, что автор стремился исправить некоторые грубые ошибки в восточной терминологии, личных и географических именах, встречающихся в рукописных списках Рашид ад-дина.

Следует сказать, что сходство названий этих двух исторических сочинений создало большую путаницу в науке и помешало по достоинству оценить содержание труда Жалаири, повествующего о событиях XIV—XVI вв. По оценке Валиханова, работа Жалаири — один из важных источников по истории Казахстана, и в отношении полноты сведений о казахах она занимает одно из первых мест.

Автограф Жалаири не сохранился. При копировке его рукописи копиист не разобрал ряд терминов и фраз, допустил ошибки и искажения. К ошибкам копииста прибавились промахи и опечатки издателей и корректоров. Все это отрицательно сказалось и на качестве перевода Валиханова.

В извлечениях дан выборочный перевод, сохранившийся в виде черновой тетради. Валиханов стремился сделать дословный перевод, но местами излагал текст своими словами. Из целой книги в 117 страниц Валиханов перевел только ту часть, которая имеет отношение к истории Казахстана.

Из первой части он перевел повествование о расселении древнетюркских племен и извлечения из уложения Чингисхана. Эта часть нами опущена. Перевод снабжен комментариями Валиханова, словарем тюркских и персидских слов, часть которых оставлена им без объяснения. Точная дата перевода неизвестна. Предположительно, он был осуществлен в 1853—1854 гг. и находится в тесной связи с рецензированием других изданий И. Н. Березина.

Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 142—168. Автограф хранится в Архиве АН СССР (ф. 23, оп. 1, № 17, лл. 29, 31, 38—41, 48, 51; № 10, лл. 1—2).

[1] *Уйгуры* — один из древних народов Центральной Азии. Впервые собственно этноним *уйгур* появляется в древнетюркской надписи (VIII в.). Древнейшие и ближайшие предки уйгуров входили в племенное объединение хуннов (IV в. до н. э.— III в. н. э.) в состав Жужанского, а затем Тюркского каганатов. В середине VIII в. в Монголии с центром на р. Орхоне образовался Уйгурский каганат. Власть уйгурского кагана распространялась от Алтая до Маньчжурии на востоке и до Гоби на юге, в его состав входили десять племен уйгуров и девять племен огузов, а с 758 г. и земли енисейских кыргызов. В 840 г. Уйгурский каганат пал под ударами кыргыз. Основная масса уйгуров переселилась в Восточный Туркестан и западную часть Ганьсу, где создали независимое государство с центрами в Турфане (847—1369) и Ганьсу (847—1036). В обществе уйгуров высокого уровня достигли земледелие, городская культура, ремесла, они имели свою письменность. После завоевания Цинской империей Восточного Туркестана в 50-е годы XVIII в. несколько десятков тысяч уйгуров было переселено в Илийский край Синьцзяна. На территории Казахстана (Семиречье) уйгурское население появилось в результате переселения их из Илийского края после подавления Цинами народно-освободительного движения неханьских народов. (*Д. И. Тихонов.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства (X—XIV вв.). М.—Л., 1966; История Казахской ССР, т. 3, Алма-Ата, 1979; *А. Г. Малявкин.* Уйгурское государство IX—XIV вв. Новосибирск, 1981).

[2] *Карлуки* — один из древних тюркоязычных этносов. Первые сведения о них, как обитателях склонов Алтая, в письменных источниках относятся к середине V в. В VI—VII вв. карлуки входили в состав Тюркских каганатов. В 766 г. карлуки захватили власть у тюргешей в Семиречье, где произошло формирование их политического объединения. В 766—775 гг. одна ветвь карлуков захватила Кашгарию, а в конце XIII в. другая их ветвь распространила свое влияние на Фергану. Таким образом территория от Семиречья и Кашгарии до среднего течения Сырдарьи и Ферганы находилась под властью карлукского джабгу. В середине X в. карлуки вошли в состав Караханидского государства. Вплоть до монгольского периода сохранились небольшие владения карлуков с центрами в Каялыке, Алмалыке и Узгенде. Значительная часть карлуков, переселившаяся в Среднюю Азию, составила основное ядро и процессе сложения узбекского народа. (*К. Шаниязов.* Узбеки-карлуки (Историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964; *В. В. Бартольд.* Сочинения, т. V. М., 1968).

[3] *Хам, Сам* (Сим), *Яфес* (Иафет) — по библейской легенде, три сына патриарха Ноя, пережившие всемирный потоп и ставшие родоначальниками: первый — африканских, второй — семитских, третий — тюркских народов.

[4] *Судан* (араб., «Страна черных») — обширная область в Северной Африке, к югу от Сахары; на западе омывается Атлантическим океаном, на востоке граничит с Абиссинским нагорьем.

[5] *Некнижные народы* — термин, употребленный автором «Сборника летописей» Жалаири. По его трактовке, некоторые народы лишены священных книг, таких, как Тора (библия) и Коран, якобы посланных с неба. Эти народы он называет некнижными.

[6] *Уртаг* (Ортаг) и *Кортаг* (Кертаг) — горы, расположенные к северу от

пустыни Бетпак-Дала, в Центральном Казахстане. По древним преданиям, зафиксированным Рашид ад-дином (начало XIV в.), эти горы служили летними пастбищами легендарного Абулджа-хана, родоначальника некоторых тюркоязычных племен. По Абулгази, они были летними яйлаками Кара-хана, внука Аланджи-хана, улус которого, проводя лето в тучных пастбищах северных степей, на зиму возвращался к берегам Сырдарьи. (См.: *А. Н. Кононов*. Родословная туркмен. Сочинение Абулгази. Изд. АН СССР. М—Л., 1958, с. 40).

Абулгази отождествляет Уртаг и Кортаг с Улуг-Тагом и Кчик-Тагом, известными горами, которые носят эти названия поныне (по казахскому произношению: Улутау и Кишитау) и расположены в 60—90 км к северу от джезказганского рудника. А. А. Семенов в примечаниях к «Сборнику летописей» Рашид ад-дина (М.—Л., 1952, т. I, с. 80) предполагал, что эти горы, «возможно, относятся к современной горной цепи Каратау». Эта догадка не имеет никакой реальной основы. Уртаг и Кертаг находятся в 80 км южнее от железнодорожной станции Жана-Арка близ р. Сарысу.

Названия гор Уртаг и Кортаг искажены переписчиками Рашид ад-дина и осложнены при транслитерации с арабских их начертаний в русский алфавит. Чтение *кӧр, кур* и тем более *каз* не может быть принято. Правильные начертания этих названий даны в «Сборнике летописей» Жалаири и в сочинении Абулгази اورتاغ — Ортаг, كرتاغ — Кертаг. (См.: *И. Н. Березин*. Библиотека восточных историков, т. II, ч. 1. Казань, 1854, с. 19; *А. Н. Кононов*. Родословная туркмен. Сочинение Абулгази, с. 14).

[7] *Анджа-там* — انجاتام (у Рашид ад-дина: *Инандж* (Инанч اينانچ) — легендарный город, находившийся в пределах гор Ортаг и Кертаг (Центральный Казахстан) в период раннего средневековья, по-видимому, тождественен с Болган-Ана, развалины которого находятся на р. Кенгир, при ее впадении в р. Сарысу. Ближе к Ортагу на р. Сарысу находятся руины древнего мавзолея Жубан-Ана (там же — небольшой холм — остатки древнего замка), которые трудно отождествить с легендарным городом Анджа-там (Инандж).

[8] *Юрсук* — يورسوق (искаженная форма исторического топонима *Борсук* — بورسوق) — название известных барханных песков, расположенных между железнодорожной станцией Челкар и Аральским морем. Переписчики Рашид ад-дина, механически копируя его труды, превращали топоним Борсук то в Юрсук (يورسوق) то в Борсун (بورسون), так как малейшее отклонение или отсутствие диакритических знаков арабского письма всегда приводит к весьма грубым ошибкам. У Рашид ад-дина, и Абулгази сказано, что низовье Сырдарьи с прилегающими к Аральскому морю барханными песками (Борсук Каракум, Какиян) служило зимними пастбищами для скотоводческих племен. Приаральские барханы и ныне являются прекрасными пастбищами, дающими защиту скоту зимой и во время гололедицы.

[9] *Каркорум* — قارقورم (Каркум, Каркурум) — искаженные формы исторического топонима Каракум (черные пески, название приаральских барханных массивов, расположенных между низовьями Сырдарьи и Тургайской степью; теперь отгонные участки ряда районов Кустанайской и Карагандинской областей). Каркорум не нужно путать с Каракорумом — каменными осыпями, часто встречающимися в горах Алтая, Тарбагатая и Джунгарского Алатау или с Каракорумом — столицей монгольской империи. Правильное начертание слова Каракум дано в сочинении Абулгази, который пишет: قراخان اورتاغی کرتاغی‌نی يايلار ايردی... قيش بولغاندا سير قراقوم وبورسوقنی قيشلار ايردی — «Карахан летовал в горах Уртаг и Кертаг... Когда наступала зима, он зимовал в устье реки Сыра, в Каракумах и в Борсуке». (См.: *А. Н. Кононов*. Родословная туркмен. Сочинение Абулгази, с. 12).

[10] *Талас* (طلاس, в трудах арабских географов — в форме *Тараз)* — древний город в долине одноименной реки, берущей начало с Таласского Алатау; в монгольское время назывался Янги, позднее — Аулие-Ата, современный Джамбул. Известен с VI в. как одна из резиденций Тюркского каганата и в этом значении упоминается в орхонских надписях и в записке византийского посланника Земарха. Особенно большого расцвета город достиг в период правления караханидов (X—XII вв.), когда стал крупным торговым и политическим центром и сильной крепостью. В XIII—XIV вв. Талас был резиденцией монгольских вассальных ханов, а богатая долина р. Талас, с окружавшими ее садами и горными пастбищами, была определена заповедной зоной *(корук,)* находившейся в личном пользовании феодальных владетелей. Город пришел в упадок в XVI в., в период феодальной междоусобицы, и возродился только XVIII в.

[11] *Кари-Кирм* — قارى قرم (Кары-Кырм — Старый Кырм) — очевидно, имеется в виду давно исчезнувший город, носивший это название, расположенный в районе Каратау или в долине Таласа. К Старому Крыму или Солхату в Крыму не имеет отношения.

У Рашид ад-Дина это название читается как два самостоятельных слова: قارى وسيرام *Кары и Сайрам,* т. е. название двух отдельных городов. Поэтому чтение Кары-Сайрам (через дефис) неверно.

[12] *Сайрам* — у арабских географов *Испиджаб* — в раннее средневековье крупный торговый город и культурный центр, расположенный в плодородной равнине между обширными областями Шаша (Ташкента) и Таласа, на перекрестке больших караванных путей, шедших с запада на восток и с юга на север. Сайрам развивался одновременно с городами низовий рек Сырдарьи, Таласа и предгорий Каратау. На его месте теперь находится большое селение в 12 км от города Чимкента. (См.: *П. П. Иванов.* Сайрам.— СТВИ. Ташкент, 1923, с. 46—56).

[13] اوروس خان *Урус-хан* (XIV в.)— потомок Джучи, прадед первых казахских ханов Джанибека и Гирея, один из влиятельных владетелей Ак-Орды или Восточного Кипчака. Ак-Орда в качестве полузависимого феодального владения стала выделяться еще в середине XIII в., тогда же она была отдана старшему сыну Джучи Орда-Ежену (Ичен), родоначальнику ханов Восточного Кипчака, а затем владетелей Казахского улуса. Территория Ак-Орды на западе граничила с землей улуса Шейбана (другого сына Джучи), на востоке простиралась до Иртыша, на юге примыкала к Сырдарье, на севере доходила до западносибирской и зауральской лесостепей. Центр улуса первоначально находился в Семиречье, затем переместился на Сырдарью (Сыгнак).

Урус-хан известен как строитель столицы Ак-Орды города Сыгнака. Вел борьбу (нередко успешную) на два фронта — против Тимура и против золотоордынского хана Тохтамыша. На некоторое время ему удалось объединить под своей властью Золотую Орду и Восточный Кыпчак. Борьба, начатая Урус-ханом, была продолжена его потомками, в результате чего образовался политический союз казахских племен, объединившихся затем в Казахское ханство. (См.: *А. А. Семенов.* Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. I. Сталинабад, 1954; *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 306—315).

[14] *Джучи* (1187—1227) — старший сын Чингисхана, глава династии джучидов в Золотой Орде, или Дашт-и Кыпчаке. Принимал активное участие во всех важнейших военных предприятиях своего отца. После победы над главными соперниками монголов и уничтожения ханств сильнейших племен — найманов и кереитов, он возглавил ряд завоевательных походов, в ходе которых покорил много племен, обитавших в Южной Сибири, на Алтае, в Джунгарской степи и Восточном Туркестане.

В 1219—1221 годах Джучи во главе основных военных сил Чингисхана вторгся на территорию Казахстана и Средней Азии; начав военные действия в районе Джунгарских ворот, монгольские войска опустошили

все города Семиречья, долины рек Чу, Таласа и Сырдарьи, захватили и разграбили крупнейшие культурные и политические центры Средней Азии. После завершения завоевания Средней Азии и Казахстана Джучи получил в качестве улуса Дашт-и Кыпчак, территория которого тогда простиралась от Иртыша до Яика и далее на запад. Ставка его находилась к западу от Иртыша, в горах Улутау. Мавзолей Джучи находится в Улутауском районе, на левом берегу р. Кенгир, в 45 км к северо-востоку от г. Джезказгана. (См.: *В. В. Вельяминов-Зернов.* Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II. СПб., 1864, с. 307—308; *В. В. Бартольд.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, с. 86. Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 258—259; *Г. Г. Герасимов.* Памятники архитектуры долины реки Кара-Кенгир в Центральном Казахстане. Алма-Ата, 1957, с. 23—28, рис. 32—36).

[15] *Бату* (Батый, в восточных источниках Саин-хан, ум в. 1255 г.) — второй сын Джучи, внук Чингисхана. В 1236 г. во главе большого войска вторгся в пределы Восточной Европы и в течение нескольких лет завоевал Поволжье, Кавказ (до Дербенда), Крым и северо-восточные русские княжества. В 1240 г. провел опустошительные походы по территории Польши, Венгрии и Далмации. Героическим сопровотивлением русского народа войска Батыя были сильно ослаблены и в 1243 г. он возвратился в Дашт и-Кыпчак, где основал феодальное государство, известное в литературе под именем Золотой Орды, или улуса Джучиева. (См.: *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение, с. 68—75).

[16] *Тимур-Капка* (Железные врата. Каспийские врата, Дербендский проход) — узкий горный проход в Юго-Восточном Дагестане, между восточным отрогом Большого Кавказского хребта и Каспийским морем в районе города Дербенд.

[17] *Ногай* (ум. в 1300 г.) — главный военачальник улуса Джучиева при Берке-хане (1256—1266 гг.) и его преемниках. Выдвинулся благодаря близким родственным связям с ханским домом, способностям в военной тактике. Ногай был всемогущим временщиком, сменив одного из ханов. В борьбе за власть он жестоко расправлялся со своими противниками. Его политика привела к феодальным распрям в Золотой Орде. Самодержавная власть Ногая вызвала протест со стороны других беков, особенно среди приверженцев хана Тохту (1290—1312 гг.). Ногай был убит во время междоусобной войны.

[18] *Муса* — сын Ваккаса, правнук Едиге, ногайский мурза, правивший Большими ногаями в конце XV и в первой четверти XVI вв.

[19] *Ямгурчи* (XVI в.) — брат Мусы, правнук Едиге, один из феодальных владетелей ногайского улуса.

[20] *Агиш* (Тел-Агиш) — сын Ямгурчи, ногайский мурза (XVI в.), двоюродный брат Ших-Мамая.

[21] *Хасан* (XVI в.) — ногайский князь, брат Мусы и Ямгурчи, правнук Едиге.

[22] *Алчагир* (точнее, Алачгир) — один из сыновей Мусы, брат Юсуфа и Ших-Мамая.

[23] *Шидак* (Сейдяк) Сеид-Ахмед — сын Мусы, ногайский князь, правитель города Сарайчика и земель, прилегающих к реке Яик.

[24] *Шейх* (Ших)-*Мамай* (XVI в.) — ногайский князь, сын Мусы, брат Юсуфа. Известен своей приверженностью к Московской Руси и торговлей с ней.

[25] *Юсуф* (XVI в.) — ногайский князь, брат Ших-Мамая, отец знаменитой Суюм-бике, родоначальник князей Юсуфовых.

[26] *Измаил* — ногайский князь, владетель астраханских ногайцев, сторонник Московского государства; в 1555—1557 гг. добровольно признал себя вассалом Ивана IV.

[27] *Беккonды улан* (ум. в 1280 г.) — джучид, сын золотоордынского хана Менгу-Тимура.

[28] *Кадырберды* — сын Тохтамыша, один из эфемерных ханов Золотой Орды на ее исходе, ярый враг Едиге, которого Кадырберды убил в 1419 г.

[29] *Мансур* (XV в.) — второй сын Едиге.

[30] *Беккондор* [Беккондьі]-*улан* — см. выше, прим. 27.

[31] *Барак-хан* (ум. в 1428 г.) — сын Куюрчука, внук Урус-хана, владетель Ак-Орды, один из строителей ее столицы города Сыгнака, родоначальник казахских ханов. Известен своей длительной борьбой с Улугбеком, внуком Тимура, которую он вел из-за городов, расположенных в низовьях Сырдарьи. Борьба кончилась поражением Улугбека в районе Сыгнака в 1427 г.

[32] *Махмутек* (Маметек) — джучид (1437—1445 гг.), сын Улуг-Мухаммеда, основателя Казанского ханства.

[33] *Ивак* (Ибак) — джучид, дед сибирского хана Кучума (XV в.), известен тем, что способствовал установлению связей Сибирского ханства с Русским государством. Убит в 1495 г.

[34] *Муртаза* (XVI в.) — отец сибирского хана Кучума.

[35] *Акмет* (Ахмад, ум. 1481 г.) — джучид, сын Кичик-Мухаммеда, последний хан Золотой Орды. Безуспешно совершил несколько походов на Москву. Известен тем, что отправил посольство с ярлыком к великому Московскому князю Ивану III. Иван III отверг притязания Ахмада, а пайцзу (металлическую бляху, приложенную к ярлыку) бросил и растоптал. Ахмад погиб в сражении с крымскими войсками.

[36] *Булхаир* (правильно: Абулхаир, 1412—1469) — сын Давлет-Шейха из джучидов; в 17 лет был избран ханом при участии и поддержке господствующей верхушки местных племен (найманов, кунгратов, карлуков, уйсунов, кенегесов и др.); местом избрания являлся г. Тура (в Сибири). Он сумел подчинить своей власти население на территории от низовьев Сырдарьи и Аральского моря до Яика и на северо-восток до Иртыша, создать феодальное государство. В 40-х годах он завоевал города Сыгнак, Сузак, Узгенд и прилегающую к ним местность в низовьях р. Сырдарьи. Он вмешивался в феодальные распри тимуридов. В середине XV в. от государства Абулхаира отделилась большая часть населения и образовался особый союз племен, объединившихся затем в Казахское ханство, во главе с ханами Джанибеком и Гиреем.

[37] *Нуреддин* (Нур ад-дин, ум. в 1440 г.) — сын Едиге.

[38] *Укас* (Уакас — правильнее, Ваккас) — сын Нур ад-дина, внук Едиге, глава сильного в то время племени мангытов, вокруг которого стал формироваться Ногайский улус. Важную роль играл Уакас при возведении Абулхаира на престол, а затем во всех его внешних мероприятиях. Уакас искал поддержки у Абулхаира в борьбе со своими противниками как в Ногайском улусе, так и в Золотой Орде.

[39] *Ичкили Хасан-оглан* — один из сыновей Тохтамыша, хана Золотой Орды.

[40] *Хаджи-Гирей* (ум. в 1466 г.) — основатель династии крымских ханов Гиреев. В качестве претендентов на ханский престол впервые заявил о себе в 1427 г. одержав победу над своими братьями, он утвердился на престоле в 1433 г. Свою власть в Крыму Хаджи-Гирей укрепил, опираясь на местных татарских феодалов. Большую поддержку ему оказала и Литва, заинтересованная в ослаблении Золотой Орды.

Во внешних связях Хаджи-Гирей придерживался польско-литовской ориентации. В 1465 г. он нанес удар золотоордынскому хану Ахмету, чем способствовал падению Золотой Орды.

[41] *Ундан* (Ондан) — казахский султан, сын Шигая, брат Тевеккель-хана, отец Уразмухаммеда (см.: комментарий 16 к статье «Письмо профессору И. Н. Березину»), служившего в Московском государстве при Борисе Годунове (конец XVI в.)

[42] *Куйручук* (правильно: Куюрчук) (XV в.) — джучид, сын Урус-хана, дед казахских ханов Джанибека и Гирея, правитель Ак-Орды. После разгрома Тохтамыша (1395 г.) Тимур поставил Куюрчука ханом Золотой Орды, но не надолго.

[43] *Шагим-мирза* — ногайский князь, правитель Сарайчика до Сейдяка (Сеид-Ахмета).

[44] *Борис Федорович Годунов* (ок. 1551—1605 г.) — русский царь, правивший накануне смутного времени.

[45] *Был год мыши...* — В датах пожалования Ураз-Мухаммеду города Касимова, а также воцарения в нем вкралась неточность. По исследованию В. В. Вельяминова-Зернова, Ураз-Мухаммед получил г. Касимов 15 рамазана 1008 г. гиджры, что соответствует 20 марта 1600 г., а день его воцарения в Касимове — четверг, 12 июня того же года. (См.: *В. В. Вельяминов-Зернов.* Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II, с. 450, 451).

[46] *Касимов* (по-татарски: *Кермень-Шахар)* — городок на берегу р. Оки, ныне город областного подчинения в Рязанской области, известен с 1152 г. В 1376 г. был разрушен татарами, впоследствии восстановлен на новом месте в километре выше прежнего его расположения по течению Оки. До 1471 г. он назывался Мещерским городком, впоследствии был переименован в Касимов. Свое новое название город получил от имени Касыма, брата казанского хана Махмутека, сына Улуг-Мухаммеда, внука Тохтамыша. В 1446 г. Касым, изгнанный братом, перешел на службу к московскому великому князю Василию Темному. За долгое и полезное служение Василий Темный передал Касыму в 1452 г. Мещерский городок на р. Оке. Касимов являлся центром княжества вплоть до 1681 г.

[47] *Толмач-алпаут* (الباغوت تيلماچ *албагут-тильмач*) — крупный феодал-землевладелец, занимавшийся государственными делами в качестве переводчика и парламентера. В. В. Вельяминов-Зернов считал, что «это боярский сын в качестве толмача» *(В. В. Вельяминов-Зернов.* Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II, с. 402).

[48] *Кадырали* (Кадыргали)*-бек, Саманай-бек* — беки и карачи (см.: коммент. 35 к ст. «Письмо профессору И. Н. Березину»), помогавшие Ураз-Мухаммеду воцариться в Касимовском княжестве, вассальном Москве.

[49] Вместо *клич* должно быть *калач.*

[50] *...от ошибок переписчика.* — Главнейшие дефекты и пробелы рукописной копии И. Н. Березин также относит к вине копииста, который, переписывая копию с автографа Жалаири, не смог разобраться в специфике терминов и допустил ряд ошибок и искажений.

ОБРАЗЕЦ ПРИЧИТАНИЙ

Среди бумаг Ч. Валиханова имеются тексты на казахском и киргизском языках, написанные арабским алфавитом. Это — записи устных преданий, песен и пословиц казахского и киргизского народов, сделанные Ч. Валихановым во время путешествий. Запись представляет собой черновой автограф на казахском языке без перевода, озаглавленный «Для образца (причитаний)». Полный заголовок не сохранился, край листа оторван. Автор песни — известный казахский певец Бухар-Жырау (XVIII в.), он сочинил ее на смерть хана Аблая.

Один из рукописных вариантов песни хранится в Ленинграде, в ЛОИВ АН СССР, в архиве И. Н. Березина (ф 5. № 1, л. 7). Этот вариант записан в 1880 г. Имантаем Сатпаевым для Г. Н. Потанина из уст известного баянаульского певца Куреке, потомка Бухар-Жырау. К песням Бухар-Жырау приложено анонимное письмо, написанное на казахском языке и имеющее вид небольшой программы по сбору песен Бухар-Жырау. Судя по всему, оно составлено под диктовку самого Г. Н. Потанина и адресовано Имантаю Сатпаеву. Вот содержание этого письма в русском переводе:

«Привет г. Имантаю. Прошу записать от Куреке (внука певца) отдельные эпизоды и повествования Бухар-Жырау об Аблае, в частности: осуждение Аблая, восхваление его коня, эпизод об отправлении сына своего Адиля вместе с Жарылгапом в Китай; на какую тему его посланцы вели разговоры с императором Китая? Рассказы о войне с калмыками — сколько раз воевали? Как именовали калмыкских ханов?

Для записи этих рассказов (песни Бухар-Жырау) приехал товарищ Чокана Г. Н. Потанин с супругой».

Запись Имантая датируется 1880 г., когда Г. Н. Потанин, возвращаясь из монгольского путешествия, вместе с женой заехал в Баянаульский район.

Г. Н. Потанин пишет: «Возвращаясь из поездки 1880 г., я заехал в Баян-Аульский округ Семипалатинской области, где провел неделю в ауле Мусы Чормановича. Г. Чорманов обязательно предложил мне воспользоваться бумагами, которые были приготовлены им для покойного Чокана Валиханова». (См.: Очерки Северо-Западной Монголии, ч. IV, СПб., 1881, с. 13—14).

Запись Ч. Валиханова датируется 1855 г.— временем, когда Валиханов проявлял усиленный интерес к собиранию образцов казахской народной поэзии.

Вариант Имантая, хотя и записан спустя 25 лет после Чокана, но между их записями нет особых расхождений, язык и основной текст обеих записей совершенно сходен, они лишь некоторыми куплетами и отдельными строками взаимно дополняют друг друга, с точки зрения четкости правописания казахских слов, вариант И. Сатпаева лучше и является верным ключом для расшифровки некоторых неточностей, встречающихся в записи Ч. Валиханова.

Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 169—171. Черновой автограф хранится в ЦГАЛИ (ф. 118, оп. 1, д. 469, л. 29).

ПЕСНЯ ОБ АБЛАЕ

Черновая запись на смешанном казахском и киргизском языках арабским алфавитом. Датируется 1855 г. Печатается по ССВ, т. I, с. 172—187. Рукопись находится в ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, № 469, лл. 4—5.

1 *Аблай* (1711—1781) — казахский султан, а с 1771 г.— хан Среднего жуза, выдвинулся в борьбе с джунгарами.

Объединив под своей властью казахов Среднего жуза, Аблай распространил свою власть и на Старший жуз и некоторую часть Северной Киргизии (см.: комментарий 1 к ст. «Исторические предания о батырах XVIII в.).

В своей внешней политике Аблай лавировал между Россией и Цинской империей, стремясь создать прочное централизованное государство на основе удельной системы. С этой целью он передавал управление отдельными областями своим сыновьям (например, Сюк Аблайханов управлял казахами Старшего жуза, Адиль — Южным Казахстаном, Касым — племенами Центрального Казахстана и т. д.). Но Аблаю не удалось осуществить идею образования централизованного государства, тем не менее при нем политическое положение и экономика Среднего жуза значительно укрепились, расширились торговые и культурные связи с Россией.

2 *Есенгул и Ерсадыр* — предводители киргизского племени сарыбагыш, оказавшие героическое сопротивление вторжению Аблая в пределы Киргизии.

3 *Увак* (Уак-керей) — родоплеменной союз Среднего жуза, в XVI—XVII вв., играл значительную роль в составе казахского союза в борьбе с джунгарами. (См.: *Г. Н. Потанин.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки, с. 56; *С. Аманжолов.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка... с. 16).

4 *Турсунбай* (XVIII в.) — знаменитый батыр Среднего жуза, племени керей; особенно отличился в период борьбы казахов с джунгарами. В исторических преданиях он известен под кличкой Балта-Керей Турсунбай.

5 *Сарыбель* — горный проход в Киргизском Алатау, против Карабалты и Сокулука. По историческим преданиям Аблай с войском хотел пройти через этот перевал на тучные джайляу Сусамыр, но киргизы преградили ему путь.

6 *Атеке-Жырык* (XVIII в.) — знаменитый киргизский батыр из племени сарыбагыш. Известен своей мужественной борьбой против завоевательных походов Аблая и среднеазиатских ханов.

ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ БОЛЬШОЙ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ ОРДЫ

Незаконченный набросок, первая запись казахских исторических народных преданий, интерес к которым, по свидетельству Г. Н. Потанина, пробудился у Ч. Валиханова еще в кадетском корпусе. Запись отражает творческий процесс работы Валиханова первых лет его научной деятельности и относится к началу 1855 г.— времени первых его путешествий по Казахстану. Запись дошла до нас в виде двух рукописных копий (ЦГАЛИ, ф. 118, оп. I, № 49, лл. 48—49; ф. 159, оп. 1, № 179, лл. 1—2), содержащих много пропусков и искажений. Впервые опубликована в Сочинениях Ч. Ч. Валиханова под ред. Н. И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX. СПб., 1904). Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 107—111.

[1] *Усуни* — одно из древнейших племен на территории современного Казахстана. Первые известия о них появляются в конце II в. до н. э. В это время они обитали в Семиречье. В I в. до н. э. согласно письменных сведений количество усуней превышало 600 тыс. Это было могущественное объединение, с зачатками государственной власти, проводившее самостоятельную внешнюю политику. В древнеусуньском обществе складывались классовые отношения. Отдельные представители знати имели по 4—5 тыс. лошадей. Они занимались не только скотоводством, им было известно ремесло и земледелие. К середине V в. н. э. в результате внешнеполитических перипетий усуни потеряли свою политическую независимость. Вопрос о языке усуней спорен, существуют предположения об их тюркоязычности и ираноязычности. Имеются достаточные основания констатировать об этнической преемственной связи древних усуней с уйсунами, вошедшими позднее в состав казахского народа. В составе населения Старшего жуза уйсуны представляли одно из наиболее крупных племенных объединений. По данным генеалогических преданий, уйсуны отождествляли себя со Старшим жузом (см.: *Н. Аристов*. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов.— ЖС, 1894, III—IV; *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972; История Казахской ССР. тт. 1—2, Алма-Ата, 1977—1979).

[2] *Майки* (в литературе также: Байки, Байку) — легендарный родоначальник казахских биев Старшего жуза. О нем сохранилась народная поговорка: *Түгел сөздің түбі бір, түп атасы Майқы би* — «Все истинные слова (изречения) восходят к одному источнику, основоположником их был Майки-бий». По данным исторических источников, Майки (Байку) — современник Чингисхана, жил в первой четверти XIII в. По Рашид ад-дину, Майки происходит из племени уйшин (уйсун), был тысячником в улусе Джучи и руководил войском правого крыла. (*Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.— Л., 1952. с. 274).

Казахские предания о Майки (Байки) приведены в работе Г. Н. Потанина «Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки» (ЖС, 1917, вып. II—III, с. 51, 54—55, 59).

[3] *Чингисхан* («Великий хан», первоначально — Темучин) (1155—1227) — монгольский хан, основатель огромной Монгольской империи. В 1203 г. овладел всей Монголией. С 1209 г. начались завоевательные походы Чингисхана. В 1215 г. он вторгся в Китай, в 1218—1220 гг. завоевал Туркестан, в 1225 г. возвратился в Монголию. Умер во время китайского похода.

[4] *Чеген* — древнее племя, обитавшее на территории Казахстана еще до арабского завоевания. В состав казахского народа вошло племя чегендык, которое расселялось по р. Ишим в Атбасарской степи.

[5] *Мухаммед* (Мухаммад, ок. 570—632) — основатель ислама, по представлениям мусульман — пророк, посланник Аллаха.

[6] *Оксе* (искаженное от арабского имени Уккаша) — исторически неверная легенда о происхождении казахов от Акаше и Анеса, приведена у Г. Н. Потанина (см.: ЖС, 1917, вып. II—III, с. 54,57.)

[7] *Абубекр* (Абу Бакр) — первый арабский халиф (632—634 гг.), избранный после смерти Мухаммеда.

[8] *Омар* — второй арабский халиф (634—644 гг.).

[9] *Осман* — третий арабский халиф (644—656 гг.).

[10] *Али* — четвертый арабский халиф (656—661 гг.

[11] *Коелдер* (Калдар, Келар) — родоначальник катаганов и чанышклы — племен, входивших в конфедерацию уйсунов, или Старшего жуза казахов.

[12] *Мекрен* (в литературе: бекрен, бекрин, по Рашид ад-Дину также — мекрин) — древнее племя (названное по имени своего родоначальника), входившее в конфедерацию уйсунов. Стойбище его находилось в области расселения уйгуров, в труднодоступных горах. Племя, родственное уйсунам, жило в горах Восточного Тянь-Шаня (Сарыяз).

[13] *Катгамы* (правильно: катаганы) — древнее племя, обитавшее на территории современного Южного Казахстана и Средней Азии. В начале XVII в. катаганы составляли основную силу ташкентского владетеля Турсун-хана. С середины XVII в. часть их вошла в состав узбекского народа, а часть слилась с казахским племенем чанышклы.

[14] *Канглы* — одно из древнейших племен, известное с III в. до н. э. История его хорошо отражена в древних и средневековых письменных источниках, написанных на восточных языках. Согласно данным этих источников, канглы занимали обширную территорию от р. Таласа до низовьев Сырдарьи и предгорий Каратау. В XIII—XIV вв. часть их распространилась до гор Улутау и Тургайской степи, к зиме они возвращались на Сырдарью. В древние времена канглы входили в конфедерацию племен, позднее составивших Старший жуз казахов. После распада Золотой Орды и Чагатайского улуса, канглы составили один из основных компонентов казахского союза. В истории казахского народа канглы и уйсуны считаются самыми старшими племенами казахских жузов, установителями древнего правопорядка, поэтому они занимают почетное место в народных преданиях (см.: *Н. Аристов.* Опыт выяснения этнического состава... с. 424; *С. Аманжолов.* Вопросы диалектологии..., с. 67—72; История Казахской ССР. тт. 1—2, Алма-Ата, 1977—1979 гг.).

[15] *Адбаны* (правильнее — албаны) — основное подразделение казахского племени уйсун.

[16] *Дулаты* — одно из древних племен, генетически связанное с племенной группировкой западных тюрок «дулу», имевших в Семиречье в VII—VIII вв. свое объединение, затем входивших в каганат карлуков и Караханидов. После распада Чагатаидского государства на территории Семиречья и Восточного Туркестана в сер. XIV в. на местной субстратной основе образовалось государственно-политическое объединение Могулистан (Джете). Ведущую роль в государстве Могулистан играли вожди племени дулат (дуглат). Дулаты в это время обитали в долинах рек Чу, Или, Талас, к югу от Иссык-Куля, а также в Южном Казахстане. В XV в. дулаты наряду с другими племенами Семиречья вошли в состав Казахского ханства. В Старшем жузе дулаты являлись одним из наиболее крупных племен (см.: *В. В. Бартольд.* Очерки Семиречья.— Соч., т. II, ч. 2, М., 1964; *К. А. Пищулина.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV—начале XVI веков. Алма-Ата, 1977).

[17] *Суваны* — подразделение племен уйсун.

[18] *Сваманак* (точнее, сырманак) — по казахской народной легенде, в древности существовало два родственных племени: сырманаки — на Сырдарье, и чуманаки — в долине Таласа и Чу. Основное племенное название «манак» впервые встречается в анонимном сочинении X в. «Худуд ал-‘Алам» (см: «Худуд ал-алем». С введением и указателями, изд. В. В. Бартольда (рукопись Туманского), Л., 1930).

[19] *Абак* — собственно родоначальник племени кереев (кереитов). Казахи — абак-кереи теперь живут на Черном Иртыше и соседних с ним районах Северо-Западного Китая и Монголии.

[20] *Название же* (уйсун),... *в строгом смысле предание не допускает.*— Т. е. название уйсун в преданиях подразумевается.

Эти предания также записаны и опубликованы Г. Н. Потаниным в его работе «Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки» (ЖС, 1917, вып. II—III, с. 61).

[21] *Золотая Орда* (Улус Джучи) — феодальное государство, возникшее в результате монгольского завоевания в 40-х годах XIII в. В Золотую Орду входили кыпчакские степи, т. е. основная территория современного Казахстана, исключая Семиречье, Северный Хорезм с г. Ургенчем, Волжское низовье, Северный Кавказ и Крым. Золотая Орда прекратила свое существование в конце XV в.

[22] *Джагатайский улус* — феодальное государство в Средней Азии, составлявшее с 1224 г. удел Джагатая (Чагатая), второго сына Чингис-хана.

[23] *Узбек* (1282—1341) — хан Золотой Орды, в период его правления (1312—1341 гг.) Золотая Орда достигла наивысшего могущества. При Узбеке столица Золотой Орды была перенесена в г. Сарай-Берке (на монетах — سرای الجدیده «Новый Сарай») — превратившийся в крупный для того времени культурный и ремесленный центр. Узбек способствовал распространению ислама; с его именем связано строительство ряда мечетей и медресе в Крыму и Поволжье. (См.: *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 64, 67—69, 90—93).

[24] *Тарма-Ширин* — чагатаид, сын Дува-хана, распространитель ислама в Средней Азии в XIV в. (См.: *Абулгази.* Шеджере-и тюрк. Изд. Демезона. СПб., 1871, с. 150—151). Правитель улуса Чагатая в 1326—1334 гг.

[25] *Ишим-хан* (ум. в 1645 г.) — сын Шигая, брат Тевеккеля; глава династии казахских ханов XVII—XVIII вв. Последними его отпрысками были Аблай (1771—1781 гг.) и Вали (1781—1819 гг.)*[1] — ханы Среднего жуза. Ишим-хан вел борьбу против ойратов. Во внутренней политике стремился к созданию централизованного государства на удельной основе. С его именем связано регламентирование казахских юридических обычаев и упорядочение феодальных кодексов, применявшихся в Белой орде в VIII—XV вв. (Есімханның ескі жолы — древний путь Ишим-хана). Ряд установлений Ишим-хана впоследствии отражен в законах его внука Тауке-хана. Несколько памятных строк посвятил Ишим-хану известный историк писатель Абулгази, который будучи в изгнании, нашел приют и гостеприимство в г. Туркестане. (См.: *Абулгази.* Шеджере-и тюрк, с. 306). Отдельные факты о деятельности хана Ишима встречаются и в русских источниках XVIII в. (См.: Архив ВГО, разр. 64, оп. 1, д. 14).

[26] *Турсун* — казахский хан, правивший Ташкентом в тридцатых годах XVII в. Погиб в 1628 г. в междоусобной войне с Ишим-ханом, правившим в г. Туркестане (См.: *Абулгази.* Шеджере-и тюрк, с. 306).

ПОГОВОРКИ БОЛЬШОЙ ОРДЫ

Впервые текст был опубликован по автографу — ААН (ф. 23, оп. 1, д. 2, л. 17). Печатается по ССВ т. I, с. 50—52.) Основная часть поговорок взята, как говорит об этом сам Ч. Валиханов, из собрания И. А. Бардашева. Однако записи Ч. Валиханова отличаются от бардашевских правильной передачей транскрипции казахского текста, очень близкой к чагатайскому письму. Из нее видно, что Ч. Валиханов хотел приблизить транскрипцию слов к казахскому произношению. Например, у Валиханова: арыстан, сақлағанды. У Бардашева: арсылан, сеқлағаны и т. д.

У И. А. Бардашева иное заглавие: «Пословицы и поговорки киргизов Большой орды». Он собирал этот и другой материал казахского фольклора в 1855 году для Н. Ф. Костылецкого и в начале 1856 года отправил ему в Омск вместе с письмом, в котором писал: «Душевно радуюсь, что наконец я имею случай и удовольствие доставить Вам несколько киргизских пословиц с переводом, которые прошу Вас принять,— как слабый и первый неопытный и ничтожный труд мой, который я решился послать Вам». Собрание И. А. Бардашева и письмо хранятся в архиве Г. Н. Потанина (НБТГУ, № 151).

---

*[1] Указаны годы правления Средним жузом с момента официального избрания.

Запись Ч. Валиханова датируется 1856 г., так как была найдена в Иссыккульском дневнике.

[1] *Бардашев Иван Андреевич* (1831—1868) — переводчик при начальнике Алатауского округа и казахов Большой Орды (1848—1865 гг.). Учился при Сибирском кадетском корпусе в школе по подготовке переводчиков и толмачей. Окончив ее, он получил назначение в Капал — только что созданный центр Алатауского округа. Еще в школе состоялось его знакомство с Ч. Ч. Валихановым и Г. Н. Потаниным. В 1856 г. И. А. Бардашев вместе с Ч. Валихановым принимал участие в Иссык-Кульской экспедиции и дипломатической комиссии в г. Кульджу. Он был секретарем этой комиссии.

[О ФОРМАХ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ]

Отрывок из нескольких разрозненных листков среди бумаг Ч. Валиханова, представляющий собой записи о происхождении казахской народной поэзии. В рукописи отрывка заглавия нет; не полностью и под другим заголовком опубликован в Сочинениях Ч. Валиханова под ред. Н. И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, с. 223—231). Автограф обнаружен в 1857 г. Датируется предположительно 1855—1856 гг. По автографу — ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, № 469, лл. 6, 21—22. Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 196—202.

[1] *Урак-батыр* — о нем см. т. I настоящего издания, «Песни Урака».

[2] *Нурумбай* (XIX в.) — народный акын из северных областей Казахстана.

[3] *Ахмет Джантюрин* (XIX в.) — султан-правитель тургайских и актюбинских казахов.

[4] *Джанак* (первая половина XIX в.) — знаменитый певец-импровизатор, сказитель и хранитель древней эпической поэзии, музыкант-кобызист; происходил из рода каракесек Каркаралинского округа. Валиханов неоднократно встречался с Джанаком и по его спеву записал известную поэму «Козы-Корпеш и Баян-Сулу».

[5] *Айханым* (Айганым) (1785—1856) — вдова хана Валия, бабушка Чокана Валиханова.

[6] *...известной впоследствии певицы...* — Очевидно, имеется в виду певица Ажар, вступавшая в поэтическое состязание (айтыс) со многими популярными акынами того времени.

[7] *Каим* — то же, что айтыс в наше время. Каимдасу — вступить в словесное или поэтическое состязание.

[8] *Кара-улен* (точнее: өлең) — поэтический жанр в форме кратких повествований о различных исторических эпизодах или других сюжетах.

[9] *Улен* (өлең) — буквально: песня, в широком смысле — всякие песни лирического или прозаического склада.

[10] *Орунбай* — известный акын-импровизатор, из кокчетавских казахов рода караул. Долго находился под влиянием старшего султана, потом советника сибирских казахов Турлубека Коченова, являясь его придворным певцом. Часто бывал в ауле Валиханова, был на встрече Чокана по возвращении его из Петербурга и пел перед ним, посвятив ему длинную импровизацию. Однако песни Орунбая мало интересовали Чокана, он критически относился к импровизации акына, считая, что его творчество пропитано духом мусульманского фанатизма.

[11] *Чодже* (правильно: Шоже) (1807—1895) — знаменитый акын-импровизатор, автор многочисленных поэм и айтысов, происходил из кокчетавских казахов рода атыгай. В поэзии Шоже получили отражение народные думы и чаяния, и потому Чокан относился к нему с большим уважением и ценил его поэтический талант. Лучшие варианты народной поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» были записаны в 60-х годах XIX в. из уст Шоже и один из них 5 марта 1864 г. в Омске, на квартире Ч. Валиханова. Затем эти записи попали к И. Н. Березину. Ныне хранятся в ЛОИВ АН КазССР (Ленинград), ф. 5, оп. 2 (267).

[12] *Сеит Баттал (Баттал-гази)* — герой турецкого феодального эпоса, пропитанного духом религиозного фанатизма и войны против немусульманских народов.

[13] *Эрдманн Франц* (Феодор Иванович, 1793—1863) — востоковед. С 1818 г.— профессор Казанского университета по кафедре арабского и персидского языков. С 1824 г. заведовал нумизматическим кабинетом, изучал историю народов Средней Азии и Монголии. Ему принадлежат многочисленные статьи на русском, немецком, французском и латинском языках по вопросам истории, филологии, нумизматики и языков восточных народов. (См.: *Н. П. Загоскин*. Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета 1804—1904 гг. Ч. 1. Казань, 1904, с. 240—242).

[14] *Потом Кузу-Корпеч была переведена кем-то в Оренбурге...* — Один из первых переводов поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» с башкирского на русский язык сделан Н. Беляевым и издан в 1812 г. в Казани под названием «Куз-Курпячь. Башкирская повесть, написанная на башкирском языке одним курайчием и переведенная на российский язык в долинах гор Рифейских».

[15] *В этом переводе четыре первых куплета принадлежат песеннику Джанаку...* — К сожалению, перевод «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», сделанный Валихановым со спева Джанака, еще не отыскан и, вероятно, хранится в одном из многочисленных архивов Г. Н. Потанина. Через Г. Н. Потанина этот перевод попал к Парафонтовой, которая просила своего племянника, поэта Г. Н. Тверитина, сделать русский поэтический перевод.

[16] *...песня по умершем муже жены, по сыну — матери...* —Речь идет о песнях-причитаниях, по-казахски — жоктау, образец которых записан Валихановым и публикуется в настоящем издании (с. 255.).

[17] *Ахун* — титул указанного муллы, узаконенный царским правительством по Уставу о сибирских киргизах. Этот термин нельзя смешивать с акыном, почетным названием народных певцов.

[18] *Хотя в настоящее время этих ахунов... в степи и много, но они более импровизаторы...* — Здесь Валиханов объясняет разницу между сказителем (жырши), поющим древние эпические поэмы, и певцом-импровизатором (акын), который сочиняет экспромтом свои произведения.

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 42—49. Автограф хранится в ААН (ф. 23, оп. 1, д. 8, лл. 40—41, 42—43 об.)

В этой записи Ч. Валиханов с тонким юмором раскрывает характер генерала Г. Х. Гасфорта — управляющего Казахстаном и Западной Сибирью в 1851—1861 гг., который «при всяком удобном случае старался блеснуть своей памятью и порисоваться универсальностью своих познаний» и при этом «сам, может быть, того не замечая, поддавался увлечениям, нередко переходящим в область фантазии» (см.: *И. Ф. Бабков*. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875, СПб., 1912).

Запись, датированная 27 февраля, имеет два варианта: первый на лл. 40—41, второй на лл. 42—43. Ее можно датировать 1856 годом.

По всей вероятности, автограф Ч. Валиханова написан под впечатлением бесед генерала Гасфорта на домашних вечерах, на которых постоянно бывал Ч. Валиханов. Гасфорт видел в нем не только своего адъютанта, но и талантливого молодого исследователя.

[1] В тексте *е. п.*—его превосходительство, в других случаях *е. в. п.*— его высокопревосходительство, т. е. генерал Г. Х. Гасфорт.

[2] *Канск* — в то время был небольшим уездным городом. Ныне город краевого подчинения в Красноярском крае РСФСР. Расположен на р. Кан, притоке Енисея.

[3] *Бердск* — основан в начале XVIII века как крепость, острог. В середине XIX в.— небольшой город. Ныне город областного подчинения в Новосибирской области РСФСР. Расположен на р. Оби, при впадении в нее р. Бердь.

[4] *Соломон* — царь объединенного Израильско-Иудейского государства (960—935 гг. до н. э.).

[5] *М. Г.* — мадам Гасфорт, жена Г. Х. Гасфорта.

[6] *Ариман* (др.-иран. *Angra.Manyu-) — в авестийской мифологии сын бога Зрвана, брат и противник Ахура Мазды, владыка тьмы, олицетворяющий злое начало в дуалистической концепции зороастризма.

[7] *Фата-моргана* — вид миража, причудливо искаженное изображение предметов, наблюдающееся при образовании многочисленных слоев воздуха различной плотности.

[8] *Кант Иммануил* (1724—1804) — основоположник немецкой идеалистической философии конца XVIII— нач. XIX в.

[9] *...братья Шлегель* — Шлегель Август Вильгельм (1767—1845) и Шлегель Фридрих (1772—1829).— немецкие писатели и критики, представители реакционного романтизма.

[10] *Гердер Иоганн Готфрид* (1744—1803) — немецкий мыслитель и теоретик литературы, представитель эпохи Просвещения XVIII века.

[11] *Эскулап* — латинское название древнегреческого бога врачебного искусства Асклепия. В данном контексте употреблено в ироническом смысле — врач, медик.

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ ЮЖНОСИБИРСКИХ ПЛЕМЕН

Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 380—391. Автограф хранится в ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, № 179, лл. 8—14. Работа написана приблизительно в 1856 г., когда Ч. Валиханов занимался изучением истории и этнографии народов Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири.

Впервые опубликована в ЗРГО ОЭ, т. XXIX. СПб., 1904.

[1] *Кастрен Матвей Александрович* (1813—1852) — финский языковед и этнограф. По поручению Российской Академии наук осуществил ряд экспедиций с целью исследования почти неизвестных языков народов севера Европейской России и Сибири. Им написаны грамматики финского, зырянского (коми), марийского языков и ряд работ по эстонскому и лопарскому языкам. М. А. Кастрен является также составителем словарей и грамматик пяти самодийских языков— остяцкого, тунгусского, бурятского, карагасского и др. Несколько исследований ученого было посвящено эпосу «Калевала»; ему же принадлежит перевод его на шведский язык. М. А. Кастрен считается основоположником сравнительного изучения урало-алтайских языков.

[2] *Османы* (по-турецки— османлы) — название всех турецких малоазиатских племен, покоренных преемниками султана Османа I (1268—1324), основателя Османской династии турецких султанов, от имени которого и происходит общее название этих племен.

[3] *Щукин Н.*— русский писатель, публицист, автор ряда повестей, рассказов и научных статей, посвященных Сибири («Ангарские пороги», «Посельщик», «Письмо из Иркутска», «Поездка в Якутск». СПб., 1844 и др.). В 60-х годах XIX в. Щукин примыкал к группе «сибирских сепаратистов», которую возглавляли Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев. Арестованный в 1865 г. вместе с другими членами этой группы, Щукин был посажен в Омский острог, затем сослан в Архангельскую губернию, где умер на каторге. Ч. Валиханов имеет в виду работу Щукина «О происхождении якутов и их самоназвании от племени качинцев, называющих себя саха» (ЖМВД, 1847, июль, с. 257).

[4] *Карагасские татары* (карагасы) — под этим именем были известны в дореволюционной литературе тофалары, небольшая тюркоязычная этнографическая группа, кочевавшая по таежным пространствам северного склона Восточных Саян, в верховьях рек Уда, Бирюса, Кан, Гутар и других правых притоков Енисея.

[5] *Огородников Евлампий Кириллович* (1816—1889) — русский этнограф, автор ряда трудов, содержащих ценные статистические и этнографические

сведения, касающиеся пореформенной России 60—70-годов XIX в. Ему принадлежат крупные статистико-этнографические работы: «Городские поселения в Российской империи» (1860—1865 гг.), «Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по «Книге Большого чертежа» (ЗРГО, СЭ, СПб., 1877, т. VII, с. 1—265). Е. К. Огородников является одним из авторов многотомного издания «Списки населенных мест Российской империи». Ряд трудов Е. К. Огородникова был посвящен языку и этнографии народов Сибири. Ч. Валиханов ссылается на статью Е. К. Огородникова «Замечания о якутском языке» (ОЗ. 1846, т. 47, кн. 8, с. 22—27).

6 *Чихачев Петр Александрович* (1808—1890) — русский географ, путешественник и геолог. Им составлена геологическая карта Апеннинского полуострова, предпринят ряд экспедиций по Малой Азии (1847—1863 гг), дано геологическое и географическое описание Северо-Западного Китая (1845 г.). П. А. Чихачеву принадлежит большая заслуга в исследовании Сибири и Казахстана, он составил географическое и геологическое описание Алтая, в том числе Кузнецкого угольного бассейна. Именем Чихачева назван горный хребет в юго-восточной части Алтая. П. А. Чихачев обследовал верховья Иртыша, дал описание Калбинского хребта. Много внимания русский путешественник уделял зарисовкам примечательных мест и исторических памятников Алтая и Верхнего Иртыша. Им зарисованы развалины тибето-монгольского буддийского храма Аблайкита на территории Алтая, дается описание жизни сибирских киргизов, ставится вопрос об их происхождении.

7 *Костров Николай Александрович* (1823—1882) — русский историк, этнограф Сибири. Получил юридическое образование в Московском университете. Основные труды Н. А. Кострова: «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии» (1876 г.), «Очерки юридического быта якутов» (1878), «Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири» (1879 г.), «Очерки быта минусинских татар» (Труды IV археологического съезда 1877 г. в Казани, т. I, 1884 г.), «Чулымские инородцы». Целый ряд других статей Н. А. Кострова по этнографии народов Сибири был опубликован в «Записках Сибирского отделения РГО», а также в журнале «Москвитянин» («Юраки», «Енисейские тунгусы»), в «Енисейских губернских ведомостях» и других изданиях.

8 *Шотт Вильгельм* (1802—1880) — немецкий востоковед, выдающийся исследователь языков народов севера Европы и Восточной Азии, от финских и самоедских до китайского и японского. Совместно с М. А. Кастреном В. Шотт является основателем сравнительного урало-алтайского языкознания. Наиболее известные его труды: «Altaische Studien» (1860—1872), «Über das altaische oder Finnisch-Watarische Sprachen-geschlecht» (1849), «Über die jakutische Sprache» (Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, Bd. III, S. 312—332), «Über die ächt Kirg» (1865).

9 *...его творительный более походит на родительный...* — В якутском языке нет родительного падежа и склоняемое Е. К. Огородниковым слово *«ого»* — мальчик — правильно дано для творительного падежа в форме *огонен,* хотя и с нарушением закона гармонии гласных (следует: *огонон).* Ч. Валиханов далее правильно указывает, что названный Е. К. Огородниковым родительный падеж фактически представляет собой винительный падеж якутского языка.

10 *Ким бар... ойдарана.* — Судя по переводу: «Кто есть на этой земле, кто, не учась может на всех языках говорить?— Эхо», якутский текст (в современном написании) должен быть следующим: «Ким баарый бу сигрэ (или алыыга) уэрэгэ суох бары тылынан кэпсэтэр?— Ой дуораана».

11 *Кундуровские (кундровские) татары* — астраханские ногайцы, жившие к востоку от низовьев Волги в ее дельтовой части.

12 *Георги Иоганн Готлиб* (1729—1802)—известный европейский этнограф, натуралист и путешественник. С 1783 г. действительный член Петербургской Академии наук. В составе Оренбургского отряда академической экспедиции 1768—1774 гг. посетил юго-восток России, Поволжье, Урал, Северный Казахстан, Алтай, Байкал, Забайкалье. И. Г. Георги является

автором первого обобщающего историко-этнографического исследования о народах России («Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей». СПб., 1776), в котором казахам уделено значительное место. Этот труд до сих пор не потерял своего значения в качестве ценного историко-этнографического источника. (См.: РБС, т. Гааг — Гербель, СПб., 1914; *С. А. Токарев.* История русской этнографии. М., 1966, с. 103—110; *Э. А. Масанов.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966, с. 65—75).

[13] *Торгоуты* — одно из крупных монголоязычных племен, входивших в состав западных монголов (ойратов) и калмыков. В прошлом обитали в северо-западной части Монголии и в Джунгарии. В настоящее время торгоуты населяют западные районы Монгольской Народной Республики (Кобдосский округ), часть их живет в низовьях Волги и составляет основное население Калмыцкой автономной области.

[14] *...я намерен говорить о нем более подробно...* — Намерение посвятить отдельную работу вопросам о взаимоотношениях ногайцев с казахами и каракалпаками выполнено Ч. Валихановым частично (см.: «Киргизское родословие» в настоящем издании).

[15] *Аттила* (ум. в 453 г.) — вождь племени гуннов. При нем западногуннский племенной союз достиг наивысшего могущества. Совершив ряд опустошительных походов на территорию Восточной Римской империи и Ирана, Аттила двинулся на запад и разорил ряд городов Северной Галлии. После поражения, понесенного полчищами Аттилы в битве на Каталаунских полях от объединенных сил римлян, франков, вестготов и бургундцев, они были вытеснены из Галлии. После смерти Аттилы военный союз гуннских племен распался.

[16] *Гомер* — легендарный древнегреческий поэт, жил между XII и VIII вв. до н. э. Ему приписывается создание великих эпических поэм «Илиады» и «Одиссеи».

[17] *Геродот* (ок. 484—425 гг. до н. э.) — древнегреческий историк, прозванный «отцом истории». Труд Геродота «История» ценен тем, что наряду с историей греков и персов автор дает широкое описание многих народов, с которыми греки соприкасались. В частности, Геродот сообщает важные сведения о народах южнорусских степей, а также Средней Азии и Казахстана. Труд Геродота до сих пор остается ценным источником для изучения древней истории многих народов. (См.: *Геродот.* История. Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972; *С. Я. Лурье.* Геродот, М.—Л., 1947; *А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, И. А. Шишова.* Народы нашей страны в истории Геродота. М., 1982).

[18] *Кочующие татары* — имеются в виду астраханские ногайцы — карагаши, а также казахи приволжских степей.

[19] *Мевлеви* — орден турецких дервишей, прозванных европейцами вертящимися или танцующими. Название ордена происходит от слова *мавлана*, что означает «наш господин». Так называли когда-то Джалал ад-дина ар-Руми (1207—1273), одного из основателей этого ордена. Орден мевлеви был основан в XIII в. и просуществовал до 1925 г., когда декретом от 4 сентября 1925 г. все религиозные секты в Турции были упразднены.

ДНЕВНИК ПОЕЗДКИ НА ИССЫК-КУЛЬ

Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 228—288. Автограф хранится в ААН, ф. 23, оп. 1, № 2, лл. 1—22. Автограф написан чернилами с поправками и дополнениями рукой Ч. Валиханова; в тексте имеются рисунки автора, сделанные пером. Датируется апрелем-июлем 1856 г. Впервые опубликовано в кн.: *Ч. Валиханов.* Избранные произведения (Алма-Ата, 1959).

[1] *Аягуз* — город, через который в прошлом шла оживленная караванная торговля с Чугучаком, Кульджой и другими городами Восточного Туркестана. Расположен в долине одноименной реки, впадающей в оз. Балхаш. Основан в 1831 г. Переименован в Сергиополь в 1860 г. После Октябрьской революции первоначальное название было восстановлено. Ныне Аягуз — районный центр Семипалатинской области.

В рукописи оставлено место в скобках для перечисления названий пикетов от Семипалатинска до Аягуза. Автор говорит, что их было шесть, имея в виду следующие: Улутуз, Аркалык, Аркат, Узунбулак, Енгрекей, Алтынколат. Однако П. П. Семенов-Тян-Шанский, проезжавший по этому тракту несколько позднее Валиханова, добавляет к этим пикетам еще четыре: Ащикуль, Джарташ, Кзылмола и Альджан-Адыр. Таким образом, по Семенову-Тян-Шанскому, их было десять, из которых пять — между Семипалатинском и Аркатом, и пять — в степи от Арката до Аягуза. Эти пикеты и показаны на всех дореволюционных картах (см.: «Россия», т. XVIII. Киргизский край. СПб., 1903). Очевидно, Ч. Валиханов говорит только о наиболее значительных пикетах.

[2] *Основан он в 1824 г.* Ошибка. Аягузский округ был открыт в 1831 году (см.: *Н. И. Красовский*. Область Сибирских киргизов, т. I, СПб., 1868, с. 103—105).

[3] *Чалаказаки* — см. коммент. 4 к ст. «О хлебопашестве», коммент. 5 к ст. «О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще».

[4] *...после трехдневной езды по солонцам...*—против этих строк на полях рукой Валиханова вписано: «к операции I» и поставлен знак NB. Очевидно, автор имел намерение расширить абзац дополнительными данными, что, однако, им сделано не было.

[5] *...могила Козу-Корпеча* — имеется в виду надгробный памятник Козы-Корпеш и Баян-Сулу, который находится на правом возвышенном берегу р. Аягуз, против железнодорожной станции Тансык. Памятник построен из сланцевых плит на глиняном растворе. Внешний вид сооружения представляет композицию, квадратную в плане, увенчанную высоким коническим куполом. Общая высота сооружения —14 м. Переход от квадрата к конусу совершен напуском или ступенчатой кладкой—характерный прием в виде ложного свода, существовавший в строительном искусстве древнего Казахстана доисламского периода (V—X вв.).

Ч. Валиханов, придавая большое значение этому редкому памятнику древней архитектуры, имел сильное желание запечатлеть его на бумаге. Однако непогода и разлив р. Аягуз помешали ему осуществить это намерение. Не имея средств для того, чтобы перебраться на правый берег Аягуза, он проехал дальше, отложив близкий осмотр памятника до следующего раза.*[1]

Судя по всему, Ч. Валиханов вернулся к памятнику осенью того же 1856 года, после завершения своей поездки на Иссык-Куль и в Кульджу. Об этом говорит его зарисовка каменных изваяний, сделанная в 1856 г.

Памятник Козы-Корпеш и Баян-Сулу описан сотрудниками академических экспедиций 1768—1774 гг. Х. Барданесом и академиком И. П. Фальком, генерал-майором С. Б. Броневским, академиком А. И. Шренком, П. П. Семеновым-Тян-Шанским, Г. Н. Потаниным. Специальные статьи этому памятнику посвятили ученые: академик В. В. Радлов, Н. Абрамов, Е. Баранов, Н. Н. Пантусов, Бройдо и др. Особенно ценна запись С. Б. Броневского, воспроизводящая древнее историческое предание казахского народа о памятнике Козы-Корпеш и Баян-Сулу.

С. Б. Броневский приводит подробную легенду о любви Козы-Корпеш и Баян-Сулу, о возведении в их память надгробия и каменных статуй и говорит, что об этих памятниках существуют песни, сложенные казахскими акынами, которые поются под аккомпанемент кобыза. (См.: *С. Б. Бро-*

---

*[1] В дневнике от 1856 г. Ч. Валиханов записал: «Снять и осмотреть могилу Козу-Корпеч». (ААН, ф. 23, оп. 1, д. 13, л. 31).

невский. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды — ОЗ, СПб., 1830, ч. 43, с. 252—256).

Однако в записках С. Б. Броневского закралась одна неточность. У гробницы стояли не две женские статуи, как свидетельствует автор, а три, из которых одна, по народной легенде, изображала Баян-Сулу, другая — ее сестру Айгыз, третья — ее тетку, женге (по Броневскому, няньку). Мужская статуя, по казахской народной легенде, изображала самого Козы-Корпеша. Так они описаны во всех вариантах поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», в частности, в ее лучшей версии, изданной И. Н. Березиным («Турецкая хрестоматия», ч. III, с. 162).

Каменные изваяния стояли у гробницы (ее восточной наружной стены) еще во время Ч. Валиханова, который успел их зарисовать в указанной группе. Но мужское изваяние он зарисовал уже без головы (см. его зарисовку в настоящем издании).

В 50-х годах XIX в. А. С. Уваров хотел перевести их в Московский исторический музей, но не нашел поддержки со стороны властей в перевозке изваяний в Москву. Зато царское правительство охотно помогло увезти часть изваяний в Германию. (См.: *И. А. Кастанье*. Древности Киргизской степи и Оренбургского края.— Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1910, вып. 22, с. 253).

По поручению Г. Н. Потанина памятник последний раз был обследован А. Н. Белослюдовым во время его экспедиции в районе оз. Балхаш (1917 г.). Белослюдов пишет: «У памятника Козу-Корпеч был два раза. Каменных баб уже нет... две бабы от памятника увезены в Германию» (Письмо № 36 А. Н. Белослюдова к Г. Н. Потанину. 9 января 1918 г. НБТГУ, Архив Г. Н. Потанина).

Из этого видно, какое огромное значение придавали ученые монументу Козы-Корпеш и Баян-Сулу, считая его одним из редких архитектурных памятников, созданных древнеказахскими племенами.

Поскольку указанная серия памятников отражает историю Казахстана доисламского периода, то неверна датировка В. В. Радлова, приурочившего памятник Козы-Корпеш к XVII в. (См.: «Записки путешествия академика Фалька». ПСУП, т. VII, СПб., 1825, с. 58; *Н. Абрамов*. Каменная пирамида Кузу-Курпеча и Баян-Сулу в Киргизской степи. ЗВОРАО, 1858, ч. 1, вып. 2, с. 58—60; *Е. Баранов*. Кузу-Курпеч и Баян-Сулу (киргизское народное предание). «Нива», 1899, литер. приложение, кн. 2, с. 307—347; *Н. Н. Пантусов*. Киргизское народное предание о могиле Козу-Корпеч и Баян-Сулу, КСГ, 1899, № 9—10; *его же*. Древности Средней Азии. Памятник Козу-Курпеч и Баян-Сулу. Казань, 1902; *И. А. Кастанье*. Древности Киргизской степи и Оренбургского края.— Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1910, вып. 22, с. 252—253, 274—292).

[6] *...памятника, [оставшегося] от номадов — могил...*— Имеются в виду курганы древних скотоводов и надгробные сооружения более позднего времени, отсутствующие в песчаной пустыне Арганаты, но встречающиеся в огромной массе в речных долинах Семиречья и предгорьях Джунгарского Алатау.

[7] *Асу* — перевал. В своих статьях Ч. Валиханов вместо термина *перевал*, который в то время еще не утвердился в географической литературе, употреблял применявшееся в то время слово *проход;* в данной же работе он часто употребляет казахский термин *асу* — более точный по значению, чем *проход*. В последующих работах, в частности, по Кашгарии, Валиханов, наряду со словом *проход*, иногда употребляет и слово *перевал*.

[8] *Кипец* (типец, типчак, по-казахски: *бетеге)*— лучшее пастбищное растение, распространенное на большей части территории Казахстана.

[9] *Бауагач* — бау-агач (букв. садовый лес, сад) — название местности в долине р. Чилик.

[10] *...более обширного кургана*. Курган — в современной литературе — погребальный холм, оставленный древними племенами. У Ч. Валиханова речь идет о городище или развалинах древних укреплений, встреченных автором в долинах рек Чилик и Чарын (см.: *А. Н. Бернштам*. Памятники

старины Алма-Атинской области. «Известия АН КазССР», серия археологическая, вып. I, 1948, с. 81, карта). Термин «курган» в тюркских языках означает крепостное сооружение, оборонительную стену или укрепление (Чулак-Курган, Яны-Курган и т. д.). Ч. Валиханов употреблял этот термин в историческом его значении.

[11] *Сугульты* — название гор, написание которых в рукописи встречается в нескольких вариантах: *Согульты, Сугульты, Суготы, Соготы* (наиболее правильная форма по-казахски: Сөгеті). По-видимому, оно происходит от слова согет (сөгет, сөгөт) — верба. Происхождение названия Согеты от слова соғу (соқмақ), как это предполагает Валиханов, невозможно исходя из грамматики тюркских языков.

[12] *Бартугай* — урочище, расширенная часть долины р. Чилик в западном конце возвышенной Согетинской долины, между прорезаемыми рекою поперек горами Торайгыр и Сериктас. Дно долины здесь покрыто сплошными зарослями кустарников с редким лесом. Чилик по выходе из гор Торайгыр, где он протекает в узкой теснине, делает поворот на восток, затем на север и, подходя к Согетинским горам, поворачивает на запад и уходит в теснину.

[13] *Сарытогай* — расширенный отрезок долины реки Чарын в пределах Жаланашской долины. Протяженность урочища более 20 км, ширина 2—2,5 км. Урочище интересно сохранившимся здесь с третичного периода ясеневым лесом, занимающим дно долины почти сплошной полосой. Кроме ясеневого леса, имеются заросли кустарника, чия; ближе к склонам — полупустынная растительность. В северной части, на засоленных почвах, редкий саксаул.

[14] *Актогай* — расширенный участок долины р. Чарын, протяженностью около 16 км, расположенный выше Сарытогая. Ширина урочища 0,5—1 км. Растительность — кустарники (джида, тальник), тополь, чий; имеются луга и пашни.

[15] *По выходе из гор перед нами открылась... и на хребет Торайгыр.*— Определение сторон света и географических направлений, данных в этом отрывке Ч. Валихановым, является недоразумением, возникшим на основании рисунка, сопровождающего этот абзац. Зарисовка дана в перспективе по движению, т. е. с севера на юг, причем юг (S) оказался в перспективе, т. е. наверху, а север (N) — внизу. Получилась карта с расположением стран света, обратным общепринятому в науке. Однако, комментируя рисунок, Ч. Валиханов дал в тексте привычные для него научные обозначения, что привело к ряду описок. Данный отрывок следует читать: «открылась долина, возвышенная к юго-западу к горам Куулук. Долина эта ограничивалась на юго-востоке горами Куулук, на юге проходит Мерке, (далее) на юге — горы Алатау, на юго-западе — ущелья Чилик и Джиничке, на западе — хребет Торайгыр».

[16] *Каракуйрук* — то же, что джейран.

[17] *Черганак* (облепиха — Hippophae rhamnoides) — кустарник из семейства лоховых со съедобными плодами; широко распространен по нижнему поясу гор в южной части Казахстана и в Сибири. Свое русское название получил от многочисленных золотисто-желтых, чаще продолговатых плодов, которые как бы облепляют ветки.

[18] *...продолжение подошвы столового перешейка.*— Имеются в виду столовые горы — горы с пологими платообразными вершинами и крутыми обрывистыми склонами.

[19] *Каугирасы* (кангирасы) — древнее племя, жившее в Семиречье. Оно дало свое имя названию города Кангарыс (по китайским источникам — Хынлос).

[20] *Ламайский хит* — монастырь тибето-монгольских буддистов.

[21] *Санташ* (Сынташ) — название перевала в восточной оконечности хребта Кунгей Алатау; здесь с южной стороны, к седловине вплотную подходит один из северо-восточных отрогов хребта Терскей Алатау.

[22] *Джигара* (правильно: джугара) — автором определяется как сахарный тростник. Джугарой казахи и киргизы называют кукурузу, а также сорго (на юге).

[23] *Речка эта имеет направление с юго-запада на северо-восток.*—Направление течения реки Ирсу верно только относительно ее среднего течения.

[24] *Отрар* — один из древнейших торговых и ремесленных центров в бассейне нижней Сырдарьи. Широкую известность приобрел в связи с завоевательными походами Чингисхана. События 1218—1219 гг., связанные с героической обороной города и истреблением его жителей, получили в истории название «Отрарская катастрофа». Тем не менее, как важный узел, расположенный на перекрестке караванных путей, Отрар быстро оправился и вступил в полосу экономического подъема. В XIII—XV вв. он оставался важным экономическим и военно-политическим центром в регионе. Однако неоднократная осада города, междоусобные войны и грабежи подорвали экономику Отрара. К концу XVIII в. жизнь здесь прекратилась и на месте города остались лишь развалины, известные под именем Отрар-тобе. Городище находится неподалеку от впадения р. Арыси в Сырдарью, в 15 км западнее железнодорожной станции Тимур. С начала 70-х гг. в Отрарском оазисе ведутся раскопки Южно-Казахстанской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР. Результаты комплексного исследования материалов раскопок городища Отрар-тобе отражены в фундаментальных научных трудах (см.: *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; *они же.* Позднесредневековый Отрар. (XVI—XVIII вв.). Алма-Ата, 1981; *К. А. Пищулина.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV— начале XVI в. (Вопросы политической и социально-экономической истории. Алма-Ата, 1977).

[25] *Зайсан* (зайсанг, жайсанг, яйсанг) — наследственный представитель феодальной знати у калмыков и у казахов (каска-кайсан).

[26] *Едигей,* точнее Едыге (1352—1419) — основатель Ногайской (Мангытской) Орды. (См. коммент. 8 к ст. «Письмо профессору И. Н. Березину»).

[27] *Джанбек* — правильно Джанибек (даты жизни неизвестны) — один из основателей Казахского ханства, образованного в середине 60-х годов XV века в долинах рр. Чу и Таласа, на западной окраине Могулистана. Султаны джучиды Джанибек и его родственник Гирей потерпели поражение в борьбе за ханскую власть от Абулхаир-хана — правителя кочевого государства. Восточного Дашт-и Кыпчака. Объединив зависимые от них племенные группы кочевого и полукочевого населения, они откочевали на рубеже 50—60 гг. XV в. в пределы Семиречья. Хан Могулистана Есенбуга встретил Джанибека и Гирея радушно и отвел им пастбищные угодья в долинах рр. Чу и Таласа, куда и стекались в последующие годы притесняемые Абулхаир-ханом казахи. В середине 60-х годов XV в. Джанибек и Гирей основали Казахское ханство, объединив также в его состав казахов Семиречья. Имя Джанибека в исторических источниках прослеживается лишь до 1473 г., а в последующих источниках фигурирует имя только Гирей-хана. Видимо, Джанибек-хан погиб в одной из междоусобных стычек в 70-х годах XV в. В исторических источниках он известен и под именем Абу Саида, а в народных легендах и сказаниях как «Әз-Жәнібек» — уважаемый, любимый, справедливый и т. д. (см.: КСЭ, 4-т. Алматы, 1974, 350 б. и др.: *К. А. Пищулина.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV— начале XVI в. (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата. 1977; *Т. И. Султанов.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982).

[28] *Асан-Кайге,* точнее Асан-Кайгы (даты жизни неизвестны) — поэт, философ, герой различных легенд и сказаний. Жил в XV в. во время распада Золотой Орды, сначала в Сарае, а затем в Казани, был одним из влиятельных биев при различных ханах. В преклонном возрасте вернулся в пределы Восточного Дашт-и Кыпчака. Опечаленный судьбой своего народа, его бедностью, решил отыскать обетованную землю (жер уйык),

где «жаворонки мирно вьют гнезда на спине овец», где народ не будет знать нищеты и лишений. Он уговаривал казахских ханов Джанибека и Гирея объединить казахские земли Семиречья и Восточного Дашт-и Кыпчака, призывал свой народ к дружбе и согласию. На быстроногой верблюдице (жел мая) он объехал все казахские степи, горы и леса, но обетованной земли не нашел и умер, не осуществив своей мечты. (См.: История Казахской ССР, т. 2. Алма-Ата. 1979, с. 370; КСЭ, 1-т., Алматы, 1972, 501 б. и др.; *К. А. Пищулина.* Указ. работа).

[29] *Девятка* — подарок или награда, состоящая из девяти ценных предметов. Число 9, по древним народным верованиям, считалось священным у многих народов и символизировало полноту возмездия или дара.

[30] *Кашен* (кешен, кесене) — надгробное сооружение, построенное из обожженного кирпича. Термин этот встречается в языке древних кыпчаков, ногайцев и казахов.

[31] *...развалины, лежащие в юго-восточной полосе степи...* — Имеются в виду погребальные сооружения древних скотоводов, большими комплексами встречающиеся в предгорьях Заилийского и Джунгарского Алатау и в горах Тарбагатая.

[32] *Плач* — оплакивание покойника его родными с причитаниями. Обычно произносится женщинами и нередко профессиональными плакальщицами, которые экспромтом сочиняют хвалебные песни в адрес покойника, воспевают его достоинства и доблести.

[33] *Внутри аула... были привязаны жеребята...* — В обычное время так не бывает. Если автор наблюдал подобную картину, то это, видимо, связано с тем, что аул Бурамбая в дни пребывания там Валиханова находился в окружении врага. В мирной обстановке привязи для жеребят располагаются непременно вдали от аула.

[34] *...выпивши сам, поднес одну чашку ко мне...* — Обычай выпивать напиток раньше гостей был одной из церемоний, соблюдаемых феодальными ханами во время торжественных приемов. Этим подчеркивалось уважение хозяина к гостям и свидетельствовалось отсутствие у него злого умысла по отношению к ним (что к напитку не примешан яд).

[35] *Не определено до сих [пор], что означали эти бабы и кем они поставлены.* — Современная Валиханову наука еще не объясняла значение многих историко-археологических памятников, в том числе и каменных изваяний, сплошь и рядом встречающихся в Монголии, Южной Сибири, Казахстане и в южнорусских степях, которым тогда было присвоено неточное название «каменные бабы». Научное объяснение значения каменных изваяний стало возможным после открытия и расшифровки в 90-х годах XIX в. орхонских надписей на древнетюркском языке. В них четко зафиксированы цель и назначение каменных изваяний: они были возведены древнетюркскими народами в память умерших их каганов, воинов и членов их семей. Поэтому группы каменных изваяний в науке сейчас называются тюркскими. Время сооружения тюркских изваяний VI—IX вв. Они распространены на обширном степном пространстве, начиная от Северной Монголии до Кустанайской области. Большими группами они встречаются на Алтае, в Семиречье и Центральном Казахстане.

Характерную особенность тюркских каменных изваяний составляет то, что они, как правило, стоят около поминальных оградок, сооруженных из плоских каменных плит, поставленных на ребро. От оградок на восток тянутся вереницы врытых в землю каменных столбиков, которые в орхонских надписях называются балбалами.

В VIII—XIII вв. историческую традицию возведения каменных изваяний продолжили кыпчаки-половцы, огузы, карлуки и др. Каменные изваяния этого периода уже испытывают влияние ислама и отличаются от древнетюркских рядом особенностей. Они установлены не у оградок, а у погребальных холмов (курганов), и от них не тянется вереница камней.

В описании и зарисовках Валиханова отражены в основном каменные изваяния тюркского времени. Это вполне понятно, если иметь в виду,

что в VI—VIII вв. Семиречье, и в частности местность близ Иссык-Куля, были центральными районами Западнотюркского каганата. (См.: *В. В. Радлов.* Атлас древностей Монголии, вып. I—III. СПб., 1892—1896; *V. Thomsen.* Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Iénissei. Notice préliminaire.—«Bulletin de l'Académie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark» pour l'année 1893. Copenhague, 1894; *В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский.* Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме.— СТОЭ, вып. IV, СПб., 1897; *П. М. Мелиоранский.* Памятник в честь Кюль-Тегина.— ЗВОРАО, т. XII, 1899; *С. Е. Малов.* Памятники древнетюркской письменности. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951; *Л. А. Евтюхова.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА, № 24, М., 1952; *Я. А. Шер.* Каменные изваяния Семиречья. М., 1966).

36 *...могилы или насыпи 4 родов...*— Из четырех типов археологических памятников, описанных Ч. Валихановым, первый составляют остатки городских поселений древнего Семиречья, выступающие на поверхности земли в виде обширных холмов; второй — каменные оградки разных эпох; третий — курганы древних скотоводов в виде земляных и каменных насыпей; четвертый комплекс — это каменные ограды с изваяниями тюркского времени.

37 *Бюффон Жорж Луи Леклерк* (1707—1788) — выдающийся французский естествоиспытатель, известный своими трудами по описательному естествознанию.

38 *Илияты* (илиаты, от слова *илет, елет* — племя, народ).— В прошлом кочевые племена, управляемые из городского центра.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив Академии наук СССР
Архив МИД	— Архив Министерства иностранных дел
ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВРГО	— Вестник русского географического общества
ВУА	— Военно-ученый архив
ГАОО	— Государственный архив Омской области
ГПБ	— Государственная публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина (рукописный отдел)
ЕТГМ	— Ежегодник Тобольского губернского музея
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел
ЖС	— Живая старина
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗКВ	— Записки коллегии востоковедов при Институте востоковедения АН СССР
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРГО	— Записки Русского географического общества
ЗРГООЭ	— Записки Русского географического общества по отделению этнографии
ИОАИЭКУ	— Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИРАО	— Известия Русского археологического общества
ИРГО	— Известия Русского географического общества
ИРЛИ	— Институт Русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград)

ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
КСГ	— Киргизская степная газета
КСЭ	— Казахская советская энциклопедия
ЛОИВ АН СССР	— Ленинградское отделение Института востоковедения — АН СССР, Рукописный фонд
ЛОИНА	— Ленинградское отделение института народов Азии
МСМА	— Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб
НБКУ	— Научная библиотека Казанского университета
НБЛГУ	— Научная библиотека Ленинградского государственного университета
НБТГУ	— Научная библиотека Томского государственного университета
ОЗ	— Отечественные записки
ПСУП	— Полное собрание ученых путешествий по России
РБС	— Русский биографический словарь
РОБАН СССР	— Рукописный отдел библиотеки Академии наук СССР
РОБАН КазССР	— Рукописный отдел библиотеки Академии наук Казах- — ской ССР
РОГПБ	— Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
РОЛОИИ	— Рукописный отдел Ленинградского отделения Института истории СССР
СА	— Средняя Азия (альманах)
СВР	— Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР
ССВ	— Собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова в пяти томах. — Алма-Ата, 1961—1978.
СТВИ	— Сборник Туркестанского восточного института (Таш- — кент)
СТОЭ	— Сборник трудов Орхонской экспедиции
ТВОРАО	— Труды Восточного отделения Русского археологического общества
ТИИАЭ	— Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР
УЗАН	— Ученые записки Академии наук
ЦГАВМФ	— Центральный Государственный архив Военно-морского флота (Ленинград)
ЦГАДА	— Центральный Государственный архив древних актов (Москва)
ЦГА КазССР	— Центральный Государственный архив Казахской ССР
ЦГАЛИ	— Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва)
ЦГА УзССР	— Центральный Государственный архив Узбекской ССР
ЦГВИА	— Центральный Государственный военно-исторический архив
ЦГИАЛ	— Центральный Государственный исторический архив (Ленинград)
ЧИОИДР	— Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете
ЭО	— Этнографическое обозрение
ЭС	— Энциклопедический словарь, русскими учеными и литераторами составленный

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЭТНИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова

Воспоминания о Ч. Ч. Валиханове

Труды Ч. Ч. Валиханова

Комментарии

Указатели

Ответственный за выпуск
старший научный редактор
А. Г. Поздеев.
Научный редактор *С. У. Лилизо.*
Художественный редактор *М. М. Кисамидинов.*
Технический редактор *Г. Ж. Жаманбаева.*
Корректор *К. Касенова.*

ИБ 16

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА В ПЯТИ ТОМАХ, ТОМ 1.
(На русском языке).

Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984.
480009, г. Алма-Ата, ул. Советская, 50.
Сдано в набор 17.08.84. Подписано к печати 19.11.84. Высокая печать. Гарнитура обыкновенная новая. Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 27+1 вклеек. Уч.-изд. л. 28,505. Тираж 15 000 экз. Цена 1 р. 80 к. (в суперобложке). Заказ 2376.

Алма-Атинский полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.